

ISSN 2307—4558

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

М О В А

**НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНИЙ ЧАСОПИС
З МОВОЗНАВСТВА**

№ 20

**Присвячено 120-річчю від дня народження
Володимира Володимировича Маяковського**

2013

Одеса
«Астропринт»
2014

*Засновник: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова.
Часопис засновано в 1993 році.*

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Евгеній Миколайович СТЕПАНОВ
Евгений Николаевич Степанов
Yevgeniy N. Stepanov

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Луїза Олександрівна ПЕТРОВА
Луиза Александровна Петрова
Luiza A. Petrova

Ірина Михайлівна КОЛЕГАЄВА
Ирина Михайловна Колегаева
Iryna M. Kolehajeva

Відповідальний секретар
Ответственный секретарь
Secretary

Тетяна Федорівна ШУМАРИНА
Татьяна Фёдоровна Шумарина
Tetiana F. Shumarina

Редакційна колегія:

В. І. Аннушкін (Росія), А. Валіпур (Іран), М. Д. Голєв (Росія), Л. М. Голубенко (Україна), В. В. Горбань (Україна), Г. Н. Гочєв (Болгарія), Л. М. Гукова (Україна), Д. Дзєвановська (Польща), А. К. Каїржанов (Казахстан), Т. Ю. Ковалєвська (Україна), В. О. Колєсник (Україна), Н. В. Кондратєнко (Україна), І. П. Лисакова (Росія), Мєн Ся (Китай), Н. Б. Мєчковська (Білорусь), І. Б. Морозова (Україна), М. Парзулова (Болгарія), С. В. Плотницька (Україна), С. Севіль (Франція), Л. Ф. Фомина (Україна), Г. Хєнчєль (Німєччина)

Редакционная колегия:

В. И. Аннушкин (Россия), А. Валипур (Иран), Н. Д. Голєв (Россия), Л. Н. Голубенко (Украина), В. В. Горбань (Украина), Г. Н. Гочєв (Болгария), Л. Н. Гукова (Украина), Д. Дзєвановська (Польша), А. К. Каїржанов (Казахстан), Т. Ю. Ковалєвська (Украина), В. А. Колєсник (Украина), Н. В. Кондратєнко (Украина), И. П. Лысакова (Россия), Мєн Ся (Китай), Н. Б. Мєчковская (Белоруссия), И. Б. Морозова (Украина), М. Парзулова (Болгария), С. В. Плотницкая (Украина), С. Севиль (Франция), Л. Ф. Фомина (Украина), Г. Хєнчєль (Германия)

The editorial team:

Vladimir Annushkin (Russia), Alireza Valipur (Iran), Nikolay Golev (Russia), Lidiya Golubenko (Ukraine), Victoriya Gorban' (Ukraine), Gocho Gochev (Bulgaria), Lina Gukova (Ukraine), Dorota Dziewanowska (Poland), Abay Kairzhanov (Kazakhstan), Tetiana Kovalevska (Ukraine), Valentyna Kolesnyk (Ukraine), Natalya Kondratenko (Ukraine), Irina Lysakova (Russia), Meng Xia (China), Nina Mechkovskaya (Belorussia), Iryna Morozova (Ukraine), Mariana Parzulova (Bulgaria), Svitlana Plotnytska (Ukraine), Svetlana Seville (France), Lyudmyla Fomina (Ukraine), Gerd Hentschel (Germany)

Видано за фінансової підтримки Фонду «Русский мир» за Договором гранту № 1064Гр/П-083-13 від 23 липня 2013 року.

У збірнику представлені дослідження актуальних теоретичних і прикладних проблем лінгвістики на матеріалі різних мов: української, російської, болгарської, англійської, німецької, кримськотатарської, турецької, китайської та ін. Адресовано широкому колу філологів: науковцям, вчителям, методистам, студентам.

Володимир Володимирович Маяковський
Владимир Владимирович Маяковский
Vladimir V. Mayakovskiy

1893—1930

ЗМІСТ

ЛІНГВІСТИЧНІ АСПЕКТИ ТВОРЧОСТІ В. В. МАЯКОВСЬКОГО

<i>Мечковская Н. В.</i> Маяковский и Хлебников: различия языковых программ и практик в русском авангарде.....	9
<i>Туранина Н. А.</i> Образная модель мира в поэтическом дискурсе В. Маяковского (на материале авторских словарей тропов).....	16
<i>Гридина Т. А.</i> Аспекты изучения игрового идиостиля: поэтический креатив В. В. Маяковского.....	20
<i>Кортая Т. В.</i> Метафора в поэтическом дискурсе В. В. Маяковского.....	25
<i>Лапто М. А.</i> Самоидентификация в поэтическом и прозаическом дискурсах В. Маяковского: лингвистический аспект.....	29
<i>Немировская А. Ф.</i> Онимная лексическая парадигма в поэме В. Маяковского «Облако в штанах».....	34
<i>Филиппова О. В., Кустов В. В.</i> Языковая личность манипулятора и лексико-семантические средства в тактиках манипулирования (на примере речевого поведения персонажей пьес В. В. Маяковского).....	38
<i>Шевчук Л. В.</i> Приёмы речевого воздействия в рекламных текстах В. Маяковского.....	43

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОГО МОВознавства, соціолінгвістики й історії мовознавчих досліджень

<i>Сумарокова Л. Н.</i> О категориальном базисе естественных языков.....	46
<i>Будняк Д. В.</i> Развитие литературных языков в свете исторической эволюции и варьирование слова в системе языка.....	51
<i>Степанов Е. Н.</i> Развитие научных идей И. В. Ягича в одесской историко-филологической школе.....	56
<i>Петров А. В.</i> Развитие идей профессора Т. А. Тулиной о системе средств выражения сравнительных отношений в русском языке.....	62
<i>Шумарина Т. Ф., Сауляк Е. С.</i> Вербальные стереотипы героинных групп: гендерный аспект.....	67
<i>Вигунова Н. А.</i> Социальный статус участников положительно-оценочных речевых актов (на материале англоязычного художественного дискурса).....	70
<i>Чеснокова М. В.</i> Темпоральные особенности американской речи в различных возрастных группах.....	75

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА МЕДІАЛІНГВІСТИКИ

<i>Иссерс О. С.</i> Разговор о гражданском обществе: дискурсивные практики в СМИ и блогосфере.....	80
<i>Глотова Т. А., Глотова Е. Ю.</i> Слово пастыря (проповедь) как воплощение русского риторического идеала: речевое взаимодействие субъектов в рамках коммуникации.....	85
<i>Румянцева Е. В.</i> Рече-поведенческая тактика <i>просьба</i> в русском и американском общении.....	89
<i>Грабовенко И. С.</i> Воздействующий потенциал и способы экспликации категории оценки в медиадискурсе.....	92
<i>Пачев О. Н.</i> Эмотивные речевые средства футбольного телекомментария.....	97
<i>Павлова Е. В.</i> Классификация речевых жанров в сфере менеджмента персонала.....	101
<i>Куллиш И. А., Ли Чжэни.</i> Прецедентные тексты афоризмов в современной прессе России и Китая.....	105
<i>Гусева А. С.</i> Проблемы межкультурной коммуникации у виртуальных щоденниках (лингвистичний аспект).....	109
<i>Громова М. И.</i> Интернет-мемы одесских форумов.....	113

ПИТАННЯ КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ, КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

<i>Иванова Л. П.</i> Рецепция поэта: лингвоимагологический аспект.....	117
<i>Ситникова Е. В.</i> Вариативность ассоциативных связей языковых маркеров национально-культурного сознания лингвокультурного типа.....	122
<i>Каиржанов А. К.</i> Концепт «божественный сад» в творчестве Г. С. Сковороды.....	127
<i>Денисова Я. И.</i> Оязыковление концепта «дом» в прозе Людмилы Шарга.....	130
<i>Антоненко Н. П.</i> Состав ситуаций сакральной истории личности в русских волшебных сказках.....	134

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

<i>Гончар Н. М.</i> Лексика весільного обряду у болгарських говірках українського Подунав'я.....	139
<i>Ігнатенко Д. А.</i> Динамічні процеси в українських говірках півночі Молдови: лексика житлового комплексу.....	144

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ ТА ПРАГМАТИКИ

<i>Валеева Л. В.</i> Лингвопрагматические основания семантики мифемы в прогностическом тексте.....	149
<i>Рустемов О. Д.</i> Проблема генезиса и классификации тюркизмов в русском языке.....	154
<i>Попов С. Л.</i> Возможности дифференциации атрибутивных образований с <i>вне-/не-</i> и <i>дву-/двух-</i> : семантико-аргументационный аспект.....	158

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ

<i>Гутова Л. Н., Фомина Л. Ф.</i> Речевая объективация когнитивных импликаций топонима в дискурсе А. С. Пушкина.....	163
<i>Сидоренко Е. Н.</i> Эргономизация топонимов на примере эргообъектов Донецкой области.....	168
<i>Синявская О. Е.</i> Русские коммерческие номинации советского периода в системно-структурном освещении.....	172

ПИТАННЯ СЛОВОТВОРУ

<i>Соснина Л. В.</i> Структурные типы бахуврихи в русском языке.....	176
<i>Юдина А. Д.</i> Новое в языке периодики и окказиональном словообразовании.....	180
<i>Ван Цзюньбо.</i> Словообразовательная адаптация англицизмов в рекламном тексте.....	185

Собченко Н. С. Графические окказионализмы рекламного дискурса189

ПИТАННЯ ГРАМАТИКИ

Ступак І. В. Методика семантико-синтаксичного аналізу похідних каузативних дієслів у німецькій і українській мовах193
Чернцова Е. В. Когнитивная семантика предикатов *оказаться, оказываться* в дискурсивном режиме интерпретации198
Шатилова О. С. Імплікатури мовленнєвого спілкування як важлива складова інтерпретації спонукальних висловлень203
Кукоська В. І. Роль синтаксичної організації адвокатської промови у здійсненні ментального впливу на суд (на матеріалі сучасних англомовних захисних виступів)208

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

Плотницкая С. В., Вит Н. П., Ануфриева Н. М., Еременок О. И. Формирование коллективной профессиональной языковой личности студента-юриста и студента-журналиста средствами английского языка212
Мэн Ся. Об обучении русскому языку в Китае с позиции межкультурного диалога: история и актуальность216
Нефёдов И. В., Пантелеев А. Ф. Русский язык на Северном Кавказе: проблемы и перспективы преподавания в полиэтнической среде221
Эртонга Соннур. Проблема создания учебного словаря по русскому языку для студентов турецких вузов226

РЕЦЕНЗІЇ

Герасименко И. А. Сапрыгина Н. В. Психолінгвістика художественного текста: коммуникация автора и читателя: [монография] / Нина Вадимовна Сапрыгина. — Одесса: Астропринт, 2012. — 336 с.231
Петрова Л. А. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (на материале категорий и лексико-грамматических разрядов имени): [монография] / Елена Александровна Скоробогатова. — Харьков: НТМТ, 2012. — 480 с.232
Теркулов В. И. Яроцкая Г. С. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре: [монография] / Галина Сергеевна Яроцкая. — Одесса: Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, 2013. — 552 с.234

CONTENTS

LINGUAL ASPECTS OF CREATIVITY OF VLADIMIR MAYAKOVSKY

<i>Mechkovskaya N. B.</i> Mayakovsky and Hlebnikov: distinctions of language programs and practices in the russian avant-gard.....	9
<i>Turanina N. A.</i> Imaginative world model in V. Mayakovsky's poetic discourse (on a material of dictionaries of tropes).....	16
<i>Gridina T. A.</i> Aspects of studying the game idiostyle: Mayakovsky's poetic creativity.....	20
<i>Kortava T. V.</i> Metaphor in the poetic discourse of V. V. Mayakovsky.....	25
<i>Lappo M. A.</i> Self-identity in poetic and prosaic discourses of Mayakovsky: linguistic aspect.....	29
<i>Niemirovskaya A. F.</i> The onyms lexical paradigm in the poem "The cloud in the breeches" by V. Mayakovsky.....	34
<i>Filippova O. V., Kustov V. V.</i> Manipulator's language personality and lexical-and-semantic means in manipulation tactics (on the example of characters' speech behaviour in the plays by V. V. Mayakovsky).....	38
<i>Shevchuk L. V.</i> The techniques of speech influence in advertising texts by V. Mayakovskiy.....	43

ISSUES OF GENERAL LINGUISTICS, SOCIOLINGUISTICS AND HISTORY OF LINGUISTIC STUDIES

<i>Sumarokova L. N.</i> On the categorical basis of natural languages.....	46
<i>Budniak D. W.</i> Development of literary languages in the light of historical evolution and variation of the words in the language system.....	51
<i>Stepanov Ye. N.</i> Odessa historical and philological school developing scientific ideas of Vatroslav Jagić.....	56
<i>Petrov A. V.</i> Development of the ideas of professor T. A. Tulina about the means system of expression comparative relationship in russian language.....	62
<i>Shumarina T. F., Souliak E. S.</i> Verbal stereotypes of gerontic groups: the gender aspect.....	67
<i>Bigunova N. A.</i> The social status of positive evaluative speech acts participants (on the samples from english artistic discourse).....	70
<i>Chebnokova M. V.</i> Temporal peculiarities of the american speech in different age groups.....	75

ISSUES OF COMMUNICATIVE AND MEDIA LINGUISTICS

<i>Issers O. S.</i> Conversation about civil society: discursive practices in the media and the blogosphere.....	80
<i>Glотова T. A., Glотова Ye. Yu.</i> Public preaching (sermon) as a model of russian rhetoric: interaction in communication.....	85
<i>Rumyantseva Ye. V.</i> Request strategies in russian and american communication.....	89
<i>Grabovenko I. S.</i> The potential of influence and ways of explicating the evaluation category in the media discourse.....	92
<i>Pachev O. N.</i> Emotive speech means of football in broadcasting.....	97
<i>Pavlova O. V.</i> Classification of speech genres in the sphere of personnel management.....	101
<i>Kulish I. A., Li Zhengui.</i> Precedent texts of aphorisms in up-to-date Russian and Chinese press.....	105
<i>Guseva A. S.</i> Problems of intercultural communication in virtual diaries (linguistic aspect).....	109
<i>Gromovaya M. I.</i> Internet-mems of odessa forums.....	113

ISSUES OF COGNITIVE LINGUISTICS, CONCEPTOLOGY AND LANGUAGE WORLD

<i>Ivanova L. P.</i> Poet's perception: lingvoimagological view.....	117
<i>Sitnikova Ye. V.</i> Variation of the associative connections of language markers of national and cultural consciousness of linguocultural type.....	122
<i>Kairzhanov A. K.</i> The concept of "divine garden" in the artistic heritage of G. S. Skovoroda.....	127
<i>Denisova Ya. I.</i> Verbalization of the concept "home / house" in the prose by Lyudmila Sharga.....	130
<i>Antonenko N. P.</i> The composition of the situations of sacred history of personality in russian fairy tales.....	134

ISSUES OF HISTORY OF LANGUAGE AND DIALECTOLOGY

<i>Gonchar N. N.</i> Wedding ceremony lexis in the bulgarian dialects of the ukrainian Danube region.....	139
<i>Ignatenko D. A.</i> Dynamics of residential complex names in ukrainian dialects in the north of Moldova.....	144

ISSUES OF LEXICOLOGY, SEMANTICS AND PRAGMATICS

<i>Valeieva L. V.</i> Linguopragmatic basics of mythema semantics in the prognostic text.....	149
<i>Rustemov O. D.</i> Turkisms genesis and classification problem in the russian language.....	154
<i>Popov S. L.</i> Possibilities of differentiating attributive formations with <i>вне-/не-</i> and <i>дву-/двух-</i> : semantic-argumentative aspect.....	158

ISSUES OF ONOMASTICS

<i>Gukova L. N., Fomina L. F.</i> Speech objectivation of the toponym cognitive implications in A. S. Pushkin's discourse.....	163
<i>Sydorenko Ye. N.</i> Ergonomisation of toponyms on the examples of ergonomic objects of the Donetsk region.....	168
<i>Simyanskaya O. Ye.</i> The russian commercial names of the soviet period in system and structural lighting.....	172

ISSUES OF DERIVATOLOGY

<i>Sosnina L. V.</i> Bahuvrihi structural types in modern russian language.....	176
<i>Yudina A. D.</i> New tendencies in the language of periodicals and occasional word formation.....	180
<i>Wang Zi Yunbo.</i> Derivational adaptation of anglicisms in the advertising text.....	185

Sobchenko N. S. Graphic nonce words of the advertizing discourse.....189

ISSUES OF GRAMMAR

Stupak I. V. Methods of semantic-syntactical analyses of derived causative verbs in German and Ukrainian.....193
Chernitsova Ye. V. Cognitive semantics of the predicates *оказаться, оказываться* in their discourse registers of interpretation.....198
Shatilova O. S. Implicatures of speech communication as an important component of incentive statements interpretation...203
Kukovska V. I. The role of the barrister's speech syntactic organization in exerting a mental impact on the jury (on the material of the contemporary English defensive speeches).....208

ISSUES OF DIDACTICS AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Plotnitskaya S. V., Vit N. P., Anufrieva N. M., Yeremenok O. I. The forming of the collective professional language personality of the law-student and journalist-student with the help of english.....212
Meng Xia. On teaching russian as a foreign language in China from the viewpoint of crosscultural dialogue: history and topicality.....216
Nefedov I. V., Panteleev A. F. The russian language in the North Caucasus: problems and prospects of the teaching in the polyethnic region.....221
Sonnur Ertonga. The problem of compiling a russian educational dictionary for students of turkish universities.....226

REVIEWS

Gerasimenko I. A. Saprygina N. V. *Psicholingvistika khudozhestvennogo teksta: kommunikatsiya avtora i chitatelya*: [monografiya] / Nina Vadimovna Saprygina. — Odessa: Astroprint, 2012. — 336 s.231
Petrova L. A. Skorobogatova Ye. A. *Grammaticheskie znacheniya i poeticheskie smysly: poeticheskiy potentsial russkoy grammatiki (na materiale kategoriy i leksiko-grammaticheskikh razryadov imeni)* / Yelena Aleksandrovna Skorobogatova. — Kharkov: NTMT, 2012. — 480 s.232
Terkulov V. I. Yarotskaya G. S. *Aksiogenez ekonomicheskogo soznaniya v russkoy lingvokulture*: [monografiya] / Galina Sergeevna Yarotskaya. — Odessa: Odesskiy natsionalnyy universitet im. I. I. Mechnikova, 2013. — 552 s.234

ЛІНГВІСТИЧНІ АСПЕКТИ ТВОРЧОСТІ В. В. МАЯКОВСЬКОГО

УДК [811.161.1'42 + 821.161.1.091]-1/29.08“18/19”

МЕЧКОВСКАЯ Нина Борисовна,доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания
Белорусского государственного университета; Минск, Белоруссия;
e-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com; тел. (+375-17) 205-09-01**МАЯКОВСКИЙ И ХЛЕБНИКОВ: РАЗЛИЧИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРОГРАММ И ПРАКТИК В РУССКОМ АВАНГАРДЕ**

Аннотация. В статье систематизированы основные языковые различия в поэтике двух наиболее ярких представителей русского футуризма: Маяковского и Хлебникова. 1) Поэзия Хлебникова в большей мере насыщена образами. Для Маяковского, в отличие от Хлебникова, не характерны тропы с денотативно неопределёнными темами. У Хлебникова нет тропов с ремами сексуальной семантики. 2) У Хлебникова с течением времени количество слабо мотивированных окказионализмов возрастало, у Маяковского снижалось. 3) В отличие от поэзии Маяковского, для Хлебникова не характерны комические эффекты, а также приёмы буквализации метафоры. 4) Маяковскому чужды диалектизмы, Хлебникову — урбанизмы. 5) В отличие от Хлебникова, не употреблявшего русские заимствования из европейских языков, Маяковский далёк от пуризма.

Ключевые слова: контрастная поэтика, тема-рематическая структура тропа, ономазиологические эксперименты футуристов, насыщенность текста тропами.

О. Художественный авангард начала XX в. настолько круто обновляет искусство, что его ощущают как намеренный разрыв с традицией, вызов, переворот, бунт. С ускорением истории социальная ценность авангарда возрастает, потому что он готовит современников к переменам и учит жить в условиях перемен: понимать перемены, успевать за ними, а может быть, и готовить их. Два талантливейших русских поэта 1-й трети XX в., Хлебников и Маяковский, принадлежали самому левому крылу русского авангарда — кубофутуризму. Для русской культуры, для современников и последующих поколений благом стало то, что в русском авангарде были великие поэты Велимир Хлебников и Владимир Маяковский.

Задачи статьи состоят в иерархизации наиболее крупных или резких различий в лингвистической поэтике Маяковского и Хлебникова. В силу ограниченного объёма статьи, иллюстративный материал сведён к минимуму. В 1-м разделе названы те личностные различия между Маяковским и Хлебниковым, которые, не коррелируя прямо с различиями в их поэтике, всё же позволяют представить глубинные истоки различий.

1. Маяковский и Хлебников как личности-антиподы. В 1922 г. в некрологе по Хлебникову Маяковский писал: «Во имя сохранения правильной литературной перспективы считаю долгом чёрным по белому напечатать от своего имени и, не сомневаюсь, от имени моих друзей, поэтов Асеева, Бурлюка, Кручёных, Каменского, Пастернака, что считали его и считаем одним из наших поэтических учителей и великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе» [9, XII, с. 28]. При этом типы личностей Хлебникова и Маяковского были полярно несхожи.

1.1. «Безбытный» и «надмирный» Хлебников и земной и «жадный к жизни» Маяковский. По характеристике Ю. Нагибина, Хлебников — это «анти-Маяковский», но и «друг-соперник» Маяковского, «совсем не внешний человек» [12, с. 253]. Маяковский в автобиографии «Я сам» (1928) вспоминает о первых встречах с Хлебниковым: «Его тихая гениальность тогда была для меня совершенно затемнена бурлящим Давидом» [9, I, с. 21]. Однако это не мешало Маяковскому зачитываться стихами Хлебникова и широко цитировать их в докладах о футуризме [11, с. 88].

Окружающие воспринимали Хлебникова как человека не от мира сего; простые люди обращались «с ним «как со странником и божьим человеком» [8, с. 80]. «Бытом Хлебникова была безбытность» [11, с. 249]; «вечный пилигрим» (А. А. Михайлов), он никогда не имел своего угла и имущества. В годы Гражданской войны его помнили в двух спитых вверху мешках — вместо штанов или брюк. Во время персидского похода Красной армии (апрель-август 1921 г.) он бродил босой, напоминая худобой и длинными космами дервиша. «Надмирность» Хлебникова означала и его полную свободу: ни быта, ни партийного долга, ни сердечной привязанности, ни семейных уз.

В отличие от «безбытности» Хлебникова, Маяковский предстаёт человеком со вкусом к полноте бытия, даже «с жадностью к жизни» (В. Шкловский). Прирождённый вояка, он ещё в тюрьме, 15-летним, избирался старостой камеры и умел не только дразнить тюремщиков, но и защищать интересы заключённых (в том числе на кухне).

1.2. «Закрытый и запечатанный», «с устричным голосом» Хлебников VS контактный, артистичный, склонный к лидерству Маяковский. Хлебников — не только не агитатор, не горлан, не главарь (самоопределения Маяковского), но и просто некоммуникативный человек — «закрытый и запечатанный» (Н. Мандельштам). Свои стихи читал запинаясь, невыразительным и, по выражению Нагибина, «устричным голосом». При этом, как допускают и Нагибин и Михайлов, Хлебников хотел походить на Маяковского, хотя это не получалось. Что касается поэтики Маяковского и Хлебникова, то влияние было взаимным, вполне ощутимым [15; 11, с. 250–252], хотя и не симметричным.

Современники чувствовали «природную театральность» Маяковского [11, с. 112]. Находчивый и острый полемист, закалённый в скандалах и обструкциях, он любил «бросать вызов» и эпатировать¹. Контактный и деятельный, Маяковский работал в газетах, рисовал и писал в Окнах РОСТА, знал толк в организации гастролей; писал пьесы и сценарии, ставил спектакли и фильмы, играя при этом в некоторых из них заглавные роли; издавал «ЛЕФ», а позже «Новый ЛЕФ». Маяковскому была вполне очевидна неспособность Хлебникова к практическому делу, даже к изданию собственных стихов: «Практически Хлебников — неорганизованнейший человек. Сам за всю свою жизнь он не напечатал ни строчки» [9, XII, с. 28].

1.3. Если Маяковский — признанный поэт-организатор левого искусства, то Хлебников — это поэт-провидец, погружённый в тайны бытия. Маяковский рано стал заметной фигурой художественной жизни Москвы и Петербурга — не только литературы, но и смежных искусств и занятий (живопись, плакат, театр, кино, реклама, журналистика). Хлебников, несмотря на принадлежность футуризму, — это одинокий и свободный ум, погружённый в загадки мироздания и истории; для него наука и поэзия — две взаимосвязанные возможности познания. Его первые публикации — это доклад по орнитологии (1908) и статья «Метабиоз [...]» (1910), в которой студент Хлебников, размышляя о материальном единстве живой и неживой природы, приходит к догадкам, созвучным теориям Эйнштейна, Вернадского, Докучаева [3]. А. Н. Андриевский (1899–1983), до революции три года изучавший в Санкт-Петербургском университете физику и математику (позже ставший кинорежиссёром и преподавателем ВГИКа), вспоминает, как в Харькове в 1919 г. они с Хлебниковым подолгу обсуждали проблемы современной физики. Андриевского и тогда, в 1919, и полвека спустя поражала проникающая сила мысли Хлебникова — о пульсации Солнца, о взаимозависимости пространства и времени, дискретности и недискретности, о строении атомного ядра, корпускулярно-волновой природе электрона (на последнем случае он на 6 лет опережал открытие Луи де Бройлем дуализма частицы и волны). «Хлебников жил предвидением событий будущего и [...] прогнозы на будущее были необычайными. И тогда, и теперь мне кажется, что мышление этого человека было словно соткано из предвидений и предвосхищений...» [1]. Но более всего Хлебникова занимали числовые законы в истории человечества («Доски судьбы», над которыми он работал много лет, вплоть до 1922 г. и которые только в 2001 г. за свой счет профессор-биолог В. В. Бабков).

2. Различия в образной фактуре поэтического текста. Маяковский писал, что Хлебников — это «поэт не для потребителей», а «для производителей» и что «его нельзя читать» [9, XII, с. 23], очевидно, имея в виду большую сложность, «трудность» текстов Хлебникова по сравнению с собственными. Действительно, стихи Хлебникова, во-первых, в большей мере насыщены тропами, что создаёт большую плотность «образной ткани», затрудняя понимание текста; во-вторых, у Хлебникова тематическая структура тропов², в целом, более неожиданна (т.е. более окказиональна, прихотлива, менее предсказуема), чем у Маяковского, и поэтому такой троп дольше семантизируется читателем и осознаётся как «трудность» / «сложность» образа.

Тезис о большей трудности образов Хлебникова должен опираться на предварительное выявление тех объективных (языковых) факторов, от которых зависит трудность или лёгкость тропа для восприятия. Такой экскурс превысил бы размер статьи, поэтому пробуем оценить «трудность» самых трудных образов у изучаемых авторов.

Как выглядит самый замысловатый образ Маяковского? Вот один из них. В Прологе к поэме «Флейта-позвоночник» (1915) поэт³ провозглашает тост за всех, «которые нравились или нравятся»: *За всех вас, / которые нравились или нравятся, / хранимых иконами у души в пещере, / как чашу вина в застольной здравнице, / подъямлю стихами наполненный череп*. Оборот как чашу вина в застольной здравнице не является эталоном сравнения, а указывает на функцию, назначение действия. Само же действие состоит в том, что поднимается не бокал, а *стихами наполненный череп* — череп поэта. Создаётся ирреальный образ (по В. П. Москвину, «фигура неправдоподобия»), близкий к приёму буквализации расхожих метафор (типа *голова забита стихами (формулами, планами)* и т.п.); в глубинном синтаксисе фигура неправдоподобия легко становится оксюмороном (*поэт жив и одновременно мёртв*). Понятно, что при восприятии таких тропов у читателя почти нет опоры в его опыте наглядных представлений о мире, тем не менее в нужной мере образ семантизируется. По

¹ Впрочем, современники отмечали застенчивость и закрытость Маяковского. Вот каким его видел в 1915 г. М. Горький: «Маяковский — хулиган от застенчивости... Он болезненно чуток, самолюбив и потому хочет прикрыться своими дикими выходками» (цит. по: [11, с. 133]). Ср. созвучные слова Н. Мандельштам о Маяковском: «Слабый по природе, он тренировал свою хилую душу, чтобы не отстать от века» [8, с. 22].

² «Тема образа» — это слово или словосочетание, называющее предмет, подлежащий образной характеристике; «рема образа» называет то, чему уподобляется «тема». Термины «тема» и «рема» удобны своей чёткой связью с исходным и конечным пунктами процесса генерации образа, а также краткостью и деривативными возможностями. Различение темы и ремы релевантно для любого тропа.

³ При интерпретации художественных текстов слово *поэт* здесь и далее употребляется в значении «лирический герой (соответствующего произведения)».

сути аналогичная фигура неправдоподобия представлена и в названии поэмы — «Флейта-позвоночник»: *поэт создаёт произведение из собственного тела, причём из критически важного для жизни компонента — позвоночника.*

При всём обилии у Маяковского сложных и «трудных» образов, у него, однако, почти нет образов, которые не поддавались бы семантизации. Исключение составляют строки из первого (опубликованного) стихотворения Маяковского («Я сразу смазал карту будня...»). Между тем у Хлебникова таких образов много. Приведу два первых катрена (из трёх) из стихотворения (без названия) 1919 г.: «В этот день голубых медведей / Пробежавших по тихим ресницам, / Я провижу за синей водой / В чаше глаз приказанье проснуться. // На серебряной ложке протянутых глаз // Мне протянуто море и на нём буревестник; / И к шумящему морю, вижу, / птичья Русь / Меж ресниц пролетит неизвестных». Кто скажет, что такое *день голубых медведей*? почему *протянутые глаза* пребывают на *серебряной ложке*? откуда появляется *птичья Русь*? между чьих *ресниц неизвестных* пролетит *птичья Русь*? При невозможности ответить на подобные вопросы «денотативно» и рационально, не приходится сомневаться в поэтической ценности цитированных стихов. Они определённо создают не только настроение, но и ряд картин, важных для семантизации целого: синие глаза, бездонные как море; встреча глаз двух человек; пробуждение чувств; буревестник над шумящим морем и т. п.

Важно подчеркнуть, что у Маяковского со временем трудных образов становилось всё меньше, у Хлебникова (в том числе несемантизируемых образов) — больше.

3. Различия между Хлебниковым и Маяковским в словообразовательном разнообразии новых названий. Неологизмы Хлебникова выходили за семиотические границы языка (см. подробно в [10]). В настоящей статье я ограничусь тем, что укажу на наиболее крупное различие между Хлебниковым и Маяковским в ономастологии тех знаков-символов (говоря в терминах Ч. Пирса), которые обладают вторичной (словообразовательной) мотивированностью. Такие знаки составляют большинство слов во всех естественных языках. Вторичная мотивированность знаков-символов обычна и для поэтических неологизмов: почти все неологизмы русских футуристов (И. Северянина, В. Маяковского, В. Каменского) в своём большинстве образованы по прозрачным образцам, т.е. по продуктивным и ясным (регулярным) словообразовательным моделям (*любёночек* как *ребёночек*, *серпастый* как *ушастый* и т. д.). Подобные неологизмы представлены и у раннего Хлебникова; ср. в «Заклятии смехом» (1908–1909): *смежачи* как *силачи*, *смежнствовать* как *пьянствовать*, *рассмежища* как *раздоры* и *посмежища*, *исмейся* как *изведись*, *изловчись* и т. п.

Однако, как показали М. В. Панов [13], В. П. Григорьев [5], большинство неологизмов Хлебникова устроены иначе: 1) многие из них образованы по непродуктивным моделям и нередко содержат аффикс, представленный в считанных узусальных словах: *резьмо* как *письмо*, *пласавица* как *красавица*, *училицы* как *кормилицы* [13, с. 173–174]; 2) часть неологизмов Хлебникова представляют собой контаминации не морфем, а начальных или конечных звуковых комплексов, которые в узусе находятся в составе нечленимых основ и не являются аффиксами: *везь*, *жиэз*, *речаэз*, *умняэз* как *княэз* и *витяэз*, *мнепр* и *мнестр* по аналогии с *Днепр* и *Днестр*, *бурегурит* как *балагурит* и т. п. Понятно, что их членимость и, следовательно, их мотивированность существенно меньше, чем у неологизмов, созданных по регулярным моделям. Если в *бурегурит* можно увидеть корень слова *бура* и конец слова *балагурит* (*Это парус речача / Бурегурит рожача*, то в большинстве контаминаций Хлебникова и их составные части, и значение неологизма в целом семантизируются читателем с усилием и, как правило, далеко не в полной мере. Туманность, загадочность, возможность одновременно нескольких разгадок обостряют внимание к строке; смысловая неисчерпаемость создаёт экспрессию тайны и, в конечном счёте, — эстетическую привлекательность строки. Р. О. Якобсон определил такие неологизмы как «беспредметные» — с помощью слова, тесно связанного с художественным авангардом начала XX в. (*беспредметная живопись*, *беспредметники* и т. п.). [18, с. 299]. Эстетическая ценность «беспредметных» неологизмов сродни ценности «чистых» цветовых пятен и линий в нефигуративном искусстве.

В терминах семиотики неологизмы типа *резьмо* и *мнепр* — это знаки-символы без мотивированности или с почти неуловимой мотивированностью. По данным М. В. Панова [13, с. 179], в 3-м томе 5-томного собрания сочинений Хлебникова (поэзия 1917–1922 г.г.) контаминаций типа *мнепр* значительно больше, чем во 2-м томе (поэзия 1906–1916 г.г.). Иначе говоря, влечение Хлебникова к немотивированным или слабо мотивированным знакам-символам с годами нарастало. В отличие от Хлебникова, у Маяковского нет неологизмов, не поддающихся семантизации. Ср. в поэме «Облако в штанах»: *выжиревший лакей*; *вечер [...] хмурый, декабрь*; *маленький смиренный любёночек*; *квартирное тихо*; *пролётки грудь испешеходили*; *крикогубый Заратустра*. Неологизмы Хлебникова в соседстве с теми тропами, в тема-рематической структуре которых тема остаётся неясной читателю, — это основной фактор «трудности» восприятия поэзии Хлебникова. Иначе у Маяковского: его неологизмы, никогда не становясь для восприятия непреодолимой преградой, прививали широкому читателю вкус к лексическому обновлению речи и словотворчеству.

4. Контркультурные векторы русского футуризма: нисповергатель Маяковский VS визионер-мечтатель Хлебников. Отчётливо прослеживаются две контркультурные линии футуризма: неприятие окружающей действительности и уход в мечтаемый будущий мир. При этом Хлебников — это прежде всего «будетлянин» (по его самоопределению), визионер и, по выражению Н. Мандельштам, «сказочник»; Маяковский же, в особенности ранний, — это экзотический крик «Долой!» У Хлебникова неприятие доминирующей «культуры отцов» звучит в манифестах 1916 г. («Труба марсиан», «Приказы»), в «сверхповести» «Война в мышеловке»). Его «обвинения» декларативно-прямолинейны

и наивны. Так, безнравственность и глупость он напрямую связывает с возрастом: *От старцев глупых вещицы юноши уйдут / И оснут мирное государство / Граждан одного возраста* («Война в мышеловке»); *Пусть возрасты разделятся и живут отдельно! [...] как освободить крылатый двигатель от жирной гусеницы товарного поезда старших возрастов* («Труба марсиан»); *[...] не пачкаясь о их [старших. — Н. М.] жизнь (мыло словотворчества), предоставив им утопать в судьбе зловных мокриц* («Приказы»). Самые пейоративные ремы для самых отрицательных «тем» (*глупые старцы, жирная гусеница товарного поезда старших возрастов, зловные мокрицы*) читаются в манифестах Хлебникова, а не в поэзии; при этом они не агрессивны, поэт даже как бы извиняется. В целом, инвективы не характерны для поэзии Хлебникова.

Для Маяковского, напротив, контркультурная направленность и агрессивный негативизм по отношению к окружающему миру органичны. В его поэтике это выражается в ряде черт, как языковых, так и более сложных. Это, во-первых, антиэстетизм представленных «картин жизни»; во-вторых, монопольное присутствие (в составе оценочной или стилистически маркированной лексики) слов с пейоративной, грубой и стилистически сниженной коннотацией; в-третьих, уничижающий смех Маяковского.

Ничего удивительного, если художник кисти или слова (не говоря о журналистах) в отталкивающем виде изображает врагов, антагонистов и антиподов. Понятно, что таких картинок у Маяковского изобилие. Неудивительно, если при этом доминирует пейоративная и грубая лексика. Удивительно, однако, когда предметом пейоративно-уничижительного изображения Маяковским своего лирического героя: 1) *Женщину ль опутываю в трогательный роман...* («Дешёвая распродажа», 1915); 2) *а я человек, Мария, / простой, / выхарканный чахоточной ночью в грязную руку Пресни* («Облако в штанах»); 3) [о поэтическом творчестве:] *Пьяной песней / душу выржу / в кабинете кабака* («Братья-писатели», 1916); 4) [о том, что любимой женщине не уйти от героя, что он всегда рядом:] *Это я / под мостом разлился Сеной, / зову, / скалю гнилые зубы* («Флейта-позвоночник»); 5) *Мы — голодные, мы — нищие, с Лениным в башке и с наганом в руке* («Хорошо!» 1927); 6) *Уважаемые товарищи потомки! / Роясь в сегодняшнем окаменевшем говне; Я, ассенизатор и водовоз...* («Во весь голос», 1929–1930).

5. Чуждый комизму Хлебников и смеховое разнообразие творчества Маяковского. По свидетельствам О. Мандельштама, Н. Гумилёва, А. Мариенгофа, Хлебников не умел шутить (хотя пытался)¹ и не чувствовал насмешек над собой, в том числе обидных и едких (вроде издевательского посвящения Хлебникова в Председатели земного шара, устроенного в Харькове в 1919 г. Есениным и Мариенгофом) [14, с. 235–236]. В поэзии Хлебникова нет иронии, трудно найти шуточные или юмористические строки², а два-три сатирических образа³, идущие за антибуржуазной сатирой Маяковского, звучат публицистическим диссонансом по отношению к более интимной и глубокой лирике Хлебникова.

В творчестве Маяковского жанрово-стилистический диапазон комического представляет собой явление уникальное в истории русской литературы, небывалое до Маяковского и не превзойденное после него. Комическое присутствует во всех жанрах его творчества — от поэзии и публицистики до театральных пьес, киносценариев и автобиографии «Я сам». У Маяковского представлены все виды комического: не только сатира и гротеск вплоть до абсурдизма, не только «кавалерия острот», язвительные пародии и сарказмы, но и безобидное балагурство — когда вся «Военно-морская любовь» (1915) пишется ради забавных неологизмов и рифм вроде *И чего это несносен нам / мир в семействе минососином?* В итоге смертоносные броненосцы предстают игривой семейкой дельфинов. Характерно также игровое и развлекательное назначение всего, что говорит «иностранец» Понт Кич в «Бане» (1929), — чтобы позабавить зрителя пародией на звучание английской речи. Стилистические оттенки смешного у Маяковского неисчислимы. В «Я сам» он отмечает, например, у себя такую оксюморонную разновидность смеха, как «иронический пафос в описании мелочей» в «Хорошо!»: *сыры не засижены, лампы сияют, цены снижены.*

6. Сексуализованное мировидение раннего Маяковского. Примерно до середины 1920-х гг. тема любви/секса была центральной у Маяковского. Любовь лирического героя огромна и трагична. Окружающая его любовь в индустриальном городе предстаёт как безудержная похоть, бесчеловечный секс, ставший насилием, товаром, источником позорных болезней.

О всепоглощающих сексуальных тревогах лирического героя Маяковского (впрочем, как и его потенциального читателя; не будем забывать о пружинах популярности, хорошо известных Маяковскому) говорит то, что в тема-ремагической структуре его любовь/похоть — это не только тема тропов (ср. *враждующий бюджет бульварных проституток* («Утро», 1912) или *собаки озверевшей страсти* («Домой», 1925)), но нередко — это и рема тропа. Иначе говоря, мир видится поэту

¹ Ср., однако, иное понимание места комического начала в творчестве Хлебникова в [6].

² Впрочем, как кажется, невозможно не улыбнуться и не повеселеть, встретив такую его строку: *Песенка, лесенка в сердце чужое [...]*.

³ Ср.: *Вы, поставившие ваше брюхо на пару толстых свай...* («Трубите, кричите, несители», 1921); *Из души жестокости, как грабли, / [...] Чтоб слушать напев торгошай, / приделана пара ушей* («Сегодня Машук как борзая...», 1921).

сквозь призму секса. Несколько примеров: 1) *Лысый фонарь / сладострастно снимает / улицы / чёрный чулок* («Из улицы в улицу», 1913); 2) *Тучки отдаются небу, рыхлы и гадки* («Владимир Маяковский», 1913); 3) *Улица провалилась, как нос сифилитика. / Река — сладострастье, растёкшееся в слюну. / Отбросив белёе до последнего листика, сады позабно развалились в июне* («А всё-таки», 1914); 4) *Каждое слово, / даже шутка, / которые изрыгает обгорающим ртом он, / выбрасывается, как голая проститутка / из горящего публичного дома; Вся земля поляжет женщиной, / заёрзает мясами, хотя отдаться; Земле, / обжиревшей, как любовница, / которую любил Ротшильд!* («Облако в штанах»); 5) *Бумаги гладь облёвывая / пером, концом губы — / поэт, как блядь рублёвая, / живёт с словцом любим* («Верлен и Сезанн», 1925).

У Хлебникова, в отличие от Маяковского, тема любви предстаёт скучными и редкими аморфными намёками; она бесплотна, бесполо и едва ли физиологична. Мотивы любви у Хлебникова связаны, возможно, не столько с личным опытом, сколько с литературными отзвуками этой вечной загадки. Ср. начало раннего (1912) стихотворения Хлебникова: *Гонимый — кем, почём я знаю? / Вопросом: поцелуев в жизни сколько?* Биографы Хлебникова датируют первую его влюблённость летом 1909 г.: Хлебникову 23 года, в Святошине под Киевом он влюблён в свою двоюродную сестру Марусю Рябчевскую и, как пишет С. В. Старкина, «даже (! — Н. М.) посвящал ей стихи» [14, с. 51]. Профессор психиатрии в харьковской клинике, где Хлебников в 1919 г. проходил медико-психологическое обследование, вспоминал в 1935 г.: «В собранном мною анамнезе я отметил, что пациент начал половую жизнь поздно и она, вообще, играла очень малую роль в его существовании»; «Все мои братья и сёстры, — сказал мне поэт, — имели какие-то психические препятствия к браку» [2].

7. Гиперболы Маяковского: эгоцентрическая мегаломания лирического героя. Особенно часто и резко преувеличивается всё, что связано с любовью героя. В поэме «Флейта-позвоночник» сила любви и отчаяние утраты любви передаются каскадом гипербол космического масштаба — с помощью лексикой, связанной с астрономией и географией. Видя в своей любви «пытку», «ниспосланную» ему Богом, и обращаясь к Богу на равных (*Слушай, всевышний инквизитор!*), лирический герой просит заменить муку невозможной любви более слабыми «карами»: *Привяжи меня к кометам, / как к хвостам лошадиным, / и вымчи, / рвя о звёздные зубья. / Или вот что: / [...] Млечный Путь перекинну виселицей, / возьми и вздёрни меня, преступника.* Обращаясь к любимой, герой говорит, что для его любви ни моря, ни туманы не станут преградой, он достигнет любимую повсюду, при этом свои губы он уподобляет уличным фонарям, горящую щеку — Сахаре, а всего себя — разлившейся Сене. Собственная гибельная любовь видится поэту как всеобщая гибель любви: *Это, может быть, / последняя в мире любовь / вызарилась румянцем чахоточного* и одновременно как новое Евангелие: *Любовь мою, / как апостол во время оно, / по тысяче тысяч разнесу дорог.*

Лирический герой Маяковского порой нечеловечески огромен: *Я вышел на площадь, / выжженный квартал / надел на голову, как рыжий парик* («А всё-таки», 1914); *Иди сюда, / иди на перекрёсток / моих больших / и неуклюжих рук* («Письмо Татьяне Яковлевой», 1928). Для окружающих он «жылкостая громадина», «глыба» («Что может хотеться такой глыбе?»). Вот герой ждёт Марию: *плавлю лбом стекло окошечное, — а с потерей любимой превращается в горящее здание* («Облако в штанах»). Поэт на равных спорит с Богом, а Бог похож на знакомых и порой плачет, читая его стихи: *И бог заплачет над моею книжкой! / Не слова — судороги, слипшиеся комом; / и побезит по небу с моими стихами под мышкой / и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым* («А всё-таки»). Вскоре, в поэме «Облако в штанах», панибратство в обращении к Богу сменяется его уничижением: *Я думал — ты всеильный божикше, а ты недоучка, крохотный божик; здесь же солнце предстаёт всего лишь моноклем героя, ведущего на поводке, как домашнюю собачку, Наполеона: солнце моноклем / вставляю в широко растопыренный глаз, / [...], а впереди Наполеона поведу, как мопса.* В стихотворении «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920) поэт становится равен Солнцу: *И скоро, дружбы не тая, / бью по плечу его я. / А солнце тоже: / «Ты да я, / нас, товарищ, двое! / Пойдём, поэт, / взорим, / вспоём / у мира в сером глазе. / Я буду солнце лить своё, / а ты — своё, стихами».*

Что касается поэзии Хлебникова, то его гиперболы связаны с собственно футуристической темой — будущим, и их немного. Семантика его гипербол по своей тема-рематической структуре сложнее, чем у Маяковского. Если у Маяковского в поэтически преувеличенном виде представлены достаточно понятные явления (например, тело и температура человека, его губы, руки, щека, парик и т. п., мучения любви, нежность (*Истомившимся по ласке губами / тысячь поцелуев покрою / умную морду трамвая* («Надоело», 1916); яркость закатного солнца (*В сто сорок солнц закат пылал*) и т. п., то у Хлебникова гиперболы связаны с мотивами переустройства земного шара и возможной гибели мира; с мечтами о тех, кто изменит мир. Несколько примеров именно из поэзии (не из манифестов) Хлебникова: 1) *«Я запряг тебя / Сохою звёздною, / Я стегая тебя / Плёткой грёзною»* («Ну, тащися, Сивка, / Шара земного...», 1922); 2) *«Я щёткам сапожным / Малую медведицу повелел отставить от ног подошвы, / Гривенник бросил вселенной и после тревожно / Из старых слов сделал крошево»* («Война в мышеловке», 1915–1919–1922); 3) *«Был шар земной / Прекрасно схвачен лапой сумасшедшего»* («Война в мышеловке»). В целом для поэзии Хлебникова вне её футуристических мотивов гиперболы нехарактерны.

8. Знатоки птиц и трав Хлебников и воинствующий урбанист Маяковский. По данным М. Н. Эпштейна, в лексике Хлебникова представлено максимальное в русской поэзии разнообразие природных реалий [17, с. 243]. В самом поэте, писавшем *Я вижу конские свободы / И равноправие коров* («Ладомир»), с основанием видят вестника эволюционного мышления. В природно-культурном един-

стве мира природа для Хлебникова безусловно приоритетна. Вот одна из «формул» единства мира и первенства природы, возникшая под пером 20-летнего Хлебникова: *Кузнечик в кузов туза уложил / Прибрежных много трав и вер* («Кузнечик», 1908). Важна самостоятельность (субъектность) Кузнечика, первенство трав и прибрежность вер, как и потребность в них Кузнечика. В поэзии Хлебникова природа — это и предмет художественной мысли (что явлено уже в «Зверинце» — поэме, которую, по оценке Вяч. Иванова, «мог написать только гениальный человек» [16, с. 679]), и неведомый урбанистам источник образов (рем) — удивительно пластичных и одухотворенных. Ср.: *И в этот миг к пределам горшим / Летел я, сумрачный, как коршун* («Гонимый — кем, почём я знаю?», 1912).

Иначе у Маяковского. Он вспоминал (в «Я сам»), как в семь лет, увидав на «клёпочном заводе князя Накашидзе» электрический свет «ярче неба», он «совершенно бросил интересоваться природой. Неусовершенствованная вещь». Маяковский смолodu высмеивал современников, писавших о природе. Ник. Асеев вспоминает, как 20-летний Маяковский при первой же встрече, когда Асеев в ряду важных для себя тем называл природу, реагировал насмешливо: — *Что же это — про птичек и зайчиков? — Нет, не про зайчиков. — Бросьте про птичек, пишите как я!* (Цит. по: [11, с. 152]). Презрение к «барским садоводствам поэзии», к «этаким розам» звучит и в его финальной поэме «Во весь голос». Правда, у Маяковского есть и «Хорошее отношение к лошадям» (1918), но лошадь здесь — не из дикой природы, а «рыжий ребёнок» — самый слабый и забитый из горожан. Отсюда и обращение к лошади как к человеку: *Лошадь, не надо. / Лошадь, слушайте — / чего вы думаете, что вы из плоше? / Деточка, / все мы немножко лошади, / каждый из нас по-своему лошадь.*

Равнодушный к природе, Маяковский, однако, не был и «певцом» города и техники (несмотря на «Бруклинский мост»): он не любил город, но видел, что будущее — это «шум фабрики и лаборатории» («Облако в штанах»). Отсюда его «индустриальный» подход к поэзии как к производству (созвучный, впрочем, и большевистской пропаганде) и антипсихологизм (характерна одна из установок ЛЭФа: «Долой психоложество!»).

9. Хлебниковский обет лексического пуризма и узуальная мера заимствований в лексике Маяковского. Примерно в 20 лет Хлебников запретил себе употреблять заимствования, в том числе интернационализмы. Своё крещальное латинское имя *Виктор* он заменил южнославянским *Велимир*, а вместо греко-латинизма *футуристы* изобрёл его русский аналог — *будетляне*. Истоки пуризма Хлебникова справедливо связывают с влиянием младосимволистской поэзии С. Городецкого, с его увлечением славянским язычеством, нетронутой природой, первобытной красотой и т. п. Первую книгу Городецкого «Ярь» (1907) Хлебников, по собственному признанию, любил так, что «одно лето носил её за пазухой» [14, с. 42].

Однако славянофильский самозапрет заимствований противоречил футуристическим мечтам о желанном едином языке человечества. Сам Хлебников не раз писал, причём не только в манифестах, но и в поэмах, о будущем едином языке, как и о «звёздном» общем языке наук и искусств. Его герой — это *те юноши, что клятву дали разрушить языки* («Ладомир»). Вместе с ними поэт зовёт: *Лети, созвездье человецье, / Всё дальше, далее в простор, / И перелей земли наречья / В единый смертных разговор...* и т. п. Неизвестно, видел ли Хлебников конфликт между призывом к «слиянию наречий» и отказом от нерусских слов. Вряд ли его это волновало. В его самозапрете заимствований есть что-то игровое, словно он нарочно сузил свой словарь — для удержания себя в этническом русле русского языка. Иначе «председатель земного шара» стал бы писать на «ничём» языке — смеси языков славянских, латыни и греческого, иранских, санскрита, эсперанто — так же легко, не заботясь ни о нормах, ни о понятности, как он употреблял диалектизмы.

Что касается Маяковского, то его отношение к заимствованиям вполне отвечало узусу современной ему русской поэзии и публицистики.

10. Синтаксическая экспрессия и коммуникативная активность Маяковского. У Хлебникова синтаксис трудный, но не монотонный. Часто он непредсказуем, как и мысли и образы Хлебникова; нередко — неожиданно развёрнутый, пространный, хотя и не обременён чрезмерно союзами. Но меньше всего в синтаксисе Хлебникова тех черт, в которых справедливо видят новаторство Маяковского. Во-первых, это особенности разговорного синтаксиса (эллипсис и всевозможная свёрнутость; порядок слов, отвечающий интонации и выделяющий рему); во-вторых, это черты ораторской речи на митинге, диспуте, в «живой» и бумажной газете: прямые и зычные обращения сразу к группам людей; побуждения (реальные и риторические); восклицания (*Куда уйду я, этот ад тая!*); риторические вопросы; лозунги; имитация диалога с читателем; пародирование ожидаемых реплик оппонента и т. п.

11. Надо ли стихи делать? Маяковский пространно учил, «как делать стихи»; находил сравнения, убеждавшие в тяжести поэтической работы (*Изводишь единого слова ради / тысячи тонн словесной руды* и т. п.) и вредных ее последствий (*Приходит страшнейшая из амортизаций — амортизация сердца и души*). Несмотря на лексическую и синтаксическую близость к живой речи, стихи Маяковского искусны. При несомненном поэтическом таланте автора, за ними стоит также и большая работа как над словом, так и над композицией отдельных произведений. Например, в поэме «Флейта-позвоночник» каждая из трёх частей имеет своё обрамление, в котором повторены, слегка варьируясь, строки с замечательно сильными образами и мастерскими рифмами. Три обрамления содержательно координированы и прочитываются как завязка, кульминация и развязка любовной драмы. Понятно, что это не только хорошо, но и хорошо сделано.

У Хлебникова нет строк о тяжести труда поэта. Напротив, в манифесте 1913 г. «Слово как таковое» (в том его разделе, который подписан *А. Кручёных и В. Хлебников*) о трудности писательского труда говорится насмешливо: «Любят трудиться бездарности и ученики. (Трудолюбивый медведь

Брюсов, пять раз переписывавший и полировавший свои романы Толстой, Гоголь, Тургенев), это же относится и к читателю» [7, с. 146]. Опротечиво было бы видеть в этих насмешках программную значимость. Но есть текстологическая реальность: в напечатанных текстах Хлебникова незаметны следы «полировки»; более того, есть тексты, которые, как кажется, автор не перечитывал. Если бы перечитал, стало бы иначе, исправил бы. Об этом писал Маяковский: «Законченность его напечатанных вещей — фикция. Видимость законченности чаще всего дело рук его друзей. Мы выбирали из вороха бросаемых им черновиков кажущиеся нам наиболее ценными и сдавали в печать [...]. Принося вещь для печати, Хлебников обыкновенно прибавлял: «Если что не так — переделайте». Читая, он обрывал иногда на полуслове и просто указывал: «Ну и так далее»» [9, XII, с. 23].

Вопрос о том, «надо ли стихи делать?», касается отнюдь не только «отделки» и «шлифовки» стиха. Это вопрос о назначении поэта. В одном из последних стихотворений Хлебникова («*Не чёртиком масляничным...*») звучат упреки «спутникам» или «товарищам по цеху», но не читателям («этим голякам» и «большим в сумасшедшем доме»). Поэт служит людям тем, что напоминает о звёздах, приходит «сквозняком быта» и поёт «свои песни-лекарства»; при этом, «одиноким врачом», он не ждёт от пациентов понимания. Однако по отношению к «спутникам» он чувствует обиду: они уносили его платье, потом насмеялись над ним; но главное, они «за думой писателя» не заметили «пера руки времён»: *Не раз вы оставляли меня / И уносили моё платье, / Когда я переплывал проливы песни, / И хохотали, что я гол. / Вы же себя раздевали / Через несколько лет, / Не заметив во мне / Событий вершины, / Пера руки времён / За думой писателя.* В переводе с «мистического» это означает, что, «слагая стихи», Хлебников был свободен и беззаботен — ведь его пером водила «рука времени», не «работал над формой» и не думал «о месте поэта в рабочем строю». При этом поэт не сомневается в своём призвании и долге быть *сквозняком быта этих голяков и в доме сумасшедших петь свои песни-лекарства.*

В отличие от абсолютно свободного и не знавшего «мук слова» Хлебникова, Маяковский не только «делает стихи», но и постоянно убеждает себя и читателей в необходимости этой работы. Его гложет страх невостребованности. Поэтому ему хочется себя *советским чувствовать заводом*, получать от Госплана задания или чтобы *к штыку приравняли перо*. Маяковский даже поэтизирует несвободу и собственное над собой насилие: *Но я себя смирял, становясь / на горло собственной песне* («Во весь голос»). Хлебников не знал этих мук.

12. О смысловом диапазоне и поэтической мощи русского авангарда. Маяковский признавал первенство Хлебникова в качестве «Колумба новых поэтических материков, ныне заселённых и возделываемых нами» [9, XII, с. 23]. Но это отнюдь не означает вторичности Маяковского. Верно, что Маяковский демократизировал поэзию и внедрял достижения авангарда в массы; что благодаря включению Маяковского в канон советской школы, он повлиял на русскую поэзию сильнее, чем Хлебников. Ю. Нагибин писал, что если б не программный школьный Маяковский, мы бы не знали Хлебникова и хуже относились к футуризму. И. Бродский, говоря о своей зависимости от футуристов (впрочем, небольшой: «от футуристов мне ничего не надо»), отдавал приоритет Маяковскому: «У Маяковского я научился колоссальному количеству вещей. То же самое отчасти, но в меньшей степени — у Хлебникова» [4, с. 359]. Но именно Хлебников существенно влиял на творчество В. Сосноры, Н. Заболоцкого, Д. Хармса, А. Введенского, Н. Тихонова.

Поэты, как и читатели, находят у Хлебникова и Маяковского разное: это огромные и разные смысловые миры, во многом полярно несхожие, порой — несовместимые, и эта несхожесть, полярность, противоречия — всё говорит о жизненной силе русского авангарда.

Литература

1. Андриевский А. Н. Мои ночные беседы с Хлебниковым / А. Н. Андриевский // Дружба народов. — 1985. — № 12. — С. 228–242.
2. Анфимов В. Я. К вопросу о психопатологии творчества: В. Хлебников в 1919 году / В. Я. Анфимов // Труды 3-й Краснодарской клинической больницы. — Краснодар: Красн. горздравотдел, 1935. — Вып. 1. — С. 66–73 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ka2.ru/nauka/anfimov.html>. Дата доступа: 29.08.2013.
3. Бабков В. В. Между наукой и поэзией: Метабиос Велимира Хлебникова / В. В. Бабков // Вопросы истории, естествознания и техники. — М., 1987. — № 2. — С. 136–147.
4. Бродский И. Книга интервью / И. А. Бродский; [сост. В. Полухина]. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Захаров, 2007. — 784 с.
5. Григорьев В. П. Словообразование и смежные проблемы языка поэта / В. П. Григорьев. — М.: Наука, 1986. — 256 с.
6. Григорьев В. П. «Хлебников шутит...». I. Homo ludens / В. П. Григорьев // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. — М.: Наследие, 1998. — С. 48–55.
7. Литературные манифесты: От символизма до наших дней / С. Б. Джамбинов (сост. и предисл.). — М.: XXI век — Согласие, 2000. — 608 с.
8. Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания / Н. Я. Мандельштам. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 560 с.
9. Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; В. В. Маяковский. — М.: Худож. лит., 1955–1961.
10. Мечковская Н. Б. Будущее языка, явленное в поэзии Велимира Хлебникова / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2011. — С. 351–366.
11. Михайлов А. А. Маяковский / А. А. Михайлов. — М.: Молодая гвардия, 1988. — 560 с. — (ЖЗЛ. Сер. биогр.; вып. 700).
12. Нагибин Ю. М. О Хлебникове / Ю. М. Нагибин // Новый мир. — 1983. — № 5. — С. 253–260.
13. Панов М. В. О членимости слова на морфемы / М. В. Панов // Памяти акад. В. В. Виноградова: сборник статей. — М.: Наука, 1971. — С. 170–179.
14. Старкина С. В. Велимир Хлебников / С. В. Старкина. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 339 [13] с. — (ЖЗЛ. Сер. биогр.; вып. 1036).

15. Харджиев Н. И. Маяковский и Хлебников / Н. И. Харджиев // Поэтическая культура Маяковского / Н. И. Харджиев, В. В. Тренин. — М.: Искусство, 1970. — С. 96–126.
 16. Хлебников В. Творения / Велимир Хлебников. — М.: Сов. писатель, 1986. — 736 с.
 17. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. — М.: Высш. шк., 1990. — 303 с.
 18. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову [1921] / Р. О. Якобсон // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. — М.: Прогресс, 1987. — С. 272–316.

Мечковська Ніна Борисівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри теоретичного та слов'янського мовознавства Білоруського державного університету; Мінськ, Білорусь;
 e-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com; тел. (+375-17) 205-09-01

МАЯКОВСЬКИЙ І ХЛЕБНИКОВ: ВІДМІННОСТІ МОВНИХ ПРОГРАМ І ПРАКТИК У РОСІЙСЬКОМУ АВАНГАРДІ

Анотація. У статті систематизовано основні мовні відмінності в поезії двох найяскравіших представників російського футуризму: Маяковського та Хлебнікова. 1) Поезія Хлебнікова в більшій мірі насичена образами. Для Маяковського, на відміну від Хлебнікова, не є характерними тропи з денотативно невизначеними темами. У Хлебнікова немає тропів з ремами сексуальної семантики. 2) У Хлебнікова з часом кількість слабо мотивованих окаціоналізмів зростала, у Маяковського знижувалася. 3) На відміну від поезії Маяковського, для Хлебнікова невластиві комічні ефекти, а також прийоми буквалізації метафори. 4) Маяковський не використовує діалектизмів, Хлебніков — урбанізмів. 5) На відміну від Хлебнікова, який не вживав російські запозичення з європейських мов, Маяковський далекий від пуризму.

Ключові слова: контрастивна поезика, тема-рематична структура тропу, ономазіологічні експерименти футуристів, насиченість тексту тропами.

Nina B. Mechkovskaya,

Grand PhD in Philological Sciences, Prof. of the Theoretical and Slavonic Linguistics Department of the Belorussian State University; Minsk, Belorussia;
 e-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com; tel. (+375-17)-205-09-01

MAYAKOVSKY AND HLEBNIKOV: DISTINCTIONS OF LANGUAGE PROGRAMS AND PRACTICES IN THE RUSSIAN AVANGUARD

Summary. The article systematizes the main language distinctions in poetics of two most distinguished representatives of the Russian futurism. They are as follows: 1) Hlebnikov's poetry is more saturated with images; tropes with uncertain denotative object are unusual for Mayakovsky (unlike Hlebnikov); Hlebnikov doesn't use images with sex-orientted rhemes; 2) In the course of time the number of neologisms with insufficient motivation in Hlebnikov's poetry increases, and in Mayakovsky's poetry, on the contrary, decreases; 3) unlike Mayakovsky's poetry, for Hlebnikov comic effects, and also literal use of a metaphor, are unusual; 4) dialectisms are alien to Mayakovsky, urbanisms — to Hlebnikov; 5) unlike Hlebnikov, who didn't use Russian borrowings from the European languages. Mayakovsky is far from purizm.

Key words: contrastive poetics, thematic-rhematic structure of a trope, onomasiologic experiments of futurists, saturation of a poetic text with tropes.

Статтю отримано 10.09.2013 р.

УДК 811.161.1'373.612.2'374:801.631.5Маяковский

ТУРАНИНА Неонила Альфредовна,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и библиотековедения Белгородского государственного института культуры и искусств; Белгород, Россия;
 e-mail: turanina@mail.ru; тел. +7-919-430-46-46

ОБРАЗНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. МАЯКОВСКОГО (на материале авторских словарей тропов)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы художественного дискурса, связанные с системой тропов в контексте произведений. В работе представлен феномен литературы с различных точек зрения: лингвофилософской, лингво-поэтической, лексикографической. Автор предлагает к рассмотрению различные классификации метафоры как ведущего тропу в поэтике. Наряду с метафорой описываются и другие тропические средства образной модели мира: сравнение, его содержательная и структурная характеристика. В работе представлен лексикографический опыт автора по созданию словарей тропов, которые позволяют осознать плотность образной ткани произведения, авторскую индивидуальность каждого из поэтов. Предметом анализа стали словари тропов В. Маяковского, которые являются первым опытом лексикографии в контексте творчества поэта. В статье рассмотрена методика составления словарей, представлен образец словарной статьи и её особенности, описана структура изданных автором словарей. Словари тропов В. Маяковского показывают высокий уровень метафоричности текста, насыщенность тропами каждой строки поэта. Образность художественного текста не снижается до последних лет создания произведений, что свидетельствует об удивительном и уникальном таланте.

Ключевые слова: троп, образная модель мира, лексикография, словарная статья, метафорический контекст, сравнение, художественный текст, поэтика, Маяковский.

Образная модель мира поэта — это индивидуальное восприятие реалий действительности сквозь призму тропических средств. Создание словарей образных средств даёт нам возможность увидеть сгусток авторской энергии, его талант, отражённый в каждом из образов.

Метафора относится к тем феноменам, природа которых содержит огромный потенциал для их разработок в различных областях. В последние годы ее изучение становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая различные гуманитарные дисциплины: философию, логику, психологию, герменевтику, литературоведение, культурологию, семиотику, риторику. Феномен метафоры является одним из основных объектов исследования в отечественном и зарубежном языкознании последних десятилетий. Актуальные проблемы: структура и семантика метафоры, метафорический контекст и его пределы, сопоставление узуальной и окказиональной метафор, взаимодействие метафоры с другими тропами, роль метафоризации в создании языковой национальной картины мира и авторского образа мира, создание словарей метафор — получили свою разработку в трудах А. Вежицкой, М. Блэка, Дж. Лакоффа, А. Ричардса, Н. Д. Арутюновой, Ю. Н. Караулова, А. Н. Баранова, В. П. Григорьева, В. Г. Гака, С. В. Гусева, Г. Н. Склярёвской, В. Н. Телия, В. П. Москвина, В. К. Харченко, Н. А. Турапиной, А. П. Чудинова.

Несмотря на то, что изучение метафоры восходит к Аристотелю и Квинтилиану и по каждому из указанных выше направлений накоплена значительная библиография, до сих пор нельзя сказать, что существует окончательно сложившаяся система взглядов на это явление. Одним из дискутируемых вопросов современных исследований остаётся определение метафоры.

Классическими являются определения, данные в «Словаре-справочнике лингвистических терминов»: «Метафора — это употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений» [2, с. 176]; в «Словаре лингвистических терминов»: «Метафора — это троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т. п.» [1, с. 231].

Количество лингвистических трудов, посвящённых метафоре, огромно, и интерес к этому феномену сохраняется до сих пор, поскольку не изучены с должной полнотой все стороны его формирования и функционирования. Обзор научной литературы позволяет выделить ряд основных аспектов исследования метафоры.

Лексико-семантический: Ю. И. Левин (1965), М. В. Никитин (1979), Н. А. Лукьянова (1986), В. Г. Гак (1988), В. К. Харченко (1989), Г. Н. Склярёвская (1993), Н. А. Турапина (1999), С. Б. Кураш (2001), О. Н. Алёшина (2003), А. Х. Мерзлякова (2003), Р. И. Розина (2003), Т. В. Леонтьева (2006), С. В. Козинец (2007) и др.

Когнитивный: М. И. Минский (1988), А. Вежицкая (1990), Э. МакКормак (1990), М. Блэк (1990), *Metaphor in linguistics* (1999), Дж. Лакофф и М. Джонсон (2004), Е. О. Опарина (1988), Л. В. Калашникова (2005), Н. Ф. Алефиренко (2006) и др.

Лингвокультурологический: Н. Д. Арутюнова (1990, 1999), В. Н. Телия (1988), В. А. Маслова (2001), А. П. Чудинов (2001, 2003), В. П. Москвин (2006) и др.

Лингвофилософский: Х.-Г. Гадамер (1988), Дж. Серль (1990), П. Рикер (1990), Х. Ортега-и-Гассет (1990, 1991), Э. Кассирер (2001), К. И. Алексеев (1996), Н. Ф. Крюкова (2000), О. И. Глазунова (2000) и др.

Лингвоопозитический: Р. О. Якобсон (1975), В. П. Григорьев (1979), Ю. М. Лотман (1987, 1998, 2000), Б. П. Иванюк (1998), В. М. Жирмунский (1999) и др.

Лексикографический (включая описание социолектов, идиолектов): Г. Н. Склярёвская (1997), А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов (1994), Н. А. Турапина (1997, 1998, 2000), Н. А. Кожевникова и З. Ю. Петрова (2000), Н. Н. Иванова (2004) и др.

В последнее время актуальной становится необходимость изучения метафорического массива и особенностей метафоризации того или иного дискурса в целом, а не анализ отдельных примеров и фрагментов. Исследование различных аспектов феномена метафоры приводит к появлению многочисленных классификаций. Рассмотрим сначала наиболее традиционный подход к классификации, в котором разные типы метафор выделяются с учётом их свойств именно как компаративных тропов, фиксирующих уподобление двух объектов друг другу.

В классификации исследованы три типа метафор в зависимости от способа реализации ими «принципа сравнения», по которому строится любой компаративный троп:

1. Метафоры-сравнения, в которых описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом (*аллея парусов*). Такой метафорический образ реализуется, как правило, в контексте-бинарме и представляет собой комбинацию «загадки» (*аллея*) и «отгадки» (*парусов*).

2. Метафоры-загадки, в которых описываемый объект замещён другим объектом (*били копыта по клавишам жёрзлым*). «Разгадать» такую метафору помогает контекст, который не содержит ключевого слова, играющего роль «отгадки», а по протяжённости и грамматическим показателям может быть неоднородным.

3. Метафоры, приписывающие описываемому объекту свойства другого объекта, занимающие позицию предиката и выраженные, в первую очередь, прилагательными и глаголами (*ядовитый взгляд, жизнь сгорела*).

По количеству простых метафор, входящих в состав развёрнутой метафоры, выделяем двухчленные, трёхчленные, четырёхчленные и т.д.

По логико-семантическим отношениям между простыми метафорами выделяем:

1. Развёрнутую метафору, состоящую из метафорического центра и метафорической развёртки, в пределах которой выстраивается на основе интегративных связей многоуровневая система отношений.

2. Развёрнутую метафору, состоящую из нескольких простых метафор, относящихся к одному указательному минимуму и не образующих вертикальной структуры: предикатные метафоры характеризуют один субъект высказывания и представлены несколькими однородными членами, создающими логико-смысловое и формально-грамматическое единство, основанное только на парадигматических и синтагматических связях.

Сегодня метафорология не ограничивает протяжённость метафорического контекста, рассматривая тропы как одну из возможностей формирования в тексте интертекстуальных отношений.

Идея создания таких словарей появилась после прочтения воспоминаний Юрия Олеши, в которых автор сокрушался по поводу того, что хотел написать все метафоры Маяковского да не смог, напрасный это труд, почти каждое слово — метафора. Последующее чтение поэтических текстов В. Маяковского убедило нас в этой мысли, но захотелось реализовать замысел Олеши и представить весь арсенал образных средств Маяковского. Как бы мы не относились к его творчеству сегодня, отрицать влияние великого мастера на поэзию XX и XXI в.в. невозможно: в строчках многих и многих поэтов слышны «маяковские нотки». Некоторые сегодняшние критики поэта знакомы с его творчеством только по школьной программе, которая представляла его строго в раз и навсегда канонизированных рамках «лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи, определённых ему вождём. Именно поэтому широкая аудитория читателей долго не знала Маяковского-лирика, Маяковского-футуриста, одного из основоположников русского авангарда, оказавшего большое влияние на мировую культуру». Эти слова А. В. Валюженича (автора уникальной книги: Осип Максимович Брик. Материалы к биографии. — Акмола: Нива, 1993. — 389 с.) о влиянии поэта на зарубежную литературу и неослабевающим интересе к Маяковскому за пределами России и в новом тысячелетии подтверждают те факты, что до сих пор зарубежные учёные и почитатели поэзии художника слова приезжают поработать в музей поэта в Москве, чтобы больше узнать о поэте, о русском футуризме, о русском авангарде. Думается, что это заставляет нас задуматься об отношении к своей русской литературе и «тезаурусу культуры» России.

Работа над составлением словаря продолжалась два года (сбор материала, оформление картошки, выбор образца словарной статьи и т. д.). В «Словарь» вошли все образные средства поэта, выписанные из собрания сочинений в тринадцати томах (это пока лучшее издание текстов В. В. Маяковского). Такой подход дал нам возможность создать цельное представление об образной системе В. В. Маяковского, её эволюции, метафорической плотности текстов, не снижающейся и в последние годы творчества поэта.

Для каждого тропа (сравнение, метафора, олицетворение, эпитет), зафиксированного в словаре, микротекст определялся исследователем.

Образец словарной статьи:

Река: улиц река дымит 1917, 1, 137; реки миров 1918, 2, 240; пота река лилась 1920, 3, 192; словесной рекой 1920–21, 2, 332; (они) хлестали свинцовой рекою 1920–21, 2, 71; мистерии река 1921, 2, 357; человечья река 1923, 4, 54; тек рекой самогон 1923, 5, 183; ветра река 1925, 6, 327; по бульварной реке 1925, 6, 223; из реки по имени «Факт» 1927, 8, 235; в реках пива 1928, 9, 195.

Морда: перед мордами вылезших годов 1913, 1, 163; морду в кровь разбила кофейня 1914, 1, 64; морда дождя 1914–15, 1, 191; морда комнаты 1915, 1, 207; морду трамвая 1916, 1, 113; мордой аршин в снегу 1923, 4, 154; мордами пушек 1929, 10, 54.

Петля: петли подной туги 1913, 1, 154; в петле облака 1913, 1, 46; петель на шею луч накинй 1916–17, 1, 271; петель железнодорожных путей 1920, 2, 156; дороги петли 1923, 4, 151.

В начале словарной статьи представлено слово — основной компонент образа, а после двочеточия — полный перечень употреблений в течение всего творчества автора (в хронологическом порядке). Здесь же содержатся выходные данные образа и год появления в том тексте, в котором зафиксирован троп, страница тома.

На наш взгляд, именно такой комплексный подход к образности поэта помогает увидеть перспективу каждого слова, даёт возможность выявить эволюцию образного мировосприятия В. Маяковского.

Сравнение — один из способов осмысления действительности, одна из форм художественного мышления, без которых не может обойтись ни один язык. Особенно ярко, выразительно и эмоционально сравнение проявляет себя в языке художественной литературы, однако традиционно исследователи, рассматривая образную картину писателя, ограничиваются метафорой, несмотря на то, что сравнения тоже представляют интерес для лингвистических исследований.

В современной филологической литературе отсутствует упорядоченность тропических фигур, традиционно исследователями представляются номенклатурные списки тропов без указания взаимосвязи между ними.

Традиционно в структуре сравнения выделяют следующие компоненты:

1. То, что сравнивается — предмет сравнения или тема.
2. То, с чем сравнивается — образный компонент, образ сравнения или рема;
3. Признак, на основании которого устанавливается сходство, — основание сравнения.

Иногда выделяют четвёртый компонент — показатель сравнительного отношения первых двух членов, или модализатор, который может быть представлен союзами (*как, словно*), предлогами (*подобно*,

вроде), некоторыми полнозначными словами (*похожий, напоминающий*). В работе мы пользуемся вышеназванной терминологией: для обозначения компонентов сравнения выбираем термины «тема», «образ сравнения», «основание для сравнения»; для показателя сравнительного отношения между компонентами сравнения — термин «модализатор». В сравнении должны быть представлены эксплицитно или имплицитно все компоненты указанной структуры, иначе она не будет являться сравнением.

Для В. Маяковского характерны различные сравнительные модели, особенно творительный сравнения. Например:

Павлиний: павлиньим хвостом распушу фантазию 1916, 1, 109.

Паж: шлейфа млечный путь моргающий пажем 1913,1, 46.

Памятник: (Столыпин) памятником встал 1924, 6, 10.

Переспевший: (министры) упадут переспевшей грушей 1927, 8, 258.

Свойственный поэту взгляд на мир отчасти универсален, отчасти специфичен, отчасти индивидуален. Художественная картина мира В. Маяковского позволяет выявить национально-культурную специфику поэта-горожанина, открывает дорогу к пониманию современного человеческого сознания и бытия.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — 2-е изд. — М.: Наука, 2003. — 359 с.
2. *Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М.: Просвещение, 1976. — 543 с.
3. *Туранина Н. А.* Словарь метафор В. Маяковского / Н. А. Туранина. — Белгород, 2002. — 102 с.
4. *Туранина Н. А.* Словарь образных средств Александра Блока, Сергея Есенина и Владимира Маяковского / Н. А. Туранина. — Белгород, 2009. — 174 с.

References

1. *Akhmanova O. S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov / O. S. Akhmanova. — 2-e izd. — M.: Nauka, 2003. — 359 s.
2. *Rozental D. E.* Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov / D. E. Rozental, M. A. Telenkova. — M.: Prosveshchenie, 1976. — 543 s.
3. *Turanina N. A.* Slovar' metafor V. Mayakovskogo / N. A. Turanina. — Belgorod, 2002. — 102 s.
4. *Turanina N. A.* Slovar obraznykh sredstv Aleksandra Bloka, Sergeya Yesenina i Vladimira Mayakovskogo / N. A. Turanina. — Belgorod, 2009. — 174 s.

Туранина Неонила Альфредівна,

доктор філологічних наук, професор, зав. кафедри видавничої справи та бібліотекознавства Білгородського державного інституту культури та мистецтв; Білгород, Росія;
e-mail: turanina@mail.ru; тел. +7-919-430-46-46

ОБРАЗНА МОДЕЛЬ СВІТУ В ПОЕТИЧНОМУ ДИСКУРСІ В. МАЯКОВСЬКОГО (НА МАТЕРІАЛІ СЛОВНИКІВ ТРОПІВ)

Анотація. У статті розглянуто актуальні проблеми художнього дискурсу, пов'язані з системою тропів у контексті творів. Представлено феномен літератури з різних точок зору: лінгвофілософської, лінгвопоетичної, лексикографічної. Автор пропонує до розгляду різні класифікації метафори як провідного тропу в поезії. Поряд з метафорою описуються і інші тропеїчні засоби образної моделі світу: порівняння, його смислова та структурна характеристика. У роботі описано лексикографічний досвід автора щодо створення словників тропів, які дозволяють усвідомити щільність образної тканини твору, авторську індивідуальність кожного з поетів. Предметом аналізу стали словники тропів В. Маяковського, які є першим досвідом лексикографії в контексті творчості поета. У статті визначено методику складання словників, подано зразок словникової статті та описано її особливості. Описано також структуру виданих автором словників. Словники тропів В. Маяковського свідчать про високий рівень метафоричності поетичного тексту цього поета та про насиченість тропами кожного рядка його поезії. Образність художнього тексту не зникає до останніх років створення творів, що свідчить про дивовижний і унікальний поетичний талант.

Ключові слова: троп, образна модель світу, лексикографія, словникова стаття, метафоричний контекст, порівняння, художній текст, поезика, Маяковський.

Neonila A. Turanina,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor, the Chief of Department of Publishing and Library in Belgorod State Institute of Culture and Arts; Belgorod, Russia;
e-mail: turanina@mail.ru ; tel.: +7-919-430-46-46

IMAGINATIVE WORLD MODEL IN V. MAYAKOVSKY'S POETIC DISCOURSE (ON A MATERIAL OF DICTIONARIES OF TROPES)

Summary. The article deals with the actual problems of art discourse connected with system of tropes in a context of artworks. Various points of view on the literary phenomenon of V. Mayakovsky is presented in this article. Lingual and philosophic, poetic, lexicographic aspects of Mayakovsky's creative originality were investigated in this paper. The author examines various classifications of a metaphor as the main poetic trope. Not just a metaphor, but other tropes that characterize imaginative world model were described in the article. In particular, substantial and structural characterization of the comparison. Lexicographical experience of the author created the dictionaries of tropes presented in the work. Dictionaries of tropes allow to comprehend the imaginative systems of artworks and to see the author's individuality of each poet. Dictionaries of V. Mayakovsky's tropes are the first lexicographical research experience of his oeuvre. The article discusses the methodology of compiling of these dictionaries. There is a sample of the vocabulary entry and its features. The author describes the structure of dictionaries of tropes. The material of dictionaries of tropes by Mayakovsky shows a high level of metaphorical text, a trope saturation of each line of the poet. The uniqueness of Mayakovsky's poetic talent is that imagery of his poetry maintains metaphoric saturation throughout the poet's oeuvre.

Keywords: trope, imaginative world model, lexicography, vocabulary entry, metaphor, comparison, poetics, Mayakovsky.

Статтю отримано 30.09.2013 р.

УДК 811.161.1'42+821.161.1.08 Маяковский

ГРИДИНА Татьяна Александровна,доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета; Екатеринбург, Россия;
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru; тел.: +7(343) 370-35-58; моб.: +7-909-010-26-70**АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИГРОВОГО ИДИОСТИЛЯ:
ПОЭТИЧЕСКИЙ КРЕАТИВ В. В. МАЯКОВСКОГО**

Аннотация. В статье анализируется игровой идиостиль как доминанта творческой личности поэта-генератора. Предлагается интерпретация художественного текста в свете конструктивных принципов, механизмов и приёмов языковой игры, создающих экспериментальное поле поэтического креатива Маяковского. Общая стратегия языковой игры, основанная на переключении и ломке ассоциативных стереотипов, выражается в характерной для эстетики футуризма установке на обновление форм поэтической речи. В художественном моделировании Маяковским востребована парадоксальная метафора, оксюморонные сравнения; изощрённая игровая техника омофонического членения слова в тексте; словообразовательные новации как эвристический ресурс трансляции авторской системы оценок и ценностей. Особенности игрового идиостиля Маяковского выявляются с учётом разных дискурсивных регистров, которые отражают взгляд поэта на «текущий момент» с позиции общества и конкретной личности с её картиной мира и мировоззренческими установками. Ассоциативная провокация как главный вектор языковой игры приобретает у поэта характер эпатирующего опровержения расхожих истин, что проявляется, с одной стороны, в «препарировании» (выворачивании наизнанку) готового слова, с другой стороны — в использовании ресурсов нестандартной словообразовательной комбинаторики при создании окказиональных единиц. Игра с готовым словом (по принципу произвольной мотивационной выводимости, выражающей авторскую идею) проявляет ассоциативный потенциал его формальной и смысловой трансформации в текстовой (сюжетообусловленной) проекции. Словотворческие открытия, предельно обнажающие механизмы обновления средств языкового означивания и включающие читателя в сотворчество с автором, характеризуют поэтический идиостиль Маяковского как проявляющий черты игрока-генератора.

Ключевые слова: языковая игра, лингвокреативность, поэтический эксперимент, Маяковский.

Обозначенная в названии проблема имеет отношение к исследованию поэтических «субъязыков», в частности, особенностей игрового идиостиля.

При широком понимании идиостиля в его объём включается всё, что составляет языковую и содержательную специфику текстов одного автора, при более узком понимании — только некоторые, наиболее яркие черты (доминанты) авторской художественной манеры. Одним из ярких идиостилевых векторов выступает языковая игра (ЯИ), особая форма лингвокреативного мышления, проявляющая интенцию говорящего к деавтоматизации — «переключению и ломке ассоциативных стереотипов восприятия, употребления и порождения знака» [1, с. 15; 2]. В основе реализации этой общей стратегии ЯИ как актуализации ассоциативного потенциала вербальных знаков, согласно нашей концепции, лежат конструктивные принципы *ассоциативной интеграции, ассоциативного наложения, ассоциативной выводимости, ассоциативной провокации, имитации*, моделирующие контекст восприятия игры на фоне считываемого прототипа [1]. Творческая самореализация говорящего в регистре ЯИ позволяет выделить определенные типы личности Homo ludens (человека играющего), в частности, обозначенные нами как *игрок-транслятор, игрок-имитатор (стилизатор), игрок-интерпретатор, игрок-генератор (креатор)* [3; 4]. Эти типы определяются по приоритетным для личности принципам и приёмам, которые могут соединяться в моделировании ассоциативного контекста как отдельно взятого игрового слова, так и игровой палитры целого текста. Применительно к творчеству Маяковского можно говорить о поэтическом креативе как доминанте его идиостиля, в котором эксперимент со словом является выражением авторского эстетического кредо и сама используемая поэтом техника «обновления» средств поэтического языка обнаруживает черты игрока-генератора.

Важным для исследования игрового идиостиля (в том числе уникальности поэтического креатива Маяковского) является понимание ЯИ как дискурсивной сущности, которая отражает взгляд на «текущий момент» с позиции общества и конкретной личности с её картиной мира и мировоззренческими установками. Это, в частности, определяет особенности «работы» Маяковского со словом. В автобиографическом эссе «Я сам» он пишет: «Я — поэт. Этим интересен. Об остальном — только если это отстоялось словом» [5, т. 1, с. 23]. Даже в рамках этого «сухого, фактологического», жанра он нетривиален. «Свободно плавая по своей хронологии» [5, т. 1, с. 24], Маяковский удивительно ёмко (хотя и в пунктирно) обозначает значимые для него события и творческие приоритеты, прибегая при этом к метафорической игре, формотворческим и словотворческим инновациям как органичным для него формам самовыражения. Ср., например, несколько рубрик из автобиографии «Я сам»: *Ученые. Учила мама и всякоюродные сёстры* [5, т. 1, с. 26]. Разговорный экспрессивно-стилистический регистр подобных новообразований исключает «пафосность» повествования, проявляя свойственную Маяковскому самоиронию: *Гимназия. Перевели в 4-й класс пятой гимназии. Единицы, слабо разнообразимые двойками* [5, т. 1, с. 29]. Окказиональная форма страд. причастия наст. времени — часть оксюморонного высказывания, пародирующего идею конкуренции хороших отметок (четверок и пятёрок) за учёбу. Не менее показательен фрагмент автобиографии, описывающий реакцию А. М. Горького на поэму «Облако в штанах»: *Читал ему части «Облака». Расчувствовавшийся Горький облакал мне весь жилет... Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэти-*

чексом жилете» [5, т. 1, с. 35]. И окказиональный глагол *облакать* (ср. одноструктурный коррелят *облакать*), и ситуативное перефразирование выражения *плакать в жилетку* в *рыдать на каждом поэтическом жилете* (за счёт добавления и синонимической замены компонентов узувальной фраземы) имеют характер ЯИ. Ассоциативная переключка «игремы» с прототипом создаёт эффект дискредитации «свершившегося акта признания» таланта Маяковского великим пролетарским писателем.

Саркастически-ироничны и реплики Маяковского по поводу описываемых событий политической жизни страны: *Японская война. Появилось слово «прокламация»: прокламации вешали грузины. Грузинов вешали казаки* [5, т. 1, с. 26]. Парадоксальная игра омонимов (ср. столкновение значений «вывешивать что-л.» и «повесить кого-л.») рисует абсурд ситуации. Очевидна и оригинальность метафорического мышления Маяковского, проявляющаяся в установлении поэтом неожиданных и в то же время точных ассоциативных аналогий. Ср., например, характеристику им собрата по творческому цеху: *«Футуристический иезуит слова Кручёных»* [5, т. 1, с. 23]. Помимо метафорического смысла, намекающего на фанатическое следование родоначальника футуризма идее обновления поэтического языка, в этой характеристике заключена явная отсылка к мотивации фамилии *Кручёных*, которая воспринимается в «проекции» на производимые им изощрённые (подобно иезуитским пыткам — ср. *крутить, выкручивать*) словесные «эксперименты», так увлекавшие раннего Маяковского. Среди отыменных игем, встречающихся в цитируемом произведении-автобиографии, интересна словообразовательная инновация *отжереничиться*: *Россия немного отжереничивается* [5, т. 1, с. 36]. Обыгрываемым прототипом в данном случае являются глаголы сходной структуры, образованные от имён нарицательных (ср. *отбодряваться*), но наиболее близким ассоциатом, по причине фонетического и смыслового сходства, является, вероятно, глагол *отжениваться*. Ассоциативная выводимость отрицательных оценочных коннотаций глагола *отжениваться* определяется прецедентностью мотиватора — одиозной фамилии главы Временного правительства, полностью себя дискредитировавшего.

Остроумны и ироничны высказывания Маяковского по поводу первых собственных опытов стихотворчества (в духе его поэтических кумиров — Бальмонта, А. Белого и др.): «Попробовал писать так же хорошо, но про другое. Оказалось так же про другое — нельзя. Вышло ходульно и *ревплаксиво* [5, т. 1, с. 30]. Окказиональное наречие — шутовская аббревиатура, создающая игровой эффект ассоциативного наложения — при актуализации связи с революция и реветь — одновременно в значении «кричать и плакать» (ср.: формальное, омонимическое совпадение соответствующего сегмента с первой частью слова *ревплаксиво*).

Как видно из приведённой цитаты, Маяковский осознавал «непригодность» чужого поэтического языка, понимая, что его собственное мироощущение требует особых, новых форм для своего воплощения. Именно креативный потенциал операциональных механизмов ЯИ, позволяющий соединять несоединимое, преодолевать шаблоны мысли-слова, определяет её востребованность в поэтическом идиостиле Маяковского. К таким операциональным механизмам мы относим специальную «технику» ЯИ, эксплуатирующую нестандартные коды актуализации ассоциативного потенциала слова как двустороннего языкового знака. Дешифровка этого нестандартного кода — непременное условие считывания авторской интенции.

Ассоциативный потенциал словотворческих игем определяется, с одной стороны, вариативностью и синонимией нежестких, системно заданных механизмов порождения слова; с другой стороны — «интерпретационной» валентностью производного слова (свойством идиоматичности его в плане потенциальной денотации и референции: через одну и ту же структуру могут пропускаться разные смыслы). Операциональные механизмы ЯИ есть отражение отмеченных особенностей системного устройства, которые находят реализацию в лингвокреативной деятельности, связанной с осознанной установкой на обновление языкового канона. Словотворчеству Маяковского ярко «проявляет» не только системный языковой ресурс, но и индивидуальные черты его игровой «техники» как способа *художественного миромоделирования*.

Экспериментальная доминанта его идиостиля в целом отвечает мироощущению поэта-новатора, его собственной системе оценок и ценностей. Так, в ранней лирике поэта свойственное ему эпатирование расхожих истин и средств выражения мысли сочетается с острым переживанием состояния одиночества в «обесчеловеченном» обществе. Это мироощущение отзеркаливает в частности метафора «города», который враждебен человеку, живет отдельной от него, самостоятельной жизнью. Ср. стихотворение «Ночь» (1912):

Багровый и белый отброшен и скомкан, / в зелёный бросали горстями дукаты, / а чёрным ладоням сбежавшихся окон / раздали горящие жёлтые карты... / Бульварам и площади было не странно / увидеть на зданиях синие тоги, / И раньше бегущим, как жёлтые раны, / огни обручали браслетами ноги... [5, т. 1, с. 43].

Окна, вспыхивающие светом на фоне сгустившейся ночной темноты, — лишь внешний орнаментальный план изображаемой картины (подчёркнутый цветовой символикой прилагательных *чёрный* и *жёлтый*), «внутреннее зрение» поэта рисует образ города как азартного игрока, затягивающего толпу в свои опасные сети (ассоциативная аналогия «город — казино, где выигрыш или проигрыш зависят только от воли случая»), задаёт более широкую метафорическую перспективу: «жизнь — игра», в которой человек лишь пешка). Город в этой пропозиции одушевлён, человек обезличен. Подчинение «обезличенного» человека некоему стадному (животному) инстинкту подчеркивает зооморфная метафорическая аналогия (*Толпа — нестрогая быстрая кошка — плыла, изгибаясь, дверями влекома...* [5, т. 1, с. 43]).

В этом и других ранних стихах поэта уже проявлен характерный для него принцип метафорической игры, основанной на всеолицетворении окружающего человека пространства. См., например, построенную на этом приеме пейзажную зарисовку из стихотворения «Утро» (1912): *Угрюмый дождь скопил глаза. / А за / решеткой / четкой / железной мысли проводов — / перина. / И на / неё / встающих звёзд / опёрлись ноги...* [5, т. 1, с. 43].

Яркой приметой поэтического креатива Маяковского можно признать построенные по принципу ассоциативной провокации метафоры зрительного восприятия, изменяющие привычный ракурс видения предметов и создающие «кинематографический» эффект перевёрнутой картинки (обратного движения или необычной образной визуализации — когда знакомое становится неузнаваемым ввиду установления отдаленных ассоциаций между, казалось бы, не связанными явлениями). Например: *Фокусник / рельсы тянет из пасти трамвая / скрыт циферблатами баини...* И далее: ... *Лысый фонарь / сладострастно снимает / с улицы / черный чулок...* («Из улицы в улицу», 1913) [5, т. 1, с. 45]. В первом примере семантический «сдвиг» восприятия вызван неожиданной сменой ролей агенса и пациенса: трамвай предстает как неподвижный (пассивный) объект, а рельсы — как объект направленного действия, приводимый в движение по воле фокусника (ср. типовую пропозицию *трамвай идёт по рельсам*); во втором примере ассоциативная игра основана на метафорической субституции — подмене предметного образа антропоморфным, вызывающим аналогию с «ритуалом раздевания» женщины-проститутки её клиентом.

Сложность словотворческого кода языковой игры, используемой Маяковским, общепризнанна; она ощущается как сознанием рядового носителя языка, так и специалистом-филологом. Внутренняя архитектура стиха, создаваемая специальной разбивкой строки и строфы по принципу знаменитой лессенки, усугубляется у Маяковского наличием игровых омоформ, анаграммных рифм, образуя двойной план восприятия текста, который держит читателя в напряжении. Ярким примером игровой техники «телескопии» является стихотворение «Из улицы в улицу» (1913): *У-/Лица/Лица/ У/догов/годов/рез-/че./Че-/рез/ железных коней/ с окон бегущих домов/ прыгнули первые кубы..../В небе жирафий рисунок готов/ выпестрить ржавые чубы.... Мы завоёваны!/Ванны./Души./Лифт./ лиф души расстегнули...* [5, т. 1, с. 45].

Именно такая «разбивка» (в особенности при вертикальном расположении строк) даёт возможность увидеть «перетекание», превращение одного слова в другое, придаёт рельефность форме стиха. Данный принцип ЯИ в художественном тексте мы обозначили как образно-эвристический [2], вовлекающий читателя в сам процесс сотворчества с автором. Ср. превращение слова *улица* в омоформу *у лица*, анаграммная перестановка предлога и существительного включает эту словоформу в новый синтаксический и смысловой контекст (*лица /у/ догов/годов рез-/че*). При этом наблюдается акцентологическая игра падежных омоформ (*у/ лица* и *лица/ у*); анаграмма *догов* — *годов* нагружена метафорическим смыслом суровой неотвратимости бега времени (игровой эффект ассоциативной интеграции возникает как результат сближения этих слов через опосредующее семантическое звено (*бег догов, бег годов* — от *бежать* в прямом и переносном смысле; ср. оценочную зооморфную предикацию, порождаемую той же анаграммой: *годы-доги*); аналогичен анаграммный переход ...*лица*... *годов рез-/че*. *Че/рез/ железных коней/ с окон бегущих домов прыгнули первые кубы...*, который подчёркивает экспрессию движения, передаваемую данной фразой; паронимастические рифмы *завоёваны* — *ванны*, *лиф* — *лифт*, игра омоформ *ДУши* (в одном тематическом ряду с *ванны*) и *лиф души* (как метафоры) выражает идею извечного конфликта вещных и духовных ценностей и создаёт эффект ассоциативного контраста.

Об игровой генерирующей природе словотворчества Маяковского свидетельствует также излюбленный им приём преднамеренного нарушения законов сочетаемости морфем.

Эпатирующую направленность собственного творческого экспериментирования поэта можно определить его же словами:

*Вашу мысль,
мечтающую на размягчённом мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъязвляюсь (ср. усиливающее экспрессию удвоение приставки. — Т. Г.),
нахальный и едкий. («Облако в штанах») [5, т. 2, с. 5].*

Опрокидывание стереотипов обыденного (ленивого, «спящего» сознания мещанина) у Маяковского сопряжено с выворачиванием себя наизнанку, предельным обнажением чувств, обнаруживающих душевную ранимость поэта (*А себя, как я, вывернуть не можете, / чтобы были одни сплошные губы* [5, т. 2, с. 5]). При этом созданию словообразовательных неологизмов сопутствуют гиперболизация, литота, метафора, способствующие выражению иронии, сарказма, издёвки, шутки в виде каламбура. Приведём лишь некоторые неологизмы поэта из той же поэмы «Облако в штанах», отражающие сказанное:

*Мир огромив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвулетний [5, т. 2, с. 5].*

В словоформе от окказионального глагола *огромить* соединяются по принципу ассоциативного наложения смыслы слов *громкий* и *гром*. *Огромив* = буквально «охватив своим мощным, подобным

грому, прокатывающемуся по небу, голосом, весь мир (в переносном смысле = заявить о себе во всеуслышание, «*во весь голос*» — таково будет и название его более поздней поэмы). Гиперболизация, выраженная смысловым наполнением слова, создаёт игровую условность, нарочитую эпатажность этой самохарактеристики, подчёркивая неординарность лирического героя, противопоставляющего масштаб своих чувств чувствам обывателя. И уж явно шутовская самоирония выражена самой метафорой «облако в штанах»:

*Хотите —
буду безужоризненно нежный,
не мужчина, а — облако в штанах* [5, т. 2, с. 6].

Ср. также следующие издевательски-саркастические сравнения, построенные на парадоксальных аналогиях, ассоциативном отождествлении, казалось бы, несопоставимых понятийных сфер: ...*Мною опять славословятся / мужчины, залёжанные, как больница, и женщины, истрёпанные, как половица* [5, т. 2, с. 6].

ЯИ на грани фола для Маяковского — это часто самоирония на грани фола: *Видите — спокоен как! / Как пульс/покойника* [5, т. 2, с. 9].

Парономастическое обыгрывание рифмуемых фраз-«перевёртышей» (*спокоен как* и *как пульс покойника*) создаёт внутреннее напряжение, подчёркивая трагический смысл такой ассоциативной идентификации (спокойствие, равносильное смерти).

Наряду с этим в игровом идиостиле Маяковского востребован потенциал уменьшительно-ласкательных новообразований, которые оригинальны по своему семантическому наполнению, грамматической оформленности и лексической сочетаемости, имеющей метафорическую природу: *Будет любовь или нет? / Какая — большая или крошечная? / Откуда большая у тела такого /: должно быть, / маленький, смирный любёночек* [5, т. 2, с. 8].

Список примеров, иллюстрирующих лингвокреативную технику языковой (словотворческой) игры у Маяковского, легко продолжить. Главное состоит в том, что его неологический дискурс обладает большим индексом личностной оригинальности (уникальности) с ярко выраженной экспериментально-игровой доминантой. При потенциальности многих словотворческих игр Маяковского, их семантика имеет сложный ассоциативный контекст, спровоцированный опознанием прототипа в форме и/или содержании поэтической новации. Так, например, в игре *любёночек* (от *любовь*) считается аналогия с *ребёночек* и другими уменьшительными образованиями со значением «незрелое существо». Это создаёт ассоциативный контекст восприятия окказионализма *любёночек* как соотносительного с *любовь* по силе ещё только нарастающей, «нарождающейся», хрупкой надежды быть любимым. Ср. развитие этой темы в следующих главах поэмы: ... *сквозь жизнь я тащу / миллионы огромных любовей / и миллион миллионов маленьких грязных любят* [5, т. 2, с. 26].

Словотворческий индекс Маяковского в этой поэме особенно высок. Почти каждое новоизобретённое им слово или форма есть метафора или гипербола, отражающая накал рвущегося наружу чувства, которым он «*прекрасно болен*», и бунтарское неприятие равнодушно-бесцветной «обыденности» существования: *Вот и вечер... ушёл от окон, хмурый, декабрь; Скоро криком издерётся рот... / А ночь по коямте тинится и тинится...; Глаза неслёзные бочками выкачу; обугленный поцелуишко;... стоголазое зарево рвётся с пристани. Крик последний, — ты хоть / о том, что горю, в столетия выстони; спихнуть наступившую на горло наперть; ...с шагом саженьям; Я, / златоустейший, / чьё каждое слово душу новородит, / именинит тело, / говорю вам: / мельчайшая пылинка живого / ценнее всего, / что я делаю и сделал!* и др. Особо отметим шутовско-игровую и иронико-саркастическую выразительность глагольных новообразований снижено-разговорного регистра: ... *выкипячивают, рифмами пылика из любей и соловьёв какое-то варевое; грудь испешеходили, высунут глазки, / потёртые в сорокодовой тоске, / — переихихиваться, / что у меня в зубах — опять! — / чёрствая булка вчерашней ласки. / Дождь обрыдал тротуары ... / Значит — опять / темно и понуро / сердце возьму, / слезами окапав, нести, / как собака, которая в конуру / несёт пережаренную поездом лапу* [5, т. 2, с. 17–26]. Генерирование глаголов со значением исчерпанности действия — явно осознано используемый поэтом способ самовыражения.

Выход за пределы стереотипных, автоматизированных форм воплощения мысли выступает в случае ЯИ как творческая активность субъекта, обнаруживающего своеобразие присущих языку ресурсов и тенденции генерирования новых смыслов и форм «по воле» говорящего. Исследование поэтического креатива как одного из проявлений игрового идиостиля состоит, однако, не только и не столько в описании способов создания языковых новаций, сколько в обнаружении дискурсивной заданности и интерпретационной значимости техники ЯИ в воплощении художественного замысла и творческой самореализации автора. Безусловно, для выявления игровых доминант авторского поэтического почерка необходимы сравнительные исследования (например, продуктивным в этом плане можно признать сопоставление Маяковского с Хлебниковым как двух наиболее ярких представителей футуризма)^{1*}. Не менее важно и рассмотрение трансформации поэтического креатива на разных этапах творчества Маяковского в свете обуславливающих эту трансформацию факторов (социальных и личностных).

^{1*} Н. Б. Мечковская, проводя такое сопоставление, отмечает, что «поэзия Хлебникова в большей степени насыщена образами; для Маяковского, в отличие от Хлебникова, не характерны тропы с денотативно неопределёнными темами» (из доклада «Маяковский и Хлебников: различия языковых программ и практик в русском авангарде» на XVI Международной научной конференции «Русистика и современность». — Одесса, 19 сентября 2013 года.

Литература

1. Грідина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография / Т. А. Грідина. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. — 214 с.
2. Грідина Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография / Т. А. Грідина. — 3-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — 254 с.
3. *Lingvistika* креатива: коллективная монография / [ред. Т. А. Грідина]. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. — 368 с.
4. *Lingvistika* креатива: коллективная монография / [общ. ред. Т. А. Грідиной]. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. — 378 с.
5. *Маяковский В. В.* Сочинения: в 2 т. / В. В. Маяковский. — М.: Правда, 1987–1988. — Т. 1. — 735 с.; Т. 2. — 768 с.

References

1. *Gridina T. A.* Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo: monografiya / T. A. Gridina. — Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1996. — 214 s.
2. *Gridina T. A.* Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste: monografiya / T. A. Gridina. — 3-e izd., ispr. i dop. — Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2013. — 254 s.
3. *Lingvistika* kreativa: kolektivnaya monografiya / [red. T. A. Gridina]. — Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2009. — 368 s.
4. *Lingvistika* kreativa: kolektivnaya monografiya / [obshch. red. T. A. Gridinoy]. — Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2012. — 378 s.
5. *Mayakovskiy V. V.* Sochineniya: v 2-kh t. / V. V. Mayakovskiy. — M.: Pravda, 1987–1988. — T. 1. — 735 s.; T. 2. — 768 s.

Грідина Тетяна Олександрівна,

доктор філологічних наук, професор, зав. кафедри загального мовознавства та російської мови Уральського державного педагогічного університету; Екатеринбург, Росія;
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru; тел.: +7(343) 370-35-58; моб.: +7-909-010-26-70

АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ ІГРОВОГО ІДІОСТИЛЮ: ПОЕТИЧНИЙ КРЕАТИВ В. В. МАЯКОВСЬКОГО

Анотація. У статті аналізується ігровий ідіостиль як домінанта творчої особистості поета-генератора. Пропонується інтерпретація художнього тексту у світлі конструктивних принципів, механізмів та прийомів мовної гри, що створюють експериментальне поле поетичного креативу Маяковського. Загальна стратегія мовної гри, заснована на перемиканні і ломці асоціативних стереотипів, виражається в характерній для естетики футуризму установці на оновлення форм поетичного мовлення. У художньому світомоделюванні Маяковським затребувана парадоксальна метафора, оксюморонні порівняння; витончена ігрова техніка омофонічного членування слова в тексті; словотвірні новації як евристичний ресурс трансляції авторської системи оцінок і цінностей. Особливості ігрового ідіостилу Маяковського виявляються з урахуванням різних дискурсивних реєстрів, які відображає погляд поета на «поточний момент» з позиції суспільства і конкретної особистості з її картиною світу і світоглядними установками. Асоціативна провокація як головний вектор мовної гри набуває у поета характер епатуючого спростування розхожих істин, що проявляється, з одного боку, у «препаруванні» (вивертанні) готового слова, з іншого боку — у використанні ресурсів нестандартної словотвірної комбінаторики при створенні оказіональних одиниць. Гра з готовим словом (за принципом довільної мотиваційної виводимості, що виражає авторську ідею) проявляє асоціативний потенціал його формальної та смислової трансформації в текстовій (зумовленій сюжетом) проекції. Словотвірні відкриття, що повністю розкривають механізми оновлення засобів мовного означування і вводять читача у співтворчість з автором, характеризують поетичний ідіостиль Маяковського, який проявляє риси гравця-генератора.

Ключові слова: мовна гра, лінгвокреативність, поетичний експеримент, Маяковський.

Tatyana A. Gridina,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor, Head of General and Russian Linguistics Department of the Ural State Normal University; Ekaterinburg, Russia;
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru; tel.: +7(343) 370-35-58; моб.: +7-909-010-26-70

ASPECTS OF STUDYING THE GAME IDIOSTYLE: MAYAKOVSKY'S POETIC CREATIVITY

Summary. The article analyzes the game idiostyle as a dominant creative personality of the poet-generator. It is suggested to interpret any artistic text in the light of the constructive principles, mechanisms and techniques of the language game, creating an experimental field of poetical creativity of Mayakovsky. The general strategy of language game based on switching and violation of associative stereotypes, is expressed in characteristic of a futurism esthetics installation on updating forms of poetic speech. The word-formation innovations are used as a heuristic resource for translation of the author's system of estimates and values. The peculiarities of the game idiostyle of Mayakovsky are identified taking into account the different discursive registers, which reflects the view of the poet on the «current time» with the position of the society and particular personality, with its picture of the world and world outlook settings. Associative provocation as the main vector of the language game gets at the poet's character refutation of «ordinary truth», which is manifested, on the one hand, in the «preparation» (reversing inside out) of the conventional words, on the other hand, resource use non-standard word-formative combinatorics when creating occasional units. The game with the word (according to the principle of arbitrary motivational deductibility, expressing the author's idea) is an associative potential of its formal and semantic transformation in the text subject projection. The occasional words created by the poet extremely baring mechanisms of updating of a language means characterizes idiostyle of Mayakovsky as showing lines of the player-generator.

Key words: language game, linguistic creativity, poetic experiment, Mayakovsky.

Статтю отримано 30.09.2013 р.

УДК 811.161.1'373.612.2:821.161.1.08Маяковский

КОРТАВА Татьяна Владимировна,доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Москва, Россия;

e-mail: tkortava@mail.ru; тел.: +7-499-252-40-21

МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. В. МАЯКОВСКОГО

Анотація. Стаття посвящена проблеме структурно-семантического и функционального разнообразия образно-оценочных и концептуальных метафор в поэтическом дискурсе В. В. Маяковского. Метафора — результат сравнения принципиально несходных объектов, неожиданная вербализованная аналогия. Яркость и самобытность метафор определяется потенциальной возможностью соединения гетерогенных явлений. Отход от традиционного взгляда на поэтическую метафору только как на художественный троп связан с когнитивным подходом к ней как к средству формирования концептосферы автора, интерпретация которой предположительно меняется в исторической перспективе.

Одним из постулатов когнитивистики является представление о том, что метафора формирует концепт, который может неоднозначно интерпретироваться воспринимающим его субъектом, потому что концепт — это динамичная совокупность индивидуальных представлений о действительности. Динамика восприятия имеет хронологический, психологический и социологический аспекты, поэтому когнитивный подход к изучению метафоры открывает междисциплинарные горизонты. Разработка в рамках когнитивного подхода проблематики метафорического поэтического дискурса позволяет представить метафору как средство визуализации языковой картины мира и наметить пути для её интерпретации в аспектах синтактики, семантики и прагматики.

Творческий гений В. В. Маяковского порождает не метафору в тексте, а поэтический метафорический дискурс.

Ключевые слова: поэтический дискурс, метафора, функция, концепт, Маяковский.

Внимание лингвистов к метафоре приковано уже более 2000 лет, и первые открытия были связаны с изучением поэтической метафоры. Основоположник метафорологии Аристотель видел основное назначение метафоры в украшении текста. Исследуя процесс создания метафоры, учёные долгое время придерживались точки зрения, что в основе ее появления лежит особый тип сравнения. Метафора — это результат сравнения принципиально несходных объектов, неожиданная вербализованная аналогия.

Представление о процессе возникновения метафоры не даёт человеку возможности приобрести умения и навыки её создания. Для этого необходим особый дар — метафорической концептуализации языковой картины мира. Неслучайно В. Ф. Одоевский отметил связь между метафорой и загадкой, которая открывает путь к познанию окружающей действительности: «Мы говорим не словами, но чем-то, что находится вне слов и для чего слова служат только загадками, которые иногда, но отнюдь не постоянно, наводят нас на мысль, заставляют нас догадываться, пробуждают в нас нашу мысль, но отнюдь не выражают её» [12, с. 185–186]. Писатель, таким образом, тонко подметил множественность мировосприятия, которая определяется метафорической загадкой.

Метафоры есть во всех языках; это неисчерпаемый источник их саморазвития, способ уловить индивидуальность конкретных предметов или явлений и передать оттенки их неповторимости. Яркость и самобытность метафор определяется потенциальной возможностью соединения гетерогенных явлений.

Долгое время отрицалось существование метафоры в языке науки. Например, позитивисты считали, что она мешает однозначному пониманию смысла научного текста. Но в наши дни метафора как способ вербализации новых научных знаний — это уже аксиома. В основе научного познания лежит творческий поиск, иногда содержащий элемент парадокса, неожиданной, нетрадиционной аргументации. И в этом случае метафора как средство вербализации когнитивного сдвига в новые сферы познания занимает прочные, незаменимые позиции в языке науки. Она не перефразируется, поэтому часто служит материалом для терминотворчества.

На современном этапе развития научных исследований, прежде всего прагматики, метафора из объекта лингвистики перешла в интегративную область — когнитивистику. Одним из постулатов когнитивистики является представление о том, что метафора формирует концепт, который может неоднозначно интерпретироваться воспринимающим его субъектом, потому что концепт — это динамичная совокупность индивидуальных представлений о действительности. Динамика восприятия имеет хронологический, психологический и социологический аспекты, поэтому когнитивный подход к изучению метафоры открывает междисциплинарные горизонты.

Принципиальное значение для изучения метафоры имеет понятие дискурса, которым оперирует когнитивистика. Оно изменило линейное представление о языке как системе знаков. Ему на смену пришла картина трехмерного пространства языка, учитывающая позиции говорящего, слушающего и интерпретатора. При дискурсивном подходе к тексту появляется возможность изучения вариативных представлений об одном и том же объекте или явлении, что определяется многообразием внеязыковой картины мира.

Часто метафоре дают упрощённое, линейное определение — употребление слова в переносном значении. В действительности метафора многогранна. Слово соединяется с образом не в словарном,

а в случайном значении, которое формируется в контексте за счёт неожиданных связей с другими языковыми средствами, чем и поражает воображение читателя или слушателя.

В рамках когнитивистики в последние годы получила активное развитие когнитивная поэтика, целью которой является трёхаспектное исследование метафоры в художественной речи. При этом основное внимание исследователей сосредоточено на метафоре не как способе украшения речи, а как средстве взаимодействия мышления, языка и культуры. Оба традиционных типа метафор (образно-оценочная и концептуальная) рассматриваются в единстве цели — концептуализации внеязыковой действительности.

В свете утверждения антропоцентрической лингвистической парадигмы многие метафоры, в том числе поэтические, характеризуются как антропоцентрические и антропоморфные, отражающие признаки человека, переносимые на другие объекты или явления действительности. Это естественно, потому что человек является субъектом процесса познания. Однако не все люди способны к метафорическому моделированию картины мира. Общеизвестно, что больные афазией не могут воспринимать метафоры, поскольку у них нарушена способность к метаязыковым операциям. Люди с низким уровнем развития и образования с трудом, после долгих толкований, понимают метафоры. Часто за фразой: «Я не люблю поэзию» скрывается принципиальная неспособность или ленивое безразличие к потенциальной множественности восприятия связей и аналогий в окружающей действительности, что, безусловно, упрощает и обедняет языковую картину мира таких людей.

В настоящее время в лингвистической литературе широко распространено мнение о трёхфазовом восприятии поэтической метафоры, предполагающем установление прямого значения слова; сопоставление этого значения с контекстным и поиск метафорического значения при наличии несоответствий. Но загадка психологической природы человеческого восприятия заключается в том, что фазы не следуют одна за другой, механизм искромётный, последовательность восприятия может быть индивидуальной, потому что, как известно, нельзя «поверить алгеброй гармонию».

Поэзия В. В. Маяковского является ярким примером этой невозможности. Она разрушает все схемы и классификации классической лингвистики и когнитивистики. Его творческий гений порождает не метафору в тексте, а поэтический метафорический дискурс. Примечательно, что поэт неустанно пропагандировал принципы своего словотворчества. Его многочисленные статьи, смелые выступления на диспутах, встречах с читателями отражают горячее желание донести смысл своей революционной борьбы за новый поэтический язык.

Маяковский — поэт на поле битвы за новый русский язык. В 1914 г. в статье «Война и язык» он сформулировал «военные задачи поэтов» — «пересмотр арсенала старых слов» и словотворчество с целью «острить слова» [9, с. 325–328]. Все поэты находятся в поиске различных форм, которые отражают ритм современной им жизни и остроту переживаний. Но вряд ли кто-то может соперничать с Маяковским в неутомимости этих поисков. Сила и мощь воздействия его стиха на читателя подобна морской стихии. Его тексты трудно подвергнуть дискретному лингвистическому анализу художественных средств. Блестящая, глубокая работа Г. О. Винокура «Маяковский как новатор языка», опубликованная ровно 70 лет назад, к 50-летию со дня рождения поэта, оставляет впечатление неисчерпаемости поэзии Маяковского и желание постигнуть неизвестное. Г. О. Винокур наглядно показал, что в своей «словопроизводственной игре» [4, с. 62] Маяковский использовал модели, потенциально существующие, спрятанные в системе национального русского языка, в его диалектах.

Для лингвистов особенно значимы рассуждения Маяковского о соотношении словесной формы и содержания. В статье «Два Чехова», написанной в 1914 г., Маяковский смело заявил, что не идея рождает слово, а слово рождает идею [8, с. 331]. Именно таким он представлял себе механизм своего творчества. Маяковский выступал против «старой словесной пыли», призывал поэтов возвыситься словесные выражения, уточнить языковую выразительность и спуститься с неба на землю, дать народу, *безъязыкой улице*, новый язык.

Футуристические идеи чисто нигилистического отрицания «изнасилованных», по определению В. Хлебникова, слов В. В. Маяковский обогатил идеей создания словесного метафорического портрета новой революционной эпохи. Несмотря на хронологическую событийную приуроченность поэтических произведений Маяковского, стихия коренных преобразований и ветер перемен как результат эстетического восприятия поэзии Маяковского разрушают временные преграды и соответствуют духу любых изменений в исторической перспективе. И в наши дни его стихи звучат набатом.

Маяковский был лишён самолюбования, он старался «вывернуть себя» перед читателем, смело признавал ошибки:

*Я тоже
в бешеном темпе галопу
по меду слов языком колоколил,
ладоньями рифм торжествующе хлопал.*

(Поэма «IV Интернационал», 1922)

Поразительно, что и образ поэта В. В. Маяковский создавал как сплав оценочной и концептуальной метафор, воплощая картину мира глазами своей Музы. Наиболее ярким, программным произведением в понимании сути метафорического поэтического дискурса является поэма «Облако в штанах», написанная в Одессе и датированная 1914–1915 годами. Поэма автобиографична: лирический герой

и поэт одновременно — *красивый, двадцатидвулетний, у него в душе ни одного седого волоса, окровавленный сердца лоскут, как небо меняет тона, одни сплошные губы.*

Метафорический дискурс разворачивается во всей полноте с первых строк, охватывая и поэта (лирического героя), и читателя, и интерпретатора. Поэт приглашает всех учиться любви. Любовь, нежная, боязливая, хрупкая, *смирный любёночек*, разрывает *жилистую громадину*. В первых строках поэмы поэт намеренно задевает *мысль* читателя, *мечтающую на размягчённом мозгу, как выжиревший лакей на засаленной кушетке*, призывая к состраданию и сопереживанию.

Ещё Г. О. Винокур подметил, что поэт осмысленно использовал в поэзии неcodифицированные грамматические формы, например: *Нежные, вы любовь на скрипки лбжите* или *любовь любому рождённому дадена*. Это своеобразная форма словесного протеста против *чинных чиновниц ангельской лиги*. Об этом и сам поэт писал в статье «Без белых флагов».

Метафорический словесный образ любви воплощается в одном из главных героев, уничтожается грань между словом и субъектом действия, концептуализируется мировосприятие, создаётся основа для множественности индивидуальных образов. В эту всеобъемлющую картину любви на фоне хмурого *декабрьского вечера, ушедшего в ночь*, вкраплены и *серые дождинки*, и образное сравнение лирического героя с нервом, и щемящее чувство тоски по украденной Джоконде. В поэме нет конкретного образа возлюбленной — есть метафора страдания от потери любви, от невозможности *выскокить из сердца*.

Поэт искусно включает читателя и интерпретатора в процесс сопереживания. Он боится непонимания, беспокойно ищет слова, понятные *безязыкой улице*, придавая своей метафоре воздействующую и продуцирующую функции. Поэт бессилён выразить себя *умершими словами, трупники* которых *разлагаются во рту*. Возникает метафорический образ толпы, алчущей *златоустейшего* поэтического слова, пророка, *идущего через горы времени*. Но его не видит никто. Образ поэта-жертвы напоминает горьковского Данко. Поэт обещает вытащить свою душу, растоптать, *чтоб большая*, и отдать её народу, *окровавленную, как знамя*.

Маяковского многие упрекали в том, что он слишком прямолинейно отражал время, следовал социальному заказу. Широко известна, например, полемика поэта с Б. Пастернаком. Однако проникновение в словесную ткань произведений Маяковского заставляет усомниться в приоритете социального содержания его поэзии. Маяковский — прежде всего словесный мастер. Революционные словесные опыты поэта отражают перемены в жизни, они естественным образом формируют антропоморфные концептуальные метафоры, создавая авторскую концептосферу.

Метафоры Маяковского могут быть не слишком пространными: *чёрствая булка вчерашней ласки, дождь обрыдал тротуар, губы спокойно перелистывает, плавлю лбом стекло окошечное, слезают слёзы с крыши в трубы, солнце моноклем вставляю в широко растопыренный глаз*, — но все они — блики единого концепта, трёхмерного отражения метафорического поэтического дискурса, который у каждого читателя вызывает свои представления о прочитанном.

Маяковский, как большой художник, обладал даром поэтического предчувствия. Вот как он рисует метафорическую картину будущего:

*Гром из-за тучи, зверя, вылез,
громадные ноздри заборно высморкал,
и небе лицо секунду кривилось
суровой гримасой железного Бисмарка.*

(Поэма «Облако в штанах», 1914–1915)

В этом примере присутствуют и словообразовательные метафоры, и образно-оценочные, но они неотделимы от авторского концепта грядущей опасности.

М. Цветаева, сравнивая Маяковского и Пастернака, писала, что Маяковский — поэт темы и что его поэзию можно перевести в прозу. С этим трудно согласиться. Поэтический дискурс Маяковского насквозь метафоричен, а метафора пересказу и переводу не поддаётся. Тематической приуроченности сопротивлялся и сам поэт (см. поэму «Про это», 1923 г.). Его единственная тема — метафорическое поэтическое «я», концепт поэтического слова в пространстве постоянно меняющегося во времени человеческого бытия. Но трудно не согласиться с М. Цветаевой в том, что Маяковский — «первый в мире поэт масс, первый русский поэт-оратор» и у него «один читатель — Россия» [13, с. 508].

Маяковский — грандиозный созидатель, не лишённый и высокой самооценки: «а я вам открыл столько стихов шкатулок» и самоиронии: «я — бесценных слов мот и транжир». Смысл его поэзии — в словотворчестве («я немало слов придумал вам»), словом он творил саму жизнь. Его произведения не приурочены к определённому историческому периоду — поэт всегда был устремлён вперед. Его метафорическое обращение к будущим читателям перешагнуло все временные границы и метафорическим облаком устремилось в «века истории»:

*Грядущие люди!
Кто вы?
Вот — я,
весь боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души. («Ко всему», 1916)*

Литература

1. *Аристотель*. Поэтика (Об искусстве поэзии) / Аристотель. — М.: ГИХЛ, 1957. — 184 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора / Н. Д. Арутюнова // Поэтика и лингвистика. — М.: Наука, 1979. — С. 147–173.
3. *Валавин В. Н.* Словотворчество Маяковского (Опыт словаря окказионализмов) / В. Н. Валавин. — М.: Азбуковник, 2010. — 622 с.
4. *Винокур Г. О.* Маяковский как новатор языка / Г. О. Винокур. — М.: Сов. писатель, 1943. — 133 с.
5. *Горб Б. И.* Шут у трона революции: внутренний сюжет творчества и жизни поэта и актёра серебряного века Владимира Маяковского / Б. И. Горб. — М.: Улисс-медиа, 2001. — 612, 116 с.
6. *Купина Н. А.* Лирика раннего Маяковского. Лингвистический анализ / Н. А. Купина. — Свердловск: УрГУ, 1988. — 88 с.
7. *Манин Ю. И.* Математика как метафора / Ю. И. Манин. — М.: МЦНМО, 2008. — 400 с.
8. *Маяковский В. В.* Два Чехова / В. В. Маяковский // Стихотворения. Поэмы. Статьи. — М.: Аст Олимп, 1996. — С. 325–332.
9. *Маяковский В. В.* Война и язык / В. В. Маяковский // Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Гослитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 325–328.
10. *Маяковский В. В.* Наша словесная работа / В. В. Маяковский // Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Гослитиздат, 1959. — Т. 12. — С. 448–449.
11. *Маяковский В. В.* Облако в штанах / В. В. Маяковский // Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Гослитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 173–196.
12. *Одоевский В. Ф.* Сочинения в двух томах / В. Ф. Одоевский. — М.: Худож. лит., 1981. — Т. 1. — С. 185–186.
13. *Цветаева М. И.* Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак) / М. И. Цветаева // Стихотворения. Поэмы. Статьи. — М.: Аст Олимп, 1996. — С. 505–529.
14. *Шувалов В. И.* Метафорический дискурс / В. И. Шувалов. — М.: Прометей, 2005. — 148 с.

References

1. *Aristotel*. Poetika (Ob iskusstve poezii) / Aristotel. — M.: GIKhL, 1957. — 184 s.
2. *Arutyunova N. D.* Yazykovaya metafora / N. D. Arutyunova // Poetika i lingvistika. — M.: Nauka, 1979. — S. 147–173.
3. *Valavin V. N.* Slovtvorchestvo Mayakovskogo (Opyt slovarya okkazionalizmov) / V. N. Valavin. — M.: Azbukovnik, 2010. — 622 s.
4. *Vinokur G. O.* Mayakovskiy kak novator yazyka / G. O. Vinokur. — M.: Sovetskiy pisatel', 1943. — 133 s.
5. *Gorb B. I.* Shut u trona revolyutsii: vnutrenniy syuzhet tvorchestva i zhizni poeta i aktera serebryanogo veka Vladimira Mayakovskogo / B. I. Gorb. — M.: Uliss-media, 2001. — 612, 116 s.
6. *Kupina N. A.* Lirika rannego Mayakovskogo. Lingvisticheskiy analiz / N. A. Kupina. — Sverdlovsk: UrGU, 1988. — 88 s.
7. *Manin Yu. I.* Matematika kak metafora / Yu. I. Manin. — M.: MTsNMO, 2008. — 400 s.
8. *Mayakovskiy V. V.* Dva Chekhova / V. V. Mayakovskiy // Stikhotvoreniya. Poemy. Stati. — M.: Ast Olimp, 1996. — S. 325–332.
9. *Mayakovskiy V. V.* Voyna i yazyk / V. V. Mayakovskiy // Poln. sobr. soch.: v 13 t. — M.: Goslitizdat, 1955. — T. 1. — S. 325–328.
10. *Mayakovskiy V. V.* Nasha slovesnaya rabota / V. V. Mayakovskiy // Poln. sobr. soch.: v 13 t. — M.: Goslitizdat, 1959. — T. 12. — S. 448–449.
11. *Mayakovskiy V. V.* Oblako v shtanakh / V. V. Mayakovskiy // Poln. sobr. soch.: v 13 t. — M.: Goslitizdat, 1955. — T. 1. — S. 173–196.
12. *Odoevskiy V. F.* Sochineniya v dvukh tomakh / V. F. Odoevskiy. — M.: Khudozh. lit., 1981. — T. 1. — S. 185–186.
13. *Tsvetaeva M. I.* Epos i lirika sovremennoy Rossii (Vladimir Mayakovskiy i Boris Pasternak) / M. I. Tsvetaeva // Stikhotvoreniya. Poemy. Stati. — M.: Ast Olimp, 1996. — S. 505–529.
14. *Shuvalov V. I.* Metaforicheskiy diskurs / V. I. Shuvalov. — M.: Prometey, 2005. — 148 s.

Кортэва Тетяна Володимирівна,

доктор філологічних наук, професор, зав. кафедри російської мови для іноземних студентів природничих факультетів Московського державного університету імені М. В. Ломоносова; Москва, Росія;
e-mail: tkortava@mail.ru; тел.: +7-499-252-40-21

МЕТАФОРА В ПОЕТИЧНОМУ ДИСКУРСІ В. В. МАЯКОВСЬКОГО

Анотація. Статтю присвячено проблемі структурно-семантичного та функціонального розмаїття образно-оцінних і концептуальних метафор у поетичному дискурсі В. В. Маяковського. Метафора — результат порівняння принципово несхожих об'єктів, несподівана вербалізована аналогія. Яскравість і самобутність метафор визначається потенційною можливістю поєднання гетерогенних явищ. Відхід від традиційного погляду на поетичну метафору лише як на художній троп пов'язано з когнітивним підходом до неї як до засобу формування концептосфери автора, інтерпретація якої ймовірно змінюється в історичній перспективі.

Одним із постулатів когнітивістики є уявлення про те, що метафора формує концепт, який може неоднозначно інтерпретуватися суб'єктом, що сприймає його, бо концепт — це динамічна сукупність індивідуальних уявлень про дійсність. Динаміка сприйняття має хронологічний, психологічний та соціологічний аспекти, тому когнітивний підхід до вивчення метафори відкриває міждисциплінарні горизонти. Розробка у рамках когнітивного підходу проблематики метафоричного поетичного дискурсу дозволяє представити метафору як засіб візуалізації мовної картини світу і визначити шляхи її інтерпретації в аспектах синтактики, семантики і прагматики.

Творчий геній В. В. Маяковського породжує не просто метафору в тексті, а поетичний метафоричний дискурс.

Ключові слова: поетичний дискурс, метафора, функція, концепт, Маяковський.

Tatyana V. Kortava,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor, Head of Department of the Russian language for Foreign Students of Natural Sciences Faculties of Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia;
e-mail: tkortava@mail.ru; тел.: +7-499-252-40-21

METAPHOR IN THE POETIC DISCOURSE OF V. V. MAYAKOVSKY

Summary. This article considers the issues of semantic structure and functional diversity of figurative and evaluative metaphors as well as conceptual metaphors in the poetic discourse of V. V. Mayakovsky. Metaphor is the result of a comparison

between two objects which in principle are not related, it is an unexpected and verbalized analogy. The expressiveness and originality of metaphors is determined by their ability to link heterogeneous concepts. The traditional view of the poetic metaphor as an artistic trope only has been modified in favour of the cognitive approach suggesting that the metaphor is a method of forming the conceptual sphere of the author. Specifically, the interpretation of metaphors is supposed to depend on a historic perspective.

One of the propositions of the cognitive theory suggests that the metaphor shapes the concept which may be given different interpretations by an individual attempting to interpret this concept, because the concept represents a dynamic combination of individual views on the reality. Since the dynamics of perception contains chronological, psychological and social aspects, a cognitive approach to studying metaphors opens interdisciplinary horizons. The analysis of metaphors used in poetic discourse following a cognitive approach allows us to present the metaphor as a method to visualize a linguistic image of the world and design ways for its interpretation from semantic, syntactic and pragmatic perspectives.

The creative genius of V. V. Mayakovsky gives birth to a poetic metaphor discourse and not just a metaphor within a text.

Key words: poetical discourse, metaphor, function, concept, Mayakovsky.

Статью получено 12.09.2013 г.

УДК 811.161.1'42'373.23 Маяковский

ЛАППО Марина Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»; Новосибирск, Россия;
e-mail: lama2046@yandex.ru; тел.: +7(383)341-54-84; моб.: +7-913-753-9991

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ И ПРОЗАИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ В. МАЯКОВСКОГО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируется динамика личностного самосознания и самовыражения Владимира Маяковского на разнородном материале 1913—1930 г.г. (поэтические тексты, эссе, заметки, выступления). К анализу междисциплинарных явлений идентичности и вербальной самоидентификации привлекаются лингвистические инструменты: категории *выражения* и *описания* внутреннего мира человека, понятия языковой референции, типа дискурса, речевого действия, *конструирования* и *отражения* действительности, типа номинации. Автор приходит к выводу о том, что поэтический дискурс обладает не меньшим, по сравнению с прозаическим текстом, потенциалом отражения идентичности говорящего. Отчасти это объясняется стремлением Маяковского к отождествлению со своим лирическим героем. Другим доводом является отмеченная Г.-Г. Гадамером специфическая особенность поэтического высказывания к «приросту бытия», а также, по О. Г. Ревзиной, его способность к «исключительно глубокому познанию мира». Сходство поэтической и прозаической самоидентификации у В. Маяковского заключается в постоянном поиске себя, непрерывной смене номинаций, отражающей динамику его личностного самосознания. Различие самоидентификации в разных типах дискурсов связано с направленностью на разные виды идентичности. Самоидентификация в поэтической речи В. Маяковского выполняет функцию конструирования личностной идентичности, а самоидентификация в прозе конструирует его социальную идентичность.

Ключевые слова: самоидентификация, самономинация, поэтический дискурс, прозаический дискурс, Маяковский.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-54-00005 «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности».

Тема данной статьи связана с двумя спорными вопросами современной лингвистики: во-первых, с возможностью собственно лингвистического анализа феноменов идентичности и самоидентификации, во-вторых, с возможностью выражения и/или конструирования идентичности автора в поэтическом тексте.

Самоидентификация в данной работе не отождествляется с идентичностью, как это принято в ряде исследований (напр.: «Термины «самоидентификация», «самосознание», «личностная идентичность» тесно связаны, имеют инвариантное начало, поэтому будут использоваться нами как синонимы» [14]). Напротив, эти термины разводятся, а самоидентификации придаётся статус специфического речевого действия, процесса, в ходе которого выражается или конструируется идентичность. Все виды идентичности – психофизиологическая, социальная и личностная [3] могут так или иначе отражаться в речи. Однако в дискурсе наиболее выпукло актуализируется социальная идентичность. Социальная идентичность – принадлежность, стремление к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей. Под самоидентификацией мы понимаем вербальное действие выражения или описания идентичности говорящего субъекта. Цель данного действия – обозначить, сформировать и утвердить своё место в совокупности всех людей: выделить себя из массы и/или приписать себя к своей референтной группе. Референтная группа, в свою очередь, это социальная общность (воображаемая или реальная) людей, служащая для субъекта источником ценностей и норм, членом которой он состоит или желает оказаться; это некие важные, авторитетные люди, на мнение которых субъект, как правило, опирается в своей жизнедеятельности.

Конструкционизм критически относится к репрезентационному потенциалу речевых актов самоидентификации. Так, Л. В. Енина и Э. В. Чепкина считают, что говорящий субъект, не имея устой-

чивой идентичности, не может репрезентировать в речи «свойственную» ему идентичность, он может установить ее в ходе дискурса: «Идентичность субъекта возникает в дискурсе и, соответственно, всякое высказывание субъекта есть совершение действия по установлению собственной идентичности»; «идентичность есть всякий раз промежуточный результат непрерывного процесса идентификации посредством использования дискурсивных практик» [2, с. 160]. Соглашаясь в целом с таким мнением, заметим, что ответ на вопрос, выражает или конструирует идентичность вербальная материя, не является для лингвистики принципиальным: речь говорящего *и конструирует* (=приписывает смыслы), *и выражает идентичность* (как язык способен выражать нечто внутреннее, например, эмоции) одновременно. Не вызывает сомнения, что и для конструирования идентичности, и для ее выражения нужны внешние, материально закрепленные ресурсы (языковые средства, одежда, жесты, позы, мимика), которые и нуждаются в семиотическом исследовании. Языковедческая проблематика самоидентификации лежит не только в области выбора одного из двух исследовательских подходов к соотношению языка и идентичности — языка как средства репрезентации идентичности или языка как средства ее создания (об этих подходах см., в частности, в [7; 8]). Ср. характерную идею Р. Павилениса о том, что язык фиксирует и процесс, и результат посредством одних и тех же знаков [9, с. 201].

В своей работе мы будем опираться на идею сочетания эссенциалистского и постструктуралистского (конструкционистского) подходов к идентичности. Так, Т. А. Юдина предлагает «рассмотреть эти подходы не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие, как различные, последовательные этапы в исследовании феномена идентичности и процесса идентификации, которые не могут существовать без идей каждого из них» [12, с. 11]. Е. В. Ощепкова также настаивает на необходимости создания *общей модели* идентичности, включающей достижения представителей разных школ и направлений [8].

Привлекая и психосоциальное понимание самоидентификации как процесса и как маркера идентичности, и собственно лингвистические ресурсы, которые можно использовать в изучении идентичности и самоидентификации, приходим к тому, что *самоидентификация* — это осознанное либо неосознанное вербальное, пара- и невербальное маркирование идентичности, т. е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей. Задачей же лингвиста является поиск и анализ участков языковой системы, отвечающих за структурирование дискурсов идентичности.

Безусловно, идентичность субъекта по-разному отражается в поэтическом и прозаическом дискурсах. Так, О. Г. Ревзина, указывая, что «для лингвиста поэтический текст есть своеобразный вызов» [10, с. 418], пишет: «Отсутствие первичной соотнесенности с внеязыковым миром является неустрашимой чертой стихотворного текста. Стихотворные высказывания как будто лишены основного механизма, обеспечивающего связь с внеязыковым миром» [10, с. 421; выделено нами. — М. Л.]. И далее: «<...> прозаическая форма указывает на модус внеязыкового существования означаемого, а стихотворная форма — на модус собственно языкового существования» [10, с. 425]. В связи с этим нет и прямой соотнесенности стихотворного текста и автора, текста и идентичности автора стихотворения. Ср. мнение М. М. Бахтина: «С первого же взгляда ясно, что здесь [в поэтическом произведении. — М. Л.] слово не находится и не может находиться в такой же тесной зависимости от всех моментов внесловесного контекста, от всего непосредственно видимого и известного, как в жизни [1, с. 158].

Однако стихотворные произведения В. Маяковского не лишены связи с внеязыковым миром. Для него характерна высокая степень отождествления себя со своим лирическим героем: одно из самых ярких и ранних известных его первых произведений — цикл «Я», его автобиография называется «Я сам», главным действующим лицом трагедии «Владимир Маяковский» является именно он, в других поэтических текстах также присутствуют явные указания на личность автора (имя, адрес и т. д.).

Возможность использовать в одном контексте как поэтические, так и прозаические произведения обусловлена заявленным отношением к творчеству у В. Маяковского: «Мы развеяли старую словесную пыль, используя лишь железный лом старья. Мы не хотим знать различия между поэзией, прозой и практическим языком. Мы знаем единый матерьял слова и пускаем его в сегодняшнюю обработку» (Наша словесная работа. 1923 г.). Маяковский стирает различия между разными способами организации речи. М. Ю. Маркасов пишет: «Как раз наличие авторской рефлексии позволяет использовать обозначение рефлексия и при описании поэтических текстов, тем более поэтических текстов XX века, эпохи, когда происходит размывание жанровых, стилевых и даже родо-видовых границ, наблюдается диффузия прозы и поэзии, и в последней активно начинают появляться вербальное осмысление вопросов её бытия, создания, конструирования» [6, с. 13]. Последнее замечание также позволяет использовать поэтический материал как источник личностной рефлексии автора, который, если не идентичен лирическому герою, но очень близок к нему.

Другим важным основанием для включения поэтической речи в анализ личности автора является утверждение о том, «поэтическое мышление дает нам исключительно глубокое познание мира» [10, с. 423], более того, по Г.-Г. Гадамеру, поэтическое высказывание — особый вид мира, в котором «...происходит *прирост бытия*» (цит. по: [10, с. 431]; выделено нами. — М. Л.). М. М. Бахтин так продолжает свои рассуждения о специфике поэтического произведения: «На самом же деле и поэтическое произведение тесно вплетено в невысказанный контекст жизни. <...> Ведь поэт выбирает слова не из словаря, а из жизненного контекста (видимо, из *своего* жизненного контекста), где они отстоялись и пропитались оценками» [1, с. 159]. Поэтому именно поэтическая речь обладает колоссальным ресурсом выражать/конструировать личностную идентичность автора.

Самым ярким средством поэтического самообозначения лирического героя Маяковского является метафора. Метафоры Маяковского — яркие, сильные, необычные, сверхэкспрессивные, их более чем другие авторские метафоры характеризует следующее замечание: «Метафора является одним из основных способов выражения авторского сознания и формирования основ поэтики» [6, с. 11]. М. Ю. Маркасов предлагает классификацию масок-самообозначений лирического героя Маяковского, которые, как правило, метафоричны: а) «сакральные маски» (*13-й апостол, Заратустра, Христос, ангел, предтеча, блаженнейший, глашатай грядущих правд*); б) «низовые маски» (*площадной сутенёр, карточный шулер*); в) «поливариантные маски», маркирующие непохожесть на других (*облако в штанах, жилистый громадина, глыба, петух голландский, король псковский, царь ламп*); г) «поэтические маски» (*последний поэт, замечательный поэт, граненых строчек белый алмазник*) [6, с. 40].

Наряду с выделенными «масками» следует обратить внимание на группу дореволюционных самообозначений, которые можно назвать метафорами «обнажения», метафорами «выворачивания наружу души», подчеркивающими некую «огромность» его самосознания, его Я:

Мы завоеваны! / Ванны. / Души. / Лифт. / Лиф души расстегнули (Из улицы в улицу. 1913 г.). [Тексты здесь и далее цитируются по изданию: *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Худож. лит., 1955—1961.];

Вам ли понять, / почему я, / спокойный, / насмешек грозю / душу на блюде несю / к обеду идущих лет (Владимир Маяковский. 1913 г.);

Грядущие люди! Кто вы? / Вот я — весь боль и ушиб. / Вам завещаю я сад фруктовый / моей великой души (Ко всему. 1916 г.);

Нежны! / Вы любовь на скрипки ложите. / Любовь на литавры ложит грубый. / А себя, как я, вывернуть не можете, / чтобы были одни сплошные губы! / ... И чувствую — / «я» / для меня мало. / Кто-то из меня вырывается упрямо (Облако в штанах. 1914—1915 г.г.);

Я сегодня буду играть на флейте. / На собственном позвоночнике (Флейта-позвоночник. 1915 г.);

Милостивые государи! / Понимаете вы? / Боль берешь, / растишь и растишь ее: / всеми пиками истыканная грудь, / всеми газами свороченное лицо, / всеми артиллериями громадная цитадель головы — / каждое мое четверостишие (Война и мир. 1915—1916 г.г.).

Кроме метафор зрительного внешнего души в ранних стихах встречаются описания экзотичности лирического героя, демонстрирующей его одиночество, неприкаянность:

А если сегодня мне, грубому гуину, / кривляться перед вами не захочется... (Нате! 1913 г.);

Вот иду я, / заморский страус, / в перьях строф, размеров и рифм (Россия. 1916).

Лирический герой и автор на протяжении всего творческого пути как бы бесконечно примеряют разные образы, подыскивают новые сравнения и обороты речи, как бы надевая всё новые и новые маски. М. А. Чернякова считает, что «использование В. Маяковским различных, порой эпатажных и экзотических масок для своего лирического героя парадоксальным образом не противоречит главной цели и надежде поэта: стремлению к избавлению от масок как лирического героя, так и окружающих» [11, с. 236]. Действительно, надевание новой маски означает снятие старой и избавление от надуманного и несвойственного образа. Поэтому такой процесс (надевание и снятие вычурных масок, примеривание необычных образов) можно отнести к поиску личностной идентичности. Попытка обозначить, номинировать свой образ посредством метафоры соотносима с категорией косвенного эксплицитного описания идентичности [подробнее см.: 4; 5].

Поиски самообозначений у Маяковского в прозаических текстах — эссе, записках, заметках, выступлениях — также многочисленны:

Я — нахал <...>. Я — циник <...>. Я — извозчик <...>. Я — рекламист, <...> Таков вот есть Владимир Владимирович Маяковский, молодой человек двадцати двух лет <...> Так, пожалуйста, изругав нахала, циника, извозчика двадцати двух лет, прочтите совершенно незнакомого поэта Вл. Маяковского (0 разных Маяковских. 1915 г.);

Знайτε, нашим шеям, шеям Голиафов труда, нет подходящих номеров в гардеробе воротничков буржуазии (Открытое письмо рабочим. 1918 г.);

Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом (Я сам. 1922—1928 г.г.);

Для нас, мастеров слова России Советов, маленькие задачки чистого стиходелания отступают перед широкими целями помощи словом строительству коммуны (До. 1923 г.);

Мы не жрецы-творцы, а мастера-исполнители социального заказа (Наша словесная работа. 1923 г.).

В. Маяковский известен прежде всего как поэт-футурист. Номинация «футурист» вначале плохо принимается Маяковским, затем эксплуатируется, а впоследствии заменяется новыми обозначениями. Проследим динамику самономинации в области художественных движений:

Говорят, что я футурист? Что такое футурист? Не знаю. Никогда не слышал. Не было таких. <...> Футуристами нас окрестили газеты. Впрочем, ругаться не приходится. Смешно! Если б Вавила кричал: «Отчего я не Евгений?» Какая разница?! Футуризм для нас, молодых поэтов, — красный плащ торадора, он нужен только для быков (бедные быки! — сравнил с критикой) (И нам мяса! 1914 г.);

В этой книге все сочиненное мною за десять лет: и вещи получившие право на отдельный оттиск и мелочи, скоренные газетами и альманасами. Нами, футуристами, много открыто сло-

весных Америк, ныне трудолюбиво колонизируемых всеми даже благородно шаржающимися от нас писателями. (Любителям юбилеев. 1919 г.);

Октябрь очистил, оформил, реорганизовал. Футуризм стал левым фронтом искусства. Стали «мы» (За что борется Леф? 1923 г.);

Товарищи по Лефу! Мы знаем: мы, левые мастера, мы — лучшие работники искусства современности (Кого предостерегает Леф? 1923 г.);

Мы, лефы, никогда не говорим, что мы единственные обладатели секретов поэтического творчества. Но мы единственные, которые хотят вскрыть эти секреты, единственные, которые не хотят творчество спекулятивно окружить художественно-религиозными поклонениями (Как делать стихи? 1926 г.);

Товарищи! Мы были Леф, мы стали Реф. Мы объявляем себя новым объединением, новым отрядом на фронте культуры (Товарищи! 1929 г.).

Помимо собственно номинаций (поэт, рекламист, футурист, левый мастер, Леф, Реф и др.), следует обратить внимание и местоименную референцию: Я дореволюционное заменяется послереволюционным коллективистским МЫ. Таким образом Маяковский намеренно или произвольно встраивает себя (своего лирического персонажа) в коллектив — как на уровне творческих группировок, так и на уровне целого государства.

В. Маяковский как поэт, писатель, художник, общественный деятель периодически подводит итоги: первое собрание сочинений «Все сочиненное Владимиром Маяковским. 1909—1919», двухтомное собрание сочинений «13 лет работы», выставка «20 лет работы Маяковского» (1930 г.) — причём сказать, что так обозначаются промежуточные итоги, нельзя; при жизни ожидает признания: «Я всегда думал, что Лубянский проезд, на котором «Новый Леф» и в котором я живу, назовут-таки в конце концов проездом Маяковского. Пока что выходит не так» (Записная книжка «Нового Лефа», 1927). Характерна фраза из «Предисловия к сборнику сценариев»: «За жизнь мною написано 11 сценариев» (1926—1927 г.г.). Все эти акты можно отнести к такой разновидности вербальной самоидентификации, как выражение профессиональной (и личностной) идентичности — к осознанию себя великим мастером слова, внесшим большой вклад в зарождающееся искусство новой страны.

Подведём итоги. Можно увидеть как сходство, так и различия поэтической и прозаической самоидентификации Маяковского. Сходство заключается в постоянном поиске себя, непрерывной смене номинаций, отражающей динамику его личностного самосознания. Возможно, именно в связи с этим Р. Якобсон, знавший его близко, отмечал, что «у него было действительно какое-то вечное отрочество, какое-то недожитое созревание» [13, с. 104]. Самоидентификация в поэтической речи В. Маяковского выполняет функцию конструирования личностной идентичности, а самоидентификация в прозе конструирует его социальную идентичность. Для реализации этих процессов привлекаются различные языковые ресурсы: в поэтическом дискурсе используются преимущественно метафорические образы, окказиональные и экзотические номинации, в прозаическом — номинативные имена существительные. Кроме описания идентичности автор использует ресурсы выражения своей профессиональной и личностной идентичности — переживания своей гениальности, уникальности своего дара и мастерства и, как следствие, своей персональной исключительности в мире людей.

Литература

1. Бахтин М. М. Слово в жизни и слово в поэзии / М. М. Бахтин / Антропологистика: Избранные труды. — М.: Лабиринт, 2010. — С. 145—168.
2. Енина Л. В. Самоидентификация журналиста в прямом эфире на радио / Л. В. Енина, Э. В. Чепкина // Изв. Урал. гос. ун-та. — 2010. — № 3(78). — С. 159—167.
3. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. — М.: Политиздат, 1984. — 336 с.
4. Лапко М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом / М. А. Лапко // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 372. — С. 28—32.
5. Лапко М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы / М. А. Лапко. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. — 180 с.
6. Маркасов М. Ю. Поэтическая рефлексия Владимира Маяковского в контексте русского авангарда: дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Маркасов. — Барнаул, 2003. — 206 с.
7. Матузкова Е. П. Идентичность и язык: проблематика изучения / Е. П. Матузкова // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвященных 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика: в 2 ч. / отв. сост.: В. В. Колесов, М. Вл. Пименова, В. И. Теркулов. — Изд. 2-е. — К.: ИД Дм. Бураго, 2013. — Ч. 1. — С. 343—351.
8. Ощепкова Е. С. Языковые основы идентичности / Е. С. Ощепкова // Жизнь языка в культуре и социуме-3 / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. — М.: Эйдос, 2012. — С. 420—422.
9. Павиленис Р. Смысл и идентичность, или Путь к себе / Р. Павиленис; пер. с лит. Р. Чичинскайте. — Вильнюс: ЕГУ, 2013. — 242 с.
10. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста / О. Г. Ревзина // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. ст. к юбилею Г. А. Золотовой / под ред. Н. К. Онипенко. — М.: УРСС, 2002. — С. 418—433.
11. Чернякова М. А. Разноликость лирического «Я» раннего В. Маяковского: маска лирического героя как форма протеста / М. А. Чернякова // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.: Ин-т археологии РАН, 2007. — Вып. XVIII. — С. 232—237.
12. Юдина Т. А. Социально-философский анализ роли языка в формировании идентичности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Юдина. — Новосибирск, 2013. — 34 с.
13. Якобсон Р. Будетлянин науки / Р. Якобсон // Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Р. Якобсон; сост. Б. Янгфельд. — М.: Гилей, 2012. — С. 15—112.
14. Ярина Е. С. Проблема самоидентификации личности и особенности поэтической системы в романах Е. Элинек 1975—1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Ярина. — Екатеринбург, 2011. — 22 с.
- * * *
15. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В. В. Маяковский; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Худож. лит., 1955—1961.

References

1. *Bakhtin M. M.* Slovo v zhizni i slovo v poezii / M. M. Bakhtin // *Antropolingvistika: Izbrannye trudy.* — M.: Labirint, 2010. — S. 145–168.
 2. *Yenina L. V.* Samoidentifikatsiya zhurnalista v pryamom efire na radio / L. V. Yenina, E. V. Chepkina // *Izv. Uralsk. gos. un-ta.* — 2010. — № 3(78). — S. 159–167.
 3. *Kon I. S.* V poiskakh sebya. Lichnost' i yeyo samosoznanie / I. S. Kon. — M.: Politizdat, 1984. — 336 s.
 4. *Lappo M. A.* Samoidentifikatsiya: pryamoe, kosvennoe eksplitsitnoe i kosvennoe implitsitnoe opisanie identichnosti govoryashchim subektom / M. A. Lappo // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* — 2013. — № 372. — S. 28–32.
 5. *Lappo M. A.* Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy / M. A. Lappo. — Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2013. — 180 s.
 6. *Markasov M. Yu.* Poeticheskaya refleksiya Vladimira Mayakovskogo v kontekste russkogo avangarda: dis. ... kand. filol. nauk / M. Yu. Markasov. — Barnaul, 2003. — 206 s.
 7. *Matuzkova Ye. P.* Identichnost' i yazyk: problematika izucheniya / Ye. P. Matuzkova // *Chelovek. Yazyk. Kultura: sb. nauch. st., posvyashchennykh 60-letnemu yubileyu prof. V. I. Karasika: v 2 ch. / otv. soored.: V. V. Kolesov, M. Vl. Pimenova, V. I. Terkulov.* — Izd. 2-e. — K.: ID Dm. Burago, 2013. — Ch. 1. — S. 343–351.
 8. *Oshchepkova Ye. S.* Yazykovye osnovy identichnosti / Ye. S. Oshchepkova // *Zhizn' yazyka v kulture i sotsiume-3 / otv. red. Ye. F. Tarasov.* — M.: Eydos, 2012. — S. 420–422.
 9. *Pavilenis R.* Smysl i identichnost', ili Put' k sebe / R. Pavilenis; per. s lit. R. Chichinskayte. — Vilnyus: YeGU, 2013. — 242 s.
 10. *Revzina O. G.* Zagadki poeticheskogo teksta / O. G. Revzina // *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta: sb. st. k yubileyu G. A. Zolotovo / pod red. N. K. Onipenko.* — M.: URSS, 2002. — S. 418–433.
 11. *Chernyakova M. A.* Raznolikost' liricheskogo «Ya» rannego V. Mayakovskogo: maska liricheskogo geroya kak forma protesta / M. A. Chernyakova // *Problemy istorii, filologii, kulture.* — M.: In-t arkhologii RAN, 2007. — Vyp. XVIII. — S. 232–237.
 12. *Yudina T. A.* Sotsialno-filosofskiy analiz roli yazyka v formirovani identichnosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / T. A. Yudina. — Novosibirsk, 2013. — 34 s.
 13. *Yakobson R.* Budetlyanin nauki / R. Yakobson // *Budetlyanin nauki: vospominaniya, pis'ma, stat'i, stikhi, proza / R. Yakobson; sost. B. Yangfeld.* — M.: Gileya, 2012. — S. 15–112.
 14. *Yarina Ye. S.* Problema samoidentifikatsii lichnosti i osobennosti poeticheskoy sistemy v romanakh Ye. Elinek 1975–1980-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Ye. S. Yarina. — Yekaterinburg, 2011. — 22 s.
- * * *
15. *Mayakovskiy V. V.* Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. / V. V. Mayakovskiy; AN SSSR, In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo. — M.: Khudozh. lit., 1955–1961.

Ляппо Марина Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри сучасної російської мови Новосибірського державного педагогічного університету; Новосибірськ, Росія;
e-mail: lama2046@yandex.ru; тел.: +7(383)341-54-84; моб.: +7-913-753-9991

САМОІДЕНТИФІКАЦІЯ В ПОЕТИЧНОМУ ТА ПРОЗОВОМУ ДИСКУРСАХ В. МАЯКОВСЬКОГО: ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. У статті проаналізовано динаміку особистісної самосвідомості і самовираження Володимира Маяковського на різноманітному матеріалі 1913–1930 рр. (поетичні тексти, есе, замітки, виступи). До аналізу міждисциплінарних явищ ідентичності і вербальної самоідентифікації залучаються лінгвістичні інструменти: категорії вираження і опису внутрішнього світу людини, поняття мовної референції, типу дискурсу, мовної дії, конструювання та відображення дійсності, типу номінації. Автор приходить до висновку про те, що поетичний дискурс володіє не меншим, порівняно з прозовим текстом, потенціалом відображення ідентичності мовця. Частково це пояснюється прагненням Маяковського до ототожнення зі своїм ліричним героєм. Іншим аргументом є зазначена Г.-Г. Гадамером специфічна особливість поетичного висловлювання до «приросту буття», а також, за О. Г. Ревзіною, його здатність до «виключно глибокого пізнання світу». Подібність поетичної та прозової самоідентифікації у В. Маяковського полягає в постійному пошуку себе, у безперервній зміні номінацій, що відображає динаміку його особистісної самосвідомості. Різниця самоідентифікації в різних типах дискурсів пов'язана зі спрямованістю на різні види ідентичності. Самоідентифікація в поетичному мовленні В. Маяковського виконує функцію конструювання особистісної ідентичності, а самоідентифікація у прозі конструє його соціальну ідентичність.

Ключові слова: самоідентифікація, самономінація, поетичний дискурс, прозовий дискурс, Маяковський.

Marina A. Lappo,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. at the Modern Russian Department of Novosibirsk State Normal University; Novosibirsk, Russia;
e-mail: lama2046@yandex.ru; tel.: +7(383)341-54-84; моб.: +7-913-753-9991

SELF-IDENTITY IN POETIC AND PROSAIC DISCOURSES OF MAYAKOVSKY: LINGUISTIC ASPECT

Summary. The article analyzes the dynamics of self-identity and self-expression of Vladimir Mayakovsky on dissimilar material of 1913–1930 (poetic texts, essays, notes, speeches). Analysis of interdisciplinary phenomena of identity and self-identification involved verbal linguistic tools: category and description of the expression of the inner world of man, the notion of linguistic reference, type of discourse, speech acts, construction and reflection of reality, type of nomination. The author concludes that poetic discourse reflects potential identity of the speaker no less than a prosaic text. This is partly explained by the desire of Mayakovsky to equate himself with his lyrical hero. Another argument is a specific feature of poetic expression to «the growth of self-being» marked by G.-G. Gadamer and also its ability to «exceptionally deep knowledge of the world» found by O. G. Revzina. The similarity of poetic and prosaic identity in the works of Mayakovsky is in constant search of himself, a continuous change of nominations, reflecting the dynamics of his personal identity. The difference in the different types of identity discourses is associated with the directions to different kinds of identity. Identity in poetic speech of Mayakovsky performs the function of constructing personal identity and self-identity while in prose it constructs his social identity.

Key words: identity, self-nomination, poetic discourse, prose discourse, Mayakovsky.

Статтю отримано 6.12.2013 р.

УДК 811.161.1'373.2:801.631.5 Маяковский

НЕМИРОВСКАЯ Александра Фёдоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и методики преподавания специальных дисциплин Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского; Одесса, Украина;
e-mail: lauma-59@mail.ru; тел.: +38 (048) 716-96-13; моб.: +38 (048) 706-08-43;
+38-067-968-19-93

ОНИМНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПОЭМЕ В. МАЯКОВСКОГО «ОБЛАКО В ШТАНАХ»

Аннотация. Статья посвящена изучению роли онимной лексической парадигмы поэмы-тетраптиха В. В. Маяковского «Облако в штанах». Анализируется функциональная нагрузка, особенности употребления, стилистические коннотации, экспрессивный, образный потенциал, вариативность собственных имён всех онимных разрядов поэмы. Употребление тех или иных онимов зависит от тематики произведения, авторского замысла, что и обуславливает функционирование определённой ономастической лексики, организацию особенностей онимного пространства поэмы. Использование каждого онима чётко продумано автором, и каждое имя собственное иллюстрирует широкий спектр образных трансформаций, а также тесное взаимодействие с иными лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Семантический анализ онимов свидетельствует о наличии значительного коннотативного потенциала с активированным стилистическим, экспрессивным компонентом практически у каждого имени собственного, максимально углубляющим его узуальное значение. Установлен диапазон, онимная насыщенность и перспективы образных трансформаций авторских собственных имён, их зависимость не только от лингвоментальных стратегий автора, но и от экстралингвистических факторов. Онимы в поэме выполняют текстообразующую, характеризующую, хронотопическую, экспрессивную, выразительную функции, способствуют раскрытию подтекста и авторской концепции.

Ключевые слова: онимное пространство, онимная лексическая парадигма, имя собственное, коннотация, стилистическая экспрессия, художественное произведение.

Исследование онимного пространства (ОП) художественных произведений (ХП) является сегодня одним из приоритетных направлений отечественного языкознания. Собственные имена (СИ) в ХП, помимо своей основной, номинативной функции, служат средством оценки, характеристики персонажей; они содержат значительный стилистический и экспрессивный потенциал. Онимы не являются нейтральными знаками относительно их художественной функции. Они определенным образом подчиняются общим закономерностям, которые определяют смысловую структуру текста [10, с. 3]. СИ «многосторонне способствуют формированию образной структуры произведения, реализации конкретной художественной задачи: характеристики персонажей, созданию образа автора, выражению идейной позиции писателя» [1, с. 92].

Современные исследования литературно-художественной ономастики отличаются глубиной и фундаментальностью. Л. Е. Белей, М. А. Захарова, С. И. Зинин, Ю. А. Карпенко, Е. Ю. Карпенко, В. М. Калинин, Л. И. Колоколова, Э. Б. Магазанник, В. М. Михайлов, Е. С. Отин, Р. У. Таич, О. И. Фонакова и многие другие учёные-ономасты в качестве основных направлений своих исследований, избрали ОП в ХТ, специфику функционирования онимов в художественном контексте, определение основных принципов построения ОП в художественном микромире. Большинство исследователей особое внимание обращают на функции СИ в художественной прозе. Изучение же ОП поэтических текстов проводится в значительно меньшей мере, что обусловлено особенностями функционирования СИ в языке поэзии. Тем не менее, онимы всегда были существенной, функционально значимой составной поэтических произведений, как и других родов литературы. Кроме того, малоисследованным с точки зрения лингвостилистических особенностей, в т.ч. и ОП, сегодня остаётся творчество многих выдающихся отечественных мастеров слова, среди которых — Владимир Владимирович Маяковский, чьё поэтическое наследие оставило заметный след в истории русистики начала прошлого столетия. Индивидуальный стиль поэта характеризуется широтой и богатством средств художественной выразительности. Приведённые факторы обуславливают актуальность данного исследования.

Творчество В. Маяковского можно условно разделить на два периода: дореволюционный (1912–1917) и послеоктябрьский (1917–1930). Начало его пути в литературе было связано с группой футуристов, утверждавших в своем творчестве революционность форм, отказ от поэтических традиций. Ранняя поэзия В. Маяковского связана с эстетикой неореализма, порождённой не только неприятием действительности, но и желанием её преобразить. Раннему В. Маяковскому присущ дух отрицания современной жизни, враждебного поэту мира. Отрицание приобретает у него глобальный характер, становится протестом против всего мирового порядка. Отрицание, протест также лежит в основе его поэмы-тетраптиха «Облако в штанах» (1914). Это произведение является чрезвычайно интересным с т. зр. функционирования онимной лексической парадигмы (ОЛП), что способствует глубинному прочтению и вдумчивой интерпретации поэмы.

Таким образом, тема нашей статьи — ОЛП в поэтическом контексте. Материалом исследования послужила поэма-тетраптих В. Маяковского «Облако в штанах», предметом — лексические и стилистические средства построения ОЛП как определяющего фактора в понимании авторской концепции произведения.

Для создания ОЛП поэт использует различные классы и разряды онимов. Прежде всего, это антропонимы: *Мария* [9, с. 2, 12, 13, 14]; *Люда, Оля* [с. 4]; *Маяковский* [с. 13]; топонимы, в том числе: хоронимы, регионимы — *Аляска* [с. 16], *Англия* [с. 11]; астионимы — *Ницца* [с. 1], *Помпея* [с. 3], *Петроград* [с. 7], *Москва* [с. 7], *Одесса* [с. 2, 7], *Киев* [с. 7]; урбаноним — *Пресня* [с. 12]; оронимы — *Везувий* [с. 3], *Голгофа* [с. 7]; эклизионим *Собор Парижской Богоматери* [с. 3]; ойкодомоним *Бастилия* [с. 8]; эргоним «*Лузитания*» [с. 5]; фоновые онимы, в том числе СИ исторических лиц, деятелей литературы, искусства, персонажей мировой литературы и фольклора, теонимы, мифонимы, агнионимы: *Джек Лондон* [с. 3], *Гёте* [с. 7], *Гомеры* и *Овидии* [с. 7], *Северянин* [с. 9], *Наполеон* [с. 9], *Бисмарк* [с. 10], *Ротшильд* [с. 10], *Ван-Гутен* [с. 9], *генерал Галифе* [с. 10], *Джоконда* [с. 3], *Фауст* [с. 7], *Мефистофель* [с. 7], *Заратустра* [с. 7], *Варавва* [с. 11], *Иисус Христос* [с. 11], *Мамай* [с. 11], *Азеф* [с. 11], *Тиана* [с. 13], *Иродиада* [с. 15], *Креститель* [с. 15], *Пётр Апостол* [с. 15], *Евочки* [с. 15]; библионим *Евангелие* [с. 11]; хрономим *шестнадцатый год* [с. 8], а также апеллятивные номинации — *богоматерь* [с. 11], *голгофник оплёванный* [с. 11].

Особое место в контексте поэмы занимает заголовок — первый знак, «визитная карточка» ХП, выполняющий «две важнейшие функции: создание текста и контакт с читателем» [6, с. 57]. Молодой поэт дразнит обывательскую, размягченную мысль «окровавленным лоскутом» своего сердца. В его душе нет старческой нежности, однако он также может быть «безукоризненно нежным» — «не мужчина, а облако в штанах» [9, с. 1]. Заглавие встречается в контексте 1 раз, выполняет эпатазирующую функцию [5, с. 179] и выражает основной замысел, идею, «концепт создателя» [3, с. 133].

Наибольшую частотность употребления среди онимов имеет СИ главной героини — *Мария* (16). По нашему мнению, это закономерно, поскольку поэма посвящена возлюбленной поэта *Марии*, к которой он обращается с глубокой болью, полностью осознавая утрату своей любви. Её имя В. Маяковский боится забыть, «как поэт боится забыть какое-то в муках ночей рождённое слово, величием равное богу» [9, с. 13]. СИ *Мария* создаёт особую экспрессию в 4-ом разделе поэмы, где оно встречается 13 раз в составе стилистических фигур и многочисленных повторов — градации, риторических обращений. Экспрессию усиливают повторяющиеся знаки восклицания: «*Мария! Мария! Мария! Пусты, Мария!*»; «*А я человек, Мария, простой (...) Мария, хочешь такого? Пусты, Мария!*» [9, с. 12]; «*Мария! Зверевот улиц выгоны!*»; «*Мария! Имя твоё я боюсь забыть!*» [с. 13].

Частотность употребления остальных СИ значительно ниже — 1–2 раза. Однако практически все они несут значительную семантическую, экспрессивную и смысловую нагрузку. Так, пространственный континуум создают топонимы, выполняющие: 1) функцию конкретной локализации (*Одесса, Петроград, Москва, Киев, Пресня*) и 2) функцию создания топонимического фона, с помощью которого рамки поэмы значительно раздвигаются (*Аляска, Англия, Ницца, Помпея, Везувий, Голгофа, Бастилия, «Лузитания», Собор Парижской Богоматери*). Поэт вписывает каждое СИ в необходимый микроконтекст, тщательно подбирая необходимое лексическое сопровождение. Большинство СИ употребляются в составе стилистических фигур, являясь ёмкими, экспрессивно насыщенными лексическими маркерами: *цветочная Ницца* [9, с. 1]; *химеры Собора Парижской Богоматери* [с. 3]; *погибла Помпея, когда раздражили Везувий!* [с. 4]; *горящие руки «Лузитании»* [с. 5]; *Голгофы аудиторий* [с. 7]; *грязная рука Пресни* [с. 12]; *тысяча тысяч Бастилий* [с. 8].

По-разному функционируют в произведении фоновые СИ; каждое их употребление обусловлено конкретным авторским замыслом, необходимостью активизировать определённые эмоционально-логические ассоциации, создать запрограммированный эффект. Это становится возможным благодаря широкому «суггестивно-ассоциативным возможностям исторического имени, ... мифологических, и литературных имён», которые отличаются своей «долговечностью и широкой известностью» [8, с. 55]. Введение подобных СИ в контекст логически мотивированно и обусловлено авторским замыслом и бунтарской направленностью поэмы: *Проповедует, мечась и стена, сегодняшнего дня крикозубый Заратустра!* [9, с. 7]. *Плывать, что нет у Гомеров и Овидиев людей, как мы* [с. 7]. *Впереди на цепочке Наполеона поведу, как мопса* [с. 9]. *И небе лицо секунду кривилось суровой гримасой железного Бисмарка* [с. 10]. *Это опять расстрелять матежников грядёт генерал Галифе!* [с. 10]. *Земле, обжиревшей, как любовница, которую вылюбил Ротшильд!* [с. 10]. *Пришла. Пирует Мамаем, задом на город насеив. Эту ночь глазами не проломаем, чёрную, как Азеф!* [с. 11]. *Поэт сонеты поёт Тиане* [с. 13]. ... *И вина также расставим по столу, чтоб захотелось пройти в ки-ка-пу хмуromу Петру Апостолу. А в рае опять поселим Евочек* [с. 14].

Поэма «Облако в штанах» насыщена всевозможными аллюзиями, способствующими с большей или меньшей полнотой установить значение подтекста. «В литературном произведении невысказанное может при определённых обстоятельствах иметь большую значимость, чем то, что в действительности содержится в тексте» [2, с. 73]. Онимная парадигма также активно включена в процесс создания аллюзий. Так, интересная, выпуклая аллюзия наблюдается в микроконтексте с топонимическим массивом: *Это звело на Голгофы аудиторий Петрограда, Москвы, Одессы, Киева, и не было ни одного, который не кричал бы: «Распни, распни его!»* [9, с. 7–8]. Ороним *Голгофа*, употребляясь во множ. числе, метонимизируется, создавая общее семантическое поле со *Спасителем, Иисусом Христом*, СИ которого в контексте отсутствует. Аллюзия же создаётся благодаря библейской цитате, завершающей контекст. Подобную аллюзию мы видим и в другом контексте: увидев глаза *богоматери*, поэт спрашивает её, зачем одаривать сиянием *трактирную ораву? Видишь — опять голгофнику оплёванному предпочитают Варавву?* [9, с. 11]. Лексемы и словосочетания *богоматерь — трактирная орава, голгофник оплёванный — Варавва* выстраивают контрастную оппозицию на уровне семантики, способа номинации и фоновых знаний, вызывающих у читателя конкретные ярко выраженные

ные ассоциации. Подобную оппозицию образуют также фоновые СИ *Джек Лондон* и *Джоконда*: *Вы говорили: «Джек Лондон, деньги, любовь, страсть», — а я одно видел: вы — Джоконда, которую нужно украсть! И украли [с. 3–4]. СИ Северянин* создаёт оппозицию между творчеством И. Северянина и современной В. Маяковскому эпохой, наполненной грозвыми раскатами надвигающейся революции: *А из сигарного дыма (...) вытягивалось пропитое лицо Северянина. Как вы смеете называться поэтом и, серенький, чирикать, как перепел! Сегодня надо настетом кроиться миру в черепе! [с. 9]. Множ. число СИ Бастилия* ассоциируется с душевной борьбой, уничтожением в себе самом мягкости, нежности: *Я выжге души, где нежность растли. Это труднее, чем взять тысячу тысяч Бастилий [с. 8].* Апеллятивное словосочетание *городов вавилонские башни* создаёт аллюзию гнева Божьего в отношении возгордившихся людей и проспектирует грядущую революционную бурю, которая всё сметает на своём пути: *Городов вавилонские башни, возгордаясь, возносим снова, а бог города на пашни рушит, мешая слово [с. 6].* Подобные ассоциации встречаются и в в другом контексте: *В терновом венце революций грядёт шестнадцатый год [с. 8].*

Различные классы онимов часто функционируют в одном микроконтексте, создавая своеобразное онимное «поле», в состав которого входят онимы, связанные общей семантико-тематической направленностью: *Помните! Погибла Помпея, когда раздражили Везувий! [9, с. 4]. Что мне до Фауста, феерией ракет скользящего с Мефистофелем в небесном паркете! Я знаю — гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гёте! [с. 7]. Я (...) в самом обыкновенном Евангелии тринадцатый апостол (...) может быть, Иисус Христос нюхает души моей незабудки [с. 11]. Тысячу раз опляшет Иродиной солнце землю — голову Крестителя [с. 15].* Приведённые контексты демонстрируют тщательную работу В. Маяковского с номинациями, в т. ч. и с СИ. Хотя большая часть СИ функционирует в поэме в сатирическом, гротескном ключе, все они кспрются ёмкими, многоаспектными, экспрессивно насыщенными деталями произведения, символами-знаками, влияющими на контекст в необходимом автору ключе. Онимные краски в значительной степени обуславливают утончённую словесную «игру», они заметно влияют на сопровождающий их контекст и выстраивают соответствующие коннотации, раскрывающие идейно-тематическую направленность поэмы.

Таким образом, исследование онимного пространства поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» демонстрирует его значительный кспрессивный и коннотативный потенциал. Онимы в поэме являются важным языковым средством с широкими выразительными возможностями. Автор тщательно подбирает СИ, вдумчиво вписывает их в контекст, учитывая их явные и скрытые ассоциации, экспрессивный потенциал, возможность создания аллюзий. В условиях нового, нестандартного мировосприятия поэта онимы в поэтической форме отображают новый, индивидуально-образный смысл [4, с. 201], который служит ключом к интерпретации как отдельного произведения, так и творчества поэта в целом.

Литература

1. *Антология поэтонимологической мысли*. Т. 1. В. Н. Михайлов. Избранное. — Михайловские чтения 2007–2008 / Антология. — Донецк: Юго-Восток, 2008. — 418 с.
2. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1971. — 239 с.
3. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 138 с.
4. *Ковтунова И. И.* Лингвистика и поэтика / И. И. Ковтунова. — М.: Наука, 1986. — 278 с.
5. *Кожина Н. А.* Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / Н. А. Кожина // *Проблемы структурной лингвистики*, 1984: сб. науч. тр. — М.: Наука, 1988. — С. 167–183.
6. *Кочан И. М.* Лингвистичний аналіз тексту: навч. посіб. / І. М. Кочан. — 2-ге вид., переробл. та допов. — К.: Знання, 2008. — 423 с.
7. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. / В. В. Маяковский. — М.: Гослитиздат, 1955. — Т. 1.
8. *Михайлов В. Н.* О системе лингвистического анализа ономастической лексики в художественной речи / В. Н. Михайлов // *Методика преподавания русского языка и литературы*. — К.: Вища шк., 1981. — 278 с.
9. *Маяковский В. В.* Облако в штанах: тетраптих [Электронный ресурс] / В. В. Маяковский. — Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Mayakovskiy/30.htm>.
10. *Фомин А. А.* Ассоциативные связи литературного онима и аксиология художественного образа / А. А. Фомин // *Известия УрГУ. Гуманитарные науки: история, филология, искусствознание*. — Екатеринбург, 2001. — С. 3–14.

References

1. *Antologiya poetonomologicheskoy mysli*. T. 1. V. N. Mikhaylov. Izbrannoe. — Mikhaylovskie chteniya 2007–2008 / Antologiya. — Donetsk: Yugo-Vostok, 2008. — 418 s.
2. *Vinogradov V. V.* O teorii khudozhestvennoy rechi / V. V. Vinogradov. — M.: Nauka, 1971. — 239 s.
3. *Gal'perin I. R.* Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya / I. R. Galperin. — M.: Nauka, 1981. — 138 s.
4. *Kovtunova I. I.* Lingvistika i poetika / I. I. Kovtunova. — M.: Nauka, 1986. — 278 s.
5. *Kozhina N. A.* Zaglavie khudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funktsii, parametry tipologii / N. A. Kozhina // *Problemy strukturnoy lingvistiki*, 1984: sb. nauch. tr. — M.: Nauka, 1988. — S. 167–183.
6. *Kochan I. M.* Lingvistichnyi analiz tekstu: navch. posib. / I. M. Kochan. — 2-e vyd., pererobl. ta dopov. — K.: Znannya, 2008. — 423 s.
7. *Mayakovskiy V. V.* Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. / V. V. Mayakovskiy. — M.: Goslitizdat, 1955. — T. 1.
8. *Mikhaylov V. N.* O sisteme lingvisticheskogo analiza onomasticheskoy leksiki v khudozhestvennoy rechi / V. N. Mikhaylov // *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka i literatury*. — K.: Vishcha shkola, 1981. — 278 s.
9. *Mayakovskiy V. V.* Oblako v shtanakh: tetraphtikh [Elektronnyy resurs] / V. V. Mayakovskiy. — Rezhim dostupa: <http://www.stihi-rus.ru/1/Mayakovskiy/30.htm>.
10. *Fomin A. A.* Assotsiativnye svyazi literaturnogo onima i aksiologiya khudo-zhestvennogo obraza / A. A. Fomin // *Izvestiya UrGU. Gumanitarnye nauki: istoriya, filologiya, iskusstvovedenie*. — Yekaterinburg, 2001. — S. 3–14.

Немировська Олександра Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології та методики викладання спеціальних дисциплін
Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського; Одеса, Україна;
e-mail: lauma-59@mail.ru; тел.: +38 (048) 716-96-13; моб.: +38 (048) 706-08-43; +38-067-968-19-93

ОНИМНА ЛЕКСИЧНА ПАРАДИГМА У ПОЕМІ В. МАЯКОВСЬКОГО «ХМАРА В ШТАНЯХ»

Анотація. Стаття присвячена вивченню онімної лексичної парадигми у поемі В. В. Маяковського «Хмара в штанах». Аналізується функціональне навантаження, особливості уживання, стилістичні конотації, експресивний, образний потенціал, варіативність власних імен усіх онімних розрядів поеми. Уживання тих чи інших онімів залежить від тематики твору, авторського задуму, що зумовлює функціонування певної ономастичної лексики, організацію особливостей онімного простору поеми. Автор чітко продумує використання кожного оніма, і кожне власне ім'я ілюструє широкий спектр образних трансформацій, а також тісну взаємодію з іншими лінгвістичними та екстралінгвістичними факторами. Семантичний аналіз онімів свідчить про наявність значного конотативного потенціалу з активованим стилістичним, експресивним компонентом майже у кожного власного імені, що максимально поглиблює його узуальне значення. Встановлено діапазон, онімну насиченість і перспективи образних трансформацій авторських власних імен, їхню залежність не тільки від лінгвоментальних стратегій поета, а й від екстралінгвістичних факторів. Оніми в поемі виконують текстоутворюючу, характеризуючу, хронотопічну, експресивну, виразову функції, сприяють розкриттю підтексту й авторської концепції.

Ключові слова: онімний простір, онімна лексична парадигма, власне ім'я, конотація, стилістична експресія, художній твір.

Aleksandra F. Niemirowskaya,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. at the Chair of Ukrainian Philology and methods of teaching of special subjects, South-Ukrainian K. D. Ushynskiy National Normal University; Odessa, Ukraine;
e-mail: lauma-59@mail.ru; tel.: +38 (048) 716-96-13; mob.: +38 (048) 706-08-43; +38-067-968-19-93

THE ONYMS LEXICAL PARADIGM IN THE POEM «THE CLOUD IN THE BREECHES» BY V. MAYAKOVSKY

Summary. The article studies the onyms lexical paradigm in the four-parts poem «The cloud in breeches» by V. Majakovsky. There are analyzed the artistic functions, peculiarities of usage, the stylistic connotations, the expression and the potential, the variation of the proper names of all onomastic classes in the poem. The usage of onyms first of all depends on the contents and the theme of the belle-lettre, the author's idea that leads to certain functioning of the onomastic vocabulary, the organization of peculiarities of onomastic space in the poem. The using of each onym well thought out by the author, and every proper name illustrates the wide range of imaginative transformations, as well as close interaction with other lingual and extralingual factors. The study establishes that the frequency dynamics and onym scope amplitude depend on linguistic and extralinguistic factors. The figurative potential of each of the onym classes used by the author was described in this article with figurative transformations and symbolism being the most frequent. The dynamics and the amplitude of the author's onym preferences in his every collection and his creative activity on the whole were determined. Being bright, significant and active indicators of the specific nature of V. Majakovsky's onymic writing, onyms reveal the subtext and the author's conception.

Key words: the onyms space, the onyms lexically paradigm, the proper name, the connotation, the stylistic expression, the belle-lettre.

Статтю отримано 10.10.2013 р.

УДК [811.161.1'37+821.161.1.Маяковский 08]:316.776.33:316.46.058.5

ФИЛИПОВА Ольга Викторовна,

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой стилистики, риторики и культуры речи Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва; Саранск, Россия; e-mail: filipovaov@mail.ru; тел.: +7(8342) 76-55-28; моб.: +7-905-009-22-11

КУСТОВ Владимир Владимирович,

студент филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва; Саранск, Россия; e-mail: pimr65rip@mail.ru; тел.: +7(8342) 35-75-54; моб.: +7-987-997-98-95

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МАНИПУЛЯТОРА И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ТАКТИКАХ МАНИПУЛИРОВАНИЯ (на примере речевого поведения персонажей пьес В. В. Маяковского)

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей языковой личности манипулятора. В ней раскрывается роль лексико-семантических средств в организации тактик манипулирования в художественном произведении. Исследуя речь персонажей-манипуляторов в пьесах В. В. Маяковского, авторы выделяют такие тактики манипулирования, как тактика подмены понятий, тактика преувеличения и тактика преуменьшения. Названные тактики маркируются участием в них оценочной лексики, гиперболы и мейозиса. Основная функция лексико-семантических средств в манипулятивных контекстах — номинативно-оценочная. Эмоциональность и оценочность речи манипулятора является следствием эмоционального воздействия. Данные средства позволяют манипулятору навязать собеседнику то или иное эмоциональное видение ситуации и тем самым спровоцировать его на выгодные для манипулятора действия.

Ключевые слова: языковая личность, тактика манипулирования, оценочная номинация, художественная речь, драматургия, В. В. Маяковский.

Одной из характерных тенденций современного развития лингвистики является исследование воздействующего потенциала языковых единиц. В последние годы лингвистов привлекает проблема речевого манипулирования индивидуальным сознанием на уровне межличностных отношений. В этом плане намечается ряд важных, требующих решения вопросов: выработка единого подхода к рассмотрению явления межличностного манипулирования, более полное описание коммуникативных тактик, используемых с целью манипулирования, изучение языковых средств и приёмов манипулятивного воздействия, составление портрета языковой личности-манипулятора и др. Как известно, в лексической системе языка сосредоточены основные средства вербального воздействия на человека. Предпосылками для манипулятивного использования слова в речи служат многозначность слова в системе языка, возможность употребления слова в переносном значении, наличие у слова коннотаций, возможность обозначения одних и тех же объектов действительности разными номинациями, а также парадигматические и синтагматические связи слов в системе языка.

Цель статьи — рассмотреть участие лексико-семантических средств в предпочитаемых языковой личностью манипулятора тактиках речевого воздействия, привлекаемых для выражения манипулятивной иллюзии. Объектом для выявления речевых ситуаций манипулятивного воздействия послужили речевые контакты из пьес В. В. Маяковского, отражающие манипулятивное воздействие одного персонажа на другого. Пьесы Маяковского мало изучены в этом плане, в то время как представляют богатый материал для исследователя речевых ситуаций манипулирования. Кроме того, речевое событие в повседневной коммуникации и текст пьесы имеют определённое сходство в организации: текст пьесы представляет словесную (вербальную) часть дискурса. Сумма высказываний персонажа художественного произведения в данном случае, по замечанию Ю. Н. Караулова, достаточна для анализа речевого поведения, а персонаж выступает как «модель реальной языковой личности» [4]. Драматургический дискурс даёт возможность исследователю напрямую связать выбор языковых средств персонажа с той его ведущей целеустановкой, которая определяет тип его коммуникативного поведения.

Под коммуникацией мы понимаем взаимодействие субъектов с помощью знаковых средств, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера. На наш взгляд, только на уровне коммуникации возможно выделение манипулятивных контекстов, важную роль здесь играют экстралингвистические факторы (ситуация, контекст, установки и цели коммуникантов, их отношения).

Манипулятивное речевое воздействие представляет собой такое воздействие, при котором адресант не заинтересован в обращении адресата к собственному критическому опыту, а нацелен на внедрение в психику реципиента идей, целей, оценок, искажающих объективную картину мира и имеющих следствием односторонний выигрыш субъекта речевого воздействия.

Среди признаков межличностного манипулирования психологи выделяют: 1) скрытый характер воздействия; 2) отношение манипулятора к другому воздействию как средству достижения собственных целей; 3) стремление получить односторонний выигрыш; 4) игра на слабостях партнёра и др.

Манипуляция языковыми средствами, по мнению Е. Л. Доценко, основана на сознательном целенаправленном преобразовании информации, которое находит выражение в двух основных приёмах: а) сокрытие или искажение информации, которое варьируется от откровенной лжи до сообщения полуправды; сюда же относятся такие явления, как подтасовка фактов, смещение по семантическому полю понятия и некоторые другие; б) утаивание информации, проявляющееся в умолчании (сообщение неполной информации) [1].

По утверждению Э. Шострома, в каждом человеке живёт манипулятор, который бесконечно применяет всяческие фальшивые трюки с тем, чтобы добиться для себя того или иного блага [8]. Главными участниками манипулятивной речевой ситуации являются манипулятор (говорящий, осуществляющий манипулятивное воздействие) и манипулируемый (адресат данного воздействия). Вступая в речевое взаимодействие, манипулятор стремится получить одностороннюю выгоду, при этом данное намерение им тщательно скрывается. Адресат воздействия поддерживает общение по причине заинтересованности в результатах этого общения или вследствие интереса к личности говорящего.

Исходя из анализа психологической литературы по вопросам манипулирования и лингвистической литературы по вопросам языковой личности, можно предположить, что языковая личность манипулятора — это личность, характеризующаяся следующими особенностями:

— на мотивационно-прагматическом уровне: устойчивым стремлением к манипулятивному воздействию, отношением к партнёру по коммуникации как к объекту манипулирования, умелым использованием различных речевых средств манипулирования как способа речевого воздействия;

— на когнитивном уровне: повышенным эгоцентризмом, возведением в ранг ценностей самого себя и своих интересов, предпочтением односторонней выгоды в ущерб интересам адресата, представлением о коммуникации как о средстве достижения только личных целей;

— на вербально-семантическом уровне: преобладанием стратегии воздействия над стратегией взаимодействия, что находит выражение в использовании языковых средств, маркирующих различные тактики манипулирования.

Характерными чертами манипулятивного воздействия выступают эмоциональность и оценочность в речевом поведении манипулятора. В. И. Шаховский и В. В. Жура, придерживаясь точки зрения, что эмоция является не только результатом определённого вида оценки, но и сама может служить основанием оценки, характеризуют эмотивную интенцию как параметр эмоционального дейксиса, который, по мнению учёных, представляет собой синтез иллюкутивной цели и перлокутивной задачи. Если в интенции эмоционального самовыражения преобладает иллюкутивная цель, то в интенции эмоционального воздействия превалирует перлокутивная задача, «то есть намерение говорящего определить в вербальной форме эмоциональную значимость какого-либо события для указания на это адресату с целью оказания влияния на его поведение» [7, с. 50]. Выявляя различия между убеждением и внушением, О. С. Иссерс отмечает, что «внушая определённую мысль, субъект речевого воздействия апеллирует, прежде всего, к эмоциям объекта речевого воздействия, стремясь тем самым привести его в нужное для целей говорящего психологическое состояние» [2, с. 38]. Выражаемая таким образом манипулятором эмоциональная оценка должна вызвать определённую эмоциональную реакцию со стороны собеседника (эмоциональное заражение). В этих целях манипулятором активно используется эмоционально-экспрессивная лексика, выражающая положительную и / или отрицательную оценку.

В манипулятивных контекстах эмоционально-оценочная лексика употребляется для характеристики субъектов общения (говорящего и слушающего), ситуации общения, различных объектов, часто вступающих предметом обсуждения. Манипулятор прибегает к тактике преувеличения или к тактике преуменьшения, активно используя синонимические номинации с положительной / отрицательной коннотацией. Оценочные номинации используются как средство манипулятивного воздействия на адресата, когда говорящий соотносит их с объектами действительности, подлинная ценность которых не соответствует действительности. С помощью таких оценочных номинаций завышается или занижается настоящая ценность объектов, тем самым манипулятор «подсказывает», в какой системе находится данный предмет, что с ним нужно делать, как его воспринимать» [3, с. 86]. Проиллюстрируем на примере речевого поведения персонажа-манипулятора Баяна, героя пьесы Маяковского «Клоп». Баян, как известно, имеет самый непосредственный интерес в устройстве свадьбы Присыпкина, будущего зятя Розалии Павловны. Если он угодит Присыпкину, то получит моральное и денежное вознаграждение. Он хитёр, угодлив, старается скрытно воздействовать на собеседника, прибегая к разнообразным тактикам манипулирования. Большую роль в реализации этих тактик играет оценочная лексика:

Розалия Павловна

Какие же это чепчики, это же...

Присыпкин

Что ж я без глаз, что ли? А ежели у нас двойня родится? Это вот на Дороти, а это на Лилиан... Я их уже решил назвать аристократическо-кинематографически... так и будут гулять вместе. Во! Дом у меня должен быть полной чашей. Захватите, Розалия Павловна!

Баян (подхихкивая)

Захватите, захватите, Розалия Павловна! Разве у них пошлость в голове? Оне молодой класс, оне всё по-своему понимают. Оне к вам древнее, незапятнанное пролетарское происхождение и профсоюзный билет в дом вносят, а вы рубли жалуете! Дом у них должен быть полной чашей.

Розалия Павловна, вздохнув, покупает [5, с. 177].

Баян маскирует элементарное невежество и отсутствие культуры Присыпкина под новаторство молодого пролетарского класса, намеренно употребляя словосочетание «пролетарское происхождение»

(что было важно и значимо в той ситуации, которая изображается В. В. Маяковским) и снабжая его оценкой «незапятнанный». Манипуляцию усиливает антитеза, лежащая в основе тактики дискредитации: противопоставление высокого предназначения пролетария Присыпкина низменному свойству мещанки-скряги Розалии Павловны. Перлокутивный эффект такого воздействия очевиден. Баян добивается своей перлокутивной задачи: Розалия Павловна покупает чепчики.

Поскольку оценка (эмоционально-оценочная лексика) выражает субъективное отношение говорящего к объекту действительности, она может быть адекватной и неадекватной. Намеренный выбор манипулятором более положительного или отрицательного в оценочном отношении имени способствует завышению / занижению оценки объекта при его неизменной ценности. Как правило, в арсенале языковой личности манипулятора наблюдается большой запас оценочной лексики, которая используется с целью вызвать в объекте манипулирования нужные эмоции. Так, Баян активно пользуются оценочными номинациями с положительной окраской для характеристики своего собеседника или третьего лица, выполнение действия в интересах которого является результатом манипулирования. Так, желая скрыто повлиять на Розалию Павловну, возмущенную было готовностью Присыпкина потратить большие деньги на покупку игрушек для будущих детей, Баян прибегает к оценочным фразеологизмам, рисуя жизнь в перспективе семейства Присыпкина как более чем обеспеченную:

Баян

У него дом должен быть полной чашей. И танцы и пиво у него должны бить фонтаном, как из рога изобилия.

Розалия Павловна покупает [5, с. 118].

Анализ научной литературы по вопросам речевого манипулирования позволил выявить роль заимствованной лексики в создании манипулятивных контекстов [3]. Намеренное употребление лексики, не знакомой адресату, создаёт возможность для скрытого воздействия на его сознание в двух направлениях: 1) подчёркивание превосходства адресанта, что создаёт неравноправные коммуникативные отношения: адресант заведомо отводит адресату подчинительную роль; 2) устранение механизма привлечения собственного критического опыта, так как незнание значения слов не даёт возможности адресату осуществить операцию сличения номинации с реальностью.

Персонаж пьесы «Клоп» Баян во время разговора со своим собеседником специально употребляет ряд слов, непонятных Присыпкину, тем самым указывая на своё образование и, следовательно, превосходство над Присыпкиным. Это позволяет Баяну расположить к себе Присыпкина, заставить его исполнять его советы и пожелания:

Баян

Когда ваш свадебный кортэж...

Присыпкин

Что вы болтаете? Какой картёж?

Баян

Кортэж, я говорю. Так, товарищ Скрипкин, называется на красивых иностранных языках всякая, и особенно такая, свадебная торжественная поездка.

Присыпкин

А! Ну-ну-ну!

Баян

Так вот, когда кортэж подъедет, я вам спую эпиталаму Гименя.

Присыпкин

Чего ты болтаешь? Какие ещё такие Гималаи?

Баян

Не Гималаи, а эпиталаму о боге Гименее. Это такой бог любви был у греков, да не у этих жёлтых, озверевших соглашателей Венизелосов, а у древних, республиканских [5, с. 120].

В этом же эпизоде можно наблюдать действие ещё одного лексико-семантического средства, лежащего в основе тактики подмены понятия как манипуляторского речевого приёма. Подмена понятия основана на явлении полисемии, актуализации в одном контексте сразу нескольких значений многозначного слова. Обратим внимание на употреблении слова *красный* в следующем фрагменте:

Присыпкин

Товарищ Баян, я за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов! Понял?

Баян

Да что вы, товарищ Скрипкин, не то что понял, а силой, согласно Плеханову, дозволенного марксистам воображения я как бы сквозь призму вижу ваше классовое, возвышенное, изящное и упоительное торжество!.. Невеста вылезает из кареты — красная невеста... вся красная, — упарилась, значит; ее выводит красный посаженный отец, бухгалтер Ерыкалов, — он как раз мужчина тучный, красный, апоплексический, — вводят это вас красные шафера, весь стол в красной ветчине и бутылки с красными головками.

Присыпкин (сочувственно)

Во! Во!

Баян

Красные гости кричат «горько, горько», и тут красная (уже супруга) протягивает вам красные-красные губки... [5, с. 121].

Обыгрывание полисемии слова в качестве манипулятивной тактики подмены понятия было известно ещё со времён софистов, не случайно и в настоящее время приём относится к софизмам — «словесной ловушке», которую использовали искусные манипуляторы древности, чтобы сбить с толку собеседника. Присыпкин использует слово *красный* в символическом значении, зафиксированном в словаре как «относящийся к революционной деятельности» [6, с. 245]. Баян же в своей речи использует слово *красный* в значении — «цвет крови» [6, с. 245]. Такая тактика — основа для создания приёма комического, характерного для драматургии В. В. Маяковского.

Многими лингвистами отмечается воздействующий потенциал стилистических тропов и фигур. Особую роль в создании манипулятивных тактик преувеличения и преуменьшения играют гипербола и мейозис.

В манипулятивных контекстах гипербола и мейозис непосредственно апеллируют к воображению адресата речи; они представляют собой прямое, незауалированное выражение эмоций. За ними может быть скрыто намерение обмануть собеседника. В манипулятивных высказываниях гипербола используется для выражения похвалы, лести, комплиментов. Сущность мейозиса состоит в преуменьшении истинных свойств объекта речи. Приём преуменьшения употребляется носителями языка в определённых ситуациях общения, обусловленных социальными, психологическими и прагматическими факторами. На наш взгляд, высказывания, характеризующиеся намеренным использованием тактик преувеличения или преуменьшения, употребляются говорящим с целью скрыть своё истинное отношение к сообщаемому, дать завышенную или заниженную оценку объективно существующей ситуации, ослабить реакцию адресата. Примером использования гиперболы и мейозиса в манипулятивных целях является диалог между продавцом сельдки и Розалией Павловной в пьесе «Клоп». Цель одного из них — продать товар как можно дороже, цель другого — купить как можно дешевле. Вследствие чего один прибегает к тактике преувеличения, другой — к тактике преуменьшения. Главную роль в реализации тактик манипулирования играют указанные выше тропы, выполняющие номинативно-оценочную функцию:

Розалия Павловна (отстраняя всех, громко и повеселевши)

Сельдка — это да! Это вы будете иметь для свадьбы вещь. Это я да захвачу! Пройдите, мосье мужчины! Сколько стоит эта килька?

Разносчик

Эта лососина стоит 2.60 кило.

Розалия Павловна

2.60 за этого шпрота-переростка?

Продавец

Что вы, мадам, всего 2.60 за этого кандидата в осетрины!

Розалия Павловна

2.60 за эти маринованные корсетные кости? <...> [5, с. 119].

Манипулятивный характер такой номинации легко обнаружить, опираясь на здравый смысл и собственный критический опыт, соотнося наименования с реальностью. Результат такой операции наглядно изображён в следующем эпизоде:

Розалия Павловна

Киты! Дельфины! (Торговцу сельдями.). А ну, покажи, а ну, сравни свою улитку! (Сравнивает: сельдь лотошника больше; всплёскивает руками.) На хвост больше?! За что боролись, а, гражданин Скрипкин? За что мы убили государя императора и прогнали господина Рябушинского, а?... [5, с. 122].

Манипулятор рассчитывает на то, что заразит своими эмоциями объект манипулирования и тем самым добьётся желаемого. Контраст оценок создаёт идеальные условия для проведения манипулятивного воздействия:

Баян

Я понимаю вас, товарищ Скрипкин: трудно, невозможно, при вашей нежной душе, в нашем грубом обществе [5, с. 128].

Предполагаем, что существенную роль в манипулятивных контекстах играет повтор лексических единиц в высказываниях манипулятора, поскольку функция повтора заключается в усилении: к понятию, выражаемому повторяемой лексемой, привлекается особое внимание объекта манипулирования. Материал показывает, что в качестве повторяющихся элементов в высказываниях манипулятора обычно выступают те лексические единицы, которые несут определённую эмоционально-воздействующую нагрузку суггестивного характера. Обычно манипулятором повторяются те слова и выражения, которые необходимо внушить объекту манипуляций, чтобы добиться намеченного результата. Такой лексической единицей, например, в речи Баяна, направленной на манипуляцию Присыпкиным и Розалией Павловной, выступает фразеологизм *полная чаша*, символизирующий новую богатую жизнь молодого пролетарца и потому снимающий барьер бережливости и экономии, который так мешал бы Баяну добиваться своей корыстной цели. Примеры употребления фразеологизма демонстрируют приведённые выше фрагменты высказываний Баяна. Подобные повторы в речи манипулятора, как правило, бывают намеренными и являются ярким примером экспрессивности манипулятивного воздействия.

Таким образом, лексико-семантические средства играют существенную роль в используемых языковой личностью манипулятора тактиках манипулятивного воздействия в драматургии Маяковского.

Литература

1. Доценко Е. Л. Манипуляция: психологическое определение понятия / Е. Л. Доценко // Психологический журнал. — 1993. — № 4. — С. 132–138.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. — Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. — 258 с.
3. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 224 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — 2-е изд., стереотип. — М.: УРСС, 2002. — 264 с.
5. Маяковский В. В. «Мистерия-буфф», «Клоп», «Баня»: пьесы / В. В. Маяковский; переизд. вступ. ст., прим. и послесл. А. Февральского. — М., 1976. — 256 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. — 23-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1990. — 917 с.
7. Шаховский В. И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В. И. Шаховский, В. В. Жура // Вопр. языкознания. — 2002. — № 5. — С. 38–56.
8. Постром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации [Электронный ресурс] / Э. Постром; пер. В. Данченко. — Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/shost01/txt02.htm> Дата обращения 8.07.2013 г.

References

1. Dotsenko Ye. L. Manipulyatsiya: psikhologicheskoe opredelenie ponyatiya / Ye.L. Dotsenko // Psikhologicheskij zhurnal. — 1993. — № 4. — S. 132–138.
2. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi: monografiya / O. S. Issers. — Omsk: Omsk. gos. un-t, 1999. — 258 s.
3. Issers O. S. Rechevoe vozdeystvie: ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Svyazi s obshchestvennostyu» / O. S. Issers. — M.: Flinta: Nauka, 2009. — 224 s.
4. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost / Yu. N. Karaulov. — Izd. 2-e, stereotipnoe. — M.: URSS, 2002. — 264 s.
5. Mayakovskiy V. V. «Misteriya-buff», «Klop», «Banya»: pesy / V. V. Mayakovskiy; pereizd. vstup. st., primechaniya i poslesl. A. Fevral'skogo. — M., 1976. — 256 s.
6. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov / S. I. Ozhegov; pod red. N. Yu. Shvedovoy. — 23-e izd., ispr. — M.: Russkiy yazyk, 1990. — 917 s.
7. Shakhovskiy V. I. Deyksis v sfere emotsionalnoy rechevoy deyatel'nosti / V. I. Shakhovskiy, V. V. Zhura // Vopr. yazykoznaneya. — 2002. — № 5. — S. 38–56.
8. Shostrom E. Chelovek-manipulyator. Vnutrennee puteshestvie ot manipulyatsii k aktualizatsii [Elektronnyy resurs] / E. Shostrom; perevod V. Danchenko. — URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/shost01/txt02.htm> Data obrashcheniya 8.07.2013 g.

Філіппова Ольга Вікторівна,

доктор педагогічних наук, професор, зав. кафедри стилістики, риторики та культури мовлення Мордовського державного університету імені М. П. Огарьова; Саранськ, Росія;
e-mail: filippovaov@mail.ru; тел.: +7(8342) 76-55-28; моб.: +7-905-009-22-11

Кустов Володимир Володимирович,

студент філологічного факультету Мордовського державного університету імені М. П. Огарьова; Саранськ, Росія;
e-mail: pimp65rip@mail.ru; тел.: +7(8342) 35-75-54; моб.: +7-987-997-98-95

МОВНА ОСОБИСТІТЬ МАНІПУЛЯТОРА ТА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ЗАСОБИ В ТАКТИКАХ МАНІПУЛЮВАННЯ (НА ПРИКЛАДІ МОВЛЕННЄВОЇ ПОВЕДІНКИ ПЕРСОНАЖІВ П'ЄС В. В. МАЯКОВСЬКОГО)

Анотація. Статтю присвячено дослідженню особливостей мовної особистості маніпулятора. У ній розкрито роль лексико-семантичних засобів організації тактик маніпулювання в художньому творі. Досліджуючи мовлення персонажів-маніпуляторів у п'єсах В. В. Маяковського, автори виокремили такі тактики маніпулювання, як тактика підміни понять, тактика перебільшення й тактика заменшення. Названі тактики маркуються участю в них оцінної лексики, гіперболи та мейозису. Основна функція лексико-семантичних засобів у маніпулятивних контекстах — номінативно-оцінна. Емоційність і оцінність мовлення маніпулятора є наслідком емоційного впливу. Такі засоби надають можливість маніпулятору нав'язувати співрозмовникові те чи інше емоційне бачення ситуації, провокуючи його тим самим на вигідні для маніпулятора дії.

Ключові слова: мовна особистість, тактика маніпулювання, оцінна номінація, художнє мовлення, драматургія, В. В. Маяковський.

Olga V. Filippova,

Doctor of Education, Prof., Chief at the Chair of Stylistics, Rhetoric and Speech Culture, Ogarev Mordovia State University; Saransk, Russia; e-mail: filippovaov@mail.ru; тел.: +7(8342) 76-55-28; моб.: +7-905-009-22-11

Vladimir V. Kustov,

student of Philological Department of Ogarev Mordovia State University; Saransk, Russia;
e-mail: pimp65rip@mail.ru; тел.: +7(8342) 35-75-54; моб.: +7-987-997-98-95

MANIPULATOR'S LANGUAGE PERSONALITY AND LEXICAL-AND-SEMANTIC MEANS IN MANIPULATION TACTICS (ON THE EXAMPLE OF CHARACTERS' SPEECH BEHAVIOUR IN THE PLAYS BY V. V. MAYAKOVSKY)

Summary. The article deals with some distinctive features of the manipulator's language personality and the role of lexical-and-semantic means in following manipulation tactics. While analysing the speech behavior of manipulating characters in V.V. Mayakovsky's plays, the authors single out such manipulation tactics as changing notions, exaggeration and understatement tactics. Those are marked by evaluating lexis, hyperbole and meiosis use. The main function of lexical-and-semantic means in manipulative contexts is that of nomination and evaluation. The manipulator's speech emotivity and evaluation account for its emotive impact. These features are used by the manipulator to impose a certain emotional image of the situation on the interlocutor and, thus, to provoke him to manipulator-beneficial actions.

Key words: language personality, manipulation tactics, evaluating nomination, art speech, dramaturgy, Mayakovsky.

Статтю отримано 20.11.2013 р.

УДК 811.161.1'42:659 Маяковский

ШЕВЧУК Лариса Васильевна,кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: larisa.shevchuk@list.ru; тел.: +38-097-40-99-384

ПРИЁМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ В. МАЯКОВСКОГО

Аннотация. В статье рассматриваются рекламные слоганы В. Маяковского как суггестивные тексты. Доказано, что эти тексты содержат вербальные техники суггестии на всех уровнях речевой коммуникации. На фонологическом и просодическом уровнях выявлено латентное воздействие ритмизованных конструкций слоганов, направленных на инактивацию левого полушария. На лексико-стилистическом уровне наблюдается использование императивов при непосредственном обращении к адресату. Анализ лексико-грамматического уровня рекламных текстов выявил компаративно-суперлативные конструкции с пропущенным компонентом, универсальные квантификаторы и модальные операторы. Выявленные на всех уровнях языка вербальные приёмы суггестии в рекламных текстах поэта-авангардиста дают основание считать В. Маяковского создателем эффективной рекламы для массового потребителя задолго до появления фундаментальных научно-теоретических разработок и практических рекомендаций в области рекламных технологий.

Ключевые слова: суггестия, речевое воздействие, вербальные техники суггестии, реклама, текст.

Владимир Маяковский — основоположник нового типа рекламы. Структура и стилистика рекламного текста Маяковского порождена агитационным плакатом во время работы в «Окнах РОСТА» в 20-е годы прошлого столетия. Авангардная реклама «производственного искусства», ориентированная на массового потребителя товаров национализированных заводов и фабрик, нуждалась в новых языковых средствах.

Цель нашего исследования — выявить речевые приёмы в рекламных слоганах В. Маяковского, которые осознанно либо неосознанно им использовались и благодаря которым стихи так легко запоминались потенциальным потребителем рекламируемых товаров. Согласно нашей гипотезе, рекламные слоганы В. Маяковского содержат вербальные техники суггестии. Под суггестией (лат. *suggestio*, от *suggero* — обучаю, внушаю) мы понимаем «арсенал средств и приёмов направленного воздействия на установку личности» [7, с. 8]. Как неоднократно заявляют исследователи суггестии [1; 6; 7], она является компонентом обычного человеческого общения, но может выступать и как специально организованный вид коммуникации, формируемый при помощи вербальных и невербальных средств. Исследование лингвистических аспектов суггестии является предметом изучения суггестивной лингвистики, а тексты, специально созданные и используемые для воздействия на установку личности и общества, называются суггестивными. Первую попытку структурирования вербальной суггестии предпринял Б. Ф. Поршнев [6], затем она была уточнена Б. А. Грушиным [2], Р. Г. Мшвидобадзе [5], И. Черепановой [7] и др. Сегодня языковую суггестию рассматривают на пяти уровнях: фонологическом, просодическом, лексико-стилистическом, лексико-грамматическом и морфосинтаксическом.

Как справедливо заметила И. Черепанова, «нижний в иерархии с точки зрения языкознания и высший с точки зрения латентного воздействия уровень фонологический» [7, с. 71]. Исследование рекламных слоганов В. Маяковского на фонологическом уровне выявило такую характерную особенность, как многократное повторение одного и того же сочетания звуков в составе различных слогов, что, возможно, обеспечивает воздействие, подобное мантре, состоящей из одного слога, но повторяемой много раз. Наиболее выразительными примерами являются следующие слоганы: «*Лучших сосок не было и нет Готов сосать до старых лет*»; «*Трёхгорное пиво выгонит вон ханжу и самогон*».

Главным элементом просодического уровня есть ритм. Особенностью человеческого мозга является реагирование на ритм в любом его проявлении (музыкальном, вербальном, в виде зрительных образов). По выражению исследователей Ж. Дрогалиной и В. Налимова, «ритм, это прямая, ведущая прямо к сердцу» [3]. Только одной ритмизацией сообщения можно выключить левое полушарие, отвечающее за логическое мышление.

Любой зарифмованный текст обладает ритмом. Рифмуют обычно слоганы, рекламирующие недорогие товары, связанные в массовом сознании с отдыхом, радостью, удовольствием. У Маяковского почти все рекламные слоганы зарифмованы. Например: «*Папиросы «Червонец» хороши на вкус. Крепки как крепко червонный курс! Нигде кроме как в МОССЕЛЬПРОМЕ!*». Известно, что рифмование рекламного текста к тому же в 1,5 раза улучшает запоминание. Встречается у Маяковского и нерифмованный, но ритмизованный слоган, например, в рекламе часов: «*Человек — только с часами, часы — только от Мозера, Мозер — только у ГУМа*». Следует обратить внимание на преобладание двусложных слов в рекламных слоганах Маяковского, так как лексика разговорного стиля характеризуется небольшой длиной в слогах, что также способствует ритмизации суггестивного текста.

Особое воздействие на правое полушарие, связанное с образным мышлением, верой, подсознанием, оказывает эмоциональная интонация высказывания [8]. Большинство анализируемых слоганов имеют восклицательную интонацию, а некоторые тексты графически расположены на плакатах так,

что оказываются между двумя огромными восклицательными знаками, что усиливает эмоциональный фон высказывания: *«Нами оставляются от старого мира только папиросы ИРА!»*

Анализ лексико-стилистического уровня суггестии предполагает выявление стилистически окрашенной лексики. Маяковский демократизирует поэзию, используя разговорно-диалогическую речь. Элементом диалогической коммуникации является обращение как к людям, так и к явлениям природы, абстрактным понятиям: *«Трудящиеся! Не страшны дороговизна и нэн Покупайте дешёвый хлеб! «Дождик, дождь, впустую льёшь я не выйду без галош С помощью РЕЗИНОТРЕСТА мне везде сухое место», «Остановись, уличное течение! Помните в МОССЕЛЬПРОМЕ Лучшее печенье!»* Иногда функцию обращения выполняет императив, стоящий на его месте в начале фразы: *«Стойте! Предлагаю не в шутку, а в правду Подписаться на «Пионерскую правду».*

Следующим этапом анализа является определение соотношения различных частей речи в слоганах как суггестивных текстах. На лексико-грамматическом уровне суггестии Маяковский использует приёмы, связанные с техникой захвата и присоединения. Автор отдаёт предпочтение глаголам повелительного наклонения: *стой, остановись, покупайте, раскулай, обзаведись* и др. Следует отметить приоритет именно этой императивной формы в слоганах поэта, формы, характерной для площадной, митинговой речи при обращении к толпе, что соответствует гипотезе Б. Ф. Поршнева об особой роли глагола в истории суггестии и о повелительной функции глагола как древнейшей.

На втором месте среди частей речи в суггестивных текстах можно расположить существительные. В рекламных слоганах В. Маяковского преобладают конкретные существительные, вызывающие более эмоциональную реакцию, чем абстрактные. Коэффициент конкретности в исследуемых текстах равен 0,8, что совпадает с рекомендациями современных рекламистов. Иногда поэт может использовать абстрактные существительные с конкретным расширителем: *«РЕЗИНОТРЕСТ — защитник в дождь и сыкоть, без галош Европе сидеть и плакать».*

Суггестивный потенциал в рекламных текстах Маяковского также имеют компаративно-суперлативные конструкции с пропущенным компонентом: *«Помните в МОССЕЛЬПРОМЕ лучшее печенье», «Лучших сосок не было и нет», «Лучшие галоши привёз верблюд», «Самый деловой аккуратный самый в ГУМЕ обзаведись мозеровскими часами».*

Местоимения и наречия обобщающего значения (*все, всё, любой, всякий, никто, везде, нигде, всегда, никогда* и др.) в суггестивных текстах называют универсальными квантификаторами. Они необходимый атрибут рекламного слогана у Маяковского: *«Приезжий с дач из городов и сёл Нечего в поисках трепать подошвы Сразу в ГУМЕ найдём всё Аккуратно быстро и дешево!», «Во всех магазинах и киосках МОССЕЛЬПРОМА в двух шагах от любого дома!», «С помощью РЕЗИНОТРЕСТА мне везде сухое место. Продажа везде», «Нигде кроме как в МОССЕЛЬПРОМЕ!»* В последнем слогане, который сам Маяковский считал поэзией самой высокой квалификации, использован, по терминологии нейролингвистического программирования, модальный оператор (частица *кроме*).

Аксиомой для любого современного копирайтера является расположение названия рекламируемой фирмы/ товаров либо в начале, либо в конце синтаксической конструкции для усиления эффекта запоминания. У Маяковского такая позиция для названия рекламируемой продукции является достаточно частотной.

Таким образом, выявленные вербальные техники суггестии в рекламных слоганах В. Маяковского дают основание считать поэта-авангардиста создателем эффективной рекламы для массового потребителя задолго до появления фундаментальных научно-теоретических разработок в области рекламных технологий.

Литература

1. Бардина Н. В. Дискурсные стратегии манипуляции надсубъектным сознанием / Н. В. Бардина // Мова та культура. — К., 2007. — Вып. 9, т. 1. — С. 178–189.
2. Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б. А. Грушин. — М.: Политиздат, 1987. — 368 с.
3. Дрогалкина Ж. А. Семантика ритма: ритм как непосредственное вхождение в континуальный поток образов / Ж. А. Дрогалкина, В. В. Налимов // Бессознательное. — Тбилиси, 1978. — Т. III. — С. 293–301.
4. Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. / В. В. Маяковский. — М.: Правда, 1978.
5. Мшвидобадзе Р. Г. Распознавание социальных установок через грамматические параметры речи: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 «Психология» / Р. Г. Мшвидобадзе. — Тбилиси, 1984. — 166 с.
6. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршнев. — М.: Мысль, 1974. — 487 с.
7. Черепанова И. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного / И. Черепанова. — М.: «КСП+», 2001. — 400 с.
8. Якобсон Р. О. Мозг и язык / Р. О. Якобсон // Избранные работы по лингвистике. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртэна, 1998. — 448 с.

References

1. Bardina N. V. Diskursnye strategii manipulyatsii nadsobektnym soznaniem / N. V. Bardina // Mova ta kultura. — K., 2007. — Vyp. 9, t. 1. — S. 178–189.
2. Grushin B. A. Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya / B. A. Grushin. — M.: Politizdat, 1987. — 368 s.
3. Drogalina Zh. A. Semantika ritma: ritm kak neposredstvennoe vkhozhdenie v kontinualnyy potok obrazov / Zh. A. Drogalina, V. V. Nalimov // Bessoznatelnoe. — Tbilisi, 1978. — T. III. — S. 293–301.
4. Mayakovskiy V. V. Sbranie sochineniy: v 12 t. / V. V. Mayakovskiy. — M.: Pravda, 1978.
5. Mshvidobadze R. G. Raspoznavanie sotsialnykh ustanovok cherez grammaticheskie parametry rechi: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.05 «Psikhologiya» / R. G. Mshvidobadze. — Tbilisi, 1984. — 166 s.

6. *Porshnev B. F.* O nachale chelovecheskoy istorii. Problemy paleopsikhologii / B. F. Porshnev. — M.: Mysl, 1974. — 487 s.
7. *Cherepanova I.* Dom kolduni. Yazyk tvorcheskogo Bessoznatelnogo / I. Cherepanova. — M.: «KSP+», 2001. — 400 s.
8. *Yakobson R. O.* Mozg i yazyk / R. O. Yakobson // Izbrannyye raboty po lingvistike. — Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 1998. — 448 s.

Шевчук Лариса Василівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: larisa.shevchuk@list.ru; тел.: +38-097-40-99-384

ПРИЙОМИ МОВЛЕННЕВОГО ВПЛИВУ В РЕКЛАМНИХ ТЕКСТАХ В. МАЯКОВСЬКОГО

Анотація. У статті розглядаються рекламні слогани В. Маяковського як сугестивні тексти. Доведено, що ці тексти містять вербальні техніки сугестії на всіх рівнях мовленнєвої комунікації. На фонологічному та просодичному рівнях виявлено латентний вплив ритмізованих конструкцій слоганів, спрямованих на інактивацію лівої півкулі. На лексико-стилістичному рівні спостерігається використання імперативів при безпосередньому звертанні до адресата. Аналіз лексико-граматичного рівня рекламних текстів виявив компаративно-суперлятивні конструкції з пропущеним компонентом, універсальні квантифікатори і модальні оператори. Виявлені на всіх рівнях мови вербальні прийоми сугестії в рекламних текстах поета-авангардиста дають підставу вважати В. Маяковського фундатором ефективної реклами для масового споживача завдог до появи ґрунтовних науково-теоретичних розробок та практичних рекомендацій в галузі рекламних технологій.

Ключові слова: сугестія, мовленнєвий вплив, вербальні техніки сугестії, реклама, текст.

Larisa V. Shevchuk,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Applied Linguistics Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: larisa.shevchuk@list.ru; тел.: +38-097-40-99-384

THE TECHNIQUES OF SPEECH INFLUENCE IN ADVERTISING TEXTS BY V. MAYAKOVSKIY

Summary. The article deals with advertising slogans by V. Mayakovskiy as suggestive texts. It was proved that this texts containing the verbal art of suggestion at all levels of verbal communication. On the phonological and prosodic levels revealed a latent effect rhythmical structures of slogans aimed into inactivation of the left hemisphere. Usage of imperatives can be observed at the lexico-semantic level in direct reference to the addressee. The analysis of the lexico-grammatical level of advertising texts revealed comparative-superlative constructions with the missing component, universal quantifiers and modal operators. The verbal techniques of suggestion revealed in the advertising texts of the avant-garde poet at all the language levels, give reasons to consider Mayakovskiy the creator of effective advertisement for the mass consumer long before the fundamental scientific and theoretical study aids and practical recommendations in the field of advertising technologies appeared.

Key words: suggestion, speech impact, verbal art of suggestion, advertisement, text.

Статтю отримано 12.10.2013 р.

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА, СОЦІОЛІНГВІСТИКИ Й ІСТОРІЇ МОВОЗНАВЧИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

УДК 81–139:303.725.36

СУМАРОКОВА Людмила Николаевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального университета
«Одесская юридическая академия»; Одесса, Украина;
e-mail: shchogolevs@mail.ru; тел.: +38(0482)68–21–50

О КАТЕГОРИАЛЬНОМ БАЗИСЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье анализируются три подхода к исследованию категорий естественного языка, которые формировались как самостоятельные парадигмы. Первая парадигма связана с изучением частей речи как проявления системности языка; вторая ознаменовалась противопоставлением системности языка прагматичности его функционирования и выделением дескриптивов, регулятивов и экспрессивов как основных «ролей» слов. Третья парадигма акцентирует внимание на особом слое категорий языка — концептов, ответственных за вхождение «жизни языка» в «жизнь культуры» данного общества.

Автор предлагает синтезировать указанные парадигмы с помощью системно-коммуникативной модели языка. Проблема выделения категориального базиса естественных языков при этом выступает не как проблема разбиения слов, их функций или значимостей; речь идет о едином, связанном базисе категорий, выработанном, закреплённом и принятом коммуникативным сообществом; системообразующим фактором в этом единстве выступает языковая прагматика. От выбора коммуникативных целей и «жанров» общения зависит и выбор видов языковой формализации — направленных на знание («форма-образ»), на деятельность («форма-правило»), на чувственно-эмоциональное состояние коммуникантов. Особую важность при этом имеет признание коммуникативной равноценности двух дополнительных подсистем функционирования языка — подсистемы адресанта и подсистемы адресата.

Ключевые слова: категории языка, коммуникативная системная модель языка, прагматика коммуникации, прагматика языка, констативы, регулятивы, экспрессивы.

Проблема выделения устойчивых категорий естественного языка, характеризующих его целостность и самобытность, имеет длительную историю и различные измерения. Можно выделить по меньшей мере три таких измерения, отраженные в современной лингвистической литературе достаточно отчетливо и сопровождающиеся оживленными дискуссиями.

В первом из них исследование категориального базиса естественных языков может быть обозначено как проблема частей речи. При ее обсуждении довольно рано наметились два конкурирующих подхода. В одном в качестве критерия выделения частей речи выступали семантические признаки, а в другом — структурные (морфологические и синтаксические). Сторонников первого подхода условно назовем менталистами, а сторонников второго — формалистами. К числу «менталистов» можно отнести В. Гумбольдта, Э. Кассирера и тех лингвистов, последователей платонизма, которые считают, что энергия духа — духа народа, абсолютного духа, божественного духа, Единого идеального — проявляется, структурируется, воплощается в процессе говорения в словах и предложениях языка [1]. Р. Павилёнис считал, что континуальное сознание коммуникантов (концептуальные системы) — основа любого структурирования языка, всегда предполагающего дискретность [5]. «Формалистами» можно назвать в отечественной традиции Ф. Ф. Фортунатова, а в мировой — структуралистов, особенно представителей американской школы структурализма. Здесь единицы языка выделяются исключительно по формальным признакам в процессе разбиения текста на фонологически и морфологически маркированные единицы. Л. Блумфилд в начале своего творческого пути принимал установку на формальное описание языка в «физических» терминах, что потом стало импульсом развития той части дескриптивной лингвистики, которая широко использовала математическое моделирование языка, в том числе опирающееся на вероятностные методы [4, с. 178, 182].

Многие лингвисты пытались избежать крайностей «ментализма» и «формализма», опираясь и на грамматические, и на смысловые критерии одновременно; однако «объединительные» подходы нередко оказывались уязвимыми для критики из-за значительной доли эклектичности.

Второе измерение обсуждаемой проблемы наметилось после появления теории речевых актов. Центр внимания исследователей переместился на изучение намерений, целей, установок коммуникантов, то есть на прагматику речи. Однако прагматика нередко понималась при этом как надъязыковая, внешняя по отношению к языку сфера. Отсюда появилось противопоставление системности языка и прагматичности его функционирования и, соответственно, логико-семантических и прагматических методов исследования языка [1, с. 128]. Однако в лингвистике это противопоставление было преодолено за счет осознания трехмерности пространства языка, единства синтаксиса, семантики и прагматики как его необходимых измерений. В методологии лингвистики стали постепенно (не всегда) разделять прагматику коммуникации и прагматику языка как ее особый уровень. Типы речевых актов класси-

фицировались как типы *способов употребления* единиц языка. Соответственно, проблема категорий языка трансформируется в проблему различения регулярно встречающихся и формально закрепленных в языке способов употребления единиц языка. При этом формализация рассматривается не только со стороны участия в ней морфологических и синтаксических средств, но и со стороны наиболее гибких, подвижных ресурсов языка, например, ударения, интонации в их различных модусах.

Разнообразные классификации речевых актов, в конце концов, были обобщены в дифференциации констативов (дескриптивов), регулятивов (в том числе нормативов) и экспрессивов. Эти три категории единиц языка различаются не только функционально, но и генетически — по типу формализации, результатом которой они являются.

Традиционные классификации частей речи соотносились преимущественно с констативами — с представлением картины мира в сознании коммуникантов. В этом случае использовался тот вид формализации знания, результатом которого выступали *формы-образы* — способы представления некоторой предметной области через фиксацию немногих выбранных опорных признаков. Результат *формализации действий*, поведения в широком смысле — *форма-правило* — является организующим центром генезиса регулятивов (в т.ч. нормативов).

Формы-образы и формы-правила тесно взаимосвязаны друг с другом и с экспрессивами, что отражено в многочисленных функциональных концепциях анализа языковых единиц и конструкций из них. При этом отражательная функция языка явно подчинена коммуникативной и встраивается в нее в качестве обязательного компонента. На ведущей роли коммуникативной функции языка настаивал ещё Р. Якобсон, который считал, что ударение и интонация в общении выполняют, кроме разграничительной и выделительной функций, еще и экспрессивную функцию. Слово — это не только носитель информации о мире, о поведении человека или о структуре языка, но и выразитель эмоционального состояния человека, выразитель его переживаний, чувств, общего ценностного отношения к миру, к ситуациям, к коммуникантам. Без этого не может быть адекватно понято «тайнство мысли, воплощенной в звуковой материи», не могут быть раскрыты «тайны языкового символа, Логоса» [12, с. 31, 44].

В традиционных классификациях частей речи экспрессивы отражены в констатации существования особого разряда слов — междометий. А между тем экспрессивы — это большой класс и других единиц языка с преобладающим чувственно-эмоциональным значением, где исходные семантическое и синтаксическое значения зачастую «преодолены», «перекрыты» экспрессивным значением, которое в коммуникации может становиться не только главным, но и единственным значением. Данная категория языковых единиц настолько подвижна, что не может быть зафиксирована, скажем, с помощью какого-либо одного лексического или грамматического признака. Она может быть изучена только как проявление коммуникативной функции языка в целом. Поэт Владимир Владимирович Маяковский как никто другой способствовал утверждению в поэзии регулятивов и экспрессивов как узнаваемых, переживаемых элементов коммуникации. Многие его яркие неологизмы и новаторские способы употребления «старых», обычных слов можно назвать заметным вкладом в развитие русского языка именно в силу их активной экспрессивной силы.

Третье, набирающее все большую популярность, *измерение* проблемы категориального базиса естественных языков связано с широким употреблением понятий «константы языка», «концепты культуры» [6 ; 7]. Оно нацелено на изучение способов вхождения языковых смыслов в общее смысловое пространство культуры. При всей неопределенности понимания термина «концепт культуры» современными учеными, общая тенденция, обозначенная Ю. С. Степановым, представляется весьма перспективной: концепты культуры органически соединяют в себе и знание о мире, и связь с деятельностью, и чувственно-эмоциональное отношение коммуникантов. Концепты не только понимаются, влияют, но и переживаются, принимаются как *оторные смыслы* мироощущения, мировосприятия, миропонимания, поведения и, в конечном счёте, — *жизни, бытия* человека. Категориальный базис языка становится здесь совокупностью опорных смыслов, многослойных, устойчивых и динамичных одновременно, «ответственных» и за внутреннюю связность языкового сознания, и за функционирование языка в культуре общества в качестве одного из активных, создающих компонентов смыслового поля этой культуры. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [6, с. 43].

Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, по-видимому, может приобрести свой новый глубокий смысл, если она не ограничится рассмотрением структурирования мира в разных языках, а будет охватывать все трехмерное пространство языка как целого, включая уровень концептов языка, ставших концептами культуры.

Как видим, перечисленные выше три подхода к выделению (обнаружению) категориального базиса естественных языков касаются разных проекций функционирования языка. До сих пор они изучались независимо друг от друга, относились к разным методологическим направлениям («парадигмам»).

Возможно ли их соотнесение и объединение в одной модели языка, которая позволяла бы увидеть внутреннюю связь столь разных аспектов? Мне представляется, что возможно. Такой оптимизм основан на идее соединения принципов системности и коммуникативности как базовых принципов построения модели.

Среди известных методологических инструментов, релевантных поставленной цели, отметим концепцию общей теории систем, разработанную А. И. Уёмовым [10]. Некоторые идеи А. И. Уёмова стали определяющими при построении контуров коммуникативной системной модели естественного языка [8]. К их числу относятся:

— определение понятия системы, которое предполагает а) наличие трех иерархически связанных уровней в любой системной модели объекта (концепт, структура, субстрат); б) обязательность процедуры выбора, фиксации одного из возможных вариантов на каждом из этих уровней; в) разграничение двух двойственных определений системы [10, с. 120–121];

— понятие системного синтеза и его вариантов;

— понятие «свертывания» отношения как «квазиснижения числа мест», введенное А. И. Уёмовым в 1964 г. [11, с. 59], позволившее различать в модели языка ее эксплицитную и имплицитную части.

Выделим основные пункты понимания процессов генезиса категориального базиса естественных языков, опираясь на коммуникативную системную модель языка.

1. Модель языка как системы с необходимостью предполагает синтез двух подсистем: подсистемы говорящего (адресанта) S_1 и подсистемы слушающего (адресата) S_2 . Выбор концепта при системном представлении как языка в целом, так и каждой из его подсистем происходит на уровне языковой прагматики, в зависимости от целей и вида коммуникации, от намерений и установок коммуникантов. Выбор (установление) структуры (типа текста, составляющих его конструкций) системы целиком зависит от ранее фиксированного концепта — то есть от выбранного системообразующего свойства (функции, цели) или системообразующего отношения (заданного порядка, фиксированного вида связи). Как видим, термин «концепт» понимается в теории систем в более узком, логико-методологическом смысле, в отличие от трактовки Ю. С. Степанова.

2. В силу линейного характера речи язык в каждый отдельный момент времени с необходимостью реализует лишь одну из двух своих подсистем — либо систему говорящего (адресанта) S_1 , либо подсистему слушающего (адресата) S_2 . Между ними существует отношение дополнительности; отношение дополнительности существует и между двумя механизмами формирования категориального базиса языка.

3. В подсистеме S_1 , понимаемой как «переход от смысла к тексту», системообразующим свойством (концептом в понимании А. И. Уёмова) является замысел, цель, идея — своего рода «зародыш» смысла будущего текста, который детерминирует выбор типа и структуры последнего. Структурой подсистемы являются синтаксические связи, удовлетворяющие замыслу, — начиная с выбора типа текста (дескриптивный, нарративный, дискурсивный), стиля, интонации и кончая выбором синтаксических и морфологических средств. Субстрат подсистемы — результат подбора слов, реализующих структуру. Цепочка: концепт (замысел, идея) → структура (тип текста, его синтаксис) → субстрат (окончательный подбор слов, других элементов текста) — в сравнении с формулой «смысл → текст» — имеет то преимущество, что не навязывает образ готового смысла, который «перетекает» в некоторый текст. Семантика текста создается вместе с текстом. То, что мы называем замыслом-идеей текста, является концептом будущей системы в том смысле, что с него начинается процесс возникновения текста, что он детерминирует выбор соответствующих языковых средств. Важно отметить, что концепт будущего текста всегда включает в себя, кроме рационального, эмоциональный аспект прагматического уровня коммуникации, находящийся затем свое языковое выражение. Таким образом, следует различать более широкое понятие прагматики коммуникации и более узкое понятие прагматики языка. Внешняя детерминированность языка всем бытием человека не исключает относительной самостоятельности, самобытности каждого естественного языка в способах осуществления, выражения, конструирования смыслов, то есть на уровне прагматики.

Концепт системы S_1 в самом тексте эксплицитно не задан, он проявляется через подбор языковых средств для своей реализации. Например, концепт будущей системы текста в S_1 может представлять собой установку на выражение внутреннего состояния автора. По структуре и элементам текстам такой концепт может быть реконструирован читателем.

Научная коммуникация в качестве концепта текста-системы имплицитно предполагает установку на сообщение информации, на интеллектуальную деятельность, что также отражено в тексте.

Имплицитное существование некоторых системообразующих смыслов в прагматике языка Ю. С. Степанов образно описывает так: «Концепты могут «парить» над вещами и словами; они могут быть либо «рамочными понятиями, либо понятиями «с плотным ядром» [6, с. 43]. Отметим, что здесь два разных смысла термина «концепт» — теоретико-системный и лингво-культурологический — по сути, совпадают.

4. Подсистему адресата S_2 лингвисты называют переходом «от текста к смыслу». Начинается этот переход с фиксации *расчлененности* текста на части, элементы и, одновременно с этим, установления *связности* свойств этих элементов. Те свойства, которые оказались коррелятами разных видов связности (синтаксической, семантической, прагматической) как внутренней, так и внешней, являются «претендентами» на роль определителей субстрата текста-системы. Окончательное установление субстрата происходит только тогда, когда реконструируется, выбирается из некоторых возможных вариантов концепт текста как системы, придающий целостность данному тексту, то есть его главная функция и стоящая за ней идея-цель, идея-замысел.

Получаем модель подсистемы S_2 , которую можно представить цепочкой: концепт (отношения расчлененности и связности между элементами, частями текста) → структура (свойства элементов, обнаруживающиеся как результат связности) → субстрат (все элементы текста, включая реконструированные цели, функции, «идеи»). Подсистема S_2 является двойственной по отношению к системе S_1 : в S_1 концепт атрибутивный, структура релятивная, а в S_2 концепт релятивный, структура — атрибутивная.

Существуют разные взгляды на подсистему S_2 как подсистему понимания текста. Одни авторы ограничивают этот процесс рамками автономии текста, ориентируются исключительно на его внут-

рение связи. Другие, напротив, видят зависимость понимания от внетекстовых и внеязыковых факторов. Однако, как представляется, наступает время, когда тезис о языке как автономном действующем субъекте коммуникации (один из лейтмотивов пост-модернизма) должен уступить место тезису о человеке как субъекте коммуникации. В этом плане представляет интерес позиция известного лингвиста Ю. Н. Караулова, который считает необходимым условием понимания не только знание тезауруса текста, но и соответствующий «тезаурус личности» — образ мира, систему знаний адресата; этим ученым вводится понятие «языковой личности» [3, с. 108–116]. Как кажется на первый взгляд, понимание детерминировано здесь внеязыковыми факторами. Однако внетекстовое — не обязательно внеязыковое: тезаурус личности, конечно, — элемент языка, но он личностно окрашен. Языковая личность — личность, но проявленная в способах употребления языка.

За текстами следует увидеть имплицитно существующую часть языка, связывающую его с человеком, с процессами практического использования языковых средств, — то есть прагматику языка. Прагматика языка объединяет подсистемы S_1 и S_2 , а не разделяет. В частности, вопрос о языковой личности может касаться каждого коммуниканта — он важен и при продуцировании смысла, а не только при его понимании.

5. Подсистема S_1 является базовой, «комфортной» для «менталистов», а подсистема S_2 столь же удобна для «формалистов». Соответственно, вполне объяснимыми становятся истоки разных концепций анализа категориального базиса естественных языков: у них разные системы отсчета. Ориентируясь на S_1 , «менталисты» фиксируют фундаментальную роль концепта-смысла; выбирая за отправную систему отсчета S_2 , «формалисты» оправданно видят главную роль концепта-структуры при выделении категорий языка. У менталистов эксплицитно в процессе выделения единиц языка присутствовали смысловые критерии, а имплицитно — формальные. У формалистов, напротив, структурные признаки принимались эксплицитно, а смысловые — имплицитно, в свернутом виде. И те, и другие внесли свой вклад в исследование фундаментальных единиц языка. Задача состоит в том, чтобы объединить полученные ими результаты в модели языка как целого.

6. Автономия подсистем S_1 и S_2 опровергается самим фактом взаимопонимания говорящего и слушающего в процессе общения. Монолизм участников коммуникации преодолевается благодаря единству языка, благодаря наличию общего жизненного и смыслового пространства культуры, а также благодаря единству сущности самого человека.

7. Коммуникативная системная модель языка предполагает осуществление синтеза подсистем S_1 и S_2 . А. И. Уёмов выделяет разные логические формы синтеза: реистический синтез как мысленное объединение объектов-операндов в один объект — результат операции; атрибутивный синтез, который предполагает объединение двух вещей таким образом, что одна из них становится свойством другой; реляционный синтез, когда одна вещь (реляционный компонент реляционного синтеза) устанавливается в качестве отношения в другой вещи (реистический компонент реляционного синтеза) [11, с. 106–113]. Аtribuтивный синтез, по-видимому, имеет место тогда, когда известные общие смыслы приписываются как свойства некоторым формальным структурам, выявленным в данном языке. Выбираются в качестве категорий языка только те структуры, которые могут быть носителями этих заранее известных общих смыслов. Такая позиция была близка А. М. Пешковскому, В. В. Виноградову и многим другим лингвистам.

Реляционный синтез предполагает, что устойчиво существующие языковые конструкции (структуры) организуют и, тем самым, делают возможными смыслы, понимаемые коммуникантами. В этом случае категории языка — это объективно установленные языковые формы, порождающие коммуникативные смыслы. Подобный подход защищали некоторые последователи Ф. Ф. Фортунатова, Д. Н. Овсяннико-Куликовский и многие другие.

8. Однако в более общем понимании категории языка — это не только смыслы, выраженные формально, и не только формы, наделенные смыслом; и те, и другие должны быть *релевантны целям* субъектов речевой коммуникации, они должны быть *принятыми* носителями данного языка, пройдя длительную практическую проверку на эффективность, *узнаваемыми* в процессах общения, как бы изменчивы и вариативны они ни были. Эти релевантность, принятость (легитимность), узнаваемость категорий определены только на уровне языковой прагматики как подсистемы прагматики коммуникации.

Категории языка — это не результат разбиения множества слов на подмножества на каком-то одном уровне. Категориальный базис языка — это совокупность таких элементов языка, которые необходимы для реализации основных функций языка как целого на всех его уровнях: семантики, синтаксиса и прагматики, и которые представляют, формализуют и знание о мире, и поведение, деятельность людей, и внутреннее состояние, намерения, установки самих людей как субъектов и познания, и практической деятельности, и общения в самом широком его понимании. Прагматический уровень языка как системы является при этом генетически первичным и логически системообразующим — это уровень концептов, задающих критерии выбора способов употребления и понимания всех остальных языковых средств.

Таким образом, категориальный базис естественных языков может быть выделен только при условии а) признания коммуникативного равновесия двух дополнительных подсистем S_1 и S_2 , понимания их равной ценности для процессов категоризации; б) учёта системообразующей роли языковой прагматики при установлении состава категорий, и, в частности, признания дескриптивной, регулятивной и экспрессивной функций как оснований для выделения категорий; в) учёта таких языковых конс-

тант, которые способствуют увеличению связности смыслового поля данного языка и его вхождению в смысловое пространство культуры.

Литература

1. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания / Н. В. Бардина. — Одесса : Астропринт, 1997. — 272 с.
2. Дёмина Л. А. Трансформации парадигмы смысла в аналитической философии : монография / Л. А. Дёмина. — М. : Изд-во МГОУ, 2006. — 140 с.
3. Караулов Ю. Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах / Ю. Н. Караулов // Язык: система и функционирование. — М. : Наука, 1988. — С. 108–116.
4. Основные направления структурализма. — М. : Наука, 1964. — 360 с.
5. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. — М. : Мысль, 1983. — 286 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 3-е изд. — М. : Академический проект, 2004. — 992 с.
7. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. С. Степанов. — М. : Языки славянских культур, 2007. — 248 с.
8. Сумарокова Л. Н. Системность языка: её аспекты и уровни / Л. Н. Сумарокова // Параметрическая общая теория систем и её применения : сб. тр., посвящ. 80-летию проф. А. И. Уёмов. — Одесса : Астропринт, 2008. — С. 89–106.
9. Уёмов А. И. Проблема эквивалентности логических структур / А. И. Уёмов // Формальная логика и методология науки. — М. : Наука, 1964. — С. 52–64.
10. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уёмов. — М. : Мысль, 1978. — 272 с.
11. Уёмов А. И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития / А. И. Уёмов // Системный анализ и научное знание. — М. : Наука, 1978. — С. 95–141.
12. Якобсон Р. Избранные работы / Р. О. Якобсон. — М. : Прогресс, 1985. — 456 с.

References

1. Bardina N. V. Yazykovaya garmonizatsiya soznaniya / N. V. Bardina. — Odessa : Astroprint, 1997. — 272 s.
2. Demina L. A. Transformatsii paradigmy smysla v analiticheskoy filosofii : monografiya / L. A. Demina. — M. : Izd-vo MGOU, 2006. — 140 s.
3. Karaulov Yu. N. Tekstovye preobrazovaniya v assotsiativnykh eksperimentakh / Yu. N. Karaulov // Yazyk: sistema i funktsionirovaniye. — M. : Nauka, 1988. — S. 108–116.
4. Osnovnye napravleniya strukturalizma. — M. : Nauka, 1964. — 360 s.
5. Pavilenis R. I. Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka / R. I. Pavilenis. — M. : Mysl, 1983. — 286 s.
6. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar russkoy kultury / Yu. S. Stepanov. — 3-e izd. — M. : Akademicheskii proekt, 2004. — 992 s.
7. Stepanov Yu. S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii / Yu. S. Stepanov. — M. : Yazyki slavyanskikh kultur, 2007. — 248 s.
8. Sumarokova L. N. Sistemnost yazyka: ee aspekty i urovni / L. N. Sumarokova // Parametricheskaya obshchaya teoriya sistem i ee primeneniya : sb. tr., posvyashch. 80-letiyu prof. A. I. Uemova. — Odessa : Astroprint, 2008. — S. 89–106.
9. Uemov A. I. Problema ekvivalentnosti logicheskikh struktur / A. I. Uemov // Formalnaya logika i metodologiya nauki. — M. : Nauka, 1964. — S. 52–64.
10. Uemov A. I. Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem / A. I. Uemov. — M. : Mysl, 1978. — 272 s.
11. Uemov A. I. Formalnye aspekty sistematzatsii nauchnogo znaniya i protsedur ego razvitiya / A. I. Uemov // Sistemnyy analiz i nauchnoye znanie. — M. : Nauka, 1978. — S. 95–141.
12. Yakobson R. Izbrannyye raboty / R. O. Yakobson. — M. : Progress, 1985. — 456 s.

Сумарокова Людмила Миколаївна,

кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Національного університету «Одеська юридична академія»;
Одеса, Україна;
e-mail: shchogolevs@mail.ru; тел.: +38(0482)68–21–50

ПРО КАТЕГОРИАЛЬНИЙ БАЗИС НАТУРАЛЬНИХ МОВ

Анотація. У статті аналізуються три підходи у дослідженні категорій природної мови, що сформувалися як самостійні парадигми. Перша парадигма стосується вивчення частин мови як виразу системності мови; друга ознаменувалася протиставленням системності мови прагматичності її функціонування та виокремленням дескриптивів, регулятивів і експресивів як основних «ролей» слів. Третя парадигма акцентує увагу на особливій групі категорій мови — концептів, що відповідають за входження «життя мови» у «життя культури» даного суспільства.

Автор пропонує синтезувати вказані парадигми за допомогою системно-комунікативної моделі мови. Проблема виокремлення категоріального базису природних мов при цьому виступає не як проблема розбиття слів, їх функцій чи значимостей; мова йде про єдиний, зв'язний базис категорій, який розроблено, закріплено та прийнято комунікативним суспільством. Системоутворюючим фактором у цій єдності виступає мовна прагматика. Від вибору комунікативних цілей та «жанрів» спілкування залежить і вибір видів мовної формалізації: направлених на знання («форма-образ»), на діяльність («форма-правило»), на почуттєво-емоційний стан комунікантів. Особливу роль при цьому відіграє визнання комунікативної рівноцінності двох додаткових підсистем функціонування мови — підсистеми адресанта і підсистеми адресата.

Ключові слова: категорії мови, комунікативна системна модель мови, прагматика комунікації, прагматика мови, константи, регулятиви, експресиви.

Lyudmila N. Sumarokova,

Candidate of Philosophy, Ass. Prof. of the Department of Philosophy, National University «Odessa Law Academy»;
Odessa, Ukraine;
e-mail: shchogolevs@mail.ru; tel.: +38(0482)68–21–50

ON THE CATEGORICAL BASIS OF NATURAL LANGUAGES

Summary. The aim of this article is to analyze three approaches in investigation of natural languages' stable categories. These approaches were developed as autonomous research paradigms. The first suggests analyzing parts of speech as manifests of systemic character of language. The second opposes the last to the pragmatics of language functioning and emphasize

descriptives, regulatives and expressives as basic «roles» of words. The third paradigm gives particular attention to the special stratum of language categories — concepts that are responsible for the incorporation of «language life» into the «culture life» of a given society.

I propose to synthesize three mentioned paradigms with the help of systemic-communicative model of language. Then the problem of revealing the categorical basis of natural languages will appear not as a problem of partitioning for words, their functions or significances. Instead, we speak about united, coherent basis of categories, which is elaborated, fixed and accepted by communicative society. The system-forming factor for such a union is the pragmatics of language. The choice of communicative goals and dialog «genres» will imply the choice of language formalization types — as intended for knowledge («form — image»), for activity («form — rule»), for sensory-emotional state of communicators. The special importance in the proposed synthesis plays the acceptance of communicatively equal significance of two complementary subsystems of language functioning, namely addresser and addressee subsystems.

Key words: language categories, communicative system language model, communication pragmatic, language pragmatic, constatives, regulatives, expressives.

Стаття отримано 15.09.2013 р.

УДК [811.161.1+811.161.2+811.162.1]’26’27’373.34

БУДНЯК Данута Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и компаративистики

Института неологологии и интердисциплинарных исследований Седлецкого

гуманитарно-естествоведческого университета; Седльце, Польша;

e-mail: danutabudniak@poczta.onet.pl; тел.: +48-41-332-31-74; моб.: +48-604-456-266

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается лексический состав русского, украинского и польского языков с точки зрения диахронии. Непрерывное развитие лексики связано с изменениями, которые происходят в общественной, политической, экономической, научной и культурной жизни общества, в котором живут носители языков. Установлено, что с изменением социальных условий жизни и развитием научных и гуманитарных знаний, культуры, спорта в конце XX — начале XXI в.в. в странах основного распространения исследованных языков состав ряда тематических групп значительно изменился. Ряд тематических групп политического, хозяйственно-экономического, культурологического, научного и научно-образовательного дискурсов пополнился, с одной стороны, многочисленными историзмами, с другой — неологизмами. В языках, которые мы сопоставляем, появляются единицы, называющие понятия новых цивилизационных, научных, культурных, гуманитарных ценностей всего мира. Появление многих современных неологизмов обусловлено углублением знаний в области космоса, компьютерной техники, новых средств связи и передачи информации. Употребляется лексика, бывшая ранее на периферии языкового сознания в пассивном словаре: устаревшие слова, называющие возрождающиеся реалии дореволюционной эпохи, единицы религиозного дискурса и др. В активном запасе украинского языка нередко усваиваются слова диалектной речи.

Ключевые слова: социолингвистика, язык эпохи социальных преобразований, историзм, неологизм, активное употребление слова, русский язык, украинский язык, польский язык.

Целью данной статьи является описание результатов исследования влияния социальных и общих цивилизационных процессов в мире на развитие родственных русского, украинского и польского языков в эпоху социальных преобразований конца XX — начала XXI в.в. в странах основного распространения этих языков.

С точки зрения социолингвистики, современные русский и украинский языки имеют черты, свойственные языкам периодов социальных (в том числе и революционных) преобразований. Эти языки активно отражают динамику социальных преобразований и неоднозначные реакции носителей на них. Заметными при этом в обществоведческом дискурсе являются процессы увеличения роли средств массовой информации в формировании языка эпохи и тезауруса личности; активизации лексикографической практики как реакции на изменения в словарном составе языков; борьбы старых и новых культурно-языковых тенденций, сопровождающейся трансформацией языкового вкуса; а также наличие богатого набора средств «революционного фразёрства».

В конце XX века в лексике русского, украинского и польского языков наблюдаются активные процессы, которые отражают изменения социально-культурного, научно-политического и политико-идеологического уклада жизни общества. В близкородственных языках эти процессы стимулируют как схожие, так и различные лингвистические проявления. Обновление словарного состава языка (и, как следствие, тезауруса языковой личности) всегда вызывало особый интерес. Анализ этих процессов в русском и украинском языках конца XX века получает не всегда однозначную оценку. По-разному оценивается степень и глубина этих изменений. В русском языкознании наиболее распространённым является мнение, что языковое чутьё «спокойных» 60–70-х годов радикально отличается от языковой ситуации 90-х. «За десять лет мы не стали говорить совершенно иначе, чем до перестройки, но язык наш за минувшее десятилетие изменился решительно, примерно так же, как русский язык начала XX века, язык Чехова и Блока, изменился под влиянием революции, гражданской войны, нэпа и становления социалистической формации» [8, с. 118].

В украинском языкознании акцентируется внимание на том, что исторические события конца XX века отразились не только на процессах политического, экономического или социального устройства целого ряда государств, в том числе и Украины. Они коснулись и языка. Однако следует отметить, что язык по отношению к указанному виду явлений занимает абсолютно независимое, особое место» [3, с. 7].

Кроме того, принимаем во внимание положение о том, что структура словаря, словарного состава представляет собой один из компонентов картины мира, тесно связана с ней [7, с. 259]. Значит, изменения в словарном составе (лексике) опосредовано свидетельствуют об изменении в некоторых фрагментах концептуальных и языковых картинах мира, о динамике изменений в структуре языковой личности. Для языка свойственно варьирование, оно является его онтологической характеристикой. Различают парадигматическое варьирование (вариантность), обусловленное дивергентным развитием родственных языков, и синтагматическое варьирование (вариативность), вызываемое условиями дистрибуции, местом положения меньшей по формату лингвистической единицы в составе большей и определяющее способ реализации единиц языка в речи. Оба типа варьирования, однако, не приводят к распаду системы языка, но создают предпосылки для формирования дифференциальных черт, присущих языку в целом. Язык соединяет в себе оба противоположных свойства: в качестве единого языка дробиться внутри одной и той же нации на бесконечное множество языков, а в качестве этого множества сохраняя единство, придающее ему определённый отличительный характер по сравнению с языками других наций. Варьирование слова, как показали исследования различных языков: русского [2, с. 44; 11]; немецкого [10, с. 8–9], английского [16, с. 77], французского [15, с. 91] и других, — представляет собой одну из лингвистических универсалий. Если оно составляет существеннейшую черту литературного языка, с его нормированностью, письменно закреплёнными традициями словоупотребления, то особой продуктивностью варьирование слова характеризуется в сфере диалектного языка, где вариантности лексических единиц способствует ряд благоприятных факторов: устная форма бытования диалекта и связанная с этим широта норм словоупотребления, воздействие на диалекты литературного языка и обусловленное этим воздействием двуязычие, взаимодействие говоров с иными диалектами и вызванная этим интеграция разнодиалектных лексем, влияние на говор иноязычной стихии и вариантность заимствованного слова как результат его адаптации русским говором и т. д. Отсюда понятно проявление интереса в истекшее десятилетие к изучению варьирования слова в системе диалекта.

Вышли из активного употребления названия органов государственного управления, некоторых других учреждений: рус.: *ВС СССР, ДОСААФ, КГБ, райком комсомола* и под.; укр.: *Рада міністрів УРСР, Центральний Комітет Комуністичної партії Української Радянської Соціалістичної республіки ЦК ЛКСМУ* и под.; названия некоторых должностей, связанных со старой административной структурой: *замполит, пионервожатый, секретарь обкома КПСС, член политбюро ЦК КПСС* и под.; укр.: *інструктор райкому, комсомолу, парторг, Перший Секретар Центрального Комітету Комуністичної партії УРСР* и под.; названия членов массовых (политических и общественных) организаций: рус.: *комсомолец, октябрёнок, пионер, член КПСС*; укр.: *жовтень, комуніст, піонер, член ЛКСМ* и под. Со сменой социально-идеологических ориентиров устарели единицы, называющие многие реалии, связанные с исчезнувшими массовыми организациями: рус.: *Дворец пионеров, коммунистический субботник, комсомольская свадьба, октябрятская звёздочка, партийный наставник, пионерский патруль* и под.; укр.: *Ленінський залік, народна дружина, піонерський табір, студентський будагін* и под.

В разряд историзмов перешли наименования почётных званий и должностей советского периода, напр.: рус.: *Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР* и под.; укр.: *Голова Сталки письменників УРСР, заслужений хлібороб УРСР, почесний член піонерської дружини* и под.

Лексика языка и тезаурус языковой личности пополнились единицами, отражающими изменения в жизни общества. Это: названия новых органов власти, напр.: рус.: *Президент, губернатор, Дума, районная администрация, Совет Федерации* и под.; укр.: *Адміністрація Президента, Кабінет Міністрів, податкова адміністрація, представник Президента* и под.; новые реалии политической жизни, социального устройства, идеологии: рус.: *авторитаризм, административно-командный, антиноменклатурный, департизация, конфронтировать, посткоммунистический фундаменталист* и др.; укр.: *багатопартійний, мажоритарний виборчий округ, парламентська більшість, сепаратизм, унітарна держава* и др.; термины экономики, финансового дела: рус.: *акционирование, акционерско-биржевой, антирыночник, бартер, бартерный, брокер, безвалютный, бизнес-центр*; укр.: *банкомат, біржєві торги, вільна економічна зона, гривня, квоти, лізинг, транш, умовні одиниці* и др.

Кроме единиц, именующих понятия новых политических и экономических реалий, появляются единицы, называющие понятия новых цивилизационных, научных, культурных, гуманитарных ценностей, появляющихся во всём мире: рус.: *биоэкрэн, клонирование, компьютеризация, компьютеризик, ксерокопирование, ксерокс, факс; андсграунд, баскетбольная лига, ди-джей, диск-жокей, дискотека, кикбоксинг, пауэрлифтинг, раскрутка, рок-клуб, шоу, шоу-бизнес* и под.; укр.: *віртуальний простір, Інтернет, компактдиск, мультимедіа, принтер, суперкомп'ютер; аудіоальбом, відеокліп, гейм, перший (спортивний) дивізіон, поп-зірка, попса, продюсер, продюсерська агенція, сет, сноуборд, трансферний обмін (гравців)* и др. К этой же группе относится новая медицинская терминология и наименования новых бытовых предметов и процессов, продуктов питания: рус.: *адидаска, акупуunkturа, антиспидовский, гамбургер, йогурт, мануальный, слаксы, СПИД, хоспис* и многие другие;

укр.: *ВІЛ-інфекція, кенгурушки, мерседес, сервіс, СНІД, фітоаптека, фотополімерне пломбування, чизбургер* и под.; а также примыкают термины сферы паранормальных явлений: рус.: *астральное тело, инопланетяне, НЛО, полтергейст, телекинез, телекинетический, целитель* и др.

Вошла в активное употребление лексика, бывшая ранее на периферии языкового сознания в пассивном словаре: устаревшие слова, относящиеся к реалиям дореволюционного времени, религиозному дискурсу и др. Активизация узуса подобных ЛСВ объясняется имеющими место тенденциями: 1) вернуться в общество традиционный уклад жизни; 2) противодействовать в социокультурной сфере социалистическому укладу жизни; 3) минимизировать употребление иноязычных заимствований (последняя тенденция более присуща русскому языку). Напр.: *акциз, атаман, аудитор, благотворительность, думец, кадетский, казачество, казна, казнокрад, корпус, меценат, милостыня, праведник, престол, призрение, прислуга, приют, святой, чиновник* и под. Данный процесс особенно актуален.

В активный запас украинского языка входят исконные слова, сохранившиеся в диалектной речи и вытесненные из общего употребления полонизмами, русизмами и другими заимствованиями. Одновременно происходит замена отдельных фонетических и орфографических норм. Например: *габарит, Гельсінкі, глинець, гніт, данці, завідувач, збіжжя, мистець, пластуни, пошукувач, правник, співтовариство, часопис* и под. В лексический состав украинского языка входит некоторое (правда, незначительное) количество слов из языка диаспоры, которые появились и функционируют в нём под влиянием идеи языкового пуризма [1, с. 306]. Ряд таких слов получил распространение в языке СМИ: *довкілля, світлина, тилосмок, летовище* и др. «Коррекция тезауруса» вызывает неоднозначную реакцию говорящих, определённое их сопротивление: «Нині, коли мова діаспори не коновками чи циберками, а цілими цистернами вливається у вітчизняні діалекти, виникають певні проблеми: деякі наші слова і вирази можуть бути хибно сприйняті, наші земляки можуть їх неправильно зрозуміти... Проте, з гордістю можу справедливо стверджувати саме я, Хведосій Степанович Чичка, перший збачнув секрети еміграційної мови і переклав на цю мову «Ой, три шляхи...» Шевченка. Трох гостинців під тов горв /накупу сі схопит...» [12, с. 23]. Отмечается, что при не очень значительных отличиях в системах правописания материкового и диаспорного вариантов украинского языка они значительно отличаются лексикой и некоторыми специфическими синтаксическими конструкциями [9, с. 149]. Динамика вхождения единиц «языка диаспоры» в реальный дискурс (из произведений художественной литературы, публицистики, языка СМИ) увеличивается, наблюдается и изменение отношения личности к их усвоению, так как она уже не ощущает характерного для старших поколений «противопоставления с идеологических позиций — «украинское советское!» — «украинское националистическое!»».

В отличие от русского языка 1990-х годов, в литературный украинский язык проникает диалектная национально-фольклорная лексика. Это способствует оживлению языка, уменьшает разрыв между книжной и устной речью, увеличивает синонимическое богатство. Одна из причин этого процесса — необходимость заполнить языковые ниши, особенно терминологические.

В активное употребление вошла лексика, которая ранее стойко ассоциировалась с категориями буржуазного общества, а теперь обозначает и наши реалии: рус.: *банкир, безработица, бизнес, бизнесмен, забастовка, инфляция, капитал, коррупция, мафия, многопартийность, немущий, стачки* и др.; укр.: *вілла, гіперінфляція, застава майна, кілер, корпорація, ломбард, олігарх, офіс, фермер* и др. Среди слов этой макрогруппы можно выделить несколько микрогрупп, среди которых, например, наименования структур, явлений, заимствованных из сферы социально-политического устройства зарубежных стран: рус.: *департамент, мэ, мэрия, муниципалитет, парламент* и под.; укр.: *асоціація, менеджер, президент, спікер* и др.; наименования «вернувшихся» в жизнь нашего общества реалий: рус.: *гильдия, градоначальник, губернатор, гувернёр, лицей, паломничество* и др.; укр.: *Великий ніст, гімназія, козакий курінь, сотник, хресний хід* и др.; польск.: *administracja domi, pracownik administracji, administrator dóbr, administrator domi* и др.; конфессиональная лексика: рус.: *благодать, вера, ангел, грех, заповедь, литургия, милосердие*; польск.: *bóstwo, kultura, przyjaciel religii, kultura religijna, praktyki religijne, relikwia, relikwiarz*; лексика возвратившихся экономических условий: рус.: *предприниматель, биржа, торги, аукцион, частная собственность, средний класс* и др.; польск.: *krzyzys ekonomiczny, ekonomiczne dzialanie, przedsiebiorca, fabrykant, przemystowiec* и др.

Как отмечают исследователи, неологизмы нашего времени — это особое незамкнутое «сообщество» слов, появляющихся в соответствии с общими законами развития языка [5, с. 46]. К категории «новых» слов относятся: 1) новые слова и переименования, служащие средством номинации новых реалий; 2) старые переосмысленные слова; 3) новые заимствования; 4) слова, пережившие процесс актуализации, т. е. перехода из пассивного словаря в активный или из узкой сферы существования в обиходное употребление (ранее они могли быть диалектизмами или профессионализмами, устаревшими словами и экзотизмами) [6, с. 58–69].

Рассматривая особенности языка конца XX века, так или иначе необходимо принимать во внимание проявляющийся в работах «современников» определённый субъективизм, обусловленный множественностью факторов, включающих и языковой вкус, и внутреннюю «идеологию» исследователя. Языковые особенности 90-х годов ещё не «отстоялись». Достаточно сложно определить, какие изменения в лексическом составе будут иметь продолжение или заметные последствия и воздействие на лексику, а какие окажутся ограниченными во времени и по месту, станут конъюнктурно обусловленными. «Никогда нельзя забывать, в какой мере каждый новый факт в языке нестойкий. В языке нет стойких, постоянных приобретений, которые обеспечивают богатство усвоенного их языка, всякое приобретение ненадёжно и чаще всего уравновешивается потерей» [4, с. 315].

Широкое распространение получили наименования, связанные с развитием сельского хозяйства. Одни устаревали уже в советское время: рус.: *комбед, продналог, продразвёрстка, сельхозкоммуна* и др.; другие — в 1990-е годы: *колхоз, колхозник, колхозница, совхоз, совхозный рабочий, трудодень* и под.; некоторые из них функционируют и сегодня наряду с новыми словами: *агроном, автопоилка, буртоукладчик, питательные гранулы, дождевальная установка, электропоилка, фермер, фермерское хозяйство* и др. [13, с. 112]. Ср. с польск.: *obrać rolę, osiąść na roli, gospodarka rolna, agrarny, reforma rolna, wywłaszczenie, rozparcelowanie przez państwo wielkiej własności ziemskiej żeński klasztor, szkoła żeńska* [17, с. 1030].

В словаре находят повседневное отражение достижения научно-технического прогресса в науке, производстве, сельском хозяйстве. Возникают десятки новых профессий и их наименования, всё активнее используемые для обозначения параллельных женских профессий (преимущественно в разговорной речи): *автокарищик — автокарищица, программист — программистка, табуляторищик — табуляторищица* и др. [14, с. 96].

Историческое развитие общества, развитие науки и техники, литературы и искусства, изменения в повседневной жизни вызывают появление новых слов, которые называются неологизмами. В 1970-е годы появились такие слова, как: *фломастер* (стержень для письма и рисования), *тренажёр* (учебный аппарат для отработки каких-либо навыков), *флорист* (художник, создающий композиции из засушенных цветов и листьев) и др., а также сложные слова типа *фотоклуб, телеклуб, фотокадр* (отдельный фотоснимок), *телепередача*. В 1980-е годы стали широко употребляться слова *прилунение, луноход, стекловата, бетонка, пылесос, пылесосить* и др. В разговорной речи широкое распространение получили слова *велик, телек, трён* (шутливая болтовня), *чешки* (лёгкая спортивная обувь) и др. Сегодня эти слова полностью освоены русским языком. Часть из них постепенно устаревает.

Входят в русский и польский литературные языки самые разнообразные научные термины. В конце XX — начале XXI в.в. появились новые науки; их названия активно входят в речь, напр.: *атлантология — атлантолог, биогеоценология, бионика, вулканология — вулканолог, гидромелиорация — гидромелиоратор, дельфинология — дельфинолог, кардиохирургия — кардиохирург, микроэлектроника, нефрология — нефролог* и множество других [13, с. 58–59]. Большое количество подобных слов связано с расширением познаний в области космоса, компьютерной техники, Интернета. Разные группы новых слов отражают процессы развития культуры, спорта, быта, напр.: рус.: *народный театр, аэробика, биатлон, сёрфинг, сноубордист, элитное жильё, моющий пылесос, фастфуд* и т. д.; польск.: *sporty wodne, imprezy sportowe, totalizator sportowy, teatry narodowe, kultura ludowa, kultura socjalistyczna, ognisko kultury, park kultury, kulturę językowa, działacz kulturalny*.

Таким образом, лексический состав сопоставленных нами русского, украинского и польского языков находится в состоянии непрерывного движения. В лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной, политической, экономической, научной, производственно-технической, культурной жизни общества, быте людей.

На протяжении XIX — XX веков более яркие очертания получают тенденции к интернационализации и терминологизации словарного состава, которые свойственны этим славянским языкам в настоящее время. Разумеется, появление большого количества неологизмов, их характер и многие семантико-стилистические сдвиги слов обусловлены не столько внутренними закономерностями развития языка, сколько экстралингвальными факторами: особенностями эпохи, социальными и материальными процессами, развитием науки, техники, культуры.

Литература

1. Ажнюк Б. М. Мовна єдність нації: діаспора й Україна / Б. М. Ажнюк. — К.: Рідна мова, 1999. — 450 с.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с.
3. Баранник Д. Х. Українська мова на порозі XXI століття / Д. Х. Баранник // Дослідження з лексикології і граматики української мови: зб. наук. пр. — Дніпропетровськ: Навч. кн., 2000. — С. 7–15.
4. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю: пер. с фр. / Ж. Вандриес. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 409 с.
5. Говердовская Е. В. Лексические новации в сфере имён существительных современного русского литературного языка / Е. В. Говердовская // Русский язык в школе. — М., 1992. — № 3–4. — С. 44–48.
6. Говердовский В. И. Идеологическая коннотация, речевая практика и лексикография / В. И. Говердовский // Язык и общество. Отражение социальных процессов в лексике: науч. сб. — Саратов, 1986. — С. 58–69.
7. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1976. — 356 с.
8. Клобуков Е. В. Активные процессы в грамматике и лексике современного русского языка / Е. В. Клобуков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1997. — № 5.
9. Матвіас І. Варіанти української літературної мови / І. Матвіас; Ін-т укр. мови НАН України. — К.: Велес, 1998. — 162 с.
10. Москальская О. И. Норма и варьирование в современном немецком литературном языке / О. И. Москальская // Иностранные языки в школе. — М., 1967. — № 6. — С. 2–14.
11. Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке / Р. П. Рогожникова. — М.: Просвещение, 1966. — 160 с.
12. Чичка Хв. Мовні поради Хведосія Чички. — Львів, 1996.
13. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М.: Просвещение, 1972. — 469 с.
14. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. — 4-е изд. — М., 1941. — 288 с.
15. Ярцева В. Н. Развитие национального английского литературного языка / В. Н. Ярцева. — М.: Наука, 1969. — 310 с.
16. Щетинкин В. Е. О морфологических вариантах во французском языке / В. Е. Щетинкин // Тезисы докладов науч. конф. I МГПИИЯ. — М., 1965. — С. 91–93.
17. *Mały słownik języka polskiego* / [red.: S. Skorupka, H. Auderska, Z. Łempicka]. — 1-е wyd. — Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1968.

References

1. *Azhnyuk B. M.* Movna yednist' natsii: diaspora i Ukraïna / B. M. Azhnyuk. — K.: Ridna mova, 1999. — 450 s.
2. *Akhmanova O. S.* Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii / O. S. Akhmanova. — M.: Uchpedgiz, 1957. — 295 s.
3. *Barannyk D. Kh.* Ukraïns'ka mova na porozh XXI stolittya / D. Kh. Barannyk // Doslidzhennya z leksykologii i gramatyky Ukraïns'koï movy: zb. nauk. prats'. — Dnipropetrovs'k: Navch. kn., 2000. — S. 7–15.
4. *Vandries Zh.* Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu: per. s frants. / Zh. Vandries. — M.: Sotsekgiz, 1937. — 409 s.
5. *Goverdovskaya Ye. V.* Leksicheskie novatsii v sfere imen sushchestvitelnykh sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Ye. V. Goverdovskaya // Russkiy yazyk v shkole. — M., 1992. — № 3–4. — S. 44–48.
6. *Goverdovskiy V. I.* Ideologicheskaya konnotatsiya, rechevaya praktika i leksikografiya / V. I. Goverdovskiy // Yazyk i obshchestvo. Otrazhenie sotsialnykh protsessov v leksike: nauch. sb. — Saratov, 1986. — S. 58–69.
7. *Karaulov Yu. N.* Obshchaya i russkaya ideografiya / Yu. N. Karaulov. — M.: Nauka, 1976. — 356 s.
8. *Klobukov Ye. V.* Aktivnye protsessy v grammatike i leksike sovremennogo russkogo yazyka / Ye. V. Klobukov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. — 1997. — № 5. — S. 116–124.
9. *Matviyas I.* Varianty Ukraïns'koï literaturnoï movy / I. Matviyas; In-t ukr. movy NAN Ukraïny. — K.: Veles, 1998. — 162 s.
10. *Moskal'skaya O. I.* Norma i var'irovanie v sovremennom nemetskom literaturnom yazyke / O. I. Moskal'skaya // Inostrannye yazyki v shkole. — M., 1967. — № 6. — S. 2–14.
11. *Rogozhnikova R. P.* Varianty slov v russkom yazyke / R. P. Rogozhnikova. — M.: Prosveshchenie, 1966. — 160 s.
12. *Chichka Khv.* Movni porady Khvedosiya Chichky. — L'viv, 1996.
13. *Shanskiy N. M.* Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka / N. M. Shanskiy. — M.: Prosveshchenie, 1972. — 469 s.
14. *Shakhmatov A. A.* Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / A. A. Shakhmatov. — 4-e izd. — M., 1941. — 288 s.
15. *Yartseva V. N.* Razvitie natsional'nogo angliyskogo literaturnogo yazyka / V. N. Yartseva. — M.: Nauka, 1969. — 310 s.
16. *Shchetinkin V. Ye.* O morfologicheskikh variantakh vo frantsuzskom yazyke / V. Ye. Shchetinkin // Tezisy dokladov nauch. konf. I MGPIYa. — M., 1965. — S. 91–93.
17. *Maty słownik języka polskiego* / [red.: S. Skorupka, H. Auderska, Z. Łempicka]. — 1-e wyd. — Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1968.

Будняк Данута Володимирівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри російської філології та компаративістики Інституту неолології й інтегративних досліджень Седльського природознавчо-гуманітарного університету; Седльце, Польща; e-mail: danutabudniak@poczta.onet.pl; тел.: +48-41-332-31-74; моб.: +48-604-456-266

РОЗВИТОК ЛІТЕРАТУРНИХ МОВ У СВІТЛІ ІСТОРИЧНОЇ ЕВОЛЮЦІЇ ТА ВАРІЮВАННЯ СЛОВА У СИСТЕМІ МОВИ

Анотація. У статті йдеться про лексичний склад російської, української та польської мов з точки зору діакронії. Безперервний розвиток лексики пов'язаний із змінами, що відбуваються у громадському, політичному, економічному, науковому та культурному житті суспільства, в якому живуть носії досліджуваних мов. Установлено, що зі змінами соціальних умов життя та розвитком наукових і гуманітарних знань, культури, спорту наприкінці ХХ — на початку ХХІ ст. у країнах основного поширення вказаних мов склад ряду тематичних груп лексики значно змінився. Ряд тематичних груп політичного, господарсько-економічного, культурологічного, наукового та науково-освітнього дискурсів поповнився, з одного боку, чисельними історизмами, з іншого — неологізмами. У мовах, які ми зіставляємо, утворюються одиниці, що називають поняття нових цивілізаційних, наукових, культурних, гуманітарних цінностей усього світу. Виникнення багатьох сучасних неологізмів спричинене поглибленням знань у галузі космосу, комп'ютерної техніки, нових засобів зв'язку і передачі інформації. Вживається лексика, що була раніше на периферії мовної свідомості в пасивному словнику: застарілі слова, що називають відроджені реалії дореволюційної доби, одиниці релігійного дискурсу та ін. В активному запасі української мови нерідко засвоюються слова діалектної мови.

Ключові слова: соціолінгвістика, мова доби соціальних перетворень, історизм, неологізм, активне вживання слова, російська мова, українська мова, польська мова.

Danuta W. Budniak,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor of the Russian Philology and Comparativistics in the Institute of Neophilology and interdisciplinary research of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities; Siedlce, Poland; e-mail: danutabudniak@poczta.onet.pl; тел.: +48-41-332-31-74; моб.: +48-604-456-266

DEVELOPMENT OF LITERARY LANGUAGES IN THE LIGHT OF HISTORICAL EVOLUTION AND VARIATION OF THE WORDS IN THE LANGUAGE SYSTEM

Summary. The article deals with the lexical composition of Russian, Ukrainian and Polish from a diachronic perspective. Continuous development of vocabulary is motivated by the changes that occur in the social, political, economic, scientific and cultural life of the society in which speakers of Russian, Ukrainian and Polish as native languages live. We have determined that changes in the social conditions of life and the development of science and human knowledge, culture and sport in the late 20th — early 21st century have caused significant changes in many thematic groups of vocabulary in countries of the main distribution of these languages. A number of thematic groups of political, economic, cultural, scientific and educational discourses replenished with many of historicisms and neologisms. In languages that we are comparing, there are units called the new concepts of civilization, scientific, cultural and humanitarian values around the world. The emergence of many modern neologisms was caused by deepening knowledge in the fields of space exploration, computer equipment, new means of communication and information transfer. The lexis employed today used to be on the periphery of language awareness in the passive thesaurus: obsolete words, which are called contemporary revived realities of pre-revolutionary era, religious discourse units, etc. Many words of dialect speech are often assimilated in the modern literary Ukrainian language.

Key words: sociolinguistics, language of era of social transformation, historicism, neologism, the active use of the word, the Russian language, the Ukrainian language, the Polish language.

Статтю отримано 21.07.2013 р.

УДК 811.16:35.071:001.6.80—11:331.446(477.74—25) Ягич

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;

e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7488854; моб.: +38—096—4966406

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ И. В. ЯГИЧА В ОДЕССКОЙ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления, развития и деятельности научной историко-филологической школы славяноведения в Одесском национальном университете имени И. И. Мечникова за последние 150 лет. Ярким представителем этой школы в 1870-е годы был авторитетный филолог-славист Игнатий Викентьевич (Ватрослав) Ягич. Его научные исследования имели поддержку среди учёных Одессы. В Одессе Ягич работал вместе с известными учёными того времени. Среди них были филологи Виктор Иванович Григорович и Иван Степанович Некрасов, правоведы Фёдор Иванович Леонтович и Балтазар Власович Богишич. В Одессе у Ягича появился интерес к изучению творчества Пушкина. О Ягиче как об учёном и учителе оставили отзывы его ученики проф. Алексей Иванович Маркевич, проф. Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский, акад. Борис Михайлович Ляпунов. В «Кратком очерке учёной деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича» (1901) Б. М. Ляпунов отметил основные заслуги Ягича в науке.

Деятельность Ягича оставила заметный след в формировании традиций одесской научной историко-филологической школы. Идеи учёного были продолжены и развиты в научных исследованиях, использованы в учебниках и учебных пособиях проф. Александра Александровича Кочубинского, акад. Василия Михайловича Истрина, проф. Михаила Георгиевича Попруженко, акад. Фёдора Ивановича Успенского, проф. Петра Осиповича Потапова, проф. Назария Ивановича Букатевича, проф. Константина (Казана) Егоровича Гагчаева, проф. Дмитрия Семёновича Ищенко, проф. Аделаиды Константиновны Смольской и многих других одесских учёных.

Ключевые слова: история языкознания, славяноведение, развитие науки, Игнатий (Ватрослав) Ягич, научная школа, Одесский университет им. И. И. Мечникова.

27 февраля 1871 года Совет Императорского Новороссийского университета (ИНУ) избрал Ватрослава (Игнатия Викентьевича) Ягича экстраординарным профессором кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков. И сразу же, по его просьбе, Министерство народного просвещения России, по ходатайству ИНУ, отправило учёного на целый год повышать квалификацию в области санскрита и Zendского языка в Берлин и Санкт-Петербург. Вернувшись из командировки, И. В. Ягич в течение двух учебных лет (1872 / 1873 и 1873 / 1874) преподавал в ИНУ курсы сравнительного языкознания, грамматики санскрита, древнегреческого языка. В 1876 году после выхода в отставку профессора В. И. Григоровича, Совет ИНУ избрал И. В. Ягича на должность профессора кафедры славянской филологии, однако на этот раз учёный в Одессу не приехал и в начале 1879 г. был уволен [3, с. 52–54, 60]. Именно так обычно представляют одесский период жизни Ягича его биографы.

Мы приведём некоторые факты одесского периода деятельности выдающегося славяноведа, которые были забыты или не замечены, а также попробуем определить роль И. В. Ягича в формировании и развитии одесской филологической школы.

Приглашение в ИНУ молодого, но уже авторитетного учёного-славяноведа Ягича историки науки ставят в заслугу только И. И. Срезневскому. Однако не меньшую роль в судьбе Ягича сыграл тогдашний ректор Фёдор Иванович Леонтович, известный специалист в области славянского и русского права, а также его коллега, юрист-славяновед Балтазар Власович Богишич. После окончания университета Святого Владимира в 1860–1861 г.г. Леонтович преподавал в Одесском Ришельевском лицее историю российского права и государственное право, а в 1865 г. переехал в Одессу для работы во вновь созданном ИНУ. С 1869 по 1877 г.г. Леонтович был ректором ИНУ. За время его ректорства профессорами ИНУ стали всемирно известные учёные И. Мечников, И. Сеченов, А. Ковалевский, В. Ягич, Б. Богишич. Сформировалось мощное славяноведческое направление в лице самого Ф. Леонтовича, а также В. Григоровича, В. Ягича и Б. Богишича. Ректор заботился о плодотворной работе общества Кирилла и Мефодия. В 1870 г. Леонтович был избран действительным членом Сербского учёного общества, в 1889 г. стал одним из организаторов Историко-филологического общества при ИНУ [19]. Именно Леонтович, приняв на работу Ягича, разрешил ему годичную научную стажировку, а в октябре 1876 г. согласился сохранять за ним кафедру славяноведения, несмотря на нехватку.

Исследователи неоднозначно оценивают взаимоотношения, установившиеся между В. И. Григоровичем и И. В. Ягичем. В их отношениях была как эмоциональная, так и рациональная составляющая [3, с. 52–60]. Однако следует сказать, что одесский период жизни Ягича был для него не только трагичным (болезнь и смерть дочери), но и важным с точки зрения обретения новых знаний: знаний в области восточнославянских языков и культур, межъязыковых и межкультурных связей восточных славян. Именно в Одессе, по мнению проф. Смольской А. К., у Ягича проявился интерес к творчеству А. С. Пушкина [24, с. 198].

Есть основания полагать, что этот интерес появился у Ягича не без влияния работавшего в ИНУ с 1868 г. литературоведа Ивана Степановича Некрасова, одним из учителей которого в Московском университете был Ф. И. Буслаев. В 1867 г. И. С. Некрасов был избран членом-корреспон-

дентом Московского археологического общества. Основным научным объектом его исследований была древнерусская агиография. Накануне приезда в Одессу Ягича в 1871 г. И. С. Некрасов опубликовал работу «Пахомий Серб — писатель XV века», которая не могла не заинтересовать приехавшего в 1872 г. Ягича. Тем более, Некрасов был незаурядной личностью: с 1874 до 1890 г. он был деканом историко-филологического факультета, а с 1890 по 1895 — ректором ИНУ. Кроме древнерусской литературы, И. С. Некрасов хорошо знал литературу XIX в., исследовал её. В дальнейшем в Одессе он опубликовал работы «О значении Пушкина в истории русской литературы» (1887), «О значении Лермонтова и Гоголя в русской литературе» (1888) [1]. Имеются основания полагать, что именно И. С. Некрасов ввёл Ягича в мир современной русской литературы. И уж точно он, будучи деканом факультета, способствовал сохранению кафедры славяноведения за отсутствовавшим более двух лет Ягичем. Позже, в 1901 г., Ягич издал сборник библиографических и литературно-критических статей «А. С. Пушкин в южнославянских литературах», представляющий до сих пор научную ценность для литературоведов и специалистов в области переводоведения. До Ягича никто подобных изданий компаративного характера не осуществлял [24, с. 197]. Материалы этого сборника до сих пор изучаются студентами ОНУ в курсах русской и инославянских литератур.

Объективный взгляд на Ягича как учёного и педагога представили некоторые из его учеников. Так, проф. А. И. Маркевич, бывший в конце XIX — начале XX в. историографом ИНУ, писал: «Хотя лекции пр. Ягича... и были несколько шероховатого изложения, но они искупали это содержанием; особенно санскриту пр. Ягич учил прекрасно». Отмечал А. И. Маркевич и «ту огромную долю поэтического элемента, которую он приносил в чтение по сравнительному языкознанию: это делало его лекции, конечно, интересными для слушателей, но едва ли вело к усвоению ими точного метода языкознания» [17, с. 272].

Д. Н. Овсяннико-Куликовский, которого Ягич обучал древнегреческому языку, в «Воспоминаниях» удивлялся, что Ягич, уже тогда имевший репутацию первоклассного учёного, вынужден был преподавать элементарные курсы санскрита и греческого. В то же время, В. И. Григорович 40 лет прятал в заветном портфеле бесценные глаголические рукописи Зографского и Мариинского евангелий, запрещаая их копировать и показывая только студентам [21, с. 80–81]. Однако одной из величайших заслуг Ягича перед наукой стало то, что он, несмотря на обиду, связанную с недоверием, сумел издать эти одесские рукописи после смерти Григоровича.

Историк, будущий академик РАН и АН СССР, Ф. И. Успенский, ставший в 1874 г. доцентом ИНУ и не заставший Ягича в Одессе, писал, что о нём в университетской среде остались тёплые воспоминания: «память об нём была ещё жива, и мои товарищи по университету не без сожалений говорили об его в некотором смысле измене: променял нас на немцев» [2, с. 252].

Одним из ставленников В. И. Григоровича историки отечественного славяноведения считают А. А. Кочубинского, противопоставляя его Ягичу. Однако уже в своей вступительной лекции «Славянские наречия и сравнительное языкознание (историко-критический очерк)», произнесённой при вступлении на кафедру славянских наречий ИНУ 3.12.1871 г., славословие в адрес присутствовавшего на лекции В. И. Григоровича не помешало А. А. Кочубинскому занять объективную позицию и заявить о поддержке Ягича в вопросе критического отношения к идеям аббата Добровского по поводу возникновения глаголицы [7, с. 20].

В своей долгой и плодотворной работе в ИНУ А. А. Кочубинский проявляет себя зрелым учёным, принимающим и популяризирующим идеи Ягича и вступающим в здоровую научную дискуссию по поводу других. Так, серьёзным компаративным исследованием славянских систем вокализма стала работа Кочубинского «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий. Основная вокализация плавных сочетаний...» (1878). В этом исследовании Кочубинский указывает на непоследовательность Ягича в вопросе о том, редуцированный или полный гласный передавался буквой Ъ в сочетаниях с плавными Р и Л [8, с. 74–79]. В книге «История славянской и русской филологии» (1882) А. А. Кочубинский заявляет о неопределённости Ягича в оценке как бесспорно слабого состояния научной разработки русского языка [9, с. 13], несмотря на достижения И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, Н. А. и П. А. Лавровских, А. А. Потебни, Я. К. Грота и некоторых других. (Интересно, что Б. М. Ляпунов совсем иначе понял оценку Ягичем состояния русской лингвистической науки, данную в первом томе «Archiv für Slavische Philologie» в статье о плавных сочетаниях в русском полногласии. Ляпунов пишет, что Ягич указывал на то, что немецкие учёные очень плохо знают о состоянии развития русской лингвистической науки [16, с. 17]). В библиографическом списке новых работ Кочубинский приводит ряд работ, автором которых является Ягич. «Прекрасной литературной историей» Кочубинский считает работу «Historija kniževnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga», kn.I, Stara doba. — Zagreb, 1867. Достойными учёный считает 7 статей на хорватском языке из журнала «Archiv für Slavische Philologie», рецензию на «Lexicon ...» Миклошича [9, с.с. 64, 111–113, 173–186].

С середины 1880-х годов все профессора ИНУ литографическим способом издают тексты своих лекций, делая их доступными для студентов и коллег. Наме знакомство с лекциями ряда славистов ИНУ свидетельствует о постоянном внимании языковедов к исследованиям Ягича, об использовании их результатов в практической преподавательской работе. Разумеется, в учебных пособиях, каковыми являются курсы лекций, подход к научному аппарату не так строг, как в монографиях и статьях. Несмотря на это, в лекциях и учебниках одесских профессоров находим много ссылок на труды Ягича, на его позицию в решении разных вопросов славистики.

В своих лекциях «Словѣнскій (Церковно-славянскій) языкъ (Лазыкъ словѣньскъ)» (1884) А. А. Кочубинский, описывая историю славянской письменности, высоко оценивает деятельность Ягича по из-

данию памятников славянской письменности. Интересным, с нашей точки зрения, является замечание Кочубинского о том, что дополнения Ягича в сторону упрощения теории Тейлора о происхождении глаголицы из обиходного, домашнего письма (курсива) греков повлияли на формирование его (Кочубинского) собственной позиции. Учитывая замечания Ягича, он считает, что глаголицу зафиксировал Кирилл, когда жил в Херсонесе (Корсуне), где русские купцы пользовались греческим курсивом, а для недостающих букв использовали знаки хазарского письма. Когда Кирилл приехал в Богемию и получил задание придумать азбуку, он воспользовался русской азбукой из Херсонеса [10, с. 106–109]. Следовательно, славяне ещё до IX в. знали знаки, которые Кирилл положил в основу глаголицы.

Несмотря на то, что Кочубинский эти лекции читал в 1884 / 1885 академическом году, он успел включить в описание учебных пособий по старославянскому языку «Записки по грамматике Словѣнскаго языка» Ягича, характеризуя этот учебник как оригинальный, самостоятельный, в отличие от ряда учебников других авторов, где Кочубинский не нашёл ничего авторского, нового [10, с. 132]. Для своих лекций Кочубинский часто берёт примеры из изданных Ягичем памятников старославянского языка.

Любой серьёзный разговор о глаголице в научных и студенческих кругах Одессы неполон, если в нём не говорится о Ягиче как учёном, внёшем большой вклад в изучение этой азбуки. Например, во вступительной лекции в ИНУ «Прошлое глаголицы» (1891) одесский историк Михаил Георгиевич Попруженко в числе других известных глаголических памятников упоминает о надписи конца XI — начала XII в. на мраморной плите, найденной на о. Къркъ (Veglia) и описанной Ягичем в отдельной статье [22, с. 7].

Наиболее активным и последовательным популяризатором научных идей Ягича в Одессе по праву считается один из его учеников, проф. Б. М. Ляпунов, проработавший в Одессе с 1900 до 1923 г. вплоть до своего избрания академиком АН СССР. В его работах «Исследование о языке Синодального списка Первой Новгородской летописи» (1900) и «Формы склонения в старославянском языке» (1905) исследуется теория редуцированных гласных и их этимология в разных морфемах; генезис форм склонения; некоторые вопросы праславянской акцентологии [12; 14].

В 1901 г. к 40-летию научной славистической деятельности Ягича по постановлению Правления Историко-филологического общества при ИНУ был издан написанный Ляпуновым «Краткий очерк учёной деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича». Ляпунов пишет, что благодаря всеобъемлющей деятельности Ягича, захватывающей почти все отделы славистики, его имя хорошо известно даже неспециалистам [13, с. 1]. Наибольшие заслуги своего учителя Ляпунов всё же видит «в разных отделах лингвистики, в филологической критике и глаголической палеографии» [13, с. 11]. В курсе своих лекций «Введение в историю русского языка» 1911 г. Ляпунов посвятил один из параграфов анализу деятельности Ягича как историка русского языка [16, с. 17–20]. В своих научных и методических работах Ляпунов всегда указывал на позицию Ягича по тому или иному спорному вопросу. Например, в «Лекциях по фонетике старославянского языка...», он указывает, что Ягич постепенно отходит от теории культурного паннонизма, поскольку в памятниках встречаются немецкие слова, которые могли проникнуть в Паннонию и Моравию из Баварии и других верхненемецких земель [15, с. 31]. В упоминавшейся работе «Формы склонения в старославянском языке» Ляпунов при рассмотрении разных рефлексов палатализации ссылается на работу Ягича «Einige Streitfragen, 6» [14, с. 29]. Имеются и другие ссылки на работы учёного.

С 1897 г. в ИНУ работал Василий Михайлович Истрин. После защиты диссертации «Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе» он на протяжении 10 лет своими научными достижениями способствовал росту авторитета одесской филологической школы. С 1904 г. В. М. Истрин председательствовал в Историко-филологическом обществе при ИНУ. В Одессе он опубликовал текст и исследование 2-ой книги «Хроники Иоанна Малалы», изучил греческие списки «Хроники Георгия Амартола», исследовал русский перевод «Хроники Георгия Синкелла», начал работать над исследованием «Толковой Палеи». В одесский период были опубликованы многие его исследования: «Апокрифические мучения Никиты» (1898), «Первая книга Хроники Иоанна Малалы» (1897), «Греческие списки завещания Соломона» (1899) и некоторые другие. Результатом плодотворной работы стало избрание В. М. Истрина в 1907 году ординарным академиком ИАН и его переезд в Санкт-Петербург [18].

«Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете» [11] заставляют осознать, насколько глубоко и увлечённо одесские учёные исследовали вопросы сравнительно-исторического языкознания и смежные с ними проблемы культуры и литературы, продолжая традицию и используя методологию и методику исследований, заложенные И. В. Ягичем в период его пребывания в Одессе и развивавшиеся им в послеодесский период его славистической деятельности. Например, в разных выпусках летописей имеются материалы следующих докладов: Корш Ф. Е. *Заметки по тексту поэмы об Аполлонии Тирском* (т. 2; 1891), *Мысли о происхождении новогреческого языка* (т. 5; 1895); Дестунис Г. С. *Живые остатки византийской терминологии* (т. 2; 1891); Попруженко М. Г. *Заметки по Кирилло-Мефодиевскому вопросу* (т. 2; 1891); Успенский Ф. И. *Неизданное церковное слово о болгарско-византийских отношениях в первой половине X в.* (т. 3; 1894); Пападимитриу С. Д. *Критические этюды к средневековым греческим текстам* (т. 3; 1894); Красносельцев Н. Ф. *О древних литургических толкованиях* (т. 3; 1894); Барац Г. М. *Следы иудейских воззрений в древнерусской письменности* (т. 3; 1894); Петров А. Н. *Спорные вопросы миссионерской деятельности Св. Кирилла Философа на востоке* (т. 3; 1894); Мочульский В. М. *Апокрифическое сказание о Создании мира* (т. 6; 1896); Истрин В. М. *Греческие списки «Завещания Соломона»*

(т. 7; 1899), *К вопросу о славяно-русских редакциях Первоевангелия Иакова* (т. 8; 1900), *История Сербской Александрии в русской истории, Пятая книга хроники И. Малалы* (т. 9; 1901), *Был ли «Даниил Заточник» действительно заточён* (т. 10; 1902), *К истории заимствованных слов и переводных повестей* (т. 13; 1905); Лавров П. Л. *Дамаскин Студит и сборники его имени «дамаскины» в юго-славянской письменности* (т. 7; 1899); Вилинский С. Г. *Болгарские тексты «Епистолии о Неделе»* (т. 10; 1902); Щербина А. Д. *Литературная история русских сказаний о Флорентийской Унии* (т. 10; 1902); Рыстенко А. В. *Парижские списки «Стефанита и Измилата»* (т. 9; 1901), *Сказание о 12 снах царя Мамера в славяно-русской литературе* (т. 13; 1905); Ляпунов Б. М. *Несколько замечаний о словенско-немецком словаре Плетершника* (т. 10; 1902), *Перевод статьи Ягича По поводу статьи Р. Ф. Брандта «О лженаучности нашего правописания»* (т. 11; 1904), *Формы склонения в старославянском языке* (т. 13; 1905), *Научная деятельность М. С. Дринова* (т. 16; 1910) и др.

Первый послевоенный декан филологического ф-та Пётр Осипович Потапов в 1944 г. защитил докторскую диссертацию «Славянский перевод хроники Зонары по спискам Ундольского 1191, Венскому 126, Хиландарскому 332 и др.». Это основательное исследование языковых особенностей текстов всех славянских переводов памятника было выполнено в общем русле главной проблематики научных исследований историков и филологов ОГУ: изучения славяно-византийских культурных связей и древних славяно-русских переводов с греческого языка. На основе языковых данных Потапов не только уточняет время перевода Хроники Зонары с греческого, но и выясняет национальность переводчика, делая вывод, что перевод был сделан в Болгарии, а не в Сербии, как считалось ранее [26, с. 5–6].

В «Курсе лекций по старославянскому языку на филологическом ф-те ОГУ» (1940) П. О. Потапов высоко оценивает вклад Ягича в изучение старославянского языка. Он даёт общую характеристику многих памятников, изданных Ягичем, приводит в качестве примеров рассуждения учёного по ряду рассматриваемых проблем, использует некоторые открытия Ягича уже как хрестоматийные [23, с. 15–21 и др.]. В целом, лекции Потапова отличаются стройностью, логичностью подачи материала и доказательствами.

В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Древнерусская рукопись XII века «Устав Студийский»» Дмитрий Семёнович Ищенко. Поскольку работа освещала особенности греческо-славянского перевода, Д. С. Ищенко в ряде случаев ссылается на толкование Ягичем вариантов перевода некоторых слов [6, с. 165–166].

В 1957 г. проф. К. Е. Гагкаев издал свой «Курс лекций по истории языкознания», где учёный высоко оценил деятельность Ягича, назвав его «Историю славянской филологии» (1910) одной из 25 «капитальных» работ «старой» науки по истории языкознания. Характеризуя языкознание середины XIX в., К. Е. Гагкаев приветствует то, что Ягич, как и Овсяннико-Куликовский, Добиаш, Шахматов, Пешковский, Кудрявский были последователями психологических взглядов А. А. Потёбни и сторонниками его грамматической системы. Работая над текстом лекции «Русское языкознание кон. XIX в. и нач. XX в.», Гагкаев заимствует некоторые оценки развития науки этого периода у Ягича, ссылаясь на его «Историю славянской филологии» [5, с. 14, 97–98, 118–127]. Как один из слушателей курса могут отметить, что К. Е. Гагкаев в лекциях вспоминал имя Ягича чаще, чем в своём печатном тексте.

Авторитетным учебником исторической грамматики русского языка с 1970-х годов в СССР и за рубежом стал учебник, написанный на кафедре русского языка Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова Н. И. Букатевицем, С. А. Савицкой и Л. Я. Усачёвой (1974). Авторы несколько раз ссылаются на «Критические заметки по истории русского языка» (1889) И. В. Ягича. Например, говоря об унификации форм дательного, местного и творительного падежей множ. числа трёх родов, они ссылаются именно на доказательства Ягича, что эта унификация происходила в указанной последовательности. Ссылаются авторы на мнение Ягича и при характеристике причин трансформации личного местоимения ЯЗЪ в Я; образования местоименных форм МЕНЯ, ТЕБЯ, СЕБЯ под влиянием энклитик МЯ, ТЯ, СЯ [4, с. 144, 158–159].

Во многих своих работах ссылки на труды Ягича делала проф. А. К. Смольская. Своих учеников она также заставляла учитывать точку зрения Ягича по тому или иному вопросу. Имя Ягича часто звучало у нас на её лекциях по старославянскому языку. Именно она в соавторстве с Н. И. Зубовым написала прекрасную статью об учёном в биографическом словаре «Профессоры Одесского (Новороссийского) университета» [25].

С 2006 по 2011 г. в ОНУ на кафедре болгарской филологии работала болгарский учёный Мария Мъжлекова. В Одессе она в 2009 г. написала и издала монографию «Родителен и дателен притягателен падеж в среднобългарски четиревангелия от XII — XIII век». Во введении исследовательница указала, что работа частично была написана под влиянием идей Ягича [20, с. 3–4].

В русле заложенных в одесской лингвистической школе традиций выполнена на кафедре русского языка и недавно защищённая (июнь 2013 г.) кандидатская диссертация — «Отражение развития лексико-грамматической системы древнерусского языка в Архангельском евангелии 1092», автором которой является преподаватель кафедры О. В. Мальцева.

Таким образом, изучение основ сравнительного славяноведения, одним из наиболее авторитетных представителей которого на заре становления традиций одесской лингвистической школы был И. В. Ягич, позволяет уже на протяжении более 100 лет поддерживать и развивать это направление в Одесском университете как в научной, так и в методической работе.

Литература

1. *Александров О. В.* Некрасов Иван Степанович / О. В. Александров // Професори Одеського (Новоросійського) університету: біографічний словник. — 2-ге вид., допов. — Одеса: Астропринт, 2005. — Т. 1: Ректори. — С. 36–38.
2. *Аннaлы*: журнал всеобщей истории, издаваемый РАН / ред.: Ф. И. Успенский, Е. В. Тарас. — 1924. — Кн. IV.
3. *Арбузова И. В.* В. Ягич в Одессе (В. Ягич и В. И. Григорович) / И. В. Арбузова // Славянская филология: сб. ст. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. — С. 52–60.
4. *Букатевич Н. И.* Историческая грамматика русского языка: учебник / Н. И. Букатевич, С. А. Савицкая, Л. Я. Усачёва. — Киев: Вища школа, 1974. — 312 с.
5. *Гагкаев К. Е.* Курс лекций по истории языкознания / К. Е. Гагкаев. — Одесса: ОГУ, 1957. — 155 с.
6. *Ищенко Д. С.* Древнерусская рукопись XII века «Устав Студийский»: дис. ... канд. филол. наук / Д. С. Ищенко. — Тирасполь, 1967. — 349 с.
7. *Кочубинский А. А.* Славянские наречия и сравнительное языкознание (историко-критический очерк): вступительная лекция / А. А. Кочубинский. — Одесса: Тип. Ульриха и Шульца, 1872. — 50 с.
8. *Кочубинский А. А.* К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий. Основная вокализация плавных сочетаний: конс.+Л, Р+Ъ — Б+конс. Т. II, вып. 1 / А. А. Кочубинский. — Одесса: Тип. Ульриха и Шульца, 1878. — 90 с.
9. *Кочубинский А. А.* Итоги славянской и русской филологии / А. А. Кочубинский. — Одесса: Тип. П. А. Зеленаго, 1882. — 240 с.
10. *Кочубинский А. А.* Словенский (Церковно-славянский) язык (Лазыкъ словѣньскъ): Лекции, читанные в 1884–85 академическом году ординарным профессором Императорского Новороссийского Университета А. Кочубинским. — Одесса: Литография П. А. Зеленаго, 1884. — 190 с.
11. *Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете.* — Одесса, 1890–1916. — Т. 1–25. — [Режим доступа к содержанию: http://annales.info/sbo/contents/_odessa.html].
12. *Ляпунов Б. М.* Исследование о языке Синодального списка Первой Новгородской летописи / Б. М. Ляпунов. — С. Пб., 1900.
13. *Ляпунов Б. М.* Краткий очерк учёной деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича / Б. М. Ляпунов. — Одесса, 1901. — 42 с.
14. *Ляпунов Б. М.* Формы склонения в старославянском языке. 1. Склонение имён / Б. М. Ляпунов. — Одесса, 1905. — 70 с.
15. *Ляпунов Б. М.* Лекции по фонетике старославянского языка, читанные в Имп. Новороссийском Университете и на Одесских Высших Женских Курсах в 1908–1909 гг. — Одесса, 1909. — 111 с. — [Машинопись].
16. *Ляпунов Б. М.* Введение в историю русского языка: лекции, читанные в осеннем семестре 1910-го года исполняющим должность экстраординарного профессора Б. М. Ляпуновым / Б. М. Ляпунов. — Одесса, 1911. — 122 с. — [Машинопись].
17. *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского Университета / А. И. Маркевич. — Одесса, 1890. — 734 с. с прил.
18. *Мейзерська Т. С.* Істрін Василь Михайлович / Т. С. Мейзерська // Професори Одеського (Новоросійського) університету: біографічний словник. — 2-ге вид., допов. — Одеса: Астропринт, 2005. — Т. 2. — С. 494–496.
19. *Музичко О. Г.* Леонтович Федір Іванович / О. Г. Музичко // Професори Одеського (Новоросійського) університету: біографічний словник. — 2-ге вид., допов. — Одеса: Астропринт, 2005. — Т. 1: Ректори. — С. 15–23.
20. *Мъжлєкова М. С.* Родители и датели притежателей падеж в среднобългарски четиривангелия от XII—XIII век / Мария Стелиянова Мъжлєкова. — Одеса: Друк, 2009. — 338 с.
21. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Воспоминания / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — Пг., 1923. — 190 с.
22. *Попруженко М. Г.* Прошлое глаголицы: вступительная лекция, читанная в Новороссийском университете: [отд. оттиск из «Филологических записок»] / М. Г. Попруженко. — Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1891. — 12 с.
23. *Потапов П. О.* Курс лекций по старославянскому языку на филологическом ф-те ОГУ / П. О. Потапов. — Одесса: ОГУ, 1940. — 161 с. — [Машинопись].
24. *Смольская А. К.* Из истории пушкиноведения: сборник И. В. Ягича «А. С. Пушкин в южнославянских литературах» / А. К. Смоленская // Славянские студии: сб. ст. — Одесса: Астропринт, 2001. — С. 197–205.
25. *Смольская А. К.* Ягич Игнатий (Ватрослав) Викентійович / А. К. Смоленская, М. І. Зубов // Професори Одеського (Новоросійського) університету: біографічний словник. — 2-ге вид., допов. — Одеса: Астропринт, 2005. — Т. 4. — С. 480–483.
26. *Шишов В. Ф.* Пётр Осипович Потапов (1882–1945): методические материалы к спецкурсу «Русисты Одесского университета» / В. Ф. Шишов. — Одесса: ОГУ, 1982. — 20 с.

References

1. *Aleksandrov O. V.* Nekrasov Ivan Stepanovych / O. V. Aleksandrov // Profesory Odes'kogo (Novorosyis'kogo) universytetu: biografichnyi slovnyk. — 2-ge vyd., dopov. — Odesa: Astroprynt, 2005. — T. 1: Rektory. — S. 36–38.
2. *Annaly*: zhurnal vseobshchey istorii, izdavaemyy RAN / red.: F. I. Uspenskiy, Ye. V. Taras. — 1924. — Kn. IV.
3. *Arbuzova I. V.* V. Yagich v Odesse (V. Yagich i V. I. Grigorovich) / I. V. Arbuzova // Slavyanskaya filologiya: sb. st. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1964. — S. 52–60.
4. *Bukatevich N. I.* Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: uchebnik / N. I. Bukatevich, S. A. Savitskaya, L. Ya. Usacheva. — Kiev: Vishcha shkola, 1974. — 312 s.
5. *Gagkaev K. Ye.* Kurs lektsiy po istorii yazykoznaniiya / K. Ye. Gagkaev. — Odessa: OGU, 1957. — 155 s.
6. *Ishchenko D. S.* Drevnerusskaya rukopis XII veka «Ustav Studiyskiy»: dis. ... kand. filol. nauk / D. S. Ishchenko. — Tiraspol, 1967. — 349 s.
7. *Kochubinskiy A. A.* Slavyanskie narechiya i sravnitelnoe yazykoznanie (istoriko-kriticheskiy ocherk): vstupitelnaya lektsiya / A. A. Kochubinskiy. — Odessa: Tip. Ulrikha i Shultsa, 1872. — 50 s.
8. *Kochubinskiy A. A.* K voprosu o vzaimnykh otnosheniyakh slavyanskikh narechiy. Osnovnaya vokalizatsiya plynnykh sochetaniy: kons.+Л, Р+Ъ — Б+kons. Т. II, вып. 1 / А. А. Kochubinskiy. — Odessa: Tip. Ulrikha i Shultsa, 1878. — 90 s.
9. *Kochubinskiy A. A.* Itogi slavyanskoy i russkoy filologii / A. A. Kochubinskiy. — Odessa: Tip. P. A. Zelenago, 1882. — 240 s.
10. *Kochubinskiy A. A.* Slovenskiy (Tserkovno-slavyanskiy) yazyk (Лазыкъ словѣньскъ): Lektsii, chitannye v 1884–85 akademicheskom godu ordinarnym professorom Imperatorskogo Novorossiyskogo Universiteta A. Kochubinskim. — Odessa: Litografiya P. A. Zelenago, 1884. — 190 s.
11. *Letopis' Istoriko-filogicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Novorossiyskom Universitete.* — Odessa, 1890–1916. — T. 1–25. — [Rezhim dostupa k sodержaniyu: http://annales.info/sbo/contents/_odessa.html].
12. *Lyapunov B. M.* Issledovanie o yazyke Sinodalnogo spiska Pervoy Novgorodskoy letopisi / B. M. Lyapunov. — S. Pб., 1900.
13. *Lyapunov B. M.* Kratkiy ocherk uchenoy deyatelnosti akademika Ignatiya Vikentevicha Yagicha / B. M. Lyapunov. — Odessa, 1901. — 42 s.
14. *Lyapunov B. M.* Formy skloneniya v staroslavlyanskom yazyke. 1. Sklonenie imion / B. M. Lyapunov. — Odessa, 1905. — 70 s.
15. *Lyapunov B. M.* Lektsii po fonetike staroslavlyanskogo yazyka, chitannye v Imp. Novorossiyskom Universitete i na Odesskikh Vysshikh Zhenskikh Kursakh v 1908–1909 gg. — Odessa, 1909. — 111 s. — [Mashinopis'].

16. *Lyapunov B. M.* Vvedenie v istoriyu Russkogo yazyka: Lektsii, chitannye v osennem semestre 1910-go goda ispolnyayushchim dolzhnost' ekstraordinarnogo professora B. M. Lyapunovym / B. M. Lyapunov. — Odessa, 1911. — 122 s. — [Mashinopis'].
17. *Markevich A. I.* Dvadsatipyatiletie Imperatorskogo Novorossiyskogo Universiteta / A. I. Markevich. — Odessa, 1890. — 734 s. s pril.
18. *Meyzers'ka T. S.* Istrin Vasyly Mykhaylovych / T. S. Meyzers'ka // Profesory Odes'kogo (Novorossiyskogo) universytetu : biografichnyi slovnyk. — 2-ge vyd., dopov. — Odessa : Astroprint, 2005. — T. 2. — S. 494–496.
19. *Muzychko O. Ye.* Leontovych Fedir Ivanovych / O. Ye. Muzychko // Profesory Odes'kogo (Novorossiyskogo) universytetu : biografichnyi slovnyk. — 2-ge vyd., dopov. — Odessa : Astroprint, 2005. — T. 1 : Rektory. — S. 15–23.
20. *Myzhlekova M. S.* Roditelen i datelen pritezhatelen padezh v srednobylgarski chetirievangeliiya ot XII—XIII vek / Mariya Steliyanova Myzhlekova. — Odessa : Druk, 2009. — 338 s.
21. *Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N.* Vospominaniya / D. N. Ovsyaniko-Kulikovskiy. — Pg., 1923. — 190 s.
22. *Popruzhenko M. G.* Proshloe glagolitsy: Vstupitel'naya lektsiya, chitannaya v Novorossiyskom universitete : [otd. ottisk iz «Filologicheskikh zapisok»] / M. G. Popruzhenko. — Voronezh : Tip. V. I. Isaeva, 1891. — 12 s.
23. *Potapov P. O.* Kurs lektsiy po staroslavlyanskomu yazyku na filologicheskome f-te OGU / P. O. Potapov. — Odessa : OGU, 1940. — 161 s. — [Mashinopis'].
24. *Smol'skaya A. K.* Iz istorii pushkinovedeniya: sbornik I. V. Yagicha «A. S. Pushkin v yuzhnoslavlyanskikh literaturakh» / A. K. Smol'skaya // Slavnyanskii studii : sb. st. — Odessa : Astroprint, 2001. — S. 197–205.
25. *Smol's'ka A. K.* Yagych Ignatyi (Vatroslav) Vikentiyovych / A. K. Smol's'ka, M. I. Zubov // Profesory Odes'kogo (Novorossiyskogo) universytetu : biografichnyi slovnyk. — 2-ge vyd., dopov. — Odessa : Astroprint, 2005. — T. 4. — S. 480–483.
26. *Shishov V. F.* Piotr Osipovich Potapov (1882–1945) : metodicheskie materialy k spetskursu «Rusisty Odesskogo universiteta» / V. F. Shishov. — Odessa : OGU, 1982. — 20 s.

Степанов Євгеній Миколайович,

доктор філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;

e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7488854; моб.: +38-096-4966406.

РОЗВИТОК НАУКОВИХ ІДЕЙ І. В. ЯГІЧА В ОДЕСЬКІЙ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНІЙ ШКОЛІ

Анотація. Статтю присвячено проблемі становлення, розвитку та діяльності наукової історико-філологічної школи слов'янознавства Одеського національного (Імператорського Новоросійського) університету імені І. І. Мечникова за останні 150 років. Яскравим представником цієї школи в 1870-і роки був авторитетний філолог-славист Ігнатій Вікентійович (Ватрослав) Ягіч. Його наукові дослідження мали підтримку серед вчених Одеси. В Одесі Ягіч працював разом з відомими вченими того часу. Серед них були філологи Віктор Іванович Григорович і Іван Степанович Некрасов, правознавці Федір Іванович Леонтович і Балтазар Власович Богішич. В Одесі у Ягіча проявився інтерес до вивчення творчості Пушкіна. Про Ягіча як вченого та вчителя залишили відгуки його учні проф. Олексій Іванович Маркевич, проф. Дмитро Миколайович Овсяніко-Куликовський, акад. Борис Михайлович Ляпунов. У «Короткому нарисі вченої діяльності академіка Ігнатія Вікентійовича Ягіча» (1901) Б. М. Ляпунов відзначив основні заслуги Ягіча в науці.

Діяльність І. В. Ягіча залишила помітний слід у формуванні традицій одеської наукової історико-філологічної школи. Ідеї вченого було продовжено та розвинено в наукових дослідженнях, використано в підручниках і навчальних посібниках проф. Олександра Олександровича Кочубинського, акад. Василя Михайловича Істріна, проф. Михайла Георгійовича Попруженка, акад. Федора Івановича Успенського, проф. Петра Йосиповича Потапова, проф. Назарія Івановича Букатевича, проф. Костянтина (Казана) Єгоровича Гагкаяєва, проф. Дмитра Семеновича Іщенка, проф. Аделаїди Костянтинівни Смольської та багатьох інших одеських учених.

Ключові слова: історія мовознавства, слов'янознавство, розвиток науки, Ігнатій (Ватрослав) Ягіч, наукова школа, Одеський університет ім. І. І. Мечникова.

Yevgeniy N. Stepanov,

Grand PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;

e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; tel.: +38 (048) 7488854; моб.: +38-096-4966406; +38-066-1132580.

ODESSA HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCHOOL DEVELOPING SCIENTIFIC IDEAS OF VATROSLAV JAGIĆ

Summary. The article looks at the formation, development and scientific activities of the historical and philological school of Slavonic Studies at Odessa I. I. Mechnikov National University (Imperial University of New Russia) within the past 150 years. In the 1870s, the scientific school saw Prof. Ignatius (Vatroslav) Jagić as one of its most authoritative scholars. His research was supported by the scientists of Odessa. Here Jagić collaborated with the well-known scholars of that time. There were philologists Viktor I. Grigorovich and Ivan S. Nekrasov, legists Fedor I. Leontovich and Balthasar V. Bogišić among those. In Odessa, Jagić displayed interest in studying Pushkin's creative work. Jagić's disciples Prof. Alexey I. Markevich, Prof. Dmitri N. Ovsyaniko-Kulikovskiy, and Acad. Boris M. Lyapunov left a lot of good recalls about him as a teacher and scholar. In «A brief sketch of the scientific activity of Academician Ignatius Vikentyevich Jagić» (1901), Boris M. Lyapunov pointed out Jagić's main achievements in science.

Scientific activities of Jagić had a significant impact on the formation of scientific traditions of the Odessa historical and philological school. His scientific ideas were continued, developed and used in the research, books and manuals by Prof. Alexandr A. Kochubinskiy, Acad. Vasilii M. Istrin, Prof. Michayl G. Popruzhenko, Acad. Fyodor I. Uspenskiy, Prof. Pyotr O. Potapov, Prof. Nazariy I. Bukatevich, Prof. Constantine (Kazan) Ye. Gagkayev, Prof. Dmitriy S. Ishchenko, Prof. Adelaida K. Smolskaya, and many other Odessa scholars.

Key words: history of linguistics, Slavonic studies, development of science, scientific school, Ignatius (Vatroslav) Jagić, Odessa I. I. Mechnikov University.

Статтю отримано 19.11.2013 р.

ПЕТРОВ Александр Владимирович,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского; Симферополь, Украина;
e-mail: liza_nada@mail.ru ; тел.: +38-099-064-82-61

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА Т. А. ТУЛИНОЙ О СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируются взгляды профессора Татьяны Александровны Тулиной на категорию сравнения, комментируется предложенная учёным методика изучения сравнительной семантики, в основу которой положена степень эксплицитности языкового выражения сравнительного отношения. Идеи Т. А. Тулиной развиваются на примере предложно-падежных конструкций, построенных по структурной схеме $S+N_1N_2$. Установлено, что в присубстантивной позиции актуализируется логическая формула сравнения — $a\beta b$ (реже, cab), в прилагательной — cb или $c\beta b$. По характеру компонентов N_1 и N_2 можно изучать картину мира народа: так, для русского человека среди конкретных имён в составе конструкций преобладает *comparandum* *лицо*, среди абстрактных субстантивов на первое место выдвигаются *скорость* и *быстрота*.

Ключевые слова: концепция Т. А. Тулиной, эксплицитное / имплицитное выражение сравнения, конструкции $S+N_1N_2$, элементы логической формулы сравнения: поясняемое понятие (a), поясняющее понятие (b), основание сравнения (c), ограничители элемента a (α), ограничители элемента b (β).

Известный исследователь, автор новаторских работ по функционированию словосочетаний в русском языке, Татьяна Александровна Тулина внесла значительный вклад в синтаксическую науку. Событием для лингвистики второй половины XX века был выход монографии «Функциональная типология словосочетаний», в которой «развивается взгляд на словосочетание как полный или частичный знак ситуации в соответствии с концепцией языка как знаковой системы особого рода» (из аннотации к монографии) и предлагается оригинальная типология словосочетаний в функционально-семантическом аспекте. В русле постоянного интереса учёного была категория сравнения — «одна из необходимых операций всех наук», по мнению И. А. Бодуэна де Куртэнэ [1, с. 56].

Проблеме разработки темы сравнения в языкознании посвящено значительное количество работ [3; 4; 6; 8; 12]. Т. А. Тулина предложила путь комплексного исследования сравнения как функционально-семантической категории, выражаемой средствами различных уровней языка. Учёный анализирует эксплицитные и имплицитные способы выражения сравнения в русском языке, обращает внимание на особенности разных синтаксических структур с точки зрения принципа убывания эксплицитности выражения сравнительного отношения.

Цель статьи — обосновать значимость идей учёного о системе средств выражения сравнительных отношений в русском языке для современного языкознания и продемонстрировать это на примере конструкций, построенных по структурной схеме $S+N_1N_2$. Карточка фактического материала была составлена на основе «Национального корпуса русского языка».

Важной задачей для современных лингвистических исследований категории сравнения, отмечает К. П. Херберман, является поиск того семантического основания, которое определяет «идентичность сравнительной семантики» [11, с. 92] всех средств выражения сравнения, независимо от языка и языкового уровня.

В понимании сравнения Т. А. Тулина опирается на опыт учёных классического языкознания, прежде всего, на работы А. А. Потебни. Так, А. А. Потебня обращал внимание на то, что сравнение (по латыни — *comparatio*), являющееся категорией формальной логики, предполагает наличие трёх элементов: 1) понятие, которое требует пояснения (*comparandum*); 2) понятие, которое служит для пояснения (*comparatum*); 3) посредствующий, связующий элемент, служащий «мостиком» между двумя понятиями (*tertium comparationis*), т. е. третье сравнение, третья величина при двух сравниваемых [7, с. 130]¹. Аналогичную точку зрения разделял и Г. Пауль, который писал, что, «помимо двух сравниваемых между собой предметов, для сравнения необходимо ещё *tertium comparationis*», т. е. «часть содержания сравниваемых комплексов представлений, которая присуща им обоим» [5, с. 102].

Т. А. Тулина проецирует сравнительные отношения на синтаксические конструкции разного характера и исходит из положения о том, что «степень эксплицитности выражения сравнительного отношения пропорциональна степени развёрнутости синтаксической конструкции и зависит от того, какое количество членов логической формулы сравнения получает словесную реализацию. При этом следует учитывать, что формула такого отношения включает четыре члена: сравнение, основание сравнения и предметные переменные данного отношения (a , b)» [9, с. 51].

Остановимся на некоторых синтаксических структурах, в которых сравнение выражается по убывающей эксплицитности. Например, в беспредложных субстантивных словосочетаниях, построенных

¹ Т. А. Тулина использует следующие условные обозначения, которые сохраняются в предлагаемой статье: a (понятие, которое требует пояснения), b (понятие, которое служит для пояснения). Основание сравнения обозначим как c . Применительно к исследуемым предложным конструкциям a соответствует компоненту N_1 , а b — компоненту N_2 .

по различным структурным схемам, наблюдается лексическое оформление двух членов логической формулы сравнения — *a* и *b*. Основание сравнения не получает словесного выражения.

1. Субстантивные словосочетания с творительным сравнения приимённым (N_1N_5). Сравнительные конструкции этого типа являются, по мнению Р. Мразека, немногочисленными и лексически очень ограниченными (цит. по: [10, с. 94]). В них главное слово обозначает *a*, зависимое — *b*: *борода лопатой, кепка блином, усы кисточкой, губы сердечком*. Ср.: *Голова у него была совсем круглая, уши топориком, нос морковкой, брови домиком, а каковы глаза и рот, все уже увидели*. (М. Успенский. Там, где нас нет) Предметные переменные относятся к существительным с конкретными значениями, зависимое слово называет «общеизвестный бытовой предмет с характерной конфигурацией». Переменные *a* и *b* представлены производными именами, а также единицами с уменьшительно-ласкательными суффиксами в одном или обоих компонентах: *В горницу входит бурмистр из хозяйственных старых крестьян, лицо жёлтое, постное, чёрная бородёнка клинышком*. (В. Я. Шишков. Емельян Пугачёв); *Петя — маленький, толстенький, грудь колёсом, уши топориком, нижняя челюсть — вперёд...* (В. Шукшин. Петя)

Отмеченные особенности словосочетаний разновидности N_1N_5 характерны и для предложных субстантивных словосочетаний, построенных по структурной схеме $S+N_5N_5$. Ср.: *Папа плакал, обнимал небольшого сухонького старичка с худым лицом и с бородкой клином*. (Л. Гурченко. Аплодисменты); *Перед глазами друзей предстал потемневший от времени портрет мужчины средних лет в камзоле с кружевным воротничком, с узким лицом, усами и с бородкой клинышком*. (П. Галицкий. Опасная коллекция)

2. Субстантивные словосочетания с зависимым родительным (N_1N_2): *бахрома снегов, мрамор чела, лес рук* и др. Порядок компонентов конструкции является жёстко фиксированным, инверсия компонентов встречается редко: *Когда кончилась последняя игра, поехали сразу к маме. У меня день рождения — цветов море. Мы целую машину цветов ей привезли*. (В. Фетисов. Овертайм) Как отмечает Т. А. Тулина, конструкции этого типа «обладают большим диапазоном охвата сравниваемых предметов, индивидуальностью, неожиданной и неповторимой свежестью сравнений» [10, с. 65]. Исследователь обращает внимание на то, что «определение при господствующем слове делает сравнение ещё более образным и наглядным, называя те общие признаки, по которым один предмет был уподоблен другому: *слепо-безжизненные глазницы окон, холодные голубые лезвия прожекторов, косматая грива прибоя*» [10, с. 66].

Конструктивными для синтаксической и лексической семантики являются наблюдения автора о том, что анализируемые сравнительные словосочетания «бывают представлены только компонентом *b*, если название *a* содержится в контексте» [10, с. 66], следовательно, наблюдается неполная реализация словосочетания. Ср.: *Голубая чаша осталась позади* (в предтексте описывается озеро). И далее: «распознаванию одиночного сравнения способствует наличие при нём определения по смыслу тяготеющего к *a* (так, *голубой* — свойство озера). Симптоматично, что в исследуемом нами материале одиночное сравнение без определения не встретилось ни разу» [10, с. 67].

Т. А. Тулина определила, что «идентичность сравнительной семантики» заключается в отражении логической формулы сравнения не только в синтаксической конструкции, но и в производных словах — в адъективах определённой морфологической структуры. В адъективно-именных словосочетаниях существительное обозначает *a* (*comparandum*), корневая морфема прилагательного — *b* (*comparatum*), словообразующая морфема *-ист-, -аст-* указывает на сравнение. Основание сравнения (*tertium comparationis*) «эксплицитно не выражается, но при осмыслении текста конструируется с достаточной определённой (по принципу АВС+Д): *золотистые ресницы, серебристая седина — ресницы (седина), цветом напоминающие цвет золота (серебра); перистые облака, бугристые мускулы — облака (мускулы), формой напоминающие форму пеньев (бугров)*» [9, с. 58]. Этот аспект сравнительных отношений на материале производных слов различных частей речи найдёт дальнейшее развитие в докторских диссертациях Е. В. Огольцевой [4] и А. В. Петрова [6].

Т. А. Тулина выделила предложения, «именные сказуемые которых строятся с участием предлогов В и С, употреблённых в сравнительном значении. Реализуя это значение, предлог выступает в качестве «предикатного слова», задающего места для трёх предметных переменных. Ср.: *Сын кудрями в отца, Огурец с дом величиной*» [9, с. 54]. Предлоги, специализирующиеся на передаче сравнительных отношений, мы также относим к предикатным словам, к подклассу предикатов [2].

Как отмечает Т. А. Тулина, «в построениях этих видов эксплицируются все члены логической формулы сравнения» [9, с. 54], при этом основание сравнения оказывается избыточным, «поскольку характер соотношения смыслов *a* и *b* позволяет сделать вывод относительно сущности сходства между ними в силу существования правил обогащения» [там же].

Однако применительно к конструкциям $S+N_5N_5$ «правила обогащения» («правила вывода») действуют далеко не всегда. Например, в контексте *Маленький, тощий, с лицом монгола, плохо одетый, он* [главнокомандующий Добровольческой армией] *не представлял собой ничего величественного и воинственного* (А. П. Богаевский. Ледяной поход) сочетание АВС (главнокомандующий с лицом монгола) получает толкование АВСД, поскольку четвёртый смысловой компонент выводится из трёх, вернее, из двух (ВС) и состоит из нескольких семантических признаков — «слабо выступающий нос», «уплощённость лица», «выступление скул», составляющих лингвистическую компетенцию реципиента.

Во многих случаях основание сравнения является неопределённым, непрочитаемым и не выводится из контекста вследствие широкой сети словесных ассоциаций или потому, что носитель языка

не владеет культурно-исторической информацией, заключённой в b — образе сравнения (т. е. в компоненте N_2). При этом «лингвокультурологическая компетентность» отражает системно организованные знания не только о национальной культуре реципиента, но и о мировой культуре. Особенно ярко это проявляется, когда образом сравнения является имя собственное. Ср.: *Итак, Софья Марковна Журавская, когда я впервые увидел её, показалась мне актрисой или, по крайней мере, из бывших актрис: высокая, тонкая, с лицом Нефертити, высеченным из белого алебастра.* (Г. Николаев. Вещи сны тихого психа) Чтобы декодировать сочетание компонентов ABC в приведённом контексте, нужно помнить о том, кто такая Нефертити, и, главное, как она выглядела.

В связи с этим в текстах основание сравнения (их может быть несколько) нередко эксплицируется. Ср.: *Лизавета оглянулась и увидела даму в чёрном замощенном платье и с лицом народо-волки — истовым, серьёзным.* (М. Баконина. Школа двойников) Положение усложняется, когда элемент b оказывается представленным не одним словом, а подчинительным словосочетанием, поскольку зависимые слова, отмечает В. М. Огольцев, «логически ограничивают элемент сравнения, оказывают прямое влияние на компаративные отношения в структуре и, следовательно, выступают в качестве особого компонента (β)» [3, с. 34]. Специфика анализируемых конструкций $C+N_1N_2$ заключается в том, что в их составе находит воплощение не элемент a , а его лексические ограничители, которые В. М. Огольцев предлагает обозначать через α . Например, элемент α находится с a в паритивных отношениях части с целым (ср. в следующем предложении актёр — нос): *Представьте себе актёра с суровыми медвежьими бровями, отпущены они ему Господом Богом на дюжину людей, или с носом Сирано де Бержерака.* (Ф. И. Шаляпин. Моим детям)

В то же время на развёртывание членов логической формулы сравнения влияет занимаемая позиция предложно-падежной формы, которая может быть присубстантивной или прилагательной. В присубстантивной позиции конструкции актуализируется следующая логическая формула сравнения — $\alpha\beta b$ (реже, cab), а в прилагательной — cb или $c\beta b$. Следовательно, в прилагательной позиции в составе конструкции обязательно эксплицируется основание сравнения. Приведём примеры. Ср. логическую формулу сравнения конструкции в присубстантивной позиции ($\alpha\beta b$): *...комполитор, брат Коля, — квадратный, кряжистый, невысокий, с редующими волосами, с лицом (α) молодого (β) Бетховена (b), с медвежьей неповоротливостью силится передать свою мысль...* (А. Белый. Начало века); *Лодка тенью возвышалась в белом хаосе пара, и такой же призрачной тенью стала скоро милая эта, нерослая женщина с глазами (α) дикой (β) утицы (b).* (Г. Семёнов. Люди с того берега)

В присубстантивной позиции компонентом α являются конкретные неизменяемые имена, например, соматизмы (с лицом, с глазами, с головой, с губами, с шеей и др.). Реже встречаются конкретные производные субстантивы (с мускулатурой, с обличьем и др.). В нашей картотеке зафиксированы также производные лексемы с абстрактным значением — с замашками, с походяйкой, с психологией, с улыбкой и др. Субстантивы, выполняющие функцию компонента α , могут различаться по числу (с жестом — с жестами), вступать в отношения вариантности (с душой — с душою) и синонимии (с лицом — с мордой — с мордой — с миной; с внешностью — с наружностью). Отмеченные особенности субстантивов, выполняющих функцию компонента α , оказывают влияние на лексическое варьирование предметной переменной b^1 .

Конструкции $C+N_1N_2$ в присубстантивной позиции реализуют логическую формулу сравнения cab : *Лизавета сразу его узнала — не так часто встречаешь журналистов с лёгкой (c) походкой (α) атлета (b) и хорошей осанкой.* (М. Баконина. Школа двойников) и $\alpha\beta c$: *Моя мать, Марина Ивановна Цветаева, была невелика ростом — 163 см, с фигурой (α) египетского (β) мальчика (b) — широкоплеча (c), узкобедре (c), тонка в талии (c).* (А. С. Эфрон. Страницы воспоминаний)

Конструкции $C+N_1N_2$ в прилагательной позиции реализуют логическую формулу сравнения cb или $c\beta b$: *Редакторы тогдашних времён копались в текстах с придиричивостью (c) следователей (b).* (Д. Самойлов. Общий дневник) и *Наконец уже вечером поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло. — Что? удачно? — спросил он их с нетерпением (c) дикого (β) коня (b).* (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба)

Элементом b может выступать цельное сочетание: *Двое юношей и девушка с невозмутимостью автоответчиков и с сочувствием сестёр милосердия принимают жалобные звонки новосёллов.* (А. Филимонова. Хроника падающей штукатурки)

Функцию основания сравнения в прилагательной позиции выполняют производные и неизменяемые субстантивы с абстрактным значением. Неизменяемыми лексемами являются, например, следующие: с азартом, с величием, с мужеством, с талантом, с характером, с шиком и др. Производные субстантивы подразделяются на девербативы и деадъективы. В структуре девербативов отмечены суффиксы $-(e)ниj-$ (с воображением, с движениями, со смирением, с напряжением, с отчаянием, с остервенением, с терпением и др.), $-н(a)$ (с выдержкой, с хватками, с хваткой и др.), $-ств(o)$ (с озорством), нулевой (с напором, с трепетом и др.). Частотным в морфемной структуре деадъективов является суффикс $-ость$ / $-сть$ (с запальчивостью, с невозмутимостью, с неотвратимостью, с неопытностью)

¹ Ср.: *Алексей Толстой сочетал громадный талант с душой мошенника и уже иначе, как «Алешкой» Бунин его и не называл...* (А. Седых. Далёкие, близкие. Воспоминания); *Видя недоумение слушателей, потому что даже эти люди с душой волка не понимали такой кровавой расправы, Монтегю пояснил...* (А. П. Ладинский. Анна Ярославна — королева Франции) и *В саду звенели колокольца, когда он, трезво опьянев, пел соловьем с душою Штольца с пронумерованных дерев.* (Е. Евтушенко. «В начале было Слово»); *Одни «умственные сатурналии», как он сам выразился. Волк без стаи, но с душою романтика.* (Ю. Безелянский. В садах любви); — *Лучше ругательства врага богов, — лишь бы не его благодарности! — Прощай, тигр с душою козлёнка! Жрец, нарядившийся воином!* (В. М. Дорошевич. Сказки и легенды).

тью, с неуклюжестью, с отчаянностью, с отрешённостью и др.). Менее частотно в состав конструкций включаются деадъективы с суффиксами *-(е)ств(о)* (с лукавством, с упрямством), *-иј-* (с безумием, с бескорыстием, с бессердечием, с усердием), *-от-* (с быстротой, с остротой, с простотой), *-изм-* (с фанатизмом, с цинизмом, с энтузиазмом), *-(а)ция* (с интонациями, с эрудицией), с конфиксом (с бесстыдством). Редко компонентом N_5 является десубстантив (например, с мастерством): *С мастерством немецкой домохозяйки Лариса педантично налаживала наш быт.* (Ю. И. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус); *Тётя Антонина, с мастерством опытной актрисы, проделала трогательную сцену благодарности, заключив «доброе Сашу» в объятия, и скоро уехала, попросив на прощанье никому не говорить об её просьбе...* (К. М. Станюкович. Женитьба Пинегина)

Субстантивы, выполняющие функцию элемента *s*, могут различаться числом (с интонацией — с интонациями, с повадкой — с повадками), вступать в отношения вариантности (с силой — с силой, с простотой — с простотою) и однокоренной синонимии (с грацией — с грациозностью, с проворностью — с проворством).

Конструкции $S+N_1N_2$ составляют грамматически и семантически единый комплекс, наблюдается их фразеологизация. По характеру компонентов N_1 (*comparandum*) и N_2 (*comparatum*) можно изучать картину мира народа. Так, для русского человека среди конкретных имён в составе конструкций преобладает *comparandum* *лицо*, среди абстрактных субстантивов на первое место выдвигаются *скорость* и *быстрота*. Естественно возникает вопрос, какова частота приложимости конкретного образа (*comparatum*) в составе анализируемых конструкций. Например, для фрагментов *со скоростью, с быстротой, с быстротою* высокочастотными выступают следующие компоненты N_2 : *со скоростью звука / света / черепахи / пулемёта / курьерского поезда; с быстротой молнии / ветра; с быстротою молнии / ветра / стрелы / кошки*. В перспективе исследования предполагается детальное изучение компонентов N_2 .

Таким образом, работы Т. А. Тулиной в области сравнительных отношений, написанные во второй половине XX века, востребованы лингвистикой начала третьего тысячелетия. Исследователь предложил методику изучения сравнительной семантики независимо от языкового уровня реализации сравнения. В её основу положена степень эксплицитности языкового выражения сравнительного отношения. Наименее изученными в компаративном поле являются предложно-падежные сочетания, в том числе и конструкции $S+N_1N_2$. В зависимости от занимаемой позиции в составе конструкции актуализируются различные элементы логической формулы сравнения. В присубстантивной позиции актуализируется логическая формула сравнения — $\alpha\beta b$ (реже, *сав*), в прилагательной — *св* или *сfb*.

Литература

1. Бодуэн де Куртене И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и о языке / И. А. Бодуэн де Куртене // Избр. труды по общему языкознанию. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 1.
2. Выхованець І. Р. Семантико-синтаксичні параметри прийменника (на матеріалі східнослов'янських мов) / І. Р. Вихованець // Мовознавство. — 1986. — № 6. — С. 17–24.
3. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии: [монография] / В. М. Огольцев. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. — 160 с.
4. Огольцева Е. В. Образный потенциал словообразовательной системы современного русского языка (отсубстантивное словообразование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Е. В. Огольцева. — М., 2007. — 46 с.
5. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль; [пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича]. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. — 500 с.
6. Петров О. В. Семантичні поля в ідеографічному моделюванні російського лексику: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.02 — російська мова / О. В. Петров. — К., 2013. — 40 с.
7. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А. А. Потебня. — Харьков: Мирный труд, 1914. — 164 с.
8. Романенко А. П. Прагмалінгвістичний потенціал компарально-суб'єктно (об'єктно)-посесивних категорійних ситуацій в українській мові / А. П. Романенко // Записки з загальної лінгвістики. — Одеса, 2005. — Вип. 6. — С. 186–194.
9. Тулина Т. А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке / Т. А. Тулина // Филологические науки. — 1973. — № 1. — С. 51–62.
10. Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний: [монография] / Т. А. Тулина. — К.; Одесса, 1976. — 177 с.
11. Херберман К. П. Компаративные конструкции в сравнении. К вопросу об отношении грамматики к этимологии и языковой типологии / К. П. Херберман; [пер. с нем. О. А. Радченко] // Вопросы языкознания. — 1999. — № 2. — С. 92–107.
12. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка: [монография] / М. И. Черемисина. — Новосибирск: Наука, 1976. — 272 с.

References

1. Boduen de Kurtene I. A. Nekotorye obshchie zamechaniya o yazykovedenii i o yazyke / I. A. Boduen de Kurtene // Izbr. trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. — T. 1.
2. Vykhoanets' I. R. Semantyko-syntaksychni parametry pryimennyka (na materialy skhidnoslov'yanskykh mov) / I. R. Vykhoanets' // Movoznavstvo. — № 6. — 1986. — S. 17–24.
3. Ogoltsev V. M. Ustoychivye sravneniya v sisteme russkoy frazeologii: [monografiya] / V. M. Ogoltsev. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1978. — 160 s.
4. Ogoltseva Ye. V. Obraznyy potentsial slovoobrazovatelnoy sistemy sovremennogo russkogo yazyka (otsubstantivnoe slovoobrazovanie): avtoref. dis. ... doktora filol. nauk: 10.02.01 — russkiy yazyk / Ye. V. Ogoltseva. — M., 2007. — 46 s.
5. Paul G. Printsipy istorii yazyka / G. Paul; [per. s nem. pod red. A. A. Kholodovicha]. — M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1960. — 500 s.
6. Petrov O. V. Semantychni polya v ideografichnomu modelyuvanni rosiyskogo leksykonu: avtoref. dys. ... doktora filol. nauk: spets. 10.02.02 — rosyis'ka mova / O. V. Petrov. — K., 2013. — 40 s.
7. Potebnya A. A. Iz lektisy po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka / A. A. Potebnya. — Kharkov: Mirnyy trud, 1914. — 164 s.

8. Romanenko A. P. Pragmalingvistychnyy potentsial kompara'l'no-sub'yektno (ob'yektno)-posesyvnykh kategoriynykh sytuatsiy v ukrains'kiy movi / A. P. Romanenko // Zapyski z zagalnoi lingvistyky. — Vyp. 6. — Odesa, 2005. — S. 186–194.
9. Tulina T. A. O sposobakh eksplitsitnogo i implitsitnogo vyrazheniya sravneniya v russkom yazyke / T. A. Tulina // Filologicheskie nauki. — 1973. — № 1. — S. 51–62.
10. Tulina T. A. Funktsionalnaya tipologiya slovosochetaniy : [monografiya] / T. A. Tulina. — K. — Odessa, 1976. — 177 s.
11. Kherberman K. P. Komparativnye konstruksii v sravnenii. K voprosu ob otnoshenii grammatiki k etimologii i yazykovoy tipologii / K. P. Kherberman ; [per. s nem. O. A. Radchenko] // Voprosy yazykoznaniiya. — 1999. — № 2. — S. 92–107.
12. Cheremisina M. I. Sravnitelnye konstruksii russkogo yazyka : [monografiya] / M. I. Cheremisina. — Novosibirsk : Nauka, 1976. — 272 s.

Петров Александр Володимирович,

доктор філологічних наук, професор кафедри російського, слов'янського та загального мовознавства Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського; Сімферополь, Україна;
e-mail: liza_nada@mail.ru ; тел.: +38-099-064-82-61

РОЗВИТОК ІДЕЙ ПРОФЕСОРА Т. О. ТУЛІНОЇ ПРО СИСТЕМУ СПОСОБІВ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ ПОРІВНЯЛЬНИХ ВІДНОСИН В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. У статті аналізуються погляди професора Т. О. Туліної на категорію порівняння, коментується запропонована мовознавцем методика вивчення порівняльної семантики, в основу якої покладено ступінь експліцитності вербалізації порівняльних відносин. Ідеї Т. О. Туліної розвиваються на матеріалі прийменниково-відмінкових конструкцій, які будуються за структурною схемою $C+N_1N_2$. Встановлено, що у присубстантивній позиції актуалізуються елементи логічної формули порівняння $\alpha\beta b$ (не часто sab), в придієслівній — cb або $s\beta b$. За характером компонентів N_1 і N_2 можна вивчати картину світу народу: так, для російської людини серед конкретних імен у складі конструкцій переважає сопранандум *особа*, серед абстрактних субстантивів на перше місце висувається *швидкість*.

Ключові слова: концепція Т. О. Туліної, експліцитні / імпліцитні способи порівняння, конструкції $C+N_1N_2$, елементи логічної формули порівняння: предмет порівняння (a), образ порівняння (b), основа порівняння (c), обмежувачі елемента a (α), обмежувачі елемента b (β).

Aleksandr V. Petrov,

Grand PhD in Philological Sciences, Prof. of the Chair of Russian, Slavonic and general linguistics of Taurida National V. I. Vernadsky University; Simferopol, Ukraine;
e-mail: liza_nada@mail.ru ; tel.: +38-099-064-82-61

DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF PROFESSOR T. A. TULINA ABOUT THE MEANS SYSTEM OF EXPRESSION COMPARATIVE RELATIONSHIP IN RUSSIAN LANGUAGE

Summary. In the article the views of Professor Tatiana A. Tulina are analyzed for the category of comparison, commented on proposed method of the scientist's studying of the comparative semantics, which are based on the explicit degree of linguistic expression of comparative relationship. Ideas of T. A. Tulina develop on the material of the prepositional-substantive case constructions, which are constructed according to the structural scheme $C+N_1N_2$. It was founded that in the presubstantive position the elements of logical formula of comparison are actualized — $\alpha\beta b$ (rarely sab), in prepredicate position — cb or $s\beta b$. By the nature of components N_1 and N_2 , we can study the picture of the people's world: for example, for Russian people among specific names in the content of constructions comparandum *face* dominates and among the abstract substantives *speed* and *quickness* are putting forward to the first place.

Key words: concept of T. A. Tulina, explicit / implicit expression of comparison, constructions $C+N_1N_2$, logical formula of comparison: the concept that is explained (c), the concept that explain the other concept (b), basis of comparison (c), limiters a (α), limiters b (β).

Статтю отримано 15.11.2013 р.

УДК 811.161.1'276.3-[053.9+055.1/.2]:159.922.736

ШУМАРИНА Татьяна Фёдоровна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38(0482)68-35-39; моб.: +38-067-377-99-36**САУЛЯК Евгений Сергеевич,**магистрант кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: odessarusyaz@rambler.ru; tel.: +38(048)776-2277

ВЕРБАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ГЕРОНТНЫХ ГРУПП: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения возрастных речевых стереотипов. Выявлена корреляция целого ряда лексико-семантических и фразеологических единиц с определенными социальными признаками языковой личности. Результаты наблюдений могут быть использованы в судебно-автороведческой экспертизе документов при идентификации возраста автора анонимного текста.

Возрастная гетерогенность организации речевого запаса очевидна. Не вызывает сомнения и символичность единиц, обеспечивающих её. Однако процесс выявления совокупности языковых средств, способных исполнять роль возрастных индикаторов, в настоящее время ещё далёк от завершения. В современных условиях диагностика на уровне представлений среднестатистического носителя языка не может удовлетворить все возрастающие требования криминалистической скриберологии. Необходимы новые наблюдения, отражающие актуальные, глубинные процессы «возрастного» аспекта речевого общения. Привлечение в круг объектов исследования экстенсивной и интенсивной синонимии, внимание к специфике употребления специальной и стилистически окрашенной лексики может оказаться весьма полезным для идентификации возрастной принадлежности автора текста.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, возрастные варианты речи, автороведческая экспертиза.

Возрастные изменения языкового плана — область приложения сил специалистов целого ряда наук: лингвистики, психолингвистики, социолингвистики. Но совершенно новое осмысление получает этот материал, оказываясь в сфере интересов судебного речеведения. Автороведческое исследование является одной из составляющих судебного речеведения, а установление возрастных параметров автора спорного текста входит в круг классификационных задач автороведения.

В психологической и лингвистической литературе вопрос о возрастной периодизации имеет определённую традицию изучения и целый ряд современных изысканий, а вот проблема речевых шаблонов и, следовательно, информативных языковых признаков разновозрастных групп остаётся до сих пор открытой.

Специалисты сетуют на то, что информацию лингвистического характера, касающуюся возрастного аспекта анализируемого ими текста, приходится изымать из трудов общетеоретического содержания, качество которых не отвечает предъявляемым требованиям. Именно поэтому целью данного исследования стало выявление лексико-фразеологических индикаторов одной из возрастных категорий — геронтных групп. Геронтные группы — это группы людей возрастом от 60 лет и старше. Поставленная цель предопределила решение следующих задач: 1) проанализировать социолингвистические индикаторы геронтных групп в гендерном контексте на материале фразеологических единиц; 2) выявить синонимические доминанты в коммуникации геронтных общностей.

Как известно, социолингвистический индикатор — переменная, указывающая на социальное положение носителя языка. Социолингвистические индикаторы характеризуются вариативными количественными или качественными показателями у представителей разных социальных, социально-демографических или профессиональных групп населения, но остаются постоянными при варьировании тех или иных компонентов социально-коммуникативной ситуации. Следует иметь в виду, что они противопоставлены маркерам, отмечающим стилистические варианты, которые, в отличие от социолингвистических индикаторов, сознательно используются в речи одного и того же человека с определёнными коммуникативными целями.

В настоящее время языковые индикаторы возрастных групп исследованы в разной степени. Весьма досконально изучены речевые стереотипы детей, подростков и юношества, что, вероятно, объясняется актуальными потребностями современного общества. Речевая же специфика стариков остаётся вне поля зрения учёных-лингвистов. А ведь для решения практических задач в области классификационного автороведческого исследования теоретическое изучение речевых индикаторов геронтных групп является актуальным и представляет значительный интерес, о чем говорят выступления авторов-исследователей и практиков на конференциях и тексты специальных научных и методических статей, содержащих многочисленные свидетельства того, что авторами значительного числа спорных текстов являются люди преклонного возраста [3].

Считается целесообразным изучать возраст в системе, так как во взаимодействии разных характеристик ярче проявляются особенности речи [2]. По мнению специалистов, корреляционная за-

висимость отмечается между многими типами систем социальных параметров, а именно: «интеллектуально-культурный уровень — гендер», «интеллектуально-культурный уровень — родной язык», «возраст — гендер» и др. Именно последняя из перечисленных систем была избрана нами в качестве объекта наблюдения в экспериментальном исследовании. Материалом для наблюдения послужили лексические и фразеологические единицы.

Гипотеза о том, что фразеология может рассматриваться как возрастной индикатор, базировалась на предрасположенности фразеологического запаса личности к темпоральной вариативности: в онтогенезе юношеские группы фразеологизмов с семантикой «романтичности», «беспечности» (*влюбиться по уши, крутиться перед зеркалом*), сменяются озабоченностью (*засучив рукава, довести до ума*) и заносчивостью зрелого возраста (*молоко на губах не обсохло*) и, наконец, назидательностью и обречённостью пожилого (*тише едешь — дальше будешь, лебединая песня*).

Таким образом, в геронтных группах присутствует свой набор индикаторов. Однако, в свете теории гендерной дифференциации речи, можно предположить, что этот геронтный фразеологический репертуар проигрывается в соответствующей гендерной редакции.

Для доказательства гипотезы была разработана анкета, лингвистическая часть которой включала тематические группы с общим фразеологическим значением, типичным для людей преклонного возраста: «назидание», «наставление», «безысходность».

Анализ конкретного фразеологического материала, сгруппированного в соответствии с речевыми предпочтениями представителей геронтных общностей, позволил установить, что фразеологизмы, в идентичном количестве функционирующие в речи и мужчин, и женщин, являются индикаторами не гендерных, а лишь возрастных характеристик. Так, для представителей геронтной группы, в целом, оказалось свойственным употребление фразеологизмов: «семь пятниц на неделе», «набраться ума», «смотреть в оба», «отбиться от рук», «одна нога здесь — другая там», «не видать как своих ушей». Следовательно, вышеназванные фразеологизмы можно отнести к числу языковых средств, обладающих диагностическими возможностями в области *возрастной* классификационной диагностики.

В отношении *гендерной* дифференциации фразеологического состава социолекта геронтных групп следует заметить, что она не может быть определена однозначно. Можно лишь свидетельствовать о гендерных предпочтениях с большей или меньшей долей вероятности, чем и определяется степень диагностической значимости фразеологизмов. И тем не менее, полученные результаты все же позволяют выявить группу единиц, пригодную для практического использования в ходе автороведческого исследования.

Так, высокую диагностическую значимость относительно пола адресанта имеют «женские» фразеологизмы: «сделал дело — гуляй смело» (его употребляют 73 % женщин и 45 % мужчин), «в ногах правды нет» — 54 % женщин, и 36 % мужчин, «не лезь перед отцом в пекло» — 54 % женщин, и 36 % мужчин, «уму не постижимо» — 89 % женщин и 18 % мужчин, «вертеться как белка в колесе» — 36 % женщин и 18 % мужчин, «конца края не видать» — 45 % женщин и 36 % мужчин, «не находить себе места 45 % женщин и 9 % мужчин, «одному Богу известно» — 45 % женщин и 27 % мужчин.

Высокой степенью диагностичности обладают фразеологизмы, частотные в «мужской» геронтной группе: «семь раз отмерь, один раз отрежь» (его используют 64 % мужчин и 54 % женщин), «на кривой козе не объедешь» — 18 % мужчины и 9 % женщины, «на Бога надейся, да сам не плошай» — 54 % мужчины и 45 % женщины, «наставлять на ум» — 18 % мужчины и 9 % женщины, «винтиков не хватает» — 45 % мужчины и 18 % женщины, «воды в рот набрать» — 45 % мужчины и 27 % женщины, «не видать как своих ушей» — 45 % мужчины и 27 % женщин).

Известно, что с течением времени происходят подвижки в психике человека, что, как видим, не может не отразиться на речевых предпочтениях, в том числе и на выборе фразеологизмов. Следовательно, фразеологические единицы должны быть включены в состав языковых средств, обладающих диагностическими возможностями в области *возрастной* классификационной диагностики.

В результате исследования было также установлено, что и синонимические ряды могут использоваться в качестве лексических возрастных индикаторов при идентификации автора текста как лица преклонного возраста.

Диагностической значимостью обладает целый ряд лексических стереотипов, принятых в коммуникации разновозрастных общностей, и прежде всего это предпочтение одного из темпорально дифференцированных синонимов (*ноутбук, лептоп — компьютер; вести (автомобиль) — править*), а также константные лингвистические показатели и переменный лексический запас личности. Переменный — это запас, варьирующий с течением времени, например, выбор иных синонимичных формул речевого этикета. Константные же лингвистические показатели возраста — это определённый речевой шаблон, функционирующий в настоящее время либо имевший место в диалогах прошлого, зависящий от конкретной возрастной характеристики группы. Константным является молодёжный жаргон разных временных срезов — современный и 1950-х — 1960-х гг. (*железно, потрясно — тарч, отпад*).

Как свидетельствуют результаты эксперимента, проведённого на основе методики определения возрастных характеристик по синонимическим доминантам, в лексиконе представителей разных поколений присутствуют свои «модные» синонимы, и именно они выбирались информантами — представителями геронтных групп — из предложенных синонимических рядов.

Однако бытующее мнение об абсолютном консерватизме представителей старшего поколения, по меньшей мере, дискуссионно. Упрощённое, поверхностное толкование данного положения может свести

исследование к поиску историзмов времён революции и гражданской войны и неминуемо повлечёт за собой экспертную ошибку [1, с. 608]. По нашим данным, не только люди старческого возраста (75–90 лет), но и долгожители (90 лет и старше) предпочитают, конечно, не молодёжный вариант, но и отнюдь не крайнюю точку на шкале возрастных лексем: танцплощадка — *дискотека* — клуб-танцпол; валюта — *доллары* — зелёные, зелень, баксы, гринь.

Синонимические ряды, составленные из числа единиц, функционирующих в речи представителей разных поколений, и анализ синонимических доминант разновозрастных групп позволяет утверждать, что в речи представителей старшей возрастной категории доминируют лексемы, активно функционировавшие в разговорной речи 30-летней давности, то есть на этапе зрелости языковой личности. Отрицательный вывод о принадлежности автора к геронтной группе помогает сформулировать наличие в тексте таких лексем, как, например, *ежедневник*, *танцпол*, *бутсы*, *бейсболка*, *раут*, *сингл*, *секьюрити*. В речи представителей изучаемой возрастной категории более частотны синонимичные *блокнот*, *дискотека*, *кроссовки*, *свидание*, *вечеринка*, *шлягер*, *сторож*.

Ряд «кепка — бейсболка — фуражка» весьма показателен в области возрастной диагностики. Абсолютное большинство предпочтений (84 %), независимо от гендерных характеристик, получила лексема «кепка». «Фуражка», в отличие от «бейсболки», также функционирует в речи старшего поколения, хотя и в два раза реже. Однако дополнительные наблюдения всё-таки позволили слово «фуражка» отнести к лексическим показателям старшей возрастной группы. Анализ его употребления позволил доказать, что узуальная семантика этой лексемы дифференцируется в различных возрастных группах: в геронтной — это синоним «кепки», и потому процент его функционирования достаточно велик, а в условиях молодёжной коммуникации данная лексема претерпевает сужение значения и ассоциируется только с группой военных головных уборов. Вследствие подобной семантизации слово теряет свою общеупотребительность.

Таким образом, степень частотности употребления темпорально различающихся синонимических единиц представителями геронтной группы позволяет отнести регулярно используемые лексемы к числу лексических индикаторов старшей возрастной общности.

В данной работе проблема выявления нашедших отражение в тексте возрастных характеристик языковой личности затронута лишь частично: на лексико-фразеологическом уровне. К сожалению, в современных исследованиях возрастные стереотипы речевого поведения не нашли столь же широкого освещения, как, например, гендерные шаблоны речевой деятельности личности. А между тем в кругу социобиографических сведений, устанавливаемых специалистами по признакам речевых навыков, возрастные параметры занимают отнюдь не периферийное положение и, являясь обязательной составляющей, требуют практически регулярного освещения в классификационных исследованиях. Таким образом, выявление возрастных индикаторов — совокупности характеристик текста, которые позволяют отнести его автора к определённой возрастной группе, — продолжает оставаться актуальным как в научном, так и методическом аспектах.

Литература

1. Вул С. М. О возможности диагностирования пола автора / С. М. Вул // Актуальные вопросы судебной экспертизы / С. М. Вул. — М.: Право, 1999. — С. 74–78.
2. Мартынюк А. П. Речь и пол / А. П. Мартынюк // Язык. Человек. Время. — Харьков: Основа, 1992. — С. 4–46.
3. Орлова В. Ф. Методические основы решения судебно-почерковедческих диагностических задач / В. Ф. Орлова // Теория та практика судової експертизи та криміналістики. — Харків: Право, 2003. — Вип. 3. — С. 226–231.

References

1. Vul S. M. O vozmozhnosti diagnostirovaniya pola avtora / S. M. Vul // Aktualnye voprosy sudebnoy ekspertizy / S. M. Vul. — M.: Pravo, 1999. — S. 74–78.
2. Martynuk A. P. Rech i pol / A. P. Martynuk // Yazyk. Chelovek. Vremya. — Khar'kov: Osнова, 1992. — S. 4–46.
3. Orlova V. F. Metodicheskie osnovy resheniya sudebno-pocherkovedcheskikh diagnosticheskikh zadach / V. F. Orlova // Teoriya ta praktyka sudovoi ekspertizy ta kriminalistyky. — Kharkiv: Pravo, 2003. — Vyp. 3. — S. 226–231.

Шумаріна Тетяна Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38(0482)68–35–39; моб.: +38–067–377–99–36

Сауляк Євген Сергійович,

магістрант кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: odessarusyaz@rambler.ru; tel.: +38(048)776–2277

ВЕРБАЛЬНІ СТЕРЕОТИПИ ГЕРОНТНИХ ГРУП: ГЕНДЕРНИЙ АСПЕКТ

Анотація. Статтю присвячено проблемі визначення вікових мовленнєвих стереотипів. Виявлено кореляцію цілої низки лексико-семантичних та фразеологічних засобів з окремими соціальними ознаками мовної особистості. Результати спостережень можуть бути використані у судово-авторознавчій експертизі документів під час ідентифікації віку автора анонімного тексту.

Вікова організація мовленнєвого запасу є очевидною. Не викликає сумніву і символічність одиниць, які її забезпечують. Однак процес виявлення сукупності мовленнєвих засобів, спроможних виконувати роль вікових індикаторів, нині ще дуже далекий від завершення. У сучасних умовах діагностика на рівні уявлення пересічного носія мови не може задовольнити високі вимоги криміналістичної скрибології. Необхідні нові спостереження, які відбивають актуальні, глибокі процеси «вікового» аспекту мовленнєвого спілкування. Залучення до кола об'єктів дослідження екстенсивної та інтенсивної синонімії, уважне

ставлення до спеціальної та стилістично забарвленої лексики може виявитися дуже корисним для ідентифікації вікової ознаки автора тексту.

Ключові слова: юридична лінгвістика, вікові варіанти мовлення, авторознавча експертиза.

Tatyana F. Shumarina,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; tel.:+38(0482)68-35-39; mob.:+38-067-377-99-36

Yevgeniy S. Sauliak,

Master's Degree Student of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: odessarusyaz@rambler.ru; tel.:+38(048)776-2277

VERBAL STEREOTYPES OF GERONTIC GROUPS: THE GENDER ASPECT

Summary. The article is devoted to the problem of age-related speech stereotypes. It reveals an correlation between a number of lexical-and-semantic and phraseological units and social characteristics of the language personality. The results of the research can be used for criminal expert examination of documents when identifying the age of the author of the anonymous text.

The age-related heterogeneity of speech stock organization is obvious. There's no doubt as to the symbolic nature of units providing it. However, the process of defining the totality of language means that can serve as age indicators, is presently far from being finished. Modern diagnostic conditions giving the average native speaker's ideas can't meet ever-increasing demands of forensic scriberology. New considerations reflecting vital, deep processes of the «age-related» speech communication are needed. Turning to extensive and intensive synonymy during the investigation, keen attention to the specific use of special stylistically-coloured lexis can be a very productive means of determining the age of the text author.

Key words: forensic linguistics, age-related speech variations, authorship identification examination.

Статтю отримано 18.11.2013 р.

УДК 811.111'371'272'42:316.66

БИГУНОВА Наталья Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной фонетики английского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, докторант; Одесса, Украина;
e-mail: natalbig@mail.ru; тел.: +38(0482)63-07-03

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ПОЛОЖИТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (на материале англоязычного художественного дискурса)

Аннотация. В статье обозначены семантические и прагматические особенности положительно-оценочных речевых актов одобрения, похвалы, комплимента и лести. Дифференцирован объект оценки в данных смежных речевых актах. Объектами одобрения являются неодушевленные предметы, идеи и явления. Объектами похвалы являются моральные и интеллектуальные качества, умения и поступки собеседника или третьего лица, а также внешность или манеры третьего лица. Объектами комплимента выступают внешность и достижения адресата. РА лести направлен на те же объекты, что РА похвалы и комплимента. В статье исследован социальный статус участников положительно-оценочных речевых актов. Одобрение отнесено к статусно-нейтральным речевым актам, а похвала, комплимент и лесть — к статусно-лабильным речевым актам. Установлено, что похвала преимущественно направлена от вышестоящего коммуниканта к нижестоящему, лесть — наоборот, — от нижестоящего коммуниканта к вышестоящему, а комплимент чаще адресован равному по статусу коммуниканту. Важным социальным фактором речевого акта комплимента, в отличие от других положительно-оценочных речевых актов, признана половая принадлежность его участников: установлено, что комплимент внешности гораздо чаще адресован женщине.

Ключевые слова: оценка, речевой акт, одобрение, похвала, комплимент, лесть, социальный статус.

Как отмечает В. И. Карасик, без учёта социального статуса участников общения само по себе общение носит искусственный либо провокационный характер. Высказывание ориентировано на собеседника, на его социальный статус, принадлежность к определенной социальной группе. Под социальным статусом понимается «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [2; 3].

При рассмотрении социальной детерминированности языковых явлений необходимо прежде всего учитывать отношения между участниками коммуникативного акта, принимая в расчет их статус и ролевые отношения. Ориентировка на слушателя, на его статусные характеристики особенно ярко проявляется при использовании оценочных номинаций, выбор которых регулируется социально-этическими нормами речевого поведения личности, принятыми в обществе, невыполнение которых может вызвать неодобрение языкового сообщества.

Речевой акт (далее РА) обусловлен социолингвистическими установками данного языкового коллектива и отражает социальные отношения между говорящим и адресатом, прежде всего отношения «власти» и «солидарности». В них актуализируется социальная дистанция между коммуникантами, показывая, что и в какой степени их объединяет.

Настоящая статья посвящена изучению социального статуса участников РА положительной оценки. У ученых, исследующих РА положительной оценки (В. В. Леонтьев, Р. В. Серебрякова, Л. Э. Безменова, Э. В. Мурашкина, Н. А. Трофимова, И. А. Конова, И. Г. Дьячкова, Л. И. Ключко и мн. др.), возникает множество вопросов, касающихся иллюквативной направленности, уместности, тематических границ, искренности подобных высказываний. Возникают вопросы и в отношении социального статуса участников данных актов. Поэтому не вызывает сомнения актуальность данной статьи, посвященной дифференциации статусных особенностей участников положительно-оценочных РА.

Целью работы является идентификация социального статуса участников положительно-оценочных речевых актов. Из поставленной цели вытекают следующие задачи: 1) описать прагматическую ситуацию реализации высказываний положительной оценки; 2) классифицировать положительно-оценочные РА; 3) описать статусные особенности участников РА похвалы, комплимента и лести. Материалом исследования послужили тексты 60 современных англоязычных художественных произведений общим объемом 21980 страниц, из которых были отобраны положительно-оценочные высказывания.

Известно, что с точки зрения статусных отношений коммуникантов, РА подразделяются на статусно-нейтральные и статусно-маркированные, включающие статусно-фиксированные РА (с заданной позицией адресата) и статусно-лабильные РА (с переменным статусным вектором, т. е., зависящим от ситуации общения) [2, с. 120]. Исходя из данной классификации, мы относим три анализируемых РА: похвалу, комплимент и лесть к статусно-лабильным, а одобрение — к статусно-нейтральным РА. Прежде чем идентифицировать социальный статус коммуникантов в положительно-оценочных РА, следует разъяснить, что мы понимаем под каждым из них и в чем видим их семантические и прагматические различия.

Одобрение определяем как положительно-оценочный экспрессивный синкретический РА, отличающийся прямой формой реализации, формулируемый преимущественно в рамках реагирующего коммуникативного хода, адресатом которого всегда является собеседник, который, однако, никогда не выступает объектом оценки. Объектами одобрения являются неодушевленные предметы, идеи и явления. В художественном диалогическом дискурсе одобрение реализует такие стратегии позитивной вежливости, как контакто-устанавливающую стратегию и стратегию смягчения высказывания, а также стратегию эмоционального воздействия на адресата и стратегию манипулирования.

Похвалу определяем как положительно-оценочный экспрессивный синкретический РА, функционирующий в диалоге в качестве иницирующего, ответного или послесловного коммуникативных ходов, который, в отличие от других положительно-оценочных РА, может быть направлен как на собеседника, так и на отсутствующего в коммуникативном пространстве человека / людей. Объектами похвалы являются моральные и интеллектуальные качества, умения и поступки собеседника или отсутствующего при разговоре человека, а также внешность или манеры отсутствующего человека. Если РА похвалы касается качеств и поступков собеседника, адресат сообщения и объект оценки совпадают; если в РА похвалы оцениваются качества и поступки отсутствующего в момент речи человека, адресат и объект оценки различны. В художественном диалоге РА похвалы выступает тактикой, активно реализующей стратегию эмоционального воздействия и стратегию смягчения высказывания, относящуюся к стратегиям позитивной вежливости.

Комплимент определяем как положительно-оценочный экспрессивный синкретический РА, характеризующийся совпадением адресата-получателя и объекта положительно-оценочного высказывания, характеризующийся также небольшим ожидаемым преувеличением достоинств собеседника. Комплимент формулируется преимущественно в рамках иницирующего коммуникативного хода и отличается от других положительно-оценочных РА отсутствием в его структуре аргументативности. Объектами РА комплимента выступают внешность и достижения адресата. В художественном диалогическом дискурсе РА комплимента выступает тактикой, активно реализующей, помимо стратегии эмоционального воздействия, три стратегии позитивной вежливости: контакто-устанавливающую стратегию, стратегию сохранения лица собеседника и стратегию интимизации общения.

Лесть определяем как псевдоискренний положительно-оценочный экспрессивный синкретический РА, характеризующийся присутствием в мотивации говорящего расчета и корысти, а также преимущественно совпадением адресата-получателя и объекта положительно-оценочного высказывания, а также имеющий исключительно прямую, эксплицитную форму реализации оценки и формулируемый преимущественно в рамках иницирующего коммуникативного хода. Объектами РА лести являются внешность адресата, его моральные и интеллектуальные качества, умения, достижения и поступки. РА лести выступает тактикой, неизменно реализующей две глобальные коммуникативные стратегии: манипулирования и эмоционального воздействия. Кроме того, адресанты лести активно руководствуются стратегией возвышения адресата, относящейся к стратегиям негативной вежливости.

Наименее социально детерминированным среди рассматриваемых положительно-оценочных РА является, по нашему мнению, РА одобрения. Одобрение как тактика воздействия на эмоциональное состояние собеседника, как средство поддержания контакта, как тактика мягкой смены темы общения активно используется в беседе коммуникантами вне зависимости от их социального статуса и гендера.

Интерес для изучения социальной детерминированности положительно-оценочных высказываний представляют такие три положительно-оценочных акта как РА похвалы, комплимента и лести.

Зарубежные исследователи считают, что для того, чтобы обрести превосходство над слушающим, говорящими используются комплименты. Принимая во внимание тот факт, что зарубежные исследова-

тели отождествляют одобрение, похвалу, комплимент и даже лесть, трактуя все контексты выражения положительной оценки как комплимент, уточняем, что обрести превосходство над слушающим помогает не только комплимент, но и даже в большей степени, похвала, направленная на собеседника. Адресант должен обладать моральным правом на вынесение адекватной оценки действий другого лица. Поэтому, в соответствии с этическими нормами, его социальный статус не может уступать статусу адресата [11, с. 91].

РА похвалы обеспечивает адресанту превосходство над адресатом: предполагается, что адресант должен иметь некие полномочия, права на выражение оценки качеств собеседника [4; 5 и др.]. Как отмечает Е. С. Петелина, перлокутивом похвалы является утверждение или подтверждение определенного превосходства, первенства объекта похвалы в той или сфере деятельности и, как следствие, улучшение его эмоционального состояния [4, с. 10].

Считается, что РА похвалы связан с ситуацией «вышестоящий > нижестоящий» [1; 4; 5]. Похвала подчиняется большим ограничениям, чем комплимент, поскольку она всегда имеет статусную зависимость: вышестоящий может хвалить подчиненного, но не наоборот — подчиненный не может выразить вышестоящему даже аргументированную похвалу.

Адресант похвалы, по мнению Н. А. Трофимовой, занимает более высокое социальное положение по сравнению с адресатом или находится в условиях ситуационной статусной асимметрии (обладает в данной ситуации общения компетенцией оценивания). Поскольку похвала представляет собой оценку поведения, поступков, то хвалящий должен обладать компетенцией оценивания, а у подчиненного, по ее мнению, такой компетенции (по статусу) быть не может [5, с. 190]. Речь в данном случае, по-видимому, идет только о похвале, направленной на собеседника.

Возможно, более низкий по статусу коммуникант и не обладает компетенцией оценивания, однако, как показывает анализ нашей выборки, в ряде случаев он это право себе присваивает. Мы считаем, что если говорящий оценивает поведение или достижения более высокого по статусу коммуниканта, имеет место РА лести. Е. С. Петелина полагает, что успешность осуществления РА похвалы во многом зависит от более высокого статуса адресанта [4, с. 57], оправдывающего его право на выражение похвалы. Адресант похвалы, обладающий компетенцией оценивания, сохраняет за собой право определять границу между нормой и экстраординарностью. Более того, он решает, что можно считать достойным похвалы, а что нет. Зачастую выдающееся не замечается, сознательно игнорируется, а среднее выделяется. Решающим в этом случае являются не действительные заслуги адресата похвалы, а истинные мотивы, предпочтения, иногда просто личная симпатия говорящего.

За достигнутыми успехами должны последовать другие, которые, как надеется адресат, тоже будут отмечены похвалой. Так одна похвала питает надежду на следующую похвалу, она фиксирует одновременно уровень достижений адресата, ниже которого теперь ему опускаться не следует. Поэтому отмечается парадокс — адресат похвалы воспринимает ее как груз, как наложенное на него обязательство и в будущем добиваться таких же успехов, не опускаться ниже уже достигнутого уровня [10; 5].

Социальная власть адресанта похвалы над адресатом (похвалит — не похвалит?) наряду с непредсказуемостью квалификации часто воспринимаются адресатом как источник некоторого оценочного произвола и укрепляют в нем чувство зависимости от оценивающего [10, с. 165].

Взаимоотношения между адресантом и адресатом играют решающую роль в выборе комплимента. При некоторых типах отношений комплименты нежелательны. Комплимент, как и похвала, ограничен параметрами ситуации. Комплимент можно сделать знакомому, подруге, но вряд ли эта тактика является допустимой на экзамене в отношении преподавателя. Комплименты в общении малознакомых людей приводят к неловкости.

Принято считать, что люди, в основном, высказывают комплименты равным по статусу адресатам. Н. Вольфсон полагает, что подавляющее большинство комплиментов высказываются в адрес людей того же возраста и статуса, что и говорящий [11]. Исследование комплиментов в Новой Зеландии показывает, что почти 80 % из них происходят между равными по статусу коммуникантами и в неформальной обстановке между друзьями [7]. В случаях статусного неравенства коммуникантов адресантами комплимента в англо-говорящих социумах становятся, как правило, лица более высокого статуса [7; 9; 11]. Как отмечает южноафриканский социолингвист Р. Герберт, «если цель речевого акта заключается в достижении коммуникантами солидарности, то первое предложение об этом должно неизбежно исходить от лица, превосходящего другого по статусу» [6, с. 25]. М. Кнапп и его коллеги также поддерживают точку зрения о том, что комплименты имеют место между равными по статусу коммуникантами, однако только в том случае, когда статус различен; коммуниканты более высокого социального статуса выражают комплименты чаще, чем коммуниканты более низкого статуса. Подчеркивается, что говорящие менее склонны к комплиментам в адрес людей с более высоким статусом [8].

Темами комплимента в английской лингвокультуре для адресантов более высокого статуса считаются действия и мастерство адресатов, а для адресантов более низкого статуса — внешность и личные вещи адресатов [11, с. 91]. По-видимому, соблюдение тематики адресантами более низкого статуса говорит о соблюдении ими социальной дистанции, о проявлении вежливости и уважения к собеседникам, о бескорыстном стремлении к упрочению отношений. «Вторжение» адресанта в тематические «владения» адресата более высокого статуса, проявление интереса к действиям и мастерству адресата В. В. Леонтьев трактует как попытку подольститься, заставляющую адресанта идти на нарушение социальных норм речевого поведения [3, с. 95].

Половая принадлежность является социальным фактором, важным только для одного из рассматриваемых нами положительно-оценочных РА — для РА комплимента. Влияние фактора пола на выбор комплимента активно исследуется зарубежными социолингвистами. Принято считать, что комплимент внешности чаще адресован женщине [7]. Коммуниканты обоих полов воспринимают мужчин с высоким социальным статусом как наиболее рискованных адресатов комплиментов, но женский пол доминирует над высоким статусом. С другой стороны, возможно, женщины воспринимаются более дружелюбными, отзывчивыми, разговорчивыми. Н. Вольфсон считает, что комплименты внешности редки между мужчинами-американцами и предполагает, что такие комплименты воспринимаются мужчинами как «ликоугрожающие» акты [11]. Считается, что многие мужчины чувствуют неловкость, делая комплименты внешности других мужчин, так как они боятся показаться гомосексуалистами.

Большинство исследователей уверены в том, что лезть предполагает ролевые отношения, направленные снизу вверх, в отличие от комплимента, используемого равноправными партнерами либо направленного от вышестоящего к нижестоящему. Поскольку, однако, по формальным признакам лезть схожа с похвалой или комплиментом, то единственным способом их дифференциации является опора на ситуацию и контекст. Однако, некоторые исследователи, в частности Е. С. Петелина, В. В. Леонтьев обсуждают также равный статус участников РА лести, а также направленность лести от вышестоящего лица к нижестоящему лицу, объясняя это зависимостью лица более высокого статуса от подчиненного [4, с. 11; 3, с. 75].

Наши наблюдения над выборкой подтверждают, что хотя в большинстве случаев лезть направлена от вышестоящего к нижестоящему, социальный статус адресанта лести также может равняться или быть ниже статуса адресата. Даже когда статус участников РА лести равен (например, супруги), имеет место большая зависимость адресанта от адресата, проявляющаяся в том, что лезть боится разоблачения своих неблагоприятных поступков и стремится «умаслить» адресата.

Таким образом, в большинстве случаев социальный статус адресата лести превышает статус адресанта. Равенство статусов коммуникантов характерно для ситуаций, в которых лезть выступает инструментом достижения адресантом корыстной нематериальной выгоды (лезть-извинение). Социальный статус адресанта может быть выше только в ситуациях его ролевой зависимости от адресата, тогда, когда достижение адресантом материальной корыстной выгоды невозможно без содействия партнера по коммуникации.

Собранный и изученный нами материал, анализ других социолингвистических исследований даёт возможность заключить, что положительно-оценочные РА демонстрируют крайнюю непохожесть в отношении статусной направленности (см. рис. 1).

Статусная направленность	ПОХВАЛА	КОМПИМЕНТ	ЛЕЗТЬ
Доминирующая	■ → ■	■ → ■	■ → ■
Вариантная	■ → ■	■ → ■	■ → ■ ; ■ → ■

Условные обозначения: ■ — вышестоящий, ■ — нижестоящий.

Рис. 1. Статусные отношения участников положительно-оценочных РА

Итак, одобрение считаем статусно-нейтральным РА, а похвалу, комплимент и лезть — статусно-лабильными РА. Похвала преимущественно направлена от вышестоящего коммуниканта к нижестоящему, лезть — наоборот, от нижестоящего к вышестоящему. Комплимент чаще адресован равному по статусу коммуниканту. Кроме того, важным социальным фактором РА комплимента, в отличие от других положительно-оценочных РА, является половая принадлежность его участников: комплимент внешности гораздо чаще адресован женщине. Комплименты внешности редки между мужчинами и вызывают неловкость и удивление.

Литература

1. Бессонова И. В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Бессонова. — Тамбов, 2003. — 178 с.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2002. — 334 с.
3. Леонтьев В. В. «Похвала», «лезть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Леонтьев. — Волгоград, 1999. — 206 с.
4. Петелина Е. С. Средства выражения и контексты функционирования высказываний похвалы и лести в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. С. Петелина. — Пятигорск, 1988. — 16 с.
5. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты: семантический, прагматический, грамматический анализ : монография / Н. А. Трофимова. — С. Пб. : Изд-во ВВМ, 2008. — 376 с.
6. Herbert R. K. The Ethnography of English Compliments and Compliment Responses: A Contrastive Sketch / R. K. Herbert // Contrastive Pragmatics / W. Oleksy (ed.). — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1989. — P. 3–35.
7. Holmes J. New Zealand Women are Good to Talk to: an Analysis of Politeness Strategies in Interaction / J. Holmes // Journal of pragmatics. — London : Elsevier, 1993. — Vol. 20, N 2. — P. 91–116.
8. Knapp M. L. Compliments: A Descriptive Taxonomy / M. L. Knapp, R. Hopper, R. A. Bell // Journal of Communication. — 1984. — N 34. — P. 12–31.
9. Manes J. Compliments: A Mirror of Cultural Values / J. Manes // Sociolinguistics and Language Acquisition / N. Wolfson and E. Judd (eds.). — Rowley, London : Newbury House Publishers, 1983. — P. 96–102.
10. Paris R. Stachel und Speer. Machtstudien / R. Paris. — Frankfurt a. M. & Suhrkamp Verlag, 1998. — 225 s.
11. Wolfson N. An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acquisition / N. Wolfson and E. Judd (eds.). — Rowley, London : Newbury House Publishers, 1983. — P. 82–95.

References

1. *Bessonova I. V.* Rechevye akty pokhvaly i poritsaniya sobesednika v dialogicheskom diskurse sovremennogo nemetskogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / I. V. Bessonova. — Tambov, 2003. — 178 s.
2. *Karasik V. I.* Yazyk sotsialnogo statusa / V. I. Karasik. — M. : Gnozis, 2002. — 334 s.
3. *Leontiev V. V.* «Pokhvala», «lest» i «kompliment» v strukture angliyskoy yazykovoy lichnosti : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / V. V. Leontiev. — Volgograd, 1999. — 206 s.
4. *Petelina Ye. S.* Sredstva vyrazheniya i konteksty funktsionirovaniya vyskazyvaniy pokhvaly i lesti v angliyskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / Ye. S. Petelina. — Pyatigorsk, 1988. — 16 s.
5. *Trofimova N. A.* Ekspressivnye rechevye akty: semanticheskiy, pragmaticheskiy, grammaticheskiy analiz : monografiya / N. A. Trofimova. — S. Pb. : Izd-vo VVM, 2008. — 376 s.
6. *Herbert R. K.* The Ethnography of English Compliments and Compliment Responses: A Contrastive Sketch / R. K. Herbert // Contrastive Pragmatics / W. Oleksy (ed.). — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1989. — P. 3–35.
7. *Holmes J.* New Zealand Women are Good to Talk to: an Analysis of Politeness Strategies in Interaction / J. Holmes // Journal of pragmatics. — London : Elsevier, 1993. — Vol. 20, N 2. — P. 91–116.
8. *Knapp M. L.* Compliments: A Descriptive Taxonomy / M. L. Knapp, R. Hopper, R. A. Bell // Journal of Communication. — 1984. — N 34. — P. 12–31.
9. *Manes J.* Compliments: A Mirror of Cultural Values / J. Manes // Sociolinguistics and Language Acquisition / N. Wolfson and E. Judd (eds.). — Rowley, London : Newbury House Publishers, 1983. — P. 96–102.
10. *Paris R.* Stachel und Speer. Machtstudien / R. Paris. — Frankfurt a. M. & Suhrkamp Verlag, 1998. — 225 s.
11. *Wolfson N.* An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acquisition / N. Wolfson and E. Judd (eds.). — Rowley, London : Newbury House Publishers, 1983. — P. 82–95.

Бігунова Наталія Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри теоретичної та прикладної фонетики англійської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова, докторант; Одеса, Україна;
e-mail: natalbig@mail.ru ; тел.: +38(0482)63-07-03

СОЦІАЛЬНИЙ СТАТУС УЧАСНИКІВ ПОЗИТИВНО-ОЦІННИХ МОВЛЕННЄВИХ АКТИВ

(на матеріалі англійського художнього дискурсу)

Анотація. У статті визначено семантичні та прагматичні особливості позитивно-оцінних мовленнєвих актів схвалення, похвали, компліменту та лестощів. Визначений об'єкт оцінки в даних сміжних мовленнєвих актах. Об'єктами схвалення є неживі речі, ідеї та явища. Об'єктами похвали є моральні та інтелектуальні якості, вміння та вчинки співбесідника або третьої особи, а також зовнішність і манери третьої особи. Об'єктами комплімента виступають зовнішність і досягнення адресата. МА лестощів направлений на тіж об'єкти, що й МА похвали і компліменту. В статті досліджено соціальний статус учасників позитивно-оцінних мовленнєвих актів. Схвалення віднесено до статусно-нейтральних мовленнєвих актів, а похвала, комплімент і лестощі — до статусно-лабільних мовленнєвих актів. Установлено, що похвала направлена переважно від вищого за статусом комуніканта до нижчого, лестощі — навпаки: від нижчого за статусом комуніканта до вищого, а комплімент частіше за все адресовано рівному за статусом комуніканту. Важливим соціальним фактором мовленнєвого акту компліменту, на відміну від інших позитивно-оцінних мовленнєвих актів, визнано полу принадлежність його учасників. Установлено, що комплімент зовнішності набагато частіше адресований жінці.

Ключові слова: оцінка, мовленнєвий акт, схвалення, похвала, комплімент, лестощі, соціальний статус.

Natalia A. Bigunova,

Candidate of Sciences in Philology, Ass. Prof. of The Theoretical and Applied English Phonetics Department of Odessa I. I. Mechnikov National University, working for Philosophy Doctor's degree;
e-mail: natalbig@mail.ru; tel.: +38(0482) 63-07-03

THE SOCIAL STATUS OF POSITIVE EVALUATIVE SPEECH ACTS PARTICIPANTS

(on the samples from English artistic discourse)

Summary. The article analyses semantic and pragmatic peculiarities of approval, praise, compliment and flattery positive evaluative speech acts. The object of evaluation in these contiguous speech acts has been differentiated. The object of approval is inanimate things, ideas and phenomena. The object of praise is a person's moral and intellectual qualities, skills and actions of an interlocutor or of the third person, and the third person's appearance and manners. The object of compliment is the addressee's appearance and achievements. Flattery speech act is directed towards the same objects as praise and compliment speech acts. The article also reports on the social status of the participants of positive evaluative speech acts. Approval has been referred to neutral-status speech acts, and praise, compliment and flattery — to labile-status speech acts. It has been established, that praise is mainly directed from a superior communicant towards a subordinate one, while flattery, on the contrary, is directed from a subordinate communicant towards a superior one, and compliment is more often addressed to a socially equal communicant. An important social factor of compliment speech act is considered to be the sex of its participants: it has been found out that appearance compliment is more often addressed to a woman, which differs compliment from other positive evaluative speech acts.

Key words: evaluation, speech act, approval, praise, compliment, flattery, social status.

Статтю отримано 30.09.2013 р.

УДК [808.5+811.111]'276.3-053:612.761(73-41)

ЧЕСНОКОВА Мария Валерьевна,
преподаватель кафедры английского языка № 2 Одесской национальной морской академии;
Одесса, Украина;
e-mail: dekanat_rgf2009@ukr.net

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕЧИ В РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению темпоральных характеристик речи американцев различных возрастов. В работе выявлена тесная взаимосвязь возраста и темпа речи человека, а также составлен речевой портрет представителей основных возрастных групп, содержащий особенности темпорального оформления речи. Описаны изменения темпа речи в зависимости от двух основных показателей: скорости произнесения, измеряемой посредством определения средней длительности слога, и паузальной насыщенности текста, измеряемой путем определения совокупности длительности пауз. Важным представляется заключение о том, что динамика темпоральных изменений в речи человека обусловлена как биологическими, так и социальными факторами.

Ключевые слова: темп речи, возраст, средняя длительность слога, паузальная насыщенность, биологические факторы, социальные факторы.

В настоящем исследовании предпринята попытка описать возрастные просодические, в частности, темпоральные особенности процесса речевого производства. Выбор американского варианта английского языка в качестве материала исследования объясняется наибольшей распространенностью данного варианта в мировом сообществе. Данный вариант достаточно подробно описан с точки зрения произносительных особенностей гласных, согласных и тенденций ритмико-интонационной организации речи [5; 9].

Актуальность данного исследования определяется тем, что выявление связи просодического оформления синтагмы с возрастными характеристиками говорящего является необходимым условием для развития личностно ориентированного подхода к обучению иностранному языку.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые:

- рассматривается проблема воздействия личностно обусловленного возрастного фактора на фонетическую форму высказывания, а именно на темп американской речи;
- предлагается общая фонетическая характеристика речи основных возрастных групп жителей США, исходя из специфики темпорального оформления звучащей речи.

Предмет изучения можно определить как динамику изменения темпорального оформления речи американцев в зависимости от возраста говорящего.

Основным материалом исследования послужили аудио- и видеозаписи речи жителей США различных возрастов, сделанные в учебных целях и представляющие собой лингафонные курсы по обучению американскому варианту английского языка. Узкий корпус исследования представляют отрывки неподготовленной монологической речи 8 американцев длительностью звучания по 1 минуте каждый.

Цель исследования заключается в выявлении темпоральных особенностей речи американцев, представляющих четыре возрастных группы (юность, молодость, зрелость, пожилой возраст), а также в определении внутренней взаимосвязи между просодией звучащей речи и основными этапами развития и социализации личности.

В задачу работы входило проведение электро-акустического анализа темпоральных особенностей неподготовленной монологической речи американцев различных возрастов.

Темпоральные характеристики в ходе проведения настоящего исследования рассматривались с учетом следующих параметров:

- 1) длительность синтагмы (в мс);
- 2) длительность паузы после синтагмы (в мс);
- 3) соотношение длительности паузы к длительности фонации в синтагме;
- 4) общее количество слогов в синтагме;
- 5) количество ударных слогов в синтагме;
- 6) количество безударных слогов в синтагме;
- 7) продолжительность звучания каждого ударного слога в синтагме (в мс);
- 8) общее время звучания безударных слогов в синтагме (в мс);
- 9) средняя длительность ударного слога в синтагме (в мс);
- 10) средняя длительность безударного слога в синтагме (в мс);

По результатам электронно-акустического анализа типы пауз по длительности распределились следующим образом:

- сверхкраткая (до 200 мс);
- краткая (201–500 мс);
- средняя (501–800 мс);
- длительная (801–1200 мс);

Темпоральные характеристики

Возраст Параметры	Юность (17-25)				Молодость (26-33)				Зрелость (34-57)				Пожилый возраст (58-76)						
	М 17	М 17	Ж 21	Ж 23	М 25	М 29	Ж 30	Ж 33	М 31	М 33	Ж 33	Ж 33	М 39	М 45	Ж 45	Ж 57	М 63	М 68	Ж 76
фонатия	мс	1560	2406	2618	2300	3213	2586	2386	1659	1764	2760	3252	1754	2877	1927	1422	2050	2647	1823
среднее по группе	мс	2419				2231				2246				2173					
паузация	мс	833	1375	720	371	605	442	581	474	590	453	507	523	852	464	252	737	615	754
среднее по группе	мс	581				508				520				702					
Паузация : фонатия		1: 1,87	1: 6,42	1: 3,64	1: 6,20	1: 5,31	1: 5,85	1: 4,1	1: 3,5	1: 2,99	1: 6,09	1: 6,41	1: 3,35	1: 3,38	1: 4,15	1: 5,65	1: 2,78	1: 4,3	1: 2,42
среднее по группе		1 : 4,16				1 : 4,39				1 : 4,32				1 : 3,1					
кол-во слогов в синтагме		7	12	10	9	14	13	13	8	7	12	11	8	11	7	8	10	14	7
среднее по группе		10				11				9				10					
кол-во удар. слогов		3	4	4	4	5	5	4	4	3	5	5	3	4	3	3	3	6	3
среднее по группе		4				4				4				4					
длит. удар. слогов	мс	583	1008	1053	1278	1352	1248	972	941	708	1345	1452	831	1202	866	600	815	1459	940
среднее по группе	мс	1055				1043				990				1071					
сред. длит. уд. слог.	мс	281	244	269	308	266	257	253	261	274	309	301	304	261	341	221	241	261	310
среднее по группе	мс	274				271				286				271					
сред. длит. безуд. слог.	мс	193	204	271	214	200	171	170	171	252	173	285	167	261	221	156	196	158	209
среднее по группе	мс	216				187				218				188					
сред. уд. : сред. безуд.		1,46:1	1,2:1	0,99:1	1,44:1	1,33:1	1,5:1	1,49:1	1,53:1	1,09:1	1,79:1	1,06:1	1,82:1	1:1	1,54:1	1,42:1	1,23:1	1,65:1	1,48:1
среднее по группе		1,27 : 1				1,45 : 1				1,3 : 1				1,44 : 1					

— сверхдлительная (от 1200 мс).

Итак, полученные в ходе анализа темпоральных характеристик статистические данные, позволили сделать выводы об общем темпе речи информантов и о наиболее частотных типах пауз, проанализировать соотношение фонации и паузации в речи каждого диктора, а также определить степень выделенности ударных слогов относительно безударных при рассмотрении длительности в качестве коррелята удара (см. табл. 1).

В результате электронно-акустического анализа длительности ударных и безударных слогов и вычисления их средней величины было выявлено большое сходство в среднегрупповых показателях по времени произнесения ударных (271–286 мс) и безударных (187–218 мс) слогов. Однако по этому параметру сильно выделяются группы информантов юного и зрелого возраста, речь которых характеризуется более медленным темпом по сравнению с другими группами. Величина соотношения времени произнесения ударных и безударных слогов также колеблется в зависимости от возрастной группы от 1,27 : 1 до 1,45 : 1, однако в целом можно говорить о сравнительно небольшой выделенности ударных слогов по сравнению с безударными в речи участников настоящего исследования (см. табл. 2). Согласно данным других экспериментальных исследований американского варианта английского языка, было определено отношение средней длительности (СД) ударных слогов к СД безударных слогов в общеамериканском типе произношения как 1,6 : 1, что свидетельствует о гораздо более сильной выделенности ударных слогов [4; 6].

Таблица 2

Длительность ударного и безударного слогов и их соотношение

Возрастная группа	Средняя длительность ударных слогов (мс)	Средняя длительность безударных слогов (мс)	Средний ударный: средний безударный
Юность	274	216	1,27 : 1
Молодость	271	187	1,45 : 1
Зрелость	286	218	1,3 : 1
Пожилой возраст	271	188	1,44 : 1

Как было отмечено ранее, по параметру соотношения длительности ударных/безударных слогов сильно выделяется группа юных информантов (1,27 : 1). В их речи длительность ударных слогов соответствует норме (274 мс), в то время как длительность безударных слогов увеличена (216 мс), что свидетельствует об их растягивании. Это важно, так как основным терминальным тоном, используемым в данной группе, является ровный, где безударные слоги несут на себе основную нагрузку по сохранению уровня тона. Именно растягивание безударных слогов проявляется в ровном звучании голосов юных американцев в терминальной части синтагмы.

О выравнивании ударных и безударных слогов за счет увеличения длительности безударных в американском варианте английского языка говорит и Д. А. Шахбагова. По мнению исследователя, в британском варианте английского языка ударные и безударные слоги образуют больший контраст, чем в американском, что проявляется в многочисленных примерах качественной редукции безударных слогов. Замедленный темп и более сложная ритмическая организация американской речи способствуют удлинению гласных в безударных слогах, придавая им большую выделенность. Результатом становится выровненность ударных и безударных слогов и относительно равное распределение энергии на протяжении всего высказывания [9]. Данный вывод полностью подтверждается результатами новейших исследований темпоральных характеристик [10].

Детальный анализ данных о длительности ударных и безударных слогов информантов зрелого возраста (286 мс и 218 мс соответственно) показывает, что их речь характеризуется более медленным темпом по сравнению с другими группами. В результате понижается соотношение времени произнесения ударных и безударных слогов (1,3 : 1 против 1,45 : 1 в других группах). Данное наблюдение свидетельствует о воздействии социальных (статусных) характеристик на человека, так как именно в зрелом возрасте представители среднего класса достигают максимальных высот в карьере. Повышению социального статуса сопутствуют сильные и стабильные биологические характеристики, многие из которых в этом возрасте получают дальнейшее развитие. Данное наблюдение находит подтверждение и в предыдущих исследованиях [7; 8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что соотношение длительности ударных/безударных слогов, способствующее сохранению акцентной структуры слова, ритма, выразительности речи, является достаточно распыляемым. В результате американская речь воспринимается на слух как монотонная, особенно в группе юных американцев и людей высокого социального статуса. В то же время две другие группы (группа молодежи и информантов пожилого возраста) не имеют ярко выраженных характеристик в этом отношении и соответствуют ранее установленной норме: длительность ударных/безударных слогов у молодежи — 271 мс / 187 мс, у пожилых американцев — 271 мс / 188 мс, соотношение длительности ударных/безударных слогов у молодежи — 1,45 : 1, у пожилых американцев — 1,44 : 1.

На общее впечатление о темпе влияет не только скорость произнесения отдельных слогов, но и паузальная насыщенность, которая проявляется в соотношении времени паузации ко времени фона-

ции, а также средняя длительность пауз. При этом важно отметить, что с возрастом может изменяться количество пауз, необходимых как для дыхания, так и для обдумывания и оформления мысли.

В настоящем исследовании типы пауз с учётом их длительности распределились в порядке их частотности в исследуемом корпусе следующим образом: сверхкраткая, краткая, средняя, длительная и сверхдлительная (см. табл. 3).

Таблица 3

Частотность употребления пауз различных типов (в %)

Тип паузы	Возрастная группа	Юность	Молодость	Зрелость	Пожилой возраст
Сверхкраткая (до 200 мс)		19	11	28	9
Краткая (201–500 мс)		23	46	34	25
Средняя (501–800 мс)		38	32	19	25
Длительная (801–1200 мс)		14	9	14	32
Сверхдлительная (от 1200 мс)		7	3	5	9

Согласно результатам проведённого электронно-акустического анализа, основными типами пауз, характерными для спонтанной монологической речи американцев разных возрастов, являются **сверхкраткая, краткая, средняя и, реже, длительная паузы**. Наличие в речи большого количества сверхкратких и кратких пауз может объясняться тем, что информанты в ходе интервью отвечали на вопросы бытового характера, касающиеся их повседневной жизни, что, скорее всего, не вызвало сложности содержания, ни в плане оформления речевого высказывания. Однако поскольку анализируемый звучащий материал представляет собой неподготовленную монологическую речь, наличие в ней определённого количества средних и длительных пауз hesitation является также вполне обоснованным.

В целом, полученные данные по частотности употребления различных типов пауз совпадают с результатами многих исследователей темпоральных особенностей американской речи. А. М. Антипова утверждает, что в хорошо продуманной спокойной речи, а также в речи, содержащей много языковых клише и стереотипных фраз, паузы, как правило, короткие [1]. А. С. Шарандаченко также выделяет краткие паузы как наиболее частотные, а Д. И. Полетаев, Е. А. Бабушкина и И. А. Гарчева говорят о преобладании сверхкратких и кратких пауз в американской речи различных стилей [2; 3; 7; 8].

Таким образом, подводя итог анализу темпоральных показателей речи американцев различных возрастов можно сделать вывод о том, что на темп, а также на характер и длительность паузации оказывают воздействие не только биологические, но и социальные факторы. Это особенно заметно в речи информантов зрелого возраста, где высокий социальный статус влияет на значительное замедление темпа речи. Кроме того, отмечено своеобразие речи информантов юного возраста, которые склонны растягивать безударные слоги. Основными типами пауз, обладающими наибольшей частотностью употребления в неподготовленной монологической речи являются краткие и средние паузы, что вполне характерно для спонтанной речи.

Литература

1. Антипова А. М. Ритмическая организация английской речи (экспериментально-теоретическое исследование ритмообразующей функции просодии): дис. ... канд. филол. наук / А. М. Антипова. — М., 1980. — 447 с.
2. Бабушкина Е. А. Территориальная вариативность просодии английской речи в США (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Бабушкина. — М., 2000. — 140 с.
3. Гарчева І. А. Соціокультурні просодичні особливості мовлення дикторів новин телебачення Великої Британії (експериментально-фонетичне дослідження): автореф. дис. ... канд. філол. наук / І. А. Гарчева. — Одеса, 2013. — 20 с.
4. Графова Л. Л. Ритмическая организация фразы в британском и американском вариантах английского языка / Л. Л. Графова // Ритмическая и интонационная организация текста. — М., 1982. — С. 32–37.
5. Жаворонкова И. А. Система терминальных тонов в американском варианте английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Жаворонкова. — М., 1990. — 20 с.
6. Пальченко Н. В. Социокультурный аспект акцентуации в американском варианте английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Пальченко. — М., 2002. — 21 с.
7. Полетаев Д. И. Социальная дифференциация интонаций в ограниченном речевом сообществе (экспериментально-фонетическое исследование на материале речи жителей г. Анкориджа, штат Аляска, США): дис. ... канд. филол. наук / Д. И. Пальченко. — М., 1997. — 146 с.
8. Шарандаченко А. С. Варіативність вокалізму і консонантизму в американських засобах масової інформації (експериментально-фонетичне дослідження на матеріалі дикторського мовлення): автореф. дис. ... канд. філол. наук / А. С. Шарандаченко. — Одеса, 2011. — 19 с.
9. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка) / Д. А. Шахбагова. — М.: Фоллис, 1992. — 284 с.
10. Яскевич В. В. Взаимодействие факторов фонетического варьирования (в чтении и спонтанной речи взрослых и подростков в американском варианте английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Яскевич. — Минск: УО МГЛУ, 2007. — 20 с.

References

1. Antipova A. M. Ritmicheskaya organizatsia angliyskoi rechi (eksperimental'no-teoreticheskoe issledovanie ritmoobrazuiushey funktsii prosodii): dis. ... kand. filol. nauk / A. M. Antipova. — M., 1980. — 447 s.

2. Babushkina E. A. Territorial'naya variativnost' prosodii angliyskoi rechi v USA (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie) : dis. ... kand. filol. nauk / E. A. Babushkina. — M., 2000. — 140 s.
3. Garcheva I. A. Sotsiokul'turni prosodychni osoblyvosti movlennia dyktoriv novyn telebachennia Velykoi Brytanii (eksperimental'no-fonetychne doslidzhennya) : avtoref. dys. ... kand. filol. nauk / I. A. Garcheva. — Odesa, 2013. — 20 s.
4. Grafova L. L. Ritmicheskaya organizatsiya frazy v britanskom i amerikanskom variantah angliyskogo yazyka / L. L. Grafova // Ritmicheskaya i intonatsionnaya organizatsiya teksta. — M., 1982. — S. 32–37.
5. Zhavoronkova I. A. Sistema terminal'nyh tonov v amerikanskom variante angliyskogo yazyka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / I. A. Zhavoronkova. — M., 1990. — 20 s.
6. Pal'chenko N. V. Sotsiokul'turnyi aspect aktsentuatsii v amerikanskom variante angliyskogo yazyka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / N. V. Pal'chenko. — M., 2002. — 21 s.
7. Poletaev D. I. Sotsial'naya differentsiatsiya intonatsii v ogranichenom rechevom soobshchestve (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale zhytelei g. Ankoridzha, shtat Aliaska, SSHA) : diss. ... kand. filol. nauk / D. I. Poletaev. — M., 1997. — 146 s.
8. Sharandachenko A. S. Variatyvnist' vokalizmu i konsonantyzmu v amerykans'kyh zasobah masovoi informatsii (eksperimental'no-fonetychne doslidzhennya na materiali dyktors'kogo movlennya) : avtoref. dys. ... kand. filol. nauk / A. S. Sharandachenko. — Odesa, 2011. — 19 s.
9. Shahbagova D. A. Foneticheskaya sistema angliyskogo yazyka v diahronii i sinhronii (na materiale britanskogo, amerikanskogo, avstraliyskogo, kanadskogo variantov angliyskogo yazyka) / D. A. Shahbagova. — M. : Follis, 1992. — 284 s.
10. Yaskevich V. V. Vzaimodeistvie faktorov foneticheskogo var'irovaniya (v chtenii i spontannoy rechi vzroslykh i podrostkov v amerikanskom variante angliyskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / V. V. Yaskevich. — Minsk : UO MGLU, 2007. — 20 s.

Чеснокова Марія Валеріївна,

викладач кафедри англійської мови № 2 Одеської національної морської академії; Одеса, Україна;
e-mail: dekanat_rgf2009@ukr.net

ТЕМПОРАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ АМЕРИКАНСЬКОГО МОВЛЕННЯ В РІЗНОМАНІТНИХ ВІКОВИХ ГРУПАХ

Анотація. Дослідження присвячено вивченню темпоральних характеристик мовлення американців різного віку. У роботі виявлено тісний взаємозв'язок між віком і темпом мовлення людини, а також складено мовленнєвий портрет представників основних вікових груп, який містить особливості темпорального оформлення мовлення. Описано зміни темпу мовлення в залежності від двох основних показників: швидкості вимови, яка вимірюється за допомогою визначення середньої тривалості складу, і паузальної насиченості тексту, що вимірюється шляхом визначення сукупності тривалості пауз. Важливим уявляється висновок про те, що динаміка темпоральних змін у мовленні людини зумовлена як біологічними, так і соціальними факторами.

Ключові слова: темп мовлення, вік, середня тривалість складу, паузальна насиченість, біологічні фактори, соціальні фактори.

Maria V. Chesnokova,

lecturer of the English language chair N 2 of Odessa National Maritime Academy; Odessa, Ukraine;
e-mail: dekanat_rgf2009@ukr.net

TEMPORAL PECULIARITIES OF THE AMERICAN SPEECH IN DIFFERENT AGE GROUPS

Summary. The investigation is dedicated to the study of temporal characteristics of American speech in different age groups. A close correlation between tempo and the person's age has been revealed, and the speech portrait of the main age representatives, which contain the peculiarities of speech temporal organization, has been formed. Temporal changes of speech are described in accordance with two main indicators: speed of pronunciation, which is defined by measuring the average syllable duration, and pausation intensity, measured by the average pause duration. The significance of the conclusion lies in the fact that the dynamics of temporal changes in the person's speech is conditioned by both biological and social factors.

Key words: speech tempo, age groups, average duration, pausation intensity, biological, social factors.

Статтю отримано 25.09.2013 р.

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА МЕДІАЛІНГВІСТИКИ

УДК 811.161.1'42:347.471:070

ИССЕРС Оксана Сергеевна,

доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; Омск, Россия;
e-mail: isserso@mail.ru; тел.: +7-913-628-11-70

РАЗГОВОР О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СМИ И БЛОГОСФЕРЕ

Аннотация. Статья посвящена методам анализа современного дискурса о гражданском обществе. Обсуждается создание методологической базы для комплексного лингвистического исследования процессов формирования гражданского общества. Она включает выявление стереотипов и установок массового сознания через «ключевые слова текущего момента», базовые метафоры, конкурирующие номинации, новые дериваты и т. д.

Материалом данного исследования стали публикации в СМИ, связанные с митинговой активностью конца 2011 — первой половины 2012 гг. Автор приходит к выводу, что выбор номинации и обсуждение этого выбора являются показателями конкурирующих интерпретаций, или «борьбы дискурсов». Фрагменты дискурс-анализа публикаций в СМИ, представленные в этой статье, подтверждают, что речевые практики активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе, которые являются реакцией на социальные сдвиги в нём.

Ключевые слова: гражданское общество, дискурс-анализ, метафоры, СМИ, блогосфера.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-14-55001 «Лингвистика на службе гражданского общества: инновационные подходы в лингвистических исследованиях социальных процессов в Омской области».

Дискуссии о современных тенденциях развития российского общества, которые активно развёртываются в «старых» и «новых» медиа, позволяют увидеть не только динамику общественной жизни, но и специфику дискурса, меняющегося под влиянием публичного диалога. В связи с протестными акциями 2011–2012 г.г. в России активно формируется социальный заказ на изучение процессов развития гражданского общества, в том числе и методами современной лингвистики, объяснительная сила которой наделяет ее значительным практическим потенциалом. Одно из перспективных прикладных направлений лингвистической науки — применение ее инструментария в сфере исследования динамики социальных процессов.

В России давно обсуждают феномен «гражданского общества», однако активность дискуссий еще не нашло отражения в четкости самого понятия. Оно включает всю совокупность межличностных отношений, развивающихся вне рамок и без вмешательства государства. Признаки гражданского общества, уточняющие дефиниции, отвечают представлению о нём как о значимой социальной ценности: оно служит интересам личностей и их групп, основано на принципах равенства, личной инициативы, самоорганизации и саморегулирования, противопоставлено государству по ряду признаков, но взаимодействует с ним [9]. Важная задача институтов и организаций гражданского общества — информировать государство о конкретных интересах граждан, удовлетворение которых возможно лишь силами государства [5].

Обсуждение проблем развития гражданского общества в России происходит на фоне изменения дискурсивных практик. Это обусловлено тем, что формирование общественного сознания осуществляется преимущественно с помощью языковых средств, что обусловлено спецификой доминирующих каналов коммуникации в современном обществе. Поскольку лингвистика ставит своей целью объяснить причины выбора и создания конкретной «упаковки» для конкретного содержания, лингвистический инструментарий дает возможность глубинного анализа современного дискурса о гражданском обществе. Лингвистика как наука диагностическая позволяет реконструировать невысказанные базовые установки субъектов общественной жизни и описать эти установки в достаточно строгих терминах.

В связи с этим актуальной задачей в рамках указанной проблематики является создание теоретико-методологической базы для комплексной лингвистической диагностики процессов формирования гражданского общества. Она включает выявление стереотипов и установок массового сознания в сфере общественно-политических отношений конкретного социума через «ключевые слова текущего момента», базовые метафоры, конкурирующие номинации, новые дериваты и т. д.

Материалом данного исследования стали публикации в СМИ, связанные с митинговой активностью конца 2011 — 1-й пол. 2012 г.г., которые ярко продемонстрировали «борьбу дискурсов» (по Н. Фэркло). В качестве источника для наблюдения были выбраны публикации журнала «Огонёк» ИД «Коммерсант», занимающего в спектре современных российских СМИ умеренно либеральную позицию.

Особый интерес представляют дискурсивные практики «новых» медиа, в которых нередко рождаются и шлифуются новые социальные и языковые феномены. Недаром отношение правительства США к блогосфере и «сетевому активизму» как одному из ключевых инструментов soft power было сформулировано в ряде программных выступлений госсекретаря США Х. Клинтон. Именно она в конце 2009 года провозгласила эру «Гражданского общества версии 2.0» (Civil Society 2.0), в котором неисчислимы дезинтегрированные, выстроенные по сетевым принципам автономные сообщества солидарных членов, вооружённые цифровыми технологиями, эффективно устанавливают собственные правила жизни, разрушая государственную монополию на власть, информацию и воспитание граждан [6, с. 3].

В источниковую базу также вошли примеры из современной российской блогосферы (портал «Эхо Москвы»). Выбор блогов радиостанции «Эхо Москвы» объясняется тем, что они в основном посвящены теме гражданского общества и, следовательно, частотность языковых единиц, связанных с данным понятием, является там достаточно высокой.

Публикации в СМИ и блогах охватывают период с декабря 2011 года по май 2013 года. Митинги протестного электората Москвы и крупных городов, выплеснувшиеся на улицы и площади в 2011–2012 г.г. в период думской и президентской выборных кампаний, сформировали не только основные информационные поводы, но и своеобразный способ говорения — «дискурс оппозиции», а также «разговоры об оппозиции». Журналист Дм. Орешкин, осмысляя несколько прошедших месяцев, замечает: «Три месяца страна митинговала. Осваивала пространство площадей и улиц, выбирала для себя героев, учила новую лексику. Теперь пришло время разобраться, что же все-таки это было...» [17]. Этот вопрос волнует не только социологов, политологов, но и лингвистов.

Наметим направления исследований, которые представляются актуальными для лингвистической диагностики социальных процессов, связанных с формированием гражданского общества в современной России. В этом смысле показательным представляется анализ «дискурса об оппозиции»: он нередко демонстрирует иную — по сравнению с официальной — интерпретацию событий и фактов и, следовательно, обнаруживает попытки построения общественного диалога.

Дискурсивное поле «гражданское общество» формируется за счёт нескольких семантических областей. Ядром является дискурс о том, что такое гражданское общество, о гражданских правах и свободах, о социальных нормах и др. Как показывает анализ блогов, авторы подчеркивают, что гражданское общество в России еще не сформировалось, находится в «подростковом возрасте» и потому является объектом манипуляций со стороны заинтересованных политических сил.

Маразм крепчает, но и гражданское общество крепчает [14].

Сейчас наше гражданское общество переживает подростковый, если не ясельный период [11].

Государство пока может позволить себе развиваться. Но лишь до тех пор, пока не созреет гражданское общество, которое и укажет ему своё место [9].

Изддержки роста создают почву для обвинения лидеров оппозиции, которые «играют в гражданское общество», преследуя собственные цели:

«Несистемная оппозиция» выдвигает на первые роли писателей, клоунов, телеведущих, журналистов, певцов — кого угодно, пытаясь играть в гражданское общество [13].

Незрелость гражданского общества делает его объектом влияния и манипуляций со стороны различных сил:

Против народа придумали несколько игр-многоходовок, чтобы превратить гражданское общество в разрозненную мозаику [10].

США нужно научиться рассматривать российское гражданское общество не как марионеток их влияния, а как партнеров [15].

С проблематикой гражданского общества тесно связан дискурс о ценностях (индивидуальных vs. коллективных), о толерантности и ксенофобии, о социальных нормах и др. [см., напр., 12] Показательны, в частности, рассуждения о сложившихся в обществе нормах и возможностях их трансформации. Известно, что любая разновидность дискурса отражает норму (или некоторую социальную условность), утверждающую тот фон, на котором следует воспринимать (интерпретировать) событие. Применительно к языку социальная практика задаёт условия осмысления повседневного языка. Это известная установка Л. Витгенштейна, согласно которой язык в действительности функционирует лишь на фоне всей совокупности практик, принятых в данной культуре [3]. Обсуждение «узаконенной» нормы означает допустимость множественных интерпретаций события. В связи с этим сама дискуссия о социальных нормах и оценках есть проявление сдвигов в общественном сознании.

Ходить на митинги — норма гражданского общества. <...> Выходить на улицу с мирным протестом. А на выборы с контролем. Это законно, а значит, правильно [17].

Ключевые слова текущего момента. В качестве индикаторов социальных изменений можно рассматривать некоторые лексические единицы, которые являются «вершинами» концептов, маркерами мировоззрения, системы ценностей (*власть, народ, социальная справедливость, общественный диалог, компромисс, общественный контроль* и др.). Т. В. Шмелёва назвала их ключевыми словами текущего момента [8]. Ключевые слова текущего момента (КСТМ) господствуют в понятийно-лексическом поле текстов СМИ и выполняют роль ключа для целой группы связанных с ними идей и понятий. Т. Н. Шмелёва называет следующие признаки данной группы слов: 1) высокая частотность, в т.ч. использование в заголовочных комплексах и рубриках; 2) словообразовательный потенциал (активное использование для образования новых слов); 3) языковая рефлексия. Совокупность ключевых слов со-

здает своеобразный портрет эпохи: так, к словам 1985–1991 г.г. относят слова *застой, перестройка, гласность, новое мышление, демократия, рынок, консенсус, Горбачев, Ельцин* и т. д.; к КСТМ 2000–2005 г.г. — *олигарх, мигранты, терроризм, монетизация льгот, единый государственный экзамен, клонирование, Чечня, Путин*; к КСТМ конца первого десятилетия можно отнести слова *инновационное развитие, модернизация, мировой кризис, нацпроекты, материнский капитал, нанотехнологии, тандем, Фукусима, Сколково, Медведев, Путин* и др. Использование ключевых слов в дискурсе задает рамку интерпретации идеологической, этической, гражданской позиции.

Анализ динамики ключевых слов (в том числе и рефлексия по этому поводу) — существенный показатель социальных сдвигов. Для дискурса о гражданском обществе показательно употребление лексем *власть, компромисс, диалог*.

Власть, на практике убедившись, что московских хомяков добром в нору не загонишь, стоит на развилке: ужесточить ситуацию либо нащупывать компромисс. Прямых репрессий никто не хочет (желающих сидеть в одном вольере в Лукашенко под табличкой «последний диктатор Европы» нет). Значит, скорее всего, политика будет двуслойной. С одной стороны, будут рассказывать о «безусловной ценности эволюционного и поступательного развития», «накопленном потенциале стабильности», «постоянном диалоге с обществом» (символы Добра). С другой, в индивидуальном порядке разбираться с оппозиционерами. Потому что есть еще и Страсбургский суд. Это счастливицу из Минска на него плевать, а мы бумаги подписали. <...> Массовые митинги и массовый контроль волонтеров вынуждают власть аккуратно вести себя по двум направлениям... [17].

Частотные колокации лексем (в приведённом выше фрагменте — *диалог, компромисс и власть*) отражают новые общественно-политические реалии, когда власть не может игнорировать наличие иного мнения (пусть и меньшинства граждан) и вынуждена реально, а не на словах выстраивать общественный диалог.

В этом аспекте интересно обсуждение журналиста «Огонька» О. Филиной с историком и социологом Олегом Будничкиным проблемы учёта мнения меньшинства.

Журналист: — То есть договорной традиции, традиции компромисса ни в обществе, ни во власти нет?

О. Б. — Были люди в нашей истории, которые понимали демократию не так прямолинейно, доказывая, что она стоит на страже интересов меньшинства, а не только большинства. <...>

Журналист: — Сегодня, когда все силы брошены на то, чтобы сплотить общество, а меньшинства продолжают восприниматься как нечто «раскачивающее лодку», подобные идеи кому-то нужны?

О. Б. — <...> Если у оппозиции нет шанса быть услышанной, у общества нет механизма самоконтроля — и лодка рискует опрокинуться [19].

В дискурсе о гражданском обществе обращает на себя внимание частотность глаголов и субстантивов со значением речи (*говорить, слышать, собеседник*) — яркий показатель актуальности полнотенной, не односторонней, а двусторонней общественной коммуникации.

Новость прошедшего года, как мне кажется, состоит в том, что всё больше сограждан начинают понимать, что говорить все-таки есть о чём. В том числе с далеко не идеальными политиками оппозиции. <...> и не факт, что у оппозиционного пустого места скелетов в шкафу больше, чем у противоположной стороны, которая сначала выжигает «пустое место», а потом сетует на отсутствие достойного собеседника [17].

Показателем новых дискурсивных практик является активизация лексемы «граждане» с различными коннотациями и вариативным референтом:

(о провокациях) Граждане на практике убедились, как просто и гнусно подобные штучки организуются. <...> Для того чтобы граждан раззадорить, подоспели обыски. <...> Такие меры к своим заблудшим гражданам государство вправе принимать только по решению суда [17].

Новым субъектом политической жизни стали *рассерженные горожане*.

«Новые» метафоры. Исследование метафорических моделей как индикаторов социальных изменений стало уже традиционным в лингвистике [1; 4; 7]. Прошедшие в 2011–2012 г.г. выборы актуализировали ряд значимых для формирования гражданского общества признаков, нашедших отражение в продуктивности определенных метафор. В частности, в дискурсе о выборах и последовавшей за ними митинговой активности частотным стали метафоры «чистоты vs. грязи», а также «цветовые» (*белый круг, белая лента, белая революция, белое кольцо; оранжевая угроза*).

Выборы становятся не то чтобы менее чистыми, скорее менее грязными. Об этом стали больше и разнообразнее писать. Отсюда, кстати, ощущение, что фальсификат зашкаливает. Не совсем так. Скорее, тот уровень грязи, который раньше казался приемлемым, с накоплением социального опыта вдруг стал невыносим. Частично выход на улицы и результат этого. Люди хотят мирно обозначить пределы допустимого [17].

Характерным обозначением подчёркнуто мирного протеста оппозиции является т.н. «брожение по аллеям» — своеобразный способ молчаливого выражения несогласия с официальной властью:

Условия компромисса определяются в том числе и масштабом уличного брожения [17].

Спор о номинациях. Известное высказывание Р. Блакара о том, что «произнося одно-единственное слово, говорящий вынужден занять позицию», имеет непосредственное отношение к идеологизированному дискурсу [2]. Проблема формирования гражданского общества в России тесно связана с конкуренцией разных моделей устройства социальной жизни и государственной власти. Поэтому выбор номинации и обсуждение этого выбора является показателем конкурирующих интерпретаций,

или «борьбы дискурсов». В этом смысле интересно обсуждение такого обозначения российской модели общественного устройства, как *суверенная демократия* (авторство номинации приписывают В. Суркову, экс-главе кремлёвской администрации).

Собственно так и развивается реальная, а не суверенная демократия. <...> Бесценный опыт суверенной демократии. Если ведешь себя правильно, занимаешь активную жизненную позицию на ТВ-экране, то давай, греби со своих корпоративных мальчишников столько экономического суверенитета, сколько сможешь унести. А вот если дуришь и позиция твоя неправильная, то, прости, уж, dura lex... [17]

С точки зрения официально «узаконенной» нормы значимым является употребление номинаций «системная» vs. «несистемная» оппозиция, а также конкуренция номинаций оппозиции: *антисистемная, внесистемная, несистемная, бессистемная* (см., в частности, [20]). Как видно из этого отнюдь не синонимического ряда, в языке отражается стремление отойти от терминологического обозначения политических феноменов и заменить его оценочными номинациями.

«Новое» словообразование. Показателем дискурсивных новаций могут являться словообразовательные неологизмы (окказионализмы), отражающие активные социальные процессы: *религархия, кривосудие, молчевидец, белоленточник*. Ср. *Во власти есть договороспособные люди*.

Актуальные темы. В качестве индикатора динамики социальной жизни общества рассматриваются дискурсивные темы, связанные с рассматриваемой семантикой гражданского общества не напрямую, а опосредованно. К числу популярных тем, спровоцированных гражданской активностью россиян в 2011–2012 г.г., можно отнести темы о пользе социального опыта и о неизбежности распространении информации:

Тысячи сограждан, побывавших наблюдателями на парламентских выборах, за один день узнали об устройстве родного государства больше, чем за три семестра обществоведения [18].

Половина населения не чужда Интернету: новость, как вода, дырочку найдёт [17].

Отражением дискурсивных новаций можно также считать замечания о способности массового адресата интерпретировать сообщения СМИ (своего рода «наивная прагматика»): *У взрослой и мыслящей категории граждан быстро возрождается навык читать между строк и думать о том, чего не было [18].*

Представленные выше фрагменты дискурс-анализа публикаций в СМИ лишь намечают возможные направления исследований. «Борьба дискурсов», проявляющаяся в спорах о номинациях, конкуренции обозначений реалий политической жизни, словообразовательных новациях, подтверждает, что речевые практики не пассивно реагируют на социальные сдвиги, а активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе. Анализ дискурсивных практик на более широком материале традиционных и новых медиа позволит оптимизировать выбор лингвистического инструментария и точнее диагностировать социальные процессы формирования гражданского общества в современной России.

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — М.: УРСС, 2001. — 360 с.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 88–125.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. — М.: Гнозис, 1994. — Ч. 1. — 612 с.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 126–172.
5. Соломина Е. В. Понятие гражданского общества в высказываниях официальных лиц: пост-структуралистский дискурс-анализ / Е. В. Соломина // Вестник Томского государственного ун-та. — 2010. — № 331. — С. 46–49.
6. Тукмаков Д. Восстание блогов, часть II: «Гражданское общество 2.0» вместо «Томагавков» [Электронный ресурс] / Д. Тукмаков. — Режим доступа: <http://file-ru.ru/analitics/54>.
7. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Уральский госпедунивер., 2009. — 292 с.
8. Шмелёва Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелёва // Collegium. — 1993. — № 1. — С. 33–41.
9. Яковсон Л. И. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Л. И. Яковсон. — М.: Вершина, 2008. — 296 с.

Источники примеров

10. Андурский Е. Суд попирает Конституцию. В интересах государства [Электронный ресурс] / Е. Андурский. — Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/efim/1076632-echo/>
11. Васильева Е. При чем здесь Чиполлино? [Электронный ресурс] / Е. Васильева. — Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/evasiljeva/1073194-echo/>
12. Виноградов Е. Приручение коммуналки: как экономить на жилищно-коммунальном обслуживании. Ч. 2 [Электронный ресурс] / Е. Виноградов. — Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/energoarbitr/1046228-echo/>
13. Дугин А. Проект «Гражданское общество» как угроза российской самобытности: Из интервью лидера ОПОД «Евразия» философа А. Дугина «Русскому журналу» (russ.ru) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.patriotica.ru/actual/dugin_go.html.
14. Калинов А. Первый нормальный политический ход Навального [Электронный ресурс] / А. Калинов. — Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/alex040112/1046828-echo/>
15. Катаев Д. Мало замеченный, но знаменательный эпизод митинга 6 апреля за свободу политзаключённым [Электронный ресурс] / Д. Катаев. — Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/kataev_/1047840-echo/
16. Марков С. Шпион-шоу [Электронный ресурс] / С. Марков. — Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/sergei_markov/1074460-echo/#comments.
17. Орешкин Д. Московское брожение / Дмитрий Орешкин // Огонёк. — М., 2012. — № 24. — С. 24–25.
18. Орешкин Д. Полезная площадь / Дмитрий Орешкин // Огонёк. — М., 2012. — № 11. — С. 18–19.

19. *Филина О.* Мы самые демократичные в мире / Ольга Филина // Огонек. — М., 2013. — № 14. — С. 15.
 20. *Филина О.* Бессистемная оппозиция / Ольга Филина // Огонек. — М., 2012. — № 11. — С. 20–21.
 21. *Шлыков В.* Кто вы, либералы — истинные и мнимые? [Электронный ресурс] / В. Шлыков. — Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/shlykovvladimir/1045828-echo/>

References

1. *Baranov A. N.* Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku / A. N. Baranov. — M.: URSS, 2001. — 360 s.
2. *Blakar R.* Yazyk kak instrument sotsialnoy vlasti / R. Blakar // Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya. — M.: Progress, 1987. — S. 88–125.
3. *Wittgenstein L.* Filosofskie issledovaniya / Ludwig Wittgenstein // Filosofskie raboty. — M.: Gnozis, 1994. — Ch. 1. — 612 s.
4. *Lakoff J.* Metafor, kotorymi my zhivem / J. Lakoff, M. Johnson // Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya. — M.: Progress, 1987. — S. 126–172.
5. *Solomina Ye. V.* Ponyatie grazhdanskogo obshchestva v vyskazyvaniyakh ofitsialnykh lits: post-strukturalistskiy diskurs-analiz / Ye. V. Solomina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. — 2010. — № 331. — S. 46–49.
6. *Tukmakov D.* Vosstanie blogov, chast' II: «Grazhdanskoe obshchestvo 2.0» vmesto «Tomagavkov» [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://file-rf.ru/analytics/54>
7. *Chudinov A. P.* Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya: ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — Yekaterinburg: Uralskiy gospeduniv., 2009. — 292 s.
8. *Shmeleva T. V.* Klyuchevye slova tekushchego momenta / T. V. Shmeleva // Collegium. — 1993. — № 1. — S. 33–41.
9. *Yakobson L. I.* Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodeystviya s gosudarstvom / L. I. Yakobson. — M.: Vershina, 2008. — 296 s.
10. *Andurskiy Ye.* Sud popiraet Konstitutsiyu. V interesakh gosudarstva [Elektronnyy resurs] / Ye. Andurskiy. — Rezhim dostupa: <http://www.echo.msk.ru/blog/efim/1076632-echo/>
11. *Vasileva Ye.* Pri chem zdes Chipollino? [Elektronnyy resurs] / Ye. Vasileva. — Rezhim dostupa: <http://www.echo.msk.ru/blog/evasiljeva/1073194-echo/>
12. *Vinogradov Ye.* Priruchenie kommunalki kak ekonomit na zhilishchno-kommunalnom obsluzhivanii. Ch. 2 [Elektronnyy resurs] / Ye. Vinogradov. — Rezhim dostupa: <http://www.echo.msk.ru/blog/energoarbitr/1046228-echo/>
13. *Dugin A.* Proekt «Grazhdanskoe obshchestvo» kak ugroza rossiyskoy samobytnosti: Iz intervyyu lidera OPOD «Yevraziya» filosaфа A. Dugina «Russkomu zhurnalu» (russ.ru) [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: http://www.patriotica.ru/actual/dugin_go.html
14. *Kalinov A.* Pervyy normalnyy politicheskiy khod Navalnogo [Elektronnyy resurs] / A. Kalinov. — Rezhim dostupa: <http://www.echo.msk.ru/blog/alex040112/1046828-echo/>
15. *Kataev Dm.* Malo zamechenny, no znamenatelnyy epizod mitinga 6 aprelya za svobodu politzaklyuchennym [Elektronnyy resurs] / Dm. Kataev. — Rezhim dostupa: http://www.echo.msk.ru/blog/kataev_/1047840-echo/
16. *Markov S.* Shpion-shou [Elektronnyy resurs] / S. Markov. — Rezhim dostupa: http://www.echo.msk.ru/blog/sergei_markov/1074460-echo/#comments
17. *Oreshkin D.* Moskovskoe brozhenie / Dmitriy Oreshkin // Ogonek. — M., 2012. — № 24. — S. 24–25.
18. *Oreshkin D.* Poleznaya ploshchad' / Dmitriy Oreshkin // Ogonek. — M., 2012. — № 11. — S. 18–19.
19. *Filina O.* My samye demokratichnye v mire / Olga Filina // Ogonek. — M., 2013. — № 14. — S. 15.
20. *Filina O.* Bessistemnaya oppozitsiya / Olga Filina // Ogonek. — M., 2012. — № 11. — S. 20–21.
21. *Shlykov V.* Кто вы, либералы — истинные и мнимые? [Elektronnyy resurs] / V. Shlykov. — Rezhim dostupa: <http://www.echo.msk.ru/blog/shlykovvladimir/1045828-echo/>

Іссєре Оксана Сергіївна,

доктор філологічних наук, професор, декан факультету філології та медіакомунікацій Омського державного університету ім. Ф. М. Достоєвського; Омськ, Росія;
 e-mail: isserso@mail.ru; тел.: +7-913-628-11-70

РОЗМОВА ПРО ГРОМАДЯНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО: ДИСКУРСИВНІ ПРАКТИКИ У ЗМІ ТА БЛОГОСФЕРІ

Анотація. Статтю присвячено методам аналізу сучасного дискурсу про громадянське суспільство. Обговорюється створення методологічної бази для комплексного лінгвістичного дослідження процесів формування громадянського суспільства. Вона включає виявлення стереотипів і установок масової свідомості через «ключові слова поточного моменту», базові метафори, конкуруючі номінації, нові деривати, тощо.

Матеріалом дослідження стали публікації у ЗМІ, пов'язані з мітинговою активністю в Росії кінця 2011 — першої половини 2012 рр. Автор доходить висновку, що вибір номінації та обговорення цього вибору є показниками конкуруючих інтерпретацій, або «боротьби дискурсів». Фрагменти дискурс-аналізу публікацій у ЗМІ, представлені в цій статті, підтверджують те, що мовні практики активно формують нові способи комунікативної взаємодії в суспільстві, які є реакцією на соціальні зрушення в ньому.

Ключові слова: громадянське суспільство, дискурс-аналіз, метафори, ЗМІ, блогосфера.

Oksana S. Issers,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Philology and Media Communications of Omsk F. M. Dostoevsky State University; Omsk, Russia;
 e-mail: isserso@mail.ru; тел.: +7-913-628-11-70

CONVERSATION ABOUT CIVIL SOCIETY: DISCURSIVE PRACTICES IN THE MEDIA AND THE BLOGOSPHERE

Summary. The article focuses on methods of the modern Russian discourse analysis of civic society. It considers creating a methodological basis for complex linguistic research of civic society construction. It includes revealing stereotypes and mass consciousness attitudes through «the key words of the current moment», basic metaphors, competition of definitions, new derivatives etc.

The source of the research are the Mass media publications on meeting activity of the end of 2011 — first half of 2012. The author concludes that the choice of nomination and its discussion are the indicators of interpretation competition or «the fight of discourses». Fragments of discourse analysis of media publications presented in this article confirm that speech practices are actively forming new ways of communicative interaction in society, which are a response to social changes in it.

Key words: civic society, discourse analysis, metaphors, Mass media, blogosphere.

Стаття отримано 28.09.2013 р.

УДК 811.161.1'42:808.51:[251+252]

ГЛОТОВА Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова; Владикавказ, Россия;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; тел.: +7-8-928-492-53-31

ГЛОТОВА Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук, ассистент кафедры английского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова; Владикавказ, Россия;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; тел.: +7-8-928-935-37-25

СЛОВО ПАСТЫРЯ (ПРОПОВЕДЬ) КАК ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОГО РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА: РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ В РАМКАХ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проповедь как образец русского риторического идеала, где проповедник и его аудитория выступают участниками речевого взаимодействия. Основы и критерии русского речевого идеала отражены ещё в древних памятниках русской литературы. Слово пастыря (проповедь) обладает мощным нравственно-этическим и лингвистическим потенциалом. В задачи проповедника входит донести до аудитории основы христианской веры. В образе пастыря раскрываются такие составляющие парадигмы ритора, как этос, логос и пафос. В цели риторики входит активизация всех трех модусов убедительности. Являясь чисто монологической формой, проповедь представляет собой некое коммуникативно-диалогическое пространство, продуктом которого является порождение истины. Во время проповеди каждая сторона является участником речевого действия. При создании проповеди священник прибегает к стратегиям постулирования себя и аудитории. Наличие прецедентных феноменов в составе проповеди позволяет говорить о её интертекстуальности. Правила создания проповеди подразумевают соотнесение её текста с Библией.

Ключевые слова: проповедь, риторический идеал, этос, логос, интертекстуальность, интерпретация.

Современная духовная речь, образцом которой является слово пастыря, хранит в себе традиции русской речевой культуры и осмысливается многими исследователями как воплощение русского риторического идеала [7]. Под риторическим идеалом в риторике понимается «система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему её ценностей — эстетических и этических (нравственных)» [6, с. 379]. Риторический идеал, существуя в рамках одной культуры и исторической эпохи, является общим для реципиентов-носителей этой культуры. Истоки русской речевой традиции можно найти в древних памятниках русской литературы. Древнерусский идеал речевого поведения соответствовал основным христианским заповедям: любовь к ближнему, смирение, кротость, сдержанность во всех отношениях, запрет лживого слова. Идеальный образец древнерусского речевого и ораторского поведения мы находим в «Словах» Кирилла Туровского, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, в «Житии» протопопа Аввакума. Риторический идеал является основой логосферы — «речемыслительной области культуры» [6, с. 32], это «образ прекрасной речи», существующий в сознании любого носителя данной культуры. Воплощением русского риторического идеала является духовная речь как «этико-эстетической образец, который подразумевает особую роль категорий гармонии, кротости, смирения, негневливости, уравновешенности, радости, проявляемой в диалогическом гармонизирующем воздействии, риторических принципах немногословия, спокойствия, правдивости, искренности, благожелательности, ритмической мерности, отказе от крика, клеветы, сплетни, осуждения ближнего» [6, с. 400].

К одной из жанровых разновидностей духовной речи относится слово пастыря (проповедь), обладающее мощным нравственно-этическим и лингвистическим потенциалом. С лингвистической точки зрения проповедь представляет собой монолог, произносимый священнослужителем как в рамках богослужения, так и во время, не ограниченное временем церковной службы, монолог, содержащий поучения, наставления, разъяснения основ веры с целью конкретного религиозно-мотивированного воздействия на адресата. Задача проповедника — раскрыть и донести до аудитории положения и основные истины христианской веры, помочь глубже проникнуть в смысл Писания, побудить слушателей соотносить свою жизнь с христианским учением.

Проповедь, с точки зрения речевого взаимодействия проповедника и аудитории, представляет собой особое явление. В центре проповеди — образ пастыря, главный субъект речи, он же ритор, в котором раскрываются важнейшие составляющие парадигмы ритора: этос, логос, пафос. Этос, логос и пафос ещё называют риторическими источниками убедительности, без соблюдения которых не может быть построена коммуникативно воздействующая речь, осуществлено речевое взаимодействие субъектов (говорящего — слушающего) в рамках коммуникации. В общем понимании, логос — это убеждение посредством апелляции к рассудку, последовательностью доводов, построенных по закону логики; этос — убеждение посредством апелляции к признаваемым аудиторией моральным принципам; пафос — означает возбуждение эмоции или страсти, на базе которой и происходит убеждение. Рито-

рика рекомендует в общем случае подбирать материал так, чтобы активизировать все три источника, или модуса, убедительности. В тексте должна быть представленная логическая последовательность рассуждений, доводы должны опираться на моральные принципы и апеллировать к эмоциям аудитории. При этом модусы убеждения должны быть приведены в гармонию друг с другом и темой. Проповедь, слово пастыря, являясь, по сути, чисто монологической формой, тем не менее, представляет собой некое коммуникативно-диалогическое пространство, продуктом которого является порождение истины. Проповедник ведёт свой диалог со слушателями, и каждая сторона выступает участником речевого действия: священник, произносящий проповедь, естественным образом проявляет себя в качестве говорящего, ратора, и слушатели — имплицитные носители его слов и участники речи. При этом проповедник и его аудитория представляют собой единство, некое коллективное «Я», так как всё, что говорит священник слушателю, относится не в меньшей степени и к нему самому. Происходит совместное речевое действие проповедника и аудитории. Например, Патриарх Кирилл при обращении к слушателю постоянно употребляет местоимения первого лица множественного числа «Мы»: *«Если мы последователи Господа и Спасителя, то мы должны помнить эти слова»; «Мы совершили сегодня торжественное богослужение в память святого благоверного и преподобного князя Даниила Московского»; «Мы не должны ни словом, ни делом, ни жестом, ни взглядом, ни намёком, ни полунамёком создать впечатление, что мы поддерживаем грех или поддерживаем кощунство»* (Проповедь Патриарха Кирилла от 17 марта 2012 года, в субботу третьей седмицы Великого поста) [здесь и далее цит. см.: 8]. Можно согласиться с мнением, что «проповедник в этой ситуации является как бы голосом своей аудитории, а текстовая компетенция аудитории функционирует как условие коллективного речевого действия» [2, с. 81]. Таким образом, речевое взаимодействие в проповеди священника не является оппозиционным — проповедник, опираясь на компетенцию аудитории, актуализирует в коллективном сознании необходимые в рамках темы общие всем смыслы, добываясь тем самым образования единства между собой и слушателями. Такому образованию единства способствуют также такие факторы, как личность проповедника (этический аспект риторики), его авторитетные слова, привлечение авторитетных источников для убеждения слушателя. Создавая проповедь, священник выбирает стратегию постулирования себя и аудитории. Текст проповеди обычно содержит цитаты, реминисценции, аллюзии, и можно говорить о некоторой природе интертекстуальности проповеди. Феномен интертекстуальности уже давно привлекает внимание и литературоведов, и учёных-лингвистов, занимающихся вопросами анализа и интерпретации текста. Сам термин «интертекстуальность» был введён в употребление философом, лингвистом Юлией Кристевой в 1967 году в статье «Бахтин: слово, диалог и роман». Следует отметить, что вопросы взаимоотношения текста с другими текстами рассматривались в трудах М. М. Бахтина, Р. Барта, Л. Жюлли, М. Риффатера, Ж. Женетта, М. Гессе, Ж. Дерриды и др. Что же включает в себя данное понятие? Для Ю. Кристевой интертекстуальность является «пермутацией текстов» по своей сути, поскольку «любой текст строится как мозаика цитат, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [4, с. 167]. Ж. Женетт даёт своё определение интертекстуальности: «...интертекстуальность чаще всего предполагает непосредственное присутствие одного текста в другом тексте» [9, с. 54]. Рассуждая о природе текста, Р. Барт приходит к выводу, что «текст — это интертекст: на разных уровнях, в более или менее опознаваемой форме в нём присутствуют другие тексты — тексты предшествующей культуры и тексты культуры окружающей; ... текст — это новая ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат» [10, с. 1683].

Говоря об интертекстуальности проповеди, мы, прежде всего, определяем речь священнослужителя как «истолкование священного текста» [3, с. 275] и, вслед за И. В. Арнольд, понимаем под интертекстуальностью «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменённых цитат, аллюзий и реминисценций» [1, с. 346]. Поскольку в основе текста проповеди лежит Священное Писание, можно сказать, что текст проповеди, по своей сути, существует за счёт других текстов.

Отметим, что сама Библия по своей природе интертекстуальна, так как складывалась из прецедентных текстов на протяжении веков. Библия, как пишет Н. В. Мечковская, «оказывается тем смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты, ... которыми наполняется информационное пространство культуры» [5]. Проповедь невозможна без соотнесения её текста с Библией, ведь цель проповеди — «донесение смысла слова Бога до сознания людей» [5]. Строя проповедь на цитатах или образах из Библии, проповедник запускает важный механизм и даёт направление диалога слушателя с самим собой, священником, Богом. При этом данное «общение» имеет цель привести к восприятию, пониманию и принятию Слова Божия. В Слове пастыря Патриарха Кирилла имеется много цитат, реминисценций, аллюзий как из Библии, так и из жития и посланий святителей. Например: *«Замечательно сказал о кресте святитель Феофан Затворник: «Крест сросся с нашим земным бытием в тот момент, когда заключились для людей двери земного рая»; «Почему же люди готовы идти на страдания и даже смерть, защищая свою веру? Ответ на этот вопрос содержится в сегодняшнем апостольском чтении из послания к Евреям (Евр. 11:24–26, 32–12:2). Там говорится о вере Моисея, о вере ветхозаветных пророков, которая помогла им преодолевать трудности, творить чудеса; но завершается этот отрывок дивными словами: «Будем с терпением проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса»; «... А затем человек был удален из рая — именно потому, что первые люди, Адам и Ева, по природе своей испорченные грехом, были не только недостойны, но и неспособны быть в общении с Богом»*. Однако цитаты и образы — это не пассивное предоставление слушателю или

читателю фактического материала. Ведь не каждый прихожанин способен сразу же вникнуть в его смысл и должным образом отреагировать ответным высказыванием (пусть даже в форме внутреннего монолога), или вопросом. Как понимание, так и истолкование проповеди требует знаний и значительной работы со стороны священнослужителя и прихожан. И задача пастыря состоит в формировании межтекстовой компетенции, закрытие так называемых «лакун» — прецедентных феноменов, не входящих в когнитивную базу адресата. Интертекстуальность, таким образом, выступает как метод произведения, так и художественный приём. Вопреки обычным произведениям, в которых упоминание или цитирование другого текста наблюдается с расширением или изменением его формы и значения, цитаты и аллюзии в тексте проповеди должны быть приведены с максимальной точностью (а в письменных текстах и с построчным указанием источника), и ни в коем случае не допускать искажения или вольного толкования материала. Пастырь не выходит из единого контекста, не нарушает религиозного канона, ведь «...Свят не только Бог, но и Его записанное слово, Его имя, буква в имени... Святые и должны быть неизменны те слова, которыми Пророк или ученики славилы Бога и говорили Ему о своей любви и верности» [5].

Таким образом, в рамках проповеди священник признаёт и указывает прихожанам на главенство Библейского текста как на «голос Бога», стремится решить проблему восприятия Евангельского чтения на литургии, усиливает воздействие собственных высказываний путём актуализации связей с текстом из Библии, стимулирует диалог прихожан с самими собой, священником, друг с другом. Вспомним, что «Слово Пастыря» Патриарха Кирилла мотивирует на конструктивную дискуссию и в значительной степени посвящено ответам на вопросы телезрителей. В процессе интерпретации проповеди читатель или слушатель должен овладеть смысловым пространством текста. При этом задача пастыря — помочь ему в этом, способствовать формированию межтекстовой компетенции, эксплицировать смысл проповеди, не навязывая свою точку зрения, а оставляя пищу для ума, для продуктивного переосмысления текста, то есть, направлять верующих на постоянную духовную работу над собой.

Воздействие проповеди на аудиторию — воздействие особого рода, которое можно определить с позиции риторики как вовлекающее воздействие. Этому способствуют и многочисленные вопросы, с которыми проповедник обращается к слушателям: «И нередко возникает вопрос, на который люди отвечают по-разному: а почему именно мне выдал этот крест? Почему я заболел, будучи молодым, сильным, энергичным, и это помешало мне сделать карьеру, создать семью, сделаться богатым и благополучным? Почему меня, достигшего высот в своей профессиональной деятельности, ставшего человеком значительным, уважаемым, богатым, вдруг постигают какие-то несчастия и всё приходится начинать сначала? Почему человеку, живущему доброй христианской жизнью, вдруг приходится сталкиваться с ложью, клеветой? За что всё мне это? И вот Крест, который лежит сегодня посреди храма, помогает нам ответить на вопрос: а что же означает страдание? Каков его смысл?... Какой же тогда смысл в наших собственных крестах?... А что же нужно для того, чтобы были прощены грехи? Достаточно ли слова «прости», сказанного нашему близкому, родному человеку, нашему коллеге, нашему брату?» (Проповедь Патриарха от 18 марта 2012 года, в неделю 3-ю Великого поста, Крестопоклонную). Такие вопросы стимулируют мыслительную активность слушателей, заставляют искать ответы на вопросы, которые актуальны для человека, позволяют создать соответствующий эмоциональный фон для внутреннего раскрытия слушателей к получению передаваемой священником информации.

Таким образом, представляя собой образец русского риторического идеала, проповедь специально организуется автором как коллективное речевое взаимодействие: в проповеди священник выступает в единстве с аудиторией, вовлекая её силой своего убеждения и воздействия в гармонизирующее диалогическое сотрудничество.

Литература

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд ; [науч. ред. Г. Е. Бухаркин]. — С. Пб. : Изд-во СПбГУ, 1999. — 444 с.
2. Гончаров И. Н. Субъектная организация коммуникативного акта в торжественном Слове (Иларион Киевский и Кирилл Туровский) / И. Н. Гончаров // Риторика в системе коммуникативных дисциплин : Записки Горного института [Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)]. — С. Пб., 2005. — Т. 160, ч. 1. — С. 80–83.
3. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / [пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косиков]. — М. : ИГ Прогресс, 2000. — С. 427–457.
5. Мечковская Н. Б. Язык и религия : лекции по филологии и истории религий. Мир духовной литературы / Н. Б. Мечковская // Методический портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.mirduhilit.ru (1998).
6. Михальская А. К. Основы риторики: Мысль и слово / А. К. Михальская. — М. : Просвещение, 1996. — 416 с.
7. Прохвятилова О. А. Традиции речевой культуры и современная духовная речь / О. А. Прохвятилова // Риторика в системе коммуникативных дисциплин : Записки Горного института. — С. Пб., 2005. — Т. 160, ч. 1. — С. 61–62.
8. Проповеди Патриарха Кирилла, произнесённые во время Великого поста, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.patriarhkiril.blogspot.com.
9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Натали Пьеге-Гро ; [пер. с фр., ред. и вступ. ст. Г. К. Косиков]. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 240 с.
10. Barthes R. Texte (théorie du) // Barthes R. Œuvres complètes. — Paris : Seuil, 1994. — Т. II.

References

1. Arnold I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstualnost : sb. st. / I. V. Arnold ; [nauch. red. G. Ye Bukharkin]. — S. Pb. : Izd-vo SPbGU, 1999. — 444 s.

2. *Goncharov I. N.* Sub'ektnaya organizatsiya komunikativnogo akta v torzhestvennom Slove (Illarion Kievskiy i Kiril Turovskiy) / I. N. Goncharov // Ritorika v sisteme komunikativnykh distsiplin : Zapiski Gornogo instituta [Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy gornyy institut (tekhnicheskiy universitet)]. — S. Pb., 2005. — T. 160, ch. 1. — S. 80–83.
3. *Karasik V. I.* Yazykovy krug : lichnost, kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. — M. : Gnozis, 2004. — 390 s.
4. *Kristeva Yu.* Bakhtin, slovo, dialog i roman / Yu. Kristeva // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / [per. s fr., sost., vstup. st. G. K. Kosikov]. — M. : IG Progress, 2000. — С. 427–457.
5. *Mechkovskaya N. B.* Yazyk i religiya: lektsii po filologii i istorii religiy. Mir dukhovnoy literatury / N. B. Mechkovskaya // Metodicheskiy portal [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa : www.mirduhit.ru (1998).
6. *Mikhalskaya A. K.* Osnovy ritoriki: Mysl i slovo / A. K. Mikhalskaya. — M. : Prosveshchenie, 1996. — 416 s.
7. *Prokhvatilova O. A.* Traditsii rechevoy kultury i sovremennaya dukhovnaya rech / O. A. Prokhvatilova // Ritorika v sisteme komunikativnykh distsiplin : Zapiski Gornogo instituta. — S. Pb., 2005. — T. 160, ch. 1. — S. 61–62.
8. *Propovedi Patriarkha Kirilla*, proiznesennye vo vremya Velikogo posta, 2012 [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: www.patriarhkiril.blogspot.com
9. *Pege-Gro N.* Vvedenie v teoriyu intertekstualnosti / Natali Pege-Gro ; [per s fr., red. i vstup. st. G. K. Kosikov]. — M. : Izd-vo LKI, 2008. — 240 s.
10. *Barthes R.* Texte (théorie du) // Barthes R. Œuvres complètes. — Paris : Seuil, 1994. — Т. II.

Глотова Тетяна Олександрівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Північно-Осетинського державного університету
ім. К. Л. Хетагурова; Владикавказ, Росія;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; тел.: +7-8-928-492-53-31

Глотова Олена Юрївна,
кандидат філологічних наук, асистент кафедри англійської мови Північно-Осетинського державного університету
ім. К. Л. Хетагурова; Владикавказ, Росія;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; тел.: +7-8-928-935-37-25

СЛОВО ПАСТІРЯ (ПРОПОВІДЬ) ЯК ВТІЛЕННЯ РОСІЙСЬКОГО РИТОРИЧНОГО ІДЕАЛУ: МОВЛЕННІВНА ВЗАЄМОДІЯ СУБ'ЄКТІВ У РАМКАХ КОМУНІКАЦІЇ

Анотація. У статті розглянуто проповідь як зразок російського риторичного ідеалу, де проповідник і його аудиторія виступають учасниками мовленнєвої взаємодії. Основи та критерії російського мовного ідеалу відображені ще в стародавніх пам'ятниках російської літератури. Слово пастиря (проповідь) має потужний морально-етичний і лінгвістичний потенціал. Завданням проповідника є донесення до аудиторії основ християнської віри. В образі пастиря розкриваються такі складові парадигми риторика, як етос, логос і пафос. Мета риторики — активізація всіх трьох модусів переконливості. Будучи суто монологічною формою, проповідь являє собою певний комунікативно-діалогічний простір, продуктом якого є породження істини. Під час проповіді кожна сторона є учасником мовленнєвої дії. При створенні проповіді священник вдається до стратегій постулювання себе й аудиторії. Наявність прецедентних феноменів у складі проповіді дозволяє говорити про її інтертекстуальність. Правила створення проповіді мають на увазі співвіднесення її тексту з Біблією.

Ключові слова: проповідь, риторичний ідеал, етос, логос, інтертекстуальність, інтерпретація.

Tatyana A. Glotova,
Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. at the Russian Language Chair of the North Ossetian State University
after K. L. Khetagurov; Vladikavkaz, Russia;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; tel.: +7-8-928-492-53-31

Yelena Yu. Glotova,
Candidate of Philological Sciences, assistant lecturer at the English Language Chair of the North Ossetian State University
after K. L. Khetagurov; Vladikavkaz, Russia;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; tel.: +7-8-928-935-37-25

PUBLIC PREACHING (SERMON) AS A MODEL OF RUSSIAN RHETORIC: INTERACTION IN COMMUNICATION

Summary. The article deals with the sermon as a model of Russian rhetoric, where the preacher and his listeners represent the participants of speech interaction. The principles and criteria of Russian model speech date back to the ancient Russian source books. Public preaching (sermon) has a significant moral, ethical and linguistic potential. One of the goals of the preacher is to bring the basics of Christian faith home to the listener. The image of the preacher contains such constituent paradigms as ethos, logos and pathos. Rhetoric aims at the activation of all the three cogency modi. Despite its monological character sermon represents a certain communicative and dialogical space that aims at producing the truth. During the sermon all parts are involved in the communication process. Sermon creation presupposes the knowledge of certain postulation strategies on the part of the preacher and the listeners. Precedent phenomena in the sermon allow us to infer its intertextuality. Correlation with the Bible is essential for the sermon creation.

Key words: sermon, model of rhetoric, ethos, logos, intertextuality, interpretation.

Статтю отримано 22.07.2013 р.

УДК 808.5:[811.161.1+811.111(73-41)]

РУМЯНЦЕВА Елена Владимировна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель С.-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: elena_slavn@mail.ru; моб.: +7 911 164 88 37

РЕЧЕ-ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ТАКТИКА ПРОСЬБА В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена проблематике изучения русского коммуникативного поведения в курсе русского языка как иностранного на примере исследования рече-поведенческой тактики *просьба*. Рассматривается лингвокультурологическая специфика рече-поведенческой тактики *просьба* в русской и американской коммуникации, а также ценностные основы двух культур, влияющие на способы реализации исследуемой тактики и определяющие возможность возникновения межкультурной интерференции в процессе изучения РКИ. Обращение за помощью к окружающим в том случае, если рядом находится служащий, в обязанности которого входит предоставление необходимой услуги, является нарушением норм американского коммуникативного поведения, но вполне приемлемо в русской культуре. В результате исследования делается вывод о том, что в сопоставляемых языках существуют значительные различия в правилах построения вежливых высказываний со значением просьбы, которые обусловлены различиями на глубинном уровне: несовпадением ценностных основ двух культур.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, лингвокультурология, рече-поведенческая тактика, просьба.

Одним из ведущих направлений методики преподавания РКИ, возникших в рамках культурологического подхода с целью оптимизации процесса обучения, является изучение коммуникативного поведения, представляющего «совокупность норм и традиций общения народа, группы, личности» [9, с. 298]. Одной из основных характеристик коммуникативного поведения является его ярко выраженная национальная окраска. И. А. Стернин указывает на тот факт, что коммуникативное поведение является одним из компонентов культуры, а «культура, естественно, национальна и основывается на национальном менталитете, национальной психологии» [10, с. 107–108]. Таким образом, различия в коммуникативном поведении представителей разных лингвокультурных общностей обусловлены различиями в их национальном менталитете. Обращаясь к проблеме поиска единицы описания вербального коммуникативного поведения в методических целях, следует отметить актуальность использования концепции рече-поведенческих тактик. Обладая культурной и языковой спецификой, рече-поведенческие тактики отражают нормы, правила и традиции общения народа и, следовательно, являются составным компонентом национального коммуникативного поведения. Будучи культуромаркированными единицами, рече-поведенческие тактики превращаются, таким образом, в актуальный предмет обучения РКИ, без внимания к которому не может быть сформирован достаточный уровень лингвокультурологической, социолингвистической и языковой компетенций у иностранных студентов, изучающих русский язык. Одной из наиболее частотно реализуемых и сложных тактик в русской коммуникации является рече-поведенческая тактика *просьба*. Коммуникативное поведение личности при реализации рече-поведенческой тактики *просьба* оказывается детерминированным *социокультурным фактором* (особенностями национальной культуры, менталитета). Как отмечают Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин, адекватное описание коммуникативного поведения возможно только на базе некоторого сравнения [8, с. 48]. При этом наиболее эффективным представляется бикультурное описание. В качестве «сравниваемого» коммуникативного поведения в данной статье используется американское вербальное коммуникативное поведение.

Национальная специфика речевого акта просьбы проявляется, прежде всего, в частотности его употребления. Так, по мнению исследователей, в русском языке речевой акт просьбы обладает значительно большей частотностью, чем в английской коммуникации [1, с. 213]. Возможно, это связано с важностью для русского менталитета понятия «взаимопомощь». Результаты этно-психологического исследования, проведенного Л. Г. Почебут, позволили включить «взаимопомощь» в число ключевых понятий для русских людей [3]. Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин также отмечают существующую в русском обществе «установку на взаимопомощь людей», даже людей незнакомых (ср. существование в русском языке выражений типа *люди пропасть не дадут, люди помогут*). Это обуславливает широкое распространение просьб, направленных друг к другу прохожими или попутчиками, например, просьб подсказать время, дать спичку, помочь вынести груз из транспорта и др. [8, с. 95]. Эта особенность русской культуры оказывается не всегда понятной для американцев, так как в американской культуре просьбы, направленные говорящим к незнакомому человеку на улице или в транспорте, являются редкостью. Например, американский исследователь И. Ричмонд отмечает, что на русских улицах «всё время спрашивают то спичку, то время» (цит. по [1, с. 12]). Г. В. Елизарова пишет, что в то время, как нормой русской коммуникации является обращение к окружающим за помощью даже в тех случаях, когда говорящий в состоянии сам выполнить действие или существуют учреждения, по долгу службы предлагающие необходимые услуги, американцы негативно относятся к этой черте русского коммуникативного поведения, считая такую просьбу вторжением в своё личное пространство [6, с. 101]. Обращение за помощью к окружающим в том случае, если рядом находится служащий,

в обязанности которого входит предоставление необходимой услуги, является нарушением норм американского коммуникативного поведения, но вполне приемлемо в русской культуре.

В целом в литературе, посвящённой особенностям норм американской коммуникации, отмечается низкая реквестивность американской культуры [1, с. 213]. По свидетельствам исследователей, речевой акт *просьба* зачастую воспринимается американцами как нежелательный. Обращение с «обременительной» (т.е. маркированной) просьбой даже к близким друзьям может иногда вызвать негативную реакцию [6, с. 100]. Если принять во внимание то, что поведение людей во многом определяется культурными ценностями, то можно предположить, что истоки подобного восприятия можно найти в ценностных основах американской культуры.

Авторы многих работ отмечают, что длительная протестантская традиция, до сих пор сохраняющая главенствующее положение в религиозной жизни Америки, способствовала утверждению и развитию в стране принципов индивидуализма [4], предполагающих веру в первостепенную значимость индивидуума, установку на его самостоятельность и личную свободу. Индивидуализм обусловил важность для американской культуры понятий «*self-reliance*» («доверие к себе») и «*self-made man*» («человек, который сделал себя сам»). Как отмечают исследователи, доктрина «*self-reliance*» («доверие к себе»), сформулированная Р. У. Эмерсоном и предполагающая осознание способности собственного «я» существовать отдельно, изолированно как результат независимости и самостоятельности, стала своеобразным национальным кредо Америки [4]. Таким образом, одной из главных ценностей для американцев является самостоятельность, предполагающая ответственность человека за самого себя, умение самостоятельно справляться с трудностями.

Можно предположить, что высокая ценность самостоятельности личности при преодолении трудностей предопределяет особое отношение к рече-поведенческой тактике *просьба* в американской культуре: просьба мыслится как нежелательный речевой акт, реализация которого противоречит доктрине «доверие к себе», так как обращение за помощью к другим людям предполагает нарушение самостоятельности личности.

Ещё одним следствием преобладания принципов индивидуализма в американской культуре, существенным для настоящего исследования, является акцентирование в американской идеологии концепта «*privacy*». В работах современных американских исследователей, посвященных описанию системы ценностей, концепт «*privacy*» обозначен как один из ядерных концептов американской культуры. При этом в русском языке слово «*privacy*» не имеет эквивалента и может быть переведено словосочетанием «автономия личности» [7, с. 35]. Ядерное положение концепта «*privacy*» подразумевает акцентирование в американской культуре ценности автономии, независимости личности (ср. существование поговорок, типа: *come seldom, come welcome* — *чем реже приходишь, тем больше тебе рады*; *good fences make good neighbours* — *хорошие заборы позволяют сохранить добрососедские отношения*; *a hedge between keeps friendship green* — *отдаление способствует дружбе* и др.). В вербальной коммуникации от собеседников требуется уважать независимость личности друг друга. Как отмечает Т. В. Ларина, проявление подобного уважения подразумевает избегание оказывания на него коммуникативного давления [7, с. 41]. Ввиду того, что целью рече-поведенческой тактики *просьба* является оказание коммуникативного давления на слушающего с тем, чтобы склонить его к совершению какого-либо действия в интересах говорящего, можно предположить, что американские коммуниканты прибегают к реализации данной тактики только в крайнем случае и проявляют максимальное внимание к её надлежащему языковому оформлению.

Если поведение американцев строится на индивидуализме, взаимном уважении зоны личной автономии, то поведение русских, по свидетельству многих исследователей, основано на коллективизме, соборности [4]. Под соборностью понимается приоритет общих, коллективных интересов, целей над личными, что предполагает «высокую ценность жизни миром, низкую потребность в индивидуализации» [3, с. 69]. Таким образом, понятия независимости, самостоятельности личности при преодолении трудностей не обладают в русской культуре той важностью, которой они обладают в американском обществе. Ориентация русских людей на коллективное решение проблем («жизнь миром») делает возможным для говорящего частотное обращение с самыми различными просьбами к окружающим.

Ввиду того, что русский менталитет в большей степени нацелен на организацию социального начала (высокая ценность понятий коллективизма, соборности), границы суверенитета личности в русской культуре оказываются значительно уже, чем в американской культуре. Это проявляется, например, в том, что, как отмечает Л. Дайкстра, в то время как американцы воспринимают прямоту в общении как угрозу своей независимости («вторжение» в свое пространство — зону личной автономии), русские ассоциируют её с искренностью и дружелюбием [5, с. 251].

Отмеченные различия в культурных ценностях определяют специфику русского и американского коммуникативного поведения при реализации рече-поведенческой тактики *просьба*. Как отмечает Т. В. Ларина, наличие у американцев зоны личной автономии значительно ограничивает возможность импозиции, воздействия на адресата, что, в свою очередь, оказывает определяющее влияние на выбор языковых средств при оформлении речевого акта просьбы [7, с. 42]. Задачей говорящего в ситуации просьбы оказывается минимизация того коммуникативного давления на адресата, которое является неизбежным при реализации данного речевого акта. Это накладывает свой отпечаток на понимание американцами того, как в различных коммуникативных ситуациях должна звучать вежливая просьба. С другой стороны, отсутствие «неприкасаемой» зоны личной автономии в русской культуре, ориентация на соборность и коллективизм подразумевает возможность «сближения» русских коммуникантов до более близкой отметки. Соответственно, в русской коммуникации степень допустимой импозиции

на собеседника при выражении просьбы оказывается значительно выше. Русские коммуниканты свободно допускают вторжение в зону независимости другой личности [7, с. 42], что выражается в более частотной и прямолинейной реализации речевого акта просьбы. Таким образом, *коммуникативная импозитивность* является значимой культуродетерминированной чертой русского коммуникативного поведения при реализации рече-поведенческой тактики *просьба*.

Ввиду того, что лексика языка отражает генетическую связь языковой системы с культурой, неотъемлемой частью которой является национальное коммуникативное поведение, можно предположить, что выявленные особенности отражаются в структуре значения лексем, репрезентирующих ситуацию просьбы. Так, в ряде толковых словарей русского языка при толковании лексемы «*просить*» актуализировано представление о просьбе как о ситуации, предполагающей оказание существенного коммуникативного давления на адресата. Например, в МАС и «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова глагол «*просить*» толкуется через лексему «*добиваться*» (чего-либо у кого-либо), семантическая структура которой эксплицирует необходимость оказания определенного давления, приложения усилий для достижения поставленной цели. Между тем в англоязычном толковом словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» глагол «*request*» определяется следующим образом: *to ask for something politely or formally* (вежливо или официально запрашивать что-либо). Таким образом, если семантика русской лексемы «*просить*» эксплицирует возможность приложения усилий, оказания давления на адресата для достижения коммуникативного эффекта (возможность *добиться* выполнения просьбы), то семантическая структура глагола «*request*» подразумевает тесную связь ситуации просьбы с проявлением вежливости, которая, как уже упоминалось выше, напрямую связана в американской коммуникации с минимизацией оказываемого давления на адресата.

Таким образом, можно говорить о наличии в сопоставляемых языках очень значительных различий в правилах построения вежливых высказываний со значением просьбы, которые обусловлены различиями на глубинном уровне: несовпадением ценностных основ двух культур. Подобные различия могут привести к возникновению межкультурной интерференции в процессе изучения рече-поведенческой тактики *просьба* на уроках русского языка с иностранцами.

Литература

1. *Американское коммуникативное поведение* / ред.: И. А. Стернин, М. А. Стернина. — Воронеж: ВГТУ, 2001. — 224 с.
2. *Большой толковый словарь русского языка* / ред. С. А. Кузнецов. — С. Пб.: Норинт, 2001. — 1536 с.
3. Варга А. Я. О некоторых особенностях российской ментальности и их проявлениях в процессе семейной психотерапии / А. Я. Варга // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. — 1996. — № 3. — С. 68–76.
4. Васильева Г. М. Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания / Г. М. Васильева. — С. Пб.: Сударья, 2001. — 211 с.
5. Дайкстра Л. Отличают ли иностранные студенты русского языка вежливые ответы от невежливых ответов на вопросы в разных контекстах? / Л. Дайкстра // Русистика и современность. — С. Пб.: ИД «МИРС», 2008. — Т. 1. — С. 249–259.
6. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. — С. Пб.: КАРО, 2005. — 352 с.
7. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография / Т. В. Ларина. — М.: Изд-во РУДН, 2003. — 315 с.
8. Прохоров Ю. В. Русское коммуникативное поведение / Ю. В. Прохоров, И. А. Стернин. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 277 с.
9. *Словарь русского языка*: в 4 т. / [АН СССР. Ин-т рус. яз.; ред. А. П. Евгеньева]. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984.
10. Стернин И. А. Коммуникативное поведение как предмет изучения и обучения / И. А. Стернин // Русистика и современность: Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: материалы IV междунауч.-практ. конф. 28–29 июня 2001 г. — С. Пб.: Сударья, 2002. — С. 298–302.
11. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. — С. 4–20.
12. *Longman Dictionary of Contemporary English*, 1995.

References

1. *Amerikanskoe kommunikativnoe povedenie* / red.: I. A. Sternin, M. A. Sternina. — Voronezh: VGTU, 2001. — 224 s.
2. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* / red. S. A. Kuznetsov. — S. Pb.: Norint, 2001. — 1536 s.
3. Varga A. Ya. O nekotorykh osobennostyakh rossiyskoy mental'nosti i ikh proyavleniyakh v protsesse semeynoy psikhoterapii / A. Ya. Varga // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14, Psikhologiya. — 1996. — № 3. — S. 68–76.
4. Vasil'eva G. M. Natsionalno-kulturnaya spetsifika semanticheskikh neologizmov: lingvokulturologicheskie osnovy opisaniya / G. M. Vasil'eva. — S. Pb.: Sudarynya, 2001. — 211 s.
5. Daykstra L. Otlichayut li inostrannye studenty russkogo yazyka vezhlyvye otveety ot nevezhlyvykh otvetov na voprosy v raznykh kontekstakh? / L. Daykstra // Rusistika i sovremennost'. — S. Pb.: ID «MIRS», 2008. — T. 1. — S. 249–259.
6. Yelizarova G. V. Kultura i obuchenie inostrannym yazykam / G. V. Yelizarova. — S. Pb.: KARO, 2005. — 352 s.
7. Larina T. V. Kategoriya vezhливости v angliyskoy i russkoy kommunikativnykh kulturakh: monografiya / T. V. Larina. — M.: Izd-vo RUDN, 2003. — 315 s.
8. Prokhorov Yu. V. Russkoe kommunikativnoe povedenie / Yu. V. Prokhorov, I. A. Sternin. — M.: Flinta: Nauka, 2002. — 277 s.
9. *Slovar' russkogo yazyka*: v 4 t. / [AN SSSR. In-t rus. yaz.; red. A. P. Yevgeneva]. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Russkiy yazyk, 1981–1984.
10. Sternin I. A. Kommunikativnoe povedenie kak predmet izucheniya i obucheniya / I. A. Sternin // Rusistika i sovremennost': Lingvokulturologiya i mezhkulturnaya kommunikatsiya: materialy IV mezhd. nauch.-prakt. konf. 28–29 iyunya 2001 g. — S. Pb.: Sudarynya, 2002. — S. 298–302.
11. Sternin I. A. Ponyatie kommunikativnogo povedeniya i problemy ego issledovaniya / I. A. Sternin // Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie. — Voronezh: Izd-vo VGTU, 2000. — S. 4–20.
12. *Longman Dictionary of Contemporary English*, 1995.

Румянцева Елена Владимировна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель С.-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: elena_slavn@mail.ru; моб.: +7 911 164 88 37

МОВЛЕННЄВО-ПОВЕДІНКОВА ТАКТИКА ПРОХАННЯ В РОСІЙСЬКОМУ Й АМЕРИКАНСЬКОМУ СПІЛКУВАННІ

Анотація. Стаття присвячена проблематиці вивчення російської комунікативної поведінки в курсі російської мови як іноземної на матеріалі дослідження мовленнєво-поведінкової тактики прохання. Розглядається лінгвокультурологічна специфіка мовленнєво-поведінкової тактики прохання в російській та американській комунікації, а також ціннісні основи двох культур. Ціннісні основи культур впливають на способи реалізації досліджуваної тактики і визначають можливість виникнення міжкультурної інтерференції у процесі вивчення російської мови іноземцями. Звернення за допомогою до оточення в тому випадку, якщо поряд знаходиться службовець, в об'язки якого входить надання необхідної послуги, є порушенням норм американської комунікативної поведінки, проте така поведінка цілком прийнятна в російській культурі. У результаті дослідження зроблено висновок про те, що в мовах, які зіставляються, існують значні відмінності у правилах побудови важливих висловлювань зі значенням прохання. Ці відмінності зумовлені відмінностями на глибинному рівні: розбіжністю ціннісних основ двох культур.

Ключові слова: комунікативна поведінка, лінгвокультурологія, мовленнєво-поведінкова тактика, прохання.

Yelena V. Rumyantseva,
Candidate of Education, Senior Lecturer of the Saint Petersburg State University; Saint Petersburg, Russia;
e-mail: elena_slavn@mail.ru; моб.: +7 911 164 88 37

REQUEST STRATEGIES IN RUSSIAN AND AMERICAN COMMUNICATION

Summary. The article is dedicated to the issue of studying requests speech strategies within RFL (Russian as a Foreign Language) course. It provides the overview of national specific of request strategies in Russian and American communication and value bases of both cultures that have influence on the realization of these strategies in speech and could provoke crosscultural interference during the process of studying RFL. Basing on the carried out comparative research we can draw a conclusion that this fragment of communicative behavior is marked from cultural point of view and contains serious differences. This fact results in the differences in normative ways of verbalization of this speech act in Russian and American communication. «Communicative imposition» of Russian communicative behavior gives an opportunity to verbalize request strategy in different communicative contexts with the help of direct speech acts and not to make it impolite in this way. On the other hand low communicative imposition of American culture requires the usage of indirect speech acts in order to express request strategy politely. Convergence of values of two cultures and norms of polite behavior could become the source of communicative failures and conflicts.

Key words: communicative behavior, linguistic and cultural studies, strategy, request.

Статтю отримано 28.10.2013 р.

УДК 811.161.1/.2'42:070.4:303.094.5

ГРАБОВЕНКО Ирина Сергеевна,
кандидат филологических наук, ассистент кафедры украинского и русского языков Донецкого национального технического университета; Донецк, Украина;
e-mail: lehre@mail.ru; тел.: +38-066-904-28-08

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СПОСОБЫ ЭКСПЛИКАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Основное внимание в исследовании уделено воздействию потенциалу современных средств массовой информации. Представлены подходы к определению дефиниции категории оценки как средства воздействия, типы оценочных значений, рассмотрены наиболее частотные мотивы суждений, содержащих оценочные характеристики, в масс-медийном политическом дискурсе. Проанализированы основные особенности экспликации категории оценки на лексическом уровне в русскоязычном и украиноязычном медиадискурсе: использование глаголов мнения, ощущения, восприятия, наречий и модальных выражений, междометий, а также качественных и относительных прилагательных и существительных с соответствующим коннотативным и денотативным значением. Проанализирован уход от общепризнанных литературных норм, т.е. использование жаргонизмов, арго, лексем оскорбительного и дискредитирующего характера на страницах печатных СМИ как способа экспликации оценки. Рассмотрены особенности воздействия потенциала оценочных высказываний, которые активно используются журналистами и политиками в процессе формирования точек зрения, мировоззрения и поведения электората.

Ключевые слова: оценка, воздействие, масс-медиа, дискурс.

Становление нового информационного типа общества, о котором в последнее время говорят учёные, заставляет человека быть в постоянном поиске новых форм экспликации информации, что в свою очередь сказывается и на расширении функций СМИ. Масс-медиа в наше время перестают быть лишь способом передачи и получения сведений, но и представляют собой мощное орудие воздействия на сознание и поведение индивидуума. Как известно, авторы медиасообщений не просто констатируют факты, но и освещают определённые события сквозь призму собственного мировоззрения, анализируют и дают собственную оценку тем или иным явлениям, что нередко используется и как средство пиар-воздействия на потенциальных избирателей. Неоспорим тот факт, что категория оценка присуща любому языку, поскольку она является неотъемлемым конституентом коммуникации. М. Монтень ак-

центрировал внимание на том, что «жизнь сама по себе — ни благо, ни зло; она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами её превратите» [7, с. 19]. Именно этим и пользуются в процессе воздействия политики и журналисты, представляя реципиенту преобразованную в собственной режиссуре информацию. Оценка является динамическим и многогранным феноменом, который находит свое выражение на разных языковых уровнях. В связи с этим основной целью статьи стало исследование категории оценки на лексическом уровне в масс-медийном политическом дискурсе.

Широкое употребление оценочных высказываний в современных СМИ обуславливает повышенный интерес ученых к данной проблематике. Так, результаты исследований, посвященные вопросам оценочности, отражены в публикациях Н. Арутюновой, В. Виноградова, Е. Вольф, И. Езан, А. Ивина, Н. Ильиной, Л. Кудрявцевой, М. Лойко, Е. Максимовой, Е. Морозовой, Е. Чернявской, А. Яковлевой и др.

Что касается дефиниции категории оценки, то следует подчеркнуть, что общепризнанное универсальное определение отсутствует. Как утверждает Л. Иванов, категория оценки «с трудом поддается дефиниции, которая могла бы удовлетворить хотя бы большинство, если не всех исследователей» [4, с. 69]. Однако учёные сходятся во мнении по поводу того, что оценка — это прежде всего точка зрения, позиция и мнение говорящего. Обратим внимание на интерпретацию оценки О. Ахмановой, которая утверждает, что это «суждение говорящего, его отношение — одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п.» [2, с. 305]. Отмечая, что оценка — это совокупность языковых единиц разного уровня, которые объединены оценочной семантикой, Е. Баженова также акцентирует внимание на том, что она выражает отношение автора к содержанию сообщения [3, с. 139]. Более полной представляется нам дефиниция Е. Морозовой, которая говорит о том, что оценка — «это один из видов модальности, присущей языковому выражению, получившей свое выражение в языковых структурах. Категория оценки предполагает наличие определенной шкалы ценностных стереотипов, на полюсах которых расположены понятия «хорошо» и «плохо», а между ними бесконечное множество оттенков. Сущность оценочных суждений определяется этическими концепциями соответствующей исторической эпохи и различных социумов от всего коллектива носителей каждого данного языка к более мелким группам, формируемым общностью характерных систем ценностных ориентаций» [10].

Можем резюмировать, что любая оценка имеет социально обусловленный характер, поскольку полностью зависит от принятых в определенный момент в обществе норм, правил, идеалов, интересов и моды. В основе оценки лежит оценочный признак, представляющий собой стандарт либо идеал, на основе которого и происходит оценка событий и явлений.

Оценка широко используется в современном обществе как средство пиар-воздействия. Объясняется это рядом причин. Во-первых, оценочное высказывание способно подготовить аудиторию к необходимому восприятию сведений и «правильному» реагированию на них. Во-вторых, оценка может выступать установкой на логичность и аргументированность, что также в свою очередь является мощным средством воздействия. В-третьих, в некоторых случаях оценочные высказывания представлены настолько завуалировано, что способны создавать впечатление объективности представленных данных [10, с. 95–103]. А. Стеллиферовский подчеркивает, что оценка направлена на «демонстрацию гибкости, открытости мышления, непредвзятости, широты взглядов, тем самым на «активацию доверия» [12, с. 52]. Говоря о категории оценки в политическом дискурсе В. Шаховский обобщает, что оценка используется в сообщении «в первую очередь для оказания эмоционального воздействия на слушателя: приковать его интерес к персоне политика, к политической проблеме и всколыхнуть чувства с целью манипулирования политическим сознанием масс за счет семантического искажения в пользу заинтересованной политической группы» [13, с. 101]. В качестве иллюстрации приведём фрагмент из лекции профессора, д.ю.н., зав. кафедрой истории государства и права МГУ В. А. Томсинова, опубликованной в газете после протестных акций в России 4 января 2012 года: *«Запомните и усвойте то, что они, эти два придурка, во время учёбы на юридическом факультете не смогли. Государство — это не только совокупность институтов, органов, как это учит теория государства и права. Запомните: государство — это ещё и духовное поле, которое заставляет население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать государственный порядок, соблюдать закон»* («Аргумент плюс», № 1(83), 13–19.01.2012).

Современные политики всё чаще практикуют использование оценочных высказываний для повышения рейтингов, привлечения и удержания внимания, завоевания симпатий потенциальных избирателей и как средство дискредитации оппонентов.

В процессе изучения особенностей экспликации оценки на лексическом уровне, мы пришли к выводу, что исследование лексических единиц, выражающих оценочные характеристики, должно осуществляться в контексте, поскольку одна и та же лексема в разном контексте может выражать как позитивное, так и негативное отношение говорящего. Так, к примеру, у отдельно взятых слов «выгодный», «молодой», «успешный», «безукоризненный», «удачный» оценка в определенном контексте может быть точно не детерминирована, в данном случае именно контекст помогает определить отношение адресанта: *«Дмитрий Медведев был явно доволен переговорами и даже предположил, что переговоры оказались удачными благодаря организации саммита именно в Хабаровске»* («Коммерсантъ», № 91 (4146), 23.05.2009) (посредством лексемы «удачный» дается положительная оценка проведенным переговорам); *«Видимо, результаты «удачных», по словам Тимошенко, газовых контрактов с Россией оказались не такими уж и удачными, а «приемлемая» цена на газ — не такой уж приемлемой»* («Товарищ», № 40 (1368), 26.05. — 27.05. 2010) (лексические единицы «удачный» и «приемлемый» направлены на передачу отрицательной оценки). В некоторых случаях для большей экспрессивности

и акцентирования внимания реципиента лексемы, оценка которых детерминируется определенным контекстом, берутся в кавычки.

Экспликаторами оценки нередко выступают глаголы мнения (*думать*), восприятия (*расценивать*) и ощущения (*одобрять, поддерживать*): «*Считаю, что в целом Правительство и Центральный банк, региональные власти при поддержке законодателей всех уровней смогли стабилизировать ситуацию в экономике и социальной сфере*» («*Парламентская газета*», № 60, 13–19.11.2009) (положительная оценка).

В некоторых случаях, при моделировании воздействующего потенциала масс-медийного сообщения, авторы используют такие конструкции, как *по-моему, на мой взгляд* и др. Акцент на субъективности оценочного высказывания в сообщениях такого рода позволяет избежать категоричности, что, в свою очередь, создаёт иллюзию того, что реципиент является соучастником коммуникации, делая выводы в процессе декодирования информации: «*На мой взгляд, современное общество, в котором нет места для дискуссий, для политических альтернатив, — это общество, обречённое на стагнацию. Оно просто не может двигаться вперёд*» («*Парламентская газета*», № 59 (2401), 06.11.2009) (негативная оценка).

Оценочный компонент может содержаться в качественных прилагательных. Так, интересными представляются исследования Н. Арутюновой, которая предлагает следующую классификацию оценочных значений: сенсорные оценки; сублимированные; рационалистические оценки [1, с. 75–76]. Заметим, что в масс-медийном политическом дискурсе широко распространены все обозначенные типы оценочных значений: «*Мы обеспечим людей качественными и доступными лекарственными средствами, а также новыми технологиями профилактики и лечения заболеваний, в первую очередь тех, что являются наиболее распространёнными причинами потери здоровья и смертности*» («*Парламентская газета*», № 60, 13–19.11.2009) (рационалистическая оценка); «*Кстати сказать, такого рода практика есть. Сбербанк провел интересную акцию. Они стали выпускать особенные платёжные карты*» («*Новая газета*», № 39, 15.04.2009) (сенсорная оценка).

Безусловно, категория оценки содержится и в некоторых относительных прилагательных: «*Самый известный наш инновационный проект — это центр в Сколково. Я выступил с этой инициативой меньше года назад. Сейчас этот проект уже становится реальностью*» («*Российская газета*», № 5350 (271), 01.12.2010) (положительная оценка).

Оценочность может формироваться и посредством употребления в речи лексических единиц с соответствующим денотативным значением: «*И, конечно, мы обязаны думать, какие природные богатства сможем сохранить и передать будущим поколениям. Вот почему я считаю, что повышение энергоэффективности, переход к рациональной модели потребления ресурсов является ещё одним приоритетом в модернизации нашей экономики*» («*Парламентская газета*», № 60, 13–19.11.2009) (позитивная оценка).

В современных масс-медиа всё чаще наблюдается уход от нормы, то есть от общепризнанных литературных норм. В связи с этим мы нередко на страницах СМИ встречаем жаргонизмы, арг, лексемы оскорбительного и дискредитирующего характера. Их основной функцией, как отмечает Л. Кудрявцева, является унижение того, о ком идет речь, а также экспликация с помощью языка вербальной эмоциональной агрессии [6, с. 295–297]. Следует отметить, что обозначенное явление становится нередкостью в украинском и российском медиадискурсе: «*Кроме того, считает он, в уголовное законодательство надо ввести понятие «посредничество во взяточничестве». Вокруг разных инстанций, судов «вѣтсь множество проходивцев, которые знают — кому что занести, как решить дело», — пояснил он, что понимается под такими действиями*» («*Взгляд*», 30.11.2010) (передача негативной оценки посредством использования лексики оскорбительного и дискредитирующего характера).

Важным структурным элементом в системе пиар-воздействия выступают интенсификаторы (*очень, весьма, крайне, слишком, чересчур, довольно, необыкновенно*), которые способствуют усилению экспрессии и эмоциональности оценочного высказывания: «*Кроме того, я поручаю разработать и внести в Государственную Думу проект закона, который бы регулировал порядок обращения лекарственных средств и, что крайне важно, требования к их безопасности*» («*Парламентская газета*», № 60, 13–19.11.2009).

Особое интонационное оформление предложения в сочетании с употреблением междометий также способствует передаче оценочного компонента высказывания. Говоря о роли и значении междометий, ученые отмечают, что они способны интенсифицировать количественные и качественные признаки, выраженные знаменательной частью речи [11]. Данное явление, согласно нашим наблюдениям, не является типичным, однако изредка встречается в системе пиар-воздействия в дискурсе украинских и российских политиков: «*По поводу Юлии Тимошенко Кучма сказал: «Ах, если бы эта женщина вела себя как женщина, а не как Безудий! Когда она говорит, её рот всегда ходит на жерло вулкана»*» («*Украинская правда*», № 7, 08.02.2010) (негативная оценка); «*Эх, «Яблоко», куда катимься?»*» («*Северный рабочий*», № 161, 26.10.2002) (ироничная вербализация негативной оценки).

Огромный пласт оценочных суждений в политическом дискурсе представляют высказывания, поддерживающие в своем составе наречия и модальные выражения (*хорошо, что...; жаль, что...; честно говоря; к сожалению; удивительно; по глупости; в самом деле*): «*К сожалению, мы вынуждены констатировать, что партия большинства относится ко всей парламентской оппозиции, мягко говоря, с пренебрежением, позволяет вести себя некорректно. Это хорошо продемонстрировал парламентский кризис 14 октября*» («*Парламентская газета*», № 59 (2401), 06.11.2009) (негативная оценка).

Аргументированность оценочным высказываниям придают «мотивировки»: *«Определённая растерянность присутствует у глав крупных государств. Это, конечно же, плохо, потому что непонятно, где его (кризиса. — Прим. «РГ») дно, временные рамки непонятны»* («Российская газета», № 4794, 19.11.2008).

Интерес представляют исследования Л. Кудрявцевой, посвящённые изучению речевого воздействия в украинских СМИ, в которых говорится о том, что среди суждений, содержащих оценочные характеристики, в масс-медийном политическом дискурсе наиболее частотными являются такие, в которых звучат следующие мотивы [5]:

1) обвинение оппонентов в некомпетентности и оценка умственных способностей: *«Илюхин, когда его спросили, почему это произошло, сказал просто: «Да надоело это уже всем, этот непрофессионализм и эта безответственность». Зюганов же пояснил, что Сердюков своей должности не соответствует...»* («Независимая газета», 09.11.2008) (оценка выражается с помощью лексических единиц с негативной семантикой);

2) обвинение оппонентов в чрезмерном рвении к власти: *«Фігуранти моїх плівок були у всіх партіях, а самі партії понад усе мріяли і мріють потрапити у владу, щоб контролювати міністерські посади, віце-прем'єрські та, в ідеалі, прем'єрську — це гроші-гроші-гроші. Мільярди доларів щороку»* («Волинь», № 694, 25.09.2007) (негативная оценка передаётся посредством использования в высказывании повторов, которые способствуют концентрации внимания на определенном явлении, а также посредством такой конструкции экспрессивного синтаксиса, как парцелляция);

3) обвинение оппонентов в нанесении ущерба стране: *«Ці клани, що обертаються навколо Кучми, одержали колосальні переваги і поділили між собою багатства країни. Обікравши 50 мільйонів українців, ці люди тепер повинні будуть грати за правилами або виїхати за кордон, але я не впевнена, що там потерплять їх дії», — резюмує Тимошенко»* («Українська правда», 11.04.2005) (оценочность высказыванию придает метафора и лексические единицы с негативной семантикой);

4) обвинение оппонентов в обострении конфронтации, нарушении морального облика, не порядочности: *«Расстреляв из танков бунтующую чернь и дочиста разграбив государственную казну, три толстяка — Бенья, Черномыр и Примус — решили уйти на покой»* («Дуэль», № 34 (331), 26.08.2003) (оценка выражается с помощью лексических единиц с негативной семантикой, апелляции к прецедентному имени «три толстяка» (сфера-источник «литература»; роман-сказка «Три толстяка»), а также с помощью номинаций «Бенья» (о Б. Ельцине), «Черномыр» (о В. Черномырдине) и «Примус» (о Е. Примакове); *«На кого сподіватися виборцям, коли навколо так мало політичного позитиву, а наші політики нагадують (передусім своїми «обліко морале») героїв знаменитих офортів Гойї «Капрічос»? Як не зрадник, так дурень, якщо не злодій, то патологічний кар'єрист, якщо не хабарник, то боягуз...»* («День», № 6, 17.01.2007) (оценка эксплицируется посредством использования в речи прецедентного высказывания «обліко морале» из кинофильма «Бриллиантовая рука», посредством такого художественного приёма, как сравнение, а также посредством лексических единиц с негативной семантикой);

5) мотив самовосхваления: *«А ось Компартія, котра багато років не на плакатах, не в Інтернеті, а РЕАЛЬНО захищає інтереси простої людини, «реклам» не потребує. Тому що в комуністів є ІДЕОЛОГІЯ, яку вони активно втілюють у життя щодня, а не напередодні чергової виборчої кампанії»* («Комуніст», № 76, 26.09.10) (позитивная оценка выражается как графически, так и посредством лексических единиц с положительной семантикой, лексических единиц, указывающих на семантику постоянно повторяющегося действия);

6) неаргументированные оценки: *«Так кто же из них гнуснее? Только убийцы — банда Басаева или убийцы, воры, лжецы, клятвопреступники и предатели — так называемое «правительство» Российской Федерации?!»* («Дуэль», № 39 (387), 28.09.2004) (оценочность передается с помощью лексических единиц с негативной семантикой; экспрессивность повышает вопросительная конструкция и выделение с помощью кавычек); *«Дерибан держави, здача національних інтересів, злидні, холод, епідемії туберкульозу й СНІДу, свавілля, безправ'я, корупція, безробіття, ціновий зашморг, безкарні бандити-чиновники...»* («Комуніст», № 90, 24.11.09) (оценка эксплицируется посредством лексических единиц с негативной семантикой).

Широко употребляемыми также являются неаргументированные оценочные высказывания по типу «Он/она — вор/бандит» [5].

Считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что экспликация подобных оценочных суждений свойственна исключительно масс-медийному политическому дискурсу России и Украины. Аналогичные высказывания, являясь характерными для славянской политической культуры, не были выявлены нами в дискурсе американских и немецких политиков.

Подчеркнём, что максимальная реализация воздействующего эффекта возможна лишь при условии использования всего комплекса направленных на выражение и передачу оценки средств. Поскольку на восприятие реципиентом оценочного суждения оказывает влияние и ряд экстралингвистических факторов. «Одобрительные и неодобрительные оценки вызывают определенные эмоциональные реакции адресата, в которых заинтересован субъект оценки. Поэтому к аспектам речевого воздействия и их отражения в тексте относятся такие внеязыковые знания и значения, как вежливость, такт, скромность, согласие, симпатия и тому подобное» [8, с. 105].

На основе проанализированного материала мы пришли к выводу, что реализация оценочных суждений в медиадискурсе происходит посредством употребления в речи глаголов мнения, опущения, вос-

приятія, наречій і модальних виражень, междометій, а також прилагательних і суцесвітельних с соотвєтствующим коннотативним і денотативним значєнням. Одной из основных задач оценочных высказываний по праву считается воздействие на формирование мировоззрения, точек зрения и поведения реципиента. Перспективным считаем изучение гендерных особенностей при использовании оценочных высказываний.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт) / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 607 с.
3. Баженова Е. А. Категория оценки / Е. А. Баженова // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. — М.: Флинта: Наука, 2003.
4. Иванов Л. Ю. Текст научной дискуссии: дейксис и оценка / Л. Ю. Иванов. — М.: НИП «2Р», 2003. — 208 с.
5. Кудрявцева Л. А. Особенности массмедийного политического дискурса Украины «послемайданного» периода / Л. А. Кудрявцева // *Русский язык, литература, культура в школе и вузе*. — Киев, 2010. — № 4 (34). — С. 7–15.
6. Кудрявцева Л. А. Моделирование экспрессивно-прагматического содержания в текстах газетной коммуникации / Л. А. Кудрявцева // *Семантика языковых единиц: доклады VI Междунар. конф.* — М.: СпортАкадемПресс, 1998. — С. 295–297.
7. Мариковский П. И. Мудрость жизни / П. И. Мариковский. — Алматы: Паритет, 1992. — 130 с.
8. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке / Т. В. Маркелова. — М.: МПУ, 1993. — 125 с.
9. Морозова Е. В. Структурно-семантические особенности оценочных парадигм в средневековой литературе / Е. В. Морозова // *Прагматические отношения на разных уровнях языка: сб. науч. тр.* — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. — С. 38–43.
10. Морозова О. Н. Информативность публичной речи и фактор адресата / О. Н. Морозова // *Информативность текста и его компонентов: Труды МГПИИЯ им. М. Тореца*. — М., 1986. — Вып. 263. — С. 95–103.
11. *Русская грамматика*: в 2 т. / [АН СССР, Ин-т русского языка; ред. Н. Ю. Шведова]. — М.: Наука, 1980.
12. Стеллиферовский А. В. Трансформация иноязычного текста в языке английской газеты / А. В. Стеллиферовский. — М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. — 287 с.
13. Шаховский В. И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы / В. И. Шаховский. — Волгоград: Перемена, 1998. — 148 с.

References

1. Arutyunova N. D. Tipyazykovykh znacheniy (otsenka, sobytie, fakt) / N. D. Arutyunova. — M.: Nauka, 1988. — 338 s.
2. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov / O. S. Akhmanova. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. — 607 s.
3. Bazhenova Ye. A. Kategoriya otsenki / Ye. A. Bazhenova // *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka*. — M.: Flinta: Nauka, 2003.
4. Ivanov L. Yu. Tekst nauchnoy diskussii: deyksis i otsenka / L. Yu. Ivanov. — M.: NIP «2R», 2003. — 208 s.
5. Kudryavtseva L. A. Osobennosti massmediynogo politicheskogo diskursa Ukrainy «poslemaidannogo» perioda / L. A. Kudryavtseva // *Russkiy yazyk, literatura, kultura v shkole i vuze*. — Kiev, 2010. — № 4 (34). — S. 7–15.
6. Kudryavtseva L. A. Modelirovanie ekspressivno-pragmaticheskogo soderzhaniya v tekstakh gazetnoy kommunikatsii / L. A. Kudryavtseva // *Semantika yazykovykh edinit: doklady VI Mezhdunar. konf.* — M.: SportAkademPress, 1998. — S. 295–297.
7. Marikovskiy P. I. Mudrost zhizni / P. I. Marikovskiy. — Almaty: Paritet, 1992. — 130 s.
8. Markelova T. V. Semantika otsenki i sredstva yeyo vyrazheniya v russkom yazyke / T. V. Markelova. — M.: MPU, 1993. — 125 s.
9. Morozova Ye. V. Strukturno-semanticheskie osobennosti otsenochnykh paradig v srednevekovoy literature / Ye. V. Morozova // *Pragmaticheskie otnosheniya na raznykh urovnyakh yazyka: sb. nauch. tr.* — Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1980. — S. 38–43.
10. Morozova O. N. Informativnost publichnoy rechi i faktor adresata / O. N. Morozova // *Informativnost teksta i yego komponentov: Trudy MGPIIYa im. M. Toreza*. — M., 1986. — Vyp. 263. — S. 95–103.
11. *Russkaya grammatika*: v 2 t. / [AN SSSR, In-t russkogo yazyka; red. N. Yu. Shvedova]. — M.: Nauka, 1980.
12. Stelliferovskiy A. V. Transformatsiya inostilevogo teksta v yazyke angliyskoy gazety / A. V. Stelliferovskiy. — M.: MGPIIYa im. M. Toreza, 1985. — 287 s.
13. Shakhovskiy V. I. Tekst i yego kognitivno- emotivnye metamorfozy / V. I. Shakhovskiy. — Volgograd: Peremena, 1998. — 148 s.

Грабовенко Ірина Сергіївна,

кандидат філологічних наук, асистент кафедри української та російської мов Донецького національного технічного університету; Донецьк, Україна;
e-mail: lehre@mail.ru; тел.: +38-066-904-28-08

ПРАГМАТИЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ТА СПОСОБИ ЕКСПЛІКАЦІЇ КАТЕГОРІЇ ОЦІНКИ В МЕДІАДИСКУРСІ

Анотація. Основна увага в дослідженні приділяється прагматичному потенціалу сучасних засобів масової інформації. Подано підходи до визначення дефініції категорії оцінки як засобу впливу, типи оцінних значень. Проаналізовано основні особливості експлікації категорії оцінки на лексичному рівні в російськомовному та українськомовному медіадискурсі: використання дієслів думки, сприйняття, відчуття, прислівників, модальних виразів, вигуків, якісних і відносних прикметників та іменників з відповідним денотативним та конотативним значенням. Проаналізовано відхилення від загальноприйнятих літературних норм, тобто використання жаргонізмів, аргю, лексем принизливого характеру як способу експлікації оцінки. Розглянуто прагматичний потенціал оцінних висловлювань, які активно використовуються журналістами та політиками в процесі формування поглядів, світогляду та поведінки електорату.

Ключові слова: оцінка, вплив, мас-медіа, дискурс.

Irina S. Grabovenko,

Candidate of Philological Sciences, assistant lecturer of the Russian and Ukrainian Languages Chair of the Donetsk National Technical University; Donetsk, Ukraine;
e-mail: lehre@mail.ru; тел.: +38-066-904-28-08

THE POTENTIAL OF INFLUENCE AND WAYS OF EXPLICATING THE EVALUATION CATEGORY IN THE MEDIA DISCOURSE

Summary. The article is dedicated to the potential of influence of the modern mass media. It presents the approaches to the definition of the evaluation category as a means of influence, types of evaluative meanings. We have considered the most frequent motives of judgment that contain evaluation characteristics in the mass-media political discourse. The article analyses the main explication features of the evaluation category in Russian and Ukrainian media discourses on the lexical level: the use of opinion-, sensation-, and perception-verbs; adverbs; modal expressions; and interjections; as well as adjectives and nouns with the corresponding connotative and denotative meanings. It analyses violations of the well-known literary standards, i. e. the use of slang, argot, derogatory lexemes in the print media as a way of evaluation explication. It considers the peculiarities of the potential of influence of evaluation statements which are constantly used by journalists and politicians in the process of forming viewpoints, perceptions and behavior of the electorate.

Key words: evaluation, influence, the mass media, discourse.

Статью отримано 3.11.2013 р.

УДК 811.161.1'42:159.942.3:070:621.397.13:796.332

ПАЧЕВ Олег Николаевич,

магистр филологии, аспирант кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: odessa-kazan@yandex.ua; тел.: +38-099-558-08-15

ЭМОТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ФУТБОЛЬНОГО ТЕЛЕКОММЕНТАРИЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме речевого воздействия спортивного телевизионного комментария на болельщиков. Рассмотрены средства выражения эмоций комментаторами. Для анализа использованы записи звуковых дорожек более 20 футбольных комментариев. Анализ эмотивных речевых средств в коммуникативном поведении футбольных телерепортеров в неподготовленной речи дал возможность выявить ряд интонационных, лексических, фразеологических, грамматических средств, которые используются с целью влияния на сознание болельщиков. В данной статье представлены некоторые из таких средств. Среди них заметную роль в эмоциональном воздействии на болельщиков играют интонация; порядок слов; вводные и сравнительные конструкции разной структуры; устойчивые сочетания; лексический и фразовый повтор; тавтология; паронимия и некоторые другие приёмы языковой игры; нечленимые междометные и модальные предложения; односоставные номинативно-оценочные предложения; неполные предложения; простые и сложные предложения с отношениями сопоставления, противопоставления, возмещения, градации и др.; своеобразное лексическое наполнение текстов. В телекомментарии тавтология может указывать на неподготовленный характер речи либо намеренно употребляться как художественное средство, выражающее необходимое значение. В основе сравнительных оборотов как фразеологических единиц интеграционно-сравнительного типа мотивации лежат таксоны разнообразных сфер жизни и деятельности человека.

Специфика функционирования эмотивных речевых средств в спортивном телерепортаже заключается в синкретичном характере их использования в той или иной ситуации.

Ключевые слова: средства речевого воздействия, футбольный телерепортаж, спортивный дискурс, эмоциональность речи, языковая игра, коммуникативное поведение.

На рубеже XX и XXI веков спортивный дискурс стал объектом активного изучения в русском языкознании. Эмотивные речевые средства, в отличие от спортивного дискурса, давно изучаются в русском языкознании. Разные аспекты спортивного дискурса изучены такими исследователями, как Е. Г. Малышева, И. Е. Дубчак, О. А. Панкратова, В. А. Киселёва, С. В. Шарафутдинова, М. А. Овсянникова, В. Р. Мангутова [напр.: 9; 6; 12; 8; 16; 11; 10].

В отличие от спортивного дискурса, давно изучаются в русском языкознании эмоциональные речевые средства. Например, известны исследования А. П. Сквородникова, Н. А. Хомяковой, Г. К. Волкотруб, Л. Д. Аскеровой, Джонг Руей-Хсиунг и др. [напр.: 13; 15; 2; 1; 5]. Однако специфика использования эмотивных речевых средств в спортивном телерепортаже заключается не в их избирательности, а в синкретичной совокупности использования необходимых в той или иной ситуации речевых средств воздействия на зрителя / слушателя.

Цель данной статьи — выявить разнообразные средства русского языка, выполняющие эмотивную функцию в футбольном телерепортаже, способном положительно либо отрицательно воздействовать на эмоциональное состояние и поведение миллионов футбольных болельщиков.

Оказывая сильное эмоциональное воздействие, телекомментарий футбольного матча может стать мощным фактором групповой интеграции, начиная от малых социальных групп (болельщиков одной команды) до наций и государств (в крупных турнирах с участием сборных). Так, в июне 2008 г. победа сборной России над Голландией и яркий комментарий Г. Черданцева, насыщенный эмотив-

ными средствами воздействия на человека, вывели на улицы российских городов тысячи ликующих болельщиков.

Интонация и специфический порядок слов являются специальными средствами выражения эмоций в русском языке. Эти средства в полной мере используются спортивными комментаторами во время ведения репортажей. Однако имеются и другие средства, которые в полной мере представлены в спортивных телерепортажах. Рассмотрим, например, какие средства эмоционального воздействия на болельщиков для формирования у них «оправдательного комплекса», смягчающего горечь поражения, использовал в одном из отрывков репортажа матча «Янг Бойз» — «Зенит» Г. Орлов: *Вот это матч! Может быть, он не так быстр, но техничен. <...> Вообще-то, судья добавил три минуты к матчу, а швейцарцы забивали, когда на секундомере было уже 3.08. Ну да ладно. <...> Это поражение с минимальным счётом.* Здесь используется односоставное номинативно-оценочное предложение с эмоциональной частицей *вот это*: *Вот это матч!*; вводное предложение с модальным значением предположения, граничащего с сомнением: *может быть*; градационно-возместительные отношения между однородными сказуемыми во фразе: *...он не так быстр, но техничен*; вводное слово *вообще-то* при противопоставлении существенного и бесспорного (здесь *3 минуты* — количество дополнительного времени игры) спорному, не соответствующему правилам (о голе, забитом на 8 секунд позже окончания дополнительного времени матча); нечленимое модальное предложение *Ну да ладно*, привносящее в текст настроение непротивления обиде; лексическое наполнение последнего предложения — *поражение с минимальным счётом* — мотивирует такое настроение и вселяет оптимизм: если так, то наши не слабее, они ещё смогут доказать своё превосходство. С нашей точки зрения, это обычное коммуникативное поведение комментатора, который стремится повлиять на сознание болельщиков, чтобы их успокоить в случае проигрыша их команды.

Частотным синтаксическим приёмом выражения эмоциональности является лексический и фразовый повтор. Напр.: 1) *Суарес! Суарес! Суарес!.. Гол-гол-гол-гоооо!* [А. Шмурнов, апр. 2010: игра сборных Уругвая и Парагвая]; 2) *Рожерио Сени! Бьёт Рожерио Сени, бьёт и... забивает! Гоооо! Гооо! Гооо! Гооооо! Гоооооо! Гоооооо! Рожерио Сени! Два — ноль! Какой он красавец потрясающий! Это совершенно невозможно!* [А. Шмурнов, февр. 2011: игра команд «Сан-Паулу» и «Коринтиас»]. Многократное повторение фамилии футболиста на протяжении эпизода его прохода к воротам и голевого удара усиливает напряжённость речи, придаёт экспрессивную окраску и вовлекает зрителя в сопереживание кульминационного момента.

Информируя о разворачивающемся на поле эпизоде, комментатор с помощью повторяющегося обращения к игроку, совершившему неудачное действие, и повтора несобственно вопросительного предложения, вербализует досаду болельщиков и их отрицательную оценку этого действия: 1) *Что ж ты делаешь, родной? Сейчас бы героем стал. Боян, Боян! Ах ты, маленький!* [В. Уткин. «Барселона» — «Челси»]. 2) *«Барса» начинает давить. Вот её пальцы постепенно тянутся к горлу «Валенсии». <...> Что ж ты делаешь? Как тебя зовут вообще? Боже мой! Откуда ты приехал сюда? <...> Подсушилась игра. Интересно, в чьих это интересах?* [В. Уткин. «Валенсия» — «Барселона»]. Комментатор иронизирует по поводу незадавшейся игры полузащитника «Валенсии», повторяя несколько раз фамилию игрока и используя межъязыковую паронимию русского диалектного разделительного союза *аль* в ситуации выбора и первого слога фамилии игрока как приём паронимии в языковой игре: *Ударrrr по воротам! Ну, Альбельда соскучился. Подумал: «В конце концов, Альбельда я, аль не Альбельда?»* [Там же]. Василий Уткин повторами акцентирует внимание на положительном эстетическом восприятии игры: *Ударrrr! Ой, какая игра! Ой, какая игра! Как же мы это любим! Да? Любые решения, на любой вкус, на любую сласть, на любую жесть! <...> Игра — восторг! <...> Восторг, ну восторг ведь!* [Там же].

В матчах с участием национальной команды в системе международных соревнований комментатор не может быть беспристрастным. Положительная оценка действий игрока соперника объективна, но не совпадает с приятной эмоцией комментатора. Поэтому красивый с технической точки зрения гол в «наши» ворота получает сдержанную положительную оценку и вызывает отрицательную эмоцию комментатора — чувство досады, разочарования за «своих». Например, бразильский футболист Живанилдо Виейра де Соуза, известный как Халк, открывает счёт, а комментатор Г. Орлов с разочарованием в голосе произносит: *Да, один — ноль. Десятая минута. Халк один в один неудержим, неудержим. Непонятно, почему Криштиу был там, на правом фланге? Вот при розыгрыше этого углового. Зачем он пошёл туда?* [Г. Орлов. «Зенит» — «Порту»]. Здесь же комментатор играет значениями устойчивых моделей *один — ноль и один — один*.

Контекстуально неполные предложения являются в русской речи одним из основных синтаксических средств эмоционального воздействия на слушателя. Не являются исключением и тексты спортивных комментариев. Напр.: 1) *Все ждут не дождутся, когда (судья) свистнет* [В. Гусев, 2010]. Перед этим комментатор говорил о действиях судьи. Пропущенное слово выполняет функцию подлежащего изъяснительной придаточной части сложноподчинённого предложения. 2) *От головы Янбаева (мяч) улетает на угловой* [В. Уткин, 2011]. Комментатор следит за мячом и в предыдущем предложении произносил это слово. Пропущено подлежащее. 3) *Основное время игры исчерпано. Пошло уже дополнительное (время), а счёт по-прежнему не открыт. Ой-ой-ой (счёт) уже открыт* [И. Казаков, 2011]. И в первом, и во втором случае пропущены подлежащие.

Большая часть текста спортивного телекомментария является неподготовленной речью, в которой неизбежны тавтологии. Однако тавтология может не только указывать на неподготовленный характер речи, но и служить художественным средством, наиболее точно и коротко выражая необходимый

смысл. Сравните: 1) *Трудно представить, что встречаются две сильнейшие сборные континента: Голландии и Нидерландов* [Г. Черданцев, 2008]. Комментатор оговаривается, случайно употребляя два варианта названия одной страны из-за опережающей мысли. Вместо «Германии», он произнёс «Голландии»: оба слова начинаются на «Г». 2) *Роналдо в своей автобиографии указал интересный факт, оказывается, в детстве он делал шесть ошибок в фамилии* [В. Уткин, 2008]. В самом слове автобиография имеется сема 'свой'. Поэтому притяжательное местоимение здесь является лишним словом. — II. 1) *Будто выросли крылья у «Крыльев», забив два мяча в течение минуты* [В. Гусев, 2010]. Комментатор сводит вместе слово *крылья* в прямом и метафорическом значении, подчёркивая, что команда «Крылья Советов» достойна своего названия. 2) *Главный судья главнее остальных судей* [В. Уткин, 2010]. В этом высказывании тавтология необходима для того, чтобы указать на должностную иерархию футбольных арбитров в ситуации разногласия, возникшего между главным и боковыми арбитрами. В той ситуации главный судья принял правильное решение, совпадающее с интересами российской сборной команды, поэтому комментатор подчёркивает его авторитет и неизменность решения.

Сравнительные конструкции широко используются как средство эмоциональной выразительности в текстах футбольных телекомментариев. Среди них преобладают сравнительные обороты, которые мы рассматриваем как фразеологические единицы интеграционно-сравнительного типа мотивации, в основе которых лежат таксоны разнообразных сфер [14, с. 375]: транспорта (напр.: 1) *Алиев пошёл вперёд, как маленький паровоз* [Д. Градиленко, 2010]. В основе этого сравнения невысокий рост и высокие скоростные данные игрока. 2) *Рахимич прям как бульдозер какой-то* [И. Казаков, 2010]. Основой для сравнения является атлетическая внешность этого игрока и умение мощно наступать, сметая всё на своём пути); военного дела (напр.: 1) *Запустил мяч, как из рогатки* [Г. Черданцев, 2010]. 2) *Взорвались трибуны в Лужниках, как мощная бомба* [В. Уткин, 2011]); строительства (напр.: *Оборона сытется, как штукатурка* [И. Казаков, 2011]). Сравнение основано на сценарии последствий некачественного строительства. Учитывается наличие в футбольном дискурсе устойчивого сочетания *строить, выстраивать оборону*); быта (напр.: 1) *Как скотчем залепили свои ворота сатурновцы* [Г. Черданцев, 2010]. 2) *Широко играют футболисты «Локомотива». Разбегаются по полю, как тараканы* [В. Уткин, 2010]); профессиональных обязанностей (напр.: *Защитник — как врач: хорош, пока пациент не умер* [Д. Градиленко, 2008]) и многих других.

Среди сравнительных конструкций заметное место занимают формы сравнительной и превосходной степени прилагательных, наречий и слов категории состояния. Напр.: 1) *Кстати, а вы знаете, что население Лихтенштейна в три раза меньше вместимости стадиона «Лужники»* [Д. Градиленко, 2009]. 2) *Оздоев и Лоськов разыграли великолепную комбинацию, хочу заметить, что Лоськов старше своего партнёра на 18 лет* [В. Уткин, 2010]. 3) *Лионель Месси и Кристиано Роналдо — два лучших игрока мира встретились друг против друга в товарищеском матче своих сборных. Правда, у Лионеля наград побольше* [В. Гусев, 2010].

В неподготовленной речи спортивных комментаторов во время репортажей нередко происходит нарушение анафорических отношений. Опрос болельщиков показал, что, находясь у телеэкрана, они обычно замечают эти ошибки и объясняют их волнением комментаторов. Напр.: 1) *Выпустил мяч из рук вратарь и его пришлось добить* [Г. Черданцев, ноябрь 2010]. Антецедентом вместо слова *мяч* выступает слово *вратарь*, поэтому высказывание приобретает нелепый смысл: **пришлось добить не мяч, а вратаря*. 2) *Вот это удар! Я на него обратил внимания ещё в гостинице* [В. Уткин, сент. 2010]. Футбольному клубу «Локомотив» забил гол малоизвестный игрок швейцарской «Лозанны». Комментатор рассказывает, как общался с игроками этой команды в гостинице и заметил игрока, который может быть потенциально опасным. Нарушение анафорических отношений вызывает улыбку болельщиков, так как гол в гостинице перед игрой комментатор не мог увидеть. 3) *Роналду оттолкнул от мяча Пуйоля и бросил его в центр поля* [В. Уткин, окт. 2010]. Бросил мяч, но из-за нарушения анафорических отношений выходит, что бросил *Пуйоля*.

Таким образом, в результате анализа эмоциональных речевых средств в коммуникативном поведении футбольных телерепортёров во время неподготовленного комментария игры мы установили ряд интонационных, лексических, фразеологических, грамматических средств, используемых с целью влияния на сознание болельщиков. В данной статье представлены некоторые из этих средств, среди которых заметную роль в эмоциональном воздействии на болельщиков играют интонация; порядок слов; вводные и сравнительные конструкции разной структуры; устойчивые сочетания; лексический и фразовый повтор; тавтология; параномазия и некоторые другие приёмы языковой игры; нечленимые междометные и модальные предложения; односоставные номинативно-оценочные предложения; неполные предложения; простые и сложные предложения с отношениями сопоставления, противопоставления, возмещения, градации и др.; своеобразное лексическое наполнение. В тексте телекомментария тавтология может указывать на неподготовленный характер речи либо намеренно употребляться как художественное средство, выражающее необходимое значение. В основе сравнительных оборотов как фразеологических единиц интеграционно-сравнительного типа мотивации лежат таксоны разнообразных сфер жизни и деятельности человека.

Литература

1. Аскерова Л. Д. Коммуникативно-речевые средства организации типов речи газетного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Л. Д. Аскерова; М-во народного образования КазССР, КазГУ им. Аль-Фараби. — Алма-Ата, 1992. — 25 с.

2. Волкотруб Г. К. Речевые средства и приёмы экспрессии в публицистике: по материалам фельетонов М. Кольцова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Г. К. Волкотруб. — Липецк, 1999. — 153 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М.: Комкнига, 2002. — 280 с.
4. Гутцайт Р. Л. Эмотивность и оценочность телевизионного футбольного комментария / Роман Леонидович Гутцайт // Медиаскоп: электрон. науч. журн. Ф-та журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова [Дата изд.: 12.12.2011; Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/951>.
5. Джонг Р.-Х. Эмотивные высказывания в языке современных газет: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Джонг Руй-Хсиунг. — С. Пб., 1999. — 236 с.
6. Дубчак И. Е. Спортивный дискурс в масс-медийном коммуникативном пространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / И. Е. Дубчак. — Киев, 2009. — 25 с.
7. Зильберт Б. А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи / Б. А. Зильберт, А. В. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 17. — С. 45–55.
8. Киселёва В. А. Лексико-фразеологическая экспликация концепта футбол в спортивном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / В. А. Киселёва. — С. Пб., 2009. — 247 с.
9. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: монография / Е. Г. Малышева. — Омск: ОмГУ, 2011. — 403 с.
10. Мангутова В. Р. Спортивный дискурс и его участники / В. Р. Мангутова // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: материалы Пятой Всероссийской электронной научно-практической конференции. — Самара: СГАКИ, 2008. — С. 212–217.
11. Овсянникова М. А. Языковая репрезентация оценки в интернет-форуме как жанре спортивного дискурса: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 — германские языки / М. А. Овсянникова. — М., 2012. — 182 с.
12. Панкратова О. А. Лингвosemiotическая характеристика спортивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / О. А. Панкратова. — Волгоград, 2005. — 25 с.
13. Сквородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования / А. П. Сквородников. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. — 254 с.
14. Степанов Е. М. Росийське мовлення Одеси: монографія / Е. М. Степанов. — Одеса: Астропринт, 2004. — 496 с.
15. Хомякова Н. А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском, английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. А. Хомякова. — М., 2008. — 212 с.
16. Шарафутдинова С. В. Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ: на материале спортивного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 — теория языка / С. В. Шарафутдинова. — Ижевск, 2010. — 176 с.
17. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. — М.: ЛКИ, 2008. — С. 96–104.
18. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. — 190 с.

References

1. Askerova L. D. Kommunikativno-rechevye sredstva organizatsii tipov rechi gazetnogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkiy yazyk / L. D. Askerova; M-vo narodnogo obrazovaniya KazSSR, KazGU im. Al-Farabi. — Alma-Ata, 1992. — 25 s.
2. Volkotrub G. K. Rechevye sredstva i priemy ekspressii v publitsistike: po materialam feletonov M. Koltsova: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkiy yazyk / G. K. Volkotrub. — Lipetsk, 1999. — 153 s.
3. Volf Ye. M. Funktsionalnaya semantika otsenki / Ye. M. Volf. — M.: Komkniga, 2002. — 280 s.
4. Guttsayt R. L. Emotivnost' i otsenochnost' televizionnogo futbol'nogo kommentariya / Roman Leonidovich Guttsayt // Mediascope: elektronnyy nauch. zhurn. F-ta zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova [Data izd.: 12.12.2011; Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.mediascope.ru/node/951>
5. Dzhong R.-X. Emotivnye vyskazyvaniya v yazyke sovremennykh gazet: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkiy yazyk / Dzhong Ruy-Xiung. — S. Pb., 1999. — 236 s.
6. Dubchak I. Ye. Sportivnyy diskurs v mass-mediynom kommunikativnom prostranstve: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.02 — russkiy yazyk / I. Ye. Dubchak. — Kiev, 2009. — 25 s.
7. Zilbert B. A. Sportivnyy diskurs: bazovye ponyatiya i kategorii; issledovatel'skie zadachi / B. A. Zilbert, A. V. Zilbert // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st. — M.: MAKS Press, 2001. — Vyp. 17. — S. 45–55.
8. Kiseleva V. A. Leksiko-frazeologicheskaya eksplikatsiya kontsepta futbol v sportivnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkiy yazyk / V. A. Kiseleva. — S. Pb., 2009. — 247 s.
9. Malysheva Ye. G. Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya: monografiya / Ye. G. Malysheva. — Omsk: OmGU, 2011. — 403 s.
10. Mangutova V. R. Sportivnyy diskurs i ego uchastniki / V. R. Mangutova // Vuz kultury i iskusstv v obrazovatel'noy sisteme regiona: materialy Pyatoy Vserossiyskoy elektronnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Samara: SGAKI, 2008. — S. 212–217.
11. Ovsyannikova M. A. Yazykovaya reprezentatsiya otsenki v internet-forume kak zhanre sportivnogo diskursa: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 — germanskije yazyki / M. A. Ovsyannikova. — M., 2012. — 182 s.
12. Pankratova O. A. Lingvosemioticheskaya kharakteristika sportivnogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkiy yazyk / O. A. Pankratova. — Volgograd, 2005. — 25 s.
13. Skovorodnikov A. P. Ekspressivnye sintaksicheskie konstruktsii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo issledovaniya / A. P. Skovorodnikov. — Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1981. — 254 s.
14. Stepanov Ye. M. Rosiys'ke movlennya Odesy: monografiya / Ye. M. Stepanov. — Odessa: Astroprynt, 2004. — 496 s.
15. Khomyakova N. A. Emotivnye frazeologizmy v russkom, frantsuzskom, angliyskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / N. A. Khomyakova. — M., 2008. — 212 s.
16. Sharafutdinova S. V. Formirovanie sotsialnoy otsenki v diskurse SMI: na materiale sportivnogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 — teoriya yazyka / S. V. Sharafutdinova. — Izhevsk, 2010. — 176 s.
17. Shakhovskiy V. I. Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka / V. I. Shakhovskiy. — M.: LKI, 2008. — S. 96–104.
18. Shakhovskiy V. I. Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka / V. I. Shakhovskiy. — Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1987. — 190 s.

Пачев Олег Миколайович,
магістр філології, аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;
e-mail: odessa-kazan@yandex.ua; тел.: +38-099-558-08-15

ЕМОТИВНІ МОВЛЕННЄВІ ЗАСОБИ ФУТБОЛЬНОГО ТЕЛЕКОМЕНТАРЯ

Анотація. Статтю присвячено актуальній проблемі мовленнєвого впливу спортивного телевізійного коментаря на вболівальників. Розглянуто засоби вираження емоцій коментаторами. Для аналізу використано записи звукових доріжок понад 20 футбольних коментарів. Аналіз емотивних мовленнєвих засобів у комунікативній поведінці футбольних телерепортерів у непередбаченому мовленні дав можливість виявити ряд інтонаційних, лексичних, фразеологічних, граматичних засобів, які використовуються з метою впливу на свідомість вболівальників. У даній статті представлені деякі з таких засобів. Серед них помітну роль в емоційному впливі на вболівальників відіграють інтонація; порядок слів; вступні і порівняльні конструкції різної структури; усталені сполуки; лексичний і фразовий повтор; тавтологія; паронимазія та деякі інші прийоми мовної гри; нечленовані вигуківі та модальні речення; односкладні номінативно-оцінні речення; неповні речення; прості та складні речення зі значеннями зіставлення, протиставлення, відшкодування, градації та ін; специфічне лексичне наповнення текстів. У телекоментарі тавтологія може вказувати на непередбачений характер мовлення або навмисно вживатися як художній засіб, що виражає необхідне значення. В основі порівняльних зворотів як фразеологічних одиниць інтеграційно-порівняльного типу мотивації лежать таксоми різноманітних сфер життя й діяльності людини. Специфіка функціонування емотивних мовленнєвих засобів у спортивному телерепортажі полягає в синкретичному характері їх використання в тій чи іншій ситуації.

Ключові слова: засоби мовленнєвого впливу, футбольний телерепортаж, спортивний дискурс, емоційність мовлення, мовна гра, комунікативна поведінка.

Oleg N. Pachev,
Master of Philological sciences, post-graduate student of the Russian Language Chair of Odessa National I. I. Mechnikov
University; Odessa, Ukraine;
e-mail: odessa-kazan@yandex.ua; tel.: +38-099-558-08-15

EMOTIVE SPEECH MEANS OF FOOTBALL IN BROADCASTING

Summary. This article is devoted to the topical problem of speech influence of the television sports commentary on the fans. It considers the commentators' means of expressing emotions. Audio tracks with more than 20 football commentaries were used for analysis. The analysis of the emotive speech means in the communicative behaviour of football broadcasters. The emotive speech means analysis of the football broadcasters' communicative behaviour in unprepared speech. The unprepared speech analysis of the emotive speech means in the communicative behaviour of football broadcasters gave an opportunity to reveal a whole number of prosodic, lexical, phraseological and grammatical means used for the purpose of making an impact on the fans' consciousness. Some of such means are presented in the article. An important role in providing an emotional impact on the fans is played by intonation; word order; parenthetical and comparative constructions of different form; set-phrases; lexical and phrasal repetition; tautology; paronomasia and some others types of wordplay; indivisible interjectional and modal sentences; one-word sentences showing evaluation; elliptical sentences; simple and complex sentences showing comparison, opposition, gradation etc.; peculiar lexical content of the text. Tautology in broadcasting can be a sign of the unprepared character of the speech or be used deliberately as an artistic means in order to express the necessary meaning. Comparative structures of the integration-comparative motivation type have taxons of different human life spheres and activities. The peculiarity of emotive speech means in sport broadcasting consists in the syncretic character of their situation-specific usage.

Key words: means of speech impact, football broadcasting, sport discourse, speech emotivity, language game, communicative behaviour.

Статтю отримано 30.10.2013 р.

УДК 811.161.1:808.5:612.78:35.081.72

ПАВЛОВА Елена Владимировна,
аспірант Інститута лінгвістики ім. А. А. Потебни НАН України; Київ, Україна;
e-mail: pawlowakiew@gmail.com; тел.: +38-097-640-56-04

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В СФЕРЕ МЕНЕДЖМЕНТА ПЕРСОНАЛА

Аннотация. Все речевые жанры имеют свои особенности и типологию в зависимости от стиля и сферы употребления. В данной статье проанализирован накопленный опыт классификации речевых жанров и представлена своя попытка классификации речевых жанров, используемых в сфере менеджмента персонала. Данная классификация основана на нескольких критериях, выделенных в связи со структурой менеджмента, способом коммуникации, функциональными особенностями анализируемой сферы коммуникации. Основные жанры менеджмента персонала разделены на группы согласно следующим трём критериям: 1) уровень делового общения: законодательные, административные (документальные), процессуальные; 2) форма речи и её контактность / дистантность: устные контактные, устные дистантные, письменные дистантные, письменные контактные; 3) коммуникативная цель: информативные, оценочные, обучающие речевые жанры. В статье приведён пример функционирования жанров в конкретной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: речевые жанры, менеджмент персонала, уровень делового общения, форма речи, контактность / дистантность, коммуникативная цель.

Вследствие быстрого развития постиндустриальной цивилизации и перехода техники на совершенно новый этап развития главным продуктом производства в современном обществе стала информация, знания и коммуникация, что отразилось и на языковых нормах различных сфер общения. В частности, наиболее явные изменения произошли в системе речевых жанров.

Исследование проблем жанра не является новым и широко представлено в научной литературе. Жанровые особенности текстов подробно освещаются в работах М. М. Бахтина, Н. Д. Арутюновой, А. Г. Баранова, Ф. С. Бацевича, А. Вежицкой, В. В. Деметьева, К. Ф. Седова, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелёвой и др. Основоположителем широкого понимания и применения термина «жанр» является М. М. Бахтин, его определение, ставшее классическим, звучит следующим образом: «Речевые жанры — это определённые, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1, с. 182]. В. В. Деметьев выделяет в теории речевых жанров два направления: генристику, в которой речевой жанр понимается как своего рода отечественный аналог речевых актов; и жанроведение, в котором речевой жанр рассматривается преимущественно с социопрагматических позиций [4]. В пределах второго направления речевой жанр определяется как «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [5]. Проанализировав работы лингвистов, посвящённые теории жанров, мы определяем речевой жанр как речевое произведение (текст, высказывание), используемое в той или иной сфере и ситуации общения, которому свойственны устойчивые тематические, композиционные, стилистические и функциональные особенности.

Все речевые жанры имеют свои особенности и типологию в зависимости от стиля и сферы употребления. В данной статье мы рассмотрим жанры, используемые в сфере менеджмента персонала. С переходом экономики Украины на рыночную форму изменилось и отношение к трудовым ресурсам. Сегодня очевидной является конкуренция среди компаний в борьбе за творческих, инициативных, креативных, опытных специалистов. Важное место в сфере бизнеса уделяется антропоцентрическим ценностям в работе с персоналом. Этот процесс вызвал появление новых речевых жанров.

Управление персоналом (менеджмент персонала, HR-менеджмент мы используем как синонимы) — «это целенаправленная деятельность руководящего состава организации, руководителей и специалистов подразделений системы управления персоналом, включающая разработку концепции и стратегии кадровой политики, принципов и методов управления персоналом организации» [7, с. 79]. В первую очередь, кадровая политика работодателя реализуется через деятельность HR-менеджеров, выполняющих ряд важнейших функций в управлении персоналом, так как «это самостоятельный вид специалистов менеджеров, главной целью которых является: повышение производительной, творческой отдачи и активности персонала; ориентация на сокращение доли и численности производственных и управленческих работников; разработка и реализация политики подбора и расстановки персонала; выработка правил приёма и увольнение персонала; решение вопросов, связанных с обучением и повышением квалификации персонала» [3]. Одним из главных требований к менеджеру по персоналу, кроме компетентности, образованности и профессионализма, является грамотная речь и коммуникабельность. Это связано с тем, что все выше перечисленные функции выполняются посредством речи с помощью необходимых речевых жанров.

В лингвистике определены некоторые подходы, направленные на выявление и описание речевых жанров. Эти подходы опираются на речевую ситуацию, структурное или языковое оформление текста. Так, А. А. Холодович отмечал такие признаки высказывания, как контактность / дистантность [9]. Бинарно противопоставленные критерии описания текстов предлагают также Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт: индивидуально / коллективные; моноадресные / полиадресные; поликодовые / клишированные / неклишированные [6]. Г. И. Богин различает типологизацию письменных текстов по субъекту, объекту, времени. Так, среди текстов, классифицируемых по признаку объекта (адресата), он выделял следующие: «1) индивидуально ориентированные; 2) массово ориентированные; 3) неопределённо ориентированные; 4) двусторонне ориентированные» [2, с. 18].

Типологию речевых жанров, основывающуюся на коммуникативной цели, предлагает Т. В. Шмелёва. Она выделяет такие жанры: 1) **информативные** (приводят к различным операциям с информацией: её предъявление или запрос, подтверждение или опровержение); 2) **императивные** (вызывающие осуществление / неосуществление событий); 3) **этикетные** (их целью является осуществление предусмотренного этикетом данного социума особого события, поступка в социальной сфере); 4) **оценочные** (жанры, которые изменяют самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и другие манифестации с принятой в обществе шкалой ценностей) [10, с. 91–92].

Выбранная нами для анализа сфера функционирования речевых жанров относится к деловой коммуникации, к официально-деловому стилю речи. Для данного стиля характерно огромное количество жанров и явное их разнообразие. Наиболее полная классификация жанров официально-делового стиля основывается на трёх экстралингвистических признаках: сфере делового общения (выделяются законодательный, юрисдикционный, административный и дипломатический подстили), форме речи (устная и письменная) и цели общения (предписание, ходатайство, информирование) (Л. Р. Дускаева и О. В. Протопопова) [8, с. 69–78].

Учитывая выше описанный опыт систематизации речевых жанров и основные функции менеджмента персонала, мы предлагаем свою классификацию текстов, используемых в сфере менеджмента персонала. Как и в случаях с классификацией речевых жанров других сфер употребления, сложно ограничиться выделением одного критерия.

Первый выделяемый нами критерий — сфера коммуникации, а именно уровень делового общения. Он включает в себя следующие подуровни:

1) *законодательный* — используется для регулирования трудовых отношений на государственном уровне. К нему относятся жанры закона, нормативного акта, указа, постановления;

2) *административный* или *документальный* — функционирует в рамках одной или нескольких организаций и имеет юридическо-правовое значение. Реализуется в жанрах заявления, приказа, устава, договора, контракта и т. д.;

3) *процессуальный* подуровень делового общения используется для реализации рабочего процесса в жанрах телефонных переговоров, совещания, делового письма и др.

Рассматривая форму речи как второй критерий разграничения жанров, мы считаем необходимым совместить его с критерием *контактности / дистантности*. В результате в сфере менеджмента персонала можно выделить следующие группы жанров:

1) *устные контактные*: представление, собеседование, инструктаж, совещание и под.;

2) *устные дистантные*: телефонные переговоры, дистантное интернет-совещание (селекторное видеосовещание) и под.;

3) *письменные дистантные*: резюме, анкетирование, тестирование, деловая переписка и под.;

4) *письменные контактные*: онлайн-интервью, онлайн-конференция, чат.

Последний и, на наш взгляд, основной критерий разграничения жанров менеджмента персонала — это *коммуникативная цель*. Этот критерий учитывает профессиональные функции HR-менеджера:

— «наём, отбор и приём персонала; деловая оценка персонала при приёме на работу;

— аттестация персонала; профориентация и трудовая адаптация персонала;

— мотивация трудовой деятельности персонала и его использования;

— управление нововведениями в кадровой работе;

— обучение, повышение квалификации и переподготовка кадров;

— высвобождение персонала и др.» [7, с. 79].

Критерий определения коммуникативной цели функций HR-менеджера лежит в основе выделения следующих групп речевых жанров:

1) *информативные* (служат для распространения какой-либо информации в обществе, среди определённого круга лиц либо в межличностном общении): объявление, резюме, закон, презентация, должностная инструкция и др.;

2) *оценочные* (служат для реализации контроля компетентности и работоспособности сотрудника или претендента на замещение вакансии): собеседование, тестирование, анкетирование, отчёт и др.;

3) *обучающие* (жанры, содержащие актуальную обучающую информацию и предназначенные для формирования у сотрудника определённого уровня знаний, навыков, умений, позволяющие профессионально выполнять обязанности, повысить квалификацию): инструктаж, тренинг, занятие, лекция, консультация и под.;

4) *этикетные* (тексты, используемые для соблюдения правил делового общения, делового этикета): приветствие, прощание, сопроводительное письмо, презентация, поздравление, отказ и под.

Так, на наш взгляд, выглядит классификация основных используемых в менеджменте персонала жанров. Рассмотрим на примере процесса отбора персонала использование жанров из различных вышеперечисленных групп.

Жанр	Уровень делового общения			Форма речи				Коммуникативная цель			
	Законодательный	Административный	Процессуальный	Устный контактный	Устный дистантный	Письменный дистантный	Письменный контактный	Информативный	Оценочный	Обучающий	Этикетный
Объявление о вакансии			+			+		+			
Резюме			+			+		+			
Сопроводительное письмо			+			+					+
Телефонные переговоры			+	+				+			
Собеседование			+	+					+		
Заявление о приёме на работу		+				+		+			
Трудовой договор		+				+		+			
Инструктаж			+	+						+	

В результате проведённого исследования мы установили, что стандартная процедура отбора персонала проходит посредством использования определённого набора речевых жанров. Проанализировав существующий опыт классификации речевых жанров и функциональные особенности выбранной нами сферы коммуникации, мы представили свою классификацию речевых жанров, используемых в сфере

менеджмента персонала. Основу этой классификации составляют три критерия: уровень делового общения; форма речи, в том числе контактность / дистантность адресанта и адресата; коммуникативная цель.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. / М. М. Бахтин. — М., 1996. — Т. 5. — С. 159–206.
2. Богин Г. И. Речевой жанр как средство индивидуализации / Г. И. Богин // Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 12–22.
3. Грачёв М. В. Суперкадры : управление персоналом в международной корпорации / М. В. Грачёв. — М. : Дело, 1993. — 208 с.
4. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — М. : Знак, 2010. — 600 с.
5. Дементьев В. В. Коммуникативная генерика : речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия / В. В. Дементьев // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 2002. — Вып. 3. — С. 18–40.
6. Эйгер Г. В. К построению текстов / Г. В. Эйгер, В. Л. Юхт // Лингвистика текста. — М. : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. — Ч. 1. — С. 103–109.
7. Кибанов А. Я. Этика деловых отношений : учебник / А. Я. Кибанов, Д. К. Захаров, В. Г. Коновалова. — М. : ИНФРА-М, 2003. — 368 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [ред. М. Н. Кожина]. — М. : Флинта : Наука, 2003. — 696 с.
9. Холодович А. А. Типология речи / А. А. Холодович // Историко-типологические исследования. — М. : Наука, 1967. — С. 202–208.
10. Шмельова Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмельова // Жанры речи. — Саратов, 1997. — С. 88–99.

References

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // Sobr. soch. / M. M. Bakhtin. — M., 1996. — T. 5. — S. 159–206.
2. Bogin G. I. Rechevoy zhanr kak sredstvo individualizatsii / G. I. Bogin // Zhanry rechi. — Saratov, 1997. — S. 12–22.
3. Grachev M. V. Superkadry : upravlenie personalom v mezhdunarodnoy korporatsii / M. V. Grachev. — M. : Delo, 1993. — 208 s.
4. Dementev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov / V. V. Dementev. — M. : Znak, 2010. — 600 s.
5. Dementev V. V. Kommunikativnaya genistika : rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsialnogo vzaimodeystviya / V. V. Dementev // Zhanry rechi. — Saratov : Kolledzh, 2002. — Vyp. 3. — S. 18–40.
6. Yeyger G. V. K postroeniyu tekstov / G. V. Yeyger, V. L. Yukht // Lingvistika teksta. — M. : MGPIIYa im. M. Toreza, 1974. — Ch. 1. — S. 103–109.
7. Kibanov A. Ya. Etika delovykh otnosheniy : uchebnik / A. Ya. Kibanov, D. K. Zakharov, V. G. Konvalova. — M. : INFRA-M, 2003. — 368 s.
8. Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / [red. M. N. Kozhina]. — M. : Flinta : Nauka, 2003. — 696 s.
9. Kholodovich A. A. Tipologiya rechi / A. A. Kholodovich // Istoriko-tipologicheskie issledovaniya. — M. : Nauka, 1967. — S. 202–208.
10. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra / T. V. Shmeleva // Zhanry rechi. — Saratov, 1997. — S. 88–99.

Павлова Олена Володимирівна,

аспірант Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України; Київ, Україна;
e-mail: pawlowakiew@gmail.com; тел.: +38–097–640–56–04

КЛАСИФІКАЦІЯ МОВЛЕННЄВИХ ЖАНРІВ У СФЕРІ МЕНЕДЖМЕНТУ ПЕРСОНАЛУ

Анотація. Усі мовні жанри мають свої особливості і типологію залежно від стилю і сфери вживання. У даній статті проаналізовано накопичений досвід класифікації мовних жанрів і представлена авторська спроба класифікації мовних жанрів, що використовуються у сфері менеджменту персоналу. Дана класифікація заснована на кількох критеріях, які виділяються на основі структури менеджменту, способу комунікації, функціональних особливостей аналізованої сфери комунікації. Основні жанри менеджменту персоналу було розділено відповідно трьом критеріям на такі групи: 1) рівень ділового спілкування: законодавчі, адміністративні (документальні), процесуальні; 2) форма мовлення та її контактність / дистантність: усні контактні, усні дистантні, письмові дистантні, письмові контактні; 3) комунікативна мета: інформативні, оцінні, навчальні мовні жанри. У статті наведено приклад функціонування мовленнєвих жанрів у конкретній комунікативній ситуації.

Ключові слова: мовні жанри, менеджмент персоналу, рівень ділового спілкування, форма мовлення, контактність / дистантність, комунікативна мета.

Olena V. Pavlova,

post-graduate student of the O. O. Potebnya Institut of Linguistics, National Academy of Sciences of Ukraine; Kyiv, Ukraine;
e-mail: pawlowakiew@gmail.com; tel.: +38–097–640–56–04

CLASSIFICATION OF SPEECH GENRES IN THE SPHERE OF PERSONNEL MANAGEMENT

Summary. All speech genres have their own characteristics and typology depending on the style and scope of use. This article analyzes the experience of classification of speech genres and presented its attempt to classify the speech genres used in the field of personnel management. This classification is based on several criteria identified in connection with the management structure, means of communication, functional features analyzed the communication sphere. Key management personnel genres were divided according to the following three criteria for such groups: 1) business communication: legislative, administrative (documentary), procedural; 2) a form of speech and its contact / distance: orally contact, orally distant, distant writing, writing contact; 3) communicative purpose: informative, evaluation, training, speech genres. The article is an example of the functioning of genres in particular communicative situation.

Key words: speech genres, personnel management, level of business communication, speech form, sociability / remoteness, communicative purpose.

Статтю отримано 25.10.2013 р.

УДК [811.161.1+811.581]’42(089.3):070

КУЛИШ Инна Андреевна,
преподаватель кафедры русского языка как иностранного Благовещенского государственного педагогического университета; Благовещенск, Россия;
e-mail: innakulish@yahoo.com; тел.: +7-961-954-7332

ЛИ ЧЖЭНИ,
магистрант международного факультета Благовещенского государственного педагогического университета; Благовещенск, Россия;
e-mail: innakulish@yahoo.com

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ АФОРИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. Являясь формой хранения сокровищ человеческой мысли, афоризмы в течение веков изучались в различных областях науки: в истории и философии, в риторике и литературоведении. В современной лингвистике выделяется несколько подходов к изучению этих языковых единиц. Афоризмы рассматриваются как стилистические выразительные средства языка, как фразеологические единицы, как интертекстуальные включения, в основе которых лежит феномен прецедентности.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования функционирования афоризмов в современной прессе России и Китая. Во вводной части статьи афоризмы определяются как прецедентные тексты, которые благодаря экспрессивности, широкой известности и востребованности обеспечивают необходимое социальное воздействие на читателей. В основной части представлены примеры семантических, формальных и стилистических трансформаций, которым подвергаются прецедентные тексты афоризмов в газетных заголовках популярных российских и китайских периодических изданий. В заключительной части статьи на основе полученных эмпирических данных сделаны выводы об особенностях использования афоризмов в современном социокультурном контексте российской и китайской прессы.

Ключевые слова: афоризм, прецедентный текст, СМИ, газетная периодика, трансформация, русский язык, китайский язык.

Афоризмы как концентрированная форма хранения сокровищ человеческой мысли вызывают большой интерес у современных исследователей (Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, Ю. А. Сорокин, В. В. Красных, П. П. Ветров, Д. Б. Гудков, Е. А. Земская, И. В. Захаренко и др.). Обладая такими формальными характеристиками как смысловая завершенность, относительная краткость, глубина суждения, обобщенность, особая выразительность, наличие в составе актуализированных слов-концептов, афоризмы представляют собой многоплановое явление, которое недостаточно изучено в лингвокультурологическом, социолингвистическом, психолингвистическом аспекте.

Афоризмы функционируют в текстах по-разному: от прямой цитации в полной форме с указанием автора до прецедентного текста, отсылающего реципиента к афоризму-первоисточнику. Вслед за Ю. Н. Карауловым, мы называем *прецедентными* тексты «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные её широкому окружению, включая предшественников и современников; 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 215–216]. Совершенно очевидно, что каждый прецедентный текст вызывает свою, уникальную систему ассоциаций в сознании носителя языка, выражая национально-специфические особенности менталитета народа, конкретной социальной общности людей. Иными словами, прецедентность представляет собой некий общекультурный код, позволяющий каждому из нас идентифицировать «своих».

Предметом рассмотрения данной статьи являются трансформации, которым подвергаются прецедентные тексты афоризмов в заголовках российской и китайской прессы. Как известно, тексты СМИ представляют собой социально значимые сообщения, важнейшая функция которых — воздействие на читателя. Специфика газетного заголовка, одного из основных композиционных элементов текста, состоит в том, что он привлекает повышенное внимание при первом знакомстве с публикацией, и, в конечном итоге, обеспечивает прочтение или непрочтение газетной статьи. Использование в заголовках таких ярких, экспрессивных текстов как афоризмы и крылатые слова позитивно воздействует на эмоциональное восприятие читателя, способствует установлению контакта, существенно увеличивает общий информационный объем за счёт имплицитной аргументации без расширения объема эксплицитного текста.

С целью сбора эмпирических данных мы исследовали периодические издания России и Китая за период с 1 января по 31 марта 2012 года: 1) общественно-политические газеты «Аргументы и факты» (далее — «АиФ») и 人民日报 «Народная газета Китая» (далее — «Жэминь Жибао»; 2) экономические газеты «Коммерсантъ» и 中国经济 «Экономика Китая»; 3) спортивные газеты «Советский спорт» и 中国体育 «Китайский спорт». Способом сплошной выборки было выявлено 87 примеров прецедентных текстов афоризмов в газетных заголовках (59 в российских газетах и 28 — в китайских). По видам газет иллюстративный материал распределился следующим образом: а) в российских газетах: в общественно-политической — 25; в экономической — 7; в спортивной — 27 примеров; б) в китайских:

в общественно-политической — 15; в спортивной — 13 примеров; в экономической — не выявлено ни одного примера использования афоризмов в заголовках.

Количественный анализ иллюстративного материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Преобладание примеров прецедентных текстов в заголовках общественно-политических и спортивных газет России и Китая доказывает, что именно в этих социальных сферах наблюдается наибольшее стремление СМИ воздействовать на общественное мнение. В отличие от российской газеты «Коммерсантъ», в заголовках газеты «Экономика Китая» мы не обнаружили ни одного афоризма, что может служить косвенным подтверждением стремления китайских СМИ в сфере экономики придерживаться конкретных фактов, а не идей и оценочных суждений авторов.

2. Первоисточниками большинства прецедентных текстов из российских газет являются литературные произведения из курса общеобразовательной средней школы, затем — крылатые фразы из песен и фильмов, что свидетельствует о стремлении российской прессы говорить с читателем на его языке, строить диалог на доверии. В китайском иллюстративном материале преобладают высказывания философов, писателей, поэтов, политиков о высокой морали, что позволяет говорить о наставительной цели их употребления.

Афоризмы функционируют в текстах, по выражению П. А. Флоренского, как «голос прошлого», и в результате трансформаций приобретают в современном социокультурном контексте новый смысл. Исследуя проблему «текста в тексте», П. П. Ветров отмечает, что частичная цитация «воспроизводит только фрагмент афоризма, который, будучи изолирован от своего первоначального контекстного окружения, становится своеобразным «микротекстом», вобравшим в себя некоторые (если не все) существенные микросмыслы первоначального текста» [1, с. 136].

Рассмотрим примеры трансформаций, которым подвергаются прецедентные тексты афоризмов в современной прессе, опираясь на классификацию Л. А. Нефёдовой [3, с. 85–86].

1. Семантические трансформации:

а) новая семантическая интерпретация прецедентного текста:

Наш «ответ» Чемберлену. (Андрей Аршавин проиграл конкуренцию за место в составе 18-летнему Алексу Окслейд-Чемберлену, а выйдя на поле, стал виновником пропущенного гола; «Советский спорт» № 8–9, 23 января, с. 21). Первоисточник — лозунг «Наш ответ Чемберлену», появившийся в связи с нотой английского правительства советскому от 23 февраля 1927 года за подписью министра иностранных дел Джозефа Остина Чемберлена и последовавшей в ответ советской пропагандистской кампанией.

剑胆琴心 剑琴和鸣 — 吴江检验检疫局机关体育文化建设解读。

(Лозунг в городском образовательном учреждении; «Китайский спорт» № 11083, 12 января, с. 3). Первоисточник: строка из стихотворения древнего поэта У Ланя *剑胆琴心剑琴和鸣* (元·吴莱《寄董与几》诗：《小榻琴心展，

长缨剑胆舒》。

— Вкладывать в звуки циня своё сердце и в меч — свой жёлчный пузырь (У Лань). [Цинь — китайский национальный музыкальный инструмент]. Современная интерпретация: «Работники сферы образования должны вкладывать в работу всю душу и сердце».

б) Метафорическая интерпретация афоризма, например: *保持作风纯洁，*

密切血肉联系 — 论学习胡锦涛在十七届中央纪委七次全会上讲话。

(Чиновники должны сохранять тесную связь с народом, заботиться о людях; «Жэминь Жибао», 18 января, с. 1). Первоисточник: *保持作风纯洁，*

密切血肉联系。 — 胡锦涛 — Букв.: Чиновники связаны с народом как мясо и кровь (Ху Цзинтао)。

2. Формальные и семантические трансформации:

а) полная замена прецедентного текста другим, например:

Мы бедные... потому что больные, или наоборот? (Кто и как будет нас лечить? Ответ на эти и другие вопросы дали эксперты на Гайдаровском форуме, недавно прошедшем в Москве; «АиФ» № 5, 1–7 февраля, с. 15). Первоисточник — фраза поэта, юмориста и сатирика А. П. Шполянско, впервые опубликованная в газете «Шанхайская Заря» 12 ноября 1931 года в форме «Лучше быть богатым и здоровым, чем больным и бедным». Выполнена замена исходного текста, изменён тип высказывания.

О соло, Миша! (Форвард московского «Динамо» Михаил Анисин всегда готов дать сольный вокальный концерт для болельщиков; «Советский спорт» № 9, 24 января, с. 16). Первоисточник — строка из популярной в 1960-е годы песни «О соло мио!» («Моё солнце») на слова Джованни Капурро, которую исполнял итальянский певец Робертино Лорети.

б) Частичная замена элементов прецедентного текста с целью его переосмысления; при этом исходный прецедентный текст используется как «каркас», который наполняется новым смысловым содержанием: *А вуз и ныне там?* (Куда катится отечественное высшее образование; «АиФ» № 12, 21–23 марта, с. 16). Первоисточник — фраза «А воз и ныне там!» из басни И. А. Крылова «Лебедь, Рак и Щука».

в) Формальное дополнение, расширение прецедентного текста, которое приводит к его семантической трансформации, например: *А судьи вот кто.* (Дмитрий Медведев отобрал тройку кандидатов для Страсбургского суда; «АиФ» № 34, 25 февраля, с. 1). Первоисточник — фраза Чацкого «А судьи кто?» из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

3. Стилистические трансформации:

а) антонимия, например: *Время, назад!* (Россияне недовольны тем, что осенью 2011 г. в стране

стрелки часов не стали переводить на зимнее время; «АиФ» № 9, 29 февраля, с. 18). Первоисточник — строка «Впе-рёд, вре-мя!» из пьесы В. В. Маяковского «Баня».

б) Метафоризация, например:

一枝一叶总关情 — 太原全力推进民生工作纪实。

(Ветви и листья (чиновники) оказывают дереву (государству, то есть людям) маленькую и большую помощь; «Жэминь Жибао» 4 февраля, с. 1). Первоисточник: 一枝一叶总关情。— 刘亮明 — Ветви и листья дерева одинаково влияют на его здоровье (Лю Минлян). Афоризм написан на древнем литературном языке вэньянь, который использовался исключительно в так называемых «высоких» жанрах литературы, философии, религии, доступных только образованным людям. Использован в разговорном стиле.

в) Перефразирование, например:

此生不需浮名伴 — 写在《两弹一星》元勋朱光亚逝世。— 周年 (Люди должны жить без тщеславия; «Жэминь Жибао», 26 февраля, стр. 4). Первоисточник: 此生不需浮名伴朱光亚: 人生为一大事来不用浮名伴此生 — Люди не должны обращать внимание на мелочи (Чжу Гуанъя). Переосмысление исходного текста вызвано контекстной синонимической заменой.

г) Аллюзия, например: *Наббл мне друг, но истина дороже...* (Звёздный бомбардир «Нью-Джерси» Илья Ковальчук забил гол; «Советский спорт» № 31, 5 марта, с. 18). Мысль о том, что истина должна быть выше личных отношений с другом возникла в полемике философов античности Платона, Сократа и Аристотеля в IV веке до н. э. В современной форме — «Платон мне друг, но истина дороже» — сформулирована классиком испанской литературы М. Сервантесом в романе «Дон-Кихот» (1615). В нашем примере имеет шуточный характер вследствие замены имени собственного.

д) Ирония, например: *Любой каприз за ваши деньги!* (Прозрачные выборы, исключая фальсификацию, обошлись в 18 млрд. руб.; «АиФ» № 9, 29 февраля — 6 марта, с. 3). Фраза принадлежит Остапу Бендеру, персонажу романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок».

Таким образом, полученные результаты подтверждают, что прецедентные тексты афоризмов активно функционируют в современной прессе России и Китая, подвергаясь при этом различным трансформациям. В русском иллюстративном материале переосмысление исходных текстов в контексте нового времени обеспечивается преимущественно частичными формальными трансформациями.

В примерах из китайской прессы преобладают новые семантические интерпретации первоначальных текстов, не сопровождающиеся какими-либо изменениями в структуре, а также метафорические интерпретации, основанные на глубокой образности и экспрессивности китайского языка. Функционирование афоризмов в неизменной, «законсервированной», форме объясняется национально-культурными и образовательными традициями Китая: мудрые мысли заучиваются наизусть, цитируются, передаются из поколения в поколение в своей первоначальной форме, являясь средством обучения, воспитания, социального воздействия.

Представляется очевидным, что использование и любые трансформации прецедентных текстов афоризмов в современной российской и китайской прессе обеспечивают современные интерпретации исходных смыслов с целью воздействия на общественное сознание.

Литература

1. *Ветров П. П.* Роль прецедентности в процессе становления и консервации фразеологических единиц в китайском языке / П. П. Ветров // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 1. — С. 136–142.
2. *Караулов Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Русский язык и языковая личность. — 4-е изд. — М.: Наука, 2004. — 264 с.
3. *Нефёдова Л. А.* Прецедентные тексты современных немецких афоризмов (на материале книги заметок и афоризмов Элмара Шенкеля) / Л. А. Нефёдова // Филологические науки. — 2005. — № 4. — С. 84–93.

Источники иллюстративного материала

4. *Аргументы и факты*: общественно-политическое периодическое издание. — 2012.
5. *Коммерсантъ*: экономическое периодическое издание. — 2012. — № 1–57.
6. *Советский спорт*: спортивное периодическое издание. — 2012. — № 1–44.
7. 人民日报 Народная газета Китая: общественно-политическое периодическое издание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://paper.people.com.cn/rmrb/html/> (1 января — 31 марта 2012 г.)
8. 中国经济 Экономика Китая: экономическое периодическое издание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://paper.ce.cn/jjrb/html/> (1 января — 31 марта 2012 г.)
9. 中国体育 Китайский спорт: спортивное периодическое издание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sportsol.com.cn/yyl/paper/zgtyb/> (1 января — 31 марта 2012 г.)

References

1. *Vetrov P. P.* Rol' pretsedentnosti v protsesse stanovleniya i konservatsii frazeologicheskikh edinit v kitayskom yazyke / P. P. Vetrov // Vestnik MGU. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. — 2007. — № 1. — S. 136–142.
2. *Karaulov Yu. N.* Rol' pretsedentnykh tekstov v strukture i funktsionirovaniy yazykovoy lichnosti / Yu. N. Karaulov // Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost. — 4-e izd. — M.: Nauka, 2004. — 264 s.
3. *Nefedova L. A.* Precedentnye teksty sovremennykh nemetskikh aforizmov (na materiale knigi zametok i aforizmov Elmara Shenkelya) / L. A. Nefedova // Filologicheskie nauki. — 2005. — № 4. — S. 84–93.

Istochniki illyustrativnogo materiala

4. *Argumenty i fakty*: obshchestvenno-politicheskoe periodicheskoe izdanie. — 2012.
5. *Kommersant*: ekonomicheskoe periodicheskoe izdanie. — 2012. — № 1–57.
6. *Sovetskiy sport*: sportivnoe periodicheskoe izdanie. — 2012. — № 1–44.

7. 人民日报 Narodnaya gazeta Kitaya: obshchestvenno-politicheskoe periodicheskoe izdanie [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa : <http://paper.people.com.cn/rmrb/html/> (1 yanvarya — 31 marta 2012 g.)

8. 中国经济 Ekonomika Kitaya: ekonomicheskoe periodicheskoe izdanie [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa : <http://paper.ce.cn/jjrb/html/> (1 yanvarya — 31 marta 2012 g.)

9. 中国体育 Kitayskiy sport: sportivnoe periodicheskoe izdanie [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa : <http://www.sportsol.com.cn/yjs/paper/zgtyb/> (1 yanvarya — 31 marta 2012 g.)

Куліш Інна Андріївна,

викладач кафедри російської мови як іноземної Благовіщенського державного педагогічного університету;

Благовіщенськ, Росія;

e-mail: innakulich@yahoo.com; тел.: +7-961-954-7332

Лі Чжені,

магістрант міжнародного факультету Благовіщенського державного педагогічного університету; Благовіщенськ, Росія;

e-mail: innakulich@yahoo.com

ПРЕЦЕДЕНТНІ ТЕКСТИ АФОРИЗМІВ У СУЧАСНІЙ ПРЕСІ РОСІЇ ТА КИТАЮ

Анотація. Будучи формою зберігання скарбів людської думки, афоризми протягом століть вивчалися в різних наукових галузях: в історії і філософії, в риторичі та літературознавстві. У сучасній лінгвістиці виділяється кілька підходів до вивчення цих мовних одиниць. Афоризми розглядаються як стилістичні виразні засоби мови, як фразеологічні одиниці, як інтертекстуальні вклучення, в основі яких лежить феномен прецедентності.

У даній статті представлені деякі результати дослідження функціонування афоризмів у сучасній пресі Росії та Китаю. У вступній частині статті афоризми визначаються як прецедентні тексти, які завдяки експресивності, широкій популярності та затребуваності здійснюють необхідний соціальний вплив на читачів. В основній частині подано приклади семантичних, формальних і стилістичних трансформацій, яким піддаються афоризми у газетних заголовках популярних російських і китайських періодичних видань. У заключній частині статті на основі отриманих емпіричних даних зроблено висновки про особливості використання афоризмів у сучасному соціокультурному контексті російської та китайської преси.

Ключові слова: афоризм, прецедентний текст, ЗМІ, газетна періодика, трансформація, російська мова, китайська мова.

Inna A. Kulish,

lecturer at the Chair of the Russian language for foreign students of Blagoveshchensk State Teachers' Training University;

Blagoveshchensk, Russia;

e-mail: innakulich@yahoo.com; тел.: +7-961-954-7332

Li Zhengui,

master's degree student of International faculty of Blagoveshchensk State Teachers' Training University;

Blagoveshchensk, Russia;

e-mail: innakulich@yahoo.com

PRECEDENT TEXTS OF APHORISMS IN UP-TO-DATE RUSSIAN AND CHINESE PRESS

Summary. For centuries aphorisms as a form of preserving the treasury of human thought were investigated in different sciences: in history and philosophy, in rhetoric and study of literature. Modern linguistics approaches these language units, in particular, as stylistic devices, phraseological units, inter-textual inclusions of the precedent phenomena.

This article presents some research results on precedent texts of aphorisms used in the newspaper headings of some up-to-date Russian and Chinese periodicals. In the leading part of the article aphorisms are defined as precedent texts that guarantee social influence of press due to their being expressive, widely-known, and frequently-used. Different types of semantic, formal and stylistic transformations that precedent texts of aphorisms undergo in newspaper headings are analyzed in the main part. The last part of the article contains the based on the empiric data conclusions that specify functioning of aphorisms in up-to-date socio-cultural context of Russian and Chinese press.

Key words: aphorism, precedent text, media, press, transformation, the Russian and Chinese languages.

Статтю отримано 10.10.2013 р.

УДК [811.111+811.161.1]’246:004.934.2

ГУСЄВА Аліна Сергіївна,аспірант кафедри загального мовознавства й історії мови Донецького національного університету;
Донецьк, Україна;
e-mail: alyna201073@gmail.com; тел.: +38-050-9763363, +38-050-0216610

ПРОБЛЕМИ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ У ВІРТУАЛЬНИХ ЩОДЕННИКАХ (ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ)

Анотація. Стаття присвячена розгляду мовних особливостей англомовних і російськомовних блогів. Віртуальний комунікативний простір — це нова сфера функціонування мови, яка відрізняється специфічними рисами: канал зв'язку, гіпертекст, інтертекстуальність тощо. Комунікація у блогах є культурно-зумовленою. Зазначено специфічні риси мовної поведінки комунікантів у віртуальному просторі під час спілкування у блогах. Розглянуто поняття лінгвокультурного бар'єру як певної сукупності характеристик тієї чи іншої локальної культури, мовних засобів їх вираження і комунікативних стратегій, що ускладнюють або перешкоджають досягненню комунікативної мети. Проаналізовано явище переключення кодів, що межує з поняттям білінгвізму і трілінгвізму. Лінгвокультурні відмінності детермінують характер комп'ютерно-опосередкованої комунікації і збільшують кількість комунікативних збоїв. Визначено причини комунікативних поразок і умови їх уникнення. Зроблено висновки, що для досягнення максимальної ефективності комунікативної взаємодії необхідно виявити найбільш оптимальні лінгвістичні форми реалізації комунікативних намірів співрозмовників і сформулювати єдині правила спілкування для представників різних лінгвокультур.

Ключові слова: комунікація, віртуальний дискурс, блогосфера, комунікативна стратегія, комунікативна поразка, лінгвокомунікативний бар'єр.

Дослідження мовного спілкування засноване на розумінні комунікації як «діяльності людини, спрямованої щоразу до певної мети, до найкращого і найзручнішого висловлення своїх думок і почуттів...» [7, с. 48]. Інтернет-простір характеризується постійним зростанням кількості комунікантів, розширенням технічних можливостей для комунікації, виникненням нових жанрів і модернізацією існуючих. Віртуальна комунікація являє собою мовну й мовленнєву взаємодію між суб'єктами за посередництвом комп'ютера чи ін. портативного пристрою й за допомогою Інтернету. Для характеристики мови, яка функціонує в межах інтернет-простору, доречно використовувати поняття дискурсу. При цьому ми розуміємо дискурс як «мову у житті» — «фокус дій мовних і мовленнєвих, соціокультурних і прагматичних, когнітивних і психологічних факторів» [5, с. 2]. Під час віртуальної комунікації утворюється особлива модель реальності. Ця реальність характеризується «ефектом присутності людини в ній і дозволяє взаємодіяти з реальними і уявленими об'єктами» [1, с. 23]. Слушним є розуміння комунікативного простору як «подумки уявлюваного середовища», «духовного ландшафту», у який занурено висловлення і за допомогою якого це висловлення можна інтерпретувати [3, с. 113]. На сьогодні окремі різновиди спілкування у глобальній мережі вивчені фрагментарно, чим підтверджується необхідність комплексного та систематичного аналізу віртуального дискурсу.

Міжкультурна комунікація в межах комп'ютерного дискурсу становить предмет дослідження наукових праць таких вчених, як Д. Кристал, С. Урайт, С. Геррінг, Н. Г. Асмус, О. М. Єлькіна, О. В. Лутвінова та ін. Блогосфера постає «як один з найбільш розвинутих ареалів комунікативного інтернет-простору» [4, с. 1]. За Д. Кристалом, кожен окремий блог — це «асинхронний чат» [8, с. 130]. Сукупність блогів становить динамічну всесвітню інформаційну систему, в якій відображаються суспільні зв'язки та культурні меми. Таким чином, вивчення комунікації у блогах становить важливий компонент системного аналізу віртуального дискурсу. Актуальність дослідження зумовлена необхідністю систематизації мовних засобів, які використовуються у віртуальних щоденниках.

Мета дослідження — проаналізувати мовні особливості міжкультурної комунікації на прикладі англомовних і російськомовних блогів. Досягнення мети передбачає розв'язання ряду завдань: 1) визначити ключові поняття, як-от: комунікативна стратегія; комунікативна поразка, лінгвокультурний бар'єр; 2) проаналізувати текстовий матеріал, узятий зі сторінок кількох сайтів: <http://www.bravenet.com/>, <http://blogs.yandex.ru/>, <http://blog.i.ua/>; 3) схарактеризувати мовні засоби, якими користуються учасники віртуальної комунікації для досягнення комунікативної мети.

Об'єкт дослідження — блог як засіб міжкультурної комунікації в Інтернеті. Предмет — лінгвістичні особливості інтернет-комунікації у блогах, які використовуються учасниками під час спілкування та сприяють досягненню комунікативної мети. Матеріал дослідження добрався з корпусу блогів, що належать до різних лінгвокультур. Кількість проаналізованих блогів — 450. Їх умовно можна поділити на три складові: англійські (<http://www.bravenet.com/>), російські (<http://blogs.yandex.ru/>), українські блоги (<http://blog.i.ua/>). У межах транскрипту блога проаналізовано тексти коментарів користувачів. Особливу увагу було звернуто на повідомлення, написані мовою, яка не є рідною (наприклад, коли росіяни пишуть англійською). Аналіз комунікативної діяльності у міжкультурному аспекті здійснюється на ґрунті міждисциплінарного підходу (з урахуванням когнітивних, соціологічних і культурологічних аспектів комунікації).

Функціонування мови як основного засобу спілкування відображає специфіку когнітивних і комунікативних процесів при комп'ютерно-опосередкованій комунікації, оскільки в індивідуума (або ко-

ристувача) існує свій індивідуальний спосіб сприйняття світу через систему поглядів, традицій, освіти та ін. «Система образів, понять, еталонів, стереотипів і символів, які відображають знання певного народу про навколишній світ, оцінюються відповідно до переваг і норм, прийнятих у суспільстві, і фіксуються у значенні мовних одиниць, являє собою мовну картину світу, основою для реконструкції якої можуть служити або мовні номінації, або «факти мови» (різні лексеми, граматичні форми, словотвірні засоби, просодія, синтаксичні конструкції, фраземи, правила лексико-семантичної сполучуваності та ін.), або культурні концепти, вираженням яких є вся сукупність мовних і немовних засобів, які прямо або опосередковано ілюструють, уточнюють і розвивають їх зміст» [5, с. 23].

Комп'ютерно-опосередкована комунікація вимагає певних технічних пристроїв і знань. Віртуальний комунікативний простір — це нова сфера функціонування мови, яка відрізняється специфікою каналу зв'язку. Якою саме мовою спілкуватися — одне з ключових питань міжкультурної інтернет-комунікації. Як правило, застосовуються мови, які мають статус мов світового значення. До таких належать, зокрема, російська і англійська мови. Аналіз блогів на порталі <http://blog.i.ua/> показав, що з 1250 представлених лише 150 ведуться українською мовою. Отже, українські блогери досить часто використовують російську мову у власних блогах, щоб отримати більше відгуків на свій запис у віртуальному щоденнику, адже українська мова не так поширена у світі і, відповідно, в інтернет-мережі. Проблема вибору мови залежить від її престижу, а також від ступеня володіння нею. Важливий аспект — тип комунікації і мета. Під час інформаційного пошуку може застосовуватися одна мова, під час міжособистісного спілкування за допомогою Інтернету — інша. Про це зазначає С. Урайт [11, с. 10]. На прикладі проаналізованих блогів можна зазначити, що вибір мови залежить від теми повідомлення, від того, до кого це повідомлення адресоване.

На вибір мови впливає характер повідомлення. Дуже часто спостерігається явище «переключення кодів» — тобто переходу з однієї мови на іншу [10, с. 58]. Це специфічна риса віртуального середовища. Явище переключення кодів межує з поняттям білінгвізму і трілінгвізму. Про так званих білінгвів зазначається у статті Д. Канліф і С. Геррінг [9]. Було помічено, що респонденти переключують мовні коди по декілька разів за одну сесію. Подвійне використання мов в межах однієї сесії — явище, яке досить активно використовується у міжкультурній комунікації. Воно потребує подальшого вивчення.

Мовна поведінка користувачів, які володіють кількома мовами, визначається певними принципами. Так, у російськомовний текст активно залучають фрази з популярних пісень, афоризми чи крилаті вислови. Такі результати були доведені шляхом аналізу асинхронних повідомлень у блогах [9, с. 134]. Блог як віртуальний щоденник практично не обмежує творчу насагу авторів повідомлень та коментарів. Обмеження під час комп'ютерно-опосередкованого спілкування виникають через недостатні технічні та мовні навички користувачів.

Комунікація у блогах є культурно-зумовленою. Блогу як жанру віртуального дискурсу притаманний особливий жаргон (скорочення, емотикони і т. д.), а також мовний етикет, дотримуваний комунікантами. Для повідомлень, створених носіями російської лінгвокультури, характерне використання як лінгвістичних, так і екстралінгвістичних засобів. До мовних засобів ми відносимо такі: лексичні (особові займенники множини в негативному контексті й однини в позитивному, використання комп'ютерного сленгу), лексико-граматичні (часте використання умовного способу, модальних дієслів, побудова негативних конструкцій); синтаксичні (еліipsis, односкладні речення, слова-речення з окличною або питальною інтонацією); серед стилістичних форм переважає сарказм. До екстралінгвістичних засобів відносимо емотикони, специфічні графічні позначення і символи, малюнки і карикатури, відео- та аудіофрагменти.

Представники англійської лінгвокультури при написанні повідомлень у блогі користуються побутовим, повсякденним варіантом мови, допускаючи на лексичному рівні: скорочення (*Ma, Grandma, daddy, u* замість *you*), зменшено-пестливу лексику, особові займенники однини (*me, he*), скорочені форми дієслів (*she's, don't, can't, couldn't, it's*); абрєвіатури, властиві письмовій репрезентації розмовної мови саме в комп'ютерно-опосередкованій комунікації (*BTW — by the way; SYS — see you soon*); вигуки (*Wow! Oh!*). Враховуючи багату синонімію англійської мови, її носії добирають з синонімічного ряду одиниці, які найбільш точно визначають поняття. Часто застосовується лексика з семантикою невизначеності (*hope, assume, believe*). На лексико-граматичному рівні помічено використання засобів, які допомагають висловити позитивну ввічливість (*could, should*); конструкцій, що припускають співробітництво (*ets ... , please advise if ...*); на рівні синтаксису використовуються прості пропозиції, безособові пропозиції, еліipsis; у плані стилістичного забарвлення повідомлення характерно використання гумору.

Під час міжкультурної комунікації постає проблема правильного вибору мовних засобів і використання їх у конкретній мовній ситуації. Важливість цього положення зростає в умовах віртуального спілкування представників різних лінгвокультур. Аналіз мовних засобів став підґрунтям для визначення потенційного ризику комунікативних поразок, які відбуваються під час інтернет-спілкування.

Комунікативними невдачами ми вважаємо: 1) повне або часткове нездійснення комунікативного наміру мовця, вираженого через інтенцію висловлювання; 2) порушення процесу обміну інформації; 3) невірну передачу або невірне сприйняття комунікативної установки комуніканта або окремих елементів повідомлення; 4) незапланований емоційний ефект; 5) наявність комунікативних висловлювань, що сигналізують про порушення ходу розгортання дискурсу [5, с. 12].

Більшість комунікативних поразок в умовах інтернет-комунікації відбувається, як правило, через лінгвокультурні бар'єри, які важко подолати учасникам — представникам різних етносів. Лінгво-

комунікативні бар'єри визначаються як «сукупність характеристик тієї чи іншої локальної культури, мовних засобів їх вираження і комунікативних стратегій, що ускладнюють або перешкоджають ефективному міжкультурному спілкуванню» [2, с. 15].

«Для досягнення максимальної ефективності комунікативної взаємодії необхідно виявити найбільш оптимальні лінгвістичні форми реалізації комунікативних намірів співрозмовників і сформулювати єдині правила спілкування для представників різних лінгвокультур» [2, с. 18–19]. Аналіз текстових повідомлень у блогах доводить думку про те, що лінгвокультурні відмінності комунікантів детермінують характер комп'ютерно-опосередкованої комунікації і збільшують кількість комунікативних збоїв. Для представників кожної лінгвокультури характерно дотримання своєї власної комунікативної стратегії в процесі комп'ютерно-опосередкованого спілкування, навіть форма і структура повідомлень є культурно-зумовленими. Якщо поведінка учасників блогу відповідає однаковій або ж схожій мовній стратегії, це дозволяє досягти ефективності й успішності віртуальної комунікації.

Отже, важливий аспект вдалої міжкультурної комунікації — когнітивна гнучкість, тобто здатність адекватно сприймати і розрізняти явища рідної і нерідних культур. Когнітивна гнучкість — це «готовність до сприйняття явищ, незнайомих індивіду з попереднього досвіду, визнання права представників іншої культури на сприйняття світу з інших понять і здатність до подолання комунікативних невдач» [2, с. 17].

Для мінімізації комунікативних невдач ми пропонує такі засоби: виділення рис, характерних для даних локальних культур; виділення корпусу мовних засобів, детермінованих тією чи іншою культурною характеристикою або їх сукупністю; побудова комунікативних стратегій на ґрунті визначених лінгвокультурних особливостей; налаштування на лінгвокультурні особливості співрозмовника і спілкування в межах обраної комунікативної стратегії.

Отже, міжкультурні відмінності детермінують характер комп'ютерно-опосередкованої комунікації. Це означає, що вибір комунікативної стратегії і мовних засобів залежно від характеристик локальних культур істотно впливає на успішність комунікації та сприяє подоланню лінгвокультурних бар'єрів. Представники кожної лінгвокультури слідує своїм власним унікальним комунікативним стратегіям, тому для досягнення двобічного ефективного спілкування необхідна взаємокорекція комунікативної стратегії мовних партнерів. Ефективність комунікації у межах віртуального простору підвищується, якщо учасники спілкування володіють знаннями про характеристики іншої культури. Отже, для повного адекватного сприйняття і успішного декодування інформаційного повідомлення реципієнт повинен не лише вправно володіти технічними засобами і мовою, а й певними фоновими знаннями. Вироблення засобів підвищення ефективності культурно-опосередкованої міжкультурної комунікації — наступний крок мовознавчих досліджень.

Література

1. *Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Асмус. — Челябинск, 2005. — 265 с.
2. *Волкова О. В.* Лингво-культурные барьеры компьютерно-опосредованной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Волкова. — Ульяновск, 2007. — 21 с.
3. *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
4. *Елькина О. М.* Лингво-социокультурные особенности языковой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале англоязычных блогов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. М. Елькина. — Пятигорск, 2012. — 28 с.
5. *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Лутовинова. — Волгоград, 2009. — 39 с.
6. *Оломская Н. Н.* Функционально-прагматические особенности компьютерно-опосредованной коммуникации в дискурсе PR / Н. Н. Оломская // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 8 (223). Филология. Искусствоведение. Вып. 51. — С. 103–105.
7. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — М. : Наука, 1974. — 428 с.
8. *Crystal D.* Language and the Internet / D. Crystal. — Cambridge University Press, 2004. — 284 p.
9. *Cunliffe D.* Introduction to Minority Languages, Multimedia and the Web / D. Cunliffe, S. C. Herring // New Review of Hypermedia and Multimedia. — 2005. — Vol. 11, N 2. — P. 131–137.
10. *Kelly-Holmes H.* An analysis of the language repertoires of students in higher education and their language choices on the internet (Ukraine, Poland, Macedonia, Italy, France, Tanzania, Oman and Indonesia) / H. Kelly-Holmes // International Journal on Multicultural Societies (IJMS). — 2004. — Vol. 6, N 1. — P. 52–75.
11. *Wright S.* Introduction / S. Wright // International Journal on Multicultural Societies (IJMS). — 2004. — Vol. 6, N 1. — P. 5–13.

References

1. *Asmus N. G.* Lingvistichestkie osobennosti virtualnogo kommunikativnogo prostranstva : dis. ... kand. filol. nauk / N. G. Asmus. — Chelyabinsk, 2005. — 265 s.
2. *Volkova O. V.* Lingvo-kulturnye baryery kompyuterno-oposredovannoy kommunikatsii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. V. Volkova. — Ulyanovsk, 2007. — 21 s.
3. *Gasparov B. M.* Yazyk. Pamyat. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya / B. M. Gasparov. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. — 352 s.
4. *Yel'kina O. M.* Lingvo-sotsiokulturnye osobennosti yazykovoy deyatel'nosti v sfere kompyuterno-oposredovannoy kommunikatsii (na materiale angloyazychnykh blogov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. M. Yel'kina. — Pyatigorsk, 2012. — 28 s.
5. *Lutovinova O. V.* Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtualnogo diskursa : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / O. V. Lutovinova. — Volgograd, 2009. — 39 s.
6. *Olomskaya N. N.* Funktsionalno-pragmaticheskie osobennosti kompyuterno-oposredovannoy kommunikatsii v diskurse PR / N. N. Olomskaya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2011. — № 8 (223). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 51. — S. 103–105.

7. *Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / L. V. Shcherba. — M.: Nauka, 1974. — 428 s.*
8. *Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. — Cambridge University Press, 2004. — 284 p.*
9. *Cunliffe D. Introduction to Minority Languages, Multimedia and the Web / D. Cunliffe, S. C. Herring // New Review of Hypermedia and Multimedia. — 2005. — Vol. 11, N 2. — P. 131–137.*
10. *Kelly-Holmes H. An analysis of the language repertoires of students in higher education and their language choices on the internet (Ukraine, Poland, Macedonia, Italy, France, Tanzania, Oman and Indonesia) / H. Kelly-Holmes // International Journal on Multicultural Societies (IJMS). — 2004. — Vol. 6, N 1. — P. 52–75.*
11. *Wright S. Introduction / S. Wright // International Journal on Multicultural Societies (IJMS). — 2004. — Vol. 6, N 1. — P. 5–13.*

Гусева Алина Сергеевна,

аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета; Донецк, Украина;
e-mail: alyna201073@gmail.com; тел.: +38-050-9763363, +38-050-0216610

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ВИРТУАЛЬНЫХ ДНЕВНИКАХ (лингвистический аспект)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению языковых особенностей англоязычных и русскоязычных блогов. Виртуальное коммуникативное пространство — это новая сфера функционирования языка, которая отличается специфическими свойствами: канал связи, гипертекст, интертекстуальность и т.д. Коммуникация в блогах является культурно-обусловленной. Указаны специфические черты речевого поведения коммуникантов в виртуальном пространстве во время общения в блогах. Рассмотрено понятие лингвокультурного барьера как определенного набора характеристик той или иной локальной культуры, языковых средств их выражения и коммуникативных стратегий, которые усложняют или мешают достижению коммуникативной цели. Проанализировано явление переключения кодов, граничащее с билингвизмом и трилингвизмом. Лингвокультурные отличия определяют характер компьютерно-опосредованной коммуникации и увеличивают количество коммуникативных сбоев. Определены причины коммуникативных неудач и условия, при которых их можно избежать. Сделаны выводы о том, что для достижения максимальной эффективности коммуникативного взаимодействия необходимо определить наиболее оптимальные лингвистические формы реализации коммуникативных намерений собеседников и сформулировать единые правила общения для представителей различных культур.

Ключевые слова: коммуникация, виртуальный дискурс, блогосфера, коммуникативная стратегия, коммуникативная неудача, лингвокоммуникативный барьер.

Alina S. Guseva,

post-graduate student of the Department of General Linguistics and Language History, Donetsk National University;
Donetsk, Ukraine;
e-mail: alyna201073@gmail.com; tel.: +38-050-9763363, +38-050-0216610

PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN VIRTUAL DIARIES (LINGUISTIC ASPECT)

Summary. The article is dedicated to the linguistic features of the English and Russian blogs. Virtual communicative space is a new area of language functioning, characterized by specific features: a channel of communication, hypertext, intertextuality, etc. Communication in the blogs is culturally-conditioned. The article defines the specific features of communicants' verbal behavior in the virtual space of blog conversations. It considers the linguistic cultural barrier as a certain set of characteristics of local culture, linguistic means of their expression and communication strategies that make it difficult or prevent the achievement of the communicative aim. The phenomenon of switching codes, bordering on the concept of bilingualism and trilingualism, is analyzed. Linguistic cultural differences determine the nature of computer-mediated communication and increase the number of communication failures. The article determines the reasons for communication failures and ways of avoiding them. Conclusions are made that in order to maximize the effectiveness of communicative interaction it is necessary to identify the most appropriate linguistic forms of realization of the interlocutors' communicative intentions and formulate the common rules of communication between representatives of different linguistic cultures.

Key words: communication, virtual discourse, blogosphere, communicative strategy, communication failure, lingual communicative barriers.

Стаття отримано 11.12.2013 р.

УДК 811.161.1:004.738.3

ГРОМОВАЯ Марина Игоревна,
магистрант кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова;
Одесса, Украина;
e-mail: narinexa@yandex.ru; тел.: +38-093-097-16-99

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ ОДЕССКИХ ФОРУМОВ

Аннотация. Мем — воплощение идеи; не требующий разъяснений символ, который может принимать форму слов, действий, звуков, рисунков, передающих определённую идею и активно распространяющийся. Мемы управляют мыслями, идеями, чувствами. Мемы появляются и функционируют в любой сфере культуры: экономике, искусстве, литературе, науке, религии, маркетинге; из них, как из кирпичиков, выстроена наша культура.

В статье анализируется специфика интернет-мемов одесских интернет-ресурсов в свете предположения о прецедентном характере их функционирования. Представлена классификация интернет-мемов по жанровым и функциональным особенностям. Определена специфика одесских городских интернет-ресурсов и мемов, которые употребляют пользователи этих ресурсов. Наиболее продуктивный путь трансформации общеизвестных интернет-мемов — изменение их семантической структуры способом отражения в ней одесских городских и региональных сценариев. Мемы, возникающие на основе одесских городских сценариев, образуются лексико-семантическим, морфологическим способами, сложением, аббревиацией и усечением основ. Интернет — самый быстрый и надёжный распространитель мемов за всю историю человечества.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет-форум, информационный вирус, компьютерный сленг, прецедентный феномен, одессика.

Мем — единица информации любой сферы активной деятельности человека или его пассивного созерцания: религии, научных знаний, литературы, политики, истории, экономики, кино, ток-шоу, музыки, архитектуры, рекламы, моды, быта, отдыха, погоды и многих других реалий, формирующих свои мемы. Мем — не требующий разъяснений и активно распространяющийся символ, который может принимать форму слов, действий, звуков, рисунков, передающих идею [4]. Мем — своеобразная единица передачи культурной информации от одного человека к другому; устойчивая коммуникативная структура, способная к репликации. Мемотип — действительное информационное содержание мема. Мемы объединяются в мемокомплексы (мемплексы), в которых развиваются взаимоподдерживающие и симбиотические отношения. Мемы и мемокомплексы могут распространяться в информационной сфере, формируя восприятие людей, их взгляды на локальные и глобальные события. Мемы, изменяющие взгляды социума на те или иные проблемы, становятся медиавирусами [1]. Носителями и передатчиками Интернет-мемов являются пользователи сети, члены интернет-сообщества. Мемы распространяются через мессенджеры, социальные сети и т.п. горизонтально (между представителями одного поколения) и вертикально (от поколения к поколению), используя зацепку, приманку и ко-мем награду. Распространение мема без носителя невозможно [3].

Мемы выполняют коммуникативную, кумулятивную, когнитивную, эмотивную, регулятивную, фатическую и другие языковые функции, бывают вербальными и невербальными. Это слова и фразы живой речи, связанные с прецедентными событиями; медиафайлы и песни, изображения и их номинации; события и их номинации; реальные и вымышленные персонажи и их номинации. Основные функции интернет-мема при его прецедентном функционировании — функции воздействия, коммуникации и сохранения информации. Интернет — самый быстрый, мощный и надёжный распространитель мемов за всю историю человечества. Новые мемы появляются чаще всего в Интернете. Обычно «инкубаторами» мемов являются блоги, особенно рождённые на почве живых журналов; специфические субкультуры вроде dirty.ru и lerra.ru [3]. Посредством e-mail, мессенджеров и других средств коммуникации распространяются новые мемы. Так, сегодня в русскоязычном Интернете активно используются такие мемы: *Кэн*, *Ктулху*, *креведко*, *Человек-молекула*, *шутки про Чака Норриса*, *як-цун-цун* и др.

Изучению явления мемизации информации с помощью психических вирусов и теориям передачи информации посвящены работы Рида, Докинза, Броуди [5; 4; 1]. На современном этапе развития информатики и филологии назрела необходимость всестороннего лингвистического изучения интернет-мемов, чему и посвящена данная работа. Изучение интернет-мемов, оказывающих существенное влияние на русский компьютерный сленг, позволит понять процессы их лексической эволюции, времени жизни, определить способы прогнозирования популярности, пути передачи. Актуальность таких исследований заключается в том, что они дают возможность судить о тенденциях и закономерностях эволюции компьютерного сленга и компьютерного подъязыка в целом.

Целью статьи является описание проведённого нами исследования интернет-мемов, используемых в текстах одесских интернет-ресурсов, а также интернет-мемов, создаваемых и используемых только в одесских интернет-ресурсах. В ходе работы способом сплошной выборки было отобрано 455 интернет-мемов, в том числе 52 собственно одесских, из текстов 14 одесских форумов объёмом не менее 130000 слов. Обнаруженные интернет-мемы были проанализированы по способу образования и систематизированы по структуре, значению, функциональному параметру.

Образования, функционирующие подобно мемам в информативистике, в русской лингвистической традиции принято называть *прецедентными феноменами*. Прецедентность определяется как извест-

тность, хрестоматийность, востребованность текста как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами. По мнению Г. Г. Слышкина, имеются прецедентные феномены не только для всех говорящих на том или ином языке, но и для малых социальных групп. Прецедентные феномены не вечны, а имеют разные сроки функционирования в той или иной социальной группе. Так, некоторые имена, высказывания, ситуации, тексты становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам современной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка [6] (например, рекламный ролик, анекдот).

Прецедентные феномены и мемы обладают свойством быть использованными в том или ином социокультурном пространстве. Так, прецедентные феномены бывают универсальными, национальными, социальными, индивидуальными. Интернет-мемы — феномены, возникающие в интернет-сообществе и способные вызвать ту или иную реакцию у его участников. Мемы, как и прецедентные феномены, интертекстуальны и аллюзивны, они имеют разные сроки функционирования [2]. Те и другие могут иметь разную территориальную и социальную базу пользователей, которая является подвижной и имеет способность расширяться либо сужаться в зависимости от ряда факторов. Так, социальные прецедентные феномены, возникшие, в среде представителей какой-либо профессии на ограниченной территории, через некоторое время могут становиться национальными, а иногда и универсальными. Интернет-мемы, возникая в какой-либо интернет-зоне, нередко проникают в другие национальные и международные интернет-сообщества. Опыт предшествующих исследований показывает, что прецедентные феномены обычно относятся к когнитивному пространству носителей той или иной лингвокультурной общности. Использование прецедентных феноменов в речи делает изложение национально, социально, территориально маркированным, позволяет широко использовать аллюзии и реминисценции, максимально минимизируя языковые средства, апеллируя к знаниям читателя или слушателя, ёмко и полно донося авторскую мысль.

Интернет-мемы, зарождающиеся в социальных сетях, становятся прецедентными феноменами, как правило, социального типа, поскольку функционируют в социолекте пользователей, интернет-сленге, проникая оттуда в общеупотребительную речь. Особенно яркие мемы, созданные участниками интернет-общения, нередко становятся самостоятельными мемами-прецедентными феноменами. Обычно это новые средства выражения, новые формы образности, новые виды обращений к незнакомым, возникающие в интернет-коммуникации.

Рассмотрение жанровой специфики интернет-мемов, которые используются в текстах одесских форумов, свидетельствует о корреляции понятий мема и прецедентного феномена. Так, интернет-мемы, как и прецедентные феномены, могут представлять собой слова и фразы; медиафайлы и песни; изображения и их номинации; события и их номинации; реальных и вымышленных персонажей и их наименования. Приведём ряд примеров.

Персонажи. *Очки н-надо?* Безвестный китаец, торговавший в автобусе всевозможной мелочёвкой и очками с глазками «в кучку» прославился неподражаемым русским произношением, веселящим покупателя. *Доктор Попов.* Новое светило медицины покорило Рунет затейливыми методами лечения геморроя и простатита.

События. Самое волнующее событие и самый известный интернет-мем 2011 г. — *Конец света.* Несостоявшийся конец света, назначенный на 21 мая 2011 г., не слишком разочаровал народ. Несмотря на отсутствие глобальной катастрофы, повод для веселья всё же нашёлся: одесские интернет-ресурсы заполнили *фотобомбы вознесения.* «Ну что, свет кончился?», «*Майя напропорочили*» и тому подобные скрытые цитирования обращают нас к мему в его прецедентном функционировании.

Медиафайлы и песни. *Ня-ня-няшные видео.* *Nyan Cat* — международный мем громадной популярности. Видео, на котором кошечка, летящая на фоне звёздного неба под незатейливую мелодию и оставляющая радугу после себя, завладело сердцами людей, обзавелось множеством комиксов и фотожаб.

Изображения. Начало 2012 года ознаменовало эру жирафов на аватарах жителей социальных сетей. Загадка, которую предлагалось разгадать, вводила в заблуждение некорректным условием: в случае проигрыша предлагалось поставить изображение жирафа на аватар. В результате, более половины посетителей в Контакте.ру в возрасте до 30 лет выглядели на своих страничках как жирафы.

Слова и фразы. Аббревиатура *ИМХО* — интернет-мем, являющийся транслитератом английского *IMHO* — «по моему скромному мнению» (англ. *In My Humble Opinion* или *In My Honest Opinion*). Русский транслитерат имеет русские варианты восстановления аббревиатуры: *Имею Мнение* — *Хрен Оспорить*; *Имею Мнение* — *Хочу Озвучить*; *Индивидуальное Мнение Хозяина Ответа* используется, в основном, для указания на то, что некоторое высказывание — не общепризнанный факт, а только личное мнение автора, и он его никому не навязывает. Нередко указывает также и на то, что автор не до конца уверен в верности своего заявления. *Баян / боян* — слово, прочно вошедшее в жаргон Рунета, изначально имевшее значение «старая, надоевшая шутка». Сейчас этим мемом характеризуют любой информационный материал (видеоролик, статью, книгу и др.), уже известной значительной части участников обсуждения. Мем *баян / боян* может быть буквенной аббревиатурой, омонимичной имеющемуся в русском языке знаменательному слову, от фразы «*Было, А Я Не (знал)*». Кроме того, источниками этого мема могут быть анекдот «Хоронили тещу. Порвали два баяна», а также история канадского эмигранта, которую пользователи пытались пересказать друзьям, не подозревая о её широкой известности (по аналогии с фидошным мемом «*Курочка ряба*»).

В одесских интернет-ресурсах чаще всего используются мемы, являющиеся словами и фразами с разного рода умышленными либо случайными ошибками, искажениями (напр.: *в аьоке* — вместо

«в атаке» — ошибка набора на клавиатуре; *корованы* вместо «караваны», *профессор* (= Янукович) вместо «профессор» — ошибки по неграмотности; *привед* — вместо «привет» — умышленное искажение в стиле «стёба» и т. п.). Кроме того, имеются мемы, возникшие на основе **паронимии**, в том числе межъязыковой (напр.: *тырнет* — можно «стырить» любую информацию; *кравовые сиси* — от ошибочного украинского «азаровизма» *кравосиси* — укр. «кравососи»; *Донки-Хот* — неправильное написание имени *Дон-Кихота* от англ. *donkey* — «осёл» и *hot* — «горячий») (= «сексуально возбуждённый»); *някать* — от названия вирусного видеоролика *Nyan Cat* (2011 г.), представляющего собой анимацию с летающим на фоне радуги котёнком и сопровождающегося ритмичной мелодией с «няканиями» (мяуканиями) и под.); **буквального перевода** иностранных словоформ, содержащих грамматическую ошибку (напр.: *Интернетты* < англ. *Internets* — один из так называемых «бушизм», подхваченный пользователями после выступления Дж. Буша); **сложения** (напр.: *плюсомёт* — вымышленное оружие, которым модератор раздаёт плюсы участникам форума, а также сам модератор; *шизофазия*; *фобудьеносец* и др.); **аббревиации** (напр.: *ИМХО*; *МПХ* и др.); **семантической деривации** (напр.: *весёлый гном* (= Д. А. Медведев) — мем возник во время визита Д. А. Медведева в Омск в феврале 2010 г. из-за ситуации демонтажа афиши детского спектакля «Ждём тебя, весёлый гном» по пути следования кортежа. Событие широко обсуждалось в блогосфере. Мем *британские учёные обнаружили* = «сам придумал»). Кроме того, многих мемы возникают благодаря **метафоризации** или **метонимизации** стилистически нейтральных слов, **внутренней миграции** слов из других жаргонов и сленгов, **трансформациям** слов на основе **контаминации** (*юзверь* — обозначение «особенно криворукое» пользователя — юзера), **гаплоггии**, **фонетической ассимиляции** и **диссимиляции**, **универбации**.

Наряду с распространёнными в русскоязычном Интернете мемами, на одесских форумах присутствуют и совершенно особенные мемы, понятные только одесситам. К ним относят мемы, возникшие в зоне взаимодействия одесского городского дискурса с метеорологическим, коммунальным, политическим, административным, образовательным, архитектурным, информационным, социальным и рядом других дискурсов. Основой ряда одесских мемов является, например, состояние дорог, аварии в жилищно-коммунальном хозяйстве, погодные катаклизмы, породившие массу фотожаб.

В условиях глобализации информационного пространства русскоязычного Интернета основные отличия одесских Интернет-мемов заключаются в наличии у них одесских сценариев. Обычно для выражения мемотида одессит-создатель мема трансформирует и использует уже имеющиеся в Интернете мемы. Однако на базе одесских сценариев создаются и уникальные одесские мемы. Так, целый ряд мемов об А. А. Костусеве (мэре Одессы до осени 2013 г.) создавались на базе его рекламной кампании. Есть уникальные мемы «с одесского Привоза» типа *почистим почки* — предложение продавца купить у него арбуз; многочислен мемокомплекс «одесские сумасшедшие» и некоторые другие.

Интернет-мемы мигрируют, например, проникают в уличные объявления, надписи в общественном транспорте, используются как логотипы в рекламе (напр.: *Тагишиш!!!* — реклама на маршрутке; тетради *Face palm* и др.).

Имеются разные пути появления городских одесских мемов. Одни аккумулируются историей и расширяют сферы функционирования благодаря появлению Интернета, а в нём — форумного дискурса; другие, новые, входят из современной речи и аккумулируются городской историей. С помощью интернет-мемов реанимируется и входит в речь молодых одесситов ряд устаревших прецедентных феноменов, вышедших из активного употребления горожан. Толчок к реанимации могут давать как пожилые пользователи, в речи которых ещё сохраняются такие единицы, так и «инфицированные» молодые пользователи благодаря знакомству с литературными и другими источниками, сохраняющими эти единицы.

В одесские интернет-мемы превращаются чаще всего имена ярких личностей, неразрывно связанных с историей и колоритом города. Например, из мемокомплекса «городские сумасшедшие»: *Тётенька в шапке*, *Глашатая бабушка*, *Французенка*; из мемокомплекса «выборы»: *голосуй за Дарта Вейдера и Чака Норриса* (2012 г.); из мемокомплекса «непогода»: *река Балжовская*, *озеро Пересыпское*; из мемокомплекса «одесские маршрутки»: *экскурсия по городу за 2,50* = «маршрут 168». Стабильно, но не широко используются мемы, определяющие принадлежность пользователя к району города (*молдаванские*, *поскотовцы*), социальной группе, учебному коллективу и под.

Одесситы весьма патриотичны. Трепетное отношение горожан распространяется на городские праздники, достопримечательности (*наш Дюк*, *наша Катя*, *дом-стена* и проч.), традиции, историю, на одесский юмор. Мемами становятся персонажи и ситуации из одесских анекдотов, традиционные для Одессы ситуации и их участники (*одесский трамвай*, *сборная сборная*), цитаты из одесских песен, кинофильмов об Одессе.

Таким образом, в результате проведённого исследования мы установили взаимосвязь между понятиями «мем» и «прецедентный феномен». Любой мем прецедентен. Мемы различаются сферой функционирования, коллективом носителей, способом образования, способом и сроком функционирования. Мемы, как и прецедентные феномены, интернетуальны и аллюзивны. Интернет-мемы — феномены, возникающие в интернет-сообществе и способные вызвать ту или иную реакцию у его участников. Интернет-мемы могут иметь разную территориальную и социальную базу пользователей, которая является подвижной и имеет способность расширяться либо сужаться. Одесские городские интернет-мемы создаются одесситами-пользователями Интернета на основе всевозможных местных сценариев, связанных с историей, традициями, экономикой, городским хозяйством, инфраструктурой, национальным и социальным составом жителей, микротопонимией и под. Интернет-мемы могут передавать как положительные, так и отрицательные коннотации.

Литература

1. Броди Р. Психические вирусы / Ричард Броди. — М.: ИВЦ Маркетинг, 2002. — 192 с.
2. Громовая М. Прецедентное функционирование интернет-мемов / М. Громовая // Филологичні студії. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2012. — Вип. 3. — С. 18–22.
3. Громовая М. И. Появление Интернет-мемов в русской речи / М. И. Громовая // Материалы форума молодых исследователей-русистов в рамках Международного фестиваля «Великое русское слово» 5–6 июня 2012 г. — Одесса: Изд-во КП ОГТ, 2012. — С. 138–142.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген / Ричард Докинз. — М.: Мир, 1993. — 318 с.
5. Рид Р. Основы теории передачи информации / Ричард Рид. — М.: Вильямс, 2004. — 304 с.
6. Слышкин Г. Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 128 с.

References

1. Brodi R. Psichicheskie virusy / Richard Brodi. — M.: IVTs Marketing, 2002. — 192 s.
2. Gromovaya M. Pretsedentnoe funktsionirovaniye internet-memov / M. Gromovaya // Filologichni studiyi. — Odesa: ONU im. I. I. Mechnikova, 2012. — Vyp. 3. — S. 18–22.
3. Gromovaya M. I. Poyavlenie Internet-memov v russkoy rechi / M. I. Gromovaya // Materialy foruma molodykh issledovateley-rusistov v ramkakh Mezhdunarodnogo festivalya «Velikoe russkoe slovo» 5–6 iyunya 2012 g. — Odessa: izd-vo KP OGT, 2012. — S. 138–142.
4. Dokinz R. Egoistichnyiy gen / Richard Dokinz. — M.: Mir, 1993. — 318 s.
5. Rid R. Osnovy teorii peredachi informatsii / Richard Rid. — M.: Vilyams, 2004. — 304 s.
6. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: Lingvokulturnye kontseptyyi pretsedentnyih tekstov v soznanii i diskurse / G. G. Slyshkin. — M.: Academia, 2000. — 128 s.

Громовая Марина Игорівна,

магістрант кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: narineha@yandex.ru; тел.: +38–093–097–16–99

ИНТЕРНЕТ-МЕМИ ОДЕСЬКИХ ФОРУМІВ

Анотація. Мем — втілення ідеї, символ, який не вимагає роз'яснень, який може мати форму слів, дій, звуків, малюнків, що передають певну ідею й активно розповсюджуються. Меми здібні скеровувати думки та почуття. Меми виникають і функціонують у будь-якій сфері соціальної культури: в економіці, мистецтві, літературі, науці, релігії, маркетингу; з них, як з цеглинок, вибудована наша культура.

У статті аналізується специфіка інтернет-мемів одеських інтернет-ресурсів у світлі припущення про прецедентний характер їх функціонування. Представлено класифікацію інтернет-мемів за жанровими та функціональними особливостями. Визначено специфіку одеських міських інтернет-ресурсів та мемів, які вживають користувачі цих ресурсів. Найбільш продуктивний шлях трансформації загальновідомих інтернет-мемів — зміна їх семантичної структури способом відображення в ній одеських міських і регіональних сценаріїв. Меми, що виникають на основі одеських міських сценаріїв, утворюються лексико-семантичним, морфологічним способами, складанням основ і слів, абрєвіацією, усікненням основ тощо. Інтернет — найшвидший і надійний розповсюджувач мемів за всю історію людства.

Ключові слова: інтернет-мем, інтернет-форум, інформаційний вірус, комп'ютерний сленг, прецедентний феномен, одесика.

Marina I. Gromovaya,

Master's Degree Student of the Russian Language Chair of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: narineha@yandex.ru; тел.: +38–093–097–16–99

INTERNET-MEMS OF ODESSA FORUMS

Summary. Meme is an embodied idea; a symbol that does not require explanation and spreads actively transmitting a certain idea in the form of words, actions, sounds, or drawings. Memes govern thoughts, ideas and feelings. Memes appear and operate in any area of culture: economics, art, literature, science, religion and marketing. Our culture is built with memes.

The article deals with the peculiarities of Internet memes in the Odessa Internet-resources on the assumption about the precedent character of their functioning. Internet memes are classified according to their genre and functional features. The author defines the peculiarities of Odessa Internet resources and memes employed by their users. The most productive way of transformation of the well-known Internet memes is changing their semantic structure by way of reflecting the Odessa urban and regional scenarios. Memes, arising out of the Odessa urban scenarios, are made up with the help of lexical-and-semantic and morphological means, compounding, abbreviation and shortening. The Internet is the fastest and the most reliable propagator of memes in the history of mankind.

Key words: internet meme, internet forum, virus information, computer slang, precedent phenomenon, odessics.

Статтю отримано 23.10.2013 р.

ПИТАННЯ КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ, КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

УДК 811.161.1'42:82.0 Н. Гумилёв

ИВАНОВА Людмила Петровна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института иностранной филологии Киевского национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова; Киев, Украина;

e-mail: lupiv@mail.ru; тел.: +38(044)550-60-24

РЕЦЕПЦИЯ ПОЭТА: ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Лингвоимагологический анализ предполагает анализ имиджа одной страны в глазах другого народа. В статье рассматривается восприятие выдающимся поэтом Н. С. Гумилевым, отражающим русское мировидение, Африки, что представляет собой объект лингвоимагологического анализа. В ходе исследования выявлено, что Африка является наиболее упоминаемой частью света в сборнике «Стихи и письма о русской поэзии» Н. С. Гумилева — 71 упоминание, (Европа — 49, Азия — 11, Америка — 2, Австралия — 1). Выделено 8 тематических групп, определена их частотность: животный мир (31 упоминание), страны (10), водоемы (10), европейцы в Африке (6), ландшафт (4), Африка в целом (4), растения (3), люди (3). Предлагаются принципы отбора материала для анализа, разработка методики лингвоимагологического исследования.

Ключевые слова: лингвоимагология, рецепция, поэт, Африка.

Поэт в жизни нашего Отечества, помимо стихотворства, выполнял множество функций, просвещенный читатель расширит, конкретизирует и дополнит данный тезис. В рассматриваемом лингвоимагологическом аспекте важно то, что Поэт воплощает мировидение своего народа, а следовательно, и оценку им того или иного народа, его отдельных представителей и страны, где они проживают, как географического, политического и социального образования.

В название статьи мы вынесли не русское восприятие, а латинскую рецепцию, поскольку она более адекватна лингвоимагологическому анализу. Л. П. Крысин даёт следующее определение: «*Рецепция*, и, мн. нет, ж. [*лат. receptio* — принятие, прием, получение]. 1. физиол. Осуществляемое рецепторами восприятие и преобразование энергии раздражителей в нервное возбуждение. 2. спец. Заимствование и приспособление данным обществом социальных и культурных форм, возникших в другой стране и в другую эпоху. *Р. римского права* (усвоение в странах средневековой Европы римского права) [2, с. 676].

Обратимся к неоднократно упоминаемой лингвоимагологии.

На протяжении последнего времени наши размышления и, естественно, публикации были посвящены проблемам лингвоимагологии. Были сформулированы объект, предмет, метод, что даёт основания рассматривать её как самостоятельную отрасль лингвистического знания, обоснованы научный аппарат и подходы к анализу языкового материала. Предшественниками наших разысканий явились литературоведы (Д. С. Наливайко, В. В. Орехов и др.), поместившие имагологию в сферу сравнительного литературоведения. Думается, что лингвистическая имагология принадлежит прежде всего теории коммуникации и когнитивной лингвистики, образуя особое маргинальное направление, поскольку цель её — изучение образа одного народа и страны в сознании другого народа. Оптимально, когда эта проблема решается «зеркально», поскольку видение другого народа, как показали наши исследования, во многом характеризует народ оценивающий. Таким образом, сформировался предмет лингвоимагологических исследований: что именно произвело впечатление на реципиента (люди, города, искусства и т.д.) и их классификации, аксиологические характеристики, стереотипы, вербальное и невербальное поведение, паралингвистическая ситуация. Перечень не окончен, так как предпринимаются лишь первые исследовательские шаги, материал даёт новые аспекты наблюдений.

Особую важность в лингвоимагологических исследованиях приобретает материал для анализа. Литературоведы (см., например, труды В. В. Орехова) ориентируются прежде всего на мемуары, дневники, прессу. В данной статье мы будем опираться на стихи и письма о русской поэзии Н. Гумилёва — блестящего русского поэта начала XX века, прожившего короткую, но очень яркую жизнь, в которой много места занимали путешествия. Это взгляд носителя элитарной русской культуры, воспитанного в лучших её традициях. Мы ни в коей мере не претендуем на исчерпывающий анализ, поскольку в поле нашего зрения не попала проза поэта (например, «Африканская охота (из путевого дневника)»), переписка. Проанализирован сборник «Стихи. Письма о русской поэзии» (М., «Художественная литература», 1990), соответственно все ссылки с указанием страниц приводятся по данному изданию. Свою задачу мы видим, во-первых, в формировании принципов отбора материала

для анализа (отрицательный результат в данном случае тоже важен), во-вторых, в выработке методики лингвоимагологического анализа.

В статье описывается видение Н. С. Гумилевым Африки. Это наиболее упоминаемая часть света: Африка — 71 упоминание, Европа — 49, Азия — 11, Америка — 2, Австралия — 1. Наибольшее впечатление на русского поэта произвёл животный мир (31 упоминание), следующие группы по степени частотности: страны (10), водоемы (10), европейцы в Африке (6), ландшафт (4), Африка в целом (4), растения (3), люди (3) — всего 8 групп.

Упоминание касается 1 произведения; если в нём об анализируемом говорится несколько раз, упоминание рассматривается как одно. Анализируются только упоминания, содержащие оценочную характеристику. Мы отдаём себе отчет в том, что она требует более глубокой лингвистической проработки, но в данном случае для нас важна прежде всего лингвоимагологическая организация материала.

Наиболее впечатлил русского путешественника слон (5 упоминаний). Он «пустынный» (с. 95), «отшельник» (с. 97), «Он...одинок и велик И вонзает во всех проходящих Пожелтевший изломанный клык» (с. 305–306), он «высок, ... слон дагомейских лесов» (с. 309) и «грузен» (с. 97). Таким образом, характеристики внешности слона традиционны, повадки несколько неожиданны, поскольку мы привыкли знать слона сильным мудрым и доброжелательным животным.

Лев (4 упоминания) — абсолютный хищник: «Одного из них [быка — Л. И.] зарезал лев» (с. 162), «Там не слышно, как бродят свирепые львы, наполняя рыканьем рвы» (с. 300), «Львом я был между яростных львов» (с. 306), «Лев стремительно бежит» (с. 95).

Амбивалентен волк (3 упоминания). С одной стороны, хищник: «Я не убийца, Я не волк» (с. 111), «Лёгкий волк, душа ловит, Зубы белы, взор не робок» (с. 95), с другой — товарищ: «Помню и волка; с нами в мире Вместе бродил он, вместе спал, вечером я играл на лире, А он тихонько подвывал» («Товарищ»).

Обезьяна (3 упоминания) особых симпатий не вызывает: «Обезьяна держит финик и пронзительно визжит» (с. 95); «Обезьяны обрывают наши смоквы, Хуже обезьян и носорогов Белые бродяги итальянцы» (с. 161).

Носорог (3 упоминания) агрессивен и опасен: «разъярённый носорог» (с. 79), «Встретить спокойно носорога, как чудовищного бога» (с. 80), «Носороги топчут наше дурро» (с. 161).

Буйволы (2 упоминания), гиены (1 упоминание), леопарды (1 упоминание), тигры (1 упоминание), гиппопотам (1 упоминание) эмоций не вызывают, констатируются их традиционные особенности: «...буйвол сонный Отступает глубже в грязь» (с. 79–80), «...и буйвол рыкает могучий» (с. 168); «...и в Тигрэ заухали гиены» (с. 161); «Прыгайте стремительно с утесов — Вас прыжкам учили леопарды» (с. 162); «Тигр угрожающе рычит» (с. 168); «Гиппопотам с огромным брюхом живет в яванских тростниках... А он пасется или спит. Ни стрел, ни острых ассагаев — Он не боится ничего, И пули редкие синаев Скользят по панцирю его» (с. 168).

«Изысканный жираф» стал эмблемой творчества Н. Гумилева: «Изысканный бродит жираф. Ему грациозная стройность и нега дана И шкуру его украшает волшебный узор, С которым сравняться осмелится только луна, Дробясь и качаясь на влаге широких озер. Вдали он подобен цветным парусам корабля, И бег его плавлен, как радостный птичий полёт» (с. 79).

Собаки в Африке трусливы: «Ты не был трусливой собакой» (с. 306); зебры «веселы»: «По ночам выбегали весёлые зебры, Мне был слышен их храп и удары копыт» (с. 327), а верблюды «смешные»: «...и такие смешные верблюды, с телом рыб и с головками змей, Как огромные, древние чуда из глубин пышноцветных морей» (с. 286).

Совершенно импрессионистична характеристика газели (1 упоминание): «И я Вам подарю газель С такими нежными глазами, Что кажется — поет свирель» (с. 319). Так же импрессионистично описание лесного пожара: «Резкий грохот, тяжкий топот, Вой, мычанье, визг и рев, И зловеще-тихий ропот Закипающих ручьёв» (с. 94–95).

В рамках животного мира Африки рассматриваем насекомых и пресмыкающихся: оса (1 упом.): «А второй [бык — Л. И.] взбесился и бежал, Звонкою ужаленный осой» (с. 162); удав (1 упом.): «...свистит боа, скользая над кручей» (с. 168).

Как ни странно, второе место по степени упоминаемости в Африке занимают водоёмы (10 упом.), реки (Нил) — 3 упом.: «А когда на изумрудах Нила Месяц закачался и поблек» (с. 63) — классическое акмеистическое описание; «И темный Нил, владыка вод бесшумных» (с. 64), «Задумчивое устье Нила» (с. 183).

Красное море (3 упом.): «Здравствуй, Красное море, акуля уха, Негритянская ванна, песчаный котёл! На утёсах твоих вместо влажного мха Известняк, словно каменный кактус, расцвёл. На твоих островах в раскалённом песке, Позабыты приливом, растущим в ночи, Издыхают чудовища моря в тоске: осьминоги, тритоны и рыбы-мечи. С африканского берега сотни пирог Отплывают и жемчуга ищут вокруг... Но араб несчастливый находит приют В грязно-рыжих твоих и горячих волнах. ... У песчаных, серпями изогнутых кос Мели, точно цветы, зелены и красны. ... — Море, Красное море, ты царственно днём, Но ночами вдвойне ослепительно ты!» (с. 285). «И от голых песчаных утесов Бесполойного Красного моря» (с. 296); «Между берегом буйного Красного моря» (с. 296). Сейчас, возможно, благодаря Суэцкому каналу, Красное море преимущественно спокойно, и жемчуг там никто не ловит.

Озеро Чад (3 упом.): «На таинственном озере Чад» (с. 80); «властительного Чада» (с. 80); «Садовод Всемогущего Бога В серебрищейся мантши крыльев... Создал тихое озеро Чад» (с. 294).

Суэцкий канал (1 упом.): «Водяной карнавал В африканской пустыне. ... И в ответ пароход, Звезды ночи печалю, Спящей Африке шлет Переливы роаяля» (с. 293).

Растения Африки упоминались 3 раза. В стиле поэтики акмеизма описан **каирский сад**: «Большой каирский сад, луною полной Торжественно в тот вечер освещенный... Но этот сад, он был во всем подобен Священным роцам молодого мира: Там пальмы тонкие взносили ветви, Как девушки, к которым Бог нисходит; На холмах, словно вещи друиды, толпились величавые платаны, И водопад белел во мраке, точно Встающий на дыбы единорог; Ночные бабочки перелетали Среди цветов, поднявшись высоко, Иль между звезд, — так низко были звезды, Похожие на спелый барбарис» (с. 248). **Пальмы** (1 упом.): «Снова увидим священные пальмы» (с. 111), **мимозы** (1 упом.): «Не хватают мимозы колочей рукой Проходящего в бездне ночной!» (с. 300).

Замыкает описание природы Африки ландшафт (4 упом.).

Пустыня (2 упом.): «О какой же пел он ныне Неоткрытой красоте? — О пустыне И мечте» (с. 144); «Не знаешь разве ты, как небо сине, Как веселы широкие пустыни» (с. 339). Так может писать лишь человек, полюбивший величественную африканскую пустыню, в частности Сахару, которой он пророчит великое и страшное будущее: «Все пустыни друг другу от века родны, Но Аравия, Сирия, Гоби — Это лишь затиханье сахарской волны, В сатанинской воспрянувшей злобе... Блещут скалы, темнеют под ними внизу Древних рек каменные ложа. На покрытое волнами море в грозу, Ты промолвишь, Сахара похожа. Но взглядишь: эта вечная слава песка — Только горного отсвет пожара. С небесами, где легкие смят облака, Бродят радуги, схожа Сахара. ... Потому что пустынные ветры горды И не знают преград своеволью, рушат стены, сады засыпают, пруды Отравляют белеющей солью. И, быть может, немного осталось веков, Как на мир наш, зеленый и старый, Дико ринутся хищные стаи песков Из пылающей юной Сахары. Средиземное море засыпят они, И Париж, и Москву, и Афины, И мы будем в небесные верить огни, на верблюдах своих бедуины. И когда наконец корабли марсиан У земного окажутся шара, То увидят сплошной золотой океан И дадут ему имя: Сахара» (с. 289–292).

Черчерские горы (1 упом.): «Сквозь Черчерские дикие горы» (с. 298).

Русский поэт много путешествовал по Африке, посетил разные страны, практически каждой посвятил отдельное стихотворение. В лингвоимагологическом аспекте впечатления Н. Гумилёва таковы.

Либерия (3 упом.): «И про каждого слава идет, Что отважнее нет пред бедою, Что одною рукой он спасет И ограбит другою рукою» (с. 301–302). Официальные лица неизменно вызывают злую насмешку автора: «Но взгляните: черней сапога Господин президент и министры» (с. 302); «Европеец один уверял, Президентом за что-то обижен, Что большой шимпанзе потерял Путь назад среди окраинных хижин. Он не струсил и, пестрым платком Скрыв стыдливо живот волосатый, в президентский отправился дом, Президент отлучился куда-то. Там размахивал палкой своей, Бил посуду, шатался, как пьяный, И, не узнана целых пять дней, управляла страной обезьяна» (с. 303).

Сомали (2 упом.): «И белели среди черных, священных камней Вороха черепов и костей. В целой Африке нету грозней Сомали, Безотраднее нет их земли. Сколько белых пронзило во мраке копье У песчаных колодцев ее» (с. 301). «Завтра бой, беспощадный, томительный бой С завывающей черной толпой» (с. 300). Вспомним, что сомалийские пираты — мощная враждебная сила и по сей день.

Абиссиния (2 упом.): «С отдыхающей львицею схожа страна» (с. 296); «Европеец дивится, как странно похожи Друг на друга народ и отчизна его. Колдовская страна» (с. 297). Характеристика безусловно положительная.

Все остальные страны упомянуты по одному разу, приведем их в алфавитном порядке.

Дагомея: «Царь сказал своему полководцу: «Могучий, ты высок, точно слон дагомейских лесов, Но ты все-таки ниже торжественной кучи Отсеченных тобой человеческих голов...» (с. 309).

Египет: «Изумрудные эти равнины И раскидистые пальм веера. И каналы, каналы, каналы, что несутся вдоль глиняных стен» (с. 288); «Растут пирамиды Пред тобою, черны и страшны» (с. 287); «Там, взглянув на пустынную реку, Ты воскликнешь: Ведь это же сон: Не прикован я к нашему веку, Если вижу сквозь бездну времен» (с. 287); «Пусть хозяева здесь — англичане, Пьют вино и играют в футбол... Пусть! Но истинный царь над странюю Не араб и не белый, а тот, Кто с сохою или с бороною Чёрных буйволов в поле ведет... Он любимец священного Нила И его современник — феллах» (с. 288–289).

Замбези: «Он поёт, этот воин-зулус. С той поры я всегда наготове, По ночам мне не хочется спать, Много, много мне надобно крови, Чтобы жажду мою утолять» (с. 305). Известно, что зулусы до нашего времени пьют горячую кровь, только сейчас это кровь домашних животных, во времена Н. Гумилёва это была, скорее всего, ещё кровь врагов.

Нигер: «А вокруг города, точно горсть виноградин, Это — Бусса, и Гомба, и царь Тим-букту. Самый звук этих слов мне, как солнце отраден, Точно бой барабанов, он будит мечту» (с. 310).

Абсолютно противоположное впечатление произвел на поэта Судан: «...как грозящие руки, Минареты возносятся к небу. А на тронах из кости слоновой Восседают, как древние бреды, Короли и владыки Судана; Рядом с каждым, прикованный цепью, Лев прищурился, голову поднял и с усом лижет кровь человечью, Рядом с каждым играет секирой Толстогоубый, с лоснящейся кожей, чёрный, словно душа властелина, В ярко-красной рубашке палач» (с. 294).

Таким образом, русский поэт видит Африку очень разной: дикие обычаи, воинственность, жестокость, но в то же время древность египетской цивилизации, прекрасная природа и животный мир. Собственные правители дики и необразованны, колонизаторы-англичане тоже чужеродны. Заслуживает быть истинным царём только тот, кто из поколения в поколение тяжело трудится, выращивая пропитание.

Жители Африки особого пиетета автора не вызывают.

Арабы (1 упом.): «*Скитальцы арабы, искатели веры И первые люди на первом плоту!*» (с. 124).

Женщины (1 упом.): «*Жирные женщины Габеша, Хитрые и злые сомалийки И грязные поденщицы Каффы*» (с. 163).

Особое внимание русского поэта привлекают европейцы в Африке (6 упоминаний). Он пишет о французах и итальянцах: «*И надменно проходят французы, Гладко выбриты, в белой одежде, В их карманах бумага с печатью, Их завидя, владыки Судана Поднимаются с тронов своих*» (с. 294). Иная судьба у тех, кто отправился в экваториальный лес: «*Нет, я жив, только связан... злодеи, злодеи, Отпустите меня, я не в силах смотреть!.. Жарят Пьера... а мы с ним играли в Марселе, На утёсе у моря играли детьми*» (с. 309). Африканцы оценивают итальянцев следующим образом: «*Хуже обезьян и носорогов Белые бродяги итальянцы*» (с. 161), поэтому «*Кто добудет в битве больше ружей, Кто зарежет больше итальянцев, Люди назовут того ашкером Самой белой лошади негуса*» (с. 161).

Н. Гумилёв называет причину такой ненависти: «*И выходит из шатра европеец, Размахивая длинным бичом. Он садится под тенью пальмы, Обвернув лицо зеленой вуалью, Ставит рядом с собой бутылку виски И хлещет лоснящихся рабов. Слава нашему хозяину европейцу, У него такие дальнобойные ружья, У него такая острая сабля И так больно хлещущий бич! Слава нашему хозяину европейцу, Он храбр, но он недогадлив, У него такое нежное тело, Его сладко будет прозвать ножом!*» (с. 162–163); «*В целой Африке нет грозней Сомали ... Сколько белых пронзило во мраке копьё У песчаных колодцев её*» (с. 301).

Иначе ведёт себя русский путешественник. Ирония его очевидна, однако он стремится ничем не обидеть представителя чужой страны: «*И таинственный город, тропический Рим, Шейх-Гуссейн я увидел высокий, Поклонился мечети и пальмам святым, Был допущен пред очи пророка. Жирный негр восседал на персидских коврах В полутемной неубранной зале, Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях, лишь глаза его диено сверкали. Я склонился, он мне улыбнулся в ответ, По плечу меня с лаской ударя, Я бельгийский ему подарил пистолет И портрет моего государя. Все расспрашивал он, много ль знают о нём В отдалённой и дикой России... Вплоть до моря он славен своим колдовством, И дела его точно благи: Если мула в лесу ты не можешь найти Или раб убежал беспокойный, Все получишь ты вдруг, обещав принести Шейх-Гуссейну подарок пристойный*» (с. 300).

Следовательно, Н. Гумилёв не признаёт цивилизационной роли Европы в Африке. Надо уважать её обычаи.

Чтобы сложить разрозненную смальту в целостную мозаику, обратимся к текстам, в которых Н. Гумилёв пишет об Африке в целом (4 упомин.).

С одной стороны, она для него близка и дорога: «*Оглушённая рёвом и топотом, Облечённая в пламя и дымы, О тебе, моя Африка, шёпотом В небесах говорят серафимы. И, твоё раскрывая Евангелие, Повесть жизни ужасной и чудной, О неопытном думает ангеле, Что приставлен к тебе, безрассудной. Обреченный тебе, я поведаю О вождях в леопардовых шкурах, Что во мраке лесов за победою Водят полчища воинов змурых; О деревнях с кумирами древними, Что смеются улыбкой недоброй, И о львах, что стоят над деревнями И хвостом ударяют о рёбра*» (с. 284).

Континент богат: «*Нежней цветы и звёзды ярче В стране, где светит Южный Крест, В стране богатой, словно ларчик для очарованных невест*» (с. 318).

Африка для русского поэта стала мечтой, навеваемой ветром: «*Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору, В Африку, как прежде, как тогда, Лечь под царственную сикомору И не подниматься никогда. Бархатом меня накроет вечер, А луна оденет в серебро, И быть может, не припомнит ветер, Что когда-то я служил в бюро*» (с. 359); «*Сердце Африки пенья полно и пыланья, И я знаю, что, если мы видим порой Сны, которым найти не умеем названья, Это ветер приносит их, Африка, твой!*» (с. 311).

Подведём некоторые итоги.

1. Поэзия большого поэта уникальна по форме (мы обращаем внимание на акмеистические и импрессионистические описания), но взгляд представлен внимательный и точный: осуждение дикости и интерпретация её как реакции на поведение европейцев, стремление установить уважительные контакты с представителями чужих народов и т. п. Следовательно, поэзия может быть материалом для лингвоимпактологического анализа, однако очень внимательно нужно отнестись к личности поэта, поскольку поэзия — самая личностная сфера. И как в капле воды отражается солнце, так в творчестве большого поэта отражается народное мировидение.

2. Трудно или невозможно выявить константные характеристики того или иного народа и страны, где он живёт. Изменилась политическая ситуация в Африке, поэтому ушли в прошлое кровожадные правители, европейцы перестали быть надсмотрщиками с бичом. Животные, во многом утраченные из-за хищнической охоты, разместились в национальных парках. Неизменно прекрасна пустыня и древние египетские пирамиды, изменилось, но осталось сказочно красивым Красное море. Значит, для

имагологических характеристик необходимо учитывать синхронный срез, неплохо бы определиться с его границами.

3. Практически не проявилась противоположная оценка — африканцами России, нельзя всерьёз рассматривать оценку вождя-колдуна «холодная и дикая Россия».

4. Опыт показывает, что наиболее целесообразный путь анализа — сплошная выборка с последующим описанием: выделением тематических групп, определением их частотности.

Таким образом, рецепция Поэтом даже очень далеких от русской жизни земель позволяет эксплицировать народное мировидение в определённых пространственно-временных рамках, что даёт интересный материал для лингвоимагологических разысканий.

Литература

1. Гумилёв Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилёв. — М.: Художественная литература, 1990. — 447 с.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М.: ЭКСМО, 2007. — 944 с.

References

1. Gumilev N. S. Stikhi. Pisma o russkoy poezii / N. S. Gumilev. — M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. — 447 s.
2. Krysin L. P. Tolkovyi slovar' inoyazychnyh slov / L. P. Krysin. — M.: EKSMO, 2007. — 944 s.

Іванова Людмила Петрівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови Інституту іноземної філології Київського національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова; Київ, Україна;
e-mail: lupiv@mail.ru; тел.: +38(044)550-60-24

РЕЦЕПЦІЯ ПОЕТА: ЛІНГВОІМАГОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. Лінгвоімагологічний аналіз передбачає аналіз іміджу однієї країни у рецепції іншого народу. У статті розглядається сприйняття видатним поетом Н. С. Гумільовим, який втілює російське світобачення, Африки, що є об'єктом лінгвоімагологічного аналізу. У ході дослідження виявлено, що Африка є найбільш згадуваною частиною світу у аналізованих текстах — 71 згадка, Європа — 49, Азія — 11, Америка — 2, Австралія — 1. Виділено 8 тематичних груп, визначено їх частотність: тваринний світ (31 згадка), країни (10), водойми (10), європейці в Африці (6), ландшафт (4), Африка в цілому (4), рослини (3), люди (3). Пропонуються принципи відбору матеріалу для аналізу, розробка методики лінгвоімагологічного дослідження.

Ключові слова: лінгвоімагологія, рецепція, поет, Африка, М. Гумільов.

Ljudmila P. Ivanova,

Grand PhD in Philological Sciences, Prof. of the Russian Language Department of the Foreign Philology Institute, National Pedagogical Dragomanov University; Kiev, Ukraine;
e-mail: lupiv@mail.ru; тел.: +38(044)550-60-24

POET'S PERCEPTION: LINGVOIMAGOLOGICAL VIEW

Summary. Lingvoimagology is a marginal linguistic school, based on interaction of the theory of communication and cognitive linguistics. The object of lingvoimagology is an image of a nation and its country in the opinion of other nations. The subject is an axiological characteristics, stereotypes, verbal and nonverbal behaviour, paralinguistic situation. The material for lingvoimagological analysis can be taken from itinerary, literary and publicistic texts, particularly poet's perception as he is an embodiment of his nation's vision of the world. Therefore a poet expresses an appraisal of some people (nation), its representatives and country as geographical, political and social formation. In the article, the outstanding Russian poet of the beginning of the XX century N. Gumilev's sight of Africa is analysed. He lived a short but very bright life as travelled a lot. The poet was brought up in the best traditions of elite Russian culture and represents this point of view. The collected poems «Poems. Letters about Russian poetry» («Стихи. Письма о русской поэзии» М., 1990) is examined. The following results are achieved. In the analysed book the most mentioned part of the world is Africa — 71 mentions, Europe — 49, Asia — 11, America — 2, Australia — 1. 8 theme groups are allocated, their rate is defined: 1) fauna (31 mentions): lion (4), wolf (3), monkey (3), rhino (3), buffalo (2), hyena (1), leopard (1), tiger (1), hippo (1), giraffe (1), dog (1), gazelle (1). Also insects and reptiles are described in the group: wasp (1), an anaconda (1); 2) reservoirs (10): Nile (3), Red Sea (3), Lake Chad (3), the Suez Canal (1); 3) countries (10): Liberia (3), Somalia (2), Abyssinia (2), rest of the countries are mentioned once: Dahomey, Egypt, Zambezi, Niger; 4) Europeans in Africa: Italians (2), Europeans in the whole (2), Frenchmen (1), Russians (1); 5) landscape of a country (4): a desert as a whole (2), Sahara (1), Gegeera mountains (1); 6) Africa as a whole (4); 7) plants (3): Cairo garden (1), palms (1), mimosas (1); 8) people (2): Arabs (1), women (1). Therefore, the poet's perception of so far lands gives a possibility to explicate people's world view in the definite spatiotemporal frames.

Key words: lingvoimagology, perception, poet, Africa, N. Gumilev.

Статтю отримано 30.08.2013 р.

УДК 811.161.1—119(045)

СИТНИКОВА Елена Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка Киевского национального университета им. Тараса Шевченко; Киев, Украина;

e-mail: alyonasinikova@mail.ru; тел.: +38(0629)52—89—55; моб.: +38—050—685—27—69

ВАРИАТИВНОСТЬ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ЯЗЫКОВЫХ МАРКЕРОВ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПА

Аннотация. На современном этапе развития науки о языке актуальной является проблема соотношения языкового и этнокультурного сознания. Этнокультурная специфика образа языкового сознания детерминирована реальной действительностью, так как явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой. Образ языкового сознания оформляется с помощью языковых средств, отражающих перцептивные и концептуальные знания языковой личности о культурных предметах реального мира. Любые изменения образа мира, неизбежно происходящие в процессе развития этноса/нации, отображаются и фиксируются в языковых маркерах национально-культурного сознания.

В данной статье представлен сопоставительный анализ ассоциативного материала, полученного в результате анкетирования носителей русской культурной традиции, проживающих на территории этнической родины и выехавших за рубеж. Выявлены сходства и различия в составе ассоциативных полей языковых маркеров национально-культурного сознания, выделенных И. В. Приваловой и предложенных информантам в качестве стимулов.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; ядро ассоциативного поля; периферийная зона ассоциативного поля; частотность реакций.

Совокупность всех реакций, полученных от участников свободного ассоциативного эксперимента, образует ассоциативное поле слова-стимула. Каждое ассоциативное поле имеет ядро и периферию. Ядро ассоциативного поля содержит наиболее значимые, многократно повторяющиеся ассоциаты. Менее частотные реакции относятся к периферийной зоне поля. При анализе ассоциативного поля следует учитывать даже единичные реакции, так как большинство из них продолжает те направления ассоциирования, которые намечены реакциями центральной ассоциативной зоны, поэтому необходимым представляется комплексный учет всех ассоциатов.

Ассоциативное поле слова раскрывает всё многообразие его смысловых возможностей. В нём находят отражение знания информантов о языковых свойствах слов-стимулов и особенностях их реализации в речевой практике: фонетические и словообразовательные особенности, специфика лексического значения, особенности словоупотребления, участие в процессах метафоризации, способность к образованию новых событийных номинаций, функционирование в составе речевых формул, стилистическая маркированность и другие дистрибутивные особенности. Кроме того, значительную часть ассоциативного поля представляют реакции, в которых содержится информация экстралингвистического характера и проявляется творческая активность респондента, в сознании которого актуализируются различные тематические, ситуативные или культурно обусловленные представления об обозначаемых стимулами явлениях.

Получаемое в результате эксперимента ассоциативное поле является не только фрагментом вербальной памяти человека, но и фрагментом мира данного этноса, отраженного во внутреннем лексиконе носителей данной культуры и проявляющегося в системе мотивов, оценок и культурных стереотипов.

Сопоставительный анализ ассоциативных полей, составленных в результате анкетирования представителей русской этнолингвокультуры, проживающих на территории этнической родины, а также в Украине, США, в странах Европейского союза (Греция, Кипр, Италия, Нидерланды, Германия) и Азии (Индия, Израиль), позволил выявить изменения в знаниях и представлениях, касающихся восприятия языковых маркеров национально-культурного сознания (далее ЯМНКС) лингвокультурного, лингвокультурного и лингвоэкологического типов [1; 2], которые произошли во внутреннем лексиконе информантов под влиянием гетерогенного языкового окружения. В данной статье влияние иноязычной среды на респондентов, проживающих за пределами России, проиллюстрировано наиболее показательными примерами реагирования участников эксперимента на ЯМНКС лингвокультурного типа.

Анализ ассоциативного поля колоремы *вороний* выявил совпадение наиболее частотных ассоциатов. Так, носители русской этнолингвокультуры, проживающие на территории этнической родины, предоставили следующие реакции: *конь* (36,24 %), *чёрный* (10,63 %), *масть* (4,36 %). Данные реакции также составили ядерную зону ассоциативного поля указанного стимула во внутреннем лексиконе представителей русской этнолингвокультуры, находящихся в гетерогенном окружении: *конь* (34,92 %), *чёрный* (5,59 %), *масть* (3,91 %). Наибольшую группу ответов россиян составили реакции, обусловленные ассоциированием стимула со словом *конь* (45,44 %): *конь* (36,23 %), *лошадь* (2,45 %), *жеребец* (1,36 %), *грива* (0,54 %), *запрягать* (0,54 %), *порода* (0,54 %), *скакун* (0,54 %), *гарцевание* (0,27 %), *ипподром* (0,27 %), *коневодство* (0,27 %), *конюшня* (0,27 %), *мус-*

танг (0,27 %), ржание (0,27 %), сбруя (0,27 %), Сивка-Бурка (0,27 %), скакать (0,27 %), уздечка (0,27 %), упряжь (0,27 %), шелковая грива (0,27 %). Жители зарубежья предоставили 51,43 % подобных реакций: конь (34,92 %), лошадь (2,51 %), грива (1,68 %), жеребец (1,68 %), красивый конь (1,68 %), рысак (1,12 %), упряжка лошадей (1,12 %), скакун (0,84 %), галоп (0,56 %), конезавод (0,56 %), подкова (0,56 %), породистый (0,56 %), седло (0,56 %), гарцевание (0,28 %), ипподром (0,28 %), конь красноармейца (0,28 %), конь черного цвета (0,28 %), копыта (0,28 %), лошади вороны (0,28 %), мерин (0,28 %), мустанг (0,28 %), резвый жеребец (0,28 %), табун (0,28 %), хвост (0,28 %). Значительное количество реакций (11,76 %) свидетельствует об изменениях в восприятии данного стимула, вызванных пребыванием этнических русских в иноязычной среде. Некоторыми информантами слово *вороной* было воспринято не как прилагательное со значением цвета, а как форма творительного падежа существительного *ворона*: *ворона* (1,12 %), *белая ворона* (0,84 %), *ворон* (0,84 %), *глаз* (0,84 %), *вороново крыло* (0,56 %), *кабанчиком* (0,28 %), *карканье* (0,28 %), *молнией* (0,28 %), *невнимательность* (0,28 %), *полет* (0,28 %), *стрелой* (0,28 %), что позволяет сделать предположение об утрате содержания данного стимула в сознании ряда участников эксперимента. Часть реакций была вызвана соотношением слова *вороной* со словосочетанием *воронёная сталь*: *сталь* (1,4 %), *железный* (0,28 %), *клинок* (0,28 %), *снаряд* (0,28 %), *стальной* (0,28 %), *цвет пистолета* (0,28 %). В ассоциативном поле данного стимула были обнаружены реакции, не связанные с содержанием слова *вороной*: *дорогой* (0,28 %), *другой* (0,28 %), *книга* (0,28 %), *козёл* (0,28 %), *персонаж* (0,28 %), *самоцветы* (0,28 %). Кроме того, 5 информантов (1,4 %) отказались предоставить реакции на данный стимул, что можно объяснить затруднениями в восприятии и понимании ими данного слова.

Анализ реакций на стимул *щи*, обозначающий блюдо национальной русской кухни, выявил определенные различия в составе ассоциативных полей при сохранении ядерной зоны: *капуста* (14,09 %), *суп* (8,67 %) — у жителей России, *капуста* (13,48 %), *суп* (7,87 %) — у информантов, выехавших за рубеж. Примечательно, что у второй группы участников эксперимента третьей наибольшей по частоте реакцией стал ассоциат *борщ* (7,3 %), который составил 1,9 % реакций у информантов, проживающих на территории этнической родины. Такую разницу можно объяснить принадлежностью данного блюда к украинской национальной кухне и значительным количеством информантов, проживающих в Украине. Разница наблюдается также в частоте реакций, относящих данное блюдо к русской этнолингвокультуре. Так, жители России предоставили следующие реакции: *русское национальное блюдо* (1,36 %), *русская кухня* (0,81 %), *русские* (0,54 %), *русский суп с овощами* (0,27 %), которые в целом составляют 2,98 % от всех ответов. Количество подобных реакций у информантов, находящихся в иноязычной среде, значительно выше, чем у первой группы респондентов: *Россия* (3,09 %), *русское блюдо* (1,97 %), *русская еда* (1,12 %), *русские* (1,12 %), *Древняя Русь* (0,28 %), *духовка в русской печи* (0,28 %), *крепостная Россия* (0,28 %), *крестьянская Россия* (0,28 %), *овощной суп по-русски* (0,28 %), *рысак* (0,28 %), *русская похлебка без мяса* (0,28 %), *Урал* (0,28 %), всего — 9,55 %. Подобную разницу можно объяснить тем, что информанты воспринимают данный стимул, прежде всего, как особенность русского культурного пространства, связанную с их жизнью до переезда за границу и в настоящее время осознаваемую как часть их прошлого, а потому имеющую особую ценность. Некоторые реакции носителей русской этнолингвокультуры, проживающих за пределами России, стали следствием сопоставления реалий различных национально-культурных пространств: *русский борщ* (0,84 %), *борщ с кислой капустой* (0,56 %), *борщ вкуснее!* (0,28 %), *борщ лучше!* (0,28 %), *зеленый борщ* (0,28 %), *легкий борщ* (0,28 %), *невкусный белый борщ* (0,28 %), *украинская кухня лучше!* (0,28 %). Интерес представляют эмоционально-оценочные реакции на стимул *щи*. Так, носители русской этнолингвокультуры, проживающие на территории этнической родины, предоставили 5,42 % реакций, характеризующихся положительной оценкой: *вкусно* (3,25 %), *аппетит* (0,27 %), *аромат* (0,27 %), *душистые* (0,27 %), *красивый суп с зеленью* (0,27 %), *ням-ням* (0,27 %), *объедение!* (0,27 %), *приятный запах* (0,27 %), *хороши!* (0,27 %). У информантов, выехавших за рубеж, отмечено меньше подобных реакций — всего 1,12 %: *вкусно* (0,84 %), *вкусный запах* (0,28 %), однако присутствуют реакции с отрицательной оценкой, отсутствующие у жителей России: *невкусно* (2,25 %), *фу!* (0,84 %), *баланда* (0,28 %), *гадость!* (0,28 %), *не еда* (0,28 %), *не люблю* (0,28 %). Отмеченный факт свидетельствует о том, что нахождение человека в пределах чужеродного национально-культурного пространства отражается не только на составе единиц его внутреннего лексикона, но и, как в данном случае, на определенных кулинарных предпочтениях.

Ассоциативные поля слова *перестройка*, обозначающего период в истории СССР с 1985 по 1991 гг., характеризуются отличиями в ядерных зонах. Так, в обеих группах информантов наиболее частотными явились реакции *Горбачев* (23,45 % в первой группе, 22,91 % во второй группе) и *СССР* (соответственно 6,44 % и 4,31 %). Однако в следующих ассоциатах наблюдаются расхождения: жители России предоставили реакцию *девяностые годы* (2,84 %), а у респондентов, проживающих за рубежом, третьей по частоте стала реакция *развал СССР* (3,5 %). Вероятно, именно такое следствие перемен в обществе оказалось более значимым для второй группы участников эксперимента, потому что для большинства из них оно ассоциируется с их переездом в другое государство. Данное предположение может быть также подтверждено следующими реакциями информантов второй группы: *выезд за границу* (0,81 %), *заграница* (0,27 %). Кроме того, носители русской культурной традиции, проживающие за рубежом, предоставили большее количество реакций с отрицательной коннотацией: *развал* (2,43 %), *разруха* (1,62 %), *бардак* (1,35 %), *дефицит* (1,35 %), *все плохо* (0,81 %), *разбой* (0,81 %), *ужас* (0,81 %), *анархия* (0,54 %), *безработица* (0,54 %), *грязь* (0,54 %), *пустые поля*

(0,54 %), разгром (0,54 %), совок (0,54 %), гласность — чушь собачья (0,27 %), голодные годы (0,27 %), грабёж (0,27 %), инфляция (0,27 %), и что они перестроили? (0,27 %), крах (0,27 %), кризис (0,27 %), начало конца (0,27 %), негативное явление (0,27 %), недовольство (0,27 %), непонимание (0,27 %), неприятно (0,27 %), нервы (0,27 %), нехорошее время (0,27 %), обман (0,27 %), обнищание (0,27 %), очереди (0,27 %), ошибки (0,27 %), паника (0,27 %), погром (0,27 %), пойти туда, не знаю куда (0,27 %), потерянное время (0,27 %), предательство народа (0,27 %), пропади она пропадом (0,27 %), развал общества (0,27 %), тревога (0,27 %), трудности (0,27 %). Часть реакций информантов второй группы показали незнание ими временных рамок и основных государственных деятелей данного периода: шестидесятые (0,27 %), Хрущев (1,08 %), Брежнев (0,81 %), Сталин (0,27 %). Очевидно, пребывание в течение длительного времени за пределами русского этнолингвокультурного пространства привело к частичной утрате культурно значимого содержания данного стимула во внутреннем лексиконе респондентов.

В ассоциативных полях стимула *матрешка* — одного из символов русской культуры — нашло отражение пребывание информантов за пределами русского национально-культурного пространства. Так, если русские, проживающие на территории этнической родины, в реакциях чаще всего указывали *Россию* (10,88 %), то для респондентов, выехавших за рубеж, *матрешка* — это прежде всего *сувенир* (10,76 %), что также подтверждают следующие реакции: *магазин сувениров* (0,57 %), *аэропорт* (0,28 %), *дорогой сувенир* (0,28 %). Многие участники эксперимента второй группы подчеркивали принадлежность данной реалии к русской культуре, что отразилось в следующих реакциях: *Россия* (10,2 %), *русская народная игрушка* (3,97 %), *русский сувенир* (1,98 %), *Москва* (1,42 %), *русская* (1,42 %), *Арбат* (1,13 %), *символ России* (1,13 %), *СССР* (1,13 %), *Красная Площадь* (0,85 %), *русская визитка* (0,85 %), *русская потеха* (0,28 %), *Русь* (0,28 %). Подобные реакции были даны и жителями России (22,02 %), однако их частотность ниже, чем у респондентов, проживающих за ее пределами (27,48 %). Реакция *СССР* (1,13 %), отсутствующая в анкетах русских, проживающих на территории этнической родины, говорит о том, что информанты, выехавшие за рубеж, воспринимают некоторые реалии как часть прошлого, не характерную для их современной жизни в условиях иностранного национально-культурного пространства. В анкетах обеих групп информантов были выявлены реакции, которые являются показателем употребления слова-стимула в качестве обозначения девушки или женщины определенного внешнего вида. Так, респонденты, проживающие за рубежом, дали следующие реакции: *вырядилась, как матрешка* (0,08 %), *размалеванная девица* (0,08 %), *закутанная красавица* (0,28 %). Информанты, живущие в России, дали почти вдвое больше подобных реакций: *полная женщина* (0,52 %), *девочка, закутанная в платок* (0,26 %), *девушка из глухой деревни* (0,26 %), *деревенская девушка в городе* (0,26 %), *дурочка* (0,26 %), *женщина в многослойных одеяниях* (0,26 %), *пёстро одетая женщина* (0,26 %), *размалёванная девица* (0,26 %), *ярко накрашенная девушка* (0,26 %), что может свидетельствовать о постепенной утрате такого употребления данного слова среди информантов, находящихся в гетерогенном языковом окружении.

Анализ реакций, полученных на стимул *святки*, показал совпадение ядерных зон ассоциативных полей в двух группах респондентов. Наиболее частотными у россиян стали реакции *гадания* (22,93 %), *праздник* (9,39 %), *Рождество* (8,56 %), *зима* (7,73 %). Перечисленные реакции составили ядро ассоциативного поля и во внутреннем лексиконе информантов, проживающих за рубежом: *праздники* (20,57 %), *гадания* (10,86 %), *зима* (9,14 %), *Рождество* (6,29 %). Изменения в восприятии и понимании данного стимула респондентами второй группы проявились в некоторых ассоциациях периферийной зоны. Реакции *новогодние праздники* (0,57 %), *Новый год* (0,57 %), *неделя перед Рождеством* (0,29 %) свидетельствуют о том, что знания респондентов ограничиваются отнесением святок к зимним праздникам. Ассоциаты *Пасха* (0,86 %), *А. С. Пушкин* (0,57 %), *яйца* (0,29 %), а также основанная на созвучии реакция *пьятки* (0,29 %) позволяют сделать вывод о более существенной утрате культурного содержания данного стимула вследствие влияния гетерогенного языкового окружения на внутренний лексикон информантов.

Изучение ассоциативного материала, полученного на стимул *бить баклуши*, показывает изменения в закреплённости данной фразеологической единицы в сознании носителей русской этнолингвокультуры, находящихся в иноязычной среде. Наиболее частотные реакции на данный стимул говорят о сохранении ядра его ассоциативного поля во внутреннем лексиконе обеих групп участников эксперимента. Информанты, проживающие на территории этнической родины, предоставили следующие наиболее частотные реакции: *бездельничать* (14,09 %), *ничего не делать* (12,43 %), *лентяй* (9,39 %), *лень* (8,29 %). Ядро ассоциативного поля данного стимула во внутреннем лексиконе жителей зарубежья представлено следующими реакциями: *ничего не делать* (12,57 %), *бездельничать* (9,71 %), *лень* (7,14 %). Заслуживает внимания тот факт, что реакции некоторых иностранных респондентов свидетельствуют о знании ими этимологии рассматриваемой фразеологической единицы: *заготовки для ложек* (0,57 %), *вырезать деревянные ложки* (0,29 %), *древесина* (0,29 %). Значительное количество реакций, предоставленных информантами второй группы, также являются фразеологизмами, передающими содержание данного стимула: *валять дурака* (3,14 %), *плевать в потолок* (1,43 %), *убивать время* (1,14 %), *прожигать жизнь* (0,57 %), *считать ворон* (0,29 %), *считать мух* (0,29 %). Однако были выявлены реакции, обусловленные тем, что информанты не воспринимают данный фразеологизм как целостную и неразделимую единицу языка и реагируют лишь на один из ее компонентов — *бить*: *барабан* (0,29 %), *отбивные* (0,29 %). Реакции *паниковать* (0,29 %) и *выходить из себя* (0,29 %), вероятно, были вызваны соотношением рассматриваемого стимула с фразеологизмом *бить тревогу*, который не имеет никакой семантической связи со стимулом, а лишь содержит общий

с ним глагол *бить*. Об утрате содержания предложенного в качестве стимула фразеологизма говорит и наличие таких реакций, как *злиться* (0,29 %), *перемена обстановки* (0,29 %), *маражасы* (0,29 %), *печь* (0,29 %), *ругать* (0,29 %). Результатом влияния украиноязычной среды стала реакция *байдьки* (0,86 %), которая объясняется структурно-семантическим сходством русского фразеологизма, предложенного информантам в качестве стимула, и украинской фразеологической единицы *бити байдьки*.

Рассмотрение ассоциативных полей речевой формулы *до скорого!* выявило определённые различия в их структуре. Во внутреннем лексиконе информантов, проживающих за границей, сохраняется ядро ассоциативного поля данного стимула, о чем говорит наиболее часто указываемая ими реакция *прощание* (19,72 %), однако периферийная зона претерпевает ряд изменений. Так, 6,02 % ассоциатов передают ситуацию отъезда: *вокзал* (1,43 %), *отъезд* (1,43 %), *дорога* (0,86 %), *поезд* (0,86 %), *провода* (0,57 %), *даль* (0,29 %) *платформа* (0,29 %), *путь* (0,29 %). Подобные реакции составляют меньшую часть ответов россиян (4,05 %): *дорога* (1,08 %), *провода* (1,08 %), *вокзал* (0,54 %), *отъезд* (0,54 %), *поезд* (0,54 %), *чемодан* (0,27 %). Кроме того, большей частотностью характеризуются реакции носителей русской культурной традиции, находящихся за рубежом, которые выражают отрицательные эмоции, связанные с расставанием: *печаль* (1,14 %), *слезы* (0,57 %), *скушать* (0,29 %). Их общее количество составляет 2 %, тогда как подобные реакции респондентов, живущих в России, не превышают 1 %: *грусть* (0,27 %), *обида* (0,27 %), *слезы* (0,27 %). Описанные изменения в составе ассоциативного поля второй группы информантов очевидно являются отражением перемены их жизненных условий, связанной с выездом за пределы России и с последующими неоднократными зарубежными поездками. Следствием влияния гетерогенного языкового окружения на внутренний лексикон данных респондентов стали не отмеченные в анкетах россиян иноязычные реакции на данный стимул, переданные буквами кириллицы: *чао!* (0,57 %), *бай-бай!* (0,29 %), *гудбай!* (0,29 %). Особенностью ассоциативного поля, составленного по результатам опроса этнических русских, проживающих в России, является наличие цитатных реакций: *«До скорого, брат!»* (0,54 %), *«Прощай! Пока! До скорого!»* (0,54 %), а также реакции *Макаревич* (0,54 %), которые можно объяснить постоянным пребыванием респондентов в условиях русского культурного пространства.

В результате сопоставления ассоциативных полей нумерологемы *три* было выявлено совпадение ядерных зон, представленных следующими ассоциатами: *цифра* (10,63 %), *поросенка* (8,99 %), *число* (8,45 %), *богатыря* (6,81 %) — у информантов первой группы; *число* (11,4 %), *поросенка* (10,54 %), *цифра* (7,69 %), *богатыря* (5,99 %) — у информантов второй группы. Чаще всего участники обеих групп указывали прецедентные реакции, которые представляют собой названия различных произведений искусства или часть таких названий, где началом выступает слово-стимул, а также цитаты из таких произведений. Так, респонденты, проживающие на территории этнической родины, представили следующие реакции: *поросенка* (8,99 %), *богатыря* (6,81 %), *толстяка* (4,63 %), *медведя* (1,63 %), *танкиста* (1,63 %), *девицы под окном* (1,36 %), *мушкетера* (1,36 %), *«Три орешка для Золушки»* (1,36 %), *товарища* (1,09 %), *«Три тополя на Плющихе»* (1,09 %), *тридцатое царство* (0,82 %), *«Пижовая дама»* (0,54 %), *сына* (0,54 %), *три грации* (0,54 %), *белых коня* (0,27 %), *за тридцать земель* (0,27 %), *сестры* (0,27 %), *танкиста и собака* (0,27 %), *три кита* (0,27 %), *«Три плюс два»* (0,27 %), *«Три полуграции»* (0,27 %), *три царицы под окном* (0,27 %), *«Трое в лодке, не считая собаки»* (0,27 %), *тройка, семерка, туз* (0,27 %); носители русской культурной традиции, находящиеся в иноязычной среде, дали подобные реакции: *поросенка* (10,54 %), *богатыря* (6,27 %), *толстяка* (4,27 %), *«Три тополя на Плющихе»* (1,99 %), *танкиста* (1,42 %), *товарища* (1,42 %), *«Три орешка для Золушки»* (1,42 %), *мушкетера* (1,14 %), *белых коня* (0,85 %), *желания* (0,85 %), *медведя* (0,85 %), *девицы* (0,57 %), *корочки хлеба* (0,57 %), *сестры* (0,57 %), *сына* (0,57 %), *«Три плюс два»* (0,57 %), *«Трое в лодке, не считая собаки»* (0,57 %), *«года ты мне снилась»* (0,28 %), *колодца* (0,28 %), *тридцатое царство* (0,28 %), *тройка, семерка, туз* (0,28 %). Особенностью периферийной зоны ассоциативного поля рассматриваемого стимула, составленного по анкетам жителей зарубежья, стала более высокая частотность реакций, связанных с приписыванием числу *три* магических характеристик: *символическое число* (0,57 %), *счастливое число* (0,57 %), *ходовое число* (0,57 %), *волшебное число* (0,28 %), *святое число* (0,28 %), *счастье* (0,28 %), *хорошее число* (0,28 %). В анкетах информантов обеих групп были выявлены реакции, представляющие собой фразеологические и паремиологические единицы: *Бог любит Троицу* (0,82 %), *знать в три шеи* (0,82 %), *любовный треугольник* (0,54 %), *навать с три короба* (0,54 %), *согнуться в три погубели* (0,54 %), *от горшка три вершка* (0,27 %), *сообразить на троих* (0,27 %) — у жителей России; *сообразить на троих* (1,71 %), *Бог любит Троицу* (0,57 %), *третий лишний* (0,28 %) — у респондентов, выехавших за рубеж. Меньшее количество подобных реакций у жителей зарубежья является следствием их длительного пребывания за пределами русского этнолингвокультурного пространства. Участники второй группы реже указывали и реакции, свидетельствующие о восприятии ими слова-стимула не как числительного, а как повелительной формы глагола *тереть*: *тереть* (1,14 %), *дырка* (0,57 %), *очищать от грязи* (0,28 %). Информанты, проживающие в России, дали в два раза больше подобных реакций: *морковь на терке* (0,54 %), *терка* (0,54 %), *дырка* (0,27 %), *тереть ластиком* (0,27 %), *тереть спину* (0,27 %), *три, три и будет дырка* (0,27 %), что, вероятно, объясняется их постоянным нахождением в условиях русскоязычного дискурса.

Таким образом, ассоциативное поле является отображением внутреннего лексикона носителя определенной этнолингвокультуры и указывает на форму и способы хранения ЯМНКС в сознании информантов.

ЯМНКС лингвокультурного типа свойственна высокая степень закрепленности во внутреннем лексиконе представителей русской этнолингвокультуры, находящихся за пределами этнической родины. Тем не менее, были отмечены изменения в восприятии стимулов данной группы, зафиксированные в периферийных зонах. Так, вследствие влияния гетерогенного языкового окружения наблюдаются утрата семантики и культурного значимого содержания некоторых стимулов, затруднения в восприятии и понимании отдельных ЯМНКС, постепенное уменьшение объема знаний, касающихся фразеологического и паремнологического фондов русского языка. Особенности реакций информантов, проживающих за рубежом, на ЯМНКС данного типа стали подчеркивание их принадлежности к русскому национально-культурному пространству; сопоставление с реалиями той культурной среды, в которой находятся участники эксперимента; отражение событий, связанных с периодом эмиграции респондентов; высокая частотность эмоционально-оценочных ассоциатов.

Литература

1. *Привалова И. В.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): [монография] / И. В. Привалова. — М.: Гнозис, 2005. — 472 с.
2. *Привалова И. В.* Языковое сознание: этнокультурная маркированность: Теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / И. В. Привалова. — М., 2006. — 50 с.

References

1. *Privalova I. V.* Interkultura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii): [monografija] / I. V. Privalova. — M.: Gnozis, 2005. — 472 s.
2. *Privalova I. V.* Jazykovoje soznanie: jetnokul'turnaja markirovannost': Teoretiko-jeksperimental'noe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: spec. 10.02.19 «Teorija jazyka» / I. V. Privalova. — M., 2006. — 50 s.

Ситникова Елена Владимировна,

кандидат філологічних наук, доцент, докторант кафедри російської мови Київського національного університету ім. Тараса Шевченка; Київ, Україна;
e-mail: alyonasitnikova@mail.ru; тел.: +38(0629)52-89-55; моб.: +38-050-685-27-69

ВАРІАТИВНІСТЬ АСОЦІАТИВНИХ ЗВ'ЯЗКІВ МОВНИХ МАРКЕРІВ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЇ СВІДОМОСТІ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПУ

Анотація. На сучасному етапі розвитку науки про мову актуальною є проблема співвідношення мовної та етнокультурної свідомості. Етнокультурна специфіка образу мовної свідомості детермінована реальною дійсністю, оскільки явища реальної дійсності, що сприймаються людиною в структурі діяльності і спілкування, відображаються в її свідомості таким чином, що це відображення фіксує причинні і просторові зв'язки явищ і емоцій, що викликаються сприйняттям цих явищ, і образ світу змінюється від однієї культури до іншої. Образ мовної свідомості оформлюється за допомогою мовних засобів, що відображають перцептивні та концептуальні знання мовної особистості про культурні предмети реального світу. Будь-які зміни образу світу, що неминуче відбуваються в процесі розвитку етносу/нації, відображаються і фіксуються в мовних маркерах національно-культурної свідомості.

У даній статті представлено зіставний аналіз асоціативного матеріалу, отриманого в результаті анкетування носіїв російської культурної традиції, які проживають на території етнічної батьківщини та які виїхали за кордон. Виявлено подібності та відмінності у складі асоціативних полів мовних маркерів національно-культурної свідомості, виділених І. В. Приваловою та запропонованих інформантам в якості стимулів.

Ключові слова: вільний асоціативний експеримент; асоціативне поле; ядро асоціативного поля; периферійна зона асоціативного поля; частотність реакцій.

Yelena V. Sitnikova,

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, doctoral candidate in the Russian Language Department of Taras Shevchenko National University of Kiev; Ukraine;
e-mail: alyonasitnikova@mail.ru; tel.: +38(0629)52-89-55; моб.: +38-050-685-27-69

VARIATION OF THE ASSOCIATIVE CONNECTIONS OF LANGUAGE MARKERS OF NATIONAL AND CULTURAL CONSCIOUSNESS OF LINGUOCULTURAL TYPE

Summary. At the present stage of development of linguistics the problem of relation of language, ethnic and cultural consciousness is of current concern. Ethnocultural specificity of linguistic consciousness image is determined by the reality, since the phenomena of reality, perceived by a person in the structure of activity and communication, are reflected in his mind so that this reflection fixes the causal and spatial connections between phenomena and emotions caused by the perception of these phenomena, and the image of the world changes from one culture to another. The image of linguistic consciousness is created by using linguistic devices which reflect perceptual and conceptual knowledge of a linguistic personality about cultural objects of the real world. Any changes in the image of the world, inevitably happening during the development of the ethnos/nation, are reflected and fixed in the linguistic markers of national and cultural consciousness.

This paper presents a comparative analysis of the associative material obtained as a result of a survey of the Russian cultural tradition representatives, who live in ethnic homeland and abroad. It defines the similarities and differences in the associative areas of language markers of national and cultural consciousness, pointed out by I. V. Privalova and offered to the informants as stimuli.

Key words: free associative experiment; associative area; the center of associative area; periphery of associative area; frequency of responses.

Статтю отримано 19.09.2013 р.

УДК 811.161'23'371:233.13 Григорий Сковорода

КАИРЖАНОВ Абай Каиржанович,
доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета
имени Л. Н. Гумилёва; Астана, Казахстан;
e-mail: kairzhanov@list.ru; адрес: г. Астана, ул. Мустафина, 21/5, кв. 31

КОНЦЕПТ «БОЖЕСТВЕННЫЙ САД» В ТВОРЧЕСТВЕ Г. С. СКОВОРОДЫ

Аннотация. В статье анализируется концепт «божественный сад» в творческом наследии Г. С. Сковороды. Этот концепт эквивалентен византийскому и древнерусскому концепту «премудрость». Определяются основные смыслы слов в творчестве философа, в которых скрыта этическая правда и образцовая красота. Эти качества слова заложены априори в человеке, поэтому он должен придерживаться идей нестяжательства, исихии и следовать основным положениям Софии Премудрости. Он пытается превратить концепт «божественный сад» в ментальный символ-синкрету. Г. С. Сковорода претворяет эти идеи в массовое сознание населения Российской империи XVIII века, используя для этого производные концепта «божественный сад». Однако эти концепты появились в раннем Средневековье в Византийской империи и были восприняты словолюбцами Киевской Руси в XI веке. Если этот концепт в Византии и в Киевской Руси XI века был доступен только апологетам догматики католической церкви, то в учении Г. С. Сковороды эти идеи стали достоянием простого человека.

Ключевые слова: концепт, аккультурация, исихия (исихазм), синергетика, символ-синкрета, словолюбцы, Г. С. Сковорода.

Любое творчество, тем более известного учёного-философа, должно принадлежать живущим людям в тройном отношении: во-первых, как существу деятельному и стремящемуся к перспективе, во-вторых, как существу охраняющему и почитающему то, что было создано великими предшественниками и, наконец, в-третьих, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении от неоправданного преувеличения или умаления того времени прошедшей эпохи, когда тот или иной человек жил и творил.

Этой тройственности отношений творчества, как пишет Ф. Ницше, «соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать монументальный, антикварный и критический [способы]» восприятия действительности при описании не только истории, но и творчества отдельно взятого учёного [2, с. 33–34].

В нашем случае, это применимо и при анализе творческого наследия выдающегося украинского философа Г. С. Сковороды, творившего во второй половине XVIII века. А это возможно, если мы все эти способы описания используем в тройном отношении, не отдавая предпочтения ни одному из них, то есть выбираем диалектический подход при анализе его многогранного творчества.

Концепт «божественный сад» Г. С. Сковороды пронизывает все его творчество и, по-видимому, нужно понимать его как концепт «премудрости» в древнерусском его осмыслении. Этот концепт восходит к византийской ментальности, оформленный более определенно и целенаправленно в творчестве византийских словолюбцев и временापисцев. Известно, что они стремились только «правдой утешаться, чем с любовью расширяться» [6].

Г. С. Сковорода жил и творил во второй половине XVIII века и хорошо знал эту ментальность. Об этом свидетельствуют его глубокие познания не только сакральных среднегреческих текстов Византийской империи, но и тексты, составленные на латыни в Западной Европе [4].

Напомним читателю, что именно эти византийские сакральные концепты, начиная со второй половины XI века, тщательно внедрялись в сознание киевского народа. Эти концепты были представлены в символическом образе, который являлся своеобразной манифестацией понятия, то есть происходило специфическое наложение понятий. И такой образ воспринимался двояко: напластование исходного иконолического образа на эксплицируемый символ. Но символ, как известно, не эксплицируется в суждении, он требует толкования при помощи герменевтики или экзегетики. Язык как система подвержена синергетике смыслов в структуре «перемешивающего слоя» [5, с. 78] во время сдвигов в слове [3].

Русская философская мысль отражает народную ментальность и такое отражение можно обозначить как любомудрие [3]. Основной смысл древнего слова состоит не в понятии, а в символе, который способен соединить линию абстрактной идеи и линию конкретной материальной вещи. В Древней Руси признается аксиологической не достоверность истины, а этическая правда и образцовая красота. Византийские авторы мастерски владели многими риторическими приемами при создании высказывания для внедрения в массовое сознание христианских ценностей, что приводило к ментальному сдвигу в мировоззрении народа. Так создавался прецедент, разрушая баланс культурной парадигмы [3], создавали основание для аккультурации при помощи тех или иных лингвистических единиц, и нельзя не учитывать влияние других экстралингвистических факторов. В конечном счете, изменялась культурная парадигма, которая приобретала новые формы во время установления «нового баланса» в ментальном поле народа. Мы думаем, что Г. С. Сковорода понимал, что процесс аккультурации не сможет за короткий срок сменить ценностные ориентации и обычаи («свычай») предков, глубоко коренящихся в ментальности родного ему народа. Однако он же понимал и следующее обстоятельство, что измененные парадигмы вернуть на исходную позицию было почти безнадежным явлением. Хотя он и прилагал огромные потуги в этом направлении, и оказывал сопротивление против нарождаю-

щегося буржуазного мироощущения, пропагандируя идеи уходящей в прошлое старой древнерусской ментальности.

Теперь что касается концепта «премудрости». Этот концепт эксплицирует значение «истолкователь скрытой божественной истины, правды». Этими качествами может обладать только тот, кто сумеет говорить с Богом, кто вдохновлен Всевышним, кто научится просвещать «сердечное зрение» (*καρδία κατάρσις*). Такой человек становится выразителем сакрального духовного братства и противником еретичества, отвергающего их развращенные нравы. Именно эта идея становится основополагающей в творчестве Г. С. Сковороды. Он ищет пути обретения этой «неизреченной» премудрости, превратившейся в своеобразный краеугольный камень древнерусского православия, рефлексивной в творчестве Г. С. Сковороды, как поиски «божественного сада» в сокровенной душе простого человека. Именно эта черта творчества Г. С. Сковороды позже в трудах русских философов выльется в поиски особого пути русского народа.

Г. С. Сковорода пишет, что человек должен довериться божественной воле: «(...) кто согласнее с Богом, тем мирнее и щастливее» становится он. И призывает жить сравнительно с этой волей. Он вопрошает: «Что такое жить по натуре?» Если человек преследует «вместо прозорливой или божественной [натуры]», то он избирает путеводительницей скотскую, то есть слепую природу [4, с. 16]. Последнее желание, по мнению Г. С. Сковороды, приводит к «царству тьмы». Итак, по мнению Г. С. Сковороды, человек во всем должен следовать заветам Библии, а это: «начало, оно ангел совета, свет, радость, веселие, мир» [4]. Концепт «божественного сада» отвергается тому, кто подвергает себя исихии. Ср.: «повиновать себя тайному мановению блаженного внутрь себя духа. Только тогда можно получить наставление, просвещение, кураж и совершение в каждом своем деле, а без Духа божественного начала нельзя сделать милосердного поступка» [4]. Для подкрепления этого тезиса Г. С. Сковорода приводит обилие цитат из творческого наследия Сираха и других авторов византийских и древнерусских сочинений [1], сопровождая среднегреческими параллелями. Главное, он призывает человека совокупить исихию и «неутомимый труд». А для этого нужны «охота и усердия». Он считает, что в каждом человеке априори заложена та природа (натура), при помощи которой он и получает ту или иную способность в каком-либо деле. Природа, по мнению Г. С. Сковороды, есть блаженный в человеке дух. Для утверждения этой мысли он приводит те места Библии, где описывается, как Бог обращается к Моисею: «се аз посылаю Ангела моего пред лицом твоим (...). Вонми себе и послушай его. Не обинется бо, яко имя мое на нем есть».

Сковорода использует парафразу для пропаганды учения исихастов, то есть человек предопределен Всевышним, ему остается одно — только «прислушаться в себя», а это главное требование исихазма. Но Г. С. Сковорода понимает, что в XVIII веке нельзя его использовать в полной мере, а можно только применить его некоторые средства для самопогружения в себя. По-видимому, это некоторый рефлекс, освоенный им в стенах Киево-Могилянской академии, где он прошел полный курс обучения. Ведь исихия — это методология, предназначенная, прежде всего, для черноризцев. А Г. С. Сковорода пытается использовать элементы этого учения для мирян: «ведь дух негленный в каждом человеке есть», — рассуждает Г. С. Сковорода [4, с. 21]. Получается так: человек не должен плыть по течению жизни как корабль без руля и ветрил. Поэтому он предупреждает о такой опасности и требует остерегаться слепой природы. «Божественный сад» и его сокровенную суть можно познать, только погружаясь в себя. А это возможно, если человек придерживается идей нестяжательства.

Таким образом, Г. С. Сковорода пытается приспособить некоторые элементы исихии и нестяжательской кафолической церкви к современной ему жизни, то есть для жителей Украины XVIII века.

Отметим, что он, используя наряду с сакральными текстами Библии, приводит обилие цитат из исторических и апокрифических трудов второй половины XI века: Хронографа (Георгия Амартола, Иоанна Малалы и др.), Изборника 1073 года, Изборника 1076 года, Синайского патерика и некоторых других. Сравните, например, какие мысли из этих трудов он использует для доказательства своей концепции «божественного сада»: Премудрость можно узреть, если «(...) из главы его, разумей, из сердца его» [4, с. 133]. Или в другом месте: «Бездна же сердечная есть глава и источник всем делам и всему миру» [4, с. 134]. Приведем еще одну цитату: «(...) возводи сердечное твое око во всяком деле на самую главу дела, на самое сердце его (...)» [4, с. 134]. Однако в Изборнике 1076 года эти мысли утверждаются еще рельефнее: «(...) отъкры бо рече очи мои да разоумею чудеса отъ закона твоего, очи бо глетъ размыслъ срдчьны (...)» [1, с. 154]. Г. С. Сковорода считает, что божественная мудрость хранится в божественной памяти: «память есть не дремлющее сердечное око, призирающее всю тварь, незаходимое солнце, просвещающее вселенную» [4, с. 139]. По мнению философа, память тождественна «беззавению» (алифа), которое осмысливается им как «истина». Эту божественную истину формулирует так: «Аз есмь путь, истина и живот» [4, с. 140]. Поэтому он призывает — возлюбите путь узкий [4, с. 194], отвечая на вопрос Изборника 1076 года: «кымъ поуцьмъ идоша, коею стьзю идоша» [1, с. 162–163]. И только тот сумеет выбрать этот узкий путь, который будет придерживаться идей нестяжательства. Ср.: «Нищета, обретшая нужное, презревшая лишнее, есть истинное богатство (...)» [4, с. 141]. И только в этом случае «божественный сад» откроется тому, кто осознает сентенцию: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» [4, с. 186]. Однако эти идеи автора восходят к византийской ортодоксии. Концепт «божественного сада» эквивалентен концепту «премудрости», которые вкуче репрезентируются в среднегреческих текстах в оппозитивной структуре «смирение — гордость (гордыня)», и производные этих отношений в древнерусских текстах являются семантическими кальками из византийских сакральных сочинений.

Если в Византии, да и в Киевской Руси этот концепт был доступен только человеку-проповеднику, который являлся апологетом догматики кафедральной церкви, то в учении Г. С. Сковороды эти идеи должны были стать достоянием простого человека. И этот простой человек должен был противостоять «гордыне», противостоящий злу, «царству тьмы».

Кроме того, в XI веке в Киевской Руси человек-проповедник должен был смирить и обуздать в себе гордыню при помощи аскезы исихии, чтобы стать мудрым, носителем сакрального знания. А вот во времена Г. С. Сковороды этими знаниями должен был вооружиться человек-мирянин, чтобы противостоять зарождающему буржуазному мироощущению конца XVIII века.

Итак, Г. С. Сковорода пытался превратить концепт «божественный сад» в ментальный символ-синкрету. Такое понимание в творчестве Г. С. Сковороды появилось в его творчестве в результате изучения идей Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Семена Логофета, Епифания Кипрского и Кирилла Туровского. Г. С. Сковорода пытался восстановить эту успешную ментальность в совершенно новых условиях, когда во второй половине XVIII века зарождалась новая психология буржуазного общества, и происходили коренные преобразования в ментальном поле населения в Малороссии и в целом в России. Другими словами, сформировался «новый баланс» в аккультуральном пространстве украинского человека. Ведь сам Г. С. Сковорода указывает, что некоторые элементы культурной парадигмы подверглись ментальному сдвигу, и этим сдвигам он оказывал сопротивление в своих трудах и беседах с простыми жителями Малороссии. Хотя он понимал, что основные ценностные ориентации остались неизменными.

Таким образом, творчество Г. С. Сковороды посвящено безуспешным попыткам возвращения, хотя бы основных черт утраченного византизма в ментальном мире своих современников. По-видимому, он видел и понимал, что повернуть вспять время уже невозможно. Ведь нарождающееся новое время уже привело в сознании людей ментальный сдвиг. Именно об этом сдвиге рефлексировал выдающийся украинский философ Г. С. Сковорода во второй половине XVIII века.

Литература

1. *Изборник 1076 года* / изд. подготов. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. — М., 1965. — 1055 с.
2. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше. — Харьков: Фолио, 2009. — 223 с.
3. *Кайржанов А. К.* Византизм и ментальность Киевской Руси. Раздумья на степной дороге / А. К. Кайржанов. — Киев: ИД Дм. Бураго, 2012. — 312 с.
4. *Сковорода Г. С.* Сад божественных песней / Г. С. Сковорода. — Харьков: Фолио, 2009. — 287 с.
5. *Чернавский Д. С.* Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Д. С. Чернавский. — 2-е изд. — М.: УРСС, 2004. — 288 с.
6. *ХГА — Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола).* Русский текст, комментарий, указатели / В. А. Матвеевко, Л. И. Шеголева. — М.: Богородский печатник, 2000. — 544 с.

References

1. *Izbornik 1076 goda* / izd. podg. V. S. Golyshenko, V. F. Dubrovina. — M., 1965. — 1055 s.
2. *Nitshe F.* O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni / F. Nitshe. — Khar'kov: Folio, 2009. — 223 s.
3. *Kairzhanov A. K.* Vizantizm i mentalnost' Kievskoy Rusi. Razdumya na stepnoy doroge / A. K. Kairzhanov. — Kiev: ID Dm. Burago, 2012. — 312 s.
4. *Skovoroda G. S.* Sad bozhestvennykh pesney / G. S. Skovoroda. — Khar'kov: Folio, 2009. — 287 s.
5. *Chernavskiy D. S.* Sinergetika i informatsiya (dinamicheskaya teoriya informatsii) / D. S. Chernavskiy. — 2-e izd. — M.: URSS, 2004. — 288 s.
6. *KhGA — Vremennik Georgiya Monakha (Khronika Georgiya Amartola).* Russkiy tekst, kommentariy, ukazateli / V. A. Matveenko, L. I. Shchegoleva. — M.: Bogorodskiy pechatnik, 2000. — 544 s.

Кайржанов Абай Кайржанович,

доктор філологічних наук, професор Євразійського національного університету імені Л. М. Гумільова; Астана, Казахстан; e-mail: kairzhanov@list.ru; адреса: м. Астана, вул. Мустафіна, 21/5, кв. 31

КОНЦЕПТ «БОЖЕСТВЕННИЙ САД» У ТВОРЧОСТІ Г. С. СКОВОРОДИ

Анотація. У статті аналізується функціонування концепту «божественний сад» у творчій спадщині Г. С. Сковороди. Цей концепт еквівалентний візантійському і давньоруському концепту «премудрість». Визначено основні смисли слів у творчості філософа, в яких прихована етична правда і зразкова краса. Ці якості слова закладені апріорі у людині, тому людина повинна дотримуватися ідей нестяжательства, ісихії та слідувати основним положенням Софії Премудрості. Г. Сковорода намагається перетворити концепт «божественний сад» у ментальний символ-синкрету. Г. Сковорода втілює ці ідеї в масову свідомість населення Російської імперії XVIII століття, використовуючи для цього концепти, похідні від концепту «божественний сад», які виникли в ранньому Середньовіччі у Візантійській імперії і були сприйняті словолюбцями Київської Русі в XI ст. Якщо концепт «божественний сад» у Візантії та в Київській Русі XI століття був доступний лише апологетам догматики кафедральної церкви, то у вченні Григорія Сковороди ці ідеї стали надбанням простої людини.

Ключові слова: концепт «божественний сад», акультурація, ісихія (ісихазм), синергетика, символ-синкрета, словолюбці, Григорій Сковорода.

Abai K. Kairzhanov,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor of Eurasian L. N. Gumilev National University; Astana, Kazakhstan; e-mail: kairzhanov@list.ru; adress: Astana, Mustafina str., 21/5, apt. 31

THE CONCEPT OF «DIVINE GARDEN» IN THE ARTISTIC HERITAGE OF G. S. SKOVORODA

Summary. In the article the concept of «divine garden» from the artistic heritage of G. Skovoroda is analyzed. This concept has an analogue to the Byzantine and ancient concept of «wisdom». It defines the main basic meanings of words ethical and

exemplary beauty in which the truth is hidden within the works of the philosopher. G. Skovoroda tries to turn the concepts of ethical and exemplary beauty in a mental syncretic symbol. These qualities are a priori laid in man, so he should stick to the ideas of Hesychius and follow the basic provisions of Sophia Wisdom. G. Skovoroda tries to change the concept of «divine garden» into a mental syncretic symbol and intrudes these ideas into the mass consciousness of population of the Russian Empire of the XVIII century, using derivatives from the conception of «divine garden». But these concepts appeared in the early Middle Ages in the Byzantine Empire and were taken over by the lovers of words (slovolyubets) of the Kievan Russia in XI century. While in the Byzantine Empire and in the Kievan Russia of XI century this concept was open only to the apologists of the ecumenical church dogmatism, G. S. Skovoroda's school released these ideas to the public domain.

Key words: concept, acculturation, Hesychius, synergetics, syncretic symbol, slovolyubets (lover of words), G. Skovoroda.

Стаття отримано 18.08.2013 р.

УДК 811.161.1'23'42:728:314.6

ДЕНИСОВА Ярослава Игоревна,
соискатель кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова;
Одесса, Украина;
e-mail: yarosl_den@mail.ru; тел.: +38-063-132-88-11

ОЯЗЫКОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ПРОЗЕ ЛЮДМИЛЫ ШАРГА

Аннотация. Значительный интерес для современных лингвистических исследований представляют концепты. При этом наиболее актуальным направлением исследования концептов в лингвистике является изучение ключевых культурных и художественных концептов национальной культуры. Одним из таких концептов в русской культуре и в сознании носителя русского языка является концепт «Дом». Данная статья посвящена исследованию проблем оязыковлени концепта «Дом» в прозаических произведениях современной одесской писательницы Людмилы Шарга. В работе делается попытка определить основные средства вербализации концепта «Дом» в художественных текстах Людмилы Шарга. Рассмотрено содержание общеязыкового концепта «Дом», а также определены средства, формирующие понимание данного концепта. Кроме того, выявлены зоны многозначности концепта «Дом» в художественной речи Людмилы Шарга, проводится анализ лексем, репрезентирующих исследуемый концепт, выявляются зоны несовпадения данного концепта в кодифицированном языке и идиостиле Людмилы Шарга. В частности, рассматривается усложнение содержания концепта «Дом» за счёт появления в его структуре новых слотов, обусловленных особенностями индивидуально-авторского восприятия. Представляет несомненный интерес расширение содержания концепта «Дом» за счёт региональной специфики литературы.

Ключевые слова: художественный концепт, дом, оязыковление, идиостиль, русский язык, одессика, Людмила Шарга.

В связи с активным развитием когнитивной лингвистики на первый план выходит исследование процессов концептуализации и категоризации действительности. Значительный интерес для современных исследований представляет изучение концептов. Некоторые из современных весьма авторитетных лингвистов, среди которых А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачёв, В.З. Демьянков, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Г. Г. Слышкин, В. Н. Телия, формулируют различные определения термина «концепт». В общем виде их можно свести к следующему: *концепт — это условное ментальное образование, которое включает в себя результаты познания действительности, имеет сложную структуру и может быть выражено средствами языка.*

Актуальным направлением исследования концептов в современной лингвистике является изучение так называемых ключевых концептов национальной культуры. Подобным концептом в русской языковой картине мира является концепт «дом». Данный концепт активно исследуется в различных аспектах. Однако, на наш взгляд, представляет интерес исследование концепта «дом» на материале современных художественных текстов, поскольку содержание концепта в них усложняется и расширяется, приобретая дополнительные семантические признаки.

Данная статья посвящена проблеме оязыковлени концепта «дом» в прозаических произведениях современной одесской писательницы Людмилы Шарга. Материалом для исследования послужили рассказы «Падающие яблоки», «Свет в окне», «Улица Трамонтан», «Последнее слово, или когда нас не было», «Крыло вечности», «Долг», «Мечь», «Ловушка для жиголо», «Леля Хадаша», «Оберег», «Не предавайте старые дворы» и повесть «Дожить до весны». При анализе индивидуально-авторского концепта следует, на наш взгляд, сначала выявить зоны его пересечения с общеязыковым концептом. Лучше всего содержание общеязыкового концепта передаёт семантика ключевой лексемы, выражающей данный концепт. В данном случае этой лексемой является лексема *дом*.

Основываясь на данных различных толковых словарей современного русского языка, можно выделить следующие основные значения лексемы *дом* в современном русском языке:

1. Жилое здание, строение.
2. Жилое помещение, квартира.
3. Семья, близкие люди, живущие вместе.
4. Династия, род.
5. Место, где живут люди, объединённые общими интересами, условиями существования.
6. Учреждение, организация, предприятие.

Таким образом, яркими семами первого значения являются сема «строение» и сема «обжитость». Яркими семами второго значения становятся семы «помещение», «обжитость». Яркой семой третьего и четвертого значения лексемы «дом» является сема «родство». Яркими семами пятого и шестого значения являются, соответственно, семы «общность» и «организация». Совокупность ярких сем составляет ядро семантической структуры лексемы и концепта «дом».

Ю. С. Степанов, определяя «дом» в «Словаре русской культуры» как один из ключевых художественных концептов, связывает его, в первую очередь, с уютом и выделяет в нём следующие ядерные слоты: «уют», «обжитость», «освоенность», «закрытость», «защищённость».

В творчестве Людмилы Шарга наблюдается своё восприятие дома, которое во многом пересекается с общепринятым. Концепт «дом» репрезентирован прежде всего лексемой *дом*. Семантическое поле данной лексемы включает в себя многочисленные репрезентанты исследуемого концепта, как нейтральные (*изба, квартира, мазанка, хата, жильё, дача, здание, детдом, коммуналка, сторожка, сакля, угол, близнецы, предки, пращурь* и др.); притяжательными прилагательными (*мамкин, материн, бабушкин, отцовский*); глаголами (*рожать, родить, плодить, вынашивать, расти, воспитывать, обеспечить*), а также ласковыми обращениями (*сыночек, дорогая, малыши, котик, солнышко, мильчик, ладушко, родная, деточка*). Дом традиционно является символом семьи, преемственности поколений. Дети — непереносимое условие семейного счастья. В прозе Людмилы Шарга это подчёркивается частотностью употребления различных наименований детей (*дети, детишки, детки, дитя, дитяток, ребёнок, ребята, ребятки, чадо, чадушки, малыши, малышка, сопляк, сирота, безотцовщина*).

Ядерные слоты общезыкового концепта «дом», несомненно, присутствуют в понимании писательницы. Так, в художественных текстах Людмилы Шарга наиболее весомыми являются слоты «родство», «помещение», «обжитость».

Значение «дом — семья» и, соответственно, слот «родство», в первую очередь, представлены наименованиями близких и дальних родственников (*мать, дочь, отец, сын, муж, жена, тётка, кузина, прадед, близнецы, предки, пращурь* и др.); притяжательными прилагательными (*мамкин, материн, бабушкин, отцовский*); глаголами (*рожать, родить, плодить, вынашивать, расти, воспитывать, обеспечить*), а также ласковыми обращениями (*сыночек, дорогая, малыши, котик, солнышко, мильчик, ладушко, родная, деточка*). Дом традиционно является символом семьи, преемственности поколений. Дети — непереносимое условие семейного счастья. В прозе Людмилы Шарга это подчёркивается частотностью употребления различных наименований детей (*дети, детишки, детки, дитя, дитяток, ребёнок, ребята, ребятки, чадо, чадушки, малыши, малышка, сопляк, сирота, безотцовщина*).

В идиостиле Людмилы Шарга отмечается также высокая частотность употребления лексемы *мать* и родственных ей слов (*мама, матушка, мамочка, мамка*). Это связано с тем, что женщина традиционно выступает хранительницей дома, является его сердцем. Так, в рассказе «Падающие яблоки» смерть матери соотносится с постепенным умиранием дома («*После смерти матери опустевший дом начал умирать*»).

При характеристике дома как жилого помещения задействуется большое количество лексем-репрезентантов концепта «дом». Они не коррелируют со словом «дом», а формируют понимание слотов данного концепта. Эти лексемы можно распределить по следующим лексико-семантическим группам:

1. Структурные элементы дома: *веранда, балкон, фасад, лестница, стена, пол, половицы, крыльцо, дверь, окно* и др.

2. Наименования помещений дома: *комната, спальня, гостиная, детская, прихожая, мансарда, кухня, коридор, ванная комната, душ, туалет, погреб, сени, угол; подъезд, лестничная клетка, этаж, мусоропровод* и др.

3. Пространство вокруг дома: *сад, двор, парк, палисадник, подворье, забор, колонка, колодец, скамейка, фонтан, калитка, ворота* и др.

4. Элементы интерьера, мебель: *кровать, зеркало, шкаф, кровать, кресло-качалка, камин, печь, венский стул, настенные часы, столик, диванчик, мебель, лежанка, табуретка, плед, трубка, портьера, абажур, эстампик, gobелены, картины* и др.

5. Наименования бытовой техники и технических систем дома: *бытовая техника, бытовые приборы, телефон, компьютер, интернет, радио, телевизор, холодильник, пылесос, плита* и др.

При описании дома большое внимание уделяется деталям интерьера. При этом часто используются лексические единицы с национально-культурной спецификой (*горница, лавка, завалинка, русская печь, веник-голик, загнетка, коник, лапоть, рушник, божница*).

В соответствии с универсальными представлениями о доме, в прозе Людмилы Шарга дом является средоточием традиций, веры, уюта и счастья: 1) *А в доме пахло счастьем.* 2) *Уверенная, что в любое время сможет вернуться, что её здесь всегда ждут, что здесь ей будет тепло и безмятежно, как в детстве...*

Важную роль в характеристике дома как жилого помещения, а также домашней атмосферы играют описания запахов, которые подчёркивают атмосферу счастья и порядка в доме или же, напротив, отсутствие уюта и семейного тепла: 1) *Пахло свежесыпеченным хлебом, парным молоком и ещё чем-то необъяснимо родным, исконно-русским, домашним.* 2) *Он навсегда запомнил, как пахнет беда... давно нетопленной печью, сырой и грязной хатой, стойким запахом перегара и чужого крепкого табака.*

Традиционным является и противопоставление городских и деревенских домов. Большинство лексем, репрезентирующих концепт «дом», может быть распределено по двум синонимическим рядам:

деревенские дома (*изба, мазанка, сакля, хата*) и городские дома (*квартира, «двушка», коммуна, коммуналка, коммунальная квартира, девятиэтажка*). При этом деревенские дома воплощают в себе традиционные представления о счастье и семейном уюте. Это подчёркивается ещё и тем, что при описании деревенских домов часто используются уменьшительно-ласкательные суффиксы (*кухонька, порожек, дворик, диванчик, узенький коридорчик, лапоточек, дворик, крылечко, кроватька*).

Непременным атрибутом счастливого дома является сад с цветами и фруктовыми деревьями. Напр.: *В том старом доме — на окраине... Молчи, я знаю, что он там есть — светлый, просторный, с садом, а в саду яблони, вишни и кусты жасмина и белой сирени, и... качели. Две комнаты в доме — детские.*

Как отмечают некоторые исследователи данного концепта, чрезвычайно важным при описании дома является метафорический перенос *дом — человек* [3]. Данный перенос характерен и для идиостиля Людмилы Шарга. Напр.: 1) *Маруся вошла в дом. Почувствовала, как его дыхание стало ровнее и тише. Проснувшись... Узнал. 2) А он — дом — тем временем рассматривал меня — я сразу это почувствовала. Взгляд этот не был враждебным, но и дружелюбным я бы его не назвала. Скорее — любознательным, изучающим.* Это относится не только к дому в целом, но и к отдельным его элементам, причём в первую очередь это относится к окнам как «глазам» дома: 1) *Дом спал. Мрачные подслеповатые окна под насупленными наличниками-бровями даже не дрогнули. 2) Были эти окна глазастыми и любопытными, в отличие от тех, что робко выглядывали в тихий переулоч, заросший сиренью.* Кроме того, данный метафорический перенос распространяется и на другие элементы дома. Напр.: 1) *Калитка скрипнула жалобно, надрывно. 2) Веноч ставят прямо у «сердца» дома — у очага.*

Одной из особенностей художественных концептов является усложнение их содержания по сравнению с общеязыковыми. Так, в индивидуально-авторских концептах отмечается появление новых слотов, не значимых для общеязыковых концептов. Иногда это происходит благодаря тесной взаимосвязи и взаимовлиянию художественных концептов. Так, в творчестве Людмилы Шарга наблюдается сближение концепта «дом» с концептом «море». В некоторых рассказах писательницы возникает сравнение дома с кораблём, проявляющееся в описаниях элементов дома (дверной звонок — звон корабельной рынды; лестница, *больше похожая на корабельный трап*; окно-иллюминатор; вентиляция — резная Роза Ветров) и интерьера: *...Обилие картин на стене в гостиной: море плескалось где-то совсем близко, а мне казалось, что оно плещется здесь, на них; большой торшер-парус на кованой ножке-мачте...* Соотнесение дома и корабля подчёркивает зыбкость, фантастичность описываемых событий.

Важной особенностью произведений писателей-одесситов является пересечение концептов «дом» и «двор». Одесский двор неоднократно описан в художественной литературе (А. Львов, В. Жаботинский, И. Бабель). Пространство дома зачастую расширяется до размеров двора; в некоторых случаях двор заменяет собой дом (И. Эльдад: *Мой двор — моя крепость*). Данная особенность характерна и для творчества Людмилы Шарга (*ум, честь и совесть нашего двора; Одесскому дворику и главным его обитателям; в самом сердце дворика*). Помимо этого, существенным в произведениях Людмилы Шарга является противопоставление старой и новой Одессы. При этом то, что связано со старым городом и старыми домами, обладает положительной коннотацией. Напр.: *Вот поэтому здесь легче дышать, а в старых домах свободнее жить и творить... Поселите-ка поэта в блочную клетку — умрёт поэт!* Описание домов нового города, напротив, обладает подчёркнуто отрицательной коннотацией. Напр.: 1) *...Там и люди другие и время другое... А разве можно не стать другим, живя среди однотипных, уродливых зданий, напоминающих огромные клетки. 2) Ей очень не хочется возвращаться в новую квартиру, ей кажется, что здесь, в старом дворе она забыла что-то важное, без чего жить нельзя.* В некоторых случаях противопоставление старого города новому соотносится с оппозицией *душа — тело*. Напр.: 1) *В новой квартире удобно и комфортно её телу. 2) А здесь, в Пале-Рояле оживает её душа.*

Таким образом, содержание индивидуально-авторского концепта «дом» в прозе Л. Шарга во многом совпадает с содержанием общеязыкового концепта, но кроме того приобретает дополнительные признаки. Можно отметить связь исследуемого концепта с другими, а именно концептами «двор», «сад», «море», «счастье», «семья». Кроме того, содержание концепта расширяется и усложняется за счёт отражения в литературе регионального мировидения, а также особенностей авторского мировидения и идиостиля.

Литература

1. *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*: научное издание / ред. И. А. Стернин. — Воронеж: ВГУ, 2001. — 182 с.
2. *Пименова М. В. Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Антология концептов: в 2 т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград: Парадигма, 2005. — Т. 1. — С. 15–19.*
3. *Потураева Е. А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «Дом» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Е. А. Потураева. — Кемерово, 2011. — 20 с.*
4. *Русский семантический словарь*: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 6 т. Т. 1 / [ред. Н. Ю. Шведова]. — М.: Азбуковник, 1998.
5. *Словарь русского языка*. В 4 т. Т. 1 / [АН СССР, Ин-т рус. яз.; ред. А. П. Евгеньева]. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981.
6. *Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004. — 992 с.*
7. *Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков; [ред. Н. Ф. Татъянченко]. — М.: Альта-Пресс, 2005. — 1216 с.*

8. Шарга Л. Повесть о падающих яблоках : электронная книга / Л. Шарга. — Одесса ; С. Пб., 2013. — Режим доступа: http://gostinaya.net/press/media/books/sharga_ludmila_apples.pdf

References

1. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki*: nauchnoe izdanie / red. I. A. Sternin. — Voronezh: VGU, 2001. — 182 s.
2. Pimenova M. V. Metodologiya kontseptualnykh issledovaniy / M. V. Pimenova // *Antologiya kotseptov*: v 2 t. / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. — Volgograd: Paradigma, 2005. — T. 1. — S. 15–19.
3. Poturaeva Ye. A. Metaforicheskaya interpretatsiya kontseptualnoy sfery «Dom» v russkoy yazykovoy kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkiy yazyk / Ye. A. Poturaeva. — Kemerovo, 2011. — 20 s.
4. *Russkiy semanticheskiy slovar'*: Tolkovyy slovar, sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy. V 6 t. T. 1 / [red. N. Yu. Shvedova]. — M.: Azbukovnik, 1998.
5. *Slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. T. 1 / [AN SSSR, In-t rus. yaz.; red. A. P. Yevgeneva]. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Russkiy yazyk, 1981.
6. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar russkoy kultury / Yu. S. Stepanov. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Akademicheskii proekt, 2004. — 992 s.
7. Ushakov D. N. Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka / D. N. Ushakov; [red. N. F. Tatyanchenko]. — M.: Alta-Press, 2005. — 1216 s.
8. Sharga L. Povest o padayushchikh yablockakh: elektronnaya kniga / L. Sharga. — Odessa; S. Pб., 2013. — Rezhim dostupa: http://gostinaya.net/press/media/books/sharga_ludmila_apples.pdf

Денисова Ярослава Ігорівна,

здобувач кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: yarosl_den@mail.ru; тел.: +38-063-132-88-11

ОМОВЛЕННЯ КОНЦЕПТУ «ДІМ» У ПРОЗІ ЛЮДМИЛИ ШАРГА

Анотація. Значний інтерес для сучасних лінгвістичних досліджень являють собою концепти. При цьому найбільш актуальним напрямком дослідження концептів у лінгвістиці є вивчення ключових концептів національної культури. Одним з таких концептів у російській культурі й у свідомості носіїв російської мови є концепт «Дім / Будинок». У цій статті досліджується проблема омовлення концепту «Дім / Будинок» у прозі сучасної одеської письменниці Людмили Шарга. У роботі здійснено спробу визначити основні засоби вербалізації концепту «Дім / Будинок» у художніх текстах Людмили Шарга. Розглянуто зміст загальнономовного концепту «Дім / Будинок», а також визначено засоби, що формують розуміння даного концепту. Крім того, виявлено зони багатозначності концепту «Дім / Будинок» у художньому мовленні Людмили Шарга, проведено аналіз лексем, які репрезентують досліджуваний концепт, виокремлено зони незбігу змісту даного концепту в кодифікованій мові й ідіостилі Людмили Шарга. Зокрема, розглядається ускладнення змісту концепту «Дім / Будинок» за рахунок появи в його структурі нових слотів, зумовлених особливостями індивідуально-авторського сприйняття. Представляє безперечний інтерес розширення змісту концепту «Дім / Будинок» за рахунок регіональної специфіки літератури.

Ключові слова: художній концепт, дім / будинок, омовлення, ідіостиль, російська мова, одеська, Людмила Шарга.

Yaroslava I. Denisova,

MSc, external PhD student of the Russian Language Chair of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: yarosl_den@mail.ru; тел.: +38-063-132-88-11

VERBALIZATION OF THE CONCEPT «HOME / HOUSE» IN THE PROSE BY LYUDMILA SHARGA

Summary. Concepts are of great interest for modern linguistic research. The topical issue of studying concepts in linguistics is analysing the key cultural and artistic concepts of the national culture. The concept «Home»/«House» is one of such concepts in the Russian culture and in the minds of Russian native speakers. This paper is dedicated to the problems of verbalization of the concept «Home»/«House» in the prose by contemporary Odessa writer Lyudmila Sharga. The paper illustrates an attempt to define the main means of verbalization of this concept in the artistic texts by Lyudmila Sharga. It considers the contents of the general linguistic concept «Home»/ «House», and reveals the means that grant its understanding. The author also analyses lexemes representing this concept and the mismatch zones of the concept «Home»/«House» in Lyudmila Sharga's codified language and individual style. In particular, the author analyses the complication of the concept contents as a result of new slots appearing in the concept structure that are motivated by the peculiarities of the writer's individual world-perception. The contents complication of the concept «Home»/ «House» concerned with regional traits of literature is another problem of undoubted interest.

Key words: artistic concept, home / house, verbalization, individual style, the Russian language, odessics, Lyudmila Sharga.

Статтю отримано 18.11.2013 р.

АНТОНЕНКО Наталия Павловна,
аспирант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета
им. Тараса Шевченко; Киев, Украина;
e-mail: angie_15@ukr.net; тел.: +38-097-911-11-90

СОСТАВ СИТУАЦИЙ САКРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИЧНОСТИ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Аннотация. Статья посвящена описанию ситуаций перехода между мирами в сакральной истории личности на материале русских волшебных сказок. Описан статус «теории возможных миров» в современной лингвистике. Особое внимание уделено специфике восточнославянских ситуаций перехода между мирами, определён спектр ситуаций и их взаимосвязь. Описаны ситуации инициации, любви, пролития «сакральных соков человека», колдовства, рождения и смерти. Объектом исследования являются психологические ассоциативы концептуально-языковой картины мира — актуализированные компоненты пропозиции, выполняющие функцию переключателя от профанной ипостаси к сакральной и предполагающие знаковую вариативность прочтения и многоуровневую иерархию смыслов.

Проведённый анализ показал доминирование антропоморфной, орнитальной и анимальной моделей, тесную взаимосвязь одушевлённых и неодушевлённых агентов. Локативы в русских волшебных сказках не имеют чётких границ; переходы между различными мирами выражены при помощи сакральных мифологем, которые во многом соотносятся с первоэлементами бытия. Среди темпоральных характеристик доминируют наиболее сакральные мифологемы, такие как «ночь», «закат». Значимыми для ситуаций перехода между мирами могут быть как специальные сакральные атрибуты таинственного происхождения, так и предметы домашнего обихода.

Ключевые слова: мифопоэтика, волшебная сказка, психологический ассоциатив, сакральное, возможные миры.

Проблема определения сущности реальных и ирреальных миров относится к числу важнейших задач современного гуманитарного познания. Русские волшебные сказки, являясь одним из наиболее архаичных фольклорных жанров, сохранили древнейшие мифопоэтические воззрения. Их исследование поможет ответить на ряд актуальных вопросов современного языкознания.

Как известно, сакральное (от лат. *sacer* — священное, посвящённое богам) — всё, имеющее отношение к Божественному, сверхчеловеческому, религиозному, небесному, потустороннему, иррациональному, невидимому, мистическому, отличающемуся от обыденных вещей, понятий, явлений [7]. Сакральные объекты имеют не только материальное измерение, но и духовное, связаны с высшим миром. С сакральным человек встречается регулярно, особенно во время основных этапов своей жизни. Восточнославянские сакральные ситуации обладают определённой спецификой:

1. Креолизация язычества и христианства [11, с. 169–179], которая заключается в отсутствии чёткого разграничения между молитвами и заговорами; преподнесении высшей силе съестных даров в качестве жертвы; «славяне язычники поклонялись лесам, которые исполняли роль храмов» [13, с. 21], в храмах же проходит церковная служба. Параллели можно провести среди всех компонентов: агентов (*жрец-священник*), локативов (*пещера, гора — церковь, произнесение заговоров и молитв лицом на восток*), темпоралей (*дни разгула нечистой силы (перед Рождеством), дни церковных праздников*), атрибутивов (*специальная сакральная одежда, благовония*), сакральных действий (*пение, поклонение*).

2. Органическая взаимосвязь сакральной истории (на уровне сакральной истории личности, социума и мира, микро-, макро-, и мегауровней).

3. Высокая вариативность символизации сакрально-абстрактного прочтения (*купание младенцев в бархатцах, любистке и калине, развязывание узлов / открывание окон и дверей во время родов, обсыпание молодых зерном и монетами*).

4. Обилие предрассудков и склонность к суевериям (*до крещения нельзя показывать ребёнка чужим людям, нельзя на свадьбе проходить между молодыми, т. е. «разбивать пару»*).

5. Сепаративность (*запрещается выходить за пределы дома невесте, беременной, роженице, за исключением выходов ритуального характера [13, с. 88], произносить заговоры следует шепотом и далеко от людей*);

6. Матриархичность [10, с. 106] (*значимость крёстной в обряде крещения, бабки-повитухи во время родов, мужчинам вовсе запрещалось находиться в доме во время мук роженицы*).

7. Амбивалентность [3, с. 20; 5, с. 6; 10, с. 104–105]. Например, в похоронном обряде, с одной стороны, *запрещалось сильно убиваться за усопшим, иначе у души не будет покоя, слёзы могут «обжигать душу»*, с другой стороны, специально нанимали плакальщиц, которые причитали и голосили, оплакивая покойника.

8. Родовая ориентированность (*поминальная кутья на Святки, захоронение предков под порогом дома*).

Возможный мир — это категория модальной логики, которая используется для установления истинности / ложности модальных высказываний [1, с. 37], это нечто мыслимое, не отражающее реального положения вещей («реальность нереального»), несколько направлений развития будущего [9].

Для понимания теории возможных миров значимым является понятие **психологической ассоциатив (ПА)**. ПА описывает ситуацию сакральной истории личности или социума, мира в точках пересечения возможных миров с реальным миром.

К ПА относятся актуализированные компоненты пропозиции, выполняющие функцию переключателя от профанной ипостаси к сакральной и предполагающие знаковую вариативность прочтения и многоуровневую иерархию смыслов. ПА представляет собой устойчивую хронотопическую характеристику (время, место) или атрибут ситуации высшего напряжения духовных сил человека или носителя коллективного сознания [12, с. 108], которые исполняют преимущественно апотропеическую функцию, функцию защиты от зла во всех формах бытия [11, с. 176]. Таким образом, в качестве ПА способны функционировать любые компоненты (актанты, предикативы, темпорали, локативы и атрибутивы) сакральных ситуаций, связанных с основными этапами жизни человека, социума и мира.

Состав ситуаций сакральной истории личности в русских волшебных сказках представлен следующим спектром: **инициация, любовь (поиски любимой / любимого, сватовство, свадьба), пролитие сакральных соков человека (слёз и крови), колдовство, рождение и смерть**. Все компоненты ситуаций рассмотрены нами по степени нисходящей активности.

I. Ситуация инициации героя

Ситуация инициации в русских волшебных сказках занимает доминирующее положение среди остальных ситуаций сакральной истории личности. Связано это с тем, что, по мнению исследователей, инициация героя начинается как только он выходит за порог своего дома. «Сказка отражает в основном представления о смерти» и «обряд посвящения юношества при наступлении половой зрелости» [8, с. 147]. Как правило, герой отправляется в иное, подземное царство, подвергается опасностям, во время которых переживает временную смерть. В ситуации инициации можно выделить следующие компоненты:

Агентивы. Благодаря представлениям о живой и одухотворённой природе в обряде инициации задействованы антропоморфная модель (*красная девица / девица / красавица, девочка, братец / братья*), орнитальная модель (*заморская птичка, птичка, орёл, ворон, сокол, колтунца, голубица, серебряная птичка-золотой хохолок, селезень*), анимальная модель (*кот, собака, мышка / мышонок, медведь, заяц, змея, серый волк, львица, жеребец / конь*), инсектная модель (*пчёлка / пчёлы, муравьи*) и модель первоэлементов бытия: «*Ветры буйные подули, море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё*» [2, с. 137].

Локативы. Инициация героя проходит в лесу (представлена мифологемами *под елью, избушка, тёмный лес, поляна, за смородиновым кустом, берёза, яблоня*), у воды (*на синем море, берег, жёлтый песок, река, вода, огненная река, калиновый мост, озеро*), на открытом пространстве (*луг, чистое поле*), абстрактный локус — в пути (*путь-дорога, дорога*), в локусе иного мифомира (*дворец, подводное царство, яма подземельная, под камнем*).

Темпорали. Обряд инициации в русских волшебных сказках происходит исключительно после захода солнца, что представлено мифологемами *вечер, закат, ночь, полночь*, а также описательно: *солнышко село*. По длительности инициация может длиться момент (например, *окувание в чан с молоком*), но может и 3 дня.

Атрибутивы. Одежда (обязательно нарядная и царская, т. к. происходит возобновление героя в новом качестве): *царское платье, нарядное платье, рукавица, шапка, соболья шуба, сорочка, рубашка, башмаки, кушачок, полотенце; драгоценности: перстень, кольцо, золото, серебро, подарки, пуховое одеяло, серебряные яблоки, серебряная ложка, серебряная табакерка*; вода и атрибуты обряда омовения / потопления: *ключевая вода, живая и мёртвая вода, сети шёлковые, смолёная бочка, железный обруч, камень, ведро, борода, чан*; еда: *хлеб, вино, пуд соли, молоко, горелая корка*; инструментивы героя: *клубочек, железная палица, нож, пёрышко, труба, горсть земли, верёвка*.

Сакральные действия. К сакральным действиям обряда инициации в русских волшебных сказках относятся *купание в молоке, обмывание, потопление, сшивание и оживление тела*.

II. Ситуация любви (поиски любимого/любимой, сватовство и свадьба). Данная группа является также многочисленной, практически каждая сказка содержит в себе компонент поиска любимого/любимой или поиска атрибута для его спасения и заканчивается свадьбой.

Агентивы. Данная группа состоит из собственно влюблённых (*Финист-ясный сокол, добрый молодец, ворон, сокол, орёл, кукушка, лягушка*), их помощников (*голуби, кот, собака, серый волк, жеребёнок / конь, гости, отец*) и противников (*ведьма, Баба яга, Коцей Бессмертный*). Как видим, образы влюблённых не все антропоморфны: «*Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днём он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем*» [2, с. 87]. Сказке известны случаи брака человека с чудесным существом, которое может предстать в образе как человека, так и птицы. Это связано с древнейшими тотемными верованиями.

Локативы. Среди локативов необходимо выделить локусы встречи влюблённых (*горница, зелёный сад, поляна, окно, двор, шатёр*), локус обитания любимого/любимой, который потом превращается в локус встречи (*терем, дворец, дерево, дуб, другое царство, Тридцатое царство, мышье государство*), расстояние, которое герой/героиня обязаны преодолеть для встречи (*поле, лес, горы, степи, луга, море, реки, мост, огненная река, избушка*), локус свадьбы — *пир (на весь мир)*.

Темпорали. Данная группа представлена мифологемами *ночь, две ночи, утро, на четвёртый день, три дня, рассвет третьего дня*. В русских волшебных сказках ночь является лучшим временем для встречи влюблённых, а утро — временем разлуки.

Атрибутивы. Гастрономический код (*тесто, мёд, пиво, молоко*), свадебная атрибутика (*перстень, столы дубовые, скатерти бранные, золото-серебро, лозанка, пушки, трубы*), а также атрибутика для встречи с любимым (*пёрышко, коляска, платок, лук, стрелы, башмаки, посох, колпак, серебряное блюдечко, золотое яичко*).

Сакральные действия: выпекание голубков, зазывание милого, катание яйца по блюду, колдовство с пёрышком, поиски невесты при помощи стрельбы из лука, сжигание.

III. Ситуация смерти

Агенти́вы. Ситуация смерти в русских волшебных сказках предполагает смерть исключительно отрицательных персонажей (*таких как ведьма, Чудо-юдо, Баба яга, Кощей Бессмертный*). Смерть героев и последующее воскресение были рассмотрены в группе ситуаций инициации (с позиции временной смерти). Карателем в сказке всегда является главный герой (*Иван-коровий сын, Иван-царевич*) или его помощники (*собака, дикий жеребец, конь, братья, серый волк, щука*).

Локати́вы. Интересным, на наш взгляд, является то, что локусы захоронения и смерти соотносятся с первоэлементами бытия: с землёй (*сырая земля, чистое поле, яруги, крутые овраги*), водой (*река, калиновый мост, синее море*), огнём (*костёр, пепел*), воздухом (*ветер*). Смерть Кощей Бессмертного, находящаяся «на конце иглы, игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в каменном сундуке, сундук на дубу», по мнению исследователей, восходит к древнеегипетским воззрениям о помещении мумий в несколько саркофагов [4, с. 19].

Темпорали. Смерть в русских волшебных сказках наступает всегда ночью, поскольку именно ночью происходят встречи героев с представителями иных мифомиров, во время разгула нечистых сил (*разношёрстный конь, жар-птица, бой на калиновом мосту с Чудом-юдом*).

Атрибутивы: яблоки, вода, блины, меч, палица, железные прутья, дрова, лошадиный хвост.

Сакральные действия: отравление воды и еды, сжигание, развеивание ветра по ветру, разбрасывание частей тела по полю, разбивание яйца и ломание иглы.

IV. Ситуация колдовства — неотъемлемый компонент русской сказки, особенно волшебной. Наличие этого компонента отличает волшебную сказку от бытовой.

Агенти́вы. Среди агентов в русских волшебных сказках необходимо отметить антропоморфные существа (*двенадцать молодцев, мастера, плотники*), анимальные (*щука*), а также неодушевлённые предметы, которые путём колдовства превращаются в живые (из пассивных в активные): *топор, дубинка, дрова, ведра, печь, сани*.

В результате колдовства не только стирается грань между одушевлённым / неодушевлённым, но и происходит переход из одной группы в другую, из агента в локатив: «...Василиса Премудрая тотчас оборотила коней зелёным лугом...» [2, с. 116]. Таким образом, в ситуации колдовства семантические группы становятся подвижными.

Локати́вы. Среди локативов ситуации колдовства в русских волшебных сказках использованы как абстрактные локативы, не дающие никаких географических данных: *разные места, все стороны, за тридевять земель*, — так и конкретные: *луг, царское крыльцо, двор, изба, печь, гора, улица, дорога, крыльцо, угол, пир*. Наличие абстрактных локативов свидетельствует о том, что пространство русских волшебных сказок строго не структурировано: для сказки часто не имеет значения, где именно происходит действие.

Темпорали: *ночь, до утра, во время сна, полночь, в ту же минуту*. Как видим, колдовство всегда происходит ночью, и результат виден мгновенно.

Атрибутивы: *рукав, косточки, стакан с водой, кольцо, платок, посошок-пёрышко*. В качестве атрибута колдовства может быть использован любой предмет домашнего обихода.

Сакральные действия: *махание платком, перекидывание кольца с руки на руку, плевание, загибание замков*.

V. Ситуация пролития сакральных соков человека: крови и слёз. Пролитие крови

Агенти́вы. Актанты ситуации пролития крови представлены мифологемами *пчёлы, ворон, братья*. Среди жертв, поддающихся нападению, необходимо отметить следующие: *ведьмы* (предстают в образе *кровати, колодца, яблони*), *кот, Иван-коровий сын*. Напр.: «Воткнул он нож в стену, повесил на него белое полотенце, а под ним на пол миску поставил. «Присматривайте, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски наберёт — ладно дело, если полная миска наберёт — всё ничего, а если через край польётся — тогда спешите мне на помощь» [2, с. 106]. «Тут братья проснулись, глянули — всё полотенце в крови, из миски кровь через край льётся...» [2, с. 107]. Таким образом, в русской волшебной сказке кровь служит индикатором смерти героя; потеря крови — это потеря жизненной энергии. С другой стороны, кровь указывает на принадлежность к миру живых существ: «...давай яблоню рубить крест-накрест, из неё только кровь брызжет» [2, с. 108].

Локати́вы: *на море, на калиновом мосту, в пути*, т. е. между миром обитания человека и потусторонним миром. К атрибутам ситуации пролития крови относятся колющие и режущие предметы: *жало, клов, меч, нож*. Среди сакральных действий необходимо отметить *втыкание ножа в стену*, чтобы кровь наполняла миску.

Пролитие слёз в русских волшебных сказках всегда искренне.

Агенти́вы. Плачут в русских волшебных сказках преимущественно женские персонажи: *Алёнушка, Марья Моревна, девочка, мать*; слёзы ассоциируются с женским началом и слабостью. Реже эту функцию выполняют мужские персонажи: *Мартышка, Иван-царевич*.

Не менее интересны **локативы** пролития слёз. С одной стороны, герой плачет в статическом положении (т. е. он готовится к подвигу): *под стогом, на камне, в заключении*, — а с другой стороны, слёзы проливаются и в динамике, что представлено мифологемой *в дороге*.

Темпорали ситуации пролития слёз в русских волшебных сказках, с одной стороны, не ограничены во времени, герой может плакать *и день, и другой, и третий*. С другой стороны, слёзы являются предшествующим почти обязательным этапом перед подвигом. В связи с этим неоднократно подчёркивается их кратковременность: «...заболел старик и помер, остался Мартынка с матерью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мёртвого назад не воротить» [6, с. 207–208]. Связано это, вероятно, с тем, что слёзы предполагают бездействие и остановку сюжета. Для сказки же важна динамика. Встречается несколько причин пролития слёз: слёзы горя или беды, слёзы из-за разлуки с любимым, слёзы радости, встречи с любимым.

VI. Ситуация рождения практически не характерна для русских волшебных сказок. Сказка начинается почти всегда тем, что герой достиг возраста инициации, а заканчивается свадьбой до рождения детей. И всё же отсутствие детей в сказке считается великим горем, поэтому происхождение ребёнка всегда таинственно.

Агентивы в русских волшебных сказках представлены как антропоморфными существами (*Девка-чернавка (сын Иван-девкин сын), царица (сын Иван-царевич)*), так и анимальной моделью (*корова (Иван-коровий сын)*).

Темпорали. Временная характеристика в русской волшебной сказке «Иван-коровий сын» имеет несколько точек пересечения. Сначала все три агентива «*понесли в один день, в один час*», а затем совместно «*разрешились они в одно время тремя сыновьями*». Таким образом, весь процесс рождения ребёнка подведён под общий тип и у царевны, и у служанки, и у коровы.

Атрибутивы: *блюдо, невод, рыбка, золотое пёрышко, помои.*

Сакральные действия: *поедание / облизывание сакрально приготовленной пищи, рыбы, сваренной на семи водах.*

Таким образом, состав ситуаций сакральной истории личности в русских волшебных сказках представлен следующим спектром: инициация, любовь (поиски любимой / любимого, сватовство, свадьба), пролитие сакральных соков человека (слёз и крови), колдовство, рождение и смерть. И все ситуации являются взаимосвязанными. Так, например, ситуация инициации, смерти или разлуки с любимым часто продуцирует ситуацию пролития сакральных соков. («*А у царя во дворе крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скушает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж*» [2, с. 136]). Среди агентивов ситуаций сакральной истории личности доминируют антропоморфная модель, орнитальная и анимальная — те, которые соотносятся с тотемным мировоззрением древних славян. Неодушевлённые предметы в сказках могут становиться одушевлёнными и наоборот. Это влияет на развитие сюжета, придаёт ему динамики. Локативы в русских волшебных сказках не имеют чётких границ, они могут быть конкретными и абстрактными, могут быть наделены семантической статикой и динамикой (*путь, дорога*), а также связывать различные мифомыры. Среди локативов наиболее акцентированной мифологемой является *поле* как локус смерти, инициации и др. Локусы смерти соотносятся с первоэлементами бытия. Анализ темпоральных характеристик свидетельствует о том, что в сакральных ситуациях личности доминируют мифологемы *ночь* и *закат*. Переход героя из одного мира в другой происходит после захода солнца, в сакральное время. В различных ситуациях герои используют специальные атрибуты, которые могут иметь как таинственное, потустороннее происхождение, так и являться обычным предметом домашнего обихода.

Литература

1. Вардзелашвили Ж. А. «Возможные миры» текстуального пространства [Электронный ресурс] / Ж. А. Вардзелашвили. — С. Пб.; Тбилиси: С. ПбГУ и ТбилГУ, 2003. — Режим доступа: <http://vjanetta.narod.ru/tekst.html> (дата обращения: 15.12.2011).
2. *Живая вода*: сб. рус. нар. песен, сказок, пословиц, загадок / сост., вступ. ст. и примеч. В. П. Аникина. — М.: Детская литература, 1986. — 462 с.
3. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
4. *Кротова Н.* Персонаж восточнославянской волшебной сказки: Проблематика изучения и перспективы исследования образа Кошца / Н. Кротова // Вестник культурологии: сб. науч. материалов студентов и аспирантов. — Киров, 2004. — С. 18–22.
5. *Кузьмина Т. В.* Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из болгарского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. В. Кузьмина. — М.: МГОУ, 2011. — 16 с.
6. *Народные сказки.* — М.: Возрождение, 1992. — 323 с. — (Библиотека русской сказки: в 10 т.; т. 2).
7. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. [Электронный ресурс] / [ред. В. С. Стёпин]. — М.: Мысль, 2001. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9015/САКРАЛЬНОЕ (дата обращения: 22.11.2012).
8. *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Протт. — Ленинград: ЛГУ, 1986. — 362 с.
9. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Электронный ресурс] / В. П. Руднев. — М.: Аграф, 1997. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/edu/ref/rudnev/index.htm> (дата обращения: 24.11.2012).
10. *Служай Н. В.* Етноконцепти та мифологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології / Н. В. Служай. — К.: Київський університет, 2005. — 167 с.
11. *Служай Н. В.* Категоріальні архетипи мови міфопоетичної традиції язичників і християн: спроба зіставлення / Н. В. Служай // Слов'янський університет. — 2001. — Вип. 9. — С. 169–179.
12. *Служай Н. В.* Міфопоетичний словник східних слов'ян / Н. В. Служай. — Сімферополь: Кримське НПДВ, 1999. — 120 с.
13. *Служай Н. В.* Мовна символіка і міфопоетика текстів Тараса Шевченка / Н. В. Служай, Ю. Л. Мосенкіс. — К.: А+С, 2006. — 164 с.

References

1. *Vardzelashvili Zh. A.* «Vozmozhnye miry» tekstualnogo prostranstva [Elektronnyy resurs] / Zh. A. Vardzelashvili. — S. Pb. ; Tbilisi : S. PbGU i TbilGU, 2003. — Rezhim dostupa: <http://vjanetta.narod.ru/tekst.html> (data obrashcheniya: 15.12.2011).
2. *Zhivaya voda* : sb. rus. nar. pesen, skazok, poslovits, zagadok / sost., vstup. st. i primech. V. P. Anikina. — M. : Detskaya literatura, 1986. — 462 s.
3. *Kayua R.* Mif i chelovek. Chelovek i sakralnoe / R. Kayua. — M. : OGI, 2003. — 296 s.
4. *Krotova N.* Personazh vostochnoslavianskoy volshebnoy skazki: Problematika izucheniya i perspektivy issledovaniya obraza Koshcheya / N. Krotova // Vestnik kulturologii : sb. nauch. materialov studentov i aspirantov. — Kirov, 2004. — S. 18–22.
5. *Kuz'mina T. V.* Sakralnaya sostavlyayushchaya v leksicheskikh edimitsakh russkogo yazyka (s privlecheniem edinitz iz bolgarskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / T. V. Kuzmina. — M. : MGOU, 2011. — 16 s.
6. *Narodnye skazki*. — M. : Vozrozhdenie, 1992. — 323 s. — (Biblioteka russkoy skazki : v 10 t. ; t. 2).
7. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* : v 4 t. [Elektronnyy resurs] / [red. V. S. Stepin]. — M. : Mysl, 2001. — Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9015/SAKRALNOYe (data obrashcheniya: 22.11.2012).
8. *Propp V. Ya.* Istoricheskie korni volshebnoy skazki / V. Ya. Propp. — Leningrad : LGU, 1986. — 362 s.
9. *Rudnev V. P.* Slovar' kultury XX veka. Klyucheve ponyatiya i teksty [Elektronnyy resurs] / V. P. Rudnev. — M. : Agraf, 1997. — Rezhim dostupa: <http://philosophy.ru/edu/ref/rudnev/index.htm> (data obrashcheniya: 24.11.2012).
10. *Slukhay N. V.* Etnokontsepty ta mifologiya skhidnykh slov'yan v aspekti lingvokulturologii / N. V. Slukhay. — K. : Kyivs'kyi universytet, 2005. — 167 s.
11. *Slukhay N. V.* Kategorial'ni arkhetypy movy mifopoetychnoi tradytsii yazychnykh i khrystyyan : sprobа zistavlennya / N. V. Slukhay // Slov'yanskyi universytet. — 2001. — Vyp. 9. — S. 169–179.
12. *Slukhay N. V.* Mifopoetychnyi slovnyk skhidnykh slov'yan / N. V. Slukhay. — Simferopol' : Kryms'ke NPDV, 1999. — 120 s.
13. *Slukhay N. V.* Movna symvolika i mifopoetyka tekstiv Tarasa Shevchenka / N. V. Slukhay, Yu. L. Mosenkis. — K. : A+S, 2006. — 164 s.

Антоненко Наталія Павлівна,

аспірант кафедри російської мови Інституту філології Київського національного університету ім. Тараса Шевченка;
Київ, Україна;
e-mail: angie_15@ukr.net; тел.: +38-097-911-11-90

СКЛАД СИТУАЦІЙ САКРАЛЬНОЇ ІСТОРІЇ ОСОБИСТОСТІ В РОСІЙСЬКИХ ЧАРІВНИХ КАЗКАХ

Анотація. Стаття присвячена опису ситуацій переходу між світами в сакральній історії особистості на матеріалі російських чарівних казок. Описано статус «теорії можливих світів» у сучасній лінгвістиці. Особлива увага приділяється специфіці східнослов'янських ситуацій переходу між світами. Визначено спектр таких ситуацій та їх взаємозв'язок. Описано ситуації ініціації, любові, пролиття «сакральних соків людини», чаклунства, народження і смерті. Об'єктом дослідження є психологічні асоціативи концептуально-мовної картини світу — актуалізовані компоненти пропозиції, що виконують функцію перемикача від профанної іпостасі до сакральної та містять варіативність прочитання і багаторівневу ієрархію смислів.

Проведений аналіз показав домінування антропоморфної, орнітальної й анімальної моделей, тісний взаємозв'язок живих і неживих агентивів. Локативи російських чарівних казок не мають чітких меж, переходи між різними світами виражені за допомогою сакральних міфологем, які співвідносяться з першоелементами буття. Серед темпоральних характеристик домінують найбільш сакральні міфологеми, такі як «ніч», «захід». Значущими для ситуацій переходу між світами можуть бути як спеціальні сакральні атрибутиви таємничого походження, так і предмети домашнього вжитку.

Ключові слова: міфопоетика, чарівна казка, психологічний асоціатив, сакральне, можливі світи.

Nataliya P. Antonenko,

post-graduate student of the Russian Language Chair of Institute of Philology of Shevchenko Kiev National University;
Kiev, Ukraine;
e-mail: angie_15@ukr.net; тел.: +38-097-911-11-90

THE COMPOSITION OF THE SITUATIONS OF SACRED HISTORY OF PERSONALITY IN RUSSIAN FAIRY TALES

Summary. The article is devoted to description of transition situations between the worlds in the sacred history of personality based on material of Russian fairy tales. The status of the «possible worlds' theory» in modern linguistics is described. Special attention is paid to the specifics of Eastern Slavic transition situations between worlds; the spectrum of situations and their interrelation are defined. Situations of initiation, love, shedding of «sacral human juices», witchcraft, birth and death are described. Objects of research are psychological associatives of conceptual linguistic picture of the world, actualized components of proposal performing the function of the switch from the profane to the sacred hypostasis and implying symbolic reading variability and multilevel hierarchy of meanings.

The analysis showed dominance of anthropomorphic, ornital and animal models, close connection of animate and inanimate agentives. Locatives in Russian fairy tales do not have clear boundaries; transitions between various worlds are expressed with sacral mythologems that largely correspond to the basic elements of being. The most sacral mythologems such as «night», «sunset» dominate among the temporal characteristics. Either special sacral attributives of mysterious origins or household items can be significant for transition situations between worlds.

Key words: mythopoeitics, fairy tale, psychological associative, sacred, possible worlds.

Статтю отримано 15.09.2013 р.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

УДК 811.163.2'282.2'373.4(477.74–282.243.7–31)

ГОНЧАР Наталія Миколаївна,кандидат філологічних наук, викладач кафедри загального мовознавства та слов'янських мов Ізмаїльського державного гуманітарного університету; Ізмаїл, Україна;
e-mail: nat.gonchar1974@yandex.ua**ЛЕКСИКА ВЕСІЛЬНОГО ОБРЯДУ У БОЛГАРСЬКИХ ГОВІРКАХ
УКРАЇНСЬКОГО ПОДУНАВ'Я**

Анотація. У статті репрезентовано опис структури й етапів весілля у болгарських селах українського Подунав'я. Основну увагу надано вивченню складових компонентів весілля, ритуальних обрядових дій, весільних чинів, страв. Систематизовано термінологічну лексику обряду у болгарських діалектах. Автором виділено лексико-семантичні й тематичні групи на позначення матеріальної культури болгар. Визначено регіональні й локально-специфічні риси терміносистеми болгарського весілля. Аналіз матеріалу засвідчує наявність елементів діагностики, що відображають національно-культурну специфіку болгарського континууму Одеської області. У корпусі весільної лексики виділено запозичення з української, російської, гагаузької мов, за-своєні болгарськими діалектами в ході тривалого співіснування в поліетнічному й полімовному оточенні. Встановлено загальні закономірності та динаміку розвитку весільного обряду у болгарських селах регіону.

Ключові слова: весільний обряд, терміносистема, обрядова лексика, весілля, ритуал.

Обрядова лексика характеризує життя народу, його ментальний потенціал. Людина від народження пов'язана з різними обрядами. І тому обрядові назви являють собою один із найархаїчніших шарів лексики. Елементи болгарської культурної специфіки яскраво виявляються у весільних діях, котрі посідають значне місце у духовній культурі народу.

Болгарське весілля в бессарабських селах — важливий компонент традиційної обрядовості болгар, яку вони зберегли після переселення. Основною метою весілля завжди було забезпечення стабільності, цілісності молоді сім'ї, адже тільки заміжні жінки згідно з соціальними нормами могли народжувати дітей. Для болгар весілля є центральною подією, воно змінює соціальний статус молодих людей, норми їх поведінки в суспільстві.

Весільний обряд болгар засвідчує багатий матеріал для вивчення обрядової лексики. Весільні звичаї бессарабських болгар і терміносистема болгарського весілля були предметом дослідження М. С. Державіна [3], В. Дяковича [5], Л. В. Маркової [7], Л. А. Демиденко [4], В. О. Колесник [6], С. І. Георгієвої [2].

У опублікованих до сьогодні працях досліджено обрядові найменування в окремих болгарських селах Бессарабії, однак немає системних описів цього шару лексики у болгарських діалектах Подунав'я, не звернено уваги на динаміку розвитку весільного обряду. Для всебічного вивчення діалектної лексики необхідна повна систематизація та картографування обрядових термінів.

Дослідження виконано відповідно до тематики, передбаченої планом науково-дослідної роботи кафедри загального мовознавства та слов'янських мов Ізмаїльського державного гуманітарного університету, за напрямом наукового пошуку «Літературні мови та діалекти українського Подунав'я: Мультилінгвальний атлас межиріччя Дністра та Дунаю».

Об'єктом нашого дослідження є лексика весільного обряду болгар Подунав'я.

Мета статті — виділити основні періоди весілля, описати найменування обрядодій, учасників, спеціального предметного ряду в болгарських говірках Одеської області.

Джерелом для аналізу послужили тексти, записані у населених пунктах компактного проживання болгар, на основі котрих простежується зміст весільного обряду, послідовність ритуальних дій на різних етапах укладання шлюбу.

Болгарська національно-культурна специфіка весільних обрядодій добре збереглася, не зважаючи на майже двохсотлітнє функціонування в полімовному ареалі. Семантика весільної обрядової лексики в болгарських діалектах є численною і різноманітною за своїм складом і характером семантичних зв'язків. У болгарських діалектах Подунав'я збережено назви компонентів весільного обряду початку ХХ століття, найменування обрядових ритуальних актів-дій, весільних чинів, назви весільних страв, одягу, головних уборів, прикрас, домашнього начиння і т. п.

Весільний обряд болгар Одещини традиційно поділяється на три періоди: передвесільний, власне весільний і післявесільний, кожен із яких включає певні дії, має своїх учасників, атрибути.

До весілля батьки готувалися завчасно, особливо у сім'ї нареченої. Матері готували для своїх дочок придане — 'зестра' (С. Т., Нов., Вин., Ног.), 'придану' (Вас., Н. І., В.), 'чийіз' (Г., С. Т., Євг., Кам., Ор., Вин., Кр., Кал., Зор., Л.), 'дрешини' (С.). Придане вважається дуже важливою умовою

шлюбу. Його відсутність могла призвести до розриву заручин. *Зестра* для болгар насамперед — це «кількість землі», подарованої батьками нареченої. Саме тому ця лексема вживається у значенні 'придане'. До складу приданого входили: сорочки '*ризи*' (Гл., С. Т., Ч., Нов., С., Вас., Ног., Ор., Вин., Кр., Кал.); вишиті рушники '*пешкири*' (Гл., Ч., С. Т., Нов., С., Вас., Ног., Ор., Вин., Кр., Кал.), '*кърти*' (Кам., Г., Вас., Ног.), '*крепи*' (С.); ковдра '*йурган'а*', '*душеци*' (Ч., Нов., С. Т., Н. Т., Вас., Євг., Кам., С., Ор., В., Вин., Кр., Кал., Л.), '*удеалуту*' (Гл., Вас., Євг., Ног., Кал.), '*йурган'у*' (В.); подушки '*взглавници*' (Вас., Ног., Ор., Кам.), '*падушки*' (В., Вин., Кал., Л.); домоткані килими '*кильми*' (Євг., Ор., Вин.), '*плагета*' (Н. І.), '*асъри*' (С. Т.), '*черги*' (С., В., Кал., Л.); речі '*дрешник*' (Ног., С.).

Основним етапом предвесільного періоду було знайомство. Місцем зустрічі молодих людей — посиденьки '*сид'анки*' (Гл., С. Т., Євг., Ног., Н. І., Кам., Ор., Зор.), '*в'ечерница*' (Кр.); місце, де танцюють хоро '*хур'а*' (Євг.), '*м'егдан*' (В., Кам., Ор., Вин., Кр., Кал.). У деяких болгарських говірках спостережено інші лексеми, котрі позначають вечірнє зібрання молоді для роботи гуртом, зокрема, '*прид'енки*' (Кир., В., Кал.), '*прид'анки*' (В.), '*придачки*' (Вас., Вин.), '*пугрелки*' (С.). Респонденти зазначили ще назви '*миджия*' і '*к'лака*' (Євг.), '*м'ежия*' (Вин.). У цих обрядодіях брали участь тільки неодружені парубки '*йергени*' (Гл., С. Т., В., Кам., Вин., Кр., Кал.) та дівчата '*муми*' (Гл., С. Т., Вас., В., Кам., Вин., Кр., Кал.), якщо вони подобалися один одному й починали спілкуватися, їх називали '*л'убовник*' і '*л'убовница*' (С. Т., Вин., Вас., Кир., Ног., Кр., Кам.), '*младужелници*' (Н. І.).

Далі був обряд попереднього погодження на шлюб, сватання '*сватувани*' (Гл., Вас., Ног., Н. І., С., Ор., Кр., Вин., Кал.); '*сватовство*' (Євг.), '*сватовници*' (Кр.). У говірці с. Кирнички зафіксовано вживання назви '*згледници*' (Кир.). Сватами обирали рідних нареченого, обов'язково одружених, з досвідом сватання. За місяць-півтора до весілля у визначений день, зазвичай вечером, щоб сватання залишилося таємницею, оскільки не відомо, якою буде відповідь батьків дівчини, майбутній наречений відправив у дім до молодої сватів — чоловіків і жінок '*сватовників*' (Кир., С. Т., Вас., В., Ног., Н. І., Ор., Вин., Кал., Зор.), '*пратилники*' (С., Л.), які брали з собою хліб-сіль, рушник.

Специфічною рисою болгарської весільної обрядовості є обмін подарунками під час сватання. На знак своєї згоди дівчина повинна була дати посланцям якусь річ: скатертину чи рушник '*пешкир*' (В., Кр., Н. І.), вишитий рушник '*нашита кърпа*' (Вин., Кир., Зор.), інколи сорочку '*риза*' (Євг., Кам.), обручки '*мяна на пръстени*' (Кр.) або сукню '*рокла*' (Вин.). Обряд називався '*дава знак*' (Вин.); '*дава нишан*' (В., Вас., Л.). Після сватання до заручин дівчина носила на голові '*серебр'ану ниліку*' (Євг.). Цього ж вечора домовлялися про зустріч батьків молодих '*удумване*' (Кам., Ор., Вин., Кал., Зор.), '*года*' (С., Кр.), на котрій оговорювали дату заручин та весілля. У болгарських говірках Бессарабії лексема '*удумване*' вживається в значенні 'домовлятися, схилити молодих до шлюбу перед заручинами'.

Основною обрядодією передвесільного циклу виступає оголошення заручин дівчини та хлопця, що в усіх болгарських селах Подунав'я називається '*гудеж*' /'*годеж*' (Гл., Кир., Вас., Євг., Ног., Кам., К., С. Т., Ор., В., Вин., Кр., Л., Зор.). У говірках таких сіл, як Криничне та Городне інформантки називають лексему '*свзршени*'. У межах весільного обряду вона означає перехід дівчини у новий статус. Можливо, цей обряд був і в Бессарабії, але з часом нівелювався, а відповідно і його найменування. В діалектах метрополії лексему '*свзршени*' часто фіксують зі значенням 'остаточне рішення' [8, 412]. Після заручин наречених називають '*гудиник*' (Гл., Кир., С. Т., Вас., Євг., Ног., Н. І., Кам., С., Ор., В., Вин., Кр., Кал., Зор.) і '*гудиница*' (Гл., Кир., С. Т., Вас., Євг., Ног., Н. І., Кам., С., Ор., В., Вин., Кр., Кал., Зор.).

У більшості сіл весілля починається в четвер комплексом обрядів, пов'язаних з випіканням весільного хліба в домі нареченої й нареченого. Замішування тіста мало магічно-символічне значення. В народних традиціях болгар вимішування і випікання хліба символізувало створення нової сім'ї, народження нащадків. У бессарабських болгар випікання короваю було пов'язано з ритуальними діями. Дослідниця обрядів болгар України Л. А. Демиденко засвідчила заважування хліба [4]. У вітчизняних описах цього обряду знаходимо тільки уривчасту інформацію. В статті С. І. Георгієвої про весільну лексику говірки зорянців зазначено лексему '*квас*' з семантикою «мука для обрядодій» [2, 115]. Щоб приготувати весільний коровай, існує спеціальний ритуал просіювання борошна для весільного хліба '*засевки*' (Євг., Кал.); '*засев*' (В.). Про його існування, на жаль, пам'ятають тільки в окремих селах, але пояснити, які саме обрядодії пов'язані з цим обрядом, респонденти не змогли.

Весільний обрядовий хліб — '*кара'вай*' (Євг., Ног., Ор.), '*кравай*' (Гл., Кир., В., Н. І., Кам., С., Вин., Кал.); '*колач*' (Нов., С. Т.); '*самун*' (Ч., Вас.) у бессарабських болгар символізує родючість, цілісність сім'ї, шлюб. Випікати весільний хліб можна було тільки дівчатам з повної сім'ї та жінкам, у котрих склалося щасливе сімейне життя, й нині існує повір'я про те, якщо коровай вийде красивим, то й у майбутнього подружжя буде порозуміння та достаток.

Запрошення на весілля посідало важливе місце у весільному циклі обрядів. Кума та куму запрошували в четвер батьки нареченого, підносячи їм обрядовий хліб. Інших учасників запрошували зазвичай у суботу. Обряд запрошення гостей добре зберігся в досліджуваному регіоні й називається '*калєсване*' (Г., Кир., Євг., Кам., Ор., Кал., Зор.); '*колеска*' (Ног., С., Віл., Вин.). На весілля запрошують хлопці й дівчата від обох сторін '*колесници*' (Г., Євг., Ног., С., Вин., Кал.) або брат молодого '*девер*' (Кир., С. Т., Ор., В., Кал.). Вони обходили двори з червоним вином чи ракією, налитими в дерев'яну баклажку '*бъклица*' (Вин., Кал., С. Т., Зор.).

Перший етап весілля характеризується тим, що напередодні наречена й наречений отримували батьківське благословення. Молодий і молода ставали навколішки й просили у батьків благословення

'прошка' (С. Т., Вин., Кам., Л.), 'благослав'ане' (В.), 'благословенне' (Вин.), 'проштаване' (Віл.). В інших селах цей обряд не згадується.

У п'ятницю звечора в обох домівках влаштовували вечори прощання молодих з однолітками. У домі нареченої була вечірка з подругами молоді — 'ігри' (Ор., Вин.), 'дев'ишник' (Гл., С. Т., Кир., Ног., В., Кал.). Найменування обряду 'д'ев'ишник' не зафіксовано в болгарському весільному ритуалі на початку ХХ століття, його запозичено з російського обряду, він відомий у багатьох російських говірках, що функціонують у Подунав'ї [1, 42]. На вечір до нареченої приходили її рідні та близькі, а також подруги, котрі розплітали її дівочу косу, проводили обряд заплітання коси 'заплитване на кусите на невестата' (Кир., Ног., Ор., Вин., Зор.); 'плитане на кусите на булката' (Кам., Кал., С.); 'плетене на булката' (Вин., С. Т.). Водночас у нареченого проводився обряд 'бръснене на младея' 'голити нареченого' (С., Ор., Кр., С.Т., Кал., Вин.), таким чином відбувалося прощання молодого з холостим життям.

У суботу вранці подруги молоді 'зълвити' (Гл., Кир., Вас., Євг., Вин., В., Ор., Зор.), 'дружки' (С., С. Т., Кал., Зор.), прикрашали весільний прапор 'байр'ак' (Євг., В., Наг., Н. І., Ор., Вин., Кр., Кал., Зор.) — основний обрядовий реквізит у болгарському традиційному весіллі, що символізує шлюбний союз. Байр'ак виготовляв батько дівери 'бабалък' (Гл., Ор., Зор.) чи 'побащым' (Гл., Ор., Кр., Кал.).

Головними учасниками дійства були родичі наречених, що свідчить про збереження традиційних стосунків між поколіннями. Центральні дійові особи на на весіллі — наречена 'булка' (Гл., Кир., Вас., Н. І., С., Ор., Вин., Кал., Зор.), 'нев'аста' (В., С. Т.), 'млада' (Кам.) і наречений 'женник' (Гл., Кир., Вас., В.) 'младоженник' (Ног., Н. І., Ор., Вин., Кал., Зор.), 'млади' (Кам.), 'йерг'ен' (С.). Крім молодих, у обрядодіях беруть участь й інші весільні чини. Так, весілля веде сімейна пара, яка хрестила молодого 'кум' і 'кума' (Гл., Кир., С., В., Кал., Зор.); 'кръсник' і 'кръсница' (Ор., Кр., Вин.), а їх помічників називали 'подкуми' (С. Т., С., Вин.), 'бабалък' и 'бабалъчка' (Гл., Кам., С., Зор.). Серед них виділялися 'бабалък' и 'бабалъчка'. У таких селах, як Суворове, Кам'янка, Кальчево й Лощинівка вони виступали головними на весіллі й керували усіма обрядами. У Нагірному замість куми проводить весільні обрядодії 'петелджийка', у Зорі — 'хатарлийка' [2, 116], а в с. Кальчево — 'побащым'.

Молодший брат нареченого чи хлопець з його роду стає шафером 'девер' (Гл., Кир., В., Кр., Ног., Н. І., С., Ор., Вин.), до його обов'язків входить запрошення гостей на весілля й супровід молоді упродовж обряду. В селах, де мешкають болгары та гагаузи, відоме ще одне найменування, запозичене з гагаузької мови, 'д'ун'урж'у' (С. Т., Н.). Незаміжніх учасниць весілля з боку молоді називають 'дружки' (С. Т., Кир., С., Кр., Кал.), 'зълви' (Гл., Вас., Євг., В., Ног., Н. І., Вин., Кр.).

Зранку в неділю молодий вирушав за молодою разом з учасниками свого весільного поїзда, до складу якого входили кум, кума, підкуми, родичі та друзі нареченого. Кума та підкума наряджали молоду у весільне вбрання 'булчинска рокля' (Вас., В., Наг., Н. І., Кал.), 'булка рокля' (Кир., Кам., Вин.); 'венчален фистан' (Ч., С. Т.), 'венчална рокля' (Гл., С. Т., Г., С.), а на голову надівали вінок, що виготовлявся в четвер перед весіллям, 'венец' (Гл., С. Т., Вас.), 'венце' (Євг.), 'венче' (Ор.), 'герланта' (С.), 'венок' (В., Вин.), 'н'аро' (Ор., Вин., Кр., Кал.), і весільна вуаль молоді білого або червоного кольору 'було' (Євг., Кир., Н. І., Кр., Ор., Вин.). До 40–60 рр. ХХ ст. лексема 'було' практично виходить з ужитку, її значення переноситься на запозичену з російської мови лексему 'фата' (Гл., Ч., Г., Нов., Кам., Вас., С., В., Кр.). У бессарабських болгар обряд убирания молоді називався 'прибулване' (Гл., Кир., В., Н. І., Ор.). У призначений час батько виводив молоду з батьківського дому 'извидат булката' (Гл., Кам., С., Ор., В., Кр., Вин., Кал., Зор.). Батьки вручали нареченій подарунки, придане. Потім кум, кума, молодий і молода танцювали обрядовий танок 'кумското уро' (Вин., Ор.), 'право уро' (Н. І.), 'кумуу хуро' (Ор., Вин., Зор.), 'лазара' (Кр.).

Інформантки з Виноградівки й Кальчево згадували, що в цих селах був обряд 'даруй', під час якого кум з молодим обдаровували наречену подарунками перед виходом з батьківського дому. В інших селах цю лексему не виявлено. Виходячи з дому й молодого, й молоді, матері виливали за нареченими воду перед ворітьми, щоб у них у житті все було гаразд.

Наступний етап весілля — це вінчання в церкві 'венчание' (в усіх селах вживається одна лексема). При вході до церкви молоді намагалися першими наступити на ногу один одному, хто перший наступить, той і головний у сім'ї.

Після вінчання весілля було в будинку молодого. Батьки зустрічали наречених обрядовим хлібом і дарували подарунки. У болгарських селах Одещини спостережено обряд 'дар'аване' (Нов., Вас., В., Кам., С., Ор., Зор.), 'даренне' (Вин.), під час якого всім близьким родичам підносили подарунки, їх перев'язували тканиною, сорочками, домотканими рушниками. Слова 'перев'яз'ать і 'перев'язка' (Гл., Вин., Кал.) виявлено з цими значеннями в деяких болгарських селах. Лексеми запозичено з сусідніх українських говірок. В українців поширений обряд обдаровування сватів, дружок та інших гостей.

Подальші дії відбувалися у домі молодого, святкування продовжувалося до ранку й іменувалося 'гуляй' (Віл.). Після зустрічі молодих батьки запрошували гостей за святковий стіл 'софра' (Ч., С. Т., Н. Т., С., Кир.); 'сухра' (Вин.); 'маса' (Кам., Ор., В., Кр., Кал.); 'трапезния стол' (Віл.); солодкий стіл 'мезе' (Кам., С., Вин.); 'мизя' (Ор.). Основними частуваннями, що подавалися на весіллі, були: холодець 'аладец' (В.), 'пача' (Ор., С. Т., Вин., Кал.); голубці 'сарми' (Ор., Вин., Кр., Кал.), 'топки' (С.), 'гушки' (С. Т., В., З.); різні страви з баранини 'каварма' (С., Ор., В., Вин., Кал.), 'курбан' (Ор., В., Вин., Кал.), 'офчу' (Кир.); їжа з капустою 'некано зеле' (С., Ор., В., Вин.), 'зеле с орис' (В., Вин., Кал.), 'лахна с мисо' (Зор.) [2]; картопля 'картофи' (С., Ор., В., Вин., Кал., Зор.); напій з сухофруктів 'ошаф' (С. Т., Вин.).

Страви на весілля готували жінки *'новарджийки'* (Кир.); *'асчийка'* (Нов., С. Т., В., Н. І., Ор., Кал.), *'изметчийка'* (С. Т.); *'булгурджийка'* (Зор.). Найменування *'асчийка'* та *'изметчийка'* арабсько-тюркського походження, їх запозичено з турецької або гагаузької мов.

На весільне торжество завжди запрошувалися музиканти. Вони грали на таких музичних інструментах: *'каварне'* (С.); *'кларнет'* (Л., С. Т.), *'тупан'* (Ор.), *'ирмония'* (С., Ор., С. Т., Вин., Кал.), *'гармон'* (С., Ор., Вин., Кал.). На болгарському весіллі завжди звучала народна музика, виконувалися народні танці: *'уро'* (Кир., В., Кам., С., Ор., Кр., Кал.), *'хуро'* (Вин.); *'три кърти'* (Кам.), *'три на крети'* (С.), *'кертти'* (Вин.), *'кърти'* (Кр.), *'прау хуро'* (Вин.). У селах зі змішаним болгарсько-гагаузьким населенням зафіксовано лексему *'д'ус уро'* (Ч., С. Т., Н.).

Для зняття весільного вінка і вуалі у болгар Бессарабії існує спеціальний обряд *'разбулване'* (Гл., Кир., Євг., Н. І., Кам., С., Ор., В., Вин., Кал.), *'утбул'ене'* (Кр.), котрий був одним із останніх у циклі: кума знімала з нареченої *було* й закидала його на дерево. Після цього молодій надівали головний убір заміжньої жінки — хустку. Ця обрядодія засвідчувала перехід дівчини у новий статус заміжньої. З жениха знімали весільну квітку *'п'аро'* (Кир., Ор.), *'перо'* (Н. І.).

Своєрідним є післявесільний етап. Уранці збиралися близькі родичі наречених на обряд *'слатка раж'иа'* (Кир., В., Кам.); *'ал'ана раж'иа'* (Євг.), *'червена раж'иа'* (Н. І., С., Кал., Кр., Вин., Зор., Л.). Молода поливала водою на руки свекрові і свекрусі, дарувала їм подарунки *'пуливане с вуда'* (Ор., В., Вин., Н. І., Кал., Кр., З., Л.).

Крім названих весільних чинів, у ньому брали участь ряджені. Жінки переодягалися в циганок і ходили селом (Ч., Зад., С., В.), у деяких селах перемазували нареченим обличчя сажею (Зад., С., В.). Респонденти засвідчили різні назви цієї обрядодії, як-от: *'цигани'* (Зад.), *'приправени'* і *'нарядени'* (С., В.).

На позначення ще однієї комічної обрядодії — катання на візку батьків молодії використовують найменування *'катаене'* (С., Зор.), *'катане'* (Ор., Кал.).

У деяких болгарських селах зберігся обряд відвідування молодятами домівки нареченої через кілька днів після весілля. Така реалія обрядового дійства в системі болгарських говірок має кілька найменувань, характерних для окремих сіл регіону: *'повранки'* (Гл., Євг.); *'долужак'* (С. Т.); *'поворотки'* (В.), *'поваратки'* (Кам.), *'повратки'* (Н. І., Вин., Кал.), *'одратки'* (Кр.). У досліджуваних населених пунктах згадана обрядодія відбувається на третій день після весілля (Гл., Кам., Кал.), а в інших — у п'ятницю (В., Н. І., Кр.). Цього ж дня вперше після одруження молодята мали право піти в дім батьків молодії. За звичаєм, наречені могли там переночувати.

У регіоні болгарські діалекти зберегли основні цикли весільного обряду. Спостереження свідчать, що лексика весільного обряду болгар Подунав'я яскраво відображає специфіку матеріальної і духовної культури переселенців з віддзеркаленням загальних рис патріархального болгарського весілля.

Аналіз нашої вибірки дозволив констатувати збереженість архаїчних лексем весільного обряду в мовленні старшого покоління болгар. Залишається порівняно стабільною також і загальноболгарська лексика. Наявність діагностуючих лексем болгарського весільного обряду *гудеж, калесване, кум, кума, кърсник, бабалзи, бабалъчка, петелджия, пратилници, изметчия, девер, зълви, бължица, байр'ак* свідчить про збереження етнокультурних елементів, притаманних діалектам бессарабських болгар. Спостерігаються різні найменування одного поняття у болгарських говірках Подунав'я.

Зберігаючи понад два століття свою духовну та матеріальну культуру, звичаї й мову на відстані від метрополії, болгари підтримують тісні побутові, господарські та культурні контакти з представниками інших етносів, які населяють територію Подунав'я, що сприяє появі запозичень у болгарських діалектах. Широко представлені у весільній лексиці русизми, українізми, тюркізми, запозичення з гагаузької мови, що зумовлено полілінгвальною мовною ситуацією в регіоні. Збагачення лексики болгарських діалектів спричинене виникненням нових реалій побуту, входженням в обіг свят і звичаїв сусідніх народів. Сприятливими екстралінгвістичними факторами для поширення запозичень у болгарських діалектах є міжнаціональні плюби, вивчення української й російської мов, постійне спілкування представників різних національностей, що мешкають у регіоні. Болгари запозичили обрядовий весільний акт *перев'язка* та обрядодії, пов'язані з ним — *перев'язатъ* 'зробити подарунок сватам, друзям та іншим почесним гостям під час весілля', *перев'язуючи* їх рушниками, хустками, відрїзаними тшаними і т. ін.

Шар обрядової лексики в селах зі змішаним болгаро-гагаузьким населенням зазнав суттєвих змін. У обрядовій номінації зафіксована запозичена з гагаузької мови лексема *д'ун'урж'у* 'учасники весілля', *булченски фистан* 'весільна сукня', *пача* 'холодець', *долужак* назва післявесільного обряду.

Значну кількість спеціалізованої обрядової лексики засвоєно з російської мови: *фата, приданое*, найменування страв весільного столу, оскільки традиційні болгарські найдки витісняються сучасною російською кухнею. Нові лексеми не тільки заповнили мовні лакуни, але й часто функціонують паралельно з тими, що вже існують.

Основні зміни в обряді пов'язані зі скороченням ритуалів у часі до двох днів, практично повністю нівелювався післявесільний обряд, що пов'язано зі спрощенням обрядових циклів.

Болгарські говори півдня України становлять собою значний науковий інтерес, потребують подальших досліджень і картографування обрядової лексики.

Література

1. *Баранник Л. Ф.* Лексика свадебного обряда русского говора села Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области / Л. Ф. Баранник // *Научный вестник Измаильского государственного гуманитарного университета*. — Измаил, 2006. — Вып. 21. — С. 39–46.
2. *Георгиева С. И.* Специфика структуры свадебных обрядов зарянцев / С. И. Георгиева // *Научный вестник Измаильского государственного гуманитарного университета*. — Измаил, 2006. — Вып. 21. — С. 113–118.
3. *Державин Н. С.* Очерки быта южно-русских болгар / Н. С. Державин // *Этнографическое обозрение*. — М.: Типо-литография, 1898. — № 3. — С. 41–62.
4. *Демиденко Л. А.* Культура и быт болгарского населения в СССР / Л. А. Демиденко. — Киев: Наукова думка, 1970. — 139 с.
5. *Дякович Вл.* Българска Бесарабия / Вл. Дякович — София, 1918. — 246 с.
6. *Колесник В. А.* Диагностирующие черты болгарской свадебной терминосистемы / В. А. Колесник // *Научный вестник Измаильского государственного гуманитарного университета*. — Измаил, 2006. — Вып. 21. — С. 21–26.
7. *Маркова Л. В.* Некоторые тенденции в развитии культуры быта болгар юго-западных районов СССР / Л. В. Маркова. — М.: Наука, 1966. — 122 с.
8. *Узенова Е. С.* Названия помолвки в болгарской свадьбе (семантический и сравнительный аспект) / Е. С. Узенова // *Язык культуры: семантика и грамматика: [сб. ст.] / [отв. ред. С. М. Толстая]*. — М.: Индрик, 2004. — С. 410–416.

References

1. *Barannik L. F.* Leksika svadebnogo obryada russkogo govora sela Staraya Nekrasovka Izmail'skogo rayona Odesskoy oblasti / L. F. Barannik // *Naukovyi visnyk Izmail's'kogo derzhavnogo humanitarnogo universitetu*. — Izmail, 2006. — Vyp. 21. — S. 39–46.
2. *Georgieva S. I.* Spetsifika struktury svadebnykh obryadov zaryantsev / S. I. Georgieva // *Naukovyi visnyk Izmail's'kogo derzhavnogo humanitarnogo universitetu*. — Izmail, 2006. — Vyp. 21. — S. 113–118.
3. *Derzhavin N. S.* Ocherki byta yuzhno-russkikh bolgar / N. S. Derzhavin // *Etnograficheskoe obozrenie*. — M.: Tipolitografiya, 1898. — № 3. — S. 41–62.
4. *Demidenko L. A.* Kul'tura i byt bolgarskogo naseleniya v USSR / L. A. Demidenko. — Kiev: Naukova dumka, 1970. — 139 s.
5. *Dyakovich Vl.* Blgarska Besarabiya / Vl. Dyakovich. — Sofiya, 1918. — 246 s.
6. *Kolesnik V. A.* Diagnostiruyushchie cherty bolgarskoy svadebnoy terminosistemy / V. A. Kolesnik // *Naukovyi visnyk Izmail's'kogo derzhavnogo humanitarnogo universitetu*. — Izmail, 2006. — Vyp. 21. — S. 21–26.
7. *Markova L. V.* Nekotorye tendentsii v razvitii kultury byta bolgar yugo-zapadnykh rayonov SSSR / L. V. Markova. — M.: Nauka, 1966. — 122 s.
8. *Uzenova Ye. S.* Nazvaniya pomolvki v bolgarskoy svadbe (semanticheskii i sravnitelnyy aspekt) / Ye. S. Uzenova // *Yazyk kultury: semantika i grammatika: [sb. st.] / [otv. red. S. M. Tolstaya]*. — M.: Indrik, 2004. — S. 410–416.

Умовні скорочення

- Н. Т. — с. Нові Трояни Болградського р-ну Одеської області
 Г. — с. Городне Болградського р-ну Одеської області
 Ч. — с. Червоноармійське Болградського р-ну Одеської області
 Ор. — с. Орхівка Болградського р-ну Одеської області
 Вин. — с. Виноградне Болградського р-ну Одеської області
 Вас. — с. Василівка Болградського р-ну Одеської області
 Вл. — с. Владичень Болградського р-ну Одеської області
 Кр. — с. Криничне Болградського р-ну Одеської області
 Кал. — с. Калчево Болградського р-ну Одеської області
 Вл. — с. Вільне Тарутинського р-ну Одеської області
 Євг. — с. Євгенівка Тарутинського р-ну Одеської області
 Кам. — с. Кам'янка Измаїльського р-ну Одеської області
 С. — с. Суворово Измаїльського р-ну Одеської області
 Кир. — с. Кирнички Измаїльського р-ну Одеської області
 Л. — с. Лошнівка Измаїльського р-ну Одеської області
 Н. І. — с. Нова Іванівка Арцизького р-ну Одеської області
 Зад. — с. Задунівка Арцизького р-ну Одеської області
 Гл. — с. Главані Арцизького р-ну Одеської області
 В. — с. Виноградівка Арцизького р-ну Одеської області
 С. Т. — с. Старі Трояни Кілійського р-ну Одеської області
 Н. — с. Новоселівка Кілійського р-ну Одеської області
 Зор. — с. Зоря Саратовського р-ну Одеської області
 Ног. — с. Нагірне Ренійського р-ну Одеської області

Гончар Наталья Николаевна,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков
 Измаильского государственного гуманитарного университета; Измаил, Украина;
 e-mail: nat.gonchar1974@yandex.ua

ЛЕКСИКА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В БОЛГАРСКИХ ДИАЛЕКТАХ УКРАИНСКОГО ПОДУНАВЬЯ

Аннотация. В статье реконструированы основные этапы свадебного обряда, функционирующего в болгарских селах украинского Подунавья. Основное внимание уделено описанию составных частей свадебного обряда, ритуальных актов-действий, свадебных чинов и угощений. В работе систематизирована терминологическая лексика данного обряда в болгарских диалектах. Автором обобщены лексико-семантические и тематические группы, обозначающие предметы материальной культуры болгар, определены региональные и локально-специфические черты терминосистемы болгарской свадьбы. Анализ материала показал наличие диагностирующих элементов, отражающих национально-культурную специфику болгарского континуума Одесской области. В корпусе свадебной лексики выделены заимствованные лексемы из украинского, русского и гагаузского языков, проникшие в болгарские диалекты в результате длительного сосуществования в полиэтническом и полилингвальном окружении. Определены общие закономерности и динамика развития свадебного обряда в болгарских селах Придунавья.

Ключевые слова: свадебный обряд, терминосистема, заимствования, диалект, ритуал.

Natalia N. Gonchar,

Candidate of Philological Sciences, lecturer at the Chair of General Linguistics and Slavonic Languages,
Izmail State University of Humanities; Izmail, Ukraine;
e-mail: nat.gonchar1974@yandex.ua

WEDDING CEREMONY LEXIS IN THE BULGARIAN DIALECTS OF THE UKRAINIAN DANUBE REGION

Summary. The article describes the structure and main stages of the wedding ceremony, held in Bulgarian villages of the Ukrainian Danube region. The main attention is paid to the description of the components of the wedding ceremony, ritual acts, actions, officials and wedding treats. The article systematizes terminological lexis of this rite in the Bulgarian dialects. The author summarizes lexical-semantic and thematic groups, indicating artifacts of Bulgarian culture and defines the regional and locally-specific features of the terminological system of a Bulgarian wedding. The diagnostic elements reflecting the cultural identity of the Bulgarian continuum in the Odessa region are highlighted. In the stock of wedding vocabulary there are marked borrowed lexemes from Ukrainian, Russian and Gagauz, which penetrated the Bulgarian dialects as a result of long-term coexistence in a multiethnic and multilingual environment. The common patterns and dynamics are identified in the wedding ceremonies of the Bulgarian villages in the Danube Region.

Key words: wedding ceremony, terminological system, ritual vocabulary, wedding.

Статтю отримано 20.11.2013 р.

УДК 811.161.2'282.2(478)

ІГНАТЕНКО Діана Анатоліївна,

аспірант кафедри української мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;
e-mail: diana.ignatenko@mail.ru; тел.: +38(048)746-56-97

ДИНАМІЧНІ ПРОЦЕСИ В УКРАЇНСЬКИХ ГОВІРКАХ ПІВНОЧІ МОЛДОВИ: ЛЕКСИКА ЖИТЛОВОГО КОМПЛЕКСУ

Анотація. У статті проаналізовано динамічні процеси, що відбуваються в українських говірках на півночі Молдови. Указана територія презентує неабиякий науковий інтерес через історичне проживання на ній етнічних українців в умовах іноетнічного оточення. Українська діаспора, відірвана від джерел української літературної мови, не тільки зберегла рідну мову у певній консервації, але й набула впливу інших мов, зокрема румунської, молдовської, російської, що виявилось в численних мовних інтерференціях. Найбільшого впливу зазнала побутова лексика щоденного використання. Тому у статті розглянуто тематичну групу лексики житлового комплексу, у межах якої визначено диференціацію окремих номінацій у мовленні діалектоспів різних вікових груп, простежено зміну семантики деяких лексем, проаналізовано функціонування лексем східнороманського та слов'янського походження. Доведено, що досліджені вияви динаміки зумовлено як лінгвальними, так і позалінгвальними чинниками, серед яких чільними є міжмовні контакти з румуномовним та російськомовним населенням, розвиток матеріальної культури, зменшеність кількості населення старшого віку.

Ключові слова: українська діалектологія, говірка, тематична група лексики, лексема, сема, динамічні процеси, північ Молдови.

На сучасному етапі розвитку українського мовознавства першочерговим залишається вивчення української мови на всіх структурних рівнях, зокрема увагу дослідників привертають динамічні процеси, що відбуваються в лексичній як літературній, так і діалектній мові, адже лексичний рівень зазнає найбільших коливань та змін. Причини цього явища у діалектній лексичній системі, за твердженням Г. І. Гримашевич, зумовлені лінгвальними та позалінгвальними чинниками, серед яких: архаїзація лексем у зв'язку зі зникненням реалій, які вони позначали; міжмовні та міждіалектні контакти; міграційні процеси; проникнення в діалектну мову літературних елементів; розвиток матеріальної культури, народного господарства; модернізація промисловості; зникнення з ужитку реалій, що закономірно призводить до зникнення лексем на їх позначення або перенесення назв на інші предмети; відхід у небуття населення старшого віку та ін. [2, с. 141]. На думку П. Ю. Гриценка, «при всій очевидності змін у словниковому складі мови лексична система зберігає такі архаїчні риси, які часто несуть більшу інформацію, ніж релікти інших структурних рівнів» [3, с. 3]. Така детермінація характеризує функціонування українських говірок на території Республіки Молдова, адже «українці Молдови, на відміну від українців України, представляють одну з етносоціальних меншин, що історично проживала в умовах іноетнічного оточення, відірвана від джерел української літературної мови, в силу чого деякі лінгвістичні та традиційно-побутові риси, якими характеризується українське населення Молдови, більш законсервовані, ніж у самій Україні» [7, с. 87].

Місцеве українське населення зберегло рідну українську мову в тих діалектних формах, які функціонували на території сучасної Молдови з давніх-давен чи були привнесені українцями-переселенцями впродовж XIV—XX ст. Це — усна говірка зі значною російською та східнороманською інтерференціями на лексичному і синтаксичному рівнях. П. Ю. Гриценко називає такий тип мовного середовища «універсальною лінгвістичною лабораторією, складним, строкатим континуумом, де функціонують типо-

логічно різні говірки та літературні мови» [4, с. 3]. Українські говірки у Молдові є багатим матеріалом для діалектологічних досліджень, тому що містять чимало архаїчних (реліктових) мовних явищ, цінних для дослідників. Це зумовлює доцільність та актуальність теми нашого дослідження.

На жаль, на сьогоднішній день у Молдові не запроваджено системного вивчення українських говірок, проте українство Молдови досліджували В. С. Зеленчук, Р. Я. Удлер, В. П. Степанов, В. Г. Кожухар, К. С. Кожухар, В. Д. Панько, О. А. Романчук, І. В. Гороф'янюк, О. М. Харчишин, Н. А. Пас-тук. Так, К. С. Кожухар зазначає, що українські говірки, які побутують на теренах нашої країни, за своїми фонетичними, морфологічними, лексичними та синтаксичними особливостями належать до двох нарід української мови: південно-західного і південно-східного. В українських говірках півночі Молдови наявні риси карпатських, наддністрянських, волинських, подільських говорів [5, с. 91].

Метою дослідження є аналіз лексики житлового комплексу та її внутрішніх процесів в українських говірках у селах півночі Молдови. Відповідно до поставленої мети наші завдання: виокремити тематичну групу лексики (ТГЛ) житлового комплексу та лексико-семантичних груп у її межах; простежити динаміку побутової лексики зазначеної тематичної групи у діалектному мовленні інформаторів різних вікових груп.

Уперше в українському мовознавстві вияви динаміки й статички, тенденції і явища українського діалектного мовлення дослідила Л. М. Коць-Григорчук, увівши поняття «горизонт лінгвістичного дослідження» [1, с. 154]. Динамічні процеси в українському діалектному мовленні вивчали К. Д. Глуховцева (східнослов'янські говірки), О. М. Костів (говірки південно-західного нарідчя української мови на матеріалі II-го тому «Атласу української мови»), В. М. Михайленко (середньонадніпрянсько-поліське діалектне суміжжя), Г. І. Мартинова (середньонадніпрянський говір), Ю. В. Абрамян (східнослов'янські говірки), М. О. Волошинова (східнослов'янські говірки) та ін.

У процесі дослідження динаміки української діалектної лексики в компаративному аспекті виокремилися два підходи: 1) використання діалектних матеріалів, зібраних у різні часи; 2) дослідження діалектного мовлення різних вікових груп (діалектоносії старшого, середнього та молодшого покоління), тобто виявлення динамічних змін у синхронному вимірі.

Основними ознаками динамічного характеру мови, на думку О. М. Костів, є вияви відношень «центр — периферія» та варіантність. Центр, тобто ядро діалектного явища, — це місце виникнення та максимальної концентрації відповідної діалектної риси, яка реалізується найпоширеніше (в усіх позиціях слова, у мовленні старшого, молодшого та середнього поколінь, причому паралельні структури відсутні). Периферія лінгвістичного ареалу — місце, де виникають тенденції, існують паралельні структури (часто в одному населеному пункті, у мовленні однієї людини), а також диференціація в мовленні різних поколінь (старше покоління вживає давнішу структуру, у мовленні молодшого внаслідок впливу літературної мови або іншої діалектної системи, контактів з різними мовами побутує нова форма) [6, с. 118].

Джерельною базою дослідження послужили власні записи живого мовлення, здійснені у північних районах Молдови: Бельцькому, Глодяньському, Ришканському, Синжерейському, Фалештському, Окницькому, Бричанському.

Зібраний матеріал дає підстави виділити в тематичній групі лексики житлового комплексу низку лексико-семантичних груп (далі — ЛСГ): «Найменування житлово-господарського комплексу», «Елементи будівництва», «Найменування приміщень у сільській споруді», «Найменування опалювальних споруд і їх частин», «Найменування господарських будівель».

Центром ТГЛ житлового комплексу стають лексеми, що виявилися перманентними у вживанні, найбільш стійкими та майже не зазнають змін і вживані інформантами всіх вікових груп. Так, семема 'сільськогосподарська виробнича одиниця із знаряддями і засобами, з ділянкою землі, худобою' в усіх обстежених районах представлена лексевою *ха'з'айство*, наприклад: *у 'кожного је ха'з'айство/у'с'і на 'своу ха'з'айств'і* (П., від Коломієць Г. В., 1930 р. н.); семема 'селянський житловий будинок' презентується лексевою *хата*: *ми 'зразу жили в мамин'і хат'і/потом у'же 'строїлис'* (Берл., від Бурлаки М. І., 1935 р. н.), рідше *дом*: *я тут по'строїл'і/третій дом на ву'лов'і* (Н. Ф., від Єсипчука В. Т., 1934 р. н.). Одними семемами виражені лексеми *фундамент* — 'основа, звичайно підземна, з каменю, бетону, на якій встановлюють будинки, конструкції': *закладают' 'первій раз фундамент, св'ат'а 'место, кла'дут' бутылку с св'аченоју водоју, копійки туд'а ки'дают' на ву'гли/на 'шчаст'а/шоб 'велос'а ха'з'айство* (Стурз., від Панько М. П., 1947 р. н.); *п'ич* — 'мурована з каменю чи цегли споруда для випікання хліба, варіння страв': *йак напал'ила п'ич/поставила туди па'тел'н'і з хл'ібом* (Окт., від Платаш Л. В., 1958 р. н.). Це поняття, які у свідомості слов'ян носять сакральний характер, можливо, цим можна пояснити їх незмінність, неваріативність.

Варіативність та змінні процеси у лексичі житлового комплексу зафіксовано на периферії обстеженого лінгвістичного ареалу. Зокрема, у дослідженій ТГЛ виявлено такі типи змін на лексичному рівні:

1. Архаїзація лексем у зв'язку зі зникненням реалій, які вони позначали. Так, лексема *мар'так*, яка виражає семему 'балка на стелі', у зв'язку з модернізацією побудови житла, з уведенням нових традицій житлового дизайну, поступово зникає з обігу, залишаючись лише в мовленні інформантів старшого покоління: *колис' са'ма марта'ки на 'стел'і ма'стила* (Св., від Губік А. В., 1941 р. н.). У такий спосіб відбувається й архаїзація лексем на позначення будівельних матеріалів. Наприклад, помітна тенденція спаду функціонування назв *со'лома* (усі села), *'трошча* (Цамб., Н. Ф.), *око'лот* (Рек., Св., Пом., Поп., Сув.), *стуг* (Григ., Стурз.), *'бранка* (Н. Ф., Пом., П.), *'браница* (Н. Ф.), *'гонта* (Стурз., Берл., Біл.), які колись активно використовували як матеріали для покрівлі хати

(зафіксовано здебільшого у мовленні інформантів старшого та середнього віку), і переваги функціонування назв *шіфер*, *черепиця*, що вживаються інформантами всіх вікових груп в усіх обстежених населених пунктах: *накривали хату шче соломужу/ ни шіфером/ а соломужу* (Сад., від Пироган М. Я. 1935 р. н.); *хату трошчују накривали* (Цамб., від Биковської М. Г. 1925 р. н.); *колис' драницеју покривали хату/ та'ка точка/ з дошок зроблена/ сантиметр'ів с'імде'сят/ зроблена з жални* (Н. Ф., від Баланка В. К. 1929 р. н.). Аналогічні процеси наявні в номінаціях матеріалів, з яких будували хату: лексеми *саман*, *ломпач* (*лампач*), які здебільшого зафіксовано у мовленні інформантів старшого (1925–1940 р. н.) та середнього (1950–1960 р. н.) віку, поступаються більш сучасним *кам'ін*, *к'ірп'ич*, *котелец* (ці лексеми зафіксовані у мовленні інформантів усіх вікових груп): *фундамент робили з ломпачу/ то'ди не бу'ї кам'ін/ то'ди не знали на камен'ї строїти* (П., від Сирбу М. В. 1940 р. н.)

2. Проникнення в діалектну мову літературних елементів, а саме: лексема *вапно*, що презентує семему мінеральна речовина білого кольору, яку одержують випалюванням вапняку, крейди та інших карбонатних порід [СУМ 1, с. 290]: *б'їлували ст'їни вапном/ син'ки трохи/ шоб ф'їн'ї були* (Рек., від Гриу В. І. 1937 р. н.), вживається поряд з лексемами *ізв'їст* (Ябл., Григ., Цамб.), *ізв'їстка* (Стурз.), *ізв'їстка* (Нат., П., Помп.); лексема *дах* на позначення семему 'верхня частина будівлі, що служить її покриттям; покрівля' [СУМ 1, с. 214] зафіксована водночас з лексемами *п'їд* (Рек., Св., Берл., Біл.), *стр'їха* (Стурз., Берл., Біл.), *к'риша* (Окт.); лексема *журавел* реалізує семему 'довга жердина, приладна біля колодязя як важіль для витягування води, або й весь пристрій з такою жердиною' [СУМ 2, с. 547], проте більш поширені лексеми *к'ир'ниця*, *к'ир'неца*, *т'ир'неца*, *ко'лод'єц*. Наявні в українських говірках на півночі Молдови елементи української літературної мови вживаються інформантами переважно старшого віку та не становлять питомої лексики.

3. Розвиток семантичної структури. Серед найпоширеніших змін такого типу нами виокремлено:

а) розширення значення через виникнення нової семему відносно існуючої семему, наприклад, виникнення нових семем, репрезентованих лексемами *сарай*, *ко'мора*, *го'род*, *по'дв'їр'їа*, *у'бора*, *п'їдна'в'єс*, *ко'либа* тощо. Так, лексема *сарай* зафіксована в академічному *Словнику української мови* з єдиним значенням — 'господарське приміщення для зберігання різного майна' [СУМ 9, с. 57]. У досліджених говірках з'являються лексико-семантичні варіанти лексеми *сарай*: 'додаткове приміщення для житла в житловому комплексі, менше, ніж хата': *а ми суб'ї тут у сараї'ов'ї/ пере'їли на зиму/ так і м'їшилиса* (Стурз., від Досана М. Д. 1930 р. н.); 'найменування будівель і приміщень, призначених для тимчасового проживання': *у сараї'чик'ов'ї я т'їл'ки л'їтом, там п'їч/ за'крутки робл'у* (Цамб., від Биковської М. Г. 1925 р. н.); 'приміщення між житловою спорудою та вулицею': *це як в'їранда/ це бу'ї л'єтн'її сараї/ ми тут тримали м'їш'ки/ а полу'чилос' так/ шо хата зараз пу'стује/ а ми тут ж'ївемо* (Н. Ф., від Єсипчука В. Т. 1934 р. н.); 'приміщення для дров; дров'їтня': *др'ова носимо в сараї'чик* (Рек., від Гриу В. І., 1937 р. н.); 'приміщення для утримання домашніх тварин': *сви'ней тримали в сараї'ови* (Сад., від Пироган М. Я., 1935 р. н.); 'приміщення для зберігання сільськогосподарського реманенту та різного майна': *в сараї'чик'ов'ї тримали ло'пати/ сани* (Св., від Губік А. В., 1941 р. н.); *у сараї'ју трим'їємо зер'но/ му'ку* (Поп., від Габур Н. І., 1944 р. н.). Отже, бачимо такий семантичний обсяг лексеми *сарай*: додаткове приміщення для житла → приміщення між камерами житлової споруди та вулицею → приміщення для тимчасового проживання → приміщення для утримання домашніх тварин → приміщення для зберігання реманенту → приміщення для дров.

б) Перенесення семантики внаслідок метафоризації. Так, лексема *горба'ц'їка* в досліджених говірках реалізує семему: 'декоративне оздоблення фронту приміщення': *горба'ц'їку на хат'ї зроб'їю м'її чулов'їк/ жо'го ўже нема/ красили чи то жовтују/ чи то зелєнују/ чи то син'ју краскоју* (Стурз., від Паскал М. О., 1927 р. н.); 'оздоблення на рушниках, вив'язане крючком; мереживо': *ја та'ка масте'риц'їа була/ ја так вс'о в'їв'язувала/ виши'вала/ горба'ц'їку на рушн'їках сама робила* (Св., від Губік А. В., 1941 р. н.). Оскільки корпус лексеми *горба'ц'їка* вказує на неслов'янське її походження, припускаємо запозичення її зі східнороманських мов. У *Глумачному словнику румунської мови* зазначено лексему *horbotă* із значеннями 'мереживо, гарнітура з тонких благородних тканин для одягу, штор'; 'морозне покриття дерев' [DEX, с. 207]. Етимологічний словник румунської мови фіксує слов'янське походження лексеми *horbotă* від польського *forbot* 'мереживо' [DER, с. 385]. Таким, первинним було значення 'мереживо на тканинах', а в діалектному континуумі відбулося явище метафоризації, тобто перенесення семантики за подібністю.

в) Звуження семантичного значення, що спостерігається переважно при архаїзації лексем, пов'язаній із зникненням певної реалії. Так, лексема *бур'дей*, що в сучасній українській літературній мові має значення 'житло, викопане в землі; землянка' [СУМ 1, с. 257], у досліджених говірках функціонує у цьому значенні у мовленні інформантів старшого покоління, напр.: *колис' мо'ї ро'д'їт'єл'ї то жили у бур'д'є'ов'ї/ коли при'їзжали в'їдти/ з го'ри/ з Шер'бінец'ї/ суди на сво'боду* (Н. Ф., від Баланка В. К. 1929 р. н.); *це та'ка јама/ робили сходи/ в'їкна/ звер'хи накривали зем'л'оју/ так і жили/ по'ма'лен'ку* (Цамб., від Биковської М. Г. 1925 р. н.). Подалі, через зникнення реалії, звукує семантику з появою номенів на позначення 'спеціально обладнана яма для зберігання продуктів, переважно овочів, з льодою, але без східців; погріб': *у мене на по'дв'їр'ї бур'д'єї/ це та'ка як јама/ звер'хи на'крита/ на'сипана/ це та'ке як по'двал* (Поп., від Грабчук Л. П., 1951 р. н.); 'яма, викопана на подвір'ї, куди насипають картоплю, буряки': *копали на вулиц'ї јаму/ та'к'ї глу'х'ї бур'д'єї/ клали со'лому на сп'їд/ картошку туда і звер'ха ставили та'к'ї палки/ шоб воздух шо'ї/ і укривали со'ломују/ по'тому зем'л'оју/ а зараз кл'ї'їонкују/ так луч'є храниц'їя св'їкла і*

морква (Стурз., від Панько М. П., 1947 р. н.). Таким чином, спостерігаємо процес звуження семантики: житло → погріб → яма.

4. Варіативність вживання лексем, які реалізують одну семему, у мовленні інформаторів різних вікових груп, наприклад семема 'місце, на якому стоїть хата з господарськими будівлями', виражена такими лексемами: *місце* — *тут по'строїв хату/ на чім м'іст'і* (Н. Ф.); *го'род* — *оці'шо го'роди нам да'вали с кол'хоза* (П.); *по'дв'ір'а* — *на мо'їм по'дв'ір'і вс'о са'ма робл'у* (У.); *план* — *туд'і де план да'ли/ там і п'ідн'і'мали ха'ти* (Рек.); *участок* — *ко'жен ма'ї свій участок* (Стурз.); *осад'ба* — *то'ди/ це при ру'мин'ї/ була ру'минс'ка власт'/ мали осад'би/ м'есто дл'а по'строїки ха'т'ї* (Рек.). Лексеми *місце* та *осад'ба* зафіксовані лише у мовленні інформантів старшого віку. Молодь найчастіше вживає назви *план*, *участок*, *по'дв'ір'а*. Семема 'прибудова до основної будівлі' реалізується в таких лексемах: *подна'в'ес* (Н. Ф.), *кла'даука* (Н. Ф.), *кла'довочка* (Н. Ф.), *шопа*, *при'строїка до ха'ти* (Помпа, Сув., Поп.), *скат* (Цамб.), *пошур* (Цамб.). На позначення семени 'неопалювана невелике приміщення в житловому будинку або окрема прибудова біля хати для зберігання їстівних припасів, різних речей' зафіксовано вживання таких номенів: *кла'доука* (Н. Ф.), *кла'довочка* (Н. Ф.), *ан'т'ірик* (Помпа, Сув., Поп., Стурз.), *ко'мора* (Помпа, Сув., Поп., Стурз.), *комна'тушка* (Стурз.), *ган'баник* (Стурз.), *скла'довка* (Рек., Свердлов.)

5. Наявність синонімічних рядів у межах говірки одного села, наприклад у с. Нові Фундури Глодяньського р-ну найменування *ко'лодець*, *ко'лод'ез*, *кир'ниця*, *жура'вел* вживані на позначення семени 'захищена від обвалів зрубом вузька глибока яма, яка служить для добування води з водоносних шарів землі'; у с. Садове Бельцького р-ну лексеми *лан'цух*, *трос*, *в'їр'овка*, *цеп*, *тросик* виступають синонімами лексико-семантичного варіанта 'канат або ланцюг для витягання відра з водою з криниці'.

6. Наявність чималої кількості східнороманізмів та східнослов'янізмів (росіянізмів) як наслідок міжмовних контактів та мовних інтерференцій. У досліджених говірках зафіксовано молдаванізми та румунізми безпосереднього запозичення, тобто такі, що увійшли до складу українських говірок півночі Молдови зі східнороманських мов у майже незмінному вияві та тотожною семантикою, напр.: *соба* (від сх.-ром. *sobă*) — 'піч', *із'вор* (від сх.-ром. *izvor*) — 'джерело криниці', *кумпена* (від сх.-ром. *sitrăină*) — 'журавель колодязя', *ка'руца* (від сх.-ром. *căruță*) — 'віз' тощо; опосередковані запозичення, тобто східнороманізми, які поширилися у сучасних українських говірках півночі Молдови за посередництвом інших мов, напр.: лексема *хлака* (пор. сх.-ром. *clacă*) — 'одноразова праця гуртом для швидкого виконання великої за обсягом роботи, на яку скликають сусідів, родичів, товаришів (без оплати, а за частування)', хоча і запозичена зі східнороманських мов, проте має слов'янське коріння, наявна у більшості слов'янських мов (серб., хорват., словен., чes. *tlaka*, пол. *łoska*, болг. *тлака*, рос. й укр. *толока*) [ЕСУМ 2, с. 453]. Лексема *ко'либа* (від сх.-ром. *colibă*) у досліджених говірках репрезентує семему 'житло, вкопане в землі; землянка', етимологічний аналіз зазначає грецьке походження та проникнення її в українську та західнослов'янські мови через східнороманське посередництво, куди у свій час прийшла з грецької через східнослов'янські мови [ЕСУМ 2, с. 510].

Значне поширення в українських говірках півночі Молдови росіянізмів віддзеркалює вплив на живе мовлення російської мови, що активно функціонує на території Молдови, наприклад *ка'л'ітка*, *к'їр'їч*, *ко'мната*, *ново'сел'їє*, *при'хожа*, *ст'їкло*, *подо'ючник* тощо.

Отже, у лінгвістичному ареалі півночі Молдови активно функціонують українські говірки, диференційовані територіально та між віковими групами населення. Дослідження тематичної групи лексики житлового комплексу виявило чимало динамічних процесів, зумовлених лінгвальними та позалінгвальними чинниками, серед яких чільними є міжмовні контакти з молдово-, румуно- та російськомовним населенням, розвиток матеріальної культури, зменшеність кількості населення старшого віку.

Список скорочених назв обстежених населених пунктів

Берл. — с. Берлінці Бричанського р-ну, Біл. — с. Білявинці Бричанського р-ну, Богд. — с. Богданешти Бричанського р-ну, Григ. — с. Григорівка Синжерейського р-ну, Д. — с. Дану Глодяньського р-ну, Ё. — с. Ёгорівка Фалештського р-ну, Наг. — с. Нагоряни Рипканського р-ну, Нат. — с. Наталівка Фалештського р-ну, Н. Ф. — с. Нові Фундури Глодяньського р-ну, Окт. — с. Октябрське Синжерейського р-ну, П. — с. Пояна Єдинецького р-ну, Пом. — с. Помпа Фалештського р-ну, Поп. — с. Попівка Фалештського р-ну, Рек. — с. Режерія Рипканського р-ну, Сад. — с. Садове Бельцького р-ну, Св. — с. Свердловський Рипканського р-ну, Стурз. — с. Стурзовка Глодяньського р-ну, Сув. — с. Суворовка Фалештського р-ну, Т. — Тецкани Бричанського р-ну, У. — с. Унгри Окницького р-ну, Цамб. — с. Цамбула Синжерейського р-ну, Ябл. — с. Яблони Глодяньського р-ну.

Література

1. Григорчук Л. М. Горизонт лінгвістичного дослідження / Л. М. Григорчук // Українська історична та діалектна лексика. — К.: Наукова думка, 1995. — Вип. 2. — С. 154–168.
2. Гримашевич Г. І. Динамічні процеси в побутовій лексиці середньополіських говірок / Г. І. Гримашевич // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 1021. Серія: Філологія. — Харків, 2012. — Вип. 66. — С. 139–143.
3. Гриценко П. Ю. Передмова / П. Гриценко // Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуїванюк. — Чернівці: Рута, 2005. — С. 3–4.
4. Гриценко П. Ю. Межір'ччя Дністра і Дунаю у світлі лінгвістичної географії (стан і пріоритети) / П. Ю. Гриценко // Науковий вісник Ізмаїльського ДГУ. — Ізмаїл, 2006. — Вип. 21. — С. 3–16.
5. Кожухар К. С. Українські говірки в Республіці Молдова (загальна характеристика фонетичної системи) / К. С. Кожухар // Українці Молдови. Історія і сучасність. — Кішинів, 2008. — С. 89–108.
6. Костів О. Вияви динаміки в Атласі української мови / О. Костів // Вісник Львівського університету. — 2008. — № 46. — С. 115–120.

7. Степанов В. Этносоциальные ценности украинцев в современной Молдове (по материалам этносоциологических исследований) / В. Степанов // Матеріали Міжнар. наукової конференції «Українці в Молдові, молдовани в Україні: етносоціальні процеси». — Кишинів, 2008. — С. 87–96.

* * *

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови*: в 7 т. — К.: Наукова думка, 1982–2012.

СУМ — *Словник української мови*: в 11 т. — К.: Наукова думка, 1970–1980.

DER — *Dicționarul etimologic român* / Alexandru Ciorănescu. — Tenerife: Universidad de la Laguna, 1958–1966.

DEX — *Dicționar explicativ al limbii române*. — Ediția a II-a. — București: Univers enciclopedic, 1998. — 1194 p.

References

1. Grygorchuk L. M. Goryzont lingvistycznego doslidzhennya / L. M. Grygorchuk // *Ukrains'ka istorychna ta dialektna leksyka*. — K.: Naukova dumka, 1995. — Vyp. 2. — S. 154–168.

2. Grymashevych G. I. Dynamichni protsesy v pobutovy leksytsi seredn'opolis'kykh govirok / G. I. Grymashevych // *Visnyk Kharkivs'kogo natsionalnogo universytetu im. V. N. Karazina*. № 1021. Ser.: Filologiya. — Kharkiv, 2012. — Vyp. 66. — S. 139–143.

3. Grytsenko P. Yu. Peredmova / P. Grytsenko // *Slovnnyk bukovyns'kykh govirok / za zag. red. N. V. Guyvanyuk*. — Chernivtsi: Ruta, 2005. — S. 3–4.

4. Grytsenko P. Yu. Mezhyrichchya Dnistra i Dunayu u svitli lingvistychnoi geografii (stan i priorityty) / P. Yu. Grytsenko // *Naukovyi visnyk Izmail's'kogo DGU*. — Izmail, 2006. — Vyp. 21. — S. 3–16.

5. Kozhukhar K. S. Ukrains'ki govorky v Respublitsi Moldova (zagal'na kharakterystyka fonetychnoi systemy) / K. S. Kozhukhar // *Ukrainiansi Moldovy. Istoriya i suchasnist'*. — Kyshyniv, 2008. — S. 89–108.

6. Kostiv O. Vyyavy dynamiky v Atlasi ukrains'koi movy / O. Kostiv // *Visnyk Lvivs'kogo universytetu*. — 2008. — № 46. — S. 115–120.

7. Stepanov V. Etnosotsialnye tssenosti ukraintsev v sovremennoy Moldove (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniy) / V. Stepanov // *Materialy Mizhnar. naukovoi konferentsii «Ukraintsi v Moldovi, moldovany v Ukraini: etnosotsialni protsesy»*. — Kyshyniv, 2008. — S. 87–96.

* * *

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови*: в 7 т. — К.: Наукова думка, 1982–2012.

СУМ — *Словник української мови*: в 11 т. — К.: Наукова думка, 1970–1980.

DER — *Dicționarul etimologic român* / Alexandru Ciorănescu. — Tenerife: Universidad de la Laguna, 1958–1966.

DEX — *Dicționar explicativ al limbii române*. — Ediția a II-a. — București: Univers enciclopedic, 1998. — 1194 p.

Игнатенко Диана Анатольевна,

аспирант кафедры украинского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина; e-mail: diana.ignatenko@mail.ru; тел.: +38(048)746-56-97

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ НА СЕВЕРЕ МОЛДОВЫ: ЛЕКСИКА ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. В статье проанализированы динамические процессы, которые происходят в украинских говорах на севере Молдовы. Указанная территория представляет большой научный интерес из-за исторического проживания на ней этнических украинцев в условиях иноэтнического окружения. Украинская диаспора, отдалённая от источников литературного украинского языка, не только сохранила родной язык в определённой консервации, но и оказалась под влиянием других языков, в частности румынского, молдавского и русского, что проявилось в многочисленных языковых интерференциях. Наибольшее влияние испытала бытовая лексика ежедневного использования. Поэтому в статье рассмотрена тематическая группа лексики жилого комплекса, в пределах которой определена дифференциация отдельных номинаций в речи диалектоносителей разных возрастных групп, описаны результаты изменений семантики некоторых лексем, а также проанализировано функционирование лексем восточнороманского и славянского происхождения. Доказано, что исследованные проявления динамики обусловлены как лингвальными, так и экстралингвальными факторами, среди которых основными являются межъязыковые контакты с румыноязычным и русскоязычным населением, развитие материальной культуры, уменьшение численности населения старшего возраста.

Ключевые слова: украинская диалектология, говор, тематическая группа лексики, лексема, сема, динамические процессы, север Молдовы.

Diana A. Ignatenko,

postgraduate student of the Ukrainian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov national university; Odessa, Ukraine; e-mail: diana.ignatenko@mail.ru; тел.: +38(048)746-56-97

DYNAMICS OF RESIDENTIAL COMPLEX NAMES IN UKRAINIAN DIALECTS IN THE NORTH OF MOLDOVA

Summary. The article analyzes the dynamic processes that occur in the Ukrainian dialects in northern Moldova. These areas present a great scientific interest because of the historic residence there of the ethnic Ukrainians in the conditions of a different ethnic environment. Ukrainian diaspora, distant from the sources of the literary Ukrainian language, has not only retained their native language in a certain conservation, but is also influenced by other cultures and languages, including Romanian and Russian, which has been manifested in numerous language interference. The household vocabulary of daily use experienced the greatest impact. Therefore, this article discusses the thematic group of residential complex vocabulary and marks the differentiation of individual nominations in the speech of dialect-informants from different age groups. It describes changes of some lexemes semantics, and also analyzes the functioning of lexemes of Romanian and Russian origin. It is proved that the investigated manifestations of dynamics are caused by both lingual and non-lingual factors, among which the main factors are interlingual contacts with the Romanian and Russian-speaking population, the development of material culture, the decrease in the number of older people.

Key words: Ukrainian dialectology, dialect, thematic group of vocabulary, lexeme, seme, dynamic processes, the north of Moldova.

Стаття отримано 17.11.2013 р.

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ ТА ПРАГМАТИКИ

УДК 81'42:165.191

ВАЛЕЕВА Людмила Владимировна,кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського, слов'янського і загального мовознавства Таврицького національного університету ім. В. Й. Вернадського; Сімферополь, Україна;
e-mail: valeev-my@mail.ru; тел.: +38(0652)54-27-90; моб.: +38-067-262-99-32

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИКИ МИФЕМЫ В ПРОГНОСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье исследуются языковые средства прогнозирования. Дана характеристика предсказательной деятельности человека и продемонстрировано место прогностических элементов в обыденном сознании. Рассмотрена мифологическая картина мира как информационная прогностическая матрица. В прогностическом тексте выделена мифема — особая языковая единица, кодирующая мифологическую информацию. Рассмотрены мифемы культурно-исторического направления и социально-идеологической направленности. Мифемы первого типа являются эксклюзивными языковыми номинациями мифологизированного бытия и обозначают вымышленные объекты ономастического пространства в мифах и сказках. Мифемы социализированного типа являются вторичными номинациями и привязаны к прагматическим способностям порождающего имени. Дан анализ прототипических и контекстуально обусловленных семантических свойств мифем обоих типов в текстах астрологического прогноза.

Ключевые слова: прогностический текст, миф, мифема, семантика, прагматика, языковой знак, астрологический прогноз.

Постановка проблемы. Прогноз представляет собой уникальную информационную систему, характеризующуюся переплетением интуитивного и логического подходов к распознаванию и использованию знаний. В ней органично сочетаются научная практика, творческое начало и аффективное поведение. В нашей повседневной действительности и культурном пространстве существует огромное количество прогностических текстов. Основная прагматическая установка прогностического текста заключается в понимании и выстраивании будущего с целью более глубокого анализа настоящего. Данный текст реализуется при помощи разнообразных вербальных, невербальных или креолизованных средств.

Изучение прогностических текстов тесно связано с новым направлением — лингвопрогностикой, которое изучает особое языковое пространство, образуемое в процессе текстопорождения и текстовосприятия. В этой парадигме текст предстаёт как проявление свойств вербализованного прогностического опыта, то есть как множество интерпретаций. Причиной появления лингвопрогностики послужила гипотеза о том, что любой фрагмент текста (от морфемы до высказывания) обладает прогностическим потенциалом. Каждый слушающий может предвосхитить появление той или иной текстовой единицы.

Вопросам изучения прогностических текстов в рамках гуманитарного цикла наук уделялось незначительное внимание, однако в последнее время наблюдается интерес к разработке этого направления. В диссертации Д. Куталева «Астрология как историко-культурный феномен» (1996) астрологический прогноз фрагментарно рассматривается с культурологической точки зрения. В диссертации Е. Р. Савицкайте «Дискурсивные характеристики прогностических текстов: на материале немецких гороскопов» (2006) было проведено исследование дискурсивных особенностей прогностических текстов на материале гороскопов на немецком и русском языках с целью характеристики категории авторитетности. В данной работе впервые была приведена подробная типология текстов прогнозирования. А. А. Князева в диссертационном исследовании «Англоязычные прогностические тексты: структура, семантика, прагматика» (2011) рассматривает типологические характеристики и выявляет основные способы речевого воздействия рассматриваемых текстов. В. И. Лопатина в диссертации «Экспериментальное исследование прогностического функционирования текстовых единиц» (2005) представляет развивающееся междисциплинарное направление психолингвистики — лингвопрогностическое, которое требует тщательного изучения проблем, уточнения терминов, разработки методов её исследования.

Прогностические тексты демонстрируют представления, относящиеся к разным способам предвосхищения, проекции опыта на будущее, прогнозирования и построения в соответствии с социальными идеалами или объективными закономерностями. И. А. Асеева отмечает, что предсказательная деятельность человека берет начало в способности опережающего отражения действительности. Исследователь систематизирует несколько вариантов будущего: в обыденном предвосхищении — предугаданное будущее; в религиозных системах — предопределенное будущее; в утопиях — желаемое будущее; в фантастике — возможное будущее; в классических научно-философских концепциях — вероятное будущее; в постнеклассической науке — конструируемое будущее. Любой компонент общественной практики содержит прогностические элементы, от личных предчувствий до специальных

выражений в обиденной речи, мифологических представлений и коллективных принципов идеального поведения [1].

Прогностическая текстовая единица обращена к внерациональному знанию, основанному на вере в самоочевидность и самодостаточность окружающего мира. Мифологическая картина мира как информационная прогностическая матрица аккумулирует колоссальный социогенетический, культурный, исторический опыт и опосредует социальное поведение. Она упрощает и ассимилирует социально обусловленные представления о мире. Миф концентрирует правила поведения, являясь очевидным и естественным.

Миф как одно из востребованных средств прогнозирования и выстраивания будущего привлекал многих исследователей — Р. Барт, Л. Бенуас, Е. В. Галанина, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, В. М. Найдыш, В. М. Пивоев, А. А. Потебня, Е. А. Селиванова, Н. В. Слухай, М. И. Стеблин-Каменский, А. Л. Топорков, М. Элиаде и мн. др. Изучение роли языковых единиц мифа в вербализованной структуре прогностической практики до настоящего времени носило эпизодический характер.

Цель исследования — описать особенности семантики мифемы как языковой единицы особого программирования в прогностическом тексте.

Многообразие подходов к изучению будущего характеризует механизм вербализации предвидения и обоснования представлений о будущем как синергетическую процедуру. Сложная структура прогностической практики включает рациональные и внерациональные, интуитивные и дискурсивные фрагменты и базируется, с одной стороны, на четких и логически обоснованных схемах объяснения неизвестного через известное, с другой стороны, на не всегда понимаемых ощущениях субъективной значимости информации, на сложных схемах аналогий, на закрепленных поведенческих и ритуальных формах. Интерпретативная составляющая прогностической практики, по мнению И. А. Асеевой, служит для сохранения оптимистического настроения, единения семьи, общества, воспитания нравственных ценностей, успешной деятельности. Если в будущем ожидают неприятности и беды, то их можно попытаться избежать или успеть к ним подготовиться [1]. Потенциал элементов прогностики используется для поддержания социальной и индивидуальной гармонии.

В ситуации прогнозирования, наряду с прогнозирующим субъектом, выделяются причины и средства прогнозирования. Совокупность причин, влияющих на становление будущего, называют прогностической ситуацией [1]. Механизм вербализации предвосхищенного будущего в прогностический текст предполагает существование причин, связанных с осознанием значимости события для ситуаций в будущем, с осознанием вмешательства одного субъекта или группы лиц во время процедуры выбора варианта будущего, с предположением о неясных факторах, способных оказать воздействие на будущее. В группе вербальных инструментов прогностической практики важны языковые единицы, которые представляют значимый опыт, накопленный человеком, универсалии, закрепленные в общеизвестных понятиях и символических образах, и реакции, детерминированные актуальным настоящим.

В языке существует языковые единицы, накапливающие опыт выражения дискурсивных и спорадических прогностических практик. Спорадические практики не нуждаются в обосновании вербальной картинки будущего и не требуют поэтапного описания появления предчувствия. Дискурсивная прогностическая практика в соответствии с экономическими, политическими, историческими, культурными и т. д. особенностями выполняет программирование реакций членов общества.

Мифотворческая деятельность опирается на уникальную способность человека перцептивно и интуитивно познавать мир, а также в ситуации эмоционального переживания, жизненного кризиса замещать логику ассоциациями, поддерживающими убеждения в успехе. При этом наблюдается аксиологическая оценка ситуации. Модель мифологического образа, включающая гуманистическую основу и вероятное враждебное окружение, отражена в древнейших мифологических сюжетах и в современных мифологических представлениях, предписанных и созданных идеологической системой.

История вербализации мифотворческой деятельности включает два взаимосвязанных, но самостоятельных направления, соответствующие культурно-исторической традиции и социально-идеологической проблематике.

В качестве основной единицы языковой репрезентации мифа называем мифему и считаем ее минимальной языковой единицей, кодирующей мифологическую информацию [2]. Мифемы культурно-исторического направления являются мифологическими онимами первичного типа и представляют в языке вымышленные объекты любой сферы онوماстического пространства в мифах и сказках (мифонимами в соответствии с классификацией Н. В. Подольской [8]). Данную группу мифем следует назвать эксклюзивными языковыми номинациями мифологизированного бытия, демонстрирующими смоделированные по законам материального мира сущности и события (*Антей, Асмодей, Беовульф, Лель, Кассандра, суккубы, нимфы* и т. д.).

Мифемы социально-идеологической направленности являются языковыми единицами, способными к вторичным ассоциациям и привязанными к прагматическим способностям порождающего имени. Мифемы данного типа представлены трансцендентной лексикой, которая номинирует запредельные, идеальные понятия — «высшие сущности», демонстрирующие познание смысла жизни и смерти, добра и зла, истины и лжи, успеха и неудачи, красоты и безобразия и т. д. Языковые единицы *радость, свобода, судьба, страдание, забвение, лень* и т. п. суммируют опыт в рамках определенной культуры и формируют внерациональное субъектно-социумное познание. Мифемы данного типа тесно взаимодействуют с различными социальными практиками и репрезентируют субъективный и интерсубъективный опыт.

Группу мифем социализированного типа представляют языковые единицы, появившиеся в результате десакрализации. Понятие сакрального неоднозначно и формируется системой религиозной, священной, табуированной и мистической лексики. Наиболее известной и семантически изолированной является религиозная лексика, так как оформляет убеждения о Божественной сотворенности мира и связана со специальной лексикой (*апостол, благословение, Богородица, Иуда* и т.п.). Область священного и вследствие этого табуированного знания представляет сакральное как верификацию духовности. Наблюдается символизация ключевых для сакрального знания и важных для религии, идеологии, литературы слов (*Голгофа, спаситель*). Мистический мир признает человека властелином природы и пользуется двойными стандартами. Мистицизм предполагает существование тайного знания для избранных и, соответственно, делит людей на тех, кто управляет событиями, и тех, кто покорно идет по указанному пути.

Одними из вербальных единиц, используемых для концептуализации и оценки действительности, для формирования социальной рефлексии и соответствующего прогностического опыта, являются прецедентные имена (*Казанова, Петр Первый, Гитлер* и т.д.).

Группу дискурсивно маркированных, прагматически инструментальных мифем представляет лексика с семантикой генерализации (*власть, деньги, информация, интуиция* и под.).

Прогностический потенциал мифемы соответствует прагматическому ресурсу текста. Прогностические тексты представляют собой монотематические образования (метеопрогнозы, гороскопы) и политематические (футурологические тексты и тексты о предсказании будущего) [4]. Критерий сферы коммуникативной деятельности различает тексты о предсказаниях будущего (прорицания, пророчества, предсказания, гадания); футурологические тексты, содержащие политические, экономические, социологические и другие виды прогноза; метеорологические прогнозы и астрологические прогнозы (гороскопы) [8].

Гороскоп, по мнению В. Е. Чернявской, персуазивный текст, для которого манипулятивное воздействие на читателя является ведущей текстообразующей характеристикой. Астрологический текст базируется на субъективной интерпретации, не подтверждаемой реальными связями между событиями, явлениями. В. Е. Чернявская подчеркивает, что гороскоп не содержит научного анализа реальной действительности и не представляет научного знания как такового, а только заимствует некоторые объективные фактические данные [9]. Гороскоп опирается на тематические сферы, способствующие установлению доверительного способа общения. Вербальные знаки репрезентируют стратегии установления искусственно конструированных связей между реальными фактами и суждениями в виде рекомендаций и предписаний. Действенность и востребованность астрологического прогноза достигается активностью мифемы в структуре прогностического текста. При этом мифема внедряет в сознание установки, отношения и оценки не как объективированное и аргументированное знание, а как моделированную, создающую привлекательный образ вербализованную модель предвосхищенной реальности.

Иллюзорная модель действительности достигается посредством мифем, обращенных к культурной памяти языкового коллектива. Мифологические языковые знаки первичного типа семантически связаны с магической сферой.

На этот раз коррекцию планов на новый лунный месяц проводите с учетом ретроградности Меркурия. (Меркурий — бог прибыли и обогащения, а позднее бог торговли, проводник душ в мире мертвых, вестник и прислужник богов, покровитель искусств и ремесел, знаток тайн магии и астрологии [5, с. 354]).

Импликационная основа вербального знака *Меркурий* мотивирована культурно-исторической рефлексией участников коммуникативного действия. Астрологический текст реанимирует синтагматику мифонима *Меркурий*, утверждая закрепившееся в языковом сознании восприятие *Меркурия* как знака интеллектуальной энергии. Как отмечают многочисленные источники по астрологии, с давних времен наблюдатели над планетой *Меркурий* связывали ее с быстротой и проворством. Поэтому имя молодого и быстрого посланника богов *Меркурий* стало вербальным двойником астронима *Меркурий*. В прогностическом тексте мифема *Меркурий* является семантической трансформацией астронима и правопреемником языковой единицы, репрезентирующей классический миф. Данное имя кодирует оценки, связанные с недолгим ожиданием и обязательным достижением желаемого результата. Социокультурный опыт объединяет данный тип оценок со знанием, памятью, мастерством, хитростью. Таким образом, мифема *Меркурий* в прогностических текстах представляет семантический каркас знаний, связанных с быстрой реакцией, рассудительностью и умением формулировать эти знания.

Мифемы социально-идеологического типа являются группой вторичных языковых знаков активного коммуникативного действия.

Рассматривая текст астрологического прогноза как набор элементов, отображающих социальную структуру, мы выявили интенсивность использования мифем, обращенных к трансцендентной лексике и к словам с семантикой генерализации.

Широкое поле семантической интерпретации представляет мифема *деньги* и ее эквиваленты в тематическом поле «финансовая сфера». Эта сфера связана с профессиональной деятельностью и может быть соотнесена и с бюджетом семьи, и с бизнес деятельностью. В прогностических текстах эта сфера представлена стандартными фразами *дополнительный доход, финансовые вопросы, финансовые операции, денежные доходы* и языковыми номинациями высокой степени абстрактности. Конкретизация осуществляется в зависимости от контекста, в котором употреблена определенная фраза, причем для более эффективного ее использования автору выгодно употреблять «размытый» контекст — так

полученная информация будет структурироваться интерпретатором в соответствии со своеобразием материального мира, который его окружает: *Финансовые операции обещают быть успешными, зотя и не настолько, насколько вам хотелось бы. Однако, чем меньше вы будете озабочены ростом своего материального благополучия, тем больше возможностей представится.*

Мифема *деньги* активно тиражируется в качестве определителя тематической группы астрологических прогнозов: денежный гороскоп, финансовый гороскоп, лунный гороскоп денег, гороскоп миллионера и т. п. «Деньги — средство индивидуальной жизни и индивидуальной игры. Частная собственность принадлежит одному. Коллективизм подрывает свободу поиска, свободу фантазии, свободу риска. Коллективизм в мире денег неэффективен» [3, с. 121].

Мифема *деньги* в языковом сознании обладает сложной семантикой. В религиозной традиции деньги есть универсальное зло. В культурной традиции отношение к деньгам неоднозначно, но чаще деньги являются символом страдания и трагичности. Для экономики деньги — это пища, возделенная вершина и манящая даль предпринимателя. «Это всегда благо, ибо в чисто экономической реальности деньги оказываются главной ценностью, а направленность их движения — главным законом» [3, с. 184].

В прогностических текстах мифема *деньги* формирует образ денег как путь к свободе, успеху, как возможность делать добро другим и самореализовываться. *Для Раков деньги — это защита от невзгод. Это очень правильное и выгодное отношение, у которого есть только один минус. Если постоянно думать о том, как с помощью денег вы оградите себя от проблем, то проблем будет все больше.*

Мифема *деньги* представляет пример эмоциональной и интеллектуальной экспансии, так как структурирует окружающую действительность не в соответствии с культурными традициями, а по законам современного экономического общества.

Вы не прогадаете, если доверитесь интуиции; прислушайтесь к интуиции — тогда вы будете принимать такие решения, которые обеспечат успех; на новой неделе вы можете воспользоваться интуицией для решения многих вопросов; придется призвать на помощь свою интуицию и мудрость.

Интуиция — простейшая физическая функция, постижение истины без доказательств; быстрое умозаключение; обобщение в образной форме непознанных связей, закономерностей. Интуитивное поведение — это естественная человеческая склонность делать выводы на основе неполной информации и неполных операций. Интуиция заменяет недостающие знания для получения выводов, подтверждаемые достижением консенсуса [6, с. 140]. В прогностических текстах языковой знак *интуиция* утрачивает семантику мысленного озарения вследствие недостатка знания и закрепляется как новая языковая единица с семантическим каркасом — концентрация успеха, опыт благополучного и мотивированного завершения какого-то вида деятельности, используется как эквивалент *мудрости*. Мы наблюдаем утверждение мифемы — знака вторичного семиозиса. Семантика мифемы, никак не подкрепленная значением знака, связанного с рациональной, объективированной, естественнонаучной деятельностью, представляет новую сконструированную, социально детерминированную единицу, позволяющую манипулировать реципиентом.

Мифемы, генетически восходящие к трансцендентной лексике, создают эмоционально-этический план прогностического текста и усиливают эффективность вербализованной картинки будущего. Мифемы *любовь, счастье, успех, удача, мечта* опираются на чувственный опыт и личностные представления и способствуют положительному восприятию прогноза.

Займитесь лучше своей любовью-морковью, поливайте её и подкармливайте так, чтобы она не завяла и принесла вам хороший урожай. И, кстати, некоторым близнецам и прополка не помешает — наверняка найдутся в ваших отношениях «сорняки», которые давно пора удалить;

счастье не за горами, нужно просто в него поверить;

успех непременно придет, если вы будете настроены решительно;

начиная с вечера пятницы удача на вашей стороне;

на этой неделе вы способны осуществить на практике свои мечты.

Активное использование в прогностических текстах прагматически активных языковых средств делает сообщения, направленные на широкую аудиторию, востребованными и привлекательными.

Вывод. Прогностический текст является интегративной структурой, так как занимает особое место в массмедийном, магическом, религиозном, политическом, научном и других дискурсах, одновременно объединяя дискурсивные практики семантикой предвосхищения и предчувствования и устанавливая тематическую направленность и обоснованность прогноза.

Семантика прогнозирования сохраняет аксиологические ориентиры культурного развития и проектирует новые варианты социальных и культурных установок. Они опираются на познавательную деятельность человека, включающую естественнонаучное и мифологическое мышление. Вербальное оформление представлений о будущем происходит с помощью мифемы — минимальной языковой единицы, кодирующей мифологическую информацию.

Мифема — сложный языковой знак, так как учитывает многовекторность мифологического восприятия и его связь с культурно-исторической традицией и социально-идеологической проблематикой. В текстах астрологического прогноза выделены мифемы обоих типов. Отмечены существенные изменения семантического каркаса мифемы и одновременно наличие прототипических компонентов в семантической структуре языковой единицы, что свидетельствует о её вторичной семиотической природе.

Литература

1. *Асеева И. А.* Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: спец. 09.00.08 «Философия науки и техники» [Электронный реурс] / И. А. Асеева. — М., 2009. — Режим доступа: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a236.php>.
2. *Валева Л. В.* Терминосистема лингвистических исследований мифа / Л. В. Валева // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. — Симферополь, 2011. — Т. 24 (63), № 2, ч. 3. — С. 212–222.
3. *Глузман С. А.* Деньги в мифологическом сознании человека: вчера и сегодня / С. А. Глузман. — С. Пб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. — 192 с.
4. *Князева А. А.* Англоязычные прогностические тексты: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 10.02.04 — германские языки / А. А. Князева. — Тольятти: ОАНО ВПО Волжский ун-т им. В. Н. Татищева (институт), 2011. — 24 с.
5. *Мифологический словарь* / [гл. ред. Е. М. Мелетинский]. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 672 с.
6. *Новая философская энциклопедия*. В 4 т. Т. 2 / [Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд]. — М.: Мысль, 2010. — 634 с.
7. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1978. — 198 с.
8. *Савицкайте Е. Р.* Дискурсивные характеристики прогностических текстов: на материале немецких гороскопов: автореф. дис. ... канд. филос. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е. Р. Савицкайте. — Воронеж, 2006. — 23 с.
9. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 136 с.

Валева Людмила Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського, слов'янського та загального мовознавства Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського; Симферополь, Україна;
e-mail: valeev-my@mail.ru; тел.: +38(0652)54-27-90; моб.: +38-067-262-99-32

ЛІНГВОПРАГМАТИЧНІ ПІДСТАВИ СЕМАНТИКИ МІФЕМИ У ПРОГНОСТИЧНОМУ ТЕКСТІ

Анотація. У статті досліджуються мовні засоби прогнозування. Дана характеристика пророчої діяльності людини і продемонстровано місце прогностичних елементів у буденній свідомості. Розглянута мифологічна картина світу як інформаційна прогностична матриця. У прогностичному тексті виділено міфему — особливу мовну одиницю, що кодує мифологічну інформацію. Розглянуто міфему культурно-історичного напрямку та соціально-ідеологічної спрямованості. Міфема першого типу є ексклюзивними мовними номінаціями мифологізованого буття і позначають вигадані об'єкти ономастичного простору в міфах і казках. Міфема соціалізованого типу є вторинними номінаціями і прив'язані до прагматичних здібностей породжувального імені. Виконано аналіз прототипових і контекстуально зумовлених семантичних властивостей міфем у текстах астрологічного прогнозу.

Ключові слова: прогностичний текст, міф, міфема, семантика, прагматика, мовний знак, астрологічний прогноз.

Lyudmila V. Valeieva,

Candidate in Philological Sciences, Ass.Prof. of the Chair of Russian, Slavonic and general linguistics of Taurida National V. I. Vernadsky University; Simferopol, Ukraine;
e-mail: valeev-my@mail.ru; тел.: +38(0652)54-27-90; моб.: +38-067-262-99-32

LINGUOPRAGMATIC BASICS OF MYTHEMA SEMANTICS IN THE PROGNOSTIC TEXT

Summary. The language means of prognostication are investigated in the article. A characteristic of human's predictive activity is given, and the place of predictive elements of ordinary consciousness is shown. We consider the mythological picture of the world as a prognostic information matrix. In the prognostic text we define the mytheme — a specific language unit encoding mythological information. Mythemes of cultural and historical types and social-ideological orientation are considered. Mythemes of the first type are exclusive language nominations of the mythological existence and represent fictional objects of the onomastic space in myths and fairy tales. Mythemes of the socialized type are secondary nominations and are tied to the pragmatic abilities of the generative name. The article analyses the prototypical and the contextually-related semantic properties of mytheme in the texts of astrological forecast.

Key words: prognostic text, myth, mytheme, semantics, pragmatics, language sign, astrological forecast.

Статтю отримано 19.11.2013 г.

УДК 811.512.1'373.45

РУСТЕМОВ Олег Дмитриевич,кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Крымского инженерно-педагогического университета; Симферополь, Украина;
e-mail: biblos@ukr.net; тел.: +38-099-736-82-73

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И КЛАССИФИКАЦИИ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена обзору основных проблем изучения тюркских заимствований в русском языке, вопросам их распознавания, этимологии и классификации. Рассмотрена проблема собственно квалификации тюркизов, пришедших в русский язык не из тюркских языков, а также иноязычных слов, проникших в русский язык посредством тюркского языка и получивших в нём новую семантику. Анализируются слова, ранее не идентифицировавшиеся в отечественном языкознании как тюркизмы. Источником их обнаружения и описания могут быть иноязычные словари и работы, в которых имеются свидетельства перехода тюркских основ в другие языки (например, персидский), в случаях, когда такие основы имеют в русском языке сходные значения.

Ключевые слова: контактология, типологическая классификация, семантическая калька, тюркизм, арабизм, контактема.

Несмотря на глубокую и всестороннюю разработанность вопросов, связанных с изучением тюркских заимствований в русском языке, некоторые из них, тем не менее, не получили окончательных решений в современной лингвистике. К таковым относятся вопросы определения и классификации тюркизов. Целью настоящей статьи является попытка определить дополнительные источники и принципы обнаружения и распознавания тюркизов и предложить свой способ классификации последних.

Говоря об актуальности данной темы в контексте основных проблем исторической лексикологии, уместно привести слова Ф. П. Филина, который отмечал: «Нам должны быть известны основные закономерности, пути развития словарного состава от его начала до современного состояния. Более того, мы должны знать причины сложения каждого слова, время его возникновения (хотя бы приблизительно), изменение его значений, их связей со значениями других слов» [15, с. 3].

История изучения тюркско-русских языковых контактов как закономерного итога связей между этими народами имеет давнюю традицию. Многие из уже сделанного в области тюркских заимствований можно проследить по библиографии, составленной И. Г. Добродомовым и Г. Я. Романовой. В числе этих работ выделяется труд К. Г. Менгеса «Восточные элементы в “Слове о полку Игореве”» [8]. В контексте означенной темы представляют научный интерес факты и информация, содержащиеся в монографиях и статьях Н. И. Костомарова, П. Н. Савваитова, Н. А. Баклановой, К. В. Базилевич, А. С. Бежкович, В. А. Колчина, Т. В. Николаевой и др. Детальные и многогранные исследования тюркизов в русском языке стали появляться во второй половине XX века. Наиболее заметные в этой области труды В. И. Абаева, Н. А. Баскакова, И. Г. Добродомова, А. Д. Эфендиевой, Р. А. Юналеевой и др. В этот период появились словари тюркских заимствований в русском языке [1; 2].

Сформировался и новый, отличный от прошлого, взгляд на самую суть заимствования. Например, современные языковеды обращают внимание на возможность перехода из одного языка в другой не только слов, но и структурных элементов языка. Об этом говорится в работах Н. А. Баскакова, Л. П. Крыгина, Л. П. Ефимова, О. С. Ахмановой, Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной. Н. А. Баскаков заметил в этой связи, что в исследованиях по заимствованиям из тюркских языков совершенно не уделено внимания синтаксическим конструкциям типа «*давай-давай*», «*пошли*» и т. п. [1].

В общих чертах в Большом энциклопедическом словаре (Языкознание) заимствование определяется как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [3, с. 158]. Однако при всей емкости толкования оно все же не всегда универсально, и, как уже отмечалось в нашей статье, на сегодняшний день наблюдаются некоторые проблемы в области распознавания и классификации заимствований.

Существуют два варианта классификации лексических заимствований:

- 1) классификация по признаку давности заимствования;
- 2) типологическая классификация, основанная на степени освоенности лексических заимствований в заимствующем их языке.

Сторонником такой классификации является И. И. Огиенко. В основе классификации лексических заимствований по признаку давности он одновременно учитывает и степень распространения заимствования [10]. Суть его метода заключается в выделении заимствований, 1) давно вошедших и вполне усвоенных в русском языке; 2) слов иностранных, но употребляемых в языке довольно часто; 3) слов иностранных, в языке употребляемых не часто, суть — варваризмы.

С таким распределением не согласен Л. П. Крыгин, который называет этот принцип слишком условным и произвольным по причине того, что И. И. Огиенко берёт за основу только фонетический состав слова и его морфологическую форму [10], то есть внешние признаки слов.

Типологическая классификация заимствований базируется на понимании того, что лексические элементы переходят из лексической системы одного языка в другой не только в форме слова как такового, но и в виде калек. Таким образом, выделяются:

- 1) иноязычные слова вообще;
- 2) лексические кальки (от франц. — *calque* «копия на прозрачном листе, подражание»).

Полные лексические кальки в свою очередь делятся на словообразовательные и семантические. Словообразовательные кальки — это слова, возникающие в результате усвоения словообразовательной структуры чужих слов. Они представляют собой заимствование словообразовательного строения. По мнению лингвистов, «словообразовательными кальками называются также слова, в которых скопирована с иноязычного слова только его структура» [10, с. 89].

«Семантическими кальками называются исконно русские слова, получившие под влиянием иноязычных понятий новые переносные значения. В данном случае слова, имеющиеся уже в словарном составе русского языка, лишь расширяют объем своего значения, поэтому нового слова не возникает» [10, с. 90]. К таковым можно отнести «приобретенное» из тюркского языка «идёт» / «пойдёт» в смысле «договорились!» (ср. «келе» / «келиттик!» в крымскотатарском языке). В этом случае не происходит переход слова со своими структурными элементами, а только переход лексического значения иноязычного слова. Этот переход дает исконному эквиваленту новое переносное значение, в результате чего возникает новое заимствованное значение, а не новое заимствованное слово. Калькирование семантически возможно лишь в том случае, когда иноязычное и исконно русское слова имеют одинаковые прямые значения, например: тюрк. *тиймек* — «трогать, брать»; переносное — «волновать», «душу трогает» (ср. *джаныны тийди* — «обидел», букв. «душу тронул»).

Среди лексических калек в словарном составе русского языка существуют два варианта: полные и полукальки. Полукальки — слова, включающие в себя элементы иноязычного слова, которые соответствуют аналогичным словам языка-источника, например: сленговая единица *кореш*, возникшее из более древней формы *корешеваться* восходит к тюркскому *корюшмек* — «видеться, встречаться, общаться». В данном случае наблюдается трансформация тюркской грамматической основы при помощи морфологических единиц русского языка. Кальки можно наблюдать также и в топонимике, ср. *Пятигорск* от *Беитау*, названия рядом находящихся вершин.

Говоря о процессах и формах взаимовлияния русского и тюркских языков и о количественном и качественном составе лексических основ тюркского происхождения в русском языке необходимо определиться с самим термином — тюрко-язычное заимствование, а также коснуться вопроса языковых ситуаций, при которых происходили контакты и факты проникновения языковых элементов.

Согласно точке зрения А. С. Махмутовой [4], среди тюркских заимствований в русском языке выделяются следующие типы:

1. Тип «А» — тюркские заимствования, непосредственно вошедшие из тюркских языков в русский и представляющие собой изначально тюркскую первооснову.

2. Тип «В» — тюркские заимствования, вошедшие в русский язык посредством другого языка-посредника, где первооснова также является тюркской.

Сомнение вызывает третий тип «С», в который входят те заимствования, которые не являются собственно тюркскими основами, но идентифицируются так же, как иноязычные контактемы внутри самого тюркского языка. Эти заимствования, по разным причинам и в разное время вошедшие в тюркские языки, часто оказывались и в коммуникационном поле русского языка.

Из определения заимствования, приведенного нами в начале статьи, следует, что региональные заимствования представляют собой лексические либо иные проникновения в принимающий язык с помощью языка-посредника. В данном случае таким языком будет являться тюркский. Это же самое утверждение будет справедливо и для тех случаев, когда тюркское слово проникало в русский посредством иных языков. Такое слово необходимо идентифицировать как тюркизм. Так, например, слово *канат* в русском языке означает *веревка*. По утверждению Алишера Навои, это слово было воспринято сартами (иранцами, таджиками) от тюрков [9]. Но в тюркском языке *канат* означает «крыло». В данном случае *канат* был воспринят в его метафорическом значении как часть шатра, растягиваемая в разные стороны для придания ему устойчивости. Таким образом «крыло» шатра, натягиваемое в одну из сторон, стало означать и веревку, за которую это крыло тянули. Возможно, что логика заимствования здесь была одинаковая и, таким образом, русские, таджики и иранцы одинаково восприняли это слово от тюрков, именно в значении «прочная, толстая веревка». Но возможно и то, что слово это пришло в русский язык из персидского. Тем не менее и в первом, и во втором случае слово *канат* определяется нами как тюркизм.

Похожую судьбу Навои приписывает и слову *тур*, которое он переводит как «насед для птиц, представляющий собой перекладину на двух опорах» (сравни тюркское слово *тур* — стоять). Тюркское *тур* посредством персидского языка проникло в русский и уже здесь послужило основой для образования существительных *турник*, *турникет* и т.д. Но и это слово также определяется как тюркизм.

Сходная мысль в отношении классификации заимствований из тюркского языка, имеющих иноязычное происхождение, звучит в диссертационном исследовании Г. Н. Каримуллиной: «Под тюркизмами понимаются слова, пришедшие в русский язык из тюркских языков или через тюркские языки; т. е. слова, имеющие в своей истории тюркский этап» [6, с. 9].

Таким образом, в современном русском языкознании под тюркизмами понимается довольно широкий пласт лексических элементов. В него включаются, в том числе, и лексемы не тюркского происхождения, но освоенные первоначально в тюркском языке и лишь потом попавшие в русский.

Также тюркизмами считаются слова именно тюркского происхождения, но попавшие в русский язык из других языков (украинский, польский, персидский и т. д.). Однако если вторая часть общего определения представляется бесспорной, то первая вызывает сомнения на том основании, что слова иноязычного, например арабского, происхождения у авторов-тюркологов номинируются тюркизмами, а в исследованиях, посвящённых контактам арабского и русского языка, эти же самые слова — арабизмы. Например, слова *мечеть*, *минарет*, *казна*, *каблук* и др. в словаре Е. Н. Шиповой подаются соответственно как тюркизмы, с пометой *из ар.* (из арабского) [18].

В работе Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюба эти же слова определяются как арабизмы [16]. Из приведённого перечня лишь слово *каблук*, происходящее от арабской основы «*кап*» — «ёмкость», «*футляр*» (ср. *аякыгзап* — *обувь* / «*футляр для ноги*»), включает в себе действительно материальные следы (историю) пребывания в тюркском языке — суффикс свойства, выражающий общую универсальность или принадлежность к явлению или местности и т. п. — *-лук* (*-лык/-лик/-люк*). Все остальные слова практически не изменились (или незначительно изменились) в своей фонетике. Графически же эти слова стали различаться только недавно, в связи с переходом тюркских языков с арабского письма на кириллицу. Надо полагать, что подобная ситуация наблюдается и в отношении иранизмов. Здесь также наблюдается смешение понятий, например, как в упомянутом уже слове *амбар*, которое представляется в различной справочной литературе как тюркизм, но пришло из иранского языка.

Другой проблемой, также нуждающейся в разработке специальных методов и принципов, является проблема выявления тюркизмов как таковых в современном русском языке. Не всегда однозначно трактуются те или иные древние основы при попытке определить их генеалогию и исходное значение. Например, вышеупомянутые *канат* и *турник* ни в одном справочнике не значатся как тюркизмы, и только в труде Алишера Навои звучит объяснение того, как эти слова оказались в иранском языке. В свою очередь, уже эта информация наталкивает на мысль о схожести, если не идентичности, истории перехода данных слов в русский.

Из необъяснённых тюркских глаголов, вошедших в русский язык, укажем глаголы движения: *тащить* — *таскать*, восходящий к тюркскому глаголу *ташымак* (*носить*, *переносить* и т. д.) и производное от этого глагола — *тачка* (ср. татарское «*ташкы*»). Также глагол *тартать*, например, в разговорном выражении *оттартали на мазарки* — *отнесли на кладбище*. Этот глагол определенно восходит к тюркской основе *тартмак* — «перетаскивать, подталкивать и т. д.» При этом *мазарки* тоже является тюркизмом, правда, арабского происхождения: *мезар* — «могила».

Арабское слово *хардж* / *харчи* в тюркских языках, в частности в крымскотатарском и турецком, означает *трата*, *расход*. Это его исконное значение в арабском языке. Однако в тюркских языках это же слово употребляется в значении расхода на пропитание, ежедневные и обязательные траты, иногда звучит и как метафорическое обозначение провизии (*харчлык*, *харджам*). В русский же язык это слово вошло исключительно в своём переносном смысле — *провизия*, *еда*, *питание* [17, с. 364]. Особенно рельефно это проявилось в украинском языке, где слово *харчи* во многих случаях вытеснило собственно славянские корни (ср.: *харчовий комбінат* — *пищевой комбинат*).

Другой пример из разряда калек с тюркского языка. Смирнов в упомянутой нами работе в отношении переводной литературы с тюркских языков обращает внимание на неверный перевод таких выражений, как *баш устюне* и *баш урмак* [11, с. 39]. Первое означает полную и немедленную готовность выполнить поручение, повеление и буквально означает «*на голове*». Русские переводчики именно так буквально эту фразу и перевели, что вело к абсолютной бессмыслице. Такой же бессмыслицей был и перевод фразы *баш урмак* — «*бить голову*», означающей похожий фразеологизм, но с коннотацией «*подобострастно*», «*с поклоном*», «*в поклоне*». Например, выражение *баш урып салам* (то есть *кланяюсь тебе с приветом*) толмачи XIV-XV вв. переводили как «*лицом бьюсь привет тебе*», что конечно, не правильно. Обычно это выражение в крымскотатарском и турецком языках означало «*обращение с просьбой*», «*прийти на поклон*». Оно и сегодня бытует именно в этом значении. Это выражение прижилось в русском языке и до конца XIX века было расхожей фразой, означавшей, как и в тюркском, обращение с просьбой; оно послужило основой для образования слова *челобитная*.

Таких «потерянных» смысловых значений в заимствованных словах довольно много. За ними порой трудно бывает отыскать слово — начало, а это тоже одна из проблем, препятствующих в определении и классификации тюркизмов русского языка. Сегодня уже не во всех случаях существует возможность четкого определения источника заимствования, и даже его исходного значения. Кроме того, как выяснилось, в современной русской лексикологии не до конца разработан вопрос определения и классификации тюрко-язычных контактом, существуют размытые границы в понимании иноязычных в тюркских языках слова, перешедших затем в русский язык. Однако объём заимствованных тюркизмов действительно велик, что и определяет необходимость и актуальность проведения более подробных и настойчивых исследований в области их распознавания, этимологии и влияния на становление современного русского языка.

Литература

1. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. — М.: Наука, 1979. — 141 с.
2. Баскаков Н. А. Рецензия на работу Е. Н. Шипова «Словарь тюркизмов в русском языке» / Н. А. Баскаков, И. Г. Добродомов // Вопросы языкознания. — 1978. — № 1. — С. 137–140.

3. *Большой энциклопедический словарь. Языкознание* / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 687 с.
4. *Будагов Л. П. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий* / Л. П. Будагов. — С. Пб., 1869-1871. — Т. I–II. — (Репринт).
5. *Древнетюркский словарь* / сост.: Т. А. Боровков, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин [и др.]. — Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1969.
6. *Каримуллина Г. Н. Тюркские лексические элементы в русской лингвографии XVIII–XX веков: дис. ... канд. филол. наук* / Г. Н. Каримуллина. — Казань, 2007. — 350 с.
7. *Махмутова А. С. Лексика тюркского происхождения в древнерусской письменности XIII–XV в.в. (на материале ханских ярлыков и современных им памятников): автореф. дис. ... канд. филол. наук* / А. С. Махмутова. — Л., 1983. — 26 с.
8. *Менгес К. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»* / К. Менгес. — Л.: Наука, 1979. — 268 с.
9. *Навои А. Суждение о двух языках* / Алишер Навои. — Ташкент: ФАН, 1970. — 197 с. — (Собр. соч.: в 10 т.; т. 10).
10. *Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русском языке* / И. И. Огиенко. — 3-е изд. — М.: КД Либроком, 2012. — 136 с.
11. *Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты: в 2 т.* / В. Д. Смирнов. — М.: ИД Рубежи, 2005.
12. *Толковый словарь узбекского языка / Ўзбек тилининг изоҳли луғати: в 2 т.* — М.: Русский язык, 1981.
13. *Турецко-русский словарь. Türkçe-Rusça Büyük Sözlük. 48000 kelime.* — М.: Русский язык, 1977; İstanbul 1994. — 1022 с.
14. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* / М. Фасмер; [перевёл с нем. и дополнил чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачёв; ред. и авт. предисл. проф. Б. А. Ларин]. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1986.
15. *Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка* / Ф. П. Филин. — М.: Наука, 1981. — 326 с.
16. *Чаллыба Гази Махмуд Аль-Кадими. Арабизмы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук* / Чаллыба Гази Махмуд Аль-Кадими. — Воронеж, 2010. — 24 с.
17. *Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т.* / П. Я. Черных. — 7-е изд. — М.: Русский язык: Медиа, 2006.
18. *Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке* / Е. Н. Шипова. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1976.

References

1. *Baskakov N. A. Russkije familii tyurkskogo proiskhozhdeniya* / N. A. Baskakov. — M.: Nauka, 1979. — 141 s.
2. *Baskakov N. A. Retsenziya na rabotu Ye.N. Shipovoу «Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke»* / N. A. Baskakov, I. G. Dobrodomov // *Voprosy yazykoznanija.* — 1978. — № 1. — S. 137–140.
3. *Bol'shoy entsiklopedicheskij slovar'. Yazykoznanie* / gl. red. V. N. Yartseva. — M.: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. — 687 s.
4. *Budagov L. P. Sravnitelnyy slovar' turetsko-tatarskikh narechij: v 2 t.* / L. P. Budagov. — S. Pб., 1869–1871. — (Reprint).
5. *Drevnetyurkskiy slovar'* / sost.: T. A. Borovkov, L. V. Dmitrieva, A. A. Zyrin [i dr.]. — L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1969.
6. *Karimullina G. N. Tyurkskie leksicheskie elementy v russkoy lingvografii XVIII–XX vekov: dis. ... kand. filol. nauk* / G. N. Karimullina. — Kazan, 2007. — 350 s.
7. *Makhmutova A. S. Leksika tyurkskogo proiskhozhdeniya v drevnerusskoy pis'mennosti XIII–XV v.v. (na materiale khanskikh yarlykov i sovremennykh im pamyatnikov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* / A. S. Makhmutova. — L., 1983. — 26 s.
8. *Menges K. Vostochnye elementy v «Slove o polku Igoreve»* / K. Menges. — L.: Nauka, 1979. — 268 s.
9. *Navoi A. Suzhdenie o dvukh yazykakh* / Alisher Navoi. — Tashkent: FAN, 1970. — 197 s. — (Sobranie sochineniy: v 10 t.; t. 10).
10. *Ogienko I. I. Inozemnye elementy v russkom yazyke. Istoriya proniknoveniya zaimstvovannykh slov v russkom yazyke* / I. I. Ogienko. — 3-e izd. — M.: KD Librokom, 2012. — 136 s.
11. *Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoй Porty: v 2 t.* / V. D. Smirnov. — M.: ID Rubezhi, 2005.
12. *Tolkovyy slovar' uzbezkogo yazyka / Ўзбек тилининг изоҳли луғати: в 2 т.* — М.: Русский язык, 1981.
13. *Turetsko-russkiy slovar'. Türkçe-Rusça Büyük Sözlük. 48000 kelime.* — М.: Русский язык, 1977; İstanbul 1994. — 1022 s.
14. *Fasmer M. Etimologicheskij slovar russkogo yazyka: v 4 t.* / M. Fasmer; [perevel s nem. i dopolnil chl.-korr. AN SSSR O. N. Trubachev; red. i avtor predisl. prof. B. A. Larin]. — 2-e izd. — M.: Progress, 1986.
15. *Filin F. P. Istoki i sudby russkogo literaturnogo yazyka* / F. P. Filin. — M.: Nauka, 1981. — 326 s.
16. *Challyuba Gazi Makhmud Al-Kadimi. Arabizmy v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* / Challyuba Gazi Makhmud Al-Kadimi. — Voronezh, 2010. — 24 s.
17. *Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* / P. Ya. Chernykh. — 7-e izd. — M.: Rus. yaz.: Media, 2006.
18. *Shipova Ye. N. Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* / Ye.N. Shipova. — Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1976.

Рустемов Олег Дмитриевич,

кандидат філологічних наук, ст. викладач кафедри російської філології Кримського інженерно-педагогічного університету;

Сімферополь, Україна;

e-mail: biblos@ukr.net; тел.: +38-099-736-82-73

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСУ І КЛАСИФІКАЦІЇ ТЮРКІЗМІВ У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. Статтю присвячено огляду основних проблем вивчення тюркських запозичень у російській мові, питань їх розпізнавання, етимології та класифікації. Незважаючи на досить довгу історію вивчення проблеми, далеко не всі її сторони були висвітлені в науковій літературі. Таким чином, дана стаття являє собою спробу заповнити неохочлені попередніми дослідженнями питання. До них відносяться проблема власне кваліфікації тюркізмів, що прийшли у російську мову не з тюркських мов, а також іншомовних слів, які проникли через посередництво тюркської мови й отримали в російській нове значення. Досліджено декілька словників, які фіксують тюркізми у російській мові. Крім того, в роботі наводяться приклади слів, які раніше у вітчизняному мовознавстві ніколи не було ідентифіковано як тюркізми. Джерелом їх виявлення та опису є іншомовні словники та праці, у яких наявні свідчення переходу тюркських основ в інших мовах (наприклад, в іранській), у випадках, коли такі основи також присутні в російській мові в подібному значенні.

Ключові слова: контактологія, типологічна класифікація, семантична калька, тюркізм, арабізм, контактема.

Oleg D. Rustemov,
Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Russian Phylology of the Crimean Engineering
and Pedagogical University; Simferopol, Ukraine;
e-mail: biblos@ukr.net; tel.: +38-099-736-82-73

TURKISMS GENESIS AND CLASSIFICATION PROBLEM IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary. The article reviews the main problems of studying Turkic borrowings in the Russian language, questions of their etymology, recognition and classification. It considers the classification problem of Turkisms that were brought into Russian with other, non-Turkic languages, and of foreign borrowings introduced by the Turkic language and due to that having got a new semantic meaning. The author analyses the words that have never before been identified as Turkisms in Russian or Ukrainian linguistics. As a source of such borrowings with an eye to their description foreign dictionaries can be used as well as the works proving penetration of Turkic stems into other languages (for instance, Persian) in case the similar or close meaning is characteristic of such stems in Russian.

Key words: contactology, typological classification, semantic tracing, Turkism, Arabism, contacteme.

Статтю отримано 17.09.2013 р.

УДК 811.161.1'38

ПОПОВ Сергей Леонидович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; Харьков, Украина;
e-mail: sl_porov@mail.ru; тел.: +38(057)720-42-73; моб.: +38-050-195-98-66

ВОЗМОЖНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АТРИБУТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ С ВНЕ-/НЕ- И ДВУ-/ДВУХ-: СЕМАНТИКО-АРГУМЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются два не вполне исследованных явления русской словообразовательной вариантности. Речь идёт о двух типах вариантов прилагательных, каждый из которых объединяет достаточно смешиваемые факты. Первый представляет собой варианты с приставками *вне-/не-*. Второй — варианты с усечённой / неусечённой формами родительного падежа числительного *два* в качестве первой, уточняющей основы. Констатируется, что вопросам словообразовательной вариантности, в отличие от фактов вариантности морфологической и синтаксической, ортологами уделяется мало внимания. Для формирования методики дифференциации исследуемых словообразовательных вариантов привлекаются понятия степеней восприятия и основные положения теории аргументации. Проверяется достоверность традиционных аргументов, дифференцирующих употребление рассматриваемых вариантов. Используются понятия эксплицитного и имплицитного контекстов. Такие контексты позволяют представить семантические дифференциальные признаки исследуемых словообразовательных вариантов соответственно как дедуктивно доказательные и индуктивно допустимые. Применяются аргумент прямой эмпирической верификации контекстных маркеров определенной семантики в эксплицитных контекстах и аргумент логического обоснования их семантической дифференциации.

Ключевые слова: ортология, грамматическая вариантность, семантика, эксплицитность / имплицитность, аргументация.

Явления русской языковой вариантности — в особенности грамматической — своей неопределенностью привлекают внимание языковедов с середины XVIII века. Описания различий между грамматическими вариантами предпринимаются в грамматиках В. Е. Адоурова, М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, Ф. И. Буслаева, в работах «Справочное место русского слова» А. Н. Греча, «Правильность и чистота русской речи» В. И. Чернышева, «Русском синтаксисе...» А. М. Пешковского, «Синтаксисе» А. А. Шахматова и других трудах вплоть до середины XX века, когда началось массовое исследование языковой вариантности, заявила о себе новая дисциплина — ортология [1], появились разноаспектные ортологические словари и расцвел такой восходящий к работам В. И. Чернышева ортожанр, как практическая стилистика русского языка, реализованный в соответствующих стилистиках А. Н. Гвоздева, Д. Э. Розенталя, Г. Я. Солганика, И. Б. Голуб, Ю. А. Бельчикова.

В указанных работах много внимания уделялось лексической, морфологической и синтаксической вариантности и почти не упоминалась вариантность словообразовательная. Лишь Д. Э. Розенталь в своей известной «Практической стилистике русского языка», в небольшом трехстраничном разделе, названном «Стилистические ресурсы словообразования», посредством некоторого количества примеров обратил внимание на необходимость изучения словообразовательной вариантности [7, с. 86–88], но в появившихся затем практических стилистиках русского языка, по сути продолживших дело Д. Э. Розенталя, словообразовательная вариантность отсутствует.

Ученым, предпринявшим серьезную попытку показать и проанализировать основные типы вариантов русского словообразования, является Лия Павловна Катлинская, соавтор известного и уникального в своем роде труда «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» [4] (первое издание — 1976 г.), где ею написан раздел «Словообразование». Труд Л. П. Катлинской был для своего времени титаническим, но не все различия словообразовательных вариантов полу-

чили описание. Именно в этом разделе словаря, в специальном подразделе, посвященном описанию атрибутивных образований, представлены, но без возможного и необходимого описания различий, варианты двух типов: *внештатный* — *нештатный* и *двусторонний* — *двухсторонний*, то есть варианты прилагательных с префиксами *вне-/не-* и сложных прилагательных с усеченной/неусеченной формами родительного падежа числительного *два* в качестве первой, уточняющей основы [Там же, с. 433, 435–438]. Семантико-аргументационная дифференциация двух этих типов прилагательных и является целью настоящей статьи (исходим из первичности семантических различий по отношению стилистическим [8, с. 423; 3, с. 85]).

Ставится задача рассмотреть указанные варианты в следующем порядке.

Вначале проверяется достоверность традиционных (отраженных в [4, с. 433, 435–438]) аргументов, при помощи которых объясняется употребление изучаемых в настоящей статье вариантов. При необходимости (см. ниже «противоречия») традиционные аргументы опровергаются или уточняются аргументами более достоверными.

Согласно теории аргументации [5, с. 22–28, 51–57], в гносеологическом отношении наиболее достоверными аргументами являются: из эмпирических — прямая эмпирическая верификация (ПЭВ), из теоретических — логическое обоснование (ЛО). Совмещение этих аргументов — идеал аргументации.

ПЭВ семантических характеристик исследуемых вариантов возможна при наличии в контексте маркеров (в примерах подчеркиваются) той или иной семантики, коррелирующей с семантикой исследуемых вариантов: маркер определенной семантики считается таковым, если он встречается только при одном из двух изучаемых вариантов.

Контекст, содержащий такие маркеры, корректно называть эксплицитным, а контекст, таких маркеров не содержащий, — имплицитным. В эксплицитных контекстах демонстрируются дедуктивно доказательные, а в имплицитных (при необходимости в них) индуктивно допускаемые примеры определенной семантики. Такая индуктивная допустимость поддерживается отсутствием других признаков, по которым дифференцируются рассматриваемые варианты.

ЛО, представляющее собой любой из описанных Аристотелем и после него видов силлогизма, всегда безупречно автоматически. Логический сбой в рассуждении — явление крайне редкое. Гораздо больше гносеологических проблем создает так называемая «ложность посылки», хорошо известная древнегреческим софистам, намеренно применявшим такую подмену ради весьма логичного убеждения собеседника в чем угодно [5, с. 10].

Ложная посылка, помещаемая в основание силлогизма, действительно никак не влияет на силлогистический процесс выведения истины. Например, если человек видит, как солнце каждое утро появляется из-за восточного горизонта, а вечером скрывается за западным горизонтом, то логичным будет вывод человека о том, что солнце каждое утро *восходит, постепенно поднимается, достигает зенита, постепенно опускается вниз и садится* (а не Земля вращается вокруг своей оси). Такая картина мира, как известно, называется наивной. Однако она ничем принципиально не отличается от научной картины мира, не столь уж редко создаваемой учеными. Так, некоторые лингвисты исходят из посылки, что сохранение/несохранение в языке двух в чем-то сходных единиц зависит от их частотности, и логично выводят, что раз одна из них частотнее второй, то вторая постепенно выходит из употребления. Ложность этой посылки очевидна: коммуникативная потребность в нечастотной единице не исчезает, если эта единица имеет востребованное отличие. Итоговая логичность такого силлогизма «теряет в репутации»: ложность посылки лишает логичность абсолютности. Следовательно, можно говорить об абсолютной и относительной логичности мышления, то есть о ее качестве.

Согласно данным когнитивной психологии, качество логичности мышления непосредственно зависит от качества восприятия, в котором можно выделить три степени: 1) синкретичное восприятие (СВ), то есть восприятие целостное; 2) поверхностное восприятие (ПВ), то есть восприятие лишь одного из находящихся в зоне восприятия признаков; 3) альтернативное восприятие (АВ), то есть восприятие всех находящихся в зоне восприятия признаков в одной из двух его разновидностей: это альтернативно-императивное восприятие (АИВ), императивно отвергающее один признак в пользу другого, и альтернативно-диспозитивное восприятие (АДВ), альтернативно принимающее признаки как закономерные сосуществующие (подробнее об изложенном в настоящем абзаце — см. [6, с. 5–105]).

ПЭВ, опирающаяся на данные СВ, в ортологии, по статусу занимающейся дифференциацией вариантов, — явление маловероятное настолько, что в данном случае мы считаем возможным от него абстрагироваться.

ПЭВ, опирающаяся на данные ПВ, — ПЭВ(ПВ) — обуславливает относительность ЛО (ОЛО).

ПЭВ, опирающаяся на данные АИВ или АДВ, — ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ) — обуславливает абсолютность ЛО (АЛО).

В ортологии встречается также ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ), которая ЛО не сопровождается, представляя собой описание без объяснения.

Все рассматриваемые ниже примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). По причине относительной ограниченности объема статьи семантика каждого варианта подтверждается лишь двумя примерами-предложениями с указанием их источников в виде, представленном в НКРЯ, и, при отсутствии потребности в широком контексте, не менее чем двумя примерами-словосочетаниями из НКРЯ.

При возникновении необходимости в дополнительном комментарии даются «примечания».

Рассмотрение семантики двух указанных типов атрибутивных образований с применением продемонстрированного выше понятийного аппарата имеют следующий вид.

I. Семантико-аргументационная дифференциация прилагательных с приставками *вне-/не-*

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: варианты прилагательных с префиксами *вне-* и *не-* имеют значение «осуществляемый или находящийся за пределами того, что названо мотивирующим словом» и потому различаются стилистически: варианты с *вне-* употребляются в письменно-канцелярской и терминологической сферах речи; вариант с *не-* — «преимущественно в разговорной» [4, с. 453].

Противоречие-1: лишь один из этих вариантов прилагательных, а именно вариант с *вне-*, имеет указанное значение; вариант с *не-* имеет другое значение.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)иОЛО и ПЭВ(АДВ)безЛО: «Регулярным является образование прилагательных указанного значения с приставкой *вне-*; однокоренные с ними образования с приставкой *не-* имеют другое значение: *внегородской* (конкурс) — *негородской*, *вневойсковой* (подготовка) — *невойсковой*...» [Там же].

Противоречие-2: признание «другого значения» у прилагательных с *не-* противоречит признанию одного и того же значения у прилагательных с *вне-* и *не-* (см. традиционный аргумент-1, а также сочетание «указанного значения», то есть одного значения, в приведенной цитате).

Противоречие-3: варианты с *не-* действительно имеют другое значение, но не указано, какое именно «другое значение» они имеют.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): варианты с префиксом *вне-* имеют значение «выходящий за пределы чего-либо», а варианты с префиксом *не-* являются выражителями классического кванторного отрицания «не-1» [2] и потому выражают значение «не имеющий отношения к чему-либо».

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики выхода за пределы чего-либо:

И все же, проработав полтора года в команде Собчака, Медведев предпочел перейти в режим внештатного сотрудничества и вернулся на кафедру... [коллективный. Медведевская хватка // «Русский репортер», № 18 (18), 4–11 октября 2007, 2007]. Маркер представляет собой информацию о том, что Медведев работал в команде Собчака, в сопоставлении с которой становится ясно, что затем Медведев вышел за пределы этой команды.

...ему нужна консультация по бухгалтерской отчетности, услуга может быть выполнена во внеурочное от банковских обязанностей время. [Валериян Скворцов. Сингапурский квартет (2001)]. Маркер позволяет понять, что речь идет о времени, выходящем за пределы времени исполнения банковских обязанностей.

Дедуктивно доказательные примеры семантики отсутствия отношения к чему-либо:

Ситуация выглядит настолько нештатной, что найти безоговорочное её разрешение в многостраничных талмудах регламентов турнира и футбольных правил невозможно. [Андрей Левых. Беккенбауэр снова забивает России. УЕФА назначает переигровку матча «Тироль» -- «Локомотив» (2001) // «Известия», 2001.08.24]. Маркер позволяет понять, что сложившаяся ситуация не имеет никакого отношения к тому, что написано в регламентах и правилах.

Домой шли долго, перекапывал редкий теплый дождик, пахло пылью и тополиными листиками, неурочное время для отпуска, начало мая, самое томительное время. [Людмила Петрушевская. Найди меня, сон (1998–1999)]. Маркер представляет собой слишком абстрактную информацию, чтобы ее можно было счесть имеющей временные пределы: разные люди могут предпочесть отпуск в разное время года. Следовательно, можно говорить лишь о том, что описываемый период никакого отношения к отпуску не имеет.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики выхода за пределы чего-либо:

Я обошел все таллинские редакции. Договорился о внештатной работе. Взял интервью у какого-то слесаря. [Сергей Довлатов. Компромисс (1981–1984)]. Допущение: речь идет о работе, выполняемой работником, не входящим в редакционный штат.

Потом уехали на заседание Политбюро, которое неожиданно и во внеурочное время собралось в субботу. [Олег Гриневский. Восток -- дело тонкое (1998)]. Допущение: речь идет о заседании, время проведения которого не вписалось в принятое время проведения таких заседаний.

Индуктивно допускаемые примеры семантики отсутствия отношения к чему-либо:

А человек только радирует: я жив и, если надо, справлюсь с любой нештатной ситуацией. [Сергей Солоух. Одна любовь, один проект // «Октябрь», 2003]. Допущение: все ситуации предусмотреть невозможно, поэтому речь идет о любой ситуации, не имеющей отношения к представляемому.

Строили его на артельных началах в неурочное время, из бросовых материалов. [В. К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)]. Допущение: речь идет о времени, не предусмотренном для строительства, но в то же время не предусмотренном и для чего-то другого, имеющего конкретный характер, а следовательно, имеющего пределы.

Примечание. Семантические характеристики выхода за пределы чего-либо и отсутствия отношения к чему-либо могут показаться похожими лишь при первом, поверхностном, восприятии (ПВ), при котором создается впечатление, что, например, *нештатный*, как и *внештатный*, означает «выходящий за пределы штата, или, что то же, не входящий в состав штата». Более глубокое, альтернативно-диспозитивное, восприятие (АДВ) этих вариантов позволяет заметить, что вариант *нештатный* не

имеет семантики вхождения или невхождения в пределы чего-либо: «вне» может быть только то, что бывает и «в», то есть «пребывание в» является презумпцией семантики *вне* (и наоборот), в то время как семантика *не-1* имеет презумпцию кванторного существования «нечто просто есть, не более того». Вариант *нештатный*, в отличие от варианта *внештатный*, безразличен к семантике вхождения или невхождения в пределы чего-либо, поскольку обычным кванторным способом отрицает штатность, никак не увязывая это отрицание с пределами штата.

II. Семантико-аргументационная дифференциация сложных прилагательных с усеченной/неусеченной формами родительного падежа числительного *два* в качестве первой, уточняющей основы
Традиционный аргумент — ПЭВ(АДВ)безЛО: в одном сочетании оба варианта встречаться не могут, например *двустороннее воспаление легких*, но *двухсторонние переговоры*, а в таких сочетаниях, как *двустороннее воспаление легких* и *двубортный пиджак*, основа *дву-* не имеет свойств числительного, поскольку невозможны сочетания *трех(четырех-* и т. д.)*бортный пиджак* и *трех(четырех-* и т. д.)*стороннее воспаление легких* [4, с. 435–438].

Противоречие: результаты этих точных наблюдений не объяснены действием силлогизма, до выведения которого остается только один шаг.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): варианты с *дву-* употребляются в случаях, когда речь идет не более чем о двух сущностях; варианты с *двух-* — в случаях, когда сущностей может быть больше двух (эта неусеченная форма косвенного падежа логично подходит для обозначения явления, на равных входящего в парадигму форм родительного падежа числительных, ср.: *двух, трех, четырех*).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики «потенциально не больше двух»:

Двухспальная кровать, двусоставное предложение, двуликий Янус, двустворчатые двери. Маркеры позволяют убедиться в том, что по меньшей мере кровать трехспальной, предложение трехсоставным, Янус трехликим и двери трехстворчатыми — быть не могут.

Дедуктивно доказательные примеры семантики «потенциально больше двух»:

Двухэтажный дом, двухсторонний камин, двухкопеечная монета, двухчасовой перерыв. Маркеры позволяют убедиться в том, что дом может иметь больше двух этажей, камин — больше двух сторон, монета может быть достоинством больше чем в две копейки, а перерыв — продолжительностью больше двух часов.

Примечание-1. Поскольку две эти противоположные семантические характеристики могут актуализироваться только в сочетаниях с существительными, имплицитных контекстов здесь быть не может.

Примечание-2. Тот факт, что вариантность обнаружилась только у основ, являющихся застывшим Р. п. числительного *два*, можно объяснить гносеологической важностью числительного *два*, восходящей к тем временам, когда имевший две (как $1 + 1$) руки, ноги, ноздри, два глаза, уха и т. д. человек довольствовался системой счета «*один, два* и неопределенное *много*», что отразилось, например, в системе трех грамматических чисел: единственного, двойственного и множественного (о подобных явлениях см. также [6, с. 69–71]).

Проведенное семантико-аргументационное исследование показало, что в каждом из двух рассмотренных типов вариантов имеется достаточно ясное, но в первом случае ранее не выявленное совсем, а во втором — не выявленное до конца, семантическое различие.

Очевидно, протемонстрированный алгоритм исследования может быть применен при изучении других межвариантных различий.

Литература

1. Ахманова О. С. К вопросу о «правильности» речи / О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский // Вопросы языкознания. — 1960. — № 2. — С. 35–42.
2. Богуславский И. М. Отрицание и противопоставление / И. М. Богуславский // Проблемы структурной лингвистики 1980. — М.: Наука, 1982. — С. 63–76.
3. Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. — М.: Наука, 1980. — 288 с.
4. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 2001. — 557 с.
5. Ивин А. А. Теория аргументации: учеб. пособие / А. А. Ивин. — М.: Высш. шк., 2007. — 319 с.
6. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: монография / С. Л. Попов. — Харьков: НТМТ, 2013. — 150 с.
7. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — 4-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1977. — 316 с.
8. Шмелёв Д. Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка / Д. Н. Шмелёв // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. — 1962. — Т. XXI, вып. 5. — С. 421–432.

References

1. Akhmanova O. S. K voprosu o «pravilnosti» rechi / O. S. Akhmanova, Yu. A. Belchikov, V. V. Veselitskiy // Voprosy yazykoznanija. — 1960. — № 2. — S. 35–42.
2. Boguslavskiy I. M. Otritsanie i protivopostavlenie / I. M. Boguslavskiy // Problemy strukturnoy lingvistiki 1980. — M.: Nauka, 1982. — S. 63–76.
3. Graudina L. K. Voprosy normalizatsii russkogo yazyka. Grammatika i varianty / L. K. Graudina. — M.: Nauka, 1980. — 288 s.
4. Graudina L. K. Grammaticheskaya pravilnost russkoy rechi. Stilisticheskij slovar' variantov / L. K. Graudina, V. A. Itskovich, L. P. Katlinskaya. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Nauka, 2001. — 557 s.

5. *Ivin A. A. Teoriya argumentatsii : ucheb. posobie / A. A. Ivin. — M. : Vyssh. shkola, 2007. — 319 s.*
6. *Popov S. L. Kognitivnye osnovaniya evolyutsii form russkogo sintaksicheskogo soglasovaniya : monografiya / S. L. Popov. — Khar'kov : NTMT, 2013. — 150 s.*
7. *Rozental' D. E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka / D. E. Rozental'. — 4-e izd., ispr. — M. : Vyssh. shkola, 1977. — 316 s.*
8. *Shmelev D. N. Nekotorye voprosy razvitiya i normalizatsii sovremennogo russkogo yazyka / D. N. Shmelev // Izvestiya AN SSSR, Otdelenie literatury i yazyka. — 1962. — T. XXI, vyp. 5. — S. 421–432.*

Попов Сергій Леонідович,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови філологічного факультету Харківського національного університету ім. В. М. Каразіна; Харків, Україна;
e-mail: sl_popov@mail.ru; тел.: +38(057)720-42-73; моб.: +38-050-195-98-66

МОЖЛИВОСТІ ДИФЕРЕНЦІАЦІЇ АТРИБУТИВНИХ УТВОРЕНЬ З *ВНЕ-/НЕ-* ТА *ДВУ-/ДВУХ-*: СЕМАНТИКО-АРГУМЕНТАЦІЙНИЙ АСПЕКТ

Анотація. У статті розглядаються два не повною мірою досліджених явища російської словотвірної варіантності. Мова йде про два типи варіантності прикметників, кожен з яких об'єднує достатньо змішувані факти. Перший являє собою варіанти з префіксами *вне-/не-*. Другий — варіанти із скороченою / нескороченою формами родового відмінка числівника *два* як першої, уточнюючої основи. Констатується, що питанням словотвірної варіантності, на відміну від фактів варіантності морфологічної та синтаксичної, ортологами приділяється мало уваги. Для формування методики диференціації досліджуваних словотвірних варіантів долучаються поняття ступенів сприйняття й основні положення теорії аргументації. У дослідженні перевірено достовірність традиційних аргументів, які диференціюють вживання таких варіантів. Використано поняття експліцитного й імпліцитного контекстів. Ці контексти дозволяють презентувати семантичні диференційні ознаки досліджуваних словотвірних варіантів відповідно як такі, що дедуктивно доводяться й індуктивно допускаються. Застосовано аргументи прямої емпіричної верифікації контекстних маркерів певної семантики в експліцитних контекстах і аргумент логічного обґрунтування їх семантичної диференціації.

Ключові слова: ортологія, граматична варіантність, семантика, експліцитність / імпліцитність, аргументація.

Sergey L. Popov,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Russian Language Department, V. N. Karazin Kharkiv National University; Kharkov, Ukraine;
e-mail: sl_popov@mail.ru; tel.: +38(057)720-42-73; моб.: +38-050-195-98-66

POSSIBILITIES OF DIFFERENTIATING ATTRIBUTIVE FORMATIONS WITH *ВНЕ-/НЕ-* AND *ДВУ-/ДВУХ-*: SEMANTIC-ARGUMENTATIVE ASPECT

Summary. The article surveys two phenomena of Russian word-formative variability which have not been fully researched yet. What it involves is two types of adjectival variants, and each one presents quite confusing facts. The first type covers the variants with the prefixes *вне-/не-*. The second type covers the variants with the truncated/nontruncated genitive forms of the numeral *два* as the first, qualifying base. It is stated that unlike facts of morphological and syntactic variability, the issues of word-formative variability receive little attention of orthologists. To develop methodology for differentiation between the examined word-formative variants, perception degree concepts, as well as the basic framework of argumentation theory are involved. The validity of traditional arguments, differentiating the use of the examined variants is checked. Concepts of explicit and implicit context are used. Such contexts allow us to present semantic distinctive features of the examined word-formative variants consequently as deductively demonstrable and inductively acceptable. An argument of direct empirical verification of context tokens with a certain meaning in explicit contexts, as well as an argument of logical reasoning for their semantic differentiation are applied.

Key words: orthology, grammatical variance, semantics, explicitness/implicitness, argumentation.

Статтю отримано 25.09.2013 р.

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ

УДК 811.161.1'373.21Пушкин

ГУКОВА Лина Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;

e-mail: gukova@inbox.ru; тел.: +38(048)776-34-07; моб.: +38-098-23-77-116

ФОМИНА Людмила Фёдоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;

e-mail: onomastic@yandex.ru; тел.: +38(0482)49-42-41; моб.: +38-067-92-39-001

РЕЧЕВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ИМПЛИКАЦИЙ ТОПОНИМА В ДИСКУРСЕ А. С. ПУШКИНА

Аннотация. Статья выполнена в рамках когнитивной лингвистики. Топоним рассматривается как свёрнутый, кодированный текст, содержание которого включает большой комплекс компонентов, выявляемых путём парадигматического и синтагматического моделирования. В содержании топонимического концепта имеются как собственно лингвистические, так и когнитивно-семантические компоненты: понятийные, чувственно-образные, аксиологические. Экспликация этих компонентов в художественном дискурсе связана с авторскими интенциями, эстетическими установками и осуществляется избирательно как путём построения номинационных парадигм, так и благодаря совокупности разнотипных характеризующих атрибутивов, совместно формирующих номинативное поле топонимического концепта.

Показано, что сочетание парадигматики и синтагматики в процессе речевой презентации когнитивных импликаций топонима даёт возможность А. С. Пушкину менять ключи характеристики, актуализируя в одних случаях объективные компоненты содержания топонима-концепта, в других — выявляя субъективную авторскую интенцию. Аргументируется положение о том, что топонимы в художественном дискурсе служат не только маркерами дискретизированного пространственного континуума, но являются также инструментом воздействия, средством представления информации в личностной интерпретации и отражения языковой картины мира автора.

Ключевые слова: топоним, номинационная парадигма, синтагматика в речевой презентации топонимического объекта, номинативное поле топонимического концепта, объективные и субъективные компоненты.

Топоним в когнитивном аспекте представляет собою свёрнутый, кодированный текст, содержательные компоненты которого по-разному актуализируются в сознании носителей языка. Но часть из них всегда остаётся в зоне импликации. Способы речевой объективации когнитивных и образно-прагматических импликаций топонима в дискурсе А. С. Пушкина ещё не были предметом исследования, чем и определяется актуальность нашей темы.

Презентация содержательных, образно-прагматических и эстетических компонентов в топонимических номинациях моделируется А. С. Пушкиным как синтагматически, так и парадигматически. Семантическая (номинационная) парадигма топонима формируется из совокупности всех использованных автором именованных данного топонимического объекта. Сюда включается в первую очередь официальное имя географического объекта, которое функционирует в данный период; во-вторых, вводятся известные автору и носителям языка его исторические именованные, сменившиеся на каком-то этапе иными названиями; и, в-третьих, — авторские художественные номинации [6]. А. С. Пушкин искусно использовал потенциал этой модели как в микроконтексте (в одном произведении), так и в макроконтексте — в разных произведениях. Например, в стихотворении «Олегов щит» поэт использует три разные номинации, соотносённые с одним референтом: *Когда же граду Константина С тобой, воинственный варяг, Пришла славянская дружина И развила победы стяг, Тогда во славу Руси ратной, Строптиву греку в стыд и страх, Ты пригвоздил свой щит булатный На цареградских воротах. Настали дни вражды кровавой; Твой путь мы снова обрели. Но днесь, когда мы вновь со славою К Стамбулу грозно притекли, Твой холм потрясся с бранным гулом, И нашу рать перед Стамбулом Твой старый щит остановил* (III, 120). [Все примеры из произведений и писем А. С. Пушкина даём по изданию — 9]. Три разные по времени возникновения топонимические номинации: *град Константин* — перифраза-дескриптив к номинату *Константинополь* [номинат — термин Т. И. Бытковой; З, с. 28], *цареградские ворота* — в соотношении с именем *Царьград* (древнерусское название *Константинополя*), *Стамбул* — сообщают об исторической глубине топонимического объекта, поворотах его судьбы, а также акцентируют внимание на динамике действительности. Они используются и в разных произведениях А. С. Пушкина, но презентация их в одном стихотворении свидетельствует об авторской ориентационной интенции в отношении топонимов.

Для речевой объективации представлений о *Бессарабии* — исторической области, расположенной в юго-восточной Европе между Чёрным морем, реками Днестром, Прутом и низовьями Дуная, — в разных произведениях А. С. Пушкина используется как номинационная парадигма, включающая, наряду с официальным для того времени собственным именем, пятнадцать перифраз (разных по конкретному актуализованному содержанию), так и синтагматический потенциал, включающий весьма значительный ряд разнообразных атрибутивов [5].

Название *Бессарабия* (рум. *Țara lui Basarab* — 'Земля Басараба') происходит от имени валахского воеводы Басараба I Великого (1289–1352, правил с 1310). По данным «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, в XVI—XVII веках Бессарабией называли часть нынешней Румынии — Валахию с Бабадагской областью по Дунаю. В энциклопедии «Отечественная история» сообщается, что до начала XIX века Бессарабией именовали только южную часть междуречья Прута и Днестра — Буджак. Но после её присоединения в 1812 г. к России название распространилось на всё междуречье Прута и Днестра [1].

Бессарабия — такой топографический объект, который обладает и для поэта, и для читателя значительным когнитивным объёмом. У А. С. Пушкина с Бессарабией были связаны личные (он провёл в Кишинёве 3 года в ссылке: 1820–1823), интеллектуально-исторические (обусловленные стратегическим положением и государственно-историческими перипетиями этой области в русско-турецких отношениях) и эмоциональные впечатления, навеянные судьбой древнеримского поэта Публия Овидия Назона. Великий римлянин ещё в античную эпоху был сослан императором Августом в эту область (предположительно в Томы) и умер здесь, но пребывание его осталось легендой в воспоминаниях населения Бессарабии. Всем этим мотивировано обилие именовании данного топографического объекта, объём его номинационной парадигмы, имена и характеристики других географических объектов, входящих в его семантическое пространство.

Чаще всего в разных произведениях и письмах А. С. Пушкин использует, конечно, официальные номинации географических объектов этого региона: хоронимы *Бессарабия*, *Буджак*; ойконимы *Томы*, *Аккерман*, *Кишинёв*, *Измаил*; гидронимы *Дунай*, *Кагул*, *Прут*. Например. *Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют* (Цыганы, IV, 207). *Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас... Но доныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников* (Примечания к «Цыганам», VII, 20). Но, как показывают наши наблюдения, презентация частотных топонимов со значительным когнитивным объёмом, как правило, сопровождается у А. С. Пушкина конкретизацией расположения топообъекта, включением в описательные номинации признаков рельефа, ландшафта, указаниями на связь с другими объектами дискретизированного пространства. Так, говоря о Бессарабии, поэт сообщает о её расположении на берегах Дуная, о том, что это территория обитания скифов, неосвоенное, дикое пространство, и о том, что эти места для него и Овидия Назона — дальние, пустынные, чуждые края. Так появляются номинации *берега / берега Дуная, Дунайские берега, скифские берега, дикие берега, бессарабская глушь, отдалённая страна, пустынная страна, пустыня мрачная* и др. *Ещё доныне тень Назона Дунайских ищет берегов* (Баратынскому, Из Бессарабии; II, 102). *И жил он (Назон — Л. Г., Л. Ф.) на берегах Дуная, не обижая никого, Людей рассказами пленяя* (Цыганы; IV, 214–215). *И всё несчастный тосковал, Бродя по берегам Дуная, Да горьки слезы проливал, Свой дальний край вспоминая* (Цыганы; IV, 215). *На скифских берегах переселенец новый, Сын юга, виноград блистает пурпуровый* (К Овидию; II, 69). *Я видел твой корабль изгналищем валов И якорь, верженный близ диких берегов* (К Овидию; II, 67). *Овидий, я живу близ тихих берегов, Которым изгнанных отеческих богов Ты некогда принёс и пепел свой оставил* (К Овидию; II, 67).

При этом в описательных номинациях (функциональных онимах, по терминологии В. И. Супруна [13, с. 68.] А. С. Пушкин отражает отношение субъекта речи-мысли к топообъекту. Так, в именовании *отчизна варваров* представлена пушкинская интерпретация восприятия Бессарабии Назоном, включающая сопоставление культур древнего Рима и кочевников, обитавших здесь в античные времена. *Златой Италией роскошный гражданин, В отчизну варваров безвестен и один* (К Овидию; II, 68). А в номинациях *бессарабская глушь, пустынная страна, отдалённая страна, мрачная пустыня* видим отношение Овидия и русского гения к Бессарабии как месту ссылки. *Ты пишешь мне о своих стихотвореньях, а я в бессарабской глуши, не получая ни журналов, ни новых книг, не знал об издании книги, которая утешила бы меня в моём уединении* (Письма, 35. Я. Н. Толстому; X, 45). *Здесь, лирой северной пустыни оглашая, Скитался я в те дни, как на берега Дуная Великодушный грек свободу вызывал* (К Овидию; II, 70). *Ты живо впечатлел в моем воображеньи Пустыню мрачную, поэта заточенье* (К Овидию; II, 67).

Некоторые из представленных перифраз являются контекстуально несвободными, они семантизируются только в сочетании с предшествующим или последующим декодером-номинатом — официальным собственным именем. Существенно, однако, то, что каждая номинация выступает как актуализатор определённого кванта объективной или субъективной информации о названном топообъекте.

Кроме того, выявлению компонентов содержания топообъекта способствует и синтагматический способ, включающий комплекс разных по структуре атрибутивов (характеризующих определений) к топониму: эпитетов, приложений, распространённых обособленных согласованных и несогласованных определений, придаточных предложений; в некоторых случаях — самостоятельных эмоционально окрашенных предложений. Так, сложную историческую судьбу Бессарабии и её частей (её принадлежность то Турции, то России) видим в характеризующих определениях *полутурецкая, обрусевшая*, в сообщении о том, что *правил Буджаком паша С высоким башен Аккермана* (Цыганы; IV, 225).

Их (арнаутов — Л. Г., Л. Ф.) можно всегда было видеть в кофейнях полутурецкой Бессарабии, с длинными чубуками во рту, прихлебывающих кофейную гущу из маленьких чашечек (Кирджали; VI, 361–362). Ныне в обрусевшей Бессарабии переняли русскую упряжь и русскую телегу (Кирджали; VI, 363).

Синтагматический способ презентации признаков географического объекта позволяет автору представить их чрезвычайно широкий спектр и диалектику. Так, наряду с некоторыми характеристиками негативного плана, отражёнными в перифрастических номинациях Бессарабии, поэт пишет: *Сия пустынная страна Священна для души поэта*: (Баратынскому. Из Бессарабии; II, 102); *Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас; Она Державиным воспета И славой русской полна* (Примечания к «Цыганам»; VII, 20). Синтагматика даёт возможность А. С. Пушкину менять ключи характеристики: в данном случае он переходит от частных объективных и индивидуальных субъективных оценок к признакам общественно-национального содержания. Например, с помощью ряда однородных придаточных определительных частей сложноподчинённого предложения поэт представляет Бессарабию как край, за который между Турцией и Россией шла борьба, в которой русские войска одержали победы, чрезвычайно важные для государства. В этих характеристиках с гордостью неоднократно используется слово *русский* (и как прилагательное, и как существительное в значении 'Россия'), а также государственный символ России — *орёл двуглавый*: *В стране, где долго, долго брани Ужасный гул не умолкал, Где повелительные грани Стамбулу русский указал, Где старый наш орёл двуглавый Ещё шумит минувшей славой, Встречал я посреди степей [...] Телеги мирные цыганов* (Цыганы; Эпилог; IV, 235).

При широком когнитивном подходе в содержание топонима *Бессарабия* включаются в качестве его семантических составляющих также упоминаемые Пушкиным города этой географической области (*Кишинёв, Аккерман, Бендеры, Томы*) и места сражений, вошедшие в историю (крепость *Измаил*, озеро *Кагул*). Их характеристики также моделируются парадигматически и синтагматически, формируя своей совокупностью номинативное поле [8, с. 66] топонима. Так, *Бендеры* представлены как пункт в маршруте Карла XII, бежавшего после поражения под Полтавой, и сообщение о неопределённости места упокоения мятущегося Мазепы: *В стране, где мельниц ряд крылатый Оградой мирной обступил Бендер пустынные раскаты, где бродят буйволы рогаты Вокруг воинственных могил, — Остатки разоренной сени, Три углубленные в земле И жмол поросшие ступени Гласят о шведском короле. [...] И тщетно там пришлец унылый Искал бы гетманской могилы* (Полтава; IV, 304).

Особую позицию среди мест русской воинской славы занимают в Бессарабии город *Измаил* и озеро *Кагул* с впадающей в него рекою *Кагул*, где во время русско-турецкой войны 1768–1774 г. войска под командованием генерала П. А. Румянцева разгромили главные силы турецкой армии (21. 07. 1770) [4, с. 150–151]. В память о сражении при *Кагуле* была отчеканена медаль «За победу при *Кагуле*», а год спустя в Царском Селе был возведен обелиск. Для номинации этих мест, знаковых событий и лиц А. С. Пушкин использует дескриптивные и образные перифразы *Кагульские воды, Кагульские берега; степи Кагула, Перун Кагульских берегов* ('генерал П. А. Румянцева'), памятник *Кагула*.

Однажды близ Кагульских вод Мы чуждый табор повстречали (Цыганы; IV, 226). *Кочуя на степях Кагула, Её, бывало, в зимню ночь Моя певала Маршала* (Цыганы; IV, 219–220). *Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев, Перун Кагульских берегов* (Воспоминания в Царском Селе; III, 156). *С благоговением и тоской Объемлю грозный мрамор твой, Кагула памятник надменный* (Элегия; I, 380) *В тени густой угрюмых сосен Воздвигся памятник простой. О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен! И славен родине драгой!* (Воспоминания в Царском Селе; I, 84).

Много внимания в произведениях и письмах А. С. Пушкина уделено *Кишинёву* в связи с тем, что в этом городе прошёл наиболее тяжёлый период южной ссылки поэта. Этим объясняется по преимуществу негативная тональность его характеристики. Поэт характеризует *Кишинёв* как *вертеп* 'перен. — притон' [Словарь языка Пушкина, I], *пустыню, тёмный град, как проклятый город: Вы скучаете в вертепе, где скучал я три года* (Письма, 55. Ф. Ф. Вигелю; X, 68). *Хвалю тебя, о вечный брат! О каменщик почтенный! О Кишинёв! О тёмный град! Ликуй, им просвещенный!* (Генералу Пушину; II, 57) *Представь себе, что до моей пустыни не доходит ни один дружный голос* (Письма, 25. Л. С. Пушкину; X, 33). *Проклятый город Кишинёв! Тебя бранить язык устанет* (Из письма к Вигелю; II, 154).

Эмоционально-психологическое восприятие *Кишинёва* представлено А. С. Пушкиным также в бинарной парадигме-сравнении *Содом-Кишинёв*: *Вигель здесь был и поехал в Содом-Кишинёв, где, думаю, будет виц-губернатором* (Письма, 35. П. А. Вяземскому; X, 67). Заметим попутно, что такой способ построения парадигмы-ассоциации используется поэтом неоднократно — и в разных реализациях. Одну из них можно показать следующим примером: *Есть в России город Луга Петербургского округа. Хуже б не было сего городишки на примете, Если б не было на свете Новоржева моего* (Есть в России город Луга; I, 313). Когнитивный признак 'заполустные провинциальные города России пушкинского времени' выявляется в бинарном ряду — путём их сопоставления и включения в одну аксиологическую категорию.

Мы представили здесь отнюдь не полный арсенал способов и средств, с помощью которых конкретизируется содержание топонимов, но привлекли внимание к принципам авторского фокусирования признаков топообъекта и типам их моделирования. Чем более значим географический объект для автора, для народа, для страны, для мировой истории и культуры в целом, тем больше его при-

знаки — от понятийных до определительно-характеризующих и эмоционально-оценочных — каузируют как парадигматические, так и синтагматические связи топонима. Вот, например, как описывает А. С. Пушкин один из эпизодов своего путешествия в Арзрум: *Солнце востыло. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни* (Путешествие в Арзрум, гл. 2; VI, 670). Как видим, в пределах небольшого отрезка текста представлены три номинации одного географического объекта, в которых презентованы понятийные (*гора*), чувственно воспринимаемые (*белела, снеговая, двуглавая гора*) и историко-культурные (*библейская гора*) признаки, которые активизируют воображение, эмоциональное состояние и мыслительную деятельность субъекта, связанные с его пресуппозиционной базой. Прежде всего воздействие самого ИМЕНИ — *Арарат: Как сильно действие звуков!* Во-вторых, эмоции и воображение: *Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни*. Всё это чрезвычайно интересно в свете того, что объективно, как показали разыскания исследователей, информация, которую получил А. С. Пушкин от казаков, была неверной: в действительности это была другая гора — Алагёз (Арагац) [2, с. 372], но мы увидели вербализованный сюжет, связанный с топонимом *Арарат*, магию имени, его суггестивную интенцию и прагматический эффект — подлинные переживания рассказчика. Осознание иллюкативной силы онама — «*действие звуков*» на эмоциональную сферу реципиента — представлено А. С. Пушкиным и в других случаях: достаточно вспомнить высказывание, ставшее прецедентным: *Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нём отозвалось!* (Евг. Онегин, гл. 7, с. XXXVI; V, 156).

В номинационно-семантической парадигме топонима можно выделить актуализованные компоненты объективного и субъективного содержания. Так, перифразы *Дунайские берега, скифские берега, Кагульские берега, Кагульские воды* актуализируют объективные компоненты содержания топонима-концепта, а номинации *бессарабская глушь, отчизна варваров, пустыня мрачная* — выявляют субъективную авторскую интенцию. Среди компонентов, эксплицированных синтагматически, также есть и те и другие. И при этом один и тот же объект (в зависимости от ситуации и состояния субъекта) получает часто противоположные оценки. Например, о Кишинёве, как уже было показано выше, А. С. Пушкин сначала говорит: *Проклятый город Кишинёв! тебя бранить язык устанет, Содом-Кишинёв; а после того как получил возможность жить в Одессе, он пишет в письме брату: «...останься в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль сжала грудь — мне стало жаль покинутых щелей. Приехал в Кишинёв на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически — и выехав оттуда навсегда, — о Кишиневе я вздохнул»* (Письма, 52. Л. С. Пушкину; X, 64). И это естественно для художественного дискурса с его «полифонизмом эмоциональных тонов, отражающих картину мира ..., создаваемую автором» [7, с. 112].

Таким образом, топонимы в художественном дискурсе не только служат маркерами дискретизированного пространственного континуума, (в котором происходят представляемые писателем реальные или вымышленные события), обозначениями объектов восприятия и осмысления, но являются также средством представления информации в личностной интерпретации и мощным инструментом воздействия.

Литература

1. *Бессарабия* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бессарабия>. — Заголовок с экрана.
2. *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830) / Д. Д. Благой. — М.: Сов. писатель, 1967. — 723 с.
3. *Бытёва Т. И.* Очерки по русской перифрастике: монография / Т. И. Бытёва. — М.: Эллис, 2008. — 303 с.
4. *Гукова Л. Н.* Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: словарь / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина. — Одесса: Астропринт, 2008. — 392 с.
5. *Гукова Л. Н.* Словарная презентация атрибутивов при топонимах в творчестве А. С. Пушкина / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина // *Филологічні дослідження: зб. наук. пр. з нагоди 80-річчя чл.-кор. НАН України, д.ф.н., проф. Ю. О. Карпенка*. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2009. — С. 90–96.
6. *Гукова Л. Н.* Семантико-стилистическая парадигма топонима: постановка вопроса / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина // *Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства*. — Одеса: Астропринт, 2010. — № 15. — С. 131–138.
7. *Петрова Л. А.* Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: монография / Л. А. Петрова. — Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. — 284 с.
8. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
9. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. — М.: Изд-во АН СССР, 1962–1966.
10. *Рудяков А. Н.* Ономастика и функциональные качества имён в художественном тексте / А. Н. Рудяков // *И слово ваше отзовётся: к 80-летию <...> проф. Е. С. Отйна*. — К.: ИД Дм. Бураго, 2012. — С. 504–513.
11. *Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньев*. — М.: Русский язык, 1981–1984.
12. *Словарь языка А. С. Пушкина: в 4 т.* — М.: Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1956–1961.
13. *Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.

References

1. *Bessarabiya* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Bessarabiya>. — Zagolovok s ekrana.
2. *Blagoy D. D.* Tvorcheskiy put Pushkina (1826–1830) / D. D. Blagoy. — M.: Sov. pisatel, 1967. — 723 s.
3. *Byteva T. I.* Ocherki po russkoy perifrastike: monografiya / T. I. Byteva. — M.: Elpis, 2008. — 303 s.
4. *Gukova L. N.* Mnogoaspektnaya kharakteristika toponimov v tvorcheskom nasledii A. S. Pushkina: slovar' / L. N. Gukova, L. F. Fomina. — Odessa: Astroprint, 2008. — 392 s.
5. *Gukova L. N.* Slovarnaya prezentatsiya atributivov pri toponimakh v tvorchestve A. S. Pushkina / L. N. Gukova, L. F. Fomina // *Filologichni doslidzhennya: zb. nauk. pr. z nagody 80-ricchya chl.-kor. NAN Ukrainy, d.f.n., prof. Yu.O. Karpenka*. — Odessa: ONU im. I. I. Mechnykova, 2009. — S. 90–96.

6. *Gukova L. N. Semantiko-stilisticheskaya paradigma toponima: postanovka voprosa / L. N. Gukova, L. F. Fomina // Mova : naukovo-teoretychnyy chasopys z movoznavstva. — Odessa : Astroprint, 2010. — № 15. — S. 131–138.*
7. *Petrova L. A. Lingvokognitivnye osnovy khudozhestvennoy kartiny mira: monografiya / L. A. Petrova. — Simferopol : OAO «SGT», 2006. — 284 s.*
8. *Popova Z. D. Kognitivnaya lingvistika / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. — 314 s.*
9. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy : v 10 t. / A. S. Pushkin. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1962–1966.*
10. *Rudyakov A. N. Onomastika i funktsionalnye kachestva imen v khudozhestvennom tekste / A. N. Rudyakov // I slovo vashe otzovetsya : k 80-letiyu <...> prof. Ye. S. Otina. — K.: ID Dm. Burago, 2012. — S. 504–513.*
11. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / gl. red. A. P. Yevgeneva. — M.: Russkiy yazyk, 1981–1984.*
12. *Slovar' yazyka A. S. Pushkina : v 4 t. — M.: Gosizdat. inostr. i nats. slovarey, 1956–1961.*
13. *Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial / V. I. Suprun. — Volgograd : Peremena, 2000. — 172 s.*

Гукова Ліна Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна; e-mail: gukowa@inbox.ru; тел.: +38(048)776-34-07; моб.: +38-098-23-77-116

Фоміна Людмила Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна; e-mail: onomastic@yandex.ru; тел.: +38(0482)49-42-41; моб.: +38-067-92-39-001

МОВЛЕННЄВА ОБ'ЄКТИВАЦІЯ КОГНІТИВНИХ ІМПЛІКАЦІЙ ТОПОНІМА В ДИСКУРСІ О. С. ПУШКІНА

Анотація. Стаття виконана у рамках когнітивної лінгвістики. Топонім розглядається як згорнутий, кодований текст, зміст якого включає великий комплекс компонентів, що виявляються шляхом парадигматичного та синтагматичного моделювання. У складі топоконцепту є як власне лінгвістичні, так і когнітивно-семантичні компоненти: поняттєві, чуттєво-образні, аксіологічні. Експлікація цих компонентів у художньому дискурсі пов'язана з авторськими інтенціями, естетичними установками та здійснюється вибірково як шляхом побудови номінаційних парадигм, так і завдяки сукупності різнотипових характеристик атрибутивів, що спільно формують номінаційне поле топоконцепту.

Продемонстровано, що сполучення парадигматики і синтагматики у процесі мовленнєвої презентації когнітивних імплікацій топоніма дає змогу О. С. Пушкіну змінювати аспекти характеристики, актуалізуючи в одних випадках об'єктивні компоненти змісту топоніма-концепта, в інших — виявляючи суб'єктивну авторську інтенцію. Аргументується положення про те, що топоніми в художньому дискурсі слугують не лише маркерами дискретизованого просторового континууму, але є також інструментом впливу і засобом подання інформації в особистісній інтерпретації та віддзеркалення мовної картини світу автора.

Ключові слова: топонім, номінаційна парадигма, синтагматика у мовленнєвій презентації топооб'єкта, номінаційне поле топоконцепта, об'єктивні та суб'єктивні компоненти.

Lina N. Gukova,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine; e-mail: gukowa@inbox.ru; тел.: +38(048)776-34-07; моб.: +38-098-23-77-116

Lyudmila F. Fomina,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Applied Linguistics Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine; e-mail: onomastic@yandex.ru; тел.: +38(0482)49-42-41; моб.: +38-067-92-39-001

SPEECH OBJECTIVATION OF THE TOPONYM COGNITIVE IMPLICATIONS IN A. S. PUSHKIN'S DISCOURSE

Summary. The article is created in the framework of cognitive linguistics. The toponym is regarded as a compressed encoded text, which contains a vast complex of components that are revealed by means of paradigmatic and syntagmatic simulation. A topoconcept contains both linguistic and cognitive-semantic components: conceptual, sensually-artistic, axiological. Explication of these components in the artistic discourse is concerned with the author's intentions, aesthetic mindset and is carried out selectively both by constructing nominative paradigms, and due to the combination of characteristic attributives of different types, altogether shaping the topoconcept nominative field.

It is shown that the combination of paradigmatics and syntagmatics in the process of speech presentation of the toponym cognitive implications gives A. S. Pushkin an opportunity to change the characterization keys, actualizing the objective components of the toponym-concept contents in some cases, and revealing the author's subjective intention in others. An argument is provided that toponyms in the artistic discourse do not only serve as discretized spatial continuum markers, but also as an instrument of influence, a means of presenting information in a personal interpretation and of reflecting the author's linguistic worldview.

Key words: toponym, nominational paradigm, syntagmatics in the speech representation of topo-object, nominational field of the topo-concept, objective and subjective components.

Статтю отримано 9.12.2013 р.

УДК 811.161.1'373.21(477.62)

СИДОРЕНКО Елена Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Приазовского
государственного технического университета; Мариуполь, Украина;
e-mail: elenalingva@mail.ru; тел.: +38-067-278-28-17; +38-050-152-65-78

ЭРГОНИМИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ НА ПРИМЕРЕ ЭРГООБЪЕКТОВ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье исследуется один из основных способов образования эргонимов — оттопонимный, указывающий, как правило, на местоположение объекта номинации. Среди трансонимизированных в эргонимы топонимов рассмотрены на конкретных примерах, зафиксированных на территории Донецкой области, такие их виды: ойконимы, астионимы, оронимы, спелеонимы, урбанонимы, агоронимы, годонимы, хоронимы, гидронимы. Как подвиды трансонимизированных хоронимов отмечены административный хороним, городской хороним и хороним природно-исторический. Как подвиды трансонимизированных гидронимов указаны океаноним, пелагоним, потамоним. Различные структурные модели выделены в девять групп, которые включают как разновидности топонимов, так и топонимы в сочетании с апеллятивами и эргонимными терминами. В виде таблицы представлено количественное и процентное соотношение этих групп к общему количеству оттопонимных эргонимов. Также рассмотрены как нейтральные, так и коннотативно окрашенные оттопонимные наименования. Отмечено влияние экстралингвальных факторов на образование эргонимов.

Ключевые слова: эргоним, топоним, трансонимизация, способ номинации, личное имя, структурная модель, русская городская речь, Донецкая область.

В основе создания эргонимов чётко прослеживаются два основных пути: отонимный и отапельлятивный. Они были актуальными с самого начала зарождения эргонимной лексики. Среди отонимных образований доминируют отантропонимные и оттопонимные. Проблема создания новых названий возникла с резким увеличением количества объектов различных форм собственности в 1990-е годы и остаётся актуальной в настоящее время практически во всех регионах нашей страны.

Оттопонимный принцип номинации (по местоположению объекта) появился в результате развития торговых отношений. В эргонимике Донетчины это вторая по численности группа отонимных образований после отантропонимных эргонимов. В качестве оттопонимных компонентов могут выступать различные виды трансонимизированных *гидронимов*, *агиотопонимов*, *годонимов*, *агоронимов*, *ойконимов* (*астионимов* или *полисонимов*), *оронимов*, *спелеонимов*, *хоронимов*, *урбанонимов*, *катоийконимов*, *дримонимов*, *агиотопонимов* (топонимов, образованных от имён святых: кафе *Santa Barbara* (Мар.), «*Сан-Ремо*» (Мар.)).

Ойконимы, СИ любого поселения, представлены главным образом *астионимами* (или *полисонимами*), СИ городов: гастроном «*Мариуполь*» (Мар.), супермаркет «*Москва*» (Дз., Мар.), кафе «*Барна*» (Мар.), «*Афины*» (Мар.), «*Бахчисарай*» (Мар.), кинотеатр «*Савона*» (Мар.), брачное агентство «*Венеция*» (Мар.), салон-парикмахерская «*Марсель*» (Мар.). Долгое время гастроном, расположенный в центральной части Мариуполя, носил оттопонимное название «*Киев*». Эргоним «*Маленький Париж*» (Мар.), называющий магазин высокой моды, представляет собой сочетание астионима с апеллятивом. Использование топонима *Париж* в качестве эргонима отмечено и в других регионах Украины и ближнего зарубежья, так как слово *Париж* «вызывает ассоциации: столица мира, центр моды, элитность» [8, с. 89] и называет «один из самых значительных центров европейской культуры. Что-то хорошее, высококачественное» [6, с. 270]. Эргоним «*Ленинград*» (Мар.) является трансонимизированным антропотопонимом, сохранившимся ещё с 1970-х годов. Используется в качестве эргонима и топоним *Мариуполь*. При основании населённых пунктов переселенцами из Бахчисарая «названия некоторых из них повторили имена кварталов столицы крымского ханства: Бахчисарай и Мариуполь. Со временем все эти селения слились в одно с общим названием Мариуполь» [5, с. 100]. Название «*Бахчисарай*» (Мар.) носит кафе в центре города, «*Мариуполь*» (Мар.) — гастроном, кинотеатр, производственно-коммерческая фирма. В качестве адъективного компонента: АН «*Мариупольская недвижимость*» (Мар.), предприятие «*Мариупольская экскавация*» (Мар.). В составе сложносокращённого названия: АТП «*Мариупольгортранс*» (Мар.), предприятия «*Мариупольгаз*» (Мар.), «*Мариупольтеплосеть*» (Мар.), строительные организации «*Мариупольстрой*» (Мар.), «*Мариуполькурортремстрой*» (Мар.), «*Мариупольметаллургремонт*» (Мар.), «*Мариупольремстрой*» (Мар.). Также широко отмечаются производные от топонима *Европа* в трансонимизированных эргонимах, поскольку *Европа* символизирует «высокий уровень культуры, образования» [4, с. 44]; гостиница «*Европейская*» (Мар.). Существуют названия, в которых топоним *Европа* выполняет функцию основного компонента: радиостанция «*Европа плюс*» (Д., Мар.), магазин «*Окно в Европу*» (Д.).

Ряд названий представляет собой и трансонимизированные *оронимы*, т.е. СИ любых элементов рельефа земной поверхности или любого орографического объекта: магазин «*Алтай*» (Мар.), ЧП «*Эверест-сервис*» (Мар.), спортивный клуб «*Геликон*» (Мар.), названный именем горы в Средней Греции, на которой, по представлениям греков, обитали музы. Однако лексема *Геликон* — в переносном смысле «место поэтического вдохновения» — больше подходит для названия литературного клуба, а не спортивного. Удачно назван трансонимизированным оронимом литературный клуб «*Пар-*

нас» (Мар.). Так назывался горный массив в Фокиде, место обитания Аполлона и муз. В переносном смысле Парнас — сообщество поэтов. Магазин «Поляна» (Мар.) расположен в рабочем поселке недалеко от пустыря, именуемого местными жителями Поляной; «Поляной» называется и остановка автобуса.

Спелеонимный термин представлен в названии кафе «Грот» (Мар.). Трансонимизированные гидронимы отмечены в названиях магазинов «Азов» (Мар.), «Кальмиус» (Мар.), «Кальчик» (Мар.). В этих и некоторых других образованиях реализуется семантический тип «близлежащий природный объект» [1, с. 15].

В транонимизации отмечен ещё один вид топонима — урбаноним, СИ любого внутригородского топографического объекта. Среди исследуемых эргонимов имеется трансонимизированный агороним — название городской площади или рынка в названии магазина «Пятачок» (Мар.), расположенного у площади, которую местные жители называют «Пятачок». «Пятачком» называют и находящийся рядом с этой площадью рынок. Универсам «Кировский» (Мар.) и «Кировский рынок» (Мар.) расположены в районе площади Кирова, ресторан «Театральный» (Мар.) — на Театральной площади.

Годонимы представляют собой СИ линейных объектов в городе, в том числе проспектов, улиц, переулков, проездов, бульваров и т.д. Они трансонимизировались в следующие эргонимы: кафе «Арбат» (Мар.) — по названию известной улицы в Москве (та часть улицы Энгельса в Мариуполе, где расположено кафе, среди горожан также именуется Арбатом), кафе «Бродвей» (Мар.) — по названию улицы Нью-Йорка, ресторан «Приморский» (Мар.) — на Приморском бульваре.

Зафиксированы трансонимизированные хоронимы — СИ любой территории, области, района [7, с. 160]. Н. В. Подольская различает хоронимы административные, городские и природные. Административный хороним, как СИ любой административно-территориальной единицы, имеющей определенные границы, принятое в официальных документах, в том числе название государства, республики, края, области, района, представлен в следующих названиях: кафе «Сицилия» (Мар.), супермаркет «Литва» (Мар.), гастроном «Россия» (Мар.), АН «Византия» (Мар.), ЧП «Алтай» (Мар.). Трансонимизированный административный хороним Донбасс является составляющей ряда названий строительных организаций: «Донбассдомнаремонт» (Д., Мар.), «Донбассмонтажавтоматика» (Мар.), «Донбассводстрой» (Д.), «Донбасспромэлектромонтаж» (Мар.) и др. Городской хороним как СИ части территории города, в том числе района, квартала, парка, отмечен в эргонимах: «Черемушки» (Гор., Мар.) — магазин, расположенный в микрорайоне Черемушки, магазин «Мирный» (Гор., Д., Мар.) также назван по месторасположению — в поселке Мирный, гастрономы «Западный» (Мар.) и «Восточный» (Мар.) находятся, соответственно, в западной и восточной частях города. Название столовой «Полесье» (Мар.) представляет собой трансонимизированный природно-исторический хороним.

В названиях типа ателье «Полтавка» (Мар.), фабрика «Горловчанка» (Гор.) использованы оттопонимические образования — катойконимы, номены для обозначения жителей по названию места жительства. Эргоним «Славянка», называющий магазины (Мар., Гор.), хотя и имеет внешние признаки катойконима, образован от этнонима славяне.

Гидроним, как вид топонима, является СИ любого водного объекта, природного или созданного человеком. Среди эргонимов зафиксированы трансонимизированные океаноним, пелагонимы, потамонимы. Океаноним — СИ океана или его частей, получил отражение в названии фирмы «Атлантика» (Д.). Пелагоним — вид океанонима, СИ любого моря или его части, представлен достаточно обширной группой эргонимов, где доминирующее положение занимают названия, образованные от трансонимизированного пелагонима Азовское море («Азов», «Азовье», Азовский/Азовская/Азовское ..., Азов- ... и т.д.). Бар «Меотида» (Мар.) именован по древнему названию Азовского моря. Название магазина «Каспий» (Мар.) символизирует широту выбора товаров, так как Каспийское море — одно из самых больших озер в мире, в названии которого присутствует термин море. Одноименные казино и бар «Лагуна» (Мар.) также содержат в своем названии термин лагуна — мелководный залив или бухта, отделившаяся от моря вследствие образования полосы наносной суши. В названиях мастерской «Днепр» (Мар.) и магазинов «Кальмиус» (Мар.), «Кальчик» (Мар.) отражены потамонимы — СИ рек.

Среди эргонимизированных топонимов выделяются следующие группы:

— одиночный топоним (группа 1): супермаркет «Москва» (Дз., Мар.), кафе «Афины» (Мар.), ресторан «Варна» (Мар.), салон-магазин «Венеция» (Д.), служба такси «Донбасс» (Гор.), ТРК «Краматорск» (Кр.), салон дверей «Лондон» (Д.);

— топоним + апеллатив (группа 2): предприятия «Мариупольгаз» (Мар.), «Мариупольавто» (Мар.), авиакомпания «Донбасстранзитсервис» (Мар.), автобаза «Дзержинскуголь» (Дз.), кафе «Донец-бургер», ночной клуб Chicago Bowling (Д.), издательство «Донец медиа», АЗС «Донбасс-Арсенал» (Д.);

— апеллатив + топоним (группа 3): ООО «Цемент Донбасса» (Ен.), ЗАО «Глины Донбасса» (Сл.), ООО «Денор Украина» (Д.), фермерское хозяйство «Слава Донбасса», ювелирный салон «Золото Украины» (Д.), магазин «Вина Молдовы» (Мар.), издательство «Прайсы Донбасса» (Д.);

— оттопонимный адъектив, который выполняет функцию урбанонима (группа 4): универсамы «Кировский» (Мар.), «Западный» (Мар.), СТО «Енакиевская» (Ен.), санаторий «Славянский» (Сл.), служба такси «Донецкое» (Д.), рынки «Буденновский» (Д.), «Киевский» (Мар.), шахты «Кондатовская» (Гор.), «Путиловская» (Д.). Эти эргонимы указывают на месторасположение объекта в определенной части города и таким образом являются эргонимами-ориентирами;

— оттопонимный адъектив + эргонимный термин (группа 5): предприятия «Итальянский ресторан» (Д., Мар.), «Мариупольская биржа» (Мар.), «Мариупольская химчистка» (Мар.), салон красоты «Петербургский салон» (Д.), АТП «Калиновская автобаза» (Д.);

— оттопонимный адъектив + апеллатив (группа 6): рестораны «Украинский борщ» (Мар.), «Русский чай» (Мар.), «Кавказская кухня» (Д.), АН «Донецкая ипотека» (Д.), магазин-салон «Чешская сантехника» (Д.), магазины «Донецкие окна» (Д.), «Московский привоз» (Д.), «Украинские сладости» (Мар.);

— оттопонимный адъектив + прилагательное, обозначающее продукцию или характер деятельности + эргонимный термин (группа 7): «Мариупольская кондитерская фабрика» (Мар.), «Мариупольский кирпичный завод» (Мар.), «Мариупольский кожсохимический завод» (Мар.), «Донбасская торгово-промышленная палата» (Д., Мар.), «Азовская кредитная компания» (Мар.), «Приазовский государственный технический университет» (Мар.), «1-й Украинский международный банк» (Гор., Д., Мар.). Лексемы *Донбасская*, *Азовская*, *Приазовский* указывают на региональный признак месторасположения объектов, а лексема *Украинский* — на их государственную принадлежность;

— адъектив + топоним (группа 8): магазин «Маленький Париж» (Мар.), кафе «Старый Мариуполь» (Мар.);

— апеллатив + предлог + топоним (группа 9): магазины «Стройматериалы на Карпинского» (Мар.), «Обои из Европы» (Д.), «Одежда из Германии» (Д.).

Таблица

Количественное и процентное соотношение различных групп эргонимов оттопонимного образования

группа	количество	% от общего количества эргонимизированных топонимов	% от общего количества оттопонимных эргонимов
1	293	16	3,9
2	601	33	8
3	220	12	2,9
4	143	8	1,9
5	60	3,3	0,8
6	94	5,1	1,2
7	381	21	5,1
8	25	1,3	0,3
9	21	1,1	0,2

Наиболее частотны эргонимы с оттопонимными основами: *Азов-*, *Азовский/-ая/-ое*, *Донецк-*, *Донецкий/-ая/-ое*, *Донбасс-*, *Донбасский/-ая/-ое*, *Украинский/-ая/-ое*, *Евро-*.

Кроме нейтральных оттопонимных эргонимов, широко используются коннотативные, которые характеризуются «тим, що в їх основі лежать асоціативні зв'язки, які мають натяк на специфіку підприємства, особливості пропонованої продукції чи послуг» [3, с. 44]. Среди зафиксированных нами отметим такие эргонимизированные топонимы: АН «Византия» (Мар.) — наметок на просторное роскошное жилище, кафе «Бахчисарай» (Мар.) — на экзотику крымско-татарской кухни, магазин одежды «Маленький Париж» (Мар.) — последние новинки моды, предприятие «Эверест-сервис» (Мар.) предлагает выполнение высотных работ, ресторан «Испанский двор» (Мар.) оборудован в стиле Средневековья, торговый павильон «Каспий» (Мар.) предлагает широкий выбор морепродуктов.

Трансонимизация таких топонимов, как Варна > кафе «Варна» (Мар.), Москва > супермаркет «Москва» (Дз., Мар.), Литва > супермаркет «Литва» (Мар.), меняет актуальный смысл онима. По другому воздействию рекламные призывы: «Добро пожаловать в «Москву»», «Покупайте в «Литве»», «Варна — лучшее место для проведения семейных праздников и корпоративных вечеринок!». Ассоциативные картины, возникающие в сознании горожан, — уже не одноименные города, а именно объекты торговли и развлечения. Происходит процесс перекомбинации семантических компонентов, «игра сем». Тем не менее, «загалом серед асоціатив, породжених онімами, панує пряме, логічне осмислення стимулів» [2, с. 49].

Таким образом, в рассмотренной нами группе представлены различные виды топонимов, трансонимизированных в эргонимы по определённым структурным моделям.

Являясь именами собственными, эргонимы образуются по законам, характерным для всей ономастической системы, однако учитывая их специфику как перефразированного разряда онимов, присутствуют определённые структурно-семантические особенности, свойственные только эргонимам. При рассмотрении и анализе различных влияний на номинационные процессы учитываются как лингвальные, так и экстралингвальные (логические, психологические и другие) факторы. Таким образом, в рассмотренной нами группе представлены различные виды топонимов, трансонимизированных в эргонимы по определённым структурным моделям.

Литература

1. Ворошилова Е. В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Ворошилова. — Тюмень, 2007. — 19 с.

2. Карпенко О. Ю. Спільне і відмінне в асоціативному осмисленні різних розрядів онімів / О. Ю. Карпенко // Записки з ономастики : [зб. наук. пр.] — Одеса : АстроПринт, 2005. — Вип. 9. — С. 47–53.
3. Кутуза Н. В. Актуальні параметри ергономічного декодування / Н. В. Кутуза // Записки з ономастики : [зб. наук. пр.] — Одеса : АстроПринт, 2000. — Вип. 4. — С. 40–47.
4. Отин Е. С. Матеріали к коннотационному словарю русских онимов / Е. С. Отин // Номинация в ономастике : [сб. науч. тр.] — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. — С. 41–51.
5. Отин Е. С. Пробные статьи к историко-этимологическому словарю географических названий юго-восточной Украины / Е. С. Отин, Л. П. Борисова, К. В. Першина // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации : [сб. ст.] — Донецк : ДонГУ, 1993. — С. 94–107.
6. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. — Донецк : Юго-Восток, 2004. — 412 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М. : Наука, 1988. — 170 с.
8. Соболева Т. А. Товарные знаки / Т. А. Соболева, А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1986. — 176 с.

References

1. Voroshilova Ye. V. Onomastikon goroda Kanska kak otrazhenie istorii i kultury naroda : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / Ye. V. Voroshilova. — Tyumen, 2007. — 19 s.
2. Karpenko O. Yu. Spilne i vidminne v asotsiatyvnomu osmyslenni riznykh rozryadiv onimiv / O. Yu. Karpenko // Zapysky z onomastyky : [zb. nauk. pr.]. — Odessa : AstroPrynt, 2005. — Vyp. 9. — S. 47–53.
3. Kutuzha N. V. Aktualni parametry ergonomichnogo dekoduvannya / N. V. Kutuzha // Zapysky z onomastyky : [zb. nauk. pr.]. — Odessa : AstroPrynt, 2000. — Vyp. 4. — S. 40–47.
4. Otin Ye. S. Materialy k konnotatsionnomu slovaryu russkikh onimov / Ye. S. Otin // Nominatsiya v onomastike : [sb. nauch. tr.]. — Sverdlovsk : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1991. — S. 41–51.
5. Otin Ye. S. Probnye stat'i k istoriko-etimologicheskomy slovaryu geograficheskikh nazvaniy yugo-vostochnoy Ukrainy / Ye. S. Otin, L. P. Borisova, K. V. Pershina // Aktualnye voprosy teorii yazyka i onomasticheskoy nominatsii : [sb. st.]. — Donetsk : DonGU, 1993. — S. 94–107.
6. Otin Ye. S. Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen / Ye. S. Otin. — Donetsk : Yugo-Vostok, 2004. — 412 s.
7. Podolskaya N. V. Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii / N. V. Podolskaya. — M. : Nauka, 1988. — 170 s.
8. Soboleva T. A. Tovarnye znaki / T. A. Soboleva, A. V. Superanskaya. — M. : Nauka, 1986. — 176 s.

Список сокращений:

- СИ — собственное имя
 АН — агентство недвижимости
 АТП — автотранспортное предприятие
 ЧП — частное предприятие
 ТРК — телерадиокомпания
 АЗС — автозаправочная станция
 ООО — общество с ограниченной ответственностью
 ЗАО — закрытое акционерное общество
 СТО — станция технического обслуживания
 Д. — Донецк
 Мар. — Мариуполь
 Гор. — Горловка
 Кр. — Краматорск
 Дз. — Дзержинск
 Ен. — Енакиево
 Сл. — Славянск

Сидоренко Елена Николаївна,
 кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Приазовського державного технічного університету;
 Маріуполь, Україна;
 e-mail: elenalingva@mail.ru; тел.: +38-067-278-28-17; +38-050-152-65-78

ЕРГОНІМІЗАЦІЯ ТОПОНІМІВ НА ПРИКЛАДІ ЕРГОНІМНИХ ОБ'ЄКТІВ ДОНЕЦЬКОЇ ОБЛАСТІ

Анотація. Статтю присвячено одному з основних засобів утворення ергонімів — відтопонімному, який вважує, як правило, на місце розташування об'єкта номінації. Серед трансонімизованих в ергоніми топонімів розглянуто на конкретних прикладах, зафіксованих на території Донецької області, такі види: ойконіми, астіоніми, ороніми, спелеоніми, урбаноніми, агороніми, годоніми, хороніми, гідроніми. Як підвиди трансонімизованих хоронімів зазначено адміністративний хоронім, міський хоронім та хоронім природно-історичний. Як підвиди трансонімизованих гідронімів показано океанонім, пелагонім, потамонім. Різні структурні моделі виокремлено у дев'ять груп, які містять як різновиди топонімів, так і топоніми в поєднанні з апелативами та ергонімами термінами. У вигляді таблиці запропоновано кількісне та відсоткове співвідношення цих груп до загальної кількості відтопонімних ергонімів. У статті розглянуто також нейтральні та конотативні відтопонімні назви. Досліджено вплив екстралінгвальних чинників на утворення ергонімів.

Ключові слова: ергонім, топонім, трансонімизація, засіб номінації, власне ім'я, структурна модель, російське міське мовлення, Донецька область.

Yelena N. Sydorenko,
 Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Foreign Languages Chair of the Pryazovskyi State Technical University;
 Mariupol, Ukraine;
 e-mail: elenalingva@mail.ru; tel.: +38-067-278-28-17; +38-050-152-65-78

ERGONOMISATION OF TOPONYMS ON THE EXAMPLES OF ERGONYMIC OBJECTS OF THE DONETSK REGION

Summary. The article is devoted to one of the main ways of ergonym formation — transonymisation from toponyms which points, as a rule, to the location of the object nominated. Among the ergonyms transonymised from toponyms found in the Donetsk region their certain examples are investigated: oikononyms, astionyms, oronyms, speleononyms, urbanonyms, agoronyms, godonyms, horonyms, hydronyms. As subtypes of transonymised horonyms the administrative horonym, the city horonym and the natural-and-historical horonym are shown. As subtypes of transonymised hydronyms the oceanonym, the pelagonym, the potamonym are singled out. Different structural models are subdivided into nine groups, which contain various kinds of toponyms and toponyms

with appellatives and ergonymic terms. The given table looks at the quantitative and percentage-based correlation of these groups to the total number of ergonyms transonymised from toponyms. Attention is also paid to neutral and connotative ergonyms transonymised from antroponyms. The influence of extralingual factors on the formation of ergonyms is also considered.

Key words: ergonym, toponym, transonymisation, way of nomination, proper name, structural model.

Статтю отримано 20.10.2013 р.

УДК 811.161.1'373.2(47)«19»

СИНЯВСКАЯ Ольга Евгеньевна,

аспирант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко; Киев, Украина;

e-mail: olga.sinyavskaya@mail.ru; тел.: +38-093-762-62-36

РУССКИЕ КОММЕРЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам присвоения товару коммерческого имени в советский период. Государственный контроль над рекламной деятельностью в СССР привёл к нейтрализации конкуренции, что негативно сказалось на нейминге. Изучение коммерческих номинаций находилось на периферии исследовательских интересов советских лингвистов. В статье отражена специфика русской коммерческой номинации на разных этапах развития советского общества. Проанализированы основные особенности советских неймов в графическом, лексико-семантическом, словообразовательном и нейролингвистическом аспектах. Анализ графического уровня советского нейминга демонстрирует некоторые способы привлечения внимания потребителя (выделение названий с помощью написания с новой строки, прописными буквами, жирным шрифтом, использование подчёркивания и др.). Словообразовательный уровень наименований отражает специфику языка советской эпохи (употреблялись различные виды аббревиации). Лексико-семантические особенности заключаются в использовании идеологически маркированной лексики, на смену которой пришло активное употребление заимствований наряду с исконно русской лексикой. В аспекте нейролингвистики нейминг советского периода характеризуется простым набором актуализированных психологических моделей мира, небольшим количеством имён, основанных на сенсбилизации, и адекватной структурой фрейма. В коммерческих наименованиях нашли отражение изменения социально-политического устройства и культурно-ценностных ориентиров советского общества на каждом этапе его развития.

Ключевые слова: нейминг, советская коммерческая номинация, лексико-семантический аспект, нейролингвистический аспект.

«Нейминг» (от англ. «name» — имя) — это процесс и результат создания коммерчески релевантного названия. В качестве сферы профессиональной деятельности нейминг оформился в конце XIX века, когда в связи с технологическим прорывом, развитием науки и ростом производства на рынке начало появляться всё большее количество однотипной продукции, что привело к конкуренции и необходимости выделить товар с помощью наименования среди массы подобных.

Исследование коммерческих номинаций советского периода способствует расширению знаний о нейминге как явлении современной действительности и даёт возможность проследить факты преемственности в сфере коммерческих имён. В связи с этим анализ советских коммерческих названий представляется актуальным для лингвистики, рекламистики и других наук.

Характер советской рекламной деятельности в целом и нейминга в частности был предопределён экстралингвистическими факторами: советская власть стремилась распространить своё влияние на все сферы жизни общества, в том числе и коммерческую. Реклама также была подконтрольной государству, что свидетельствует об осознании важности данной деятельности, которая тесно связана с процессом создания коммерчески релевантного названия: «Реклама — это имя вещи. Как хороший художник создаёт себе имя, так создаёт себе имя и вещь. Увидев на обложке журнала «знаменитое» имя, останавливаются купить. Будь та же вещь без фамилии на обложке, сотни рассеянных просто прошли бы мимо» [2]. Процесс создания коммерческих номинаций регулировался постановлением ЦИК и СНК СССР от 12 февраля 1926 года «О товарных знаках», в котором содержался порядок проведения экспертизы заявок на регистрацию товарных знаков. В нём были сформулированы «важнейшие положения данной экспертизы, которые не утратили своей актуальности и по сей день. Среди них можно отметить принципы оценки охраноспособности географических наименований, фамилий и рекламных обозначений в качестве товарных знаков, правила оценки сходства товарных знаков, критерии превращения словесного товарного знака в общеупотребительное наименование товара» [7]. Тем не менее, государственный контроль над рекламной деятельностью привёл к нейтрализации конкуренции, что, в свою очередь, негативно сказалось на советском нейминге: вместо конкретных торговых марок рекламировались определённые категории товаров. Т. А. Соболева и А. В. Суперанская отмечают существование коммерческих имён в Советском Союзе только в преобразованном виде как сортовых обозначений и выделяют некоторые традиции наименования лишь для отдельных товарных категорий советской промышленности (парфюмерия, кондитерская продукция, мебельные гарнитуры и т. п.) [6, с. 154–155].

Неразвитость номинационной сферы товарного производства в СССР привела к тому, что изучение коммерческих номинаций находилось на периферии исследовательских интересов советских лингвистов. Этот вопрос рассматривался в работах А. В. Суперанской, Т. А. Соболевой, Н. Д. Голева, В. А. Московича, Е. Ф. Тарасова, М. Е. Новичихиной [3].

Несмотря на то, что государственная монополия на производство и распространение товаров привела к отсутствию конкуренции, анализ **графического** уровня советского нейминга демонстрирует некоторые способы привлечения внимания потребителя. Во-первых, коммерческие наименования и названия производителей часто выделялись с помощью написания с новой строки, прописными буквами или другим, по сравнению с основным текстом сообщения, шрифтом. Во-вторых, активно использовалось подчёркивание и выделение жирным шрифтом. В-третьих, одной из характерных черт советского рекламного текста стало написание коммерческих наименований с помощью шрифтов, стилизованных под рукописные. Подобный акцент на имени также создавал атмосферу живого общения с потребителем. Таким образом, советские рекламисты, осознавая важность привлечения внимания к важнейшим пунктам объявления, выделяли наименование товара.

Словообразовательный уровень наименований отражает специфику языка советской эпохи. Употреблялись различные виды аббревиации: буквенная (табачные изделия «СССР», «БАМ», «КМВ», «ЦНА», «ВТ», «АМО», «ВДВ», «КФ (комбинированный фильтр)», «ЛЕЭК», «РС (русские сигареты)»), сложение усечённых основ (папиросы «Профинтерн», «Инпродторгмаш-78», «Морфлот», «Речфлот») или усечённых и полных (папиросы «Беломорканал»). Активное употребление аббревиатурных названий в советских рекламных текстах свидетельствует о том, что с увеличением темпа жизни нашёл яркое проявление закон экономии речевых усилий [4].

Особенности **лексико-семантического** уровня неймов советского периода предопределялись экстралингвистическими факторами: характером социально-политического устройства и культурно-ценностных ориентиров общества.

Приметы раннего советского периода нашли отражение в названиях товаров, значения которых характеризовались пропагандистско-идеологической окраской, поскольку реклама рассматривалась как средство продвижения новых общественных и эстетических норм. Это способствовало тому, что лексика советских неймов, в особенности раннего периода, отличалась **идеологической маркированностью** (например, карамель «Республиканская», «Красная Москва», «Красная Заря», печенье «Турксиб», «Пионерия», ягодная пастила «Метро строит вся Москва», кофе «Москва социалистическая», папиросы «Красноармеец», «Профинтерн»). В оформлении товаров использовались политические символы: красные знамёна и ленты, колосья, шестерни, пятиконечные красные звёзды, серп и молот, цитаты и портреты государственных деятелей и т. п.

Советские коммерческие наименования зачастую были представлены **общеупотребительными словами**. Прослеживается тенденция к применению видовых наименований продуктов (например, «Горькие настойки», «Кофе», «Ликеры», «Пельмени», соус «Майонез», табачные изделия «Папиросы»). Большое количество неймов представляют собой многословные названия (например, табачные изделия «АМО первый автомобильный завод», «Десятый Международный кинофестиваль — Москва, 1977», «Строительство магистрального газопровода Союз», кондитерские изделия «Метро строит вся Москва», «Народная: Очаг культуры в деревне», «Не ходи по проезжей части», «По особому заказу ЦЕНТРОСОЮЗА», «Пятилетка в четыре года»), что значительно затрудняет их восприятие, воспроизведение и запоминание потребителем. Это связано с тем, что советская товарная реклама выполняла, прежде всего, информативную функцию. Практик советской рекламы Г. Горощенко утверждал: «...Первая из наиболее распространённых точек зрения по вопросу об оформлении упаковок, коробок, этикеток заключается в том, что в условиях плановой организации нашей хозяйственной жизни и при отсутствии частной конкуренции всякая этикетка как отдельная художественная величина должна перестать существовать, превратившись в сухой бланк с печатным обозначением содержания и свойств товара и фабрики» [1]. Подобной установкой на конкретность и правдивость объясняется то, что среди неймов товаров почти не представлена **экспрессивная лексика**. Это обусловлено также дистанцированием советских рекламистов от приёмов западной и дореволюционной русской рекламы.

В конце 1930-х наблюдается тенденция к деполитизации коммерческих наименований, которые лишаются функции агитации, как в ранний период развития советской рекламы. Разрабатываются новые **неполитизированные, нейтральные наименования**. Например: «Белочка», «Зоологические», «Кара-Кум», «Терем-теремок», «Ночка», «Мишка косопатый», «Русское поле», «Красная Шапочка», «Снежок», «Золотой ключик», «Маска», «Чародейка», «Куколка». Во многих из этих названий используются уменьшительно-ласкательные суффиксы («Белочка», «Ночка», «Мишка», «Куколка», «Теремок», «Снежок»), что свидетельствует об их направленности на целевую аудиторию детей. Появляются названия, актуализирующие **полярную и северную тематику**: «Мишка на Севере», «Мишка-сибиряк», «Север», «Северная ягодная», «Полярная», «Мишка полярный», табачные изделия «Север», «Северный Полюс», которые отражают активное и планомерное освоение Советским Союзом Крайнего Севера в середине 30-х годов. Целью привлечения внимания потребителей объясняется использование части **дореволюционных наименований**, которые заслужили доверие покупателей: шоколад «Золотой ярлык» и «Серебряный ярлык», «Раковые шейки», «А ну-ка, отними!» и некоторые другие.

В моду входят **зайствованные**, в основном, из французского языка, названия: «Шантеклер», «Птифур», «Ша-нуар», «Бебе», «Кабарэ», «Миньон», свидетельствующие о престижности именуемого товара. Выбор лексики для названия товара часто отражал **социальную дифференциацию** населения. Например, для папирос высшего сорта использовалась иноязычная лексика («Д'ор», «Меджидие»,

«Сельям», «Ориент»), лексика с семантикой богатства, роскоши («Герцеговина Флор», «Посольские», «Дукат»), лексика с семантикой исключительного качества («Шедевр», «Триумф»), лексика, апеллирующая к названиям советских фильмов и литературных произведений («Аэлита», «Эсмеральда», «Мисс-Менд», «Рычи, Китай!», «Зангезур»). Дешёвые сорта, предназначенные для широких масс потребителей, имели тенденцию к снижению вербального образа товара. В качестве наименований для таких табачных изделий использовались общеупотребительные слова («Кино», «Бокс», «Шутка», «Союз», «Сноп»), разговорная лексика и выражения («Червонец», «Резвушка», «Гривенники», «Шуры-Муры») и восклицания («Енсель-Монсель», «Ой-Ой»).

Военное и послевоенное время в СССР характеризовалось *патриотической направленностью* наименований, тенденцией к возрождению в названиях товаров национальной самобытности и культурных традиций, о чём свидетельствует появление на рынке конфет и папирос под названием «Победа», а также серии кондитерских изделий, связанных с творчеством русских писателей: «Басни Крылова», «Сказки Пушкина», «Айболит». В нейминге находят отражение достижения советского общества в науке, технике и культуре: кондитерские изделия «Космос», «Спутник», «Олимпийский Мишка», табачные изделия «ТУ 134», «Аэропорт Домодедово», «Запорожец», «Ракета», «Космос», «Метро», «XX лет Октября».

В аспекте *нейролингвистики* советский нейминг характеризуется слабой сенсорной обработкой имени. Анализ коммерческих номинаций демонстрирует, что лишь около 10 % советских наименований основаны на сенсibilизации — параллельной ментальному процессу именованию стимуляции органов чувств [5]. В основном, советским неймам свойственна *мономодальность* (более 90 %), которая сводится к стимуляции одного преобладающего органа чувств. Так, наименования продуктов апеллируют, как правило, к вкусовым рецепторам: напитки «Абрикосовый», «Апельсиновый», конфеты «Ванильные», «Виноградные», пиво «Карамельное». В нейминге советского периода активно используется также *расщеплённая модальность*, направленная на другие ментально-чувственные зоны, например, зрительную (конфета «Красная»), тактильную (пиво «Бархатное»), обонятельную (чай «Аромат»), слуховую (табачные изделия «Мелодия»). Реже среди советских коммерческих номинаций встречается использование *комплексной модальности*, которая является наиболее эффективной при скрытом воздействии на органы чувств человека, поскольку предполагает стимуляцию одновременно нескольких зон восприятия. Например, обращение к зрительным и тактильным (пиво «Чёрное-бархатное»), тактильным и обонятельным (конфеты и напиток «Ёлочка»), зрительным и слуховым (напиток, конфеты и табачные изделия «Салют») ощущениям. Это свидетельствует о том, что в Советском Союзе уделялось мало внимания разработке способов воздействия на потребителя, поскольку из-за монополизации государством коммерческой сферы отсутствовала конкуренция как таковая.

Наиболее обширными моделями мира, которые конструируют советские коммерческие наименования, являются *географическая* (указание на географическую локализацию товара, например, табачные изделия «Москва», «Новый Харьков», «Ялта»; кондитерские изделия «Красная Москва», «Северная»; водка «Московская особая», «Украинская горилка»; пиво «Донецкое», «Закарпатское», «Киевское», «Ленинградское») и *этнографическая* (указание на этнические ценные факты и события, например, табачные изделия «Казацкая удаль», «Северная Пальмира»; кондитерские изделия «Красноармейская Звезда», «Юный Пионер»; водка «Гопак»). То, что данные картины мира представлены наибольшим количеством неймов, непосредственно отображает реальную действительность, поскольку СССР являлась самой крупной по площади страной мира, в которую входило большое число республик (15). В советском нейминге также активно используются *историческая* (табачные изделия «XX лет Октября», «XXX лет Октября», «Пётр Великий»; кондитерские изделия «Александр Невский»), *социально-психологическая* (указание на высокое социальное положение потребителя, например, табачные изделия «Делегатские», «Депутатские», «Знатные»; водка «Посольская») и *экономическая* (указание на наивысшую потребительскую ценность товара, например, табачные изделия «Шедевр», «Триумф») модели. *Физиологическая* модель представлена небольшим числом неймов. Это свидетельствует о том, что в советское время вопрос о полезности, экологичности и биологической ценности продукции не поднимался.

При анализе структуры фрейма советской рекламы можно отметить, что для нейминга этого периода характерными являются позиции товара в качестве объекта, атрибута и инструмента. Положение, при котором продукт занимает место *объекта* (например, напиток «Десерт», печенье «К завтраку», шоколад «Детский шоколад», мороженое «Семейное»), может считаться нормативным в рамках обобщённой фреймовой схемы «Потребитель приобретает товар». Советские неймы часто выполняют функции атрибута весёлого времяпровождения, празднования, встречи с друзьями (например, табачные изделия «Веселье», шоколад «Салют», конфеты «Праздничные»). Также названия советских продуктов часто функционируют в качестве *инструмента* достижения высокого уровня в развитии общества (например, табачные изделия «Десятый Международный кинофестиваль», «Строительство магистрального газопровода Союз», конфеты «Метро строит вся Москва», «Пятилетка в четыре года»). Это свидетельствует о том, что коммерческие наименования, как и реклама в целом, были направлены, прежде всего, на достижение целей, поставленных государством, и являлись одним из средств создания идеального советского общества.

Таким образом, лексико-семантические особенности советского нейминга заключаются в использовании на раннем этапе идеологически маркированной лексики, которое сменилось активным употреблением заимствований наряду с исконно русской лексикой. В коммерческих наименованиях нашли отражение различные изменения социально-политического устройства и культурно-ценностных ори-

ентиров советского общества на каждом этапе его развития. Нейминг советского периода характеризуется простым набором актуализированных психологических моделей мира, небольшим количеством имён, основанных на сенсбилизации и адекватной структуре фрейма.

Литература

1. *Горощенко Г.* Оформление упаковок [Электронный ресурс] / Г. Горощенко. — М.; Л.: Огиз-Изогиз, 1932. — 56 с. — Режим доступа: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/SOVIET_20/SOVIET_20.HTM.
2. *Маяковский В.* Агитация и реклама [Электронный ресурс] / В. Маяковский. — 1923. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/msc/msc-057-.htm>.
3. *Новичихина М. Е.* Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / М. Е. Новичихина. — Воронеж, 2004. — 351 с.
4. *Паршук Н. В.* Вербализация побудительной интенции в русском рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Паршук. — Киев, 2008.
5. *Слухай Н. В.* Лингвистические аспекты нейминга / Н. В. Слухай // Филологічні науки: синхронічний та діахронічний аспекти. — Суми: СумДУ, 2009. — С. 397–405.
6. *Соболева Т. А.* Товарные знаки / Т. А. Соболева, А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1986. — 176 с.: ил.
7. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18685>.

References

1. *Goroshchenko G.* Oformlenie upakovok [Elektronnyy resurs] / G. Goroshchenko. — M.; L.: Ogiz-Izogiz, 1932. — 56 s. — Rezhim dostupa: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/SOVIET_20/SOVIET_20.HTM.
2. *Mayakovskiy V.* Agitatsiya i reklama [Elektronnyy resurs] / V. Mayakovskiy. — 1923. — Rezhim dostupa: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/msc/msc-057-.htm>.
3. *Novichikhina M. Ye.* Teoreticheskie problemy issledovaniya effektivnosti kommercheskoy nominatsii: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19 / M. Ye. Novichikhina. — Voronezh, 2004. — 351 s.
4. *Parshuk N. V.* Verbalizatsiya pobuditelnoy intentsii v russkom reklamnom tekste: dis. ... kand. filol. nauk / N. V. Parshuk. — Kiev, 2008.
5. *Slukhay N. V.* Lingvisticheskie aspekty neyminga / N. V. Slukhay // Filologichni nauki: sinkhronichniy ta diakhronichniy aspekti. — Sumi: SumDU, 2009. — S. 397–405.
6. *Soboleva T. A.* Tovarnye znaki / T. A. Soboleva, A. V. Superanskaya. — M.: Nauka, 1986. — 176 s.: il.
7. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18685>

Синявська Ольга Євгенівна,

аспірант кафедри російської мови Інституту філології Київського національного університету ім. Тараса Шевченка; Київ, Україна;

e-mail: olga.sinyavskaya@mail.ru; тел.: +38–093–762–62–36

РОСІЙСЬКІ КОМЕРЦІЙНІ НОМІНАЦІЇ РАДЯНСЬКОГО ПЕРІОДУ В СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМУ ВИСВІТЛЕННІ

Анотація. Стаття присвячена проблемам привласнення товару комерційного імені в радянський період. Державний контроль над рекламною діяльністю в СРСР призвів до нейтралізації конкуренції, що, у свою чергу, негативно вплинуло на неймінг. Вивчення комерційних номінацій знаходилося на периферії дослідницьких інтересів радянських лінгвістів. У статті відбито специфіку російської комерційної номінації на різних етапах розвитку радянського суспільства. Проаналізовані основні особливості радянських неймів у лексико-семантичному, словотвірному та нейролінгвістичному аспектах. Аналіз радянського неймінгу демонструє деякі способи привертання уваги споживача (написання назв з нового рядка, виділення прописною літерою, жирним шрифтом, використання підкреслення тощо). Словотвірний рівень назв відображає специфіку мови радянської епохи (використовувалися різні види абревіації). Лексико-семантичні особливості полягають у застосуванні ідеологічно маркованої лексики, особливо в ранній період становлення радянського суспільства. Воно змінилось активним використанням залозичень поряд з російською лексикою. В аспекті нейролінгвістики неймінг радянського періоду характеризується простим складом актуалізованих психологічних моделей світу, невеликою кількістю імен, які основані на сенсбилізації, та адекватною структурою фрейму. У комерційних назвах знайшли відображення різноманітні зміни соціально-політичного устрою та культурно-ціннісних орієнтирів радянського суспільства на кожному етапі його розвитку.

Ключові слова: неймінг, радянська комерційна номінація, лексико-семантичний аспект, нейролінгвістичний аспект.

Olga Ye. Sinyavskaya,

post-graduate student of the Russian Language Chair of Institute of Philology of Shevchenko Kiev National University; Kiev, Ukraine;

e-mail: olga.sinyavskaya@mail.ru; тел.: +38–093–762–62–36

THE RUSSIAN COMMERCIAL NAMES OF THE SOVIET PERIOD IN SYSTEM AND STRUCTURAL LIGHTING

Summary. The article is devoted to the problem of assignment of commercial name to goods during the Soviet period. The state control over advertizing activity in the USSR led to competition neutralization that negatively affected a naming. Studying of the commercial nominations was on the periphery of research interests of the Soviet linguists. Research shows specifics of the Russian commercial nomination in different stages of development of the Soviet society. The main features of Soviet-names in lexical-semantic, derivation and neurolinguistic aspects are analysed. The analysis of graphic level of the Soviet naming shows some ways of drawing attention of the consumer (allocation of names by means of writing since a new line, capital letters, underlining etc.). Word-formation level of names reflects specifics of language of the Soviet era (different types of abbreviation were used). Lexical-semantic features of the Soviet naming consist in use of ideologically marked lexicon, especially at an early stage of formation of the Soviet society which was replaced by the active use of loanwords along with primordially Russian lexicon. In aspect of a neurolinguistics the naming of the Soviet period is characterized by a simple set of the psychological models of the world, a small amount of the names based on a sensitization and adequate structure of a frame. Various changes of the socio-political device and cultural and valuable reference points of the Soviet society found reflection in commercial names at each stage of its development.

Key words: naming, Soviet commercial nomination, lexico-semantic aspect, neurolinguistic aspect.

Статтю отримано 15.10.2013 р.

ПИТАНИЯ СЛОВОТВОРУ

УДК 811.161.1'373.611

СОСНИНА Людмила Васильевна,кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Донецкого национального технического университета; Донецк, Украина;
e-mail: ludmilasosnina@gmail.com; тел.: +38(062)335-91-99; моб.: +38-050-942-49-28**СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ БАХУВРИХИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена выделению основных структурных типов бахуврихи в современном русском языке. Существует две разновидности бахуврихи: посессивные слова и образованный на их базе композит. Описание моделей образования композитов универбализационного типа, в т.ч. бахуврихи, предполагает описание моделей именно формального преобразования композита в слово, поскольку семантика исходного словосочетания и композита абсолютно идентична. В современной лингвистике выделяют четыре основных типа универбализации, а именно: прямая универбализация, универбализация компонентного, метатезного и компонентно-метатезного типа. При анализе бахуврихи мы выделяем количество компонентов, тип связи между членами производящего словосочетания и порядок следования, а также грамматические характеристики. Модель структуры композита указывает на порядок следования и способ расположения эквивалентов компонентов исходного словосочетания в универбализационном композите, а также на его словесное оформление. Среди грамматических характеристик единиц базового словосочетания выделяются такие параметры, как принадлежность компонента к определённой части речи, падежная форма (для изменяемых слов) и парадигматическая активность. Рассматриваются модели прилагательных как с качественным, так и с нумеративным значением. Данная классификация требует дальнейшего рассмотрения с учётом изменений в лексическом составе современного русского языка.

Ключевые слова: атрибутивная функция, бахуврихи, композит, модель, словосочетание, универбализация.

В данной статье рассматриваются основные структурные типы бахуврихи в русском языке, т.е. сложных прилагательных, образованных на базе атрибутивных конструкций со значением посессивности, напр.: *рыжеволосый* (< с *рыжими волосами*), *однотомный* (< в *одном томе*). В русском языке «единицы данного типа в очень большом количестве случаев возникают не как словесные интерпретации коллокаций, а как однословные реализации аналитических лексико-семантических вариантов номинатем с доминантой словом, которые выполняют в речи атрибутивную функцию» [6, с. 203]. Однако комплексных описаний русских бахуврихи пока ещё нет. Кроме того, уточнений требуют и некоторые теоретические положения, связанные с интерпретацией и описанием данного типа композитов. Так, например, необходимым нам представляется обозначить границы этого разряда атрибутов, разработать методики анализа формальных преобразований словосочетаний в бахуврихи, ономаσιологические типы последних. Всё это и определяет актуальность нашего исследования.

Теоретической базой работы послужили труды Е. Г. Васильевой, Н. В. Макаровой, В. И. Максимова, Н. В. Трофимовой, В. И. Теркулова. Наиболее авторитетной в языкознании является теория Э. Бенвениста, относящего бахуврихи к классу сложных имён, в котором «отношение между двумя компонентами некоторым образом выходит за их пределы» [1, с. 250]. Учёный определял синтаксическую структуру бахуврихи как трёхчленную: «Кроме двух выраженных членов, она включает невыраженный, но необходимый член — носитель атрибута» [1, с. 252]. Весьма важным нам представляется утверждение о том, что бахуврихи «сочетают синтаксическую функцию и семантическую функцию; они двуплановы» [1, с. 253]. Таким образом, возникает необходимость разграничения ономаσιологических моделей бахуврихи и деривационных атрибутивных композитов. В случае с бахуврихи, атрибутивная посессивная функция исходного словосочетания реализуется при помощи суффикса, выступающего только в качестве «оформителя однословности», поскольку он не вносит в значение исходного словосочетания никаких новых сем. Например, абсолютно тождественна семантика словосочетания *со слабым характером* и *слабохарактерный*, что подтверждается возможностью свободной взаимозамены указанных единиц в близких или даже тождественных контекстах: *Человеку со слабым характером не хватает сил и воли для достижения своих целей, он с лёгкостью подвергается чуждому влиянию* (<http://v-garmonii-s-soboi.ru/ponyat-sebua-chtobyi-ponyat-drugogo-kak/silnyiy-i-slabyy-harakter>); *Он золотой человек, но слабохарактерный* (<http://obkom.net.ua/read/467.shtml>). Суффикс же деривационного атрибутивного композита является формантом, определяющим признаковое значение нового сложного слова, не тождественное значению исходного словосочетания. В этом случае именно суффикс становится формантом нового значения. Например, у прилагательного *высокоавторитетный* атрибутивное значение привносится формантом *-ный*. Этого значения нет у исходного словосочетания *высокий авторитет*.

Произведённый анализ позволяет предположить, что в русском языке существует две разновидности бахуврихи: посессивное словосочетание и образованный на его базе композит.

Процессы композитостроения можно квалифицировать как деривационное, универбализационное композитопроизводство и образование квазикомпозитов. Под деривацией понимается продуцирование новых номинативных единиц с семантикой, отличной от семантики исходных словосочетаний. Процессы, в результате которых между словосочетанием и образованным на его базе композитом не возникает никаких семантических различий, называются универбализацией. В. И. Теркулов предложил следующую типологию универбализации [6, с. 201]:

1. **Прямая универбализация**, когда исходное словосочетание структурно абсолютно релевантно образованному на его базе слову: в композите сохраняется порядок следования компонентов словосочетания; при его оформлении не используются дополнительные структурные единицы: *Агитационно-массовый- агитмассовый*.

2. **Универбализация компонентного типа**, когда структура универбализационного композита количественно не релевантна структуре исходного словосочетания: *с черными волосами — черноволосый*.

3. **Универбализация метатезного типа**, когда порядок следования компонентов исходного словосочетания не изоморфен порядку следования эквивалентных конструкторов композита: *записывающий видео — видеозаписывающий*.

4. **Универбализация компонентно-метатезного типа**, когда перестановка конструкторов сопровождается добавлением структуроорганизующего форманта и / или эллипсом знаменательного или служебного компонентов исходного словосочетания: *непроницаемый для пыли — пыленепроницаемый*.

Квазикомпозитами называются слова, образованные по моделям, имеющимся в языке. Их создание не связано с преобразованием в слова словосочетаний (комполитостроение), а выступает как имитация морфемной структуры уже образованных лексических единиц. Обращаясь к предмету нашей статьи, отмечаем, что бахуврихи в русском языке бывают двух типов: универбализационные композитные и универбализационные квазикомпозитные. Ср.: *с длинными ушами — длинноухий*; а *корноухий* не имеет семантически тождественной исходной конструкции.

Очень часто возникают проблемы при определении номинативного статуса композита. Так, *мелкобороздчатый* и *мелкособственнический* имеют в своём составе одинаковый формант *мелко-*, при этом *мелкобороздчатый* является универбализационным композитом от конструкции *с мелкими бороздами* (предл+Прил5мн+Сущ5мн > оснПрил5мн+инт+оснСущ5мн+суф+парПрил), а *мелкособственнический* — деривационным композитом от *мелкий собственник* (Прил1ед+Сущ1ед > оснПрил1ед+оснСущ1ед+суф+парПрил). Адекватны *мелкозернистый* и *крупнозернистый* универбализуются по одной и той же модели (оснПрил5мн+инт+оснСущ5мн+суф+парПрил на базе конструкции предл+Прил5мн+сущ5мн): *мелкозернистый* > *с мелкими зёрнами*, *крупнозернистый* > *с крупными зёрнами*. Однако *грубозернистый* и *тонкозернистый* с ономаσιологическим базисом «качественный статус» осуществляют универбализацию по различным моделям: *грубозернистый* — из *грубого зерна* (предл+Прил2ед+Сущ2ед — оснПрил2ед+инт+оснСущ2ед+суф+парПрил), а *тонкозернистый* совпадает по значению с *мелкозернистый* — с *мелкими зёрнами* (предл+Прил5мн+Сущ5мн > оснПрил5мн+инт+оснСущ5мн+суф+парПрил).

В нашем исследовании мы будем опираться на мнение В. И. Теркулова, который под описанием моделей образования композитов универбализационного типа понимает «описание моделей именно формального преобразования словосочетания в слово, поскольку семантика исходного словосочетания и композита здесь абсолютно идентична» [6, с. 295].

Целью нашей статьи является описание основных структурных типов бахуврихи. Вслед за В. И. Теркуловым считаем, что «модель механизма сочленения компонентов словосочетания в структуры композита... строится на базе определения взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей: модели исходного словосочетания и модели структуры композита» [6, с. 298]. Модель исходного словосочетания учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам универбализационного композита, возникшего на её базе [6, с. 298]. Всё сказанное абсолютно справедливо в отношении бахуврихи. В любой исходной конструкции мы выделяем количество её компонентов, тип связи и порядок следования, а также грамматические характеристики.

По количеству компонентов выделяют двух- и трёхкомпонентные модели (с участием служебных слов). Тип связи между компонентами исходного словосочетания определяет, какую синтаксическую структуру представляет словосочетание, подвергшееся универбализации в сложное слово. При этом значительная часть универбализационных композитов (в т. ч. бахуврихи) создана на базе чистых подчинительных конструкций. Для разграничения прямых и метатезных универбализаций важным является порядок следования компонентов исходной конструкции.

Среди грамматических характеристик компонентов исходного словосочетания выделяют такие параметры, как принадлежность компонента к определённой части речи, падежная форма (для изменяемых слов) и парадигматическая активность.

Модель структуры композита указывает на порядок следования и способ расположения эквивалентов компонентов исходного словосочетания в универбализационном композите и его словесное оформление. В схемах принята следующая система сокращений: Сущ — существительное, Прил — прилагательное, Числ — числительное, суф — суффикс, предл — предлог, ед — единственное, мн — множественное, осн — основа, Чосн — часть основы, инт — интерфикс, пар — парадигма; цифра указывает на номер падежа: 1 — именительный, 2 — родительный и т. д.

Нами обнаружены такие модели композитообразования бахуврихи:

1. предл+Прил5ед+Сущ5ед. Поссесивная конструкция, преобразующая элементы исходного сло-

восочетания в форме творительного падежа единственного числа. Универбилизується по следующим моделям:

- а) *оснПрилбед+инт+оснСущбед+парПрил*, например: *с круглым лицом / круглолицый*;
 б) *оснПрилбед+инт+оснСущбед+суф+парПрил*, например: *с длинной шерстью/длинношерстный*;
 в) *ЧоснПрилбед+инт+оснСущбед+суф+парПрил*, например: *с бензиновым мотором / бензомоторный*;
 г) *ЧоснПрил+инт+оснСущбед+парПрил*, например: *с перекошенным ртом / косоротый*;
 2. *предл+Прил5мн+Сущ5мн*. Посессивная конструкция, преобразующая элементы исходного словосочетания в форме творительного падежа множественного числа, универбилизується по следующим моделям:

- а) *оснПрил5мн+инт+оснСущ5мн+парПрил*, например: *с голубыми глазами / голубоглазый*;
 б) *оснПрил5мн+инт+оснСущ5мн+суф+парПрил*, например: *с крупными плодами / крупноплодный*;
 в) *ЧоснПрил5мн+инт+оснСущ5мн+парПрил*, например: *с отвислыми ушами / вислоухий*;

3. *Прил2ед+Сущ2ед*. Атрибутивная конструкция в форме родительного падежа единственного числа, реализует универбилизацию по двум моделям:

- а) *оснПрил2ед+инт+оснСущ2ед+суф+парПрил*, например: *крупного масштаба / крупномасштабный; доброй души / добродушный*;
 б) *оснПрил2ед+инт+ЧоснСущ2ед+суф+парПрил*, например: *высокого роста / высокорослый*;

4. *предл+Прил2ед+Сущ2ед*. Атрибутивная конструкция в форме родительного падежа единственного числа, включающая предлог. Отмечаем одну модель универбилизации по схеме *оснПрил2ед+инт+оснСущ2ед+суф+парПрил* с оформлением бахуврихи при помощи суффикса и парадигмы прилагательного, например, *беломраморный / из белого мрамора*;

5. *предл+Прил2мн+Сущ2мн*. Разновидность предыдущей конструкции, универбилизується по схеме *оснПрил2мн+инт+оснСущ2мн+суф+парПрил*, например: *из крупных панелей / крупнопанельный*;

6. *предл+Прил4мн+Сущ4мн*. Аблятивная плюральная конструкция с предлогом, Фразеологизм *на веки вечные* в атрибутивной функции универбилизується в адъектив *вековечный* по модели бахуврихи *оснПрил4мн+инт+оснСущ4мн+парПрил*.

Кроме прилагательных с качественным значением, мы отмечаем конструкции с нумеративным значением, в которых семантическим распространителем имени является числительное. Они составляют значительный пласт среди всех атрибутивных конструкций и преобразуются в нумеративные бахуврихи [6, с. 386]:

1. *предл+Числ5+Сущ5мн*. Плюральная конструкция, наблюдаем три модели реализации:
 а) *оснЧисл5+инт+оснСущ5мн+суф+парПрил*. Суффиксальная бахуврихи, например: *с шестью стволами / шестиствольный*;
 б) *оснЧисл5+инт+оснСущ5мн+парПрил*. Модель бахуврихи бессуффиксальная, например, *с двумя ногами / двуногий*;
 в) *оснЧисл5+инт+ЧоснСущ5мн+суф+парПрил*. Суффиксальная бахуврихи аббревиатура с усечением основы главного компонента исходного словосочетания, например: *с тремя пальцами / трёхпальный*;

2. *предл+Числ5+Сущбед*. Сингулярная конструкция, которая универбилизується по трём моделям:

- а) *оснЧисл5+инт+оснСущбед+суф+парПрил*. Суффиксальная бахуврихи, например: *с одним каналом / одноканальный*;
 б) *оснЧисл5+инт+оснСущбед+парПрил*. Модель бахуврихи без суффикса, например: *однокрылый / с одним крылом*;
 в) *оснЧисл5+инт+ЧоснСущбед+суф+парПрил*. Суффиксальная бахуврихи-аббревиатура с усечением основы главного компонента исходного словосочетания, например: *с одним значением / однозначный*;

3. *Числ2+Сущ2мн*. Простая плюральная конструкция. Универбилизация происходит по модели бахуврихи *Числ2+оснСущ2мн+суф+парПрил*, например: *девяти месяцев / девятимесячный*;

4. *Числ2ед+Сущ2ед*. Простая сингулярная конструкция, универбилизується по модели бахуврихи *оснЧисл2ед+инт+оснСущ2ед+суф+парПрил*, например: *одного типа / однотипный*;

5. *предл+Числ2ед+Сущ2ед*. Сингулярная конструкция с предлогом, универбилизация происходит по модели бахуврихи *оснЧисл2ед+инт+оснСущ2ед+суф+парПрил*, например: *из одного слога / односложный, из одной комнаты / однокомнатный*;

6. *предл+Числ2+Сущ2мн*. Плюральная конструкция с предлогом, которая универбилизується по двум моделям бахуврихи:

- а) *Числ2+оснСущ2мн+суф+парПрил*. Отмечаем модель без участия интерфикса, например: *двухпалубный / из двух палуб*;
 б) *оснЧисл2+инт+оснСущ2мн+суф+парПрил*, присутствует интерфикс, например: *из двух слов / двусловный*;

7. *предл+Числ4+Сущ4ед*. Сингулярная конструкция с предлогами *в* и *на*, универбилизується по модели бахуврихи *оснЧисл4+инт+оснСущ4ед+суф+парПрил*, например: *в два года / двухгодичный, на два места / двухместный, на один раз / одноразовый*;

8. **предл+Числ4+Сущ4мн.** Плюральная конструкция с предлогами *в* и *на*, универбализующаяся по модели бахуврихи **оснЧисл4+инт+оснСущ4мн+суф+парПрил**, например: *в пять лет / пятилетний*;

9. **предл+Числ6+Сущ6мн.** Плюральная конструкция с предлогом, универбализация происходит по модели **Числ6+оснСущ6мн+суф+парПрил**, например: *в четырёх томах / четырёхтомный, в четырёх актах / четырёхактный*;

10. **предл+Числбед+Сущбед.** Сингулярная конструкция с предлогом, которая универбализуется по модели **оснЧислбед+инт+оснСущбед+суф+парПрил**, например: *в одном томе / однотошный*.

В данной статье уже рассматривались примеры универбализации компонентного типа, а именно эллиптической универбализации, когда происходит «опущение, эллипс некоторых компонентов исходного словосочетания при его преобразовании в композит» [6, с. 203]. Считаем возможным (ввиду небольшого количества примеров) выделить в особую группу модели образования бахуврихи, в которых отмечается эллипс служебных единиц, в частности, предлога *на* и союза *как*, входящих в состав исходных конструкций:

1. **Прил1ед+союз+Сущ1ед** на базе конструкции **Прил1+Сущ1**. Универбализуется по двум моделям:

а) **оснПрил1ед+инт+оснСущ1ед+суф+парПрил**. Универбализация с использованием основ компонентов исходной конструкции, связанных интерфейсом и получивших признаки атрибутивности при помощи суффикса и парадигмы прилагательного: *Белый, как снег / белоснежный*;

б) **оснСущ1ед+суф+инт+оснПрил1ед+парПрил**. Универбализация реализуется при перестановке основ компонентов исходной конструкции, образовавшийся композит оформлен как атрибут при помощи суффикса и парадигмы прилагательного: *белый, как сахар / сахарно-белый, желтый, как янтарь / янтарно-жёлтый, белый, как жемчуг / жемчужно / белый, серый, как пепел / пепельно-серый*;

2. **Прил1ед+предл+Сущ4ед.** Универбализация происходит по модели **оснПрил1ед+инт+оснСущ4ед+парПрил**: *тугой на ухо / тугоухий*;

3. **предл+Сущ4ед+Сущ2ед.** Аблятивная сингулярная конструкция, имеющая в своём составе предлог и образующая адъективный атрибут по модели бахуврихи **оснСущ4ед+инт+оснСущ2ед+суф+парПрил**: *на злобу дня / злободневный*.

Таким образом, мы определили основные структурные типы бахуврихи, реализующие универбализацию по отмеченным моделям. Полагаем, что данная проблема требует дальнейшего изучения. Необходимо рассмотреть ономастиологические модели бахуврихи и определить их место в словарном составе современного русского языка, определить различия в формировании ономастиологических моделей бахуврихи и деривационных атрибутивных композитов.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.]. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
2. Васильева О. Г. Концептуальна семантика субстантивних композитів-бахуврихі (на матеріалі антропосемічної лексики сучасної англійської мови): автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. Г. Васильева; Київський нац. лінгв. ун-т. — К., 2006. — 20 с.
3. Макарова Н. В. Коллоквиальные субстантивные композиты в современном немецком языке: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. В. Макарова. — М., 2004. — 281 с.
4. Молчанова Н. Ф. Структурные особенности антропонимов бахуврихи в русском языке (XII–XVII вв.) / Н. Ф. Молчанова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 дек. 2003 г.): труды и материалы в 2 т. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. — Т. 1. — С. 94–95.
5. Степанова М. Д. К вопросу о синтаксической природе словосложения / М. Д. Степанова // Учёные записки 1 МГПИИЯ. — М., 1959. — Т. 19. — С. 305–341.
6. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономастиологическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / В. И. Теркулов. — Горловка, 2008. — 472 с.
7. Трофимова Н. В. Препозитивные деривационные средства выражения степени признака в сложных адъективах русского языка / Н. В. Трофимова // Культура народов Причерноморья. — 2006. — № 94. — С. 117–121.

References

1. Benvenist E. Obshchaya lingvistika / E. Benvenist; per. s fr. Yu.N. Karaulov [i dr.]. — M.: Progress, 1974. — 447 s.
2. Vasileva O. G. Kontseptualna semantika substantivnikh kompozitiv-bakhuvrikhi (na materialі antroposemichnoi leksiki suchasnoi anglіyskoi movi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. G. Vasileva; Kіivskiy nats. lingv. un-t. — K., 2006. — 20 s.
3. Makarova N. V. Kollokvialnye substantivnye kompozity v sovremenном nemetskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / N. V. Makarova. — M., 2004. — 281 s.
4. Molchanova N. F. Strukturnye osobennosti antroponimov bakhuvrikhi v russkom yazyke (XII–XVII vv.) / N. F. Molchanova // II Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost (Kazan, 11–13 dek. 2003 g.): trudy i materialy v 2 t. — Kazan: Izd-vo Kazan. Un-ta, 2003. — T. 1. — S. 94–95.
5. Stepanova M. D. K voprosu o sintaksicheskoy prirode slovoslozheniya / M. D. Stepanova // Uchenye zapiski 1 MGPIIYa. — M., 1959. — T. 19. — S. 305–341.
6. Terkulov V. I. Kompozity russkogo yazyka v onomasiologicheskom aspekte: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.02 / V. I. Terkulov. — Gorlovka, 2008. — 472 s.
7. Trofimova N. V. Prepozitivnye derivatsionnye sredstva vyrazheniya stepeni priznaka v slozhnykh adektivakh russkogo yazyka / N. V. Trofimova // Kultura narodov Prichernomor'ya. — 2006. — № 94. — S. 117–121.

Сосніна Людмила Василівна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови Донецького національного технічного університету;
Донецьк, Україна;
e-mail: ludmilasosnina@gmail.com; тел.: +38(062)335-91-99; моб.: +38-050-942-49-28

СТРУКТУРНІ ТИПИ БАХУВРИХІ В СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. Запропонована стаття присвячена опису основних структурних типів бахуврихі в сучасній російській мові. Розглядаються моделі вихідного словосполучення та універбалізаційного композиту, який виник на його основі. Існує два різновиди бахуврихі: посесивні слова і створений на його базі композит. Опис моделей утворення композитів універбалізаційного типу, в т.ч. бахуврихі, передбачає опис моделей саме формального перетворення композиту в слово, оскільки семантика вихідного словосполучення і композиту абсолютно ідентична. В сучасній лінгвістиці виокремлюють чотири основних типи універсалізації: пряма універбалізація, універбалізація компонентного, метатежного та компонентно-метатежного типу. При аналізі бахуврихі ми виділяємо кількість компонентів, тип зв'язку між членами базового словосполучення і порядок, а також граматичні характеристики. Модель структури композиту вказує на порядок і спосіб розташування еквівалентів компонентів вихідного словосполучення в універбалізаційному композиті і його словесне оформлення. Серед граматичних характеристик одиниць базового словосполучення виділяються такі параметри, як приналежність компонента до певної частини мови, відмінкова форма (для змінюваних слів) і парадигматична активність. Розглядаються моделі прикметників як з якісним, так і з нумеративним значенням. Дана класифікація потребує подальшого вивчення з урахуванням змін в лексичному складі сучасної російської мови.

Ключові слова: бахуврихі, композит, універбалізація, атрибутивна функція, модель, словосполучення.

Lyudmila V. Sosnina,
Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of English Language Department, Donetsk National Technical University;
Donetsk, Ukraine;
e-mail: ludmilasosnina@gmail.com; тел.: +38(062)335-91-99; моб.: +38-050-942-49-28

BAHUVRIHI STRUCTURAL TYPES IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Summary. There has been proposed the definition of bahuvrihi main structural types in modern Russian. There are two types of bahuvrihi — possessive words and composites formed on their base. Description of univerbalization composites models as well as bahuvrihi is supposed to examine formal transformation of composite into word, whereas the semantics of the original word-combination and the composite is absolutely identical. Four main types of univerbalization are defined in modern linguistics — direct univerbalization, component, metathesis and component-metathesis one. When analyzing bahuvrihi we allocate the number of components, the type of links between items of basic word-combination and composite and their grammar characteristics as well. Composite structure model indicates the order and way of equivalent components location in the original word-combination of univerbalization composite and its verbal presentation. As for the grammar characteristics of the original word-combination units there should be defined the certain part of speech, the case form (for modifiable words) and the paradigmatic activity. The models of adjectives with qualitative and numerical meaning are examined here. This classification requires further consideration in case changes in the lexical system of the modern Russian language should be taken into account.

Key words: bahuvrihi, composite, univerbalization, attributive function, model, word-combination.

Статтю отримано 28.11.2013 р.

УДК 811.161.1'373.611:347.781.52

ЮДИНА Антонина Дмитриевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: yton2@mail.ru; тел.: +7(812)555-93-96; моб.: +7-8-911-296-84-55

НОВОЕ В ЯЗЫКЕ ПЕРИОДИКИ И ОККАЗИОНАЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье говорится о новых чертах, появившихся в языке периодики за последнее десятилетие, в частности о новых, необычных даже для окказионального словообразования моделях. Впервые уделяется внимание активному использованию графического и цветового выделения отдельных букв или частей слов для создания многомерных новообразований. Данный приём нередко используется сейчас и для образования окказионализмов, созданных междусловным наложением и контаминацией.

В статье доказываются, что за последние годы при создании окказионализмов стали активно использовать аббревиатуры и имена собственные известных людей. Количество окказионализмов, созданных способами словообразования, не известными языковой системе, значительно увеличилось.

Современники стремятся при создании ситуативных новообразований к неоднозначности, размытости значений слов, усложняют семантику, создают многомерную лексику. Они активно реализуют игровой потенциал языка. Речевые новообразования демонстрируют огромные резервные возможности словообразовательной системы русского языка.

Ключевые слова: периодика, окказионализм, незуальное слово, ситуативное новообразование, графическое выделение частей слов.

Конец XX — начало XXI века некоторые исследователи называют веком окказионализмов. Наверное, они правы. Со страниц печати на нас обрушивается поток незуальных слов. Появляются совершенно новые, необычные даже для окказионального словообразования модели. Например, су-

перее, самое всех — «лучше всех» (от заимствованного префикса *супер* и местоимения *сам*); *чудесатее* — от существительного *чудеса*, ср.: ...на нас посылались обещания властей одно другого «чудесатее» [АиФ № 52, 2012]).

В АиФ 2013 года мы находим: *Власть стала «электроннее»* — активнее использовать новые информационные технологии при общении с гражданами. Сравнительная степень прилагательных не образуется от относительных прилагательных.

Необычно и создание окказионализмов *сильнополюная* вещь — «то, что носят мужчины», от устойчивого словосочетания «сильный пол»; *зарплата по-Дикому* — «такая же, как у российского экс-тренера по футболу Дика Адвоката»; *воспитание по-Дикому* — «такое же жесткое, какое предъявлял Дик Адвокат к своим футболистам». В языке наречие никогда не образуется от имен собственных и не относится к именам существительным.

В новообразованиях *вольфгениальная* музыка — музыка Вольфганга Амадея Моцарта и *евстигений* (от фамилии артиста Е. Евстигнеева) дана оценка творчества великих людей; *Распил Баблов* — собирательный образ коррупционера, представителя криминальных структур, от жаргонного *распил бабла* — «незаконное присвоение денег, выделенных на крупные государственные проекты» [АиФ № 15, 2013].

Целый каскад ситуативных новообразований возник в связи со скандалом, связанным с фамилией экс-депутата В. Пехтина, который не задекларировал свою недвижимость за границей, скрыл свой доход. В АиФ на реплику экс-депутата о непонятном происхождении слова *пехтинг* ответили: «Это существительное, образованное от нескольких глаголов. Например, от «*припехтить*» (недвижимость в США) или «*выпехтить*» (из Госдумы). Входит в состав пословиц: «*Не выпехтивайтесь, да не выпехтены* будете» и др.» [АиФ № 12, 2013]. В русском языке никогда императив и краткое причастие не образуются ни от окказионализмов (*выпехтить*), ни от имен собственных. Но в данном тексте и в заголовке мы встречаем неузальный императив: *Не выпехтивайтесь!* — «не поступайте так, как экс-депутат В. Пехтин». Это ново даже для окказионального словообразования.

Новообразования воспринимаются на фоне узальных слов: *присвоить, выгнать, не выставляйтесь*, на фоне пословицы *Не судите да не судимы будете*. Это усиливает их экспрессию и придает ироническое звучание. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» этого года появился окказионализм *пехтингейт* — «скандал, связанный с сокрытием доходов, жизнь не по заработанным средствам».

Новым в языке периодики за последние годы является то, что с помощью графического выделения отдельных букв или частей слова авторы создают многомерные слова и усиливают звучание неузальных неологизмов, созданных способами словообразования, не известными языковой системе. Например, *ОБЪЕКТИВная* (политика) — «жизнь политических лидеров, запечатленная на фотографиях»; *задающие бадминТОН* («Медведев призвал россиян играть в бадминтон и показал в видеоблоге навыки владения воланом» [АиФ № 44, 2011]); *ГОлая правда* — «правда о забытых голах на чемпионате мира по футболу в 2010 году, об отставках, деньгах и усталости спортсменов»; *Иностранцам Визет* — «легко могут получить визу»; *заБАЛивание* — «страстное желание посетить Бали»; *ТАРИФметика* — «непонятные расчеты ЖКХ», *СОЧинение-2014* — статья о подготовке к Олимпиаде в Сочи. Раньше подобный прием использовали редко.

Главная цель авторов подобных новообразований — взорвать текст, нарушить спокойное изложение мыслей, соригинальничать, заявить о своей необычности, привлечь внимание любой ценой.

Как правило, данный способ словообразования встречается в заголовках. Авторы понять можно: ярко, броско, зазывающее, порой непонятно, нередко что-то вроде кроссворда, похоже на головоломку. Спотыкаешься о такой заголовок и невольно начинаешь расшифровывать, пытаешься понять автора, его ассоциативные связи. Правда, не всегда удачно... Иногда думаешь, что автор сам вряд ли надеялся на взаимопонимание. Так, в статье «*Россия отЧАЯнная*», если бы не графическое выделение слова *чай*, трудно было бы понять, о чем пойдет речь. Автор пишет о популярности этого напитка, о том, что в России из 100 человек 98 пьют чай. Но... почему «отЧАЯнная»? Из всех значений этого слова для объяснения мы можем выбрать только «безрассудно смелый, очень смелый»... Но почему? Есть только звуковое совпадение части слова... Игра... и только? Просто безудержный поиск нового, оригинального? Замысел автора для нас остался неясным.

Совершенно неожиданным и малопонятным нам показался и заголовок «*Из Варшавина в ДИКаньку*». [АиФ № 24, 2012] Подзаголовок статьи — «Чья сборная долетит до середины Днепра?» и коллаж Андрея Дорофеева, изображающий футболиста А. Аршавина и экс-тренера российской сборной по футболу Дика Адвоката в позах Минина и Пожарского, подсказали, что речь пойдет о футболе и известных людях, связавших свою жизнь с этим видом спорта.

В языковом сознании читающего новообразование соотносится с гоголевским произведением «Вечера на хуторе близ Диканьки» и строкой «Редкая птица долетит до середины Днепра...». Но почему «Из Варшавина...»? Из статьи ясно, что матч проходил на Варшавском стадионе в Польше, и речь идет о том, удастся ли Дик Адвокату добиться того, чтобы российские футболисты победили и поехали на матч в Киев («довести сборную России до Киева, а ее болельщиков — до экстаза»). Частичное звуковое совпадение географических названий и фамилий известных людей дало возможность автору создать окказионализмы. Это ново и для окказионального словообразования.

Неузальные неологизмы вобрали в себя семантику географических названий и имен собственных (*Варшава + Аршавин, ДИК + Диканька*). И всё же, причём здесь «Аршавин»? Какое отношение он имеет к географическому названию и Дик Адвокату в данном словосочетании? Как исторические герои Аршавин и Дик Адвокат должны спасти Россию? На них вся надежда? И только благодаря

их усилиям можно попасть на матч в Киев (а не в Диканьку)... В общем, субъективные ассоциативные связи привели к необычным даже для окказионального словообразования неологизмам... «Из Варшавы в Киев» было бы более прозаично... А здесь, как сказал один студент, «непонятно, но... здорово...».

В данных примерах авторы, по-видимому, полагают, что «цель оправдывает средства». Главное — привлечь внимание, остановить взгляд читателя, заинтриговать...

Среди графических способов образования неузуальных слов выделяется несколько разновидностей. Наиболее часто встречается использование уже знакомых слов, вкладывание в них новой семантики, столкновение разных значений омонимически совпадающих частей и таким образом создание многомерного слова, похожего на голограмму или специфический рисунок, когда на фоне одного изображения всплывает (видится) другое. Например, «**ФОР**Менное безобрази**е**» — в статье говорится о ставропольском скандале, связанном с приходом мусульманок в школу в хиджабах, о возвращении в школу единой формы; «**ФЕНО**менальные **вклады**» — высокий процент годовых, плюс фен в подорок; «**ПРОЦВЕТА**ющее дело» — бизнес по продаже цветов; «**АД**ская свекла» — свёкла, нормализующая артериальное давление (АД); «Пляж **НУД**ных людей» — пляж для нудистов; «**НесНОС**ная проблема», «Опять **заНОС**ит?» — проблемы, связанные с ринитом, насморком; «Всемирная **КАНА**-Лизация» — создание новых водных трасс, каналов-дублеров; «Уйти в **ЗАПАД**ню» — уехать на Запад, в Европейские страны; «**ЗаХЛЕБ**нулись ценами» — подняли цены на хлеб; «Ну, с Днём **шУТКИ!**» — с 1 Апреля, днём розыгрышей...

Слово **ненормативный** «отклоняющийся от нормы» тоже вряд ли у кого-то вызовет удивление. Но в статье «**НенорМА**тивное искусство» это слово благодаря иному графическому оформлению приобретает дополнительное значение. Это кинофильмы, спектакли и книги, в которых используется обшентная лексика.

Последние годы газеты и журналы просто захлестнула волна подобных заголовков. При этом создаются новообразования различных частей речи. Так, «**КЛА**Довая счастья» — в статье речь идёт о кладоискателях; «Семейные **заСТЕН**КИ» — использование средств материнского капитала для улучшения жилищных условий; «**уДА Ч**ные советы» — советы специалистов по выращиванию растений на земельных участках; «**ЗаБА**Нить» — сходить в баню; «**Мы расКВА**Сились» — выпили значительное количество кваса в жаркое лето; «**ОТКА**Тились» — дали взятку (от жаргонного *откат*); «**ВсПУТ**-Ченные» — те, кто принял участие в путче 19 августа 1991 года; «**НаПРОТИВ** Кремля» — протесты несогласных с результатами выборов и политикой Кремля. Подобных примеров много.

За последние годы на страницах периодики появилось огромное количество окказионализмов, созданных междусловным наложением и контаминацией. Данные способы словообразования свойственны, по замечанию некоторых исследователей, только окказионализмам. Подобные ситуативные неологизмы создаются с установкой на шутку, острогу. Раньше слова-экспромты, созданные по этим моделям, встречались не часто. Ново и необычно и то, что создаются они нередко с помощью графического выделения букв и частей слов.

Графическое выделение букв или частей слов может быть в начале, в середине или в конце новообразования. Например, «**СТРА**Ха не знают» — предприятия, не застраховавшие свою ответственность за возможное причинение вреда своим сотрудникам; «**НезаДА**ЧА» — проблемы, связанные с оформлением дачи в собственность, с «дачной амнистией»; «**На поСАД**ку» — в статье говорится о том, что надо сделать в первую очередь на земельном участке весной; «**ОтБРА**Кованные» — те, кто зарегистрировал свои отношения.

Главный санитарный врач России Геннадий Онищенко запретил водителям садиться за руль даже после стакана кефира, чтобы предотвратить аварии на дорогах. После этого на страницах АиФ (№ 12, 2012) появился заголовок «Онищенко в **кЭФИР**Е». В новообразовании сталкиваются значения слов *кефир* и *эфир*. Заголовок звучит иронично. В статье приводятся нетривиальные решения и афористичные высказывания главного санитарного врача России.

В последние годы мы видим, что современники часто разрывают объединяемые узуальные слова, графически выделяя те буквы или части слов, которые помогают или мешают прочтению одного из объединяемых слов. При этом выделение может быть как прописными, так и строчными буквами. Например, «**Без СЕдЛА**» — отсутствие поддержки села государством; «**ИМПОР**ТЕНЦИЯ» — беспомощность государства и засилье импортных товаров в стране; «**МУЛЬТНОЕ** дело» — проблемы, связанные с созданием мультипликационных фильмов для детей; «**радиАД**ция в Японии» — тяжелейшая ситуация после аварии на японской атомной электростанции Фукусима; «**СамоКА**лечение» — покупка и прием лекарств без совета врача; «**Шайбаш**ники» — хоккеисты, которые получают огромные деньги, постоянно проигрывают и устраивают на льду драки; «**ГосзакупОР**ки» — то, что мешает развитию экономики государства; «**ПростоКвАША**» — в статье речь идет о пользе каш и кисломолочных продуктов.

В АиФ № 50 2012 года была статья «Увели Россию на **КаР**мановы острова», то есть разворовали деньги государства и отправили их в офшоры. Благодаря деформации географического названия *Каймановы острова* авторам удалось придать заголовку сатирическое звучание. В новообразовании удачно обыгрывается частичное звуковое совпадение слов *карманы* и *Каймановы острова*.

Словосочетание *паспортный режим* ничем не примечательно, оно не привлекает внимание. Но стоит написать то же самое по-другому: **паСПОРТ**ный режим (*паспорт* + *спорный*), и оно приобретает дополнительное интригующее звучание. В нем подчеркивается неоднозначное отношение к закону «О гражданстве РФ», о программе переселения соотечественников, об упрощении получения

гражданства РФ (без «стажа» проживания в России, сдачи экзамена на знание русского языка и т. п. [АиФ № 5, 2013]).

За последние годы много окказионализмов создано по аналогии с конкретным словом-образцом, словом-прототипом. Инновации, созданные по аналогии, — один из наиболее ярких разрядов окказиональной лексики. Создаются подобные новообразования с целью усиления эмоционально-экспрессивной выразительности какого-либо речевого отрезка и экономии языковых средств. Обычно в словах происходит замена одних звуков другими. Такая замена производится ради каламбурного обыгрывания узуального слова: *парацетаМОР* — смертельно опасное лекарство; «Когда *поЕдем?*» — когда появится «Е-автомобиль», заявленный олигархом Михаилом Прохоровым; «*КРЕМинал* от морщин» — криминальные истории, связанные с производством косметических средств; *ОбМАнник* — обменный пункт, где устраивают различные махинации и наживаются на невнимательности клиентов; *СУДержанки* — продажные судьи; «Рекомендованный *цЕнизм*» — сокращение бюджетных мест в вузах, по сути введение платного высшего образования; *БЛОгие* намерения — предложение о сборе информации в Интернете о коррупционерах.

В одной из реклам, предлагающих участки под дачное строительство, нам попало словосочетание «поселок *приЛЕСный*». Авторы графическим выделением части слова подчеркнули, что участки находятся около леса, и одновременно дали оценку тому месту, где предлагают землю. В новообразовании обыгрывается звуковое совпадение слов «*преЛестный*» и «*приЛЕСный*».

По аналогии со сказочным персонажем Еленой Прекрасной — идеалом женской красоты в одном из выпусков АиФ в 2012 г. появился заголовок «Елена *бесПРИКРАСная*». В статье говорится о неблагоприятных поступках Е. Скрынник, экс-главы Министерства сельского хозяйства РФ, о противоправных действиях, о серых схемах увода государственных средств за границу, о непонятном исчезновении крупной суммы денег.

Значительную по объёму группу окказионализмов, возникших в результате графического способа выделения части слов, составляют новообразования, созданные от аббревиатур. Чаще всего авторы используют аббревиатуру ПРО (система противоракетной обороны). Это связано с тем, что в последнее время на страницах печати было много публикаций, посвященных намерению США разместить свою ПРО в Европе, чтобы якобы защититься от ядерной угрозы со стороны Ирана. Подобные окказионализмы образуются путем наложения аббревиатуры ПРО на омонимичную часть узуального слова. Напр.: «Буша *ПРОнесло?*» — Дж. Буш уверял В. Путина, что ПРО в Чехии и Польше не направлены против России; «Американцев *ПРОбрало*» — американцы поняли, что надо советоваться по международным проблемам с Москвой, а не только ставить её перед фактом размещения ПРО в Европе; «Чем ответить на *ПРОиски* США?» — коварное размещение радаров и противоракет американцев вблизи России; «Голая *ПРОпаганда*» — России не подходят американские предложения по ПРО; «*ПРОтив* кого ПРО? ПРО в Румынии *ПРОтив* нас?». [АиФ № 19, 2011]. В АиФ № 6 за 2013 г. напечатана статья «*В ПРОстрации*». Быть в прострации — это находиться в угнетённом, подавленном состоянии, в полном безразличии к окружающему миру. Но в статье речь идёт о создании в России новой мощной баллистической ракеты в ответ на заявления американцев о необходимости глобальной ПРО. Аббревиатура только совпадает с началом слова «прострация». Содержание статьи и заголовки могут быть связаны только ассоциативно и, конечно, ни о каком безразличии к окружающему миру нет и речи. Наложение аббревиатуры на слово «прострация» может восприниматься только как желание автора несколько усложнить название статьи и привлечь внимание. В АиФ № 8 2013 г. был заголовок «*ПРОшляпили...*». Новообразование появилось после падения метеорита на Челябинск. В окказионализме сталкиваются значения просторечно неодобрительного *прошляпить* — «сделав оплошность, упустить, прозевать» и аббревиатуры ПРО, что придает слову совершенно иное звучание, усложняя семантику, создавая многомерность.

Не менее популярна в России и аббревиатура ЕГЭ. Отсюда: *абЕГЭдейка* — ироничное название единого государственного экзамена, при сдаче которого, как в игре, надо угадать правильный ответ; «всех *обЕГЭрят*» — заставят сдавать ЕГЭ; *ЕГЭциники*, *ЕГЭдаи* — оценка тех, кто настаивает на повсеместном введении ЕГЭ, *ЕГЭобязанность* — необходимость сдавать ЕГЭ; *ЕГЭшоу* — показатель, рассчитанный на внешний эффект экзамен, не свидетельствующий об истинных знаниях учащихся; *ЕГЭскандалы* — скандалы, связанные с утечкой информации о содержании тестов через Интернет. В статье «*ЕГЭмания*» говорится об усложнении заданий Единого государственного экзамена в 2012 году. Заголовок имеет пейоративную окраску: помешательство на ЕГЭ.

В статье «*ВТОржение*» (ВТО — Всемирная Торговая Организация) есть строка «Нас *ВТОпили*, нас *ВТОптали*», то есть силой заставили вступить в данную организацию, подавили; «Из Брюсселя *НАТОшак*» — без результатов, отказ НАТО принять Украину и Грузию в свой состав; «*НАТОходцы*» — представители НАТО, которые будут вывозить свой скарб из Афганистана через Россию; *СИЗОнный* работник — наёмный рабочий из мест заключения (СИЗО — следственный изолятор временного содержания); «*ОтОРВИсь* от гриппа» — вылечи простудные заболевания, не болеей (ОРВИ — острая респираторная вирусная инфекция); «*СМИшные* Игры» — спартакиада, в которой приняли участие сотрудники средств массовой информации, СМИ; «*СУБчик* на бедность» от СУБ — социальный уровень бедности. В статье говорится о том, что Минфин предлагает оригинальный метод борьбы с бедностью на Руси. Для этого не надо повышать реальный уровень жизни сограждан. Достаточно лишь изменить методику подсчета количества бедняков. Если гражданин не зарабатывает на потребительскую корзину, то он считается бедным и может рассчитывать на социальные выплаты.

Очень активно при окказиональном словообразовании используются имена собственные: «**ДИКие** прогнозы» — предсказания экс-тренера российской сборной по футболу Дика Адвоката о том, что ждет сборную России на Евро-2012; «**ДИКое** начало» — название статьи о том, как футбольную команду россиян под руководством Дика Адвоката забросали яблоками свои же болельщики после второго забитого ими мяча в ворота Андорры; «**ЗайГ**раем в авангарде» — знаменитый чешский хоккеист променял Америку на Сибирь, принял решение играть за омский «Авангард»; «**РА**дулов за хоккеей» — известный хоккеист рад выступить за сборную России; «**наКАПЕЛЛО**» — обидно за провал сборной России по футболу на Евро-2012 (накипело — перен. + Капелло — тренер по футболу).

В одном из выпусков газеты «Жизнь» в 2013 г. нам встретился заголовок «**НАГИ**батор». В статье речь идет о Дмитрии Нагиеве, оскорбившем участников телешоу «Две звезды». Д. Нагиев открыто заявил, что презирает многих участников передачи. Ситуативный неологизм создан по модели, необычной даже для окказионального словообразования: Нагиев (фамилия телеведущего) + нагибать — перен. «унижать, оскорблять» + терминатор — фантастический неумирающий человек-робот. Из двух последних слов взято только по одному слогу.

Новообразований, созданных от имён собственных, много, и это может стать предметом специального исследования.

Значительно меньше создано невузальных неологизмов с помощью заимствованных слов, нередко частично совпадающих по звучанию с русскими. Например, «**ОРУМ**нитесь, господа!» — призыв купить спортивную одежду фирмы «PUMA»; «**CFOCUS**ируйся!» — приобрести автомобиль Ford Focus; «Какое пиво мы **выВЕЕ**раем?» — реклама пива фирмы «**БЕЕ**»; **SMART**квартиры — практичные, функциональные, недорогие квартиры, в которых используют «**SMART**планировки» — отсутствие лишних метров; «**ФотоSE**Хеия» — название телепередачи; **ZOO**Культура — забота о бездомных животных; «**STEEL**ная мебель» — название магазина, в котором продают мебель фирмы «STEEL»; «**SPAS**ительная жидкость» — косметическое средство для омоложения кожи.

Единичны новообразования, созданные на основе устойчивых сочетаний, крылатых выражений, пословиц. Например, «Шило в **МИ**шке не утаишь» — статья о критических высказываниях С. Миронова в адрес членов «Единой России»; «**ПЕ**Лена на глазах» — заблуждения по поводу игры западных игроков, которых стали закупать российские футбольные команды (Пеле — известный бразильский футболист); «Переход **наЛИ**чности» — статья о том, сколько зарабатывают наши спортсмены на рекламе (*наличность* — перен. «деньги» + личность); «Не **МИ**Гом единым» — статья о развитии отечественного самолетостроения («МИГ» — российская самолетостроительная корпорация); «Наш **ПРО**непоезд на запасном пути» — мы в состоянии противостоять американской системе противоракетной обороны. Окказионализм находит строки из песни и ассоциируется со словом *бронепоезд*.

Таким образом, наше исследование показывает, что за последние годы количество окказионализмов, созданных новыми способами словообразования, не известными ранее в дериватологии, значительно увеличилось. При этом авторы слов активно используют графическое, а порой и цветное, выделение частей слов. Наши современники стремятся к неоднозначности, размытости значения слов, усложняют семантику, создают многомерную лексику. Они активно реализуют игровой потенциал языка, актуализируют скрытые и периферийные смыслы слов, раскрывают особенности своего креативного мышления, свое отношение к окружающей действительности. Окказионализмы составляют значительную часть всех неологизмов. Они отражают народное словотворчество. Речевые новообразования демонстрируют огромные резервные возможности словообразовательной системы русского языка. Оперативная и объективная информация о лексических инновациях в русском языке может помочь ответить на многие вопросы лингвистики.

Юдіна Антоніна Дмитрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови як іноземної Санкт-Петербурзького державного політехнічного університету; Санкт-Петербург, Росія;

e-mail: yton2@mail.ru; тел.: +7(812)555-93-96; моб.: +7-8-911-296-84-55

НОВЕ У МОВІ ПЕРІОДИКИ ТА ОКАЗІОНАЛЬНОМУ СЛОВОТВОРЕННІ

Анотація. У статті йдеться про нові риси у мові періодики, що з'явилися за останнє десятиріччя, зокрема про нові, незвичайні навіть для окказіонального словотворення моделі. Вперше увага приділяється активному використанню графічного і колірного виділення окремих букв або частин слів для створення багатовимірних новоутворень. Даний прийом нерідко використовується зараз і для подання в тексті окказіоналізмів, створених міжсловним накладенням і контамінацією.

У статті доводиться, що за останні роки при створенні окказіоналізмів почали активно використовуватися аббревіатури та власні імена відомих людей. Кількість окказіоналізмів, утворених способами, що не були раніше відомими у словотворі, значно збільшилася.

Сучасні мовці прагнуть при створенні ситуативних новоутворень до неоднозначності слів, ускладнюють семантику, створюють багатовимірну лексику. Вони активно реалізують ігровий потенціал мови. Мовні новоутворення демонструють величезні резервні можливості російської словотвірної системи.

Ключові слова: періодика, окказіоналізм, невузальне слово, ситуативне новоутворення, графічне виділення частин слова.

Antonina D. Yudina,
Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Department of Russian as Foreign Language, Saint Petersburg State Polytechnical University; Russia;
e-mail: yton2@mail.ru; tex.: +7(812)555-93-96; mob.: +7-8-911-296-84-55

NEW TENDENCIES IN THE LANGUAGE OF PERIODICALS AND OCCASIONAL WORD FORMATION

Summary. The article dwells upon the new tendencies that have been marked in the language of periodicals in recent years and new, unusual even for occasionalisms word-formation models. It is the first time that attention has been paid to the active use of graphics and color highlighting individual letters or parts of words in order to create multidimensional build-ups. This technique is widely used now in the formation of nonce words made up by contamination.

The article states that abbreviations and proper names of famous people have become widely used in nonce formation. The number of nonce words, built up according to the word-building patterns that are new and yet unknown in the language system, has significantly increased.

Modern people strive for ambiguity, blur the meanings of words, complicate their semantics, and form a multi-dimensional vocabulary while creating situational build-ups. They actively implement the gaming potential of language. Speech formations demonstrate a great reserve capacity of the Russian word-building system.

Key words: periodicals, occasionalism, individual word, new situational formation, graphical selection (allocation).

Статью отримано 20.10.2013 р.

УДК 811.161.1'276.6'42:659.1

ВАН ЦЗИЮНЬБО,

аспирант кафедры русской филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко; Львов, Украина;
e-mail: gazheva-inna@rambler.ru;
тел.: +38 (032)239-41-19; +38 (032)233-65-78; +38-096-214-83-57

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье обобщены некоторые результаты изучения явления заимствования в современном языкознании. Рассмотрены наиболее известные классификации заимствований по степени адаптации. Обоснована целесообразность выделения трёх классов заимствованных слов по степени их адаптации: иноязычные вкрапления, варваризмы и собственно заимствования. Особое внимание обращается на механизм адаптации собственно англоязычных заимствований в русском языке. Процесс ассимиляции принято рассматривать на формальном и лексико-семантическом уровнях. Формальная адаптация предполагает, соответственно, фонетическое, орфографическое, морфемно-словообразовательное, морфологическое освоение иноязычного слова. В статье выявлена степень формальной, в частности словообразовательной, адаптации англицизмов в рекламном тексте в проекции на их лексико-тематическую классификацию. Автор показывает, заимствования каких тематических рубрик наиболее ассимилированы в морфемно-словообразовательном плане.

Ключевые слова: англицизм, заимствование, адаптация, ассимиляция, рекламный текст.

Конец XX — начало XXI вв. можно считать периодом новой волны заимствований из английского языка. Активизация процесса заимствования связана с глобализацией и интеграцией России в западный мир. В качестве одного из важнейших источников англицизмов в современном русском языке выступает реклама: именно она знакомит носителя русского языка с «наиболее востребованными» реалиями западной жизни и с их первоначально малопонятными, но притягательными и престижными именами. Некоторые из них со временем успешно адаптируются к системе русского языка.

Цель настоящей статьи — рассмотреть вопрос о механизмах адаптации англоязычных заимствований и выявить степень формальной, в частности словообразовательной, адаптации англицизмов в рекламном тексте.

Для определения преобразования иноязычного слова в системе воспринимающего языка лингвисты используют термины *адаптация*, *ассимиляция*, *внедрённость*, *освоенность*. Вопрос о степени и механизмах адаптации является одним из наиболее важных в теории заимствования, однако классификация по этому принципу, как справедливо отмечает В. М. Аристова, является правомерной лишь в проекции на определённый временной промежуток, то есть лишь при синхронном подходе к лексике. Для каждого последующего периода она не будет иметь силы [1, с. 8]. Типологию иноязычной лексики по степени её ассимиляции связывают с именем немецкого лингвиста А. Шлейхера, выделившего две группы слов: *Lehnwörter* (заимствования) и *Fremdwörter* (иностранные слова). В российской лингвистической традиции этим терминам соответствуют слова «усвоенные и освоённые» и «усвоенные, но неосвоенные» [6, с. 13], укоренившееся и неукоренившееся, полностью ассимилированные и ассимиляция которых не закончилась.

Многие учёные (В. М. Аристова, А. А. Брагина, С. А. Беляева, И. В. Арнольд и др.) используют не дихотомический, а тринарный принцип построения классификации заимствований. Так, В. М. Аристова выделяет *проникновения*, *заимствования* и *укоренения*. Иноязычные слова первого типа исполь-

зуются для наименования зарубежных реалий, в их написании и произношении наблюдается вариативность, поскольку такие слова находятся на стадии освоения их употребления в письменной и устной речи. Для иноязычных слов второго типа характерна стабилизация значения, активное употребление в письменной и устной речи. Укоренения же полностью подчиняются нормам воспринимающего языка, усваивают определённые грамматические категории, развивают широкие словообразовательные связи, семантические валентности, приобретают стилистическую маркированность [1, с. 5–11].

Три класса заимствований выделено также в работах С. А. Беляевой и И. В. Арнольд, С. А. Беляева выделяет *неосвоенные, частично освоенные и полностью освоенные слова* [4, с. 84], И. В. Арнольд — *экзотизмы, частично ассимилированные и полностью ассимилированные слова* [2, с. 105]. Интересно, что в концепции Л. П. Крысина, которая оказала влияние практически на все позднейшие разработки в области теории заимствования, термину *экзотизм* соответствует иное значение: «частично адаптированное (освоенное) заимствование», используемое для обозначения реалии иноземной культуры. Неосвоенные же заимствованные слова Л. П. Крысин характеризует как *иноязычные вкрапления*. Полностью освоенные слова иностранного происхождения учёный характеризует как собственно *заимствования*. Таким образом, несмотря на определённый разнобой в терминологии, между существующими типологиями заимствованной лексики по степени её ассимиляции в языке-рецепторе легко установить соответствия. Обобщив результаты рассмотренных классификаций, целесообразно, на наш взгляд, выделять три больших класса заимствованных слов по степени их ассимиляции: иноязычные вкрапления, варваризмы и собственно заимствования (то есть слова, вполне адаптированные к системе языка-реципиента).

Иноязычные вкрапления наименее усвоены в языке-рецепторе, они обычно употребляются в речи билингвов, оказываясь непонятными для монолингвов, и всегда передаются буквами языка-донора (как правило, латиницей), в то время как варваризмы могут передаваться как латиницей, так и кириллицей. Как отмечает И. Н. Мозовая: «На стадии варваризма происходит освоение фонетического, графического, грамматического, семантического планов слова, поэтому для варваризма характерна соответствующая вариантность (в произношении и написании: *серфинг* — *сёрфинг*, написании: *секонд хэнд* — *second hand*, *плейер* — *плэйер* — *плеер*; в понимании: *ксерокс* — любой копировальный аппарат или только фирмы «Хerox»)» [5]. Если иноязычные вкрапления не фиксируются в словарях, то варваризмы, как правило, находят отражение в словарях иностранных слов, а также в словарях неологизмов. Таким образом, иноязычные вкрапления и варваризмы различаются по степени узальности и освоенности. Англицизмы, принадлежащие к любому из трёх выделенных классов, могут быть при этом маркированными по этнокультурному признаку и иметь, соответственно, оттенок экзотичности. Мы, таким образом, солидарны с той точкой зрения, согласно которой экзотизмы могут отличаться разной степенью адаптированности.

Процесс ассимиляции принято рассматривать на фонетическом, орфографическом, морфемно-словообразовательном, морфологическом и лексико-семантическом уровнях. Фонетико-орфографическая и морфологическая освоенность слова, проявляющаяся в кириллическом написании и наделении слова определёнными морфологическими категориями, является необходимым начальным этапом освоения слова в языке-реципиенте. Однако более важное значение имеет лексико-семантическое освоение и словообразовательная активность, проявляющаяся в морфемизации и наличии производных от заимствованного слова. Так, В. П. Секирин пишет, что именно развитие у слова словообразовательной продуктивности наряду со способностью входить в сочетания со словами исконной лексики, а также разного рода семантические преобразования и обретение широкой употребительности свидетельствует о его лексико-семантической освоенности [7, с. 83]. Очевидно, что на этапе проникновения заимствованное слово воспринимается как немотивированное и нечленимое. Однако по мере того как оно укореняется в языке, оно начинает распадаться на морфемы. Как показывает в своей работе О. П. Сологуб, процесс приобретения иноязычным структурным элементом морфемных свойств является длительным и постепенным, учёный, в частности, выделяет шесть этапов в этом процессе [8, с. 130–134]. В результате слово обретает членимость и способность создавать производные слова. Наиболее продуктивными способами образования производных слов на базе заимствований учёные считают суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный и словосложение [8, с. 130–134].

Несмотря на то, что в современном русском языке функционирует целый ряд англоязычных заимствований, от которых не образованы производные слова (*атторней, бэквардэйшн, бондхольдер, брэйн-дрейн, бойкот, бойент, бай-аут, гросс-термз, директ-кост, кэш флоу, истеблишмент, лэй-евэй, лиз-бэк, мэтьюрити, ноу-хау, овербот, оверсайд-дилливеры, флоут, хоум-бэнкинг, эксаутант, энтри*), учёные отмечают повышение деривационной активности англицизмов. При этом заимствуются большей частью существительные, от которых потом образуются прилагательные и глаголы.

Обобщив результаты проведённого нами комплексного исследования англицизмов в рекламном тексте, следует отметить, что имена, принадлежащие разным лексико-тематическим рубрикам, проявляют разную словообразовательную активность. Максимально насыщены англицизмами (и вкраплениями, и варваризмами, и собственно заимствованиями) два тематико-семантических поля: «Интернет» и «Реклама». При этом в поле «Реклама» преобладают транслитерированные варваризмы, которые обрели уже определённую морфологическую оформленность (категории рода, числа; многие склоняются). Однако их словообразовательная адаптация, как правило, ещё не началась. Чтобы проверить эту гипотезу, мы провели небольшой эксперимент: попросили нескольких испытуемых (10 человек) в возрасте от 18 до 25 лет выделить морфемы в словах *доджер, пейпербек, призмавижн, стикер, бликфанг, мерчандайзинг, постер, сэндвичмэн, самплинг, промюшн*, а также попытаться вспомнить

слова, производные от перечисленных. Такая задача оказалась практически невыполнимой для испытуемых. Это свидетельствует, на наш взгляд, о нулевой словообразовательной адаптированности указанных слов.

Что касается наиболее частотных англицизмов в тематической рубрике «Интернет, компьютерные технологии», то они, напротив, отличаются деривационной активностью. В первую очередь, это касается таких базовых слов, как *Интернет*, *веб*, *хостинг*, *сайт*. Так, слово *Интернет* служит производящей базой для образования целого ряда сложных слов. Например, в проанализированных нами рекламных слоганах зафиксированы следующие производные, ср.: *интернет-территория* (*Твоя Интернет-Территория*); *интернет-кафе* (*Интернет-кафе для гурманов*); *интернет-журнал* (*Интернет-журнал вопросов*); *интернет-магазин* (*Приоритетное обслуживание по дисконтной карте во всех интернет-магазинах Рунета*). По данным «Толкового словаря неологизмов» [9], словообразовательное гнездо слова *Интернет* — одно из наиболее разветвлённых, причём абсолютное большинство производных слов (85) в нём составляют сложные слова. Имеются также суффиксальные образования, ср.: *интернетизация*, *интернетчик*. Неслучайно словосложение и суффиксация относятся к числу наиболее продуктивных способов словообразования в современном русском языке.

Высокой словообразовательной активностью отличаются также некоторые термины тематической группы «Красота (салоны красоты, косметика)»: *лифтинг* — «подтяжка» < англ. *lifting* — «подъём, поднятие»; *пирсинг* — «прокол, в котором носят украшение» < англ. *piercing* — «прокол»; *пилинг* — «чистка лица» < англ. *peeling* — «очищение, чистка» < *to peel* — «очищать, снимать кожу; шелушить»; *скраб* — «крем для отшелушивания, очистки кожи» < англ. *to scrub* — «царапать» и др. Производные от этих слов также чаще всего образуются путём словосложения. Так, в проанализированных нами рекламных текстах встретились следующие сложные слова, производные от *лифтинг*: *лифтинг-аппликации*, *лифтинг-гель*, *лифтинг-гимнастика*, *лифтинг-крем*, *лифтинг-маска*, *лифтинг-препараты*, *лифтинг-программа*, *лифтинг-сыворотка*, *синус-лифтинг*. В рекламном косметологическом дискурсе активно употребляется прилагательное *лифтинговый*, образованное суффиксальным способом. Мы зафиксировали его в сочетаниях *лифтинговый гель*, *лифтинговый коктейль*, *лифтинговый комплекс*, *лифтинговый эффект*. (*Моделирующая увлажняющая маска. Оказывает подтягивающее, укрепляющее действие, препятствует провисанию тканей. Кроме выраженного лифтингового эффекта маска также оказывает интенсивное увлажняющее действие...*) В профессиональной речи косметологов и в устной речи посетителей косметических салонов мы зафиксировали глагол *лифтинговать*, однако в рекламных письменных текстах он нам не встретился.

Большой популярностью среди молодёжи сегодня пользуется *пирсинг*, что обуславливает частотную употребляемость этого и производных от него слов. Напр.: *пирсинг-мания*, *пирсинг-украшения*, *пирсинг-направление*, *пирсинг-осложнения*, *пирсинг-косметология*, *пирсинг-рекорд*, *пирсинг-корсет*. Как молодёжные сленгизмы употребляются также суффиксальное прилагательное *пирсинговый* и глагол *пирсинговать*.

Примечательно, что словообразовательной активностью могут отличаться не только освоенные графически варваризмы, но и те, которые сохранили написание латиницей. Это касается, например, одного из наиболее популярных слов последнего времени — *SPA* (от англ. *Spa*: 1) «минеральный источник»; 2) «курорт с минеральными водами»). Аббревиатура *SPA* расшифровывается как «*Salus per aquam*» — «Здоровье через воду». Анализ словообразовательной специфики и особенностей употребления этого слова представлен в статье А. Г. Цыгулевой [10, с. 203–206]. Исследовательница, в частности, выделяет такие слова-композицы с компонентом *SPA*: *SPA-центр*, *SPA-курорт*, *SPA-салон*, *SPA-студия*, *SPA-маникюр*, *SPA-минеральный*, *SPA-терапия*, *SPA-эпиляция*, *SPA-процедуры*, *SPA-услуга*, *SPA-косметика*, *меди-SPA*, *SPA-комплекс*, *VIP-SPA-уход* и др. О словообразовательной активности *SPA* говорит также его использование в языковой игре: *SPA-койстве*, *SPAcенеие*. Напр.: *За SPAcением тела и души следует обращаться в клинику «Шале Сантэ»*. Таким образом, несмотря на то, что слово *SPA* чаще функционирует в русском языке в графическом оформлении языка-донора (хотя всё более частотным становится и кириллическое написание СПА), высокая степень его узуальности, а также словообразовательная активность, на наш взгляд, дают основание для квалификации его не как иноязычного вкрапления, а как варваризма.

Высокой словообразовательной активностью в современном русском языке отличается также слово *фитнес*, которое, принадлежа к тематическому полю «Спорт», одновременно принадлежит к периферийной части поля «Красота». Общеизвестно, что тематические поля накладываются друг на друга своими периферийными зонами. В словообразовательном гнезде этого слова преобладают производные композиты: *фитнес-академия*, *фитнес-аэробика*, *фитнес-гимнастика*, *фитнес-занятия*, *фитнес-клуб* и под. Весьма употребительным в рекламных сообщениях является также суффиксальное прилагательное *фитнесовый* (*фитнесовыми* бывают *форум*, *ботинки*, *коньки*, *мяч*, *ролики*, *зал*, *гимнастика*, *аэробика*, *катание на роликах* и пр.). Встречается также сложное прилагательное *спортивно-фитнесовый*, в состав которого прилагательное *фитнесовый* входит уже как одна из производящих баз. Кроме того, в рекламных объявлениях весьма частотно слово *фитбол* (в значении «большой надувной мяч»), которое является словообразовательной калькой с английского *fitball*. В рекламном сообщении *Этот Фит — просто хит!* сталкиваемся с производным *Фит*, образованным от слова *фитнес* способом усечения производящей основы по типу *магнитофон* — *маг* [3, с. 316]. Такие слова, как правило, носят разговорный характер. Употребление неологизма *Фит* в данном рекламном сообщении в рифме со словом *хит* явно рассчитано на молодёжную целевую аудиторию и преследует цель повысить уровень интимности сообщения. Слово *фитнес* активно функционирует не только в сфере

рекламы, но и в разговорно-бытовом дискурсе. Причём здесь большое распространение получили производные глаголы жаргонного характера *фитнесовать*, *фитнесить*, *пофитнесить* и даже *фитнесировать*, которые передают оттенок псевдолитературности.

Таким образом, в рамках современного русскоязычного рекламного дискурса функционируют англицизмы, в разной степени адаптированные к системе русского языка. Сферами, максимально открытыми для проникновения англицизмов, являются «Интернет и компьютерные технологии», «Реклама», «Красота (салоны красоты), средства ухода за внешностью», «Мода» («Одежда, обувь»), «Спорт», «Массовая культура». Как отчётливо проявившуюся тенденцию следует отметить доминирование практически во всех семантико-тематических полях иноязычных вкраплений. Исследование соотношения иноязычных вкраплений с другими видами заимствованных слов в проекции на структуру рекламного сообщения свидетельствует о том, что в слоганах и заголовках, нередко находящихся в отношениях тождества, иноязычные вкрапления абсолютно доминируют. В основной же части рекламного текста используются англицизмы, отличающиеся разным уровнем освоенности. Что касается механизмов адаптации англицизмов, то транслитерация и морфологическая оформленность выступают как механизмы усвоения, а деривационная активность и соотнесение со значением слова различных образных представлений — как механизмы глубокого освоения слова языком-реципиентом. Наиболее высокая степень словообразовательной активности характерна для заимствований, принадлежащих к лексико-тематическим рубрикам «Интернет, компьютерные технологии» и «Красота (салоны красоты), средства ухода за внешностью».

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что только часть англицизмов, используемых в рекламном тексте, получает широкое распространение в повседневной речи. Современная языковая ситуация в России, вопреки заключениям некоторых учёных, ещё далека от билингвизма, и иноязычные вкрапления, которые преобладают в рекламных текстах, остаются для многих непонятными, а значит не имеют шансов на широкую узуальность. Тем не менее их частое присутствие на газетных полосах и страницах журналов, в теле- и радиозфере делает англицизмы, а также связываемые с ними понятия, стереотипы поведения и отношения к жизни всё более привычными для носителей русского языка. Можно предположить, что это с неизбежностью повлечёт за собой изменения в ценностной картине мира носителей русского языка.

Литература

1. *Аристова М. В.* Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) / В. М. Аристова. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. — 150 с.
2. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка: учеб. пособие / И. В. Арнольд. — 3-е изд. — М.: Просвещение, 1990. — 300 с.
3. *Белашапкова В. А.* Современный русский язык / В. А. Белашапкова, Е. А. Брызгунова [и др.]. — М.: Высшая школа, 1989. — 800 с.
4. *Беляева С. А.* Английские слова в русском языке XVI—XX вв. / С. А. Беляева. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. — 108 с.
5. *Мозовая И. Н.* Теоретические предпосылки исследования заимствованной лексики в языке рекламы [Электронный ресурс] / И. Н. Мозовая. — Режим доступа: www.nbu.vgou.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozn/2009_15/article/30.pdf.
6. *Реформатский А. А.* О некоторых вопросах терминологии / А. А. Реформатский // Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества. — Калинин, 1974. — Вып. 4. — С. 142–157.
7. *Секирин В. П.* Лексическая ассимиляция французских слов в английском языке (на материале существительных, заимствованных в XII—XIII вв. из областей государственного управления и военного дела): дис. ... канд. филол. наук / В. П. Секирин. — Киев: КГУ, 1955.
8. *Сологуб О. П.* Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке / О. П. Сологуб // Наука. Университет. 2002: материалы Третьей науч. конф. — Новосибирск, 2003. — С. 130–134.
9. *Толковый словарь неологизмов* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.grammar.ru/SPR/?id=1.1>.
10. *Цыгулева А. Г.* Англоязычные заимствования в тексте рекламы: анализ актуализации и особенностей функционирования / А. Г. Цыгулева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — С. Пб., 2009. — № 9. — С. 203–206.

References

1. *Aristova M. V.* Anglo-russkie yazykovye kontakty (anglitsizmy v russkom yazyke) / V. M. Aristova. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1978. — 150 s.
2. *Arnold I. V.* Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka : ucheb. posobie / I. V. Arnold. — 3-e izd. — M.: Prosveshchenie, 1990. — 300 s.
3. *Beloshapkova V. A.* Sovremennyy russkiy yazyk / V. A. Beloshapkova, Ye. A. Bryzgunova [i dr.] — M.: Vysshaya shkola, 1989. — 800 s.
4. *Belyaeva S. A.* Angliyskie slova v russkom yazyke XVI—XX v.v. / S. A. Belyaeva. — Vladivostok : Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1984. — 108 s.
5. *Mozovaya I. N.* Teoreticheskie predposylki issledovaniya zaimstvovannoy leksiki v yazyke reklamy [Elektronnyy resurs] / I. N. Mozovaya. — Rezhim dostupa: www.nbu.vgou.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozn/2009_15/article/30.pdf.
6. *Reformatskiy A. A.* O nekotorykh voprosakh terminologii / A. A. Reformatskiy // Sbornik dokladov i soobshcheniy Lingvisticheskogo obshchestva. — Kalinin, 1974. — Vyp. 4. — S. 142–157.
7. *Sekirin V. P.* Leksicheskaya assimilyatsiya frantsuzskikh slov v angliyskom yazyke (na materiale sushchestvitelnykh, zaimstvovannykh v XII—XIII v.v. iz oblastey gosudarstvennogo upravleniya i voennogo dela): dis. ... kand. filol. nauk / V. P. Sekirin. — Kiev : KGU, 1955.
8. *Sologub O. P.* Usvoenie inoyazychnykh strukturnykh elementov v russkom yazyke / O. P. Sologub // Nauka. Universitet. 2002 : materialy Tretyey nauchn. konf. — Novosibirsk, 2003. — S. 130–134.
9. *Tolkovyy slovar neologizmov* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.grammar.ru/SPR/?id=1.1>.
10. *Tsyguleva A. G.* Angloyazychnye zaimstvovaniya v tekste reklamy: analiz aktualizatsii i osobennosti funktsionirovaniya / A. G. Tsyguleva // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. — S. Pб., 2009. — № 9. — S. 203–206.

Ван Цзяньбо,

аспірант кафедри російської філології Львівського національного університету імені Івана Франка; Львів, Україна;
e-mail: gazheva-inna@rambler.ru; тел.: +38 (032)239-41-19; +38 (032)233-65-78; +38-096-214-83-57

СЛОВОТВІРНА АДАПТАЦІЯ АНГЛІЦИЗМІВ У РЕКЛАМНОМУ ТЕКСТІ

Анотація. У статті узагальнено деякі результати вивчення явища запозичення в сучасному мовознавстві. Розглянуто найбільш відомі класифікації запозичень за ступенем їх адаптованості. Обґрунтовано доцільність виділення трьох класів запозичених слів за ступенем їх адаптації: іншомовні вкраплення, варваризми та власне запозичення. Особливу увагу зосереджено на механізмах адаптації власне англословних запозичень у російській мові. Процес асиміляції зазвичай розглядають на формальному та лексико-семантичному рівнях. Формальна адаптація передбачає, відповідно, фонетичне, орфографічне, морфемно-словотвірне, морфологічне освоєння іншомовного слова. У статті виявлено ступінь формальної, зокрема словотвірної, адаптації англіцизмів у рекламному тексті в проєкції на їх лексико-тематичну класифікацію. Автор показує, запозичення яких тематичних рубрик найбільш асимільовані в морфемно-словотвірному плані.

Ключові слова: англіцизм, запозичення, адаптація, асиміляція, рекламний текст.

Wang Zi Yunbo,

post-graduate student of the Russian Philology Chair at Ivan Franko National University of Lviv; Lviv, Ukraine;
e-mail: gazheva-inna@rambler.ru; тел.: +38 (032)239-41-19; +38 (032)233-65-78; +38-096-214-83-57

DERIVATIONAL ADAPTATION OF ANGLICISMS IN THE ADVERTISING TEXT

Summary. This article summarizes some of the results of the study of loanwords in modern linguistics. The author considered anglicisms in the most well-known classifications of loanwords according to the degree of adaptation. The researcher proves the feasibility of distinguishing three classes of loanwords according to their degree of adaptation: embedded foreign elements, barbarisms and loanwords proper. Particular attention is paid to the mechanism of adaptation of English loanwords in the Russian language. The process of assimilation is usually regarded on the formal and lexical-semantic levels. Accordingly, formal adaptation suggests phonetic, orthographic, morphemic-word composition, morphological analysis of the foreign language word. The article revealed the extent of formal, particularly formative, adaptation of anglicisms in the advertising text projected on their lexical and thematic classification. The author reveals thematic scopes of loanwords with the highest degree of assimilation from the morphemic-derivational point of view.

Key words: anglicism, loanword, adaptation, assimilation, advertising text.

Статтю отримано 20.09.2013 р.

УДК 811.161.1'373.43:659

СОБЧЕНКО Наталия Сергеевна,

магістр філології, аспірант кафедри російського мови Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова; Одеса, Україна;
e-mail: ecoletk17@mail.ru; тел.: +38(0482)49-57-41; моб.: +38-067-946-13-58

ГРАФИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению приёмов создания окказионализмов в рекламном дискурсе. Уделяется внимание отсутствию единой терминологической базы для наименования графической окказиональности. Нет единства и для классификации подобных единиц. Целью статьи является анализ графических инноваций в рекламном дискурсе с точки зрения их классификации и выявление закономерностей их использования. На основе учитывания формально-содержательных особенностей графических окказионализмов и реальных и ложных мотивационных отношений, все графические окказионализмы рекламного дискурса поделены на 5 классов. Подробно рассмотрен каждый класс и проанализированы примеры. Особое внимание уделяется 5-му классу (названному «буквенными окказионализмами»), так как в современной рекламе именно этот тип чаще всего задействуется копирайтерами. Анализируется причина использования графических окказионализмов в рекламном дискурсе.

Ключевые слова: графический окказионализм, рекламный дискурс, неолексема, языковая игра.

Лінгвісти с недавних пор стали активно изучать так называемое графическое словотворчество, возникающее как в публицистическом, так и художественном тексте. Т. В. Попова, В. П. Изотова, С. В. Ильясова, Б. В. Кривенко, А. Р. Сухорукова и др. исследуют графические окказионализмы языка СМИ, а как средство проявления идиостиля писателя их рассматривают такие учёные, как Н. Г. Бабенко, Н. А. Николина, О. Г. Артёмова. Несмотря на появившийся интерес к данной проблематике, учёные ещё не пришли к единому мнению относительно наименования единиц графической окказиональности. В целом же, относясь к области лексических инноваций, графические окказионализмы порождают множество спорных моментов. Сложность вызывает и принцип классификации подобных номинаций. Вот почему цель нашей статьи — проанализировать графические инновации в рекламном дискурсе с точки зрения их классификации и выявить закономерности их использования. Материалом исследования мы выбрали рекламу, так как в последнее время именно в ней зафиксировано множество случаев использования графических окказионализмов.

В лингвистике существует целый ряд терминов для наименования графической окказиональности, наиболее популярные из которых: графические окказионализмы (Т. И. Сурикова, Б. В. Кри-

венко, А. В. Страмной), визуальные неологизмы (Е. В. Маринова), гибридные слова (В. М. Костюков), графические каламбуры (В. Г. Костомаров), новообразования-гибриды (Л. В. Радибурская). С. В. Амири и Т. В. Попова графиксаты, в целом, рассматривают как подвид неолексем и классифицируют их по типу создания. Так Т. В. Попова предлагает учитывать средства создания слов-«кентавров», что позволяет выделить несколько типов графиксации, учитывая такие виды материальных средств, используемых при создании графиксатов, как «знаки языка / знаки других кодовых систем (цифровых, компьютерных и др.), элементы одного / нескольких языков, сегментные / суперсегментные средства графо-орфографического оформления слова. Это позволяет выделить внутри графиксации моно-, поли-, кодо- и типографиксацию» [7, с. 162]. Существуют и другие классификации. В. П. Изотова ввела понятие «графическое словообразование», при котором в одном слове графически выделяется часть, формально совпадающая с другим узуальным словом. Выделение происходит при помощи прописных букв или иных графических средств. Такие слова ещё называют словами-матрёшками.

Кроме терминологической неопределённости в наименовании данных единиц, не существует согласия и в определении самого понятия «графические окказионализмы». Например, Т. И. Сурикова предлагает рассматривать графические окказионализмы как «определённую модель слов, как один из приёмов оформления заголовков, иллюстраций, ключевых концептуальных моментов текста» [2, с. 83]. В целом же, в современной литературе сложилось узкое и широкое понимание графической окказиональности. В широком смысле это любое отступление от нормы, это так называемое «маркирование той или иной языковой / речевой единицы при помощи различных графических средств», результатом которой становится либо появление новой визуальной лексемы, либо создание окказиональной лексемы с новой семантикой. Обычно первый случай связан с графическими модификациями письменной системы разных языков или шрифтов. Г. А. Иванова считает, что следует говорить о так называемых графических вариантах как модификациях слов, которые связаны с графическим начертанием последних с помощью письменных систем разных языков, шрифтовых выделений и других (не только буквенных) графических средств. Таким образом, это особый тип формальных вариантов слов, как например: *Одежда* (название магазина). В подобных словах на первый план выходит полисемантическая, то есть актуализируется окказиональная производящая основы слова, подчёркивая определённый смысл графической лексемы. Таким образом, узуальное слово увеличивает свой семантический объём, приобретая дополнительный смысл и становясь семантически дуплановым и экспрессивным. Во втором же случае речь идёт об окказиональных словах в результате графических преобразований, то есть о появлении лексемы с новой формой и содержанием. Например: *ЗаКАДРи* (реклама фотоаппарата «Кодак»). Так происходит не только графическое варьирование слова, но и создание окказиональной единицы с новой семантикой. Подобное толкование соответствует узкому понятию определения графической окказиональности.

В целом, графическая окказиональность в современной лингвистике исследуется в разных направлениях. З. К. Беданкова, Е. С. Грищева, Е. А. Земская, В. П. Изотов, С. В. Ильясова, Л. В. Кияшко, И. А. Нефляшева, Т. В. Попова, О. П. Симутова, А. В. Стахеева, А. В. Страмной рассматривают её в словообразовательном аспекте, в том числе и как средство создания языковой игры. В широком смысле к графическим приёмам относят: использование различных средств пунктуации и шрифтового выделения, использование заглавных букв, цвет и расположение текста, деление на абзацы и прочие изменения обычного текста. Следовательно, внутри одной единицы рождается другая, играющая не менее значимую роль в трактовке текста.

Многоплановость анализа графических приёмов является причиной не только разной интерпретации этого явления, но и неоднозначности классификации подобных единиц. Проблема возникает в различном выборе критерия для классификации. Например, З. К. Беданкова и С. В. Ильясова характеризуют графические окказионализмы с учётом характера производного и производящего и выделяет две группы лексем: 1) графическое выделение не связано с псевдомотивацией, а в узуальном слове выделяется его реальная производящая основа; 2) имеет место попытка возрождения внутренней формы [3, с. 34]. Эта классификация построена на выявлении реальной и ложной мотивации. Д. В. Гугунава, В. П. Изотов, А. Р. Сухоруков классифицируют графиксальные окказионализмы, учитывая словообразовательный оператор и рассматривая те или иные способы образования графических инноваций, фиксируя при этом как родовой способ графиксации или контаминации.

Вслед за Е. С. Грищевой, опираясь на формально-содержательные особенности графических окказионализмов и учитывая реальные и ложные мотивационные отношения в них, мы выделяем среди графических окказионализмов, созданных в рекламном дискурсе, следующие типы:

А) собственно графические окказионализмы. Сюда относятся единицы с тождественной узуальной семантикой, отличающиеся какими-либо графическими маркерами (чаще всего шрифтом). Напр.: 1) *РЕ-Альный клуб* (реклама клуба в магазине «Реал»). Тут внутри одного слова происходит выделение сегмента, являющегося узуальным словом (наименованием рекламируемого магазина). 2) *МЕБЕЛЬная страна* (название магазина). Выделяя сегмент «мебель» графически в слове «мебельный», рекламист подчёркивает, что магазин специализируется именно на мебели. По мнению З. К. Беданковой, в таких словах шрифтовывделение «освежает» реальные мотивационные отношения: прилагательное «мебельный» образовано от существительного «мебель» [1, с. 65]. Е. С. Грищева к этой же группе предлагает отнести и случаи так называемого немотивированного графического выделения каких-либо сегментов лексемы. Напр.: *МуЗыка* (название магазина); салон *иЗюминка* (салон красоты). Часто в качестве выделенного сегмента выступает буква латинского алфавита: *БерёЗка* (продуктовый магазин).

Б) **Графико-словообразовательные окказионализмы**, то есть единицы, которые возникают в результате контаминации и при этом сохраняют семантику входящих в данный окказионализм лексем. Тут происходит не просто графическое выделение узуального слова, а возникает окказиональное образование с новой семантикой. Напр.: 1) *НЮанс* (магазин интимной одежды в «Афине»). Слово «нюанс» французского происхождения, образованное от «фр. *nuance* — оттенок, едва заметный переход (в звуках, в красках, в суждениях)» [4, с. 265]. Выделение же лексемы «ню» является псевдомотивацией и несёт совершенно особое значение. Становится понятным, что в магазине продают интимную одежду, так как «ню» < фр. *nu* (голый; обнажённая живая натура; изображение обнажённого тела) даёт нам понять специфику магазина даже без подробной характеристики. 2) *ХиВАРжа* (наименование кафе-бара в г. Одессе на ул. Пастера). 3) *ПреобразоВАННАЯ. МебелироВАННАЯ. Мебель для ванной по низким ценам* (*Lekou Merlin, товары для дома и ремонта*).

Отметим ещё одно явление. Известно, что популярность английского языка не могла не сказаться и на рекламе, вот почему мы всё чаще встречаем в последние годы наименования магазинов и товаров на английском языке. Рекламист, таким образом, пытается подчеркнуть отнесённость данной продукции к зарубежному рынку. Поэтому нам встретились графо-словообразовательные окказионализмы и в англоязычных рекламных наименованиях, напр.: 1) *Магазин FashIOn*. Слово «hi» является приветственным. Таким образом рекламист приглашает потенциальных покупателей посетить магазин. 2) *PresiDENT* (наименование фирмы зубной пасты). В переводе с английского «dent» означает — «зуб».

В) **Графико-фонетические окказионализмы**. Подобные единицы актуализируют, кроме окказиональной семантики, неузуальный звуковой облик лексемы. Напр.: 1) *Построй ПираМММиду!* 2) *скоРРРо новая модель* (реклама автомобиля Toyota). 3) *Позитивффчик* (реклама магазина «Доктор Смех»). В последнем примере происходит замена парной по звонкости / глухости согласной «в» на «ф». Причина тому — большое влияние молодёжного жаргонизированной речи, так называемого «падонковского языка» (языка «падонков», или «олбанского языка», «новояза»). Кроме того, само слово «позитивчик» является потенциальным, образовано оно от существительного «позитив» (лат. *positivus* положительный), имеющего следующие значения: «1) Изображение, получаемое с негатива, в котором светлые части соответствуют светлым частям объекта съёмки и тёмные — тёмным. 2) перен. разг. что-л. положительное. 2. м. клавишно-духовой музыкальный инструмент, небольшой переносный орган» [5, с. 679]. Суффикс же *-чик* образует существительные со значением: 1) лица по роду деятельности (переводчик, буфетчик); 2) предмета (машины, механизма, приспособления), который производит действия (погрузчик); 3) в безударной позиции при добавлении к корню существительного образует существительное муж. р. со значением уменьшительности: амбар — амбарчик, ларь — ларчик, помидор — помидорчик [9, с. 198]. Таким образом, предполагается, что подарки из магазина с таким названием принесут человеку радость и хорошее настроение.

Г) **Графико-орфографические окказионализмы**, то есть нарушение норм правописания. С. В. Ильясова орфографические окказионализмы выделяет в отдельный тип неузуальной лексики, понимая под ними слова, которые внешне напоминают узуальные, но имеют искажённые двойниками производящие [3, с. 56]. Напр.: *КОПИтан* (название сети копировальных центров). По типу узуального слова «капитан» создано окказиональное «копитан», первая половина которого содержит формант «копи» < «копировальный центр».

Мы предлагаем дополнить представленную классификацию пятым типом графических инноваций — группой «**буквенных окказионализмов**». Это такие окказионализмы, в которых происходит совмещение в одной лексеме латиницы и кириллицы (Т. В. Попова характеризует этот тип как «соединение элементов разных естественных языков»). Подобное совмещение происходит при помощи различных средств, и от этого зависит функция подобной игры. В этой группе можно выделить следующие подгруппы:

а) фрагмент, написанный латиницей, представляет собой законченное слово, семантика которого актуализируется и во всей лексеме в целом, напр.: 1) *VIPусьной БАЛ* (реклама в одесском ЦУМе); 2) *НовоГОДние праздники!* (реклама клуба «Палладиум»). Английское слово «go» имеет несколько значений, связанных с движением. В данном окказионализме актуализируется значение «идти в императивной форме, то есть слоган можно расшифровать как «идите на новогодние праздники в «Палладиум»». 3) *Прифлорни гада!* (реклама средства от насекомых). Одним из значений английского слова «flor» является «шлёпанье, глухой удар при падении; звук такого удара». Легко соотнести это значение с рекламируемым продуктом. Так слоган становится оригинальным и привлекает внимание.

б) Лексема содержит в себе наименование продукции, которое написано латиницей, напр.: 1) *PRlora. PRlmi решение. PRlемлемая цена. PRlora*. (реклама автомобиля *Lada PRlora*). Данный рекламный текст имеет кольцевую композицию, использование же 4 раза фрагмента *PRl* играет роль нагнетания, цель которого на подсознательном уровне повлиять на память реципиента (как зрительную, так и слуховую, если человек слышит эту рекламу по телевидению или радио). 2) *«Zooot. PaZOOOмный выбор!»* (реклама слабоалкогольного напитка «Zooot», изготавливаемого на основе солода).

в) С помощью латиницы подчёркивается основная идея предлагаемого товара: 1) *ПозиТВзация всей страны* (телекомпания «Чёрное море»). Надо отметить популярность использования сегмента «TV» в рекламном дискурсе. Интересно, что слово «позитивизация» также является окказиональным. Образовано оно при помощи суффикса *-ациj-* (по аналогии со словами провокация, сенсация), образующего отвлечённые существительные. 2) *UGGлётные цены* (реклама магазина «Расса»). Сегмент «UGG» расшифровывается как «угги», то есть обувь для мужчин и женщин, изготовленная из овчины ворсом внутрь и гладкой поверхностью наружу, часто с синтетической подошвой. Подтверждает эту этимологию и визуальный ряд (реклама изображена на фоне фотографии девушки, на которой надеты угги).

Таким образом, на рубеже XX-XXI в.в. графикасы всё чаще «становятся результатом креативной деятельности носителей языка, следствием языковых игр разных типов. Такие инновации имеются в текстах СМИ, рекламы, Интернета, в SMSках, такие окказионализмы нередко выполняют функцию эргонимов (названий предприятий: кафе, магазинов, банков и т. п.). В лингвистике выделяются разные причины появления графических окказионализмов. На наш взгляд, главной причиной возникновения таких единиц является влияние современной постмодернисткой культуры и связанных с ней представлений постмодернизма о сущности мира, языка и текста: идей смерти автора и интертекстуальности, неизбежности языковой игры, равноправия и неиерархизированности разных кодов при создании текста, вариативности и неопределённости окружающих человека миров.

Литература

1. *Беданкова Э. К.* Графическая игра в современной российской рекламе с позиций прагматики / Э. К. Беданкова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — Пятигорск : ПГЛУ, 2009. — № 3. — С. 64–69.
2. *Гришчева Е. С.* Элокутивный аспект изучения графической окказиональности в современной лингвистике: к постановке проблемы / Е. С. Гришчева // Вестник Военного университета. — М. : Наука, 2011. — С. 82–87.
3. *Ильясова С. В.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 296 с.
4. *Локшина С. М.* Краткий словарь иностранных слов / С. М. Локшина. — М. : Русский язык, 1984. — 311 с.
5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Русский язык, 1992. — 914 с.
6. *Пристайко Т. С.* О некоторых терминологических проблемах современной неологии [Электронный ресурс] / Т. С. Пристайко. — Режим доступа: <http://www.hbuv.gov.ua>.
7. *Попова Т. В.* Графикация как новое явление в языке и научной когнитивности / Т. В. Попова // Вестник Челябинского государственного ун-та. — Челябинск : Филология. Искусствоведение, 2011. — № 24 (239). — С. 160–163.
8. *Попова Т. В.* Графикация как способ визуализации современной письменной коммуникации / Т. В. Попова // Лингвистика креатива-2 : коллективная монография / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. — 2-е изд. — Екатеринбург : ФГБОУ ВПО Урал. гос. пед. ун-т, 2012. — С. 199–234.
9. *Цыганенко Г. П.* Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. — К. : Знання, 1982. — 240 с.

References

1. *Bedankova Z. K.* Graficheskaya igra v sovremennoy rossiyskoy reklame s pozitsiy pragmatiki / Z. K. Bedankova // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. — Pyatigorsk : PGLU, 2009. — № 3. — S. 64–69.
2. *Grishcheva Ye. S.* Elokutivnyy aspekt izucheniya graficheskoy okkazionalnosti v sovremennoy lingvistike: k postanovke problemu / Ye. S. Grishcheva // Vestnik Voennoy universiteta. — M. : Nauka, 2011. — S. 82–87.
3. *Ilyasova S. V.* Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy / S. V. Ilyasova, L. P. Amiri. — M. : FLINTA : Nauka, 2012. — 296 s.
4. *Lokshina S. M.* Kratkiy slovar inostrannykh slov / S. M. Lokshina. — M. : Russkiy yazyk, 1984. — 311 s.
5. *Ozhegov S. I.* Tolkovyy slovar russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — M. : Russkiy yazyk, 1992. — 914 s.
6. *Pristayko T. S.* O nekotorykh terminologicheskikh problemakh sovremennoy neologii [Elektronnyy resurs] / T. S. Pristayko. — Rezhim dostupa: <http://www.hbuv.gov.ua>.
7. *Popova T. V.* Grafiksatsiya kak novoe yavlenie v yazyke i nauchnoy kognitsii / T. V. Popova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — Chelyabinsk : Filologiya. Iskuststvovedenie, 2011. — № 24 (239). — S. 160–163.
8. *Popova T. V.* Grafiksatsiya kak sposob vizualizatsii sovremennoy pismennoy kommunikatsii / T. V. Popova // Lingvistika kreativna-2 : kolektivnaya monografiya / pod obshchey red. prof. T. A. Gridinoy. — 2-e izd. — Yekaterinburg : FGBOU VPO Ural. gos. ped. un-t, 2012. — S. 199–234.
9. *Tsyganenko G. P.* Slovar sluzhebnykh morfem russkogo yazyka / G. P. Tsyganenko. — K. : Znannya, 1982. — 240 s.

Собченко Наталія Сергіївна,
магістр філології, аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;
e-mail: ecoletk17@mail.ru; тел.: +38(0482)49-57-41; моб.: +38-067-946-13-58

ГРАФІЧНІ ОКАЗИОНАЛІЗМИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСУ

Анотація. Стаття присвячена дослідженню прийомів творення окказионалізмів у рекламному дискурсі. Прідиляється увага відсутності єдиної термінологічної бази для найменування графічної окказиональності. У сучасній лінгвістиці немає єдиної класифікації подібних одиниць. Метою статті є аналіз графічних інновацій в рекламному дискурсі з точки зору їх класифікації і виявлення закономірностей їх використання. На основі врахування формально-змістовних особливостей графічних окказионалізмів і реальних і помилкових мотиваційних стосунків, серед усіх графічних окказионалізмів рекламного дискурсу виокремлено 5 класів. Детально розглянуто кожен клас і проаналізовано приклади. Особлива увага приділяється 5-ому класу (названому «буквеними окказионалізмами»), оскільки в сучасній рекламі саме цей тип найчастіше задіюється копірайтерами. Аналізується причина використання графічних окказионалізмів у рекламному дискурсі.

Ключові слова: графічний окказионалізм, рекламний дискурс, неолексема, мовна гра.

Natalia S. Sobchenko,
Master of Philological sciences, post-graduate student of the Russian Language Chair of Odessa National I. I. Mechnikov University; Odessa, Ukraine;
e-mail: ecoletk17@mail.ru; tel.: +38(0482)49-57-41; моб.: +38-067-946-13-58

GRAPHIC NONCE WORDS OF THE ADVERTIZING DISCOURSE

Summary. The article is devoted to the consideration of ways of creating nonce words in the advertizing discourse. Attention is paid to the absence of the unified terminology database for nominating graphic occasionalisms. There is no unity in terms of classifying such units either. The aim of the article is to analyse graphic innovations in the advertizing discourse from the point of view of their classification and define the regularities of their use. All graphic nonce words of the advertizing discourse are subdivided into 5 classes according to the formal and substantial features of the graphic nonce words and the real and false motivational relations. Each class is considered in detail and its examples are analysed. Special attention is paid to the 5th class (termed «alphabetic nonce words») as this type is most often employed by copywriters in modern advertizing. The author analyses the reason for the use of graphic nonce words in the advertizing discourse.

Key words: graphic nonce word, advertizing discourse, neolexeme, language game.

Статтю отримано 20.09.2013 р.

ПИТАННЯ ГРАМАТИКИ

УДК 811.112.2'373.611'367.625

СТУПАК Інна Валер'янівна,доктор філологічних наук, професор, декан факультету лінгвістики та перекладу Одеського міжнародного гуманітарного університету; Одеса, Україна;
e-mail: stupak_inna@mail.ru; тел.: +38(048)715-38-28**МЕТОДИКА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧНОГО АНАЛІЗУ ПОХІДНИХ
КАУЗАТИВНИХ ДІСЛІВ У НІМЕЦЬКІЙ І УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ**

Анотація. Стаття присвячена методиці проведення семантико-синтаксичного аналізу похідних каузативних дієслів у німецькій і українській мовах. Виявлення загальних семантичних ознак консеквента дозволяє виокремити чотири семантичних типа похідних каузативних дієслів.

Оскільки значення дієслова може бути схарактеризоване за допомогою учасників ситуації, для кожного семантичного типу визначаються обов'язкові та факультативні семантичні компоненти. Реалізація семантичних компонентів на синтаксичному рівні дозволила виявити типи відповідності елементів обох структур, тобто для кожного семантичного компонента встановлено відповідний синтаксичний актанта.

Семантико-синтаксичному аналізу пропозицій з похідними каузативними дієсловами піддаються обов'язкові семантичні ролі, яким відповідають певні синтаксичні актанти. У досліджуваних мовах виявлено 8 способів реалізації синтаксичних актантів каузативної ситуації. Залежно від відповідності / невідповідності реалізації компонентів семантичного та синтаксичного рівнів розрізняють повну й еліптичну каузативні конструкції. Проведений семантико-синтаксичний аналіз пропозицій, що містять похідні каузативні дієслова, дав змогу виявити загальні та специфічні риси функціонування каузативних конструкцій у німецькій і українській мовах.

Ключові слова: похідні каузативні дієслова, каузативна ситуація, семантичний аналіз, семантичні ознаки, синтаксичний актанта.

Зіставне та типологічне дослідження мовних явищ, вивчення семантики лексичних одиниць та їх функціонування у різноструктурних мовах визнається одним з найпродуктивніших напрямків у лінгвістиці останніх десятиліть [3; 7; 8; 17]. По за межам системних досліджень залишається питання функціонування похідних каузативних дієслів (далі — ПҚД) у німецькій та українській мовах, які не були предметом дослідження як на матеріалі окремо взятих мов (німецької та української), так і зіставного вивчення. Враховуючи специфіку похідних дієслів, слід визнати необхідність дослідження власне ПҚД, яке сприятиме вдосконаленню загальних характеристик кожної з мов, що досліджуються. У зв'язку з цим аналіз словотвірної категорії каузативності як лінгвістичного феномена у німецькій та українській мовах є одним із актуальних питань зіставного мовознавства.

Метою семантико-синтаксичного аналізу речень із ПҚД є визначення відношення між семантичною та структурною організацією конструкцій із ПҚД в різноспорідних мовах і встановлення особливостей вираження компонентів каузативної ситуації з ПҚД у кожній мові. **Об'єктом** вивчення є ПҚД і конструкції з ними в німецькій і українській мовах. **Предмет** дослідження — семантичні та функціональні характеристики ПҚД у цих двох мовах.

Основний емпіричний матеріал отримано шляхом суцільної вибірки ПҚД із тлумачних словників німецької та української мов. Допоміжними засобами тлумачення аналізованих ПҚД слугували словники іншомовних слів сучасних німецької та української мов, а також словники синонімів цих мов. Для встановлення напрямку мотивації ПҚД залучено етимологічні словники німецької та української мов.

На першому етапі встановлено корпус аналізованих ПҚД зі словникової вибірки, який становить у німецькій мові 5577 ПҚД, в українській — 5408 ПҚД. Цей корпус словникової вибірки використано у повному обсязі для аналізу структурних типів ПҚД, визначення способів творення та їх продуктивності у німецькій та українській мовах, встановлення ролі категорійного значення МО у творенні ПҚД.

На наступному етапі було сформовано корпус речень, які містять ПҚД. Матеріал текстової вибірки складає близько 6 тисяч одиниць у кожній мові. Для встановлення кореляції продуктивності семантичних типів ПҚД у парадигматиці та їх частотності в синтагматиці використовуються вибірки зі словників і текстів. Окрім того, текстова вибірка ПҚД підлягає семантико-синтаксичному аналізу, основною метою якого є виявлення закономірностей і тенденцій у функціонуванні ПҚД у кожній з указаних мов, а також встановлення загального й особливого у функціонуванні ПҚД у німецькій і українській мовах.

Під похідними каузативними дієсловами ми розуміємо дієслова, що виражають причинно-наслідковий відношення й утворені від різних за частинимовною належністю мотиваційних основ за допомогою словотворчих засобів: *blasen* 'дути' → *ausblasen* 'durch Blasen auslöschen' — 'дмухаючи, гасити (свічку)';

der Gips 'гіпс' → *ausgipsen* 'mit Gips ausfüllen' — 'заповнювати гіпсом'; *дмухати* → *задмухати* 'гасити, дмухаючи на вогонь'; *бронза* → *бронзувати* 'покривати бронзою'.

У роботі для класифікації семантичних типів ПКД застосовано ономаціологічний принцип, при якому дієслова з різними афіксами об'єднуються на підставі тотожності семантичних ознак консеквента (каузованої дії). Реалізація семантичних ознак — каузації, способу каузації (каузальної дії), консеквента — у значенні ПКД дозволяє виокремити чотири підгрупи:

1) ПКД, у значенні яких відображено семантичні ознаки, що вказують на каузативність, спосіб каузації і консеквент, напр.: (1) *Ich ...zündete eine Zigarette an ...* [23, S. 47] — 'Я ... запалив сигарету...'. У словниковому значенні ПКД *anzünden* 'zum Brennen bringen' — 'привести до горіння, запалювати' вказана каузальна дія «запалювати», яка призводить до каузованої дії «горіти».

2) ПКД, які водночас із значенням каузативності відображають спосіб каузації, напр.: (2) *Уже як та Марія умовила Цевичка стати до роботи ...* [20, с. 42]. У значенні ПКД *умовляти* — 'словами переконувати кого-небудь, схилиючи до чогось' — вказується на вербальний спосіб каузації. ПКД *умовляти* має семантику «вербально казувати когось виконувати якусь дію», а інфінітив означає каузовану дію.

3) ПКД, які водночас із значенням каузативності відображають каузовану дію, напр.: (3) *Ранковий клет візка розбудив Соколюків ...* [18, с. 82]. Семантика ПКД *розбуджувати* — 'переривати чийсь сон, примушувати кого-небудь прокинутися' — реалізує семантичні ознаки 'казувати' і 'не спати', тобто зміну попереднього стану на інший.

4) ПКД, єдиною семантичною ознакою яких виступає каузативність, напр.: *abzwingen* — 'примушувати'. Такі ПКД функціонують у складі каузативної конструкції із залежним інфінітивом, який виражає каузовану дію. При цьому ПКД і залежний від нього інфінітив є самостійними лексичними і синтаксичними одиницями, які, на відміну від німецьких аналітичних конструкцій із *lassen*, утворюють каузативні конструкції (далі КК) [11, с. 112].

Спіраючись на те, що значення дієслова може бути схарактеризоване за допомогою учасників ситуації [1, с. 17; 14, с. 131], до ПКД входять такі компоненти: суб'єкт каузації (X); каузативна зв'язка (Vcause); спосіб каузації (Mode); консеквент (V) і об'єкт каузації (Y). Зазначено, що спосіб каузації (Mode) виступає проміжним фактором у творенні причинно-наслідкових відношень і рідко реалізується [9, с. 7]. Таким чином, загальна формула тлумачення ПКД «X дією Vcause казує Y виконати дію V» включає обов'язкові елементи каузативної ситуації [10, с. 74; 15, с. 87].

На синтаксичному рівні учасники виражаються актантами дієслова, серед яких розрізняють обов'язкові та факультативні актанти [1, с. 20]. До обов'язкових актантів каузативної ситуації (далі — КС) належать суб'єкт та об'єкт каузації, а також ті актанти, відсутність яких порушує граматичність і комунікативність речення або актуалізує інший лексико-семантичний варіант ПКД. Повна КК, в рамках якої розглядаються ПКД, залежно від реалізації семантичних ознак у значенні ПКД, включає чотири елементи: (суб'єкт каузації (X), об'єкт каузації (Y), ПКД (Vcause або Mode) та каузовану дію (V)). Напр.: (4) *...а тут хазяїн-татарин примушує її працювати* [19, с. 64]. КС речення (4) представлено моделлю Ag-Vcause-Pat-Act, у якій *Ag-хазяїн-татарин* дією Vcause *примушує* (семантична ознака «каузативність» виражена у його значенні) казує Pat-*її* виконувати дію Act-*працювати*. У реченні (4) кожному учаснику акціональної КС відповідає синтаксичний актант.

Відсутність факультативного актанта не впливає ані на зміну значення дієслова, ані на цілісність КК [5, с. 25]. За наявності факультативного актанта конкретизується основна семантика ПКД. Такі дієслова Н. І. Іваницька називає «словами відносної релятивної семантики» [6, с. 33]. До факультативних актантів КС належать, як відомо, темпоральні, інструментальні та локативні показники. На спосіб каузації можуть вказувати різні компоненти, які визначаються в межах речення семантикою ПКД або широкого контексту. Напр., у реченні (5) *Я не раз умовляв її поступити до інституту* [21, с. 111] на спосіб каузації вказує саме ПКД *умовляти* — 'переконувати кого-небудь, схилиючи до чогось', утворене від дієслова *мовити*. Воно містить додаткову ознаку, яка вказує на спосіб каузації, тобто «вербально». Враховуючи реалізацію факультативного актанта Mode, яка конкретизує семантику ПКД за допомогою мотиваційного дієслова, речення (5) описано ФТ «Ag у спосіб Mode дії Vcause казує Pat виконувати дію Act», де Ag *я* у спосіб Mode вербально, на що вказує семантика Vcause, казує Pat *її* виконувати дію Act *поступити до інституту*, тобто вчитися. Так, речення (5) репрезентує КС, яка складається з двох мікроситуацій: перша — *я* вербально виконується дією Vcause *умовляти її*, друга — *вона мусить поступити до інституту*. Семантична модель речення (5) відображає всі обов'язкові елементи акціональної каузативної ситуації, а також факультативного учасника Mode: Ag-Mode-Vcause-Pat-Act.

Отже, в рамках повної КК семантичні та синтаксичні актанти ПКД знаходяться у відношенні взаємної відповідності: у стандартному випадку кожному семантичному актанту відповідає один синтаксичний актант.

Якщо один із обов'язкових актантів ПКД не реалізовано, то конструкція вважається семантично еліптичною. О. В. Падучева розрізняє декілька видів еліпсису [10, с. 89]. У роботі еліпсис суб'єкта каузації не розглядається. Це зумовлено не особливостями КС, а формально-граматичними ознаками мов дослідження: у німецькій мові позиція суб'єкта завжди реалізована [12, с. 67–69], а в українській мові разом з його актуалізацією має місце еліпсис [2, с. 16; 4, с. 19].

Один із учасників може бути опущеним у реченні з суто синтаксичних причин, зокрема, його виражено в реченні одним із актантів дієслова-предиката. Такий еліпсис О. В. Падучева позначає нульовим знаком Øref, що вступає в анафоричний зв'язок з одним із актантів дієслова-предиката й

ідентифікується в рамках речення, напр.: *Ty был в Париже, а я не был* (= 'а я не был в Париже') [10, с. 75].

Другий тип еліпсиса містять речення з опущеним актантом, який можна ідентифікувати на основі попереднього або наступного контексту. Такий актант позначається знаком ØEx, напр.: (6) *Als es im Laden still wurde, setze ich meine Tasse auf* (Loc1ØEx) [23, S. 69] — 'Коли у крамниці стало тихо, я поставив свою чашку'. Речення (6) представлено моделлю Ag-Vcause-Ob-Loc1ØEx, де Ag *ich* 'я' дією Vcause *aufsetzen* 'поставити' каузує Ob-предмет *Tasse* 'чашка' бути у місці Loc1ØEx, під яким слід розуміти, згідно зі змістом попереднього речення (*Ich goß mir aus der Kanne Kaffee ein, und mir fiel auf, daß drei Tassen auf dem Tisch standen* — 'Я налив собі кави із кавника і помітив, що на столі стоять три чашки'); місце Loc1 — *auf dem Tisch* 'на столі'. ФТ цього речення можна представити так: «Ag дією Vcause каузує Ob бути в місці Loc».

Третій тип еліпсису реалізується в реченнях, де актант дієслова-предиката має узагальнений характер, тобто відноситься до будь-якого референта і позначається лексевою ØAx, напр.: (7) *Vogeln schwiegen* (Loc1ØAx) *ne тільки злий дух...* [20, с. 27]. Еліптичний актант Loc1ØAx речення (7) слід розуміти як *звідусіль*. Значення ПКД *світлячки* — 'примувати кого-небудь залишити якийсь приміщення, місце' — припускає валентність на позначення локативного актанта Loc1, але в контексті наведеного речення ПКД зі значенням 'виганяти злого духа із будь-кого' його не зреалізовано. Речення (7) описано ФТ «Cause викликає дію Vcause, яка каузує Pat не бути у місці Loc1ØAx». Семантична модель речення (7) включає опущення елемента, що позначає попереднє місце знаходження: Cause-Vcause-Pat-Loc1ØAx.

У рамках КК відмічено ПКД із інкорпорованим актантом [10, с. 75], який позначається нульовим знаком ØInc (див. речення (8)). У таких випадках значення актанта опущено, тому що його вже виражено у формальній структурі ПКД, зокрема за допомогою мотиваційної основи — мотиваційного прикметника, іменника або присвійного займенника, від якого утворено ПКД. Напр.: (8) *Der Hut veränderte sie sehr* [23, с. 25] — 'Капелюшок дуже змінив її'. ПКД *verändern* '(im Wesen od. in der Erscheinung) anders machen, ändern' — 'зробити іншим, змінити' у реченні (8) має значення *ein anderes Aussehen geben* — 'надати іншого вигляду'. Коренева морфема цього атрибутивного ПКД, зокрема мотиваційний прикметник *ander* — 'інший', вказує на атрибутивний актант AttrØInc. Речення (8) описано ФТ «Cause викликає дію Vcause, яка каузує Pat мати вигляд з ознакою Attr», де Cause, що виражено іменником *Hut* 'капелюшок', дією Vcause *verändern* 'зробити іншим, змінити', каузує Pat, виражений особовим займенником *sie* 'її', мати вигляд з ознакою AttrØInc, яка інкорпорована в кореневій морфемі *ander* 'інший'. Семантична модель речення (8) включає всі обов'язкові компоненти атрибутивної КС: Cause-Vcause-Pat-AttrØInc.

Дослідження способів репрезентації актанта у межах КС виявило можливість його імплікованого вираження, що позначається нульовим знаком ØImp (див. речення (9)). У таких випадках позиція актанта в реченні не реалізована, його не можна вивести із попереднього або наступного контексту, як у випадках із еліпсисом LocØEx (див. речення (10)), але його розуміє читач, виходячи з існуючого й відомого для нього стану речей. Отже, актант репрезентується імпліцитно, напр.: (9) *...er beschloss schon am Abend zu fahren und packte seinen Koffer ...* [22, с. 33] — '...він вирішив виїхати вже увечері й упакував свою валізу'.

Значення ПКД *packen* 'etw. mit etw. füllen, in dem man hineintut, was nötig ist' — 'щось заповнювати чимось, вкласти те, що необхідно' — припускає наявність актанта Ob, який у реченні (9) експліцитно не реалізований, але зрозумілий читачем виходячи із наявного й відомого для нього стану речей (якщо людина вирішує поїхати куди-небудь, то вона звичайно бере з собою необхідні речі), тобто Ob репрезентується імпліцитно і розуміється як 'необхідні речі'. Речення (9) представлено ФТ «Ag дією Vcause каузує Ob бути в місці Loc», де Ag *er* 'він' дією Vcause *packen* 'упаковувати' каузує ObØImp, під яким розуміються 'необхідні речі' бути в місці-контейнері Loc- *Koffer* 'чемодан'. Імпліковане вираження об'єкта в реченні (9) відображено в моделі Ag-Vcause-ObØImp-Loc.

Вивчення семантики ПКД виявило наявність у ній дійсних елементів на позначення просторових відношень між учасниками локативної КС. Лінгвісти визначають дейксис як спосіб референції, за якого вказівні елементи мови відсилають до реальних об'єктів і ситуацій, які мають безпосереднє відношення до учасників комунікації, часу або місця знаходження [1, с. 14; 10, с. 54; 13, с. 32]. Просторовий дейксис вказує на місцезнаходження об'єкта щодо умовної точки, у ролі якої може виступати особа або предмет, напр.: (10) *Ich holte die Zeitungspakete von draußen herein und packte sie aus* [23, с. 58] — 'Я заніс жмут газет ззовні усередину та розпакував'. Значення ПКД *hereinholen* 'von dort draußen hierher nach drinnen holen' — 'нести ззовні всередину' — припускає наявність двох валентностей: Loc1 та Loc2, причому префікс *ein-* вказує на рух усередину, а префікс *her-* вказує на напрямок руху до кінцевого місця розташування Loc2 щодо умовного суб'єкта-орієнтури *Ich* 'я', тобто кінцеве місце знаходження Ob-предмет *Zeitungspakete* 'жмут газет' збігається з позицією суб'єкта мовлення. Локативна ситуація речення (10) з ФТ «Ag дією Vcause каузує Ob змінити попереднє Loc1 і бути у кінцевому місці Loc2» представлена такими актантами: Ag *Ich* 'я' виконує дію Vcause *holen* 'нести' і тим самим переміщує Ob-предмет *Zeitungspakete* 'жмут газет' із попереднього місця знаходження Loc1 *von draußen* 'ззовні' усередину в напрямку до кінцевого місця Loc2, де знаходиться суб'єкт-орієнтир *Ich* 'я', що виражено дійсним префіксом *her-* (який позначає рух у напрямку до суб'єкта мовлення) ПКД *hereinholen* 'занести усередину'. Речення (10) представлено моделлю Ag-Vcause-Ob-Loc1-Loc2ØDeik.

У роботі для семантико-синтаксичного аналізу ПКД використовуються обов'язкові семантичні ролі, яким відповідають певні синтаксичні актанти. Так, синтаксичному суб'єкту каузації відповідають дві семантичні ролі: Ag або Cause; синтаксичний об'єкт каузації, на який спрямована дія суб'єкта, характеризується більш широким набором семантичних ролей: Pat, Exp, Rec, Adr і Ob. На синтаксичному рівні семантичним ролям каузованої дії: Attr; Cond; Ob_Pos/Ob_Posinf; Loc-Loc1/Loc2/ Posit; Act — Move/Pros — можуть відповідати або не відповідати синтаксичні актанти. У роботі також встановлені факультативні актанти, яким відповідають семантичні ролі Mode і Instr.

Таким чином, семантико-синтаксичний аналіз конструкцій із ПКД встановлює співвідношення між семантичними та синтаксичними актантами ПКД — кожному семантичному компоненту може відповідати або не відповідати синтаксичний актант. Залежно від відповідності / невідповідності реалізації компонентів семантичного та синтаксичного рівнів розрізняють повну й еліптичну каузативні конструкції.

Література

1. *Апресян Ю. Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов / Ю. Д. Апресян // Проблемы типологии и общей лингвистики. — С. Пб., 2006. — С. 15–27.
2. *Баган М. П.* Семантико-синтаксичні параметри безособового вживання особових дієслів у сучасній українській мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 — українська мова / М. П. Баган. — К., 2000. — 22 с.
3. *Генюшене Э. Ш.* Типология рефлексивных конструкций / Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — С. Пб.: Наука, 1991. — С. 241–276.
4. *Гірняк С. П.* Структурно-семантична організація словотворчих гнізд з базовими дієсловами мовлення в українській мові XIX—XX ст.: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 — українська мова / С. П. Гірняк. — Донецьк, 1999. — 23 с.
5. *Зандау Г.* Семантические условия факультативности реализации валентности / Г. Зандау, К.-Е. Зоммерфельдт // Иностранный язык в школе. — 1978. — № 2. — С. 21–27.
6. *Іваницька Н. Л.* Двоскладне речення в українській мові / Н. Л. Іваницька. — К.: Вища школа, 1986. — 167 с.
7. *Калиуценко В. Д.* Типология отыменных глаголов: [монография] / В. Д. Калиуценко. — Донецьк: Донецчина, 1994. — 422 с.
8. *Кочерган М. П.* Про семантичний принцип контрастивних лінгвістичних досліджень / М. П. Кочерган // Проблеми зіставної семантики: зб. наук. ст. — К.: ВЦ КНЛУ, 2003. — Вип. 6. — С. 3–7.
9. *Недялков В. П.* Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. — Л.: Наука, 1969. — 311 с.
10. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 607 с.
11. *Храковский В. С.* Типология конструкций с предикатными актантами / В. С. Храковский. — Л.: Наука, 1985. — 225 с.
12. *Agricola K.* Semantische Relationen im Text und im System / K. Agricola. — Halle (Saale): Niemeyer, 1969. — 174 S.
13. *Ehrich V.* Hier und Jetzt: Studien zur lokalen und temporalen Deixis im Deutschen / V. Ehrich. — Tübingen: Niemeyer, 1992. — 132 S.
14. *Helbig G.* Theoretische und praktische Aspekte eines Valenzmodelles / G. Helbig. — Halle: VEB Max Niemeyer Verlag, 1971. — 278 S.
15. *Shibatani M.* The causative continuum / M. Shibatani, P. Pardeshi // The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. — Amsterdam: John Benjamins, 2002. — P. 85–126.
16. *Stolz T.* On comitatives and related categories: a typological study with special focus on the languages of Europe (Empirical approach to the language typology) / T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. — 551 p., IV.
- * * *
18. *Земляк В.* Лебедина згряя / В. Земляк. — К.: Махаон-Україна, 2002. — 336 с.
19. *Іваничук Р.* Мальви / Р. Іваничук. — Харків: Фолио, 2006. — 228 с.
20. *Матіос М.* Солодка Даруся / М. Матіос. — Львів: Піраміда, 2007. — 188 с.
21. *Роздобудько І.* Гудзик / І. В. Роздобудько. — Харків: Фолио, 2008. — 222 с.
22. *Berger K. H.* Geschäftsrisiko / K. H. Berger. — Berlin: Verlag das Neue Berlin, 1982. — 239 S.
23. *Böll H.* Die Ansichten eines Clowns / H. Böll. — München: GmbH Co.KG, 1985. — 287 S.

References

1. *Апресян Ю. Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов / Ю. Д. Апресян // Проблемы типологии и обшчей лингвистики. — С. Пб., 2006. — С. 15–27.
2. *Баган М. П.* Семантико-синтаксичні параметри безособового вживання особових дієслів у сучасній українській мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 — українська мова / М. П. Баган. — К., 2000. — 22 с.
3. *Генюшене Э. Ш.* Типология рефлексивных конструкций / Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — С. Пб.: Наука, 1991. — С. 241–276.
4. *Гірняк С. П.* Структурно-семантична організація словотворчих гнізд з базовими дієсловами мовлення в українській мові XIX—XX ст.: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 — українська мова / С. П. Гірняк. — Донецьк, 1999. — 23 с.
5. *Зандау Г.* Семантические условия факультативности реализации валентности / Г. Зандау, К.-Е. Зоммерфельдт // Иностранный язык в школе. — 1978. — № 2. — С. 21–27.
6. *Іваницька Н. Л.* Двоскладне речення в українській мові / Н. Л. Іваницька. — К.: Вища школа, 1986. — 167 с.
7. *Калиушченко В. Д.* Типология отыменных глаголов: [монография] / В. Д. Калиушченко. — Донецьк: Донецчина, 1994. — 422 с.
8. *Кочерган М. П.* Про семантичний принцип контрастивних лінгвістичних досліджень / М. П. Кочерган // Проблеми зіставної семантики: зб. наук. ст. — К.: ВЦ КНЛУ, 2003. — Вип. 6. — С. 3–7.
9. *Недялков В. П.* Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. — Л.: Наука, 1969. — 311 с.
10. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 607 с.
11. *Храковский В. С.* Типология конструкций с предикатными актантами / В. С. Храковский. — Л.: Наука, 1985. — 225 с.
12. *Agricola K.* Semantische Relationen im Text und im System / K. Agricola. — Halle (Saale): Niemeyer, 1969. — 174 S.

13. *Ehrich V.* Hier und Jetzt : Studien zur lokalen und temporalen Deixis im Deutschen / V. Ehrich. — Tübingen : Niemeyer, 1992. — 132 S.
14. *Helbig G.* Theoretische und praktische Aspekte eines Valenzmodelles / G. Helbig. — Halle : VEB Max Niemeyer Verlag, 1971. — 278 S.
15. *Shibatani M.* The causative continuum / M. Shibatani, P. Pardeshi // *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation.* — Amsterdam : John Benjamins, 2002. — P. 85–126.
17. *Stolz T.* On comitatives and related categories: a typological study with special focus on the languages of Europe (Empirical approach to the language typology) / T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. — Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2006. — 551 p., IV.
- * * *
18. *Zemlyak V.* Lebedyna zgraya / V. Zemlyak. — K. : Makhaon-Ukraina, 2002. — 336 s.
19. *Ivanychuk R.* Malvy / R. Ivanychuk. — Kharkiv : Folio, 2006. — 228 s.
20. *Matios M.* Solodka Darusya / M. Matios. — Lviv : Piramida, 2007. — 188 s.
21. *Rozdobud'ko I.* Gudzyk / I. V. Rozdobud'ko. — Kharkiv : Folio, 2008. — 222 s.
22. *Berger K. H.* Geschäftsrisiko / K. H. Berger. — Berlin : Verlag das Neue Berlin, 1982. — 239 S.
23. *Böll H.* Die Ansichten eines Clowns / H. Böll. — München : GmbH Co.KG, 1985. — 287 S.

Ступак Инна Валерьяновна,
доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода Одесского международного гуманитарного университета; Одесса, Украина;
e-mail: stupak_inna@mail.ru; тел.: +38(048)715–38–28

МЕТОДИКА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОИЗВОДНЫХ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена методике проведения семантико-синтаксического анализа производных каузативных глаголов в немецком и украинском языках. Выявление общих семантических признаков консеквента позволяет выделить четыре семантических типа производных каузативных глаголов.

Так как значение глагола может быть охарактеризовано при помощи участников ситуации, для каждого семантического типа выделены обязательные и факультативные семантические компоненты. Реализация семантических компонентов на синтаксическом уровне позволила выявить типы соответствия элементов обеих структур, т. е. для каждого семантического компонента установлен соответствующий синтаксический актант.

Семантико-синтаксическому анализу предложений с производными каузативными глаголами подвергаются обязательные семантические роли, которым соответствуют определённые синтаксические актанты. В исследуемых языках выявлено 8 способов реализации синтаксических актантов каузативной ситуации. В зависимости от соответствия / несоответствия реализации компонентов семантического и синтаксического уровней различают полную и эллиптическую каузативную конструкции. Проведённый семантико-синтаксический анализ предложений, содержащих производные каузативные глаголы, позволил выявить общие и специфические черты функционирования каузативных конструкций в немецком и украинском языках.

Ключевые слова: производные каузативные глаголы, каузативная ситуация, семантический анализ, семантические признаки, синтаксический актант.

Inna V. Stupak,
Grand PhD in Philological Sciences, Professor, Dean of the Linguistics and Translation Studies Faculty of International Humanitarian University; Odessa, Ukraine;
e-mail: stupak_inna@mail.ru; tel.: +38(048)715–38–28

METHODS OF SEMANTIC-SYNTACTICAL ANALYSES OF DERIVED CAUSATIVE VERBS IN GERMAN AND UKRAINIAN

Summary. The article is devoted to the methods of semantic-and-syntactic analysis of the derived causative verbs in German and Ukrainian. Determining common semantic features of the consequent permitted singling out four semantic types of the causative verbs derivatives.

Since the verb meaning can be defined with the help of the participants of the situation, obligatory and optional semantic components were singled out for each separate type of the causative verbs derivatives. Syntactic level realization of the semantic components resulted in singling out types of both structures correlation types, i. e. a corresponding syntactic actant was found for each semantic component.

The obligatory semantic roles corresponding to the definite syntactic actants underwent semantic and syntactic sentence analysis. The languages under study displayed eight means of realization of the causative situation syntactic actants. Elliptical and non-elliptical causative constructions are distinguished depending on correspondence or not-correspondence realization of semantic and syntactic levels components. The undertaken analysis of the sentences with the causative verbs derivatives allowed us to determine common and specific features of the causative constructions in German and Ukrainian.

Key words: derived causative verbs, causative situation, semantic analysis, semantic features, syntactic actant.

Статтю отримано 10.12.2013 р.

УДК 811.161.1'23'42'37'367.332.7/8

ЧЕРНЦОВА Елена Вадимовна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина; Харьков, Украина;
e-mail: e.v.cherntsova@yandex.ru; тел.: +38(057)314-20-46; моб.: +38-050-669-28-14**КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТОВ *ОКАЗАТЬСЯ*,
ОКАЗЫВАТЬСЯ В ДИСКУРСИВНОМ РЕЖИМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается когнитивная семантика предикатов *оказаться*, *оказываться* в разных типах дискурса: обыденном, публицистическом, художественном, научном. Анализ показывает, что когнитивная семантика предикатов связана с дискурсивным контекстом, а также коммуникативным регистром (репродуктивным — информативным — генеративным) и нарративной стратегией.

В информативном регистре когнитивная семантика предикатов *оказаться*, *оказываться* воплощается в таких компонентах ментального сценария: субъект; его ментальная деятельность по выведению «знания»; содержание «знания» (вывода); эмоциональная реакция удивления, вызванная новым содержанием. Внутренняя форма — *казать* в значении «показывать» — связывает значения слов *казаться*, *показаться* и *оказаться*, *оказываться* в единый ментальный сценарий: говорящему казалось одно, а потом выяснилось нечто другое, чего он не ожидал обнаружить или выяснить. В результате ментальной операции соотношения пресуппозиции (ранее предполагавшейся) с ассерцией (содержание вновь узанного) субъект получает новую информацию, которая наделяется статусом факта. Когнитивная семантика предикатов отражает актовость (событийность) мышления как такового.

Ключевые слова: субъект, когнитивная семантика, пресуппозиция, ассерция, дискурс, коммуникативный регистр, нарративная стратегия.

Дискурсивный анализ предполагает изучение смыслового соответствия слова целям и установкам говорящего. Предпринятый дискурсивный анализ направлен на установление связи между значением слова и дискурсивным контекстом, а также коммуникативным регистром. В *репродуктивном* регистре говорящий реагирует на непосредственно наблюдаемое, находясь в хронотопе происходящего. Высказывания репродуктивного типа можно заключить в модусную рамку «*Я вижу, как...*», «*Я слышу, как...*». *Информативный* регистр предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу. Это сфера не прямого наблюдения, а знания, полученного в результате логических, мыслительных операций. Высказывания информативного регистра могли бы быть заключены в модусную рамку «*Я знаю, что...*», «*Известно, что...*». В *генеритивном* регистре говорящий сообщает информацию, соотнося её с универсальным опытом и поднимаясь на высшую ступень абстракции от событийного времени и места. В качестве субъектов предложения выступают генерализованные множества, классы существ, предметов, либо природные, социальные процессы как явления, понятия [2, с. 29–30].

Значение глаголов *оказаться*, *оказываться* в грамматике традиционно считается безличным. В БАС оно толкуется следующим образом: «обнаружиться/обнаруживаться, явиться/являться в своем действительном виде, как на самом деле». Тем не менее, и логически, и семантически эти слова связаны с интеллектуальной деятельностью субъекта высказывания (он же говорящий, он же нарратор). Эта деятельность, как правило, представлена в широком комментирующем контексте. Пример такого контекста (1): *Тут вот какое дело... я себе представлял, что... ну, это устроено одним образом, а оказалось, что оно устроено совершенно иначе* (Евгений Гришковец). Прагматический смысл этого контекста — «говорящий выяснил нечто удивительное для себя, чего не ожидал ранее» — может быть включён в толкование семантики предиката *оказаться*. В метатекстовом толковании («я не знал раньше, а теперь знаю») выделяются смысловые компоненты: «новая информация (далее — «знание» в широком смысле)», «источник её получения» и «вопреки ожиданию». Неожиданность новой информации нередко вызывает эмоциональную реакцию говорящего, выражающуюся в его дискурсе. Ср. (2): *К сожалению, проблем обычно оказывается больше, чем радостей*. (М. Э. Боцманова, Р. Д. Триггер).

В контексте исследования важна исторически обусловленная смысловая связь слов *оказаться*, *оказываться* и *казаться*, *показаться*. Сопоставление семантики этих деривационно связанных слов позволяет говорить о том, что их значение согласовано с типом коммуникативного регистра высказывания. Ср. высказывания разных коммуникативных регистров с предикатами *казаться* и *оказаться*: (3) *Ребёнок кажется мне здоровым* («я смотрю на ребёнка: ребёнок выглядит здоровым, но, возможно, я ошибаюсь, я не знаю точно, здоров он или нет»); (4) *Ребёнок оказался здоровым* («ранее я думал, что ребёнок болен, но теперь выяснил, что он здоров»). Высказывание (3) репродуктивного регистра несёт информацию о впечатлении и связано с эмпирикой наблюдения, которое лежит в основе мнения. Высказывание (4) информативного регистра связано с сообщением о некоем выводном «знании»: «Раньше я не знал, а теперь знаю, что ребёнок здоров». Этот регистр оказывается идеальной прагматической средой для привязки значения слов *оказаться*, *оказываться* к сообщению о фактах. Другое значение интересующих нас слов, которое условно можно назвать «местонахождением чело-

века», реализуется преимущественно в репродуктивном коммуникативном регистре. Толкование этого значения в БАС представлено тремя вариантами. Вариант первый: «попадать куда-либо, очутиться где-либо». Например: *Я оказался на незнакомой улице*. Вариант второй: «попадать в какое-либо положение, состояние» (*Мария оказалась в безвыходном положении*). Вариант третий: «быть, встречаться, обнаруживаться в каком-либо месте».

Как известно, семантические различия проявляются в сочетаемости слов. Важное различие предикатов *казаться, показаться*, с одной стороны, и *оказаться, оказываться*, с другой, состоит в невозможности сочетания последних с распространителями типа *на первый взгляд, с первого взгляда, сначала* (ср.: ***с первого взгляда оказалось, что...*). Напротив, эти предикаты органично сочетаются с распространителями *в конце, в конце концов, а на самом деле, вопреки ожиданиям*, ср. (5): *В конце фильма оказывается, что родители одного из способных учеников, китайца Вейя, имеют проблемы с миграционной службой, что затрагивает уже другую тему в картине* (Интернет-форум. Класс — Франция). Подобная сочетаемость позволяет предположить, что предикаты *оказаться, оказываться* фиксируют окончательную фазу ментального процесса говорящего / нарратора, которой предшествовала фаза первичного наблюдения / восприятия (ср.: *с первого взгляда казалось одно, а на самом деле оказалось совсем другое*).

Внутренняя форма соответствующих глаголов — *казать* в значении «показывать» — связывает значения всех этих слов (*казаться, показаться* и *оказаться, оказываться*) в единый ментальный сценарий: говорящему казалось одно, а потом выяснилось нечто другое, чего он не ожидал обнаружить или выяснить. Ментальный сценарий такого типа часто реализуется в художественном дискурсе, образуя сюжетную линию повествования. Ср. (6): *Отовсюду на него смотрели молодые девичьи лица под новыми пилоточками, со снаряжением на узких плечах, все с вещмешками. И кто такие? — мысленно удивился Тумаш, подумав сперва — медицина. Оказалось: не медицина, а связь: радистки, телефонистки* (Василь Быков). В рамках целостного сценария в значении предиката *казаться* концептуализируется поверхностное восприятие внешних признаков некоторого объекта (зрительное наблюдение), а в значении предиката *оказаться* — обнаружение (часто связанное с прозрением) неочевидных, но существенных признаков изменяющегося объекта, которое противопоставляется поверхностному впечатлению. Как, например, в следующем контексте (7): *Казалось, что сопротивление бабушки сломлено и дело идёт к венцу. Но тут вдруг неожиданно бабушка выдвинула тяжёлую артиллерию. Оказывается: бабушка не еврейка, а швейцарка немецкого происхождения* (Анатолий Рыбаков).

Иной вариант этого же ментального сценария можно представить следующим образом: говорящий / нарратор предвидел нечто, и его ожидания оправдались. Этот вариант реализуется в контексте со специальными маркерами: *так и..., как и предполагалось*. Ср. публицистический контекст (8): *Я знала, что это будет удивительное испытание и что мне будет трудно и интересно. Так и оказалось* (Кейт Уинслет; перевод).

В осмыслении когнитивной семантики определим объём ассертивного и пресуппозитивного компонентов высказывания. Чтобы провести тест на пресуппозицию, возьмём утвердительное предложение (высказывание) (9) — *Родители оказались дома* («Я не думал, что родители дома, и искал их в других местах, но они были дома, где я их и нашёл») — и его отрицательный вариант (10) — *Родителей не оказалось дома* («Я думал, что встречу родителей дома, но когда я пришёл домой, их там не было»). Известно, что пресуппозицией считается смысл, не принимающий отрицания и принадлежащий как утвердительному, так и отрицательному предложению. Для рассматриваемых высказываний этот смысл формулируется так: «ранее говорящий не ожидал, что будет иметь место некоторая ситуация: ожидал нечто другое, противоположное, но ожидания не оправдались: то, что он обнаружил, противоречит его ожиданиям». Ассертивный смысл соответствующих предложений (высказываний) можно определить так: «говорящий обнаружил некоторое положение дел, которое удивило его». Оценка «удивительности ситуации для говорящего» обусловлена пресуппозицией — «говорящий не ожидал этого». На этом фоне семантика *оказаться, оказываться* связана с ментальным актом, суть которого состоит в соотношении того, что говорящий предполагал ранее, с тем, что реально обнаружилось позже. Предикат обозначает акт мысли, состоящий в соотношении первого со вторым. Такую семантику, отражающую актовость (событийность) мышления как такового, Э. Гуссерль назвал ноэтическим аспектом выражения самих актов сознания в языке [1]. Таким образом, когнитивная семантика предикатов *оказаться, оказываться* предполагает наличие следующих семантических валентностей: субъект ментального процесса, пресуппозиция (ранее предполагавшееся), ассерция (содержание вновь узнанного/обнаруженного). В результате ментальной операции соотношения пресуппозиции с ассерцией субъект формулирует/получает новую информацию, которая наделяется статусом факта.

В лингвистике сообщение говорящего о способах, с помощью которых он получил передаваемую информацию, традиционно относят к категории эвиденциальности [5, с. 180]. Эта категория зафиксирована в южнославянских языках (болгарском и македонском), и в некоторых других языках балкано-западноазиатского ареала (албанском, западноармянском, турецком, персидском, таджикском и др.) [3; 4]. Эта дополнительная информация об источниках, составляющая содержание категории эвиденциальности, изучается в лингвистике как внешняя модальная рамка высказывания. Для человека, говорящего на русском языке, указание на источник своей информации не является обязательным (русский язык этого не требует, в отличие от других языков), но, как правило, эта модальность содержится в дискурсе. Рассмотрим, каким образом семантика эвиденциальности связана с предикатами *оказаться, оказываться* и каков характер этой связи в различных дискурсивных форматах.

1. Анализ языкового материала обыденного дискурса позволяет выделить несколько семантических типов контекста, содержащих указание на способ получения новой информации («знания») говорящим. Во-первых, в обыденном дискурсе представлен человек, который может получать информацию о каком-либо событии, будучи его непосредственным участником или наблюдателем. В таком случае говорящий гарантирует «истинность» приобретённой информации. Обычно человек склонен доверять личному опыту. Например (11): *Второй год уже приходят люди чуть не со 100-бальным ЕГЭ, а на деле, т.е. в процессе учёбы, оказывается, что не знают, сколько дважды два будет.* (Интернет-форум. Ваше отношение к ЕГЭ: за или против?).

Дискурсивный контекст второго типа представляет значение — «говорящий выяснил нечто новое из разговора, рассказа очевидца, услышал, прочитал». Ср. (12): *Результаты теста поражают. Оказывается, что все они хотят нематериальные подарки. Например, чтобы выздоровел дедушка или братик, чтобы родители не ссорились* (Интернет-форум. Дети индиго (обсуждение публикации)).

Ещё один дискурсивный вариант — «говорящий не увидел, не услышал, не прочитал, но сделал вывод об интересующем его человеке или событии, опираясь на анализ некоторых фактов, которые он расценивает как прямые или косвенные результаты этого события» — представлен в следующем фрагменте (13): *А вот если слегка копнуть оказывается, что такие люди ответов ни на что не ищут, потому что они знают что знают, вернее, верят, что знают, а ещё вернее — просто верят фанатично и оголтело* (Интернет-форум. Конфликт цивилизации (миф или реальность)). Информативный регистр употребления таких слов часто связан с выводом говорящего: *А это, скажу я вам, оказалось нелёгким испытанием* (Елена Павлова).

Предикат *оказываться* тяготеет к риторической позиции. В этой позиции он нередко включается в структуру антитезы. Будучи прекрасным средством демонстрации неочевидного, антитеза, организованная таким предикатом, является надежным средством убеждения. Ср. (14): *За большинство не берусь утверждать, но своё мнение такое: мне НЕ нравится нынешнее состояние жителя, когда на работу тащиться за сто вёрст, на дорогу уходит половина рабочего дня, питаешься фастфудом или суррогатами и синтетикой, когда страшно ребёнка отпустить одного на улицу, когда в школах того гляди останется сплошь профнепригодная биомасса, только и способная заниматься ювенальной юстицией, когда попадая в больницу, тебе вырезают аппендицит, а оказывается, что было просто отравление. Когда всё и вся переоценено в пользу перекупов и спекулянтов, ведь это и тебя толкает в том же направлении* (Интернет-форум. В России нет государства. 2011). Как видим, в данном случае риторика говорящего основывается на категории Пафоса и выражает крайнюю степень возмущения, которое поддерживается дискурсивным контекстом в целом. Информативно-описательный регистр в соотнесении с риторической установкой даёт нужный эффект: события как бы проходят перед глазами собеседника, вовлекая его в требуемое эмоциональное состояние.

2. В силу риторической специфики публицистического дискурса дискурсивное рассуждение публициста получает статус генеритивного коммуникативного регистра — обобщённой информации, соотнесённой с жизненным опытом и универсальным знанием. Указание на источник получения информации в публицистическом дискурсе регулируется той или иной нарративной стратегией автора. Все контексты публицистического дискурса можно разделить на два типа: 1) указание на источник информации актуально: в таких контекстах обосновывается объективность, правдивость излагаемого; 2) указание на источник информации неактуально: в таких контекстах автор реализует суггестивную коммуникативную стратегию.

В соответствии с первой нарративной стратегией субъект публицистического дискурса маркирует словами *оказаться, оказываться* общественно значимую информацию. Часто значимость новой информации выводится из сообщения об её источнике, выполняющего в убеждении роль аргумента, а в структуре рассуждения — роль логической посылки: *по новейшим вычислениям оказывается, что... Ср. (15): По новейшим вычислениям оказывается, что скорость поступательного движения всей солнечной системы равняется 232500900 вёрст в год, что составляет в сутки для солнечной системы 637000 вёрст, которую для земли нужно умножить ещё на скорость её движения вокруг солнца, а для каждой местности на земле, напр., для этого пункта, на котором мы стоим, нужно умножить ещё на скорость вращения нашей широты вокруг земной оси.* (К. Н. Леонтьев. Епископ Никанор о вреде железных дорог... 1884). Рассматриваемое слово маркирует новую информацию, которая, с точки зрения автора, может заинтересовать читателя — так автор программирует восприятие адресата. Ср. также современный контекст (16): *Число молодых россиян, стремящихся получить высшее образование, оказывается значительным во всех слоях общества, а не только среди богатых. По исследованиям А. Левинсона (Левада-центр), 89 % респондентов в возрасте 15–35 лет считают, что высшее образование иметь необходимо. Его получение рассматривается как социальная норма. Данные нашего исследования говорят о том же: молодые люди, даже в самых маленьких провинциальных городах, не мыслят своей будущей жизни без образования, желательно — высшего.* (Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников... 2004). Вывод (*число оказывается значительным*) опирается на данные исследований А. Левинсона и авторов указанной статьи.

Вторая, выделенная нами, нарративная стратегия публицистического дискурса базируется на суггестии как виде скрытого воздействия (внушения). В такой установке коммуникативная и эмоционально-оценочная нагрузка предикатов возрастает: слово выполняет роль маркера прагматического содержания типа: «автор осознает неочевидность сообщаемого и хочет, чтобы читатель обратил вни-

мание на информацию, так как она важна для адресата». Ср. (17): *Но неожиданно оказалось, что менеджеры по управлению персоналом разучились выбирать лучших* (Кадры, которые нам не подходят // «Computerworld». 2004). Часто вывод журналиста преподносится как самоочевидный и поэтому никак не аргументируется, что в свою очередь программирует определённые реакции читателя. Ср. (18): *Среди обстоятельств, которые могут повлиять на желание выпускников остаться в своём городе (или вернуться в него после получения образования), самым существенным оказалось наличие высокооплачиваемой работы* (Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина).

3. В жанре публицистических мемуаров и автобиографии в рамках нарративной стратегии автодиалога роль предиката меняется: он маркирует акт откровения, отражающий процесс самопознания личности автора. Ср. (19): *И оказывается, что никому ты в общем-то не нужна...* (Анна Берсенева). Ср. также (20): *Но оказывается, что это совсем новое очень яркое и сильное ощущение счастья!* (Лидия Вертинская).

4. В соответствии с логикой художественного нарратива, в рамках стратегии автодиалога предикат отмечает спонтанность ментального акта — внезапность прозрения. Ср. (20): *У всякого человека есть места, особенно для него памятные. Места, где прошло его детство, или где встретил он свою любовь, или просто где жил когда-то и, сам того не сознавая, был счастлив. Такие места хорошо иногда навестить: прийти, постоять, подумать; вздыхать, как над милой могилкой. Только вот иногда оказывается, что прийти-то нам и некуда, потому что места эти, кроме как в нашей памяти, нигде уже больше не существуют. И нет ни руин, ни пепелища; все стерто с лица земли; хуже того — переименовано неутомимым застройщиком-временем. Конечно, путешествовать в прошлое можно и так, умозрительно, ведь память у нас ещё не отнята, память-то — наша. Хотя как сказать...* (Олег Зайончковский).

5. В научном контексте дискурсивно и риторически релевантным является указание на источник получения информации, служащее посылкой для индуктивного вывода, аналогии или умозаключения автора. Источник информации формально отражается в ссылках, которые приобрели статус стилиобразующих и текстоорганизующих элементов. Слова *оказаться, оказываться* становятся знаком эвристического метода решения исследовательской задачи. Эту метафункцию можно истолковать следующим образом: «на основе эвристических методов автор пришел к заключению». Ср. (21): *Оказалось, что звёзды вблизи центра Галактики заметно перемещаются, причём скорости их движения увеличиваются по мере приближения к центру.* (А. М. Черепашук. Поиски чёрных дыр). Ср. также (22): *Оказалось, что рентгеновская светимость меняется в течение года от 2×10 до 10 эрг/с, при этом наблюдается быстрая (на временах менее 10 минут) переменность ядра Галактики* (А. М. Черепашук).

Часто исследуемые слова маркируют удивительность и новизну сделанного вывода. Ср. (23): *Оказывается, что самое традиционное русское имя Иван древнееврейского происхождения, а образованные от многочисленных народных форм этого имени фамилии вроде Ивакин, Иванаев, Иваняев, Ванькаев, Ванькин, Ваншин, Ивашкин могут принадлежать не только русским, но и чувашам, мордвинам, марийцам и иным народам, населяющим Российскую Федерацию* (А. Суперанская. Человек — фамилия — национальность). Ср. также (24): *Оказалось, что дети, обладающие средним уровнем развития логического мышления, имеют более высокий уровень развития кратковременной зрительной ($\chi_{кв} = 64, 376, p = 0, L = 0, 01$) и слуховой ($\chi = 28, 446, p = 0, 012, L = 0, 05$) памяти* (Л. А. Захирина, Н. Ф. Бережная. Особенности развития старших дошкольников...). Коммуникативный статус научной новизны открытия имплицитно оценивает оценку сообщения: «автору как специалисту было интересно и важно понять, и адресату будет интересно и важно узнать».

Рассмотренный дискурсивный материал позволяет сделать такие выводы:

1. Когнитивная семантика предикатов *оказаться, оказываться* воплощается в таких компонентах ментального сценария: субъект; его ментальная деятельность по выведению «знания»; содержание «знания» (вывода); эмоциональная реакция, вызванная новым содержанием.

2. Дискурсивные условия обуславливают коммуникативную стратегию (коммуникативную логику) субъекта, которой подчинена его мыслительная и речевая деятельность. В разных дискурсах иллюкутивная и эмоциональная нагрузка слов варьируется: в обыденном дискурсе (11–14) отражается удивление или возмущение говорящего; в публицистическом (15–18) программируется восприятие адресатом новой общественно значимой информации; в жанре публицистических мемуаров и автобиографии (19) предикат маркирует акт откровения личности; в художественном (20) — спонтанный ментальный акт субъекта, внезапное прозрение, а в научном дискурсе (21–24) эти слова становятся знаком эвристического метода решения исследовательской задачи, особого интеллектуального события, претендующего на статус научного открытия.

3. В контекстах обыденного дискурса имплицитована эмпирическая основа «знания» говорящего, его выводов и прогнозируемых следствий из полученной информации. Говорящий уверен в «истинности» приобретённой информации, которая получает в его дискурсе коммуникативный статус «знания» и маркируется предикатами *оказаться, оказываться*. Этот статус «истинности» информации, как правило, поддерживается дискурсом говорящего, но может и оспариваться собеседником в диалоге.

4. Семантика эвиденциальности связана с риторическим характером нарративной стратегии публициста: указание на источник информации актуально в случае, если автор обосновывает объективность, правдивость излагаемого; указание на источник информации не актуально в контекстах суггестивной коммуникативной стратегии.

Литература

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Эдмунд Гуссерль; пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. — М.: Академический Проект, 2009. — 489 с. — (Философские технологии).
2. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — М.: Наука, 2004. — 544 с.
3. Ницолова Р. Семантическая гиперкатегория «Характеристика говорящим сообщаемой информации» и ее связь с временем и лицом глагола / Р. Ницолова // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: материалы междунар. науч. конф. — С. Пб.: Наука, 2003. — С. 108–112.
4. Сытов А. П. Категория адмиратива в албанском языке и её балканские соответствия / А. П. Сытов // Проблема синтаксиса языков балканского ареала. — Л.: Наука, 1979. — С. 90–123.
5. Храковский В. С. Адмиратив в русском языке (Вводное слово *оказывается* и его функции в высказывании) / В. С. Храковский // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — С. 180–190. — (Studia pilologia).

References

1. Gusserl E. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya / Edmund Gusserl; per. s nem. A. V. Mikhaylova; vstup. st. V. A. Kurennoy. — M.: Akademicheskij Proekt, 2009. — 489 s. — (Filosofskie tekhnologii).
2. Zolotova G. A. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka / G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova. — M.: Nauka, 2004. — 544 s.
3. Nitsolova R. Semanticheskaya giperkategoriya «Kharakteristika govoryashchim soobshchaemoy informatsii» i yeyo svyaz' s vremenem i litsom glagola / R. Nitsolova // Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeystvie: materialy mezhdunar. nauch. konf. — S. Pb.: Nauka, 2003. — S. 108–112.
4. Sytov A. P. Kategoriya admirativa v albanskom yazyke i ee balkanskije sootvetstviya / A. P. Sytov // Problema sintaksisa yazykov balkanskogo areala. — L.: Nauka, 1979. — S. 90–123.
5. Khrakovskiy V. S. Admirativ v russkom yazyke (Vvodnoe slovo okazyvaetsya i ego funktsii v vyskazyvanii) / V. S. Khrakovskiy // Yazyk. Lichnost. Tekst: sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy / In-t slavyanovedeniya RAN; otv. red. V. N. Toporov. — M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. — S. 180–190. — (Studia pilologia).

Чернцова Олена Вадимівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Харківського національного університету ім. В. М. Каразіна; Харків, Україна;

e-mail: e.v.cherntsova@yandex.ru; тел.: +38(057)314–20–46; моб.: +38–050–669–28–14

КОГНІТИВНА СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТІВ *ОКАЗАТЬСЯ*, *ОКАЗЫВАТЬСЯ* В ДИСКУРСИВНОМУ РЕЖИМІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

Анотація. У статті розглядається когнітивна семантика предикатів *оказаться*, *оказываться* в різних типах дискурсу: повсякденному, публіцистичному, художньому, науковому. Аналіз показує, що когнітивна семантика предиката пов'язана з дискурсивним контекстом, а також комунікативним регістром (репродуктивним — інформативним — генеративним) і нарративною стратегією.

В інформативному регістрі когнітивна семантика предикатів втілюється у таких компонентах ментального сценарію, як суб'єкт; його ментальна діяльність по виведенню «знання»; зміст «знання» (висновку); емоційна реакція здивування, викликана новим змістом. Внутрішня форма — *казать* у значенні «показувати» — зв'язує значення слів *казаться*, *показаться* та *оказаться*, *оказываться* в єдиний ментальний сценарій: мовцю здавалося одне, а потім з'ясувалося щось інше, чого він не очікував виявити або з'ясувати.

У результаті ментальної операції співвідношення пресупозиції (те, що суб'єкт раніше припускав) з асерцією (те, що суб'єкт з'ясував) суб'єкт отримує нову інформацію, якій надається статус факту. Когнітивна семантика предикатів відбиває актовість (подієвість) мислення як такого.

Ключові слова: суб'єкт, когнітивна семантика, пресупозиція, асерція, комунікативний регістр, нарративна стратегія.

Yelena V. Cherntsova,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Russian Language Department, V. N. Karazin Kharkiv National University; Kharkov, Ukraine;

e-mail: e.v.cherntsova@yandex.ru; tel.: +38(057)314–20–46; моб.: +38–050–669–28–14

COGNITIVE SEMANTICS OF THE PREDICATES *ОКАЗАТЬСЯ*, *ОКАЗЫВАТЬСЯ* IN THEIR DISCOURSE REGISTERS OF INTERPRETATION

Summary. The article studies cognitive semantics of the predicates *оказаться*, *оказываться* in different types of discourse: ordinary, journalistic, artistic, scientific. The analysis shows that cognitive semantics of the predicates is connected with the discourse context, and also with the communicative register (reproductive — informative — generative), and narrative strategy.

In the informative register cognitive semantics of the predicates *оказаться*, *оказываться* is embodied in the following components of the mental script: the subject; subject's mental activity on the deduction of «knowledge»; the content of «knowledge» (conclusion); the emotional reaction of surprise provoked by the new content. The internal form — *казать* in the meaning «to show» — rolls the word meanings *казаться*, *показаться* and *оказаться*, *оказываться* into a single mental script: something seemed to the speaker, and then it turned out to be something different, which he had not expect to detect or find out.

As a result of mental correlation of presupposition (the previously assumed knowledge) with assertion (the newly-learned contents) the subject receives new information which is allocated with the status of the fact. The cognitive semantics of predicates reflects acting (eventual) thinking as it is.

Key words: subject, cognitive semantics, presupposition, assertion, discourse, communicative register, narrative strategy.

Статтю отримано 25.09.2013 р.

УДК 811.161.2'367.32

ШАТИЛОВА Олена Сергіївна,кандидат філологічних наук, асистент кафедри української та російської мов Донецького національного технічного університету; Донецьк, Україна;
e-mail: shatilova_olena@mail.ru; тел.: +38–050 777 90 38

ІМПЛІКАТУРИ МОВЛЕННЕВОГО СПІЛКУВАННЯ ЯК ВАЖЛИВА СКЛАДОВА ІНТЕРПРЕТАЦІЇ СПОНУКАЛЬНИХ ВИСЛОВЛЕНЬ

Анотація. У статті розглянуто способи вираження прямих і непрямих спонукальних мовленнєвих актів. Порушено питання адекватного й неадекватного сприйняття тексту. Спонукальні мовленнєві акти проаналізовано з погляду морфолого-синтаксичного оформлення конструкцій, якими вони виражені. У межах прямих спонукальних мовленнєвих актів виділено ядерні та периферійні. Критерієм розподілу обрано наявність спеціалізованої морфологічної форми. З-поміж прямих спонукальних мовленнєвих актів виокремлено імперативні, перформативні, інфінітивні, номінативні та еліптичні речення а також нечленовані конструкції з предикатом-спонукальним вигуком або спонукальною часткою. До непрямих мовленнєвих актів зараховано формально питальні речення, еквіваленти речень та непитальні речення з формами дієслів-предикатів дійсного способу (минулого, теперішнього та майбутнього часів) й умовного способу. З'ясовано роль імплікатур мовленнєвого спілкування в загальній інтерпретації висловлення. Здійснено спробу створення класифікації прямих і непрямих спонукальних мовленнєвих актів.

Ключові слова: мовленнєвий акт, пряме спонукування, непряме спонукування, імплікатура.

Загальний розвиток лінгвістики призвів до того, що в кінці ХХ століття значно посилюється інтерес до суб'єктивної сторони мови [1; 6; 20]. Було з'ясовано, що ефективність мовленнєвого акту залежить від особи адресанта й особи адресата. Мовець визначає, яким буде комунікативний акт: експліцитним чи імпліцитним, прямим чи непрямим тощо. Адресат повинен сприйняти інформацію, інтерпретувати її й адекватно відреагувати реплікою чи вчинком.

Метою даної роботи є розробка класифікації спонукальних мовленнєвих актів. **Об'єктом** дослідження обрано категорію спонукування в мовленні. **Предмет** дослідження становлять прямі та непрямі способи реалізації спонукування. **Матеріалом** є україномовні публіцистичні тексти початку ХХІ ст.

Склалася традиція, започаткована ідеями Дж. Сьорля [7; 8], вважати непрямим такий мовленнєвий акт, при якому мовець має на увазі дещо більше, ніж те, що він говорить: «у непрямих мовленнєвих актах мовець передає слухачеві більший зміст, ніж той, що він реально повідомляє, і він робить це, спираючись на спільні знання, як мовні, так і немовні, а також на спільну здатність до розумного розмірковування, які передбачені ним у слухача» [7; 8]. Непрямими вважають акти, зміст або іллокутивна сила яких виводиться адресатом за правилами імплікатур мовленнєвого спілкування [1, с. 29; 2, с. 179–180].

Оскільки основу будь-якого мовленнєвого акту становить певний ментальний акт, який повинен здійснити слухач, або ментальний стан, у який слухач повинен бути введений, сприйнявши конкретну мовленнєву дію мовця, успішне здійснення і прямого, і непрямих мовленнєвих актів передбачає адекватне сприйняття його слухачем. Так, природна реакція адресата на непрямі акти типу *Чи не підкажете, котра година?* (Gazeta.ua. — Режим доступу: <http://gazeta.ua/>); *Чи не могли б Ви зачинити двері?* (Тиждень. — Режим доступу: <http://tyzhden.ua/>) — це реакція на прохання, а не на запитання. Мовець у разі адекватного сприйняття інформації повинен не давати відповідь («так» чи «ні»), а виконувати казуовану дію. Отже, буквально значення наведених прикладів не збігається з їхнім реальним комунікативним змістом. На думку деяких дослідників, комунікативні наміри мовця (іллокутивна мета) у непрямих мовленнєвих актах виражені за допомогою мовних форм, не призначених для цього.

У разі адекватного сприйняття прямого чи непрямих мовленнєвих актів його вважають успішним. У випадку відсутності адекватного сприйняття комунікативного акту мовленнєвий вплив не приводить до бажаної мети, причому адресат може усвідомлено «інсценувати» неадекватне сприйняття мовленнєвого акту: *Чи не могли б Ви зачинити двері? — Не міг би.* Замість очікуваної дії (зачинення вікна) адресант отримує репліку-відповідь, що є реакцією не на спонукування, а на звичайне запитання. Залежно від інтонуювання подібна репліка може сприйматися як жартівлива чи фамільярна, що порушує етикетні норми, прийняті в мовленнєвому колективі.

Незважаючи на детальну розробку проблеми, мовознавці й досі не дійшли згоди в деяких питаннях термінології та номенклатурної організації спонукальних конструкцій. Зокрема, в роботах дослідників по-різному подано класифікацію типів спонукальних мовленнєвих актів. Тому розробка класифікації спонукальних мовленнєвих актів є на сьогодні актуальною.

Формальна специфіка спонукальних конструкцій полягає в неоднорідності морфологічного складу їхніх предикативних центрів. Більшість їх містить імперативи. Оскільки сама імперативна парадигма неоднорідна за морфологічним складом, це спричинює низку розходжень у поглядах і щодо питання про прямі та непрямі спонукальні мовленнєві акти. Функціональний підхід до питання робить доцільним об'єднання в межах імперативної парадигми всіх форм, що передають спонукальне значення.

Розуміючи складність завдання й не претендуючи на остаточне його вирішення, спробуємо перерахувати способи вираження прямого та непрямих спонукування в українській мові.

Прямий мовленнєвий акт характеризується відповідністю між його іллокутивною метою (вираженим комунікативним наміром мовця) та закріпленням за нею в мові формальним зразком. Так, прямим спонукальним мовленнєвим актам відповідають імперативні, перформативні, інфінітивні та деякі інші типи речень. Конструкції, що являють собою прямі спонукальні мовленнєві акти, можна поділити на ядерні та периферійні. Ядро (центр) утворюють:

1) імперативні речення: *На це не розраховуйте* (Вітчизна. — № 1–2. — 2004); *Ну, коли усього ми на ніч, то хай приходить* (Вітчизна. — № 1–2. — 2004);

2) перформативні речення: *Редакція журналу <...> звертається з проханням <...>* (Музеї України. — 08.01.2010).

До периферійних конструкцій належать:

1) речення з предикатом-дієсловом у формі інфінітива: *Заборається проводити передвиборну агітацію <...>* (Голос України. — 14.01.2010); *Отримати неспростовні юридичні докази <...>* (Музеї України. — 03.11.2011);

2) речення з предикатом, вираженим модальним словом у поєднанні з інфінітивом: *Варто сходити на цей фільм* (<http://molodi.in.ua/>. — 28.10.2011); *Законодавчо необхідно впровадити право внутрішньої безпеки на випадок провокації з хабаром для поліцейських* (Київ. — 18.11.2011);

3) речення з предикатом, вираженим іменником: *Рота, тривога!* (Дзеркало тижня. — 5–11.12.2009); *Вогонь!* (Дзеркало тижня. — 5–11.12.2009); *Волі!* (Вітчизна. — № 1–2. — 2007);

4) еліптичні речення адвербіального типу: *Ну, за Ваше здоров'я!* (= дайте вил'ємо за Ваше здоров'я) (Високий замок. — 21.12.2009); *Швидко* (= говоріть швидко) (Свобода слова. — 23.11.2009);

5) нечленовані речення з предикатом-спонукальним вигуком або спонукальною часткою: *Геть логіку!* (Кореспондент. — 17.02.2011); *Нумо, до зброї, брати українці!* (Українська правда. — 19.02.2012).

Найактивніше у спонукальних мовленнєвих актах волевиявлення виражене за допомогою імперативних речень: *Якщо подруга (друг) обожнює говорити тільки про свою власну королівську особу — кидай цього егоїста чи егоїстку одразу* (Світ молоді. — 12.01.2009); *Повір, ці слова від щирого серця!* (Світ молоді. — 12.01.2009); *Пам'ятай, що обрана професія формуватиме стиль твого життя* (Світ молоді. — 12.01.2009); *Не поспішайте робити висновки і приклеювати нові ярлики, які, швидше за все, знов виявляться помилковими* (Світ молоді. — 12.01.2009).

Усі дослідники, що розглядають прямі / непрямі мовленнєві акти [4; 5; 8], зараховують імперативні речення саме до прямих спонукальних актів. Виділення ж перформативних речень як прямих мовленнєвих спонукальних актів викликає суперечливі погляди [3; 5]. Уважаємо за доцільне залучити речення з предикативним центром, вираженим перформативом у поєднанні з об'єктивним інфінітивом, до первинних форм, що виражають прямі мовленнєві акти. Слід наголосити на тому, що перформативні конструкції, на відміну від неперформативних, чітко й однозначно виражають спонукання. Важлива особливість перформативних висловлень полягає в тому, що вони не описують певну дію, а безпосередньо є цією дією: *Пані та Панове, прошу зустрічатися: Савік Шустер!* («Шустер-LIVE». — ТРК Україна. — 15.10.2010. — 20:20); *Я раджу прочитати виступ за 2004 рік <...>* («Велика політика». — Інтер. — 08.10.2010. — 23:00).

Серед периферійних конструкцій значне місце посідають інфінітивні речення: *Шахтарів у полон не брати — розстрілювати!* (Вітчизна. — № 1–2. — 2009).

Можливість заміни імперативних форм інфінітивами пояснюється тим, що останні мають здатність набувати ірреального об'єктивно-модального значення. Конструкції такого типу передають досить категоричні вимоги. Наприклад: *Без команди не стріляти. Підпустити якнайближче* (Дзеркало тижня. — 5–11.11.2009).

Часто інфінітивні речення вживаються з окличною інтонацією. Це посилює притаманну їм категоричність, необхідність, дебітність. Висловлення цього типу зазвичай передають наказ чи вимогу: *Зупинитися!* (Музеї України. — 23.12.2009); *Швидко не їхати!* (Дзеркало тижня. — 5–11.11.2009).

Проте використання інфінітивів у рецептах не має значення категоричної вимоги. У такий спосіб подається інструкція щодо виконання тих чи інших дій: <...> *посипати тертим сиром, манкою, дрібно нарізаними яйцями, чорним меленим перцем, сіллю і ретельно перемішати* (Високий замок. — 09.12.2009). У реченнях такого підтипу інфінітив добре підкреслює анонімність, невизначеність особи і числа виконавців дії.

Значну кількість суперечок [5; 9; 10] викликають і номінативні речення зі спонукально-бажальним значенням: *Води! Танки!* або *Мінне поле!* Хоча в цих реченнях і відсутні наказові форми дієслова, проте передбачається й адресат висловлення, і дія, яку він повинен виконати. Отже, є підстави зараховувати номінативні спонукальні речення до прямих первинних способів вираження спонукання.

До прямих спонукальних мовленнєвих актів належать також деліптичні речення адвербіального типу: *Подорожці на наших сторінках!* (Музеї України. — 08.01.2010); *Плануйте маршрут — і в подорож!* (Музеї України. — 08.12.2009). Характерною ознакою таких речень є наявність прислівника чи іменника в непрямому відмінку з прийменником або без нього, що передає обставинне значення. Такі речення є еліптичними: *Якщо з'явилися перші симптоми — негайно до лікаря!* (Високий замок. — 16.12.2009); *А зараз — про Вашу пропозицію* («Свобода слова». — ICTV. — 23.11.2009. — 22:00). Висловлення цієї підгрупи містять еліптичні речення, предикат у яких відсутній, проте наявний носій супровідної характеристики предикатної ознаки: *Досить* (= досить го-

ворити; не говоріть») («Свобода слова». — ICTV. — 09.11.2009. — 23:00); *Повзком від кулемета!* (Дзеркало тижня. — 28.11–04.12.2009); *Вперед!* (Дзеркало тижня. — 05–11.12.2009).

Окрему групу утворюють конструкції, виражені нечленованими реченнями з предикатами-спонукальними вигуками або спонукальними частками: *Геть старі звичай!* (Mediasapiens. — 01.10.2011); *Нумо, браття!* (Реклама. — Новий канал. — 2011). Єдиною функцією таких конструкцій є спонукування до дії. Спонукальні конструкції, виражені нечленованими реченнями цього типу, завжди є стилістично обмеженими варіантами, притаманними розмовно-побутовому мовленню. Вони обов'язково експресивно забарвлені.

Конструкції, зараховані до непрямих спонукальних мовленневих актів, окрім своєї основної функції, можуть передавати значення волевиявлення, проте розпізнати його можливо тільки в конкретному контексті. З'ява непрямих мовленневих актів передбачає розуміння слухача, пов'язане з опорою на конвенції (домовленості, прийняті в певному суспільстві) та пресупозиції. Поняття «непрямий мовленневий акт» тісно пов'язане з поняттям імплікатури. Імплікатурами мовленнєвого спілкування є «прагматичні компоненти змісту повідомлень, мовленневих жанрів, дискурсів, які виводяться адресатом з контексту спілкування завдяки знанню комунікативних принципів, максим, постулатів та конвенцій спілкування» [2, с. 179]. Правильна інтерпретація будь-якого висловлення не можлива без врахування імплікації.

За даними Н. І. Формановської, мовці значно рідше послуговуються прямими мовленневими актами, ніж непрямыми, особливо в разі необхідності прояву ввічливості, іронії, використання натяків тощо [9, с. 269].

Спонукальна функція непрямих мовленневих актів пов'язана не з реалізацією їхнього системного призначення, а є результатом уживання в нестандартних умовах. Так, граматичний статус форм індикатива, кон'юнктива, а також форм інтеррогативних речень не передбачає в них наявність спонукальної функції як первинної. Усі ці конструкції являють собою непрямі мовленневі акти спонукування.

Отже, до непрямих спонукальних мовленневих актів належать:

1) формально питальні речення: *Можете розкрити таємницю <...>?* (= *розкрийте таємницю*) (Донеччина. — 23.11.2009); *Чому ви перебиваєте?* (= *не перебивайте*) («Свобода слова». — ICTV. — 23.11.2009. — 22:00);

2) непитальні речення:

а) з формами дійсного способу дієслів, серед яких є:

• форми минулого часу: *Отже, поїхали!* (Світ молоді. — 12.01.2009); *Опанасе, я тебе просила* (Вітчизна. — № 1–2. — 2009);

• форми теперішнього часу: *Нумо всі разом, рухаємо тазом* («Голос країни». — 1+1. — 21.03.2012. — 22:26); *А тепер — вирішуємо проблему* («Тиждень». — Новий канал. — 05.04.2012. — 12:05);

• форми майбутнього часу: *Проведеш мене і вернешся* (Вітчизна. — № 1–2. — 2009); *Ну, то я піду* (Вітчизна. — № 1–2. — 2009);

б) з формами умовного способу: *Я б нікому не радила ходити по Парижу організованим на товпом* (Високий замок. — 04.12.2009); *<...> варто було б спочатку засудити весь модернізм <...>* (Gazeta.ua. — 19.02.2012);

3) еквіваленти речень: *[Триває суперечка, яку намагається припинити телеведучий. З метою обірвати промову Л. М. Кравчука, зупинити його, ведучий вживає лише звертання]. Пана Кравчук! Пана Кравчук...* («Свобода слова». — ICTV. — 09.11.2009. — 23:00).

У низці ситуацій мовці передають спонукування за допомогою непрямих актів, виражених формально питальними реченнями. Спонукування є вторинною функцією питальних речень. Таке їх застосування сприяє створенню приємного клімату спілкування та пом'якшує волевиявлення мовця: *Можє, мамо, Ви поняньчіте Валерчика хвили двадцять?* (= *поняньчіть Валерчика*) (Вітчизна. — 2009. — № 1–2).

Питальні речення зі значенням спонукування досить активно використовуються мовцями, адже таким чином етикетні форми реалізується за допомогою гіпотетичних ситуацій. У такий спосіб можна «м'якше» висловити побажання, прохання тощо. Напр.: *Чому би Львову не проявити гостинність?* (Високий замок, <http://www.wz.lviv.ua/pages.php?atid=79051>).

Значну частину питальних речень становлять так звані питально-риторичні висловлення. Вони виражають спонукування завдяки специфічному змісту, який явно або приховано апелює до загальноприйнятої в певному соціумі системи оцінок.

На думку С. В. Мясоедової, «взаємодія питальної форми й заперечного компонента, експлікованого часткою *не*, надає висловленню спонукальної сили» [4, с. 11]. Таким чином, спонукальна модальність передається саме завдяки оформленню речення як питально-заперечного: *Чи Ви не нагадаєте про події <...>?* («Свобода слова». — ICTV. — 23.11.2009. — 22:00).

Значну частину вторинних непрямих спонукальних мовленневих актів виражено непитальними реченнями зі значенням спонукування: *[І особисте прохання до колег-журналістів!] Ми не встигаємо спілкуватися з усіма, по кілька разів на день повторюючи всі ці історії! Все розміщено в Інтернеті, опубліковано в паперових версіях журналів «Музеї України» і «Нова Січ» (Музеї України. — 22.09.2009).* Зміст другого й третього речень можна замінити спонукальною конструкцією «*читайте відповіді на свої запитання в Інтернеті та в паперових версіях журналів*».

Ірреальна модальність таких висловлень має досить високий ступінь прихованості, тому спонукальне призначення їх розкривається лише в конкретному контексті. Напр.: *Молоді читачки «Ви-*

сокого замку» цікавляться, який сімейний стан в Олега Голодюка <...> (= розкажіть про Ваш сімейний стан) (Високий замок. — 03.12.2009). Наявність окличної інтонації в таких реченнях посилює спонукальну модальність: *Завжди чекаємо пресу у музеї!* (= приїздить до музею) (Музеї України. — 08.12.2009).

Непрямі спонукальні мовленнєві акти, виражені непитальними реченнями, часто містять форми дійсного способу дієслів. Це можуть бути як форми теперішнього часу: *Варене м'ясо нарізаємо дрібно <...>* (= наріжмо) (Високий замок. — 19.12.2012), — так і форми майбутнього часу дієслова: *Тоді вийдете разом із нами* (= вийдіть) (Вітчизна. — № 1–2. — 2008), або форми минулого часу дієслова: *Поїхали з нами!* (= їдьмо) (Реклама. — Новий канал. — 12.11.2011. — 12:05); *Підняли руки вгору!* (= підніміть) («Справжні лікарі». — 1+1. — 12.05.2012. — 07:45). За допомогою форм індикатива нерідко передається категоричніше значення, ніж під час використання інших конструкцій цієї групи: *Ану, пішли в хату, розберемося!* (Вітчизна. — 2009. — № 1–2).

Закликаючи до спільної дії, адресант часто вдається до використання дієслівних форм теперішнього часу, зокрема 1-ї особи множини: *Думаємо разом!* (Gazeta.ua. — Режим доступу: <http://gazeta.ua/>).

Унаслідок того, що спонукування становить різновид ірреально-модального значення, й існує можливість заміни імперативних форм іншими, що теж набувають ірреального об'єктивно-модального значення в певному контексті. Оскільки ж форми майбутнього та минулого часів індикатива також можуть набувати значення ірреальності, то вони відповідно здатні бути носіями спонукальної модальності й осмислюватися як ірреальні. Дієслова майбутнього часу, хоч і належать до способу реального, позначають дію, яка ще не відбулася, тобто дію, нереальну на цей момент, такі форми можуть набувати значення спонукування, протиставляючись дієсловам способу реального. Форми минулого часу, які називають дію таким чином, ніби вона вже реально відбулася, теж набувають спонукального значення. Конструкції з предикатами такого типу виражають вимоги, що потребують швидкого виконання названої дії: *Витягли разом!* (Музеї України. — 08.01.2010).

Ірреальне об'єктивно-модальне значення притаманне й формам умовного способу дієслова. До підгрупи конструкцій непрямого вторинного спонукування належать висловлення, предикативне ядро яких виражене дієсловами умовного способу: *Я б радила йти до психіатра* (Високий замок. — <http://www.wz.lviv.ua/pages.php?atid=79051>); *Я хотіла би повернутися до змісту* («Шустер-LIVE». — ТРК Україна. — 15.10.2010. — 20:20). Форми умовного способу, на відміну від інфінітива та індикатива, пом'якшують спонукальне значення.

Непрямі спонукальні акти можуть бути виражені еквівалентами речень, серед яких найуживанішими є звертання. Непряме спонукування, виражене вокативом, завжди адресоване тій самій особі (особам), що її згадано в звертанні. Зміст таких вокативних речень часто є емоційно забарвленим і стилістично обмеженим. У розмежуванні власне-вокативних і спонукальних вокативних речень велику роль відіграє контекст. Адже зазвичай звертання виконує фатичну (контактовстановлювальну) функцію, є етикетним висловом.

Отже, поняття прямого та непрямого спонукування тісно переплітається з поняттям первинної та вторинної спонукальної функції тієї чи іншої конструкції, а також виявленням імплікатур мовленнєвого спілкування. Усі прямі та непрямі спонукальні мовленнєві акти утворюють єдине поле спонукування завдяки спільному інваріантному значенню. Але варіативність способів вираження прямих і непрямих мовленнєвих актів демонструє специфічні особливості в плані вираження інтенсивності спонукування, дотримання норм етикету, врахування контексту тощо. Важливо також під час вибору спонукального мовленнєвого акту враховувати індивідуальні особливості комунікантів, наприклад, вікові відношення, родинні зв'язки, гендерні характеристики, які дозволяють правильно оформити спонукальний мовленнєвий акт і зробити його ефективним. Таким чином, будь-яке спілкування починається з вибору комунікантами певної позиції, соціальної ролі, урахування психологічного настрою адресата й цільової настанови комунікації взагалі.

Проблема вивчення способів оформлення прямих і непрямих мовленнєвих актів жодною мірою не вичерпано простежуваними в статті явищами, а лише окреслено як можливий напрям подальших досліджень. Питання інтерпретації спонукальних мовленнєвих актів вимагає цілісного, ємного вивчення з метою їх типологізації.

Література

1. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. 16. — С. 6–32.
2. Бацевич Ф. С. Основы коммуникативной лингвистики: учебник / Ф. С. Бацевич. — К.: ВЦ «Академія», 2004. — 344 с.
3. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и её реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 — славянские языки; 10.02.01 — русский язык / А. Ю. Маслова. — С. Пб., 2009. — 40 с.
4. Мясоедова С. В. Категория спонукування і її вираження в непрямих висловленнях сучасної української мови: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — укр. мова / С. В. Мясоедова. — Харків, 2001. — 16 с.
5. Нарушевич-Васильєва О. В. Категорія спонукальності у прагматистичному аспекті: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — укр. мова / О. В. Нарушевич-Васильєва. — Одеса, 2002. — 22 с.
6. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — М.: Наука, 1985. — 271 с.
7. Серль Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль; пер. с англ. Н. В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 195–222.

8. *Серль Дж.* Что такое речевой акт? / Дж. Серль; пер. с англ. И. М. Кобозевой // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 151–169.
9. *Филатова Е. А.* Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Е. А. Филатова. — М., 1997. — 231 с.
10. *Харченко С. В.* Семантико-синтаксична та комунікативна структура речень спонукальної модальності: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — українська мова / С. В. Харченко. — Київ, 2001. — 20 с.

References

1. *Arutjunova N. D.* Istoki, problemy i kategorii pragmatiki / N. D. Arutjunova, E. V. Paducheva // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. — М.: Progress, 1985. — Вып. 16. — С. 6–32.
2. *Bacevych F. S.* Osnovy komunikativnoi lingvistyky: pidruchnyk / F. S. Bacevych. — К.: Vydavnychyj centr «Akademija», 2004. — 344 s.
3. *Maslova A. Ju.* Kommunikativno-semanticheskaja kategorija pobuditel'nosti i ejo realizacija v slavjanskih jazykah (na materiale serbskogo i bolgarskogo jazykov v sopostavlenii s russkim): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.03 — slavjanskije jazyki; 10.02.01 — russkij jazyk / A. Ju. Maslova. — S. Pb., 2009. — 40 s.
4. *Mjasoyedova S. V.* Kategorija sponukannja i її vyrazhennja v neprjamyh vyslovlennjah suchasnoї ukrains'koї movy: avtoref. dys. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — ukrains'ka mova / S. V. Mjasoyedova. — Harkiv, 2001. — 16 s.
5. *Narushevych-Vasil'yeva O. V.* Kategorija sponukal'nosti u pragmatylystychnomu aspekti: avtoref. dys. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — ukrains'ka mova / O. V. Narushevych-Vasil'yeva. — Odesa, 2002. — 22 s.
6. *Paducheva E. V.* Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij) / E. V. Paducheva. — М.: Nauka, 1985. — 271 s.
7. *Serl' Dzh.* Kosvennye rechevyje акты / Dzh. Serl'; per. s angl. N. V. Percova // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. — М.: Progress, 1986. — Вып. 17. — С. 195–222.
8. *Serl' Dzh.* Chto takoe rechevoj akt? / Dzh. Serl'; per. s angl. I. M. Kobozевой // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. — М.: Progress, 1986. — Вып. 17. — С. 151–169.
9. *Filatova E. A.* Pobuditel'nye vyskazyvanija kak rechevyje акты v sovremennom russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkij jazyk / E. A. Filatova. — М., 1997. — 231 s.
10. *Harchenko S. V.* Semantiko-sintaksychna ta komunikativna struktura rechen' sponukal'noї modal'nosti: avtoref. dys. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — ukrains'ka mova / S. V. Harchenko. — Kiiv, 2001. — 20 s.

Шатилова Елена Сергеевна,

кандидат филологических наук, ассистент кафедры украинского и русского языков Донецкого национального технического университета; Донецк, Украина;

e-mail: shatilova_olena@mail.ru; тел.: +38-050-777-90-38

ИМПЛИКАТУРЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены способы выражения прямых и косвенных побудительных речевых актов. Рассмотрен вопрос адекватного и неадекватного восприятия текста. Побудительные речевые акты проанализированы с точки зрения морфолого-синтаксического оформления конструкций, которыми они выражены. Прямые побудительные речевые акты разделены на ядерные и периферийные. В качестве критерия распределения выбрано наличие специализированной морфологической формы. Среди прямых побудительных речевых актов выделены императивные, перформативные, инфинитивные, номинативные и эллиптические предложения, а также нечленяемые конструкции с предикатом-побудительным междометием или побудительной частицей. К непрямым речевым актам отнесены формально вопросительные предложения, эквиваленты предложений и невопросительные предложения с формами глаголов-предикатов изъявительного наклонения (прошедшего, настоящего и будущего времени) и условного наклонения. Определена роль импликатур речевого общения в общей интерпретации высказывания. Осуществлена попытка классификации прямых и косвенных побудительных речевых актов.

Ключевые слова: речевой акт, прямое побуждение, косвенное побуждение, импликатура.

Olena S. Shatilova,

Candidate of Philological Sciences, assistant lecturer of the Russian and Ukrainian Languages Chair of the Donetsk National Technical University; Donetsk, Ukraine;

e-mail: shatilova_olena@mail.ru; tel.: +38-050-777-90-38

IMPLICATURES OF SPEECH COMMUNICATION AS AN IMPORTANT COMPONENT OF INCENTIVE STATEMENTS INTERPRETATION

Summary. The article considers the ways of expression of direct and indirect incentive speech acts. It analyses the problem of adequate and inadequate text perception and studies morphological and syntactic registration of hortatory sentences. Direct incentive speech acts are subdivided into nuclear and peripheral ones. A specific morphological form is chosen as the distribution criterion. Within the group of direct incentive speech acts we define imperative, performative, infinitive, nominative and elliptical sentences, as well as indivisible constructions with the predicate expressed by an interjection or imperative particle. As indirect speech acts we classify interrogative suggestions, equivalents of suggestions and non-interrogative suggestions with the verbs-predicates in the indicative (past, present and future tense) and conditional moods. The article defines the role of implicatures of speech communication in the general interpretation of the utterance. An attempt is made to classify the direct and the indirect incentive speech acts.

Key words: speech act, direct motivation, indirect motivation, implicature.

Стаття отримано 15.10.2013 р.

УДК 811.111'367:808.5:347.962/.965

КУКОВСЬКА Вікторія Ігорівна,
аспірант кафедри англійської мови та літератури Чернівецького національного університету імені
Ю. Федьковича; Чернівці, Україна;
e-mail: vita354@ Rambler.ru; тел.: +38-099-002-57-33

РОЛЬ СИНТАКСИЧНОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ АДВОКАТСЬКОЇ ПРОМОВИ У ЗДІЙСНЕННІ МЕНТАЛЬНОГО ВПЛИВУ НА СУД (на матеріалі сучасних англомовних захисних виступів)

Анотація. Стаття присвячена дослідженню ролі синтаксичної організації сучасних англомовних адвокатських промов у здійсненні ментального впливу на суд. Будь-яка ораторська промова виступає інструментом мовленнєвого впливу на свідомість слухача. Висока ступінь її апелятивності значною мірою визначається як особистісними характеристиками самого оратора, так і композиційно-комунікативними особливостями його виступу. Захисна промова як особливий вид ораторського виступу поєднує в собі емотивно-риторичний вплив на судову аудиторію з послідовністю логічних умовиводів, які приводять слухачів до певного вердикту. При цьому, правильна синтаксична організація композиційних частин адвокатської промови сприяє організації комунікативного впливу на судову аудиторію та забезпечує її ефективність. Встановлено, що захисна промова адвоката має конкретну структуру побудови, кожній з її частин притаманні певні синтаксичні характеристики та комунікативна інтенція. Зроблено висновок про вживання у вступній та інформативній частині промови переважно складних речень, заключній частині — більшої частки простих речень, що забезпечує логічність і переконливість захисної промови.

Ключові слова: захисна промова, ментальний вплив, композиція захисної промови, складне речення, просте речення, ускладнене речення.

В останні роки дослідницькі інтереси багатьох галузей сучасної лінгвістики спрямовані на виявлення механізмів забезпечення успішної комунікації. Ефективність, чи успішність процесу реалізації комунікативної інтенції мовця залежить, перед усім, від уміння оратора здійснювати ментальний вплив на своїх слухачів. Захисна промова, як і будь-який публічний виступ, слугує ефективним засобом для реалізації психологічного впливу на ментальність судової аудиторії. Зрозуміло, що формальна організація повідомлення, його композиційні особливості та поверхнево-синтаксична структура речень має велике значення для сприймання адвокатського виступу.

Актуальність теми дослідження витікає з необхідності комплексного вивчення захисної промови як особливого виду ораторської промови, а також мотивується практичною необхідністю виявлення синтаксичних чинників здійснення ментального впливу на судову аудиторію.

Об'єктом даного дослідження є сучасний адвокатський англомовний дискурс.

Предмет вивчення — синтаксичні особливості адвокатської захисної промови.

Метою нашої роботи є виявлення композиційного членування адвокатської промови та визначення питомої ваги синтаксичних типів речень, що використовуються у захисному виступі з метою забезпечення ефективності мовленнєвого впливу захисника.

Поставлена мета мотивує наступні завдання роботи: конкретизувати поняття «захисна промова», визначити її функціональне призначення як типу повідомлення, виокремити синтаксичні типи речень-складових захисної промови та викрити їх роль в організації ментального впливу на слухачів.

Матеріалом дослідження слугують 5 сучасних англомовних захисних промов.

Визначення захисної промови у науковій літературі не є однозначним. Так, С. Начерна розуміє промову адвоката як «ділову публічну промову, судову за типом і дорадчу (відносно суду) за характером» [12, с. 262]. В. Молдован визначає її як «промову в судових дебатах, в якій з точки зору захисту підсудного дається аналіз доказів, викладаються міркування по суті обвинувачення, кваліфікації злочину, пропозиції щодо міри покарання, інші питання, які мають значення для правильного вирішення справи» [9, с. 43]. На думку А. Столяренко, захисна промова — це публічна промова на захист звинуваченого, до всіх учасників та присутніх при розгляді кримінальної чи цивільної справи [13, с. 124]. Проте, різноманітність тлумачень цього типу ораторської промови тільки доповнюють одне одного та охоплюють всі можливі її аспекти.

Визначаючи аналіз та правову оцінку обставин справи, а також характеристику особистості підзахисного та його мотивів основними завданнями промови адвоката, ми розуміємо захисну промову як монологічну форму комунікації, яка характеризується ясністю словесного вираження, чіткістю цілових настанов, оцінюванням наданих доказів і наявністю наочних висновків [6, с. 167].

Як зазначає Н. Івакіна, призначення захисної промови — перекваліфікувати злочин після промови обвинувача і обґрунтувати аргументи про зміни міри покарання [4, с. 75]. Тому, основною функцією промови адвоката є здійснення мовленнєвого впливу на суд присяжних. Комунікативна лінгвістика розглядає мовленнєвий вплив як «сукупність процедур над моделями світу учасників ситуації спілкування, які призводять до передачі знань від одного учасника до іншого» [1, с. 11]. Завдяки мовленнєвому впливу мовець змінює модель світу свого комунікативного партнера, реалізуючи при цьому власні комунікативні наміри. Як зазначає Д. Льюїс, «ефективність мовленнєвого спілкування включає методи будь-якого лінгвістичного впливу на співрозмовника на рівні граматики, лексики, фонетики, кінетики» [3].

У процесі аналізу виявлено, що будь-яка захисна промова складається з декількох частин. Проте у спеціалістів з юриспруденції не існує єдиної думки щодо її структури. Так, В. Молдован вважає, що як промова адвоката, так і промова прокурора повинні складатися з семи компонентів, а саме зі вступної частини, фабули справи (викладу фактичних обставин злочину), аналізу і оцінки зібраних доказів (аналізу доказів), обґрунтування кваліфікації злочину, характеристики особи підсудного, обґрунтування пропозицій про міру покарання, аналізу причин і умов, що сприяли вчиненню злочину і пропозиції щодо їх усунення, заключної частини промови. На думку Л. Писаренко, для захисної промови потрібно шість складових: вступ, аналіз фактичних обставин справи, аналіз особистісних особливостей характеру підзахисного, аналіз мотивів учинення злочину підзахисним, аналіз законодавства, висновок. У свою чергу, Є. Матвієнко [8], Я. Авраха [14, с. 166] та В. Ботнєв [3, с. 253] виділяють тільки 5 складових композиції адвокатської промови, а саме: вступ, аналіз фактичних обставин справи, аналіз юридичної сторони пред'явленого обвинувачення, характеристика особи підсудного і заключна частина.

Разом з Н. Н. Івакіною [4], виокремлюємо три основні загальні смислові складові захисної промови: вступ, інформативна (основна) частина та висновки.

Концептуально дана робота спирається на положення про те, що формальна організація речення — це особливий спосіб кодування інформації. При цьому синтаксичний бік інформації характеризує внутрішні особливості структури й упорядкування відображуваного ним об'єкта. Тому логічною й реляційною основою тексту є його складові: оператори інформації — комунікативні таксони, або речення [10, с. 23–24].

Традиційно у лінгвістиці виділяють три основні синтаксичні типи речень — прості, складні та ускладнені. Під простим реченням лінгвісти розуміють синтаксичні побудови, які мають у своєму складі одну предикатну основу [2, с. 102]. В. Карабан та Г. Хашимов визначають прості та складні речення як моно- і поліпредикативні одиниці відповідно [5, с. 3; 15, с. 15]. Під ускладненим реченням розглядають речення, в якому крім головних частин, є кілька факультативних, тобто таких додаткових обставин, які не утворюють предикативне розширення [16, с. 216].

Отже, просте речення розуміємо як всякий ізольований мовленнєвий відрізок, що містить не більше однієї первинної структури предикації або непередикатну в термінах підметово-присудкового ядра конструкцію. Під складними реченнями ми розуміємо конструкції, у яких представлені (повністю або частково) два чи більше двох структурно-предикатних центри. Ускладненими будемо вважати речення, що містять у своєму складі поширене звертання, низку координованих головних членів, герундіальні, партиципальні та інфінітивні звороти. [10, с. 32–33].

У результаті розгляду англійських захисних промов, виявлено наступні закономірності їхньої синтаксичної побудови.

Для основної частини характерне вживання складних синтаксичних одиниць. У досліджуваних промовах їх кількість в інформативній частині коливається від 69 до 188 складних речень, що в середньому складає 50 % від загальної кількості речень у частині. Це обумовлено тим, що «складна для сприйняття інформація в письмовій формі виражається зазвичай синтаксично складними побудовами» [11, с. 54–60]. Тому, слідуючи головній стратегії аргументації, за допомогою складних речень адвокат витісняє тезис сторони обвинувачення і надає власні тези для впливу на суд присяжних. Щодо простих речень, то їх кількісний показник у цій частині коливається у межах від 31 до 190 простих синтаксичних конструкцій, що складає в середньому 39 % від кількості речень у частині. Найменш вживаними є ускладнені речення. Їх кількість складає 6–15 речень (у середньому — тільки 11 % від загальної кількості речень в основній частині промови).

Для вступу, як і для основної частини, також властиве вживання складних речень. У досліджуваних промовах їх кількість у цій частині коливається від 15 до 29 речень, що в середньому складає 45 % від загальної кількості речень у цій частині. Їх використання пояснюється тим, що за допомогою поліпредикативних одиниць у вступі захисник намагається знайти контакт з аудиторією та підготувати підґрунтя для основної частини. Другими за чисельністю є прості речення, кількість яких у вступі коливається від 7–22 (у середньому — 37 % від загальної кількості речень в даній частині). Ускладнені речення вживаються найменше. Їх кількість коливається від 4–12 речень у вступі, що складає в середньому 17 % від загальної кількості речень у цій частині.

У висновках переважно використовуються прості речення. Їх кількість коливається від 8 до 26 речень, що в середньому складає 51 % від загальної кількості речень у частині. Це пояснюється тим, що просте речення діє як «вербальний інструмент, чи засіб мовленнєвого впливу на модель світу кожного з учасників мовленнєвої комунікації» [10, с. 313] і сприяє закріпленню мовленнєвого впливу на суд. Другими за чисельністю виступають складні речення, кількість яких коливається від 3–27 у висновках, що складає в середньому 38 % від загальної кількості речень у частині. Найменшу кількість вживання складають ускладнені речення. Їх кількість коливається від 2–6 речень у висновках, що складає в середньому 11 % від загальної кількості речень у цій частині.

Отже, захисна промова адвоката має конкретну структуру побудови, і кожній з її частин притаманне певні синтаксичні характеристики та комунікативна інтенція. Логічність і переконливість побудови захисної промови забезпечується синтаксичною організацією її компонентів. Встановлено, що вступ займає середню позицію, оскільки в ньому кількість складних речень більша, ніж в основній частині, але менша, ніж у висновках. У той же час, для висновків характерне вживання простих речень, оскільки зростаюча питома вага простих за своєю структурою речень сприяє прозорому сприйманню повідомлення в цілому та «програмує» слухачів на погодження з позицією прова-адвоката.

Література

1. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Баранов. — М., 1990. — 34 с.
2. Блох М. Я. Проблемы парадигматического синтаксиса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Блох Марк Яковлевич. — М., 1986. — 444 с.
3. Ботнев В. К. Защитительная речь адвоката / В. К. Ботнев // Пробелы в Российском законодательстве. — 2010. — № 4. — С. 251–255.
4. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие / Н. Н. Ивакина. — М.: Юрист, 2000. — 384 с.
5. Карaban В. И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетимных полипредикативных образований / В. И. Карaban. — К.: Вища школа, 1989. — 131 с.
6. Куковська В. І. Мовленнєва реалізація захисних тактик у англomовному судовому дискурсі / В. І. Куковська // Науковий вісник Чернівецького національного університету. — 2013. — № 667. — С. 163–171.
7. Льюис Д. Тренинг ефективного общення / Д. Льюис. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 224 с.
8. Матвиенко Е. А. Нравственно-психологические характеристики личности подсудимого в защитительной речи / Е. Матвиенко // Вопросы судебной психологии. — Минск, 1972. — С. 62–66.
9. Молдаван В. В. Риторика: загальна та судова / В. В. Молдаван. — К.: Юрінком Інтер, 1999. — 320 с.
10. Морозова І. В. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові: монографія / І. В. Морозова. — Одеса: Друкарський дім, 2009. — 384 с.
11. Морозова І. В. Структурно-організуюча роль простого предложения в різних функціональних стилях і формах общення (на матеріалі сучасного англійського мови) / І. В. Морозова. — [2-е изд., доп.]. — Одеса: БАХВА, 1998. — 192 с.
12. Начёрная С. В. Судебная защитительная речь — аргументированная речь в аспекте юридической риторики / С. В. Начёрная // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 12. — С. 255–264.
13. Столяренко А. М. Психологические приёмы в работе юриста / А. М. Столяренко. — М.: Юрайт, 2000. — 288 с.
14. Фаткуллин Ф. И. Обвинение и защита по уголовным делам / Ф. И. Фаткуллин, З. З. Зинатуллин, Я. С. Аврах. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. — 166 с.
15. Хашимов Г. М. Типология сложных предложений разносистемных языков / Г. М. Хашимов. — Ташкент: Фан АН Узбекистана, 1991. — 103 с.
16. Blokh M. A. Course in Theoretical English Grammar / M. Blokh. — M.: Vyssaja skola, 2006. — 424 p.

References

1. Baranov A. N. Linyhvystycheskaya teoryya arhumentatsyy (kohnytyvnyy podkhod): avtoref. dys. ... d-ra fylol. nauk / A. N. Baranov. — M., 1990. — 34 s.
2. Blokh M. Ya. Problemy paradyhmatycheskoho syntaksysa: dys. ... d-ra fylol. nauk: 10.02.04 / Blokh Mark Yakovlevych. — M., 1986. — 444 s.
3. Botnev V. K. Zashchytitel'naya rech' advokata / V. K. Botnev // Probely v Rossyyskom zakonodatel'stve. — 2010. — № 4. — S. 251–255.
4. Yvakyna N. N. Osnovy sudebnoho krasnorechyuya (rytoryka dlya yurystov): ucheb. posobyey / N. N. Yvakyna. — M.: Yuryst, 2000. — 384 s.
5. Karaban V. I. Slozhnye rechevyye edynyty: prahmatyka anhlyyskykh asyndetyvnykh polypredykatyvnykh obrazovanyuy / V. I. Karaban. — K.: Vyshcha shkola, 1989. — 131 s.
6. Kukov's'ka V. I. Mowlennyeva realizatsiya zakhysnykh taktik u anhlovomovnomu sudovomu dyskursi / V. I. Kukov's'ka // Naukovyy visnyk Chernivets'koho natsional'noho universytetu. — 2013. — № 667. — S. 163–171.
7. L'yuys D. Trenyng efektyvnoho obshchenyya / D. L'yuys. — M.: EKSMO-Press, 2002. — 224 s.
8. Matviyenko E. A. Nrvastvenno-psykhohycheskye kharakterystyky lychnosty podsudymoho v zashchytitel'noy rechy / E. Matviyenko // Voprosy sudebnoy psykhohyuy. — Mynsk, 1972. — S. 62–66.
9. Moldavan V. V. Rytoryka: zahal'na ta sudova / V. V. Moldavan. — K.: Yurinkom Inter, 1999. — 320 s.
10. Morozova I. B. Paradyhmatychnyy analiz struktury i semantky elementarnykh komunikatyvnykh odynyty' u svitli heshtal't-teoriyi v suchasniy anhlyis'kiy movi: monohrafiya / I. B. Morozova. — Odesa: Drukars'kyy dim, 2009. — 384 s.
11. Morozova I. B. Strukturno-orhanizuyushchaya rol' prostoho predlozhenyya v razlychnykh funktsional'nykh stylyakh y formakh obshchenyya (na materyale sovremennoho anhlyyskoho yazyka) / Y. B. Morozova. — [2-e yzd., dop. y rash.]. — Odesa: BAKhVA, 1998. — 192 s.
12. Nachernaya S. V. Sudebnaya zashchytitel'naya rech' — arhumentyrovannaya rech' v aspekte yurydycheskoy rytoryky / S. V. Nachernaya // Vestnyk «Chelyabynskoho hosudarstvennoho pedahohycheskoho unyversyteta». — 2009. — № 12. — S. 255–264.
13. Stolyarenko A. M. Psykhohycheskye pryemy v rabote yurysta / A. M. Stolyarenko. — M.: Yurayt, 2000. — 288 s.
14. Fatkulyn F. Y. Obvynenye y zashchytta po uholovnym delam / F. Y. Fatkulyn, Z. Z. Zynatullyn, Ya. S. Avrakh. — Kazan': Yzd. Kazanskoho unyversyteta, 1976. — 166 s.
15. Khashymov H. M. Typolohyya slozhnykh predlozhenyy raznosystemnykh yazykov / H. M. Khashymov. — Tashkent: Fan AN Uzbekystana, 1991. — 103 s.
16. Blokh M. A. Course in Theoretical English Grammar / M. Blokh. — M.: Vyssaja skola, 2006. — 424 p.

Куковская Виктория Игоревна,

аспирант кафедры английского языка и литературы Черновицкого национального университета имени Ю. Федьковича; Черновцы, Украина;
e-mail: vita354@rambler.ru; тел.: +38-099-002-57-33

РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТСКОЙ РЕЧИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕНТАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СУД (на материале современных англоязычных защитительных выступлений)

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли синтаксической организации современных англоязычных адвокатских речей в осуществлении ментального воздействия на суд. Любая ораторская речь выступает инструментом речевого воздействия на сознание слушателя. Высокая степень ее апеллятивности в значительной степени определяется как личностными характеристиками самого оратора, так и композиционно-коммуникативными особенностями его выступления. Защитительная речь как особый вид ораторского выступления сочетает в себе эмотивно-риторическое влияние на судебную аудиторию с последовательностью логических умозаключений, которые приводят слушателей к определенному вердикту. При этом правильная синтаксическая организация композиционных частей адвокатской речи способствует организации коммуникативного влияния на судебную аудиторию и обеспечивает ее эффективность. Установлено, что защитительная речь адвоката имеет конкретную структуру построения, каждой из ее частей присущи определенные синтаксические характеристики и коммуникативная интенция. Сделан

вывод об употреблении во вступительной и информативной части речи преимущественно сложных предложений, заключительной части — большей доли простых предложений, что обеспечивает логичность и убедительность защитительной речи.

Ключевые слова: защитительная речь, ментальное воздействие, композиция защитительной речи, сложное предложение, простое предложение, осложненное предложение.

Victoriia I. Kukovska,

postgraduate student of the English Department of Chernivtsi Yu. Fedkovych National University; Chernivtsi, Ukraine;
e-mail: vita354@rambler.ru; tel.: +38-099-002-57-33

THE ROLE OF THE BARRISTER'S SPEECH SYNTACTIC ORGANIZATION IN EXERTING A MENTAL IMPACT ON THE JURY (on the material of the contemporary English defensive speeches)

Summary. The article investigates the role of syntactic organization of the contemporary English defensive speeches in exerting a mental impact on the jury. Any oratory is an instrument to influence the listener's consciousness. The high degree of its appellativeness is largely conditioned both by the personal characteristics of the speaker, and the compositional-and-communicative peculiarities of his speech. A defensive speech is a kind of oratory which combines the emotive-and-rhetorical influence over the judiciary audience with the sequence of logical reasoning that leads the jury to a particular verdict. In this case, the right syntactic organization of the compositional parts of the barrister's speech provides for the mental impact on the jury and court audience and contributes to its efficiency. The article proves that the defensive speech is marked by a specific structure, with each of its parts having certain syntactic characteristics and a communicative intention. A conclusion is made that the use of complex sentences is typical of the introductory and the informative parts, and the final part is characterized by the increasing usage frequency of simple sentences, which ensures the coherence and persuasiveness of the barrister's defensive speech altogether.

Keywords: defensive speech, mental influence, composition of the defensive speech, complex sentence, simple sentence, complicated sentence.

Статтю отримано 22.11.2013 р.

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

УДК 811.111'233'243:37.032/.062.3:[347.96+070]

ПЛОТНИЦКАЯ Светлана Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: s_plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38(048)761-3957

ВИТ Надежда Петровна,

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

АНУФРИЕВА Наталья Михайловна,

кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

ЕРЕМЕНОК Оксана Игоревна,

кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: s_plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38(048)784-46-31

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-ЮРИСТА И СТУДЕНТА-ЖУРНАЛИСТА СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы формирования коллективной профессиональной языковой личности (ЯЛ) студента-юриста и студента-журналиста средствами английского языка. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. В лингводидактике широко распространены термины «коллективная ЯЛ» (некое сообщество людей, говорящих на данном языке) и «индивидуальная ЯЛ» (отдельный представитель этого сообщества). Коллективная профессиональная языковая личность — это обобщенный языковой портрет профессионального деятеля, владеющего профессиональным языком и следующего стереотипам профессионального поведения. Существенным признаком коллективной языковой личности является производство общих текстов. В университете необходимо формировать сильную коллективную профессиональную языковую личность. При формировании профессиональной ЯЛ формируются исследовательские знания, умения и навыки при работе с информацией прецедентных текстов и онлайн-газеты. У студентов происходят прогрессивные изменения при формировании профессиональной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: коллективная профессиональная языковая личность, научная картина мира, прецедентные тексты, онлайн-газета, коммуникативная компетенция.

Концепция языковой личности позволяет рассматривать такие важные лингвистические проблемы, как: закономерность взаимосвязи языка и мышления, вопросы языкового онтогенеза, формирование языковой картины мира применительно к среднему носителю языка. Исследование особенностей языковой личности современного студента возможно постольку, поскольку этой группе носителей языка присущи общие психологические закономерности, обусловленные возрастными особенностями и основной сферой деятельности — учебной в вузе. Исследование коллективной языковой личности современного студента-юриста и студента-журналиста актуально потому, что такой подход позволяет создать обобщенную модель структуры языковой личности, построить схему ее эволюции, при этом коллективная языковая личность выступает как своего рода совокупная формула, состоящая из индивидуальных случаев, за каждым из которых стоит индивидуальная языковая личность. Существенными характеристиками профессиональной языковой личности являются: 1) деятельность в специальной, профессиональной сфере; 2) формирование научной картины мира в процессе образования; 3) социальная полифункциональность. В качестве рабочего принято определение: языковая личность — это личность, обладающая знанием языковой семантики, системы концептов картины мира и законов речевого поведения, — при этом возможно, как было отмечено выше, выделение индивидуальной и коллективной языковой личности. Прослеживается тесная связь понятия формирующейся языковой личности с такими понятиями, как коммуникативная компетенция и коммуникативное поведение. Взаимобусловленность данных понятий прослеживается при анализе трехуровневой модели языковой личности Ю. Н. Караулова, которая включает: 1) вербально-семантический уровень; 2) когнитивный

уровень; 3) прагматический уровень Данная модель предложена для анализа структуры сформировавшейся языковой личности.

На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В. П. Нерознак), этносемантическая личность (С. Г. Воркачѳ), элитарная языковая личность (О. Б. Сиротина, Т. В. Кочеткова), семиологическая личность (А. Г. Баранов), русская языковая личность (Ю. Н. Караулов), языковая и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Е. Н. Снитко), словарная языковая личность (В. И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В. И. Шаховский) и т. д. Есть и другие концепции языковой личности. Так, В. В. Красных выделяет в ней следующие компоненты: 1) человек говорящий — личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность — личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность — личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; 4) коммуникативная личность — конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации. Таким образом, языковая личность (ЯЛ) — социальное (коллективное) явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей — из индивидуальных языковых особенностей. Личность вообще, по образному определению Н. Ф. Алефиренко, рождается как своеобразный «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений между членами конкретного этнокультурного сообщества в процессе их совместной деятельности. Иными словами, основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая три аспекта: а) процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества; б) активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой; в) процесс усвоения законов социальной психологии народа. Для становления языковой личности особая роль принадлежит второму и третьему аспектам, поскольку процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка, являющегося для культуры, по выражению С. Лема, тем же, что центральная нервная система для жизнедеятельности человека. Лингвокультурная личность — закреплѳнный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определѳнного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности.

В лингводидактике широко распространены термины «коллективная ЯЛ» (некое сообщество людей, говорящих на данном языке) и «индивидуальная ЯЛ» (отдельный представитель этого сообщества). В. П. Нерознак вслед за Н. С. Трубецким обозначает язык народа и конкретного его представителя как «многочеловеческую (полилектную)» и «частночеловеческую (идиолектную)» ЯЛ. Мы полагаем, что более крупной единицей анализа, чем тип индивидуальной языковой личности, следует считать коллективную языковую личность, под которой мы понимаем определѳнную группу носителей языка, имеющих схожие рече-поведенческие проявления. Коллективная профессиональная языковая личность — это обобщѳнный языковой портрет профессионального деятеля, владеющего профессиональным языком, профессиональным тезаурусом и следующего стереотипам профессионального поведения. Типологизация коллективной профессиональной языковой личности осуществляется на основе языковых единиц нормы профессионального стандарта и прецедентных текстов профессиональной культуры. Закономерно выделение, на наш взгляд, коллективной языковой личности человека определѳнного возраста, например, студента-юриста, студента-журналиста, изучающих английский язык в университете. Таким образом, под речевым портретом формирующейся коллективной языковой личности студентов университета мы понимаем совокупный набор сходных речевых проявлений, присущих данной коллективной языковой личности, который включает следующие компоненты: 1) социопсихолингвистический портрет студента: его социальные, психологические, биологические особенности, личные интересы; 2) особенности речевого портрета студента на уровне его лексикона и анализ всех системно-языковых уровней; 3) особенности коммуникативного поведения, учѳт фактора адресата, своеобразие профессиональной лексики. Одним из основных факторов является характер прецедентных текстов, то есть текстов, на которые ориентируется индивид как на образцовые в смысле использования языка. Поскольку ЯЛ традиционно рассматривается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определѳнной целевой направленностью», — наиболее логичным представляется рассмотрение ЯЛ через анализ создаваемых ею текстов. При этом в поле зрения оказываются не только письменные, но и устные тексты, несмотря на явные их различия по степени подготовленности, так как любой текст всегда прагматичен, а удаление элемента интенции из языка приводит к нарушению его функции. В качестве материала для исследования в этом аспекте могут быть использованы отдельные высказывания и даже отдельные лексические единицы, отражающие картину мира ЯЛ. ЯЛ может рассматриваться в двух планах: как проявление индивидуальных особенностей и как проявление ти-

пичных черт, характерных для определённой группы носителей языка, т. е. коллективной языковой личности, объединённых по профессиональным, возрастным и т. п. признакам. Таким образом, возможно выделение следующих типов коллективной ЯЛ: 1) социально-профессиональный тип ЯЛ; 2) социально-культурный тип ЯЛ; 3) социально-возрастной тип ЯЛ. Закономерно выделение обобщённого облика языковой личности человека определённого возраста, поскольку каждая из групп обладает свойственными ей признаками дискурсивной деятельности и речевого мышления, обслуживающего эту деятельность. Существенным признаком коллективной языковой личности является, по мнению С. Е. Никитиной, производство общих текстов. В качестве таких общих для студентов-юристов и студентов-журналистов текстов могут рассматриваться прецедентные профессиональные тексты. Исследование коллективной ЯЛ важно потому, что такой подход позволяет создать обобщённую модель структуры ЯЛ, построить схему её эволюции. Типологический вид коллективной профессиональной языковой личности включает на когнитивном уровне: описание ядра концептосферы; на мотивационном уровне: «инвентаризацию» коммуникативных ситуаций и ролей профессиональной культуры, реализованных в языке и прецедентных текстах. Центральную часть концептосферы русской коллективной профессиональной языковой личности, занятой в сфере юриспруденции, образуют концепты: **закон, юрист, порядок, нарушение закона, преступник, суд**. Доминантами концептосферы англоязычной языковой личности, занятой в сфере юриспруденции, являются концепты **law, lawyer, order, lawbreaking, criminal, court**. Центральную часть концептосферы русской коллективной профессиональной языковой личности, занятой в сфере журналистики, образуют концепты **газета, репортёр, интервью, статья, репортаж, новости**. Концептосфера англоязычной языковой личности, занятой в сфере журналистики, включает концепты **newspaper, reporter, interview, article, reportage, news**. Симметрия инвентаря ядерных концептов русскоязычной и англоязычной коллективной профессиональной языковой личности определяется единообразием видов деятельности и окружающей обстановки. Профессионализмы выступают маркерами тональности речевого акта и являются символами социальной и социопрофессиональной общности, принадлежности к одному и тому же социальному микромиру. Специфика соотношения русскоязычных и англоязычных единиц и стереотипов мотивационного уровня определяется симметрией деятельностно-коммуникативных потребностей. Типологизация способов языковой коммуникации, реализованных в прецедентных текстах, идентифицирует коллективную профессиональную языковую личность как языковую личность рационального типа. Практически на всех рече-коммуникативных уровнях языковая личность обнаруживает совокупность идиостилевых параметров, которые позволяют характеризовать языковую личность как 1) слабую; 2) усреднённую; 3) сильную (элитарную). Для коммуникативной личности определяющими являются характеристики трёх основных параметров: мотивационного, когнитивного и функционального. В университете необходимо формировать сильную коллективную языковую личность. Критериями эффективного результата межличностного общения могут быть признаны подлинное взаимопонимание и коммуникативный комфорт, интеллектуальное, эмоциональное и эстетическое сопереживание коммуникантов. Владение такими коммуникативными универсалиями и уместное их применение в межличностной коммуникации делает языковую личность сильной, равно как и участие в межкультурной коммуникации способствует «когнитивной гибкости» личности, повышению её способности к аналитическому мышлению и лингвокультурологической компетенции. Для сильной коммуникативной личности необходимо не просто уметь правильно говорить, но изъясняться понятно и доступно для адресата, докладывать, анализировать, реферировать, обобщать, парировать, резюмировать, прогнозировать, что предполагает наличие развитого мыслительного аппарата, а также, наряду с уважением к собеседнику, отсутствием самоуверенности, соблюдением принципов кооперации, сотрудничества, вежливости и общей культуры, — наличием хладнокровия, эмоционального нереагирования на выпады собеседника. Такая личность наделена на эффективное общение в любой ситуации и воздействия на собеседника, способна осуществлять обратную связь с ним, корректировку в случае недостижения цели коммуникации. Данная личность умеет применять соответствующие языковые функции, коммуникативные стратегии и тактики, создать положительный имидж, проявлять обаяние, поддерживать контакт с аудиторией, просчитывать ближние и дальние цели общения, реакцию собеседника на высказывание. В состав характерных признаков сильной языковой личности входят экстралингвистические и лингвистические показатели — языковые и речевые. Они могут быть постоянными и переменными. Сильная языковая личность обязана знать и уметь применять весь спектр языковых средств, обогащающих и украшающих речь: сравнения, противопоставления, метафоры, синонимы, антонимы, паремии, афоризмы и т. п. Непременное условие сильной языковой личности — высокообразованный интеллект и креативность. Для достижения успехов в коммуникации, особенно в профессиональной сфере, необходимо иметь коммуникативную компетенцию высокого уровня. Она предполагает: овладение культурой речи, овладение нормами устного и письменного литературного языка, правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики; умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи. Навыками, характерными для высшего уровня речевой способности языковой личности, можно также считать умение грамотно составлять тексты, отвечающие прагматическим условиям общения; умение понимать скрытые смыслы, подтекст и использовать его в собственной речи; умение адекватно оценивать конкретную ситуацию речевого общения и реализовывать соответствующую модель речевого общения, верную в этическом и эстетическом плане. Таким образом, сильная языковая личность обладает не только правильной, но искусной, мастерской речью, имеющей творческий аспект, связанный с преобразованием поверхностных и глубинных структур. Особое место в ряду подготовки сильной коллективной профессио-

нальної мовної особистості займає робота з репродукуванням текстів. Під репродукованим текстом розуміється вторинний, похідний текст, створений на базі деякого вихідного тексту в результаті його відтворення в іншій формі. Однією з характеристик, притаманних колективній мовній особистості, є лінгвокогнітивний стиль репродукування. Репродукований текст — це результат специфічної діяльності мовної особистості, який має певну специфіку, обумовлену особливостями мовної здатності мовної особистості репродукувальника. Так, в процесі семестру студенти працюють зі статтями по професії в режимі он-лайн газети. Під час підготовки до екзамену студенти-юристи готують усні теми: «Свідетелі», «Улики», «Стадії розслідування», «Робота слідчого на місці злочину», «Шотландія Ярд і ФБР» і т.д. Студенти-журналісти готують наступні усні теми: «Газетний репортаж», «Англійські Mass Media», «Українські Mass Media», «Джозеф Пулітцер і Пулітцерівська Премія» і т.д.

Таким чином, при формуванні колективної мовної особистості студента-юриста і студента-журналіста засобами іноземної мови сфери мовної і когнітивної форм мовної особистості навчаються поглиблювати знання про іноземні мовні і концептуальні картини світу. В умовах професійної комунікації формується особливий тип мовної особистості — колективна професійна мовна особистість, тобто особистість, яка розкривається в особливостях вироблених нею мовних одиниць і цілих текстів, в своєрідності професійного дискурсу. Інтерес до професійної мовної особистості диктується сучасною соціальною ситуацією розширення міжнародних, міжетнічних, міжличностних, міжмовних контактів і необхідністю розробки теорії і практики міжкультурної комунікації, створення системи лінгвістичних представлень про рівні і компоненти компетенції професійної мовної особистості.

Література

1. *Алефіренко Н. Ф.* Етноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры / Н. Ф. Алефиренко // Мир русского слова. — СПб., 2002. — № 2. — С. 60–74.
2. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 263 с.
3. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 245 с.
4. *Нерознак В. П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. — Омск, 1998. — С. 80–85.
5. *Никитина С. Е.* О тезаурусных портретах человека / С. Е. Никитина // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. — М., 2004. — Вып. 2.
6. *Хроленко А. Т.* Основы лингвокультурологии / А. Т. Хроленко. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 181 с.

References

1. *Alefirenko N. F.* Etnoyazykovoe kodirovanie smysla v zerkale kultury / N. F. Alefirenko // Mir russkogo slova. — S. Pb., 2002. — № 2. — S. 60–74.
2. *Karaulov Yu. N.* Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. — M.: Nauka, 1987. — 263 s.
3. *Kubryakova Ye. S.* Kratkiy slovar kognitivnykh terminov / Ye. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. — M.: Izd-vo MGU, 1996. — 245 s.
4. *Neroznak V. P.* Ot koncepta k slovu: k probleme filologicheskogo kontseptualizma / V. P. Neroznak // Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. — Omsk, 1998. — S. 80–85.
5. *Nikitina S. Ye.* O tezaurusnykh portretakh cheloveka / S. Ye. Nikitina // Scripta linguisticae applicatae. Problemy prikladnoy lingvistiki. — M., 2004. — Vyp. 2.
6. *Khrolenko A. T.* Osnovy lingvokulturologii / A. T. Khrolenko. — 2-e izd. — M.: Flinta: Nauka, 2005. — 181 s.

Плотницька Світлана Валеріївна,

кандидат педагогічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: s_plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38(048)761-3957

Віт Надія Петрівна,

кандидат філологічних наук, доцент, зав. кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

Ануфрієва Наталія Михайлівна,

кандидат філол. наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

Бременок Оксана Ігорівна,

кандидат філол. наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: s_plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38(048)784-46-31

ФОРМУВАННЯ КОЛЕКТИВНОЇ ПРОФЕСІЙНОЇ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ СТУДЕНТА-ЮРИСТА ТА СТУДЕНТА-ЖУРНАЛІСТА ЗАСОБАМИ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

Анотація. У статті розглянуто деякі питання формування колективної професійної мовної особистості (МО) студента-юриста та студента-журналіста засобами англійської мови. Кожна МО формується на основі привласнення конкретною людиною усю мовною багатства, створеного попередниками. У лінгводидактиці поширені терміни «колективна МО» (деяке співтовариство людей, що говорять на даній мові) і «індивідуальна МО» (окремий представник цього співтовариства). Колективна професійна мовна особистість — це узагальнений мовний портрет професійного діяча, що володіє професійною мовою і професійною поведінкою. Істотною ознакою колективної МО є виробництво загальних текстів. В університеті необхідно формувати сильну колективну професійну МО. При формуванні професійної МО у студентів формуються дослідницькі знання, уміння та

навички працювати з інформацією прецедентних текстів та онлайнною газетою. У студентів відбуваються прогресивні зміни у процесі формування професійної комунікативної компетенції.

Ключові слова: колективна професійна мовна особистість, компетенція, наукова картина світу, прецедентні тексти, онлайнна газета, комунікативна компетенція.

Svetlana V. Plotnitskaya,
Candidate of Education, Ass. Prof. of the Foreign Languages Chair for humanitarian faculties of Odessa National I. I. Mechnikov University; Odessa, Ukraine;
e-mail: s_plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38(048)761-3957

Nadezhda P. Vit,
Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof., Chief of the Foreign Languages Chair for humanitarian faculties of Odessa National I. I. Mechnikov University; Odessa, Ukraine;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

Natalia M. Anufrieva,
Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Foreign Languages Chair for humanitarian faculties of Odessa National I. I. Mechnikov University; Odessa, Ukraine;
e-mail: rgf@onu.edu.ua; тел.: +38(0482)630703

Oksana I. Yeremenok,
Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Foreign Languages Chair for humanitarian faculties of Odessa National I. I. Mechnikov University; Odessa, Ukraine;
e-mail: s_plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38(048)784-46-31

THE FORMING OF THE COLLECTIVE PROFESSIONAL LANGUAGE PERSONALITY OF THE LAW-STUDENT AND JOURNALIST-STUDENT WITH THE HELP OF ENGLISH

Summary. The article deals with some questions of students' of the law faculty and students-journalists' collective professional language personality (LP) competence forming with the help of English. Every language personality is formed on the basis of concrete man's linguistic knowledge taken from his predecessors. The terms «collective LP» (i.e. some community of people, who speak the given language) and «individual LP» (i.e. a single representative of this community) are widely used in didactics. Collective professional language personality is a generalized language portrait of a professional figure possessing a professional language and following the stereotypes of professional behavior. The main feature of the collective professional language personality is a production of common texts. It is necessary to form a strong collective professional language personality at the University. While forming the professional language personality with the help of on-line newspaper and precedent texts the research knowledge, abilities and skills are formed. Substantial progress in development of professional communicative competence takes place.

Key words: collective professional language personality, scientific world picture, precedent texts, on-line newspaper, communicative competence.

Статтю отримано 15.09.2013 р.

УДК 37.013.43:811.161.1(510)

МЭН СЯ,

кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русского языка Шеньсийского педагогического университета; Сиань, Китай;
e-mail: xmeng003@163.com; тел.: +86(29)85309238; моб.: +86-130-60426063

ОБ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЕ С ПОЗИЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ИСТОРИЯ И АКТУАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена описанию истории обучения русскому языку как иностранному в Китае и актуальной проблеме воспитания в будущем поколении любви и толерантности к русской культуре с позиции межкультурного диалога. Подчеркнута важность межкультурного диалога в процессе развития одного народа и важность языка как носителя культуры данного народа в межкультурной коммуникации. Рассматривается влияние русской культуры на становление духовного комплекса китайской интеллигенции 50–60-ых годов XX века. В плане методики преподавания русского языка рассматривается несколько дидактических приёмов на уроках РКИ: как вызвать у учащихся интерес к изучаемому языку; как повышать эффективность урока; как оптимизировать внеклассную работу учителя-русиста. Сделан вывод о том, что идея «диалога культур» помогает китайским преподавателям русского языка и литературы воспитывать в молодом поколении китайцев уважение к русской культуре путём эффективного преподавания русского языка.

Ключевые слова: обучение русскому языку в Китае, методика преподавания РКИ, межкультурный диалог.

Человеческая история показывает, что культура народа никогда не развивается в замкнутой среде. Её жизненность заключается в обмене ценностей между разными культурами, благотворной критике, сравнении, посредством чего осуществляется самообновление культуры [7, с. 6]. Оглядываясь на пройденный путь китайской культуры, мы понимаем, что Буддизм, пришедший из Индии во время династии Хань, путём китаизации стал основной частью китайской традиционной культуры. С 17-го века западноевропейская культура постепенно просачивалась в нашу страну. В период движения «4 мая»

советская и западная культуры оказали большое влияние на развитие культуры Китая, и всё это сделало её многообразной и расцветающей.

Среди всех заимствованных культурных ценностей имеется один богатый духовный источник, который обладает особым значением для китайцев — это русская культура. Несмотря на то, что её соединение с китайской культурой произошло позже, чем проникновение в китайскую культуру элементов индийской и западной культур, в последние сто лет русская культура оказала значительное влияние на социальные процессы в Китае и на духовное развитие китайского народа. Своими эстетическими воззрениями, ценностями и менталитетом она оставила глубокий след в среде китайской интеллигенции. Почему русская культура смогла оказать такое сильное влияние на Китай? Конечно, кроме политических факторов в государственно-административной сфере, под влиянием политики в народных массах обучение русскому языку стало главной причиной распространения русской культуры на территории Китая. В 1950-е — 1960-е годы самым популярным в Китае иностранным языком был русский; в тот период в средних школах и в вузах обучали русскому языку. Русский язык почти стал «мировым языком» для китайцев. И благодаря этому языку китайцы познакомились с географией России, её богатыми ресурсами, прогрессивной наукой, техникой и древней историей. Такие литературные гиганты, как Пушкин, Чехов, Толстой, Лермонтов, Горький, Маяковский вошли в жизнь молодого поколения 1950-х — 1960-х годов. Русская интеллигенция, доносящая обществу голос совести, настаивает на самостоятельности мышления, стремится к свободе духовных убеждений, обладает природным сочувствием к слабым, обращает внимание на нравственное самоусовершенствование и развитие общества. Всё это вместе взятое составляет огромное духовное богатство русской культуры. Это великое культурное наследие русского народа имеет много общих черт с китайской культурой, а по ряду позиций отличается от неё. Органически соединяясь друг с другом, китайская и русская культуры реструктурируют плюральный гармонический духовный комплекс, который является духовной опорой современной китайской интеллигенции и влияет на формирование её позиций на протяжении длительного времени.

Драматизм в развитии китайской русистики заключается в политическом субъективизме, из-за которого в 1960-е годы были прерваны китайско-советские дипломатические отношения. Уровень изучения русского языка, русской литературы и культуры в Китае стремительно падал в течение двадцати лет «с вершины на дно пропасти». К 1980-му году в стране наметился резкий переход к изучению английского языка при падении интереса к русскому языку. Во многих средних школах из учебной программы исчезал русский язык. Для нового поколения в 1980-ые годы русский язык изменил свой статус основного иностранного языка. Для тех, кто родился в 1970-е годы, он стал уже совсем не тем, чем был для их отцов в своё время, а Советский Союз превратился в совсем незнакомую страну. Ниже мы цитируем слова одного старого русиста из статьи «Там я оставил своё сердце»:

Если кто-то меня спросит: «Какую страну ты любишь больше всего на свете, кроме своей Родины?» — тогда я несомненно отвечу: «Россию». Если кто-то меня спросит: «Кроме родной земли, к какой земле больше всего ты привязан?» Я отвечу так же: «К России». Ради такой глубокой любви и привязанности к России я могу отдать всё, чтобы найти её следы... [7, с. 58]. Эти слова передают чувство любви китайца к русской культуре. И любовь эта возникла не случайно. В отношениях между двумя великими народами на всех этапах истории побеждало взаимное уважение. Именно оно всегда было в почёте и ценилось среди китайской и русской интеллигенции. И сегодня мы надеемся на то, что развитие русистики в современном Китае позволит сохранить и приумножить те добрые чувства к русскому народу, русскому языку и русской культуре, которые сохраняются и передаются от старшего поколения китайцев к младшему.

В современном мире наблюдается тенденция к научно-технической интеграции по всей планете. Разные культуры всё чаще обмениваются опытом, сталкиваются и сливаются, и этого не избежит ни одна национальная культура. М. М. Бахтин писал: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 335]. Действительно, культура нуждается в диалоге. Разные культуры в диалоге получают обогащение и сублимацию. Разные народы в диалоге культур ищут общий язык [7, с. 510]. Поэтому любому народу следует с открытой душой, толерантно относиться к другим культурам, путём диалога учиться и заимствовать культурные достижения другого народа, совершенствовать свою культуру, наполняя её вечно обновляющейся жизненной энергией. Каждая эпоха ставит свои задачи в разных областях человеческой деятельности, в том числе в образовании. В настоящее время образованный человек должен владеть и родным языком, и языком межнационального общения, потому что язык — это душа народа, составная часть культуры и её орудие. В нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Он выражает в обнажённом виде специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания. С помощью языка любой народ из поколения в поколение передаёт своё мировоззрение, своё воспитание, свои ценностные ориентиры окружающим. С помощью языка человек не только выражает образовательный, духовный и культурный уровень, но и общается, передаёт свои мысли. Владение другими языками наряду с родным даёт возможность не только приобщаться к культуре разных народов, но и глубже познавать красоту и уникальность своей собственной культуры [5]. С позиции межкультурной коммуникации, без толерантного отноше-

ния к духовным ценностям, созданным в течение тысячелетий развития других народов, невозможно правильно формировать личностное самосознание любого современного человека.

«Сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек», — эти слова, приписываемые императору Священной Римской империи Карлу V, давно стали универсальным общечеловеческим афоризмом. Благодаря знанию разных языков, человек раздвигает рамки своего собственного миропонимания. Поэтому знание языков является необходимостью в наши дни. Привить студентам уважение и любовь не только к своему языку, но и к языкам других народов — это задача сегодняшнего преподавателя-языковеда.

Общеизвестно, что развитие китайской культуры является процессом непрерывного слияния и взаимообогащения с культурами других народов. В течение последних ста лет в этом процессе активную роль играет русская культура. И мы уверены, что равноправный диалог культур на основе взаимного заимствования будет «почвой» долговременных дружественных контактов между разными народами. Но как привить китайской молодёжи уважение и любовь к культуре русского народа? Безусловно, прямым и эффективным путём является преподавание его языка. Одной из обязанностей китайских преподавателей русского языка и литературы как личностей, оказавшихся на рубеже двух культур [2, с. 26], является выполнение просветительской миссии, направленной на популяризацию русского языка, литературы и культуры среди китайской молодёжи.

В процессе выполнения этой миссии основные сложности возникают при изучении языка. Следовательно, сегодня остро стоит задача совершенствования методики его преподавания. Остановимся на нескольких направлениях в решении этой задачи.

Во-первых, у учащихся следует вызвать интерес к изучению русского языка.

В любое время первая задача преподавателя заключается в пробуждении у учащегося интереса к учёбе. Преподаватель иностранного языка должен стремиться создать определённую среду обучения, которая бы пробуждала и формировала интерес к языку у ребят. Но какими приёмами и средствами этого удаётся достичь? Мы считаем, что самый первый шаг — это вызвать интерес к себе, преподавателю, потому что личность преподавателя прямо воздействует на психологию обучаемых. Преподаватель интересен детям, если, во-первых, имеет интерес к жизни; во-вторых, любит свою работу и преподаваемый язык. Есть такой афоризм: «На свете есть только один способ побудить людей что-либо сделать — заставить человека захотеть это сделать». Заставить захотеть — значит заинтересовать. Из вашего отношения к жизни и работе детям видно, что вы занимаетесь любимым делом, и это дело их обязательно тоже заинтересует [4].

Во-вторых, преподаватель должен осознавать и правильно формулировать практические, развивающие, воспитательные цели каждого урока — главной составной части учебного процесса. Учебная деятельность преподавателя и учащихся в значительной мере сосредотачивается на уроке, и поэтому уместно организовать урок чрезвычайно важно [8, с. 137]. Так как воспитательная направленность урока заключается в формировании познавательного интереса и увлечённости изучаемым языком, то на уроке русского языка преподавателю следует обращать внимание на использование не только собственно языкового, но и национально-культурного материала при обучении языку. Например, можно предложить учащимся собрать заинтересовавшую их информацию о России, её культуре, политике, экономике и т. д., потом рассказать о ней всей аудитории: на младшем курсе на китайском языке, а на старшем — на русском. Такой приём не только развивает активность и самостоятельность учащихся, но и расширяет их кругозор, повышает интерес к стране изучаемого языка.

Эффективность урока прямо зависит от его планирования [8, с. 147]. При планировании урока преподаватель должен особенно тщательно продумывать его начальный этап. Успех всего урока и психологический настрой аудитории, главным образом, зависит от того, насколько ярко, нестандартно преподаватель начнёт урок; насколько непринуждённо «введёт» учащихся в атмосферу иноязычного общения. Своими действиями и высказываниями он должен заинтриговать студентов, вызвать у них интерес к тому, что будет происходить на уроке. Урок можно начать либо с коротенького рассказа о чём-то занимательном, с поучительного рассказа либо с обсуждения важного события в мире, в быту.

Кроме того, при обучении иностранному языку широко используются электронные информационные средства [6, с. 12]. Получив информацию из сети Интернет, с помощью программы PowerPoint, Word следует проводить подготовку определённых учебных тем и курсов, записывая на диск. В качестве иллюстраций часто вводятся в материалы урока известные артефакты русской культуры: изображения живописных полотен, архитектурных объектов, музыкальных произведений, — что вызывает живой интерес учащихся. Используя Интернет в обучении РКИ, можно давать одновременно основную информацию и фоновые знания из области культуры, экономить время занятий, дать учащимся больше возможности приобретать больше знаний за определённый отрезок времени. При этом появляется возможность повысить активность учащихся на уроке.

В совершенствовании обучения иностранному языку, в вооружении учащихся прочными знаниями по данному языку, в привитии им прочных речевых умений и навыков большое значение имеет внеклассная работа [3, с. 2]. Внеклассная работа в сочетании с деятельностью на уроках открывает широкие возможности для осуществления гуманистического воспитания и формирования мировоззрения учащихся за счёт организации усвоения языка как подлинного элемента национальной культуры и средства общения. Хорошо организованная и систематическая внеклассная работа даёт возможность, с одной стороны, закреплять знания и навыки, полученные учащимися на уроках, с другой, — глубже раскрывать богатства изучаемого языка, знакомить учащихся с такими тонкостями языка, которые не

изучаются на уроках, но знание которых необходимо в речевой практике [8, с. 165]. Она создаёт благоприятные условия для речевой практики: студент упражняется в практической речи по мере своих сил и возможностей при активной помощи преподавателя и товарищей. Создаваемая на внеклассных занятиях языковая микросреда подготавливает учащихся к речевой деятельности на изучаемом языке в естественных условиях.

При организации внеклассной работы должны учитываться следующие принципы: принцип учёта индивидуальных интересов и способностей учащихся, принцип занимательности, принцип разнообразия форм и видов внеклассной работы, принцип массовости. На основе этих принципов можно эффективно организовать внеклассную работу в различных видах. Например, индивидуальные виды: заучивание наизусть стихотворений и прозаических отрывков известных поэтов и писателей, исполнение русских песен и некоторые другие. Групповые виды: кружок русского языка, работа над спектаклем, озвучивание фильма, студенческая радиостанция на русском языке и т. д. К массовым видам относятся следующие: праздники (например, праздник сказки, праздник поэзии); выставки (например, фотовыставка, выставка книг); конкурсы (на лучшую письменную работу, на лучшего чтеца, на лучшего ведущего на русском языке); фестиваль русской культуры; неделя русского языка и некоторые другие. Одним словом, важно не только вызвать первоначальный интерес у обучаемых, но и любимыми средствами поддерживать его, сделать его стойким на долгие годы.

В общем, хорошо организованная внеклассная работа открывает большой простор для пробуждения у учащихся интереса к изучаемому языку и его культуре, воспитывает у них любознательность, зоркость к явлениям и фактам языка, помогает повышать речевую культуру.

Известный русский литературный критик и поэт Пётр Андреевич Вяземский так определил роль языка в духовной жизни народа:

*Язык есть исповедь народа,
В нём слышится его природа,
Его душа и быт родной...*

Каждый язык передаёт дух и культуру народа, для которого этот язык родной. И любой язык служит общественно-историческим хранителем и сокровищницей своего народа. Когда человек начинает изучать иностранный язык, он входит в ворота культуры другого народа. А научиться чужому языку — значит научиться на нём думать, говорить, читать и писать. Когда человек думает и говорит на данном языке, его сердце непременно наполняется необъяснимой любовью к культуре, созданной на этом языке. Сегодня необходимость диалога двух великих культур, китайской и русской, заставляет нас, преподавателей-русистов Китая, выступать с инициативой активизации работы по воспитанию в будущих поколениях китайских граждан уважения и любви к русской культуре через преподавание русского языка, литературы, культуры в школах и вузах Китая. Мы надеемся, что благодаря нашим усилиям уважение и любовь китайского народа к русской культуре будет передаваться из поколения в поколение.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Индрик, 2005. — 1308 с.
3. Казаренков В. И. Основы педагогики: интеграция урочных и внеурочных занятий школьников: учеб. пособие / В. И. Казаренков. — М.: Логос, 2003. — 96 с.
4. Мягкова В. В. Как пробудить интерес к русскому языку [Электронный ресурс] / В. В. Мягкова. — Режим доступа: <http://rus.1september.ru/2004/44/7.htm>.
5. Роль родного языка в будущей жизни ученика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/508560/>
6. Тер-Минасова С. Г. Языки и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово, 2000. — 262 с.
7. Чэнь Сяоин. Мы воспитаны на Пушкине / Чэнь Сяоин, Мэн Ся. — Сянган: Китайская международная культура, 2009. — 262 с.
8. Чжао Шумэй. Дидактика и методика обучения русскому языку. — Сиань: Изд-во ШПУ, 2008. — 286 с.

References

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — M.: Iskusstvo, 1986. — 445 s.
2. Vereshchagin Ye. M. Yazyk i kultura / Ye. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. — M.: Indrik, 2005. — 1308 s.
3. Kazarenkov V. I. Osnovy pedagogiki: integratsiya urochnykh i vneurochnykh zanyatiy shkolnikov: ucheb. posobie / V. I. Kazarenkov. — M.: Logos, 2003. — 96 s.
4. Myagkova V. V. Kak probudit interes k russkomu yazyku [Elektronnyy resurs] / V. V. Myagkova. — Rezhim dostupa: <http://rus.1september.ru/2004/44/7.htm>.
5. Rol rodnogo yazyka v budushchey zhizni uchenika [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://festival.1september.ru/articles/508560/>
6. Ter-Minasova S. G. Yazyki i mezhkulturnaya kommunikatsiya: ucheb. posobie / S. G. Ter-Minasova. — M.: Slovo, 2000. — 262 s.
7. Chen Syaoin. My vospitany na Pushkine / Chen Syaoin, Men Sya. — Syangan: Kitayskaya mezhdunarodnaya kultura, 2009. — 262 s.
8. Chzhao Shumei. Didaktika i metodika obucheniya russkomu yazyku. — Sian: Izd-vo ShPU, 2008. — 286 s.

Мен Ся,

кандидат філологічних наук, доцент, декан факультету російської мови Шеньсійського педагогічного університету;
Сіань, Китай;
e-mail: xmeng003@163.com; тел.: +86(29)85309238; моб.: +86-130-60426063

**ПРО НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКІЙ МОВИ В КИТАЇ З ПОЗИЦІЇ МІЖКУЛЬТУРНОГО ДІАЛОГУ:
ІСТОРІЯ Й АКТУАЛЬНІСТЬ**

Анотація. Статтю присвячено опису історії навчання російській мові як іноземній у Китаї та актуальній проблемі виховання в майбутньому поколінні любові й толерантності до російської культури з позиції міжкультурного діалогу. Підкреслено важливість міжкультурного діалогу в процесі розвитку одного народу та важливість мови як носія культури даного народу в міжкультурній комунікації. Розглянуто вплив російської культури на становлення духовного комплексу китайської інтелігенції 1950-х — 1960-х р.р. XX ст. У плані методики викладання російської мови як іноземної розглядається ряд дидактичних прийомів: як викликати в учнів інтерес до досліджуваної мови; як підвищувати ефективність уроку; як оптимізувати позакласну роботу вчителя-русиста. Зроблено висновок про те, що ідея «діалогу культур» допомагає китайським викладачам російської мови та літератури виховувати в молодому поколінні китайців повагу до російської культури шляхом ефективного викладання російської мови.

Ключові слова: навчання російській мові в Китаї, методика викладання російської мови як іноземної, міжкультурний діалог.

Meng Xia,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof., Duan of the Russian Department of Shaanxi Normal University; Xi'an, China;
e-mail: xmeng003@163.com; тел.: +86(29)85309238; моб.: +86-130-60426063

**ON TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN CHINA FROM THE VIEWPOINT OF CROSSCULTURAL
DIALOGUE: HISTORY AND TOPICALITY**

Summary. The article is dedicated to the description of the history of teaching Russian as a second foreign language in China and to the topical problem of inculcating love and tolerance to Russian culture from the viewpoint of cross-cultural dialogue in the younger generation. In this article the author underlines the importance of multicultural dialogue in the process of the development of a nation and the importance of a language as bearer of this nation's culture in the multicultural communication. The author discusses the influence of Russian culture on the formation of the inner complex of the Chinese intelligentsia of the '50-60s of the 20th century. He gives a description of the uneven history of teaching Russian as a foreign language in China and points out the topical problems of the inculcating love and tolerance to Russian culture from the viewpoint of multicultural dialogue in the younger generation. As for the methods of teaching Russian, the article studies a number of didactical techniques at the lessons of RFL: how to arouse the learners' interest in the foreign language; how to enhance the effect of the lesson; how to organize extracurricular activities systematically and well. At the end of the article, the author makes a conclusion that the initiation of the cross-cultural dialogue concept helps Chinese teachers of the Russian language and literature inculcate and develop respect and love of Russian culture in the younger generation through effective teaching of the Russian language.

Key words: teaching Russian as foreign language in China, methods, cross-cultural dialogue.

Статтю отримано 12.09.2013 р.

УДК 811.161.1'243'246(470.6)

НЕФЁДОВ Игорь Владиславович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и теории языка Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: igornef@yandex.ru; тел.: +7(863)251-13-71; +7-918-501-71-72

ПАНТЕЛЕЕВ Андрей Феликсович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и теории языка Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: AF3@yandex.ru; тел.: +7(863)230-36-24; +7-918-510-63-48

РУССКИЙ ЯЗЫК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам функционирования и преподавания русского языка на Северном Кавказе в начале XXI века. Утрата позиций русского языка на фоне бурного развития национальных языков и культур представляет собой заметный дезинтеграционный фактор. На современном этапе развития России изучение русского языка как государственного — одно из главных условий единства культурного пространства многонациональной страны, необходимый фактор реализации гражданами конституционного права на образование. Учитель-словесник, специалист в области русского языка и литературы должен прививать молодому поколению любовь к русскому языку и русской культуре. Подготовка подобного специалиста — процесс сложный, многоаспектный. Учитель-филолог, работающий в национальной школе, в условиях двуязычия, характерного для учеников образовательных учреждений на Кавказе, обязан обладать навыками преподавания русского языка в полиэтнической школе, русского языка как неродного. Поддержка русского языка и русской культуры на Северном Кавказе — стратегическая задача геополитического характера.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как неродного, Северный Кавказ, двуязычие, полиэтническая школа.

Современная эпоха — это эпоха конкуренции мировых языков за доминирование на планете в борьбе за интеллектуальный потенциал, мировоззрение, культурную и духовную самоидентификацию индивида. Вторая половина XX века стала периодом максимально широкого распространения русского языка в мире. В это время русский язык превратился в один из ведущих мировых языков, а количество его носителей превысило 350 миллионов человек. Распад СССР, экономические, социальные и политические кризисы привели к падению геополитического влияния России и положения русского языка и культуры в мире, на постсоветском пространстве и даже в отдельных российских регионах, как, например, на Северном Кавказе.

Северный Кавказ находится в геополитическом пространстве России. Во многом этому способствует русский язык как проводник русской культуры и политики. Благодаря русскому языку, связавшему между собой народы Северного Кавказа, регион стал осознаваться как единое духовно-культурное пространство. В царской России прекрасно осознавали важность интеграции горских народов в круг этносов, населявших империю. Неслучайно одним из инструментов ассимиляции кавказцев являлось открытие школ, где преподавание велось на русском языке. Русский как язык межнационального общения был фактором объединения и социально-культурной адаптации, что имело особое значение в условиях функционирования множества кавказских языков и их диалектов.

В советский период на Северном Кавказе сложился национально-культурный баланс, способствовавший взаимному «прорастанию» различных культур друг в друга, их толерантности и дружелюбности. Это определялось универсальным характером и авторитетом русской культуры, а также монополией социалистической идеологии. Одним из символов интеграции являлся, например, университет имени Льва Толстого в г. Грозном. Владение русским языком, приобщение к русской культуре были неотъемлемым правом и осознавались жителями Северного Кавказа в качестве необходимого элемента жизни в многонациональной стране. В советский период русские учителя были основными проводниками русской культуры на Кавказе.

В настоящее время в регионах Кавказа русских учителей мало, а общие культурно-ценностные ориентиры советской эпохи потеряли свою значимость. Утрата позиций русского языка на фоне бурного развития национальных языков и культур представляет собой заметный дезинтеграционный фактор. Тем не менее, русский язык остаётся языком межнационального общения, и этот статус русского языка следует постоянно поддерживать. Для многих народов Северного Кавказа русский язык стал вторым родным языком. Абазины и черкесы, карачаевцы и балкарцы, другие народы Кавказа используют русский язык в качестве могучего средства приобщения к русской и мировой культуре [6]. Развитие двуязычия — процесс прогрессивный в социально-экономическом и духовном смысле. Изучая русский язык, жители Северного Кавказа проникаются уважением к русскому языку [1].

Большие трудности в получении полноценного образования имеются сегодня на Кавказе в сельской местности. Уровень владения русским языком гораздо выше у жителей городов республик Северного Кавказа, нежели у представителей сельских, горных районов. А в Дагестане, Ингушетии,

Карачаево-Черкесии, Чечне, по данным Госкомстата России, сельское население превышает городское на 15–25 % и примерно на 30 % выше среднего по России.

На современном этапе развития России изучение русского языка как государственного является одним из главных условий обеспечения единства культурного пространства многонациональной страны, необходимым фактором реализации гражданами конституционного права на образование. Русский язык по-прежнему выступает как язык межнационального общения и проводник русской культуры. В то же время, по мнению социологов, политологов, «в цивилизационно-культурном взаимодействии на Северном Кавказе идёт борьба различных тенденций как консенсусного, так и конфликтного характера. С ослаблением доминантной роли русской культуры культурное пространство Северного Кавказа сегментировалось» [7]. В конце XX — начале XXI века отчётливо проявляется тенденция ослабления «доминантной роли российской культуры на Северном Кавказе и борьбы за замещение ее западной массовой культурой и различными исламскими течениями. Северный Кавказ постепенно приобретает в цивилизационно-культурном отношении все более сущностные восточные черты, восстанавливает восточную, исламизированную ментальность, «дрейфует» в сторону исламской цивилизации» [7]. Наибольшая опасность состоит в том, что этому влиянию извне подвержены прежде всего юные представители народов Северного Кавказа. В отличие от старшего поколения, многие молодые люди в регионе хуже знают русский язык. Уровень владения русским языком значительно снизился, если сопоставить современный период и конец XX века. В результате изменений, произошедших в системах образования и массовой информации, констатируется снижение уровня владения русским языком как в количественном, так и в качественном отношении.

Чтобы переломить эту ситуацию, надо осознать необходимость поддержки русского языка и русской культуры как стратегической задачи геополитического характера. Учитель-словесник, специалист в области русского языка и литературы является, бесспорно, человеком, который должен прививать молодому поколению любовь к русскому языку и русской культуре. Подготовка такого специалиста — процесс сложный, многоаспектный. Учитель-филолог, работающий в национальной школе, в условиях двуязычия, характерного для учеников образовательных учреждений на Кавказе, обязан обладать навыками преподавания в полиэтнической школе русского языка как неродного, что создаёт дополнительные сложности. Такая методика преподавания существенно отличается от методики обучения русскому языку как родному.

Необходимость обучения на Северном Кавказе будущего учителя-филолога методике преподавания русского языка как неродного видится нам неоспоримой, поскольку семейно-бытовое общение в республиках Кавказа осуществляется, как правило, на родном языке; юное поколение гораздо меньше, чем в XX веке, читает книг на русском языке, предпочитая письменную форму родного языка. Современный учитель-филолог, работающий в полилингвальной среде, обязан обладать фундаментальными знаниями в области лингвокультурологии, владеть методикой преподавания русского языка как неродного. Ведь учитель-словесник, обучая языку, одновременно обучает культуре народа, говорящего на этом языке. Культура любого народа теснейшим образом связана с единицами языка. В процессе преподавания русского языка и литературы в национальной школе необходимо уделять внимание таким элементам, как когнемы, рассматриваемые в познавательном, когнитивном и прагматическом аспектах. Среди подобных когнем важное место занимают идиомы, афоризмы, пословицы и поговорки, историзмы и архаизмы, онимы и топонимы, фольклорная лексика. Метафора, фрейм, прецедентный текст, лингвокультурема, мнема (единица памяти), «совокупность различных ассоциаций, хранящихся в памяти носителей лингвокультуры» [4], концепт, или «квант знания» [5] — все эти элементы лингвокультурологии в различном объёме должны находить применение в практике преподавания русского языка на Северном Кавказе.

Один из ближайших к Северному Кавказу русскоязычных культурных, научных и политико-экономических центров — город Ростов-на-Дону. Возможность учиться в ростовских учебных заведениях имеется у каждого жителя Северного Кавказа. Однако без хорошего базового образования и уверенного знания русского языка в Ростове сложно учиться. Необходимо также культурологическая подготовка потенциальных учащихся, особенно тех, кто получает школьное образование в горных аулах и не представляет себе особенностей жизни в многонациональном городе.

В данной статье мы предлагаем некоторые материалы по изучению темы «Город» на дополнительных занятиях по русскому языку. Постижение знаний о городе вообще, а о Ростове-на-Дону в частности, должно способствовать укреплению духовных связей между народами юга России. В младших классах предусмотрено изучение лексико-фонетического и грамматического минимумов русского языка. В выпускном классе учителю необходимо уделить большое внимание расширению лексического запаса учащихся и активному употреблению лексики в устной и письменной речи.

Цель изучения темы «Город» — способствовать выработке и закреплению навыков русской разговорной речи, пополнению словарного запаса, усвоению лексической и лексико-синтаксической сочетаемости русских слов, а также получить знания об экономической и духовной жизни города на русском языке. Изучение темы «Город» следует начинать с введения и семантизации наиболее употребительных слов и словосочетаний. С такими словами, как *город, дом, улица, вокзал, магазин, школа, университет* и т.п., выпускники школ знакомы ещё с начального периода обучения русскому языку. На дополнительных занятиях важно показать новую, более широкую синтагматику этих слов. Так, к уже известным словосочетаниям *город старый, новый, большой* и т.п. следует добавить такие сочетания, как *мегаполис, столичный и провинциальный город, мультикультурный город; основать город, ориентироваться в городе; озеленение города, благоустройство города, слава города* и т.д.

Подобную работу нужно проделать и с другими словами на тему «Город»: *банк, полиция, церковь, собор, скульптура, архитектура* и т.д.

Лексика может семантизироваться разными способами: описательным (*узкая улица* — «небольшая в ширину, в поперечнике» [3, с. 817]; синонимическим (*архитектура* — «здания, сооружения» [3, с. 27]; описательно-синонимическим (*старинный город* — «древний, сохранившийся от давних времён» [3, с. 753]); отождествительным (*площадь дома* — то же, что *жилая площадь*) [3, с. 516]; демонстрирующим (демонстрация того, что обозначается словом); через перевод на родной язык студента и др.

После знакомства с новой лексикой следует побеседовать со школьниками по вопросам для введения этой лексики в активный речевой оборот. Вот некоторые из вопросов: 1. Где расположен город Ростов-на-Дону? 2. Это столичный город или провинциальный? 3. Хотели бы вы продолжить учёбу в одном из ростовских вузов? Почему? 4. Какие достопримечательности Ростова вам известны? 5. Люди каких национальностей проживают в Ростове?

Ответив на поставленные вопросы, учащиеся должны выполнить несколько лексико-грамматических упражнений, включающих лексику на тему «Город» и показывающих использование новых слов и словосочетаний в различных синтаксических конструкциях. Например: 1. Найдите в толковом словаре значения данных ниже приставочных глаголов и составьте с ними предложения. Подберите к данным глаголам эквиваленты в родном языке (*построить, недостроить, перестроить дом*). 2. Вставьте подходящие по смыслу слова в следующие предложения: Мы хотим (*смотреть, осмотреть*) достопримечательности Ростова. На занятиях по русскому языку учащиеся долго (*осматривали, рассматривали*) альбом с видами Ростова. 3. Подберите определения к следующим словам: *скульптура, архитектура, мост, вокзал, здание*. С полученными словосочетаниями составьте предложения. 4. Дайте синонимичный или антонимичный вариант данным словам или выражениям: *достопримечательность* — синоним ...; *большой город* — синоним ...; *тихий город* — антоним ...; *продовольственный магазин* — антоним...

Очень важны для развития речи ситуативные задания типа: 1. Вы побывали на экскурсии в Ростове-на-Дону. Скажите, чем он славится? Представьте, что Вы приехали в Ростов к русскому другу. Какие вопросы о Ростове вы ему зададите? Что сами сможете рассказать о культурной жизни вашего родного города, села, аула?

Активизировать лингвистические знания учащихся способно составление рассказов по фотографиям и рисункам каких-либо городских объектов. Чтобы студенты успешно справились с такой работой, им следует дать определённый лексический минимум, некоторые синтаксические конструкции и устойчивые выражения, связанные с изображённым объектом.

На заключительном этапе изучения темы «Город» для развития речи следует использовать связанные тексты как для чтения и ответов на вопросы, так и для устного изложения. Тексты могут быть самостоятельными, а могут представлять собой отрывки из публицистических или художественных произведений — поэтических или прозаических. Именно в текстах раскрываются наиболее типичные нормативные лексико-грамматические связи слов. Тексты могут быть сюжетными, включать диалоги, соотнесённые с конкретными жизненными ситуациями, содержать различную полезную информацию о данном городе в целом, а также информацию, способствующую укреплению мира и дружбы между народами. С лингвистической точки зрения тексты должны подбираться так, чтобы выпускники школ смогли: 1) лучше познакомиться с русской разговорной речью, обусловленной ситуацией, профессиональными, локальными и некоторыми другими особенностями; 2) усвоить стилистическую дифференциацию лексики, её зависимость не только от ситуации разговора, но и от жанра произведения; 3) овладеть лексической синонимией и антонимией; 4) получить некоторое представление о сочетаемости синонимичных и однокоренных слов. Лингвистическое наблюдение над текстом формирует у студентов навыки работы с толковыми словарями, развивает языковое чутьё, более того, тексты способствуют выработке правильного произношения не отдельных звуков, а целых слов, словосочетаний и предложений. Начинать надо с небольшого текста, например, с такого текста о Ростове:

Город Ростов-на-Дону был основан в 1749 году на правом холмистом берегу Дона. У истоков создания города стоял Пётр I. В период Азовских походов 1695–96гг. царь обратил внимание на удобно расположенное место в низовьях реки Дон, где находился источник, названный им «Богатым колодезем». Вначале на месте города была лишь Темерницкая таможня (по названию реки Темерник), а затем, в 1760 году, здесь для защиты южных русских границ начали строить крепость, которая получила имя митрополита Ростовского и Ярославского — Дмитрия. Весной 1750 года в таможне были построены пристань и помещение для служащих гарнизона. Темерницкий порт стал единственным русским портом на юге России. Через него велась торговля со странами Чёрного, Эгейского и Средиземного морей. (С полной версией текста можно ознакомиться на сайте <http://ugrostov.narod.ru/rasskazorostovenadu.html>).

После прочтения преподавателем текста учащимся задаются следующие вопросы: 1) Когда и где был основан город Ростов-на-Дону? 2) Кто стоял у истоков создания Ростова? 3) Почему Пётр I считал низовья реки Дон подходящим местом для строительства города? 4) Для чего на месте будущего Ростова вначале была построена Темерницкая таможня, а затем — крепость? 5) В честь кого город был назван Ростовом? 6) С какими странами велась торговля через Темерницкий порт?

Поняв, что основное содержание текста усвоено школьниками, учитель предлагает им по очереди прочитать этот текст вслух, а затем пересказать его. При работе со следующим текстом можно прибегнуть к аудированию. Текст воспринимается только на слух, учащиеся должны понять его содер-

жание, сделать необходимые умозаключения и пересказать его. Аудирование стимулирует речевую деятельность учащихся, помогает поддерживать достигнутый уровень владения речью, повышает эффективность обратной связи и самоконтроля, а главное — расширяет информацию о городе Ростове. Аудированию может быть подвергнут, например, следующий текст:

Ростовский областной музей краеведения.

Своей известностью в мире этот музей обязан прежде всего уникальной археологической коллекцией, которая ежегодно пополняется благодаря археологическим раскопкам, проводимым на территории области. Уникальны изделия из золота и серебра IV в. до н. э. — IV в. н. э. — оружие, конская упряжь, чаши для вина, украшения, представляющие культуру народов, населявших в древности Донской край. Музей располагает исключительно интересной коллекцией русского серебра, в том числе знаменитых фабрик, например, К. Фаберже. Наиболее впечатляющей частью этнографических коллекций музея является народный костюм. Русские шали и украшения, рубахи, донские шубы и татарские колпаки, рогатые кички казаков-некрасовок, расшитые жемчужом, серебряными монетами — гордость музея, предмет пристального изучения. Атмосферу купеческого Ростова и городов южной провинции хранят изделия из стекла, металла, фарфора, старинные фотографии и документы. В Музыкальной гостиной музея можно увидеть музыкальные шкатулки, граммофоны, патефоны, шарманки и узнать, что Ростов-на-Дону — родина российской оперетты. Вызывают интерес и мемориальные коллекции музея, в которых хранятся личные фонды Шолохова, Грекова, Сарьяна и многих других замечательных людей.

В Ростове есть и другие центры культурной жизни, например, Ростовский областной музей изобразительных искусств, включающий в себя более 6000 экспонатов. Коллекция музея содержит произведения древнерусского, европейского и современного искусства.

Текст может быть прочитан учащимся один раз или два в зависимости от уровня их подготовки.

Хорошо пополняют словарный запас и активизируют уже имеющиеся лингвистические знания учащихся песни о Ростове, например:

*Ростов-город, Ростов-Дон!
Синий звездный небосклон.
Улица Садовая,
Скамеечка кленовая. —
Ростов-город, Ростов-Дон!*

Стихи А. В. Софронова, музыка М. И. Блантера. (Текст песни с нотами см. на сайте <http://ru.scorser.com/S/Ноты/ростов+город/-1/1.html>).

Или:

*Весь в цветах Донской бульвар, так любимый нами.
Сколько там влюблённых пар встретишь вечерами!
Город скверов и садов, как ты сердцу дорог!
Так цветы, родной Ростов, наш любимый город!*

Стихи Н. Костырева, музыка С. Заславского (Текст песни с нотами см. на сайте <http://sovmusic.ru/text.php?fname=vgorode>).

Песни привлекают внимание учащихся не только своим содержанием, но и музыкой. Песни с удовольствием заучиваются студентами и поются при каждом удобном случае. Заучивание наизусть способствует лучшему усвоению русской орфоэпии, русского ударения и интонации, а также обогащает устную речь учащихся и их знания о жизни в Ростове.

В заключение работы над темой «Город» учащимся следует предложить написать сочинение на одну из тем: 1) Чем мне нравится город Ростов-на-Дону? 2) Старый и новый Ростов. 3) Главная улица Ростова и её достопримечательности. 4) Театры (кинотеатры) Ростова. 5) Ростов — молодёжный город. 6) Ростов — ворота Северного Кавказа. 7) Ростов как мультикультурная столица юга России.

Сочинение позволяет связать воедино устно-разговорную разновидность русского литературного языка и письменно-книжную, закрепить тот лингвистический материал, который был изучен ранее, способствовать успешному развитию речи учащихся, а главное — расширить информацию о политико-экономической и культурной жизни Ростова.

В целом, все предложенные виды работы должны способствовать усилению русского культурного влияния на молодёжь Северного Кавказа, повышению их образовательного уровня, воспитанию чувства уважения и дружбы между народами.

Литература

1. Адзиев Х. Г. Межнациональное согласие в Дагестане и на Северном Кавказе / Х. Г. Адзиев, Н. Н. Гасанов // Политические и социологические науки. — 2011. — № 3.
2. Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов педагогических вузов / под ред. Е. А. Быстровой. — М., 2004.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 1995.
4. Ружицкий И. В. Мнемые как ключевые образы языкового сознания / И. В. Ружицкий // Русское слово в русском мире: Государство и государственность в языковом сознании россиян. — М., 2006.

5. Степанов Ю. С. Концепты / Ю. С. Степанов // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М., 1997.
6. Харатокова М. Г. О роли русского языка в национальных регионах Северного Кавказа / М. Г. Харатокова // Фундаментальные исследования. — 2007. — № 11.
7. Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога / В. В. Черноус // Научная мысль Кавказа: научный и общественно-теоретический журнал. — Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 1999. — № 3 (19).
8. <http://www.gks.ru//PEREPIS/>

References

1. Adzhev Kh. G. Mezhnatsionalnoe soglasie v Dagestane i na Severnom Kavkaze / Kh. G. Adzhev, N. N. Gasanov // Politicheskie i sotsiologicheskie nauki. — 2011. — № 3.
2. Obuchenie russkomu yazyku v shkole: ucheb. posobie dlya studentov pedagogicheskikh vuzov / red. Ye. A. Bystrova. — M., 2004.
3. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — M., 1995.
4. Ruzhitskiy I. V. Mnemy kak klyuchevye obrazy yazykovogo soznaniya / I. V. Ruzhitskiy // Russkoe slovo v russkom mire: Gosudarstvo i gosudarstvennost v yazykovom soznanii rossiyan. — M., 2006.
5. Stepanov Yu. S. Kontsepty / Yu. S. Stepanov // Konstany: Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya. — M., 1997.
6. Kharatokova M. G. O roli russkogo yazyka v natsionalnykh regionakh Severnogo Kavkaza / M. G. Kharatokova // Fundamentalnye issledovaniya. — 2007. — № 11.
7. Chernous V. V. Rossiya i narody Severnogo Kavkaza: problemy kulturno-tsivilizatsionnogo dialoga / V. V. Chernous // Nauchnaya mysl Kavkaza: nauchnyy i obshchestvenno-teoreticheskiy zhurnal. — Rostov n/D: Severo-Kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly, 1999. — № 3 (19).
8. <http://www.gks.ru//PEREPIS/>

Нефёдов Игорь Владиславович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры российской логии та теории логии ливденного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;

e-mail: igornef@yandex.ru; тел.: +7(863)251-13-71; +7-918-501-71-72

Пантелеев Андрей Феликсович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры российской логии та теории логии ливденного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;

e-mail: AF3@yandex.ru; тел.: +7(863)230-36-24; +7-918-510-63-48

РОСИЙСКА МОВА НА ПИВНИЧНОМУ КАВКАЗИ: ПРОБЛЕМИ ТА ПЕРСПЕКТИВИ ВИКЛАДАННЯ В ПОЛІЕТНІЧНОМУ СЕРЕДОВИЩІ

Анотація. Статтю присвячено проблемам функціонування та викладання російської мови на Північному Кавказі на початку XXI століття. Втрата позицій російської мови на тлі бурхливого розвитку національних мов і культур являє собою помітний дезінтеграційний фактор. На сучасному етапі розвитку Росії вивчення російської мови як державної — одна з головних умов єдності культурного простору багатонаціональної країни, необхідний чинник реалізації громадянами конституційного права на освіту. Учитель-словесник, фахівець у галузі російської мови і літератури повинен прищеплювати молодому поколінню любов до російської мови і російської культури. Підготовка подібного фахівця — процес складний, багатоаспектний. Учитель-філолог, який працює в національній школі, в умовах двомовності, характерної для учнів освітніх установ на Кавказі, зобов'язаний володіти навичками викладання російської мови в поліетнічній школі, викладання російської мови як нерідної. Підтримка російської мови і російської культури на Північному Кавказі — стратегічне завдання геополітичного характеру.

Ключові слова: методика викладання російської мови як нерідної, Північний Кавказ, двомовність, поліетнічна школа.

Igor V. Nefedov,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of Chair of the Russian language and lingual theory of the Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;

e-mail: igornef@yandex.ru; tel.: +7(863)251-13-71; +7-918-501-71-72

Andrey F. Panteleev,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of Chair of the Russian language and lingual theory of the Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;

e-mail: AF3@yandex.ru; tel.: +7(863)230-36-24; +7-918-510-63-48

THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE NORTH CAUCASUS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE TEACHING IN THE POLYETHNIC REGION

Summary. The article is devoted to the problems of functioning and teaching of the Russian language in the North Caucasus in the early XXI century. In the contemporary development phase of Russia, the study of Russian language as a state language is one of the main conditions of cultural unity of a multinational country. Important disintegration factor consists in the decrease of the Russian language positions against the background of national languages and cultures explosion. Undoubtedly Russian language and literature teacher is just the man that ought to bring up the younger generation and cultivate love for the Russian language, literature, and culture. The training of such a specialist is a difficult and multifold process. A Russian language and literature teacher works in a national school, in the typical of the North Caucasus bilingualism conditions must be also skilled in teaching Russian as a foreign language. They must be well-trained for successful work in a polyethnic region. The strategic geopolitical aim is to support the Russian language and culture in the North Caucasus.

Key words: methods of teaching Russian as a foreign language, the North Caucasus, bilingualism, polyethnic school.

Статтю отримано 25.09.2013 р.

ЭРТОНГА СОННУР,

преподаватель отделения русского языка и литературы Анатолийского университета;

Эскишехир, Турция;

e-mail: sonnurertonga@anadolu.edu.tr; тел.: +90(222)33-50-580; моб.: +90-542-28-08-933

**ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ ТУРЕЦКИХ ВУЗОВ**

Аннотация. В статье говорится о лингводидактических основах составления и использования учебного словаря русского языка как учебного средства в процессе обучения русскому языку в университетах, в том числе в турецких вузах. В современной лингводидактике словарь как один из видов справочной лингвистической литературы получил статус одного из компонентов учебного комплекса, использование которого в процессе обучения русскому языку, в силу его учебного характера, представляется не только целесообразным, но и обязательным. Однако компонентом учебного комплекса может быть не каждый словарь, обладающий в той или иной степени потенциальными возможностями его применения в процессе обучения, а лишь специальные пособие учебного характера, основным и главным назначением которого является обучение языку. Отсутствие подобного пособия не позволяет воспринимать учебный комплекс как целостную систему средств обучения. В связи с этим в статье рассматриваются составление и систематическое использование учебного словаря русского языка в процессе обучения русскому языку.

Ключевые слова: лингводидактика, учебный словарь, русский язык, методика.

Как основное средство организации учебной деятельности учащихся, учебный комплекс представляет собой целостную и скоординированную систему средств обучения русскому языку, основным предназначением которой является формирование и совершенствование языковых знаний, речевых умений и навыков учащихся турецких вузов. Проблема создания и использования в процессе обучения учебных комплексов и в настоящее время не потеряла своей актуальности. Ведь учебный комплекс создает наиболее оптимальные условия для обучения языку, позволяет разработать и внедрить в практику обучения в определенной системе все элементы содержания обучения.

Термин «учебный словарь» в русской лексикографической практике впервые был использован Е. Д. Поливановым в 1926 г. в предисловии «Краткого русско-узбекского словаря». Но лишь в 1970-е годы учёные и методисты всерьёз стали заниматься решением проблем составления и использования в процессе обучения учебных словарей. Созданием учебных словарей занимается учебная лексикография, представляющая собой «комплексную лингвометодическую дисциплину, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях» [3, с. 34].

В современной учебной лексикографии принято определение учебного словаря, по которому он представляется книгой, содержащей упорядоченный перечень слов, отвечающей конкретным методическим требованиям, оформляемой, как правило, в виде одного небольшого по формату тома и обеспечивающей быстроту и лёгкость наведения справок [5, с. 116]. По мнению специалистов, занимающихся вопросами теории и практики составления различных видов справочной лингвистической литературы учебного типа, среди которых наиболее известны Л. А. Новиков, А. Е. Супрун, В. В. Морковкин, П. Н. Денисов и др., учебный словарь является книгой справочно-систематизирующего характера. Он содержит перечень слов, извлечённых из текстов, подлежащих изучению и филологическому анализу в процессе обучения, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык. Любой словарь, отнюдь не адресованный учащемуся, может быть на разных этапах использован для его обучения неродному языку. Однако, как отмечают специалисты, возможным подобное использование и «коэффициент полезного действия» весьма различны у словарей, созданных специально для учебных целей, и у словарей-справочников, не предназначенных непосредственно для задач обучения [6, с. 38].

Понятие «учебный» накладывает определённый отпечаток на характеристику словаря. Этим и объясняются специфические особенности такого вида справочной лингвистической литературы обучающей направленности, каким является учебный словарь: всякий учебный словарь должен быть ориентирован на определенный этап обучения, возраст учащихся, должен строиться в соответствии с общими принципами обучения языку, другими словами, характеризуется тем, что подводится под понятие «методической направленности и ориентированности учебного словаря» [3, с. 4].

Таким образом, в учебной лексикографии, определяемой, по сравнению с академической лексикографией, как лексикография меньших форм и большей обучающей направленности, характер учебных словарей определяется методической направленностью, ориентацией на этап обучения, целями и задачами обучения, национальностью учащихся и др. Особенности учебного словаря проявляются, прежде всего, в составе его словника, т. е. списка слов, определяющих объём словаря, в специфическом, целенаправленном отборе языкового материала. Состав и содержание учебного словаря имеют минимально-достаточный характер: это достигается путем строгого учета частотности слов в их основных значениях, грамматических форм и синтаксических конструкций, путем строгого отбора тематически наиболее существенных слов и сочетаний слов, а также тщательной проверки покрытия словарем основных тем и речевых ситуаций. В этом проявляется самая существенная особенность

учебного словаря — компонента учебного комплекса — соотносённость с программой обучения и с другими компонентами учебного комплекса. Учебный словарь-компонент комплекса, «входящий в единую скоординированную систему средств обучения, должен быть соотносён с другими компонентами целостного методического комплекса, должен реализовывать единые требования к содержанию и структуре средств обучения» [1, с. 3].

Одной из важных характерных особенностей учебного словаря является избирательность. Словарь, если он учебный, должен учить, но учить не чему угодно, а тому, что необходимо, и учить не как-нибудь, а целенаправленно. Избирательность в учебном слове, являющимся компонентом учебного комплекса, проявляется во всем: от словника словаря и толкований переводов лексических единиц до варьирования этих толкований и варьирования набора сведений, которые даются о разных словах.

При разработке учебного словаря — компонента комплекса по русскому языку для турецких вузов — представляется необходимой реализация следующих лингводидактических принципов:

1. Соответствие целям и задачам обучения, определяемым программой по русскому языку для турецких вузов. Учебный предмет «Русский язык» в турецких вузах решает образовательные, воспитательные задачи и задачу практического овладения русским языком. В учебном словаре образовательные и воспитательные задачи реализуются в плане стимулирования самостоятельной познавательной деятельности учащихся, развития их языковых и речевых способностей, формирования и совершенствования общеучебных умений и навыков пользования справочной литературой. Задачи практического овладения русским языком решаются путём сообщения лингвистической информации, необходимой для продуктивного овладения словом. В связи с этим учебный словарь — компонент комплекса — должен характеризоваться четко выраженной коммуникативной направленностью. Реализуя названные задачи обучения, учебный словарь входит в единую систему средств обучения, отвечает единым требованиям к содержанию и структуре средств обучения русскому языку. Он должен строго соотноситься с программой, другими компонентами комплекса, и в первую очередь, с учебником русского языка для турецких вузов, содержать материал, рекомендуемый для использования непосредственно в учебном процессе.

2. Минимизированное представление учебного материала, соответствующее заданным целям обучения. Этот принцип определяет важнейшую характеристику словаря учебного типа — целенаправленное, методически обоснованное ограничение слов и значений. Как отмечают специалисты, учебный словарь должен быть ориентирован на ядро системы языка, которое определяется лексическим минимумом для общеобразовательных заведений. Он должен содержать основные аспекты описания слова и обучения языку [2, с. 136].

Принцип минимизированного представления учебного материала должен быть реализован во всех компонентах словаря: в словнике, т.е. в списке слов, определяющих вокабулу словаря, в лингвистической информации, в иллюстративном материале. Методически обоснованному ограничению должны подвергаться, в первую очередь, слова и значения. Словник должен быть отобран на основе принципов нормативности, частотности и учебно-методической целесообразности. В нём должны содержаться слова, входящие в лексический минимум русского языка для турецких вузов, наиболее употребительные в тех или иных речевых ситуациях, часто встречающиеся в учебной, справочной, художественной литературе, образцами которого в период обучения в университете сталкиваются учащиеся, в периодической печати и других средствах массовой информации. Отбор должен производиться не только на уровне заголовочных слов, но и на уровне лексико-семантических вариантов этих слов. В словарных статьях многозначных слов должны отразиться именно те значения лексических единиц, в которых наиболее часто употребляются приводимые в словаре слова.

Лингвистическая информация, содержащаяся в словарных статьях, также подвергается минимизации и должна представлять определенный программой учебный материал. В словарных статьях грамматическая характеристика лексических единиц должна включать именно те сведения, которые обеспечивают формирование и совершенствование умений и навыков правильного употребления их в речи.

Иллюстративный материал словаря, раскрывая семантику слова, показывая наиболее характерную его сочетаемость, должен включать слова более всего активного словарного запаса, учитывать минимум тем и ситуаций для турецких вузов.

3. Комплексное описание материала. Для учебного словаря — компонента комплекса — должны быть характерны описание функционирования слова в речи, его системных связей, раскрытие основных характеристик его семантической структуры. Кроме перевода и толкования необходима подача сведений о грамматических свойствах, парадигматических отношениях слова в лексической системе языка, его синтагматической сочетаемости и минимальных словообразовательных связях. Другими словами, для учебного словаря должна быть характерна подача необходимых сведений по необходимым единицам поиска. Следует отметить, что лексическая и синтаксическая сочетаемость слова в словаре, ставящая целью обучения русской речи, является важным компонентом словарной статьи. Как активное пособие по русскому языку, учебный словарь должен содержать в себе наиболее употребительные, стандартные, типичные лексические и синтаксические словосочетания.

Таким образом, каждая статья в учебном словаре русского языка явится своеобразной «монографией о слове» [4, с. 108].

4. Учёт системных связей слова. Признание слова единицей, обладающей сложной смысловой структурой и являющейся единицей языковой системы, необходимо положить в основу работы по созданию учебного словаря. Естественно, что в словаре учебного типа лексическая система языка

может быть отражена не полностью. Цели и задачи обучения требуют учёта наиболее характерных для слова свойств как единицы системы. Реально существующие системные связи должны быть отражены во всех компонентах словарной статьи, как при толковании значения слова, так и при показе функционирования его в речи. Словарная статья учебного словаря должна содержать наиболее важные в коммуникативном плане сведения о различных значениях многозначных слов, синонимических и антонимических вариантах лексических единиц, функционировании слова в речи.

5. Учёт особенностей родного языка учащихся. Часто встречающиеся неправильности словоупотребления выявляют те трудности русского языка, которые должны быть отражены в учебном словаре как в описании слова, так и в системе помет, символических обозначений и замечаний. Учебный характер словаря — компонента комплекса — предполагает обязательное отражение в нем трудностей русского словоупотребления, вызванных как внутриязыковой, так и межъязыковой интерференцией. В учебном словаре, прежде всего, должно быть учтено несовпадение семантической структуры слов русского языка и турецкого языка, значения которых совпадают частично. Полная идентификация значений этих слов, перенесение объема значений турецкого слова на один из его коррелятов в русском языке или перенесение объема значений русского слова на один из его коррелятов в родном языке являются одной из наиболее регулярных ошибок учащихся. При создании учебного двуязычного словаря должна быть разработана система специальных помет, предупреждающих ошибки такого типа.

В учебном словаре должно быть обращено внимание на описание слов русского языка, по графическому (по написанию) или звуковому (по звучанию) образу совпадающих со словами родного языка учащихся. Идентификация формально сходных слов разной семантики и сочетаемости — частое явление в речи учащихся. Подобная межъязыковая омонимия должна быть учтена при создании учебного двуязычного словаря [6, с. 38].

6. Учёт этапа обучения русскому языку и возрастных особенностей учащихся. Принцип преемственности, как известно, является организующим принципом основных компонентов учебного комплекса, в частности, учебника русского языка. Постепенное и последовательное усложнение лексикографического материала должно быть отражено и в системе учебных словарей, являющихся компонентами учебного комплекса. Учебный словарь может быть эффективным средством обучения русскому языку только в том случае, если он соответствует тому этапу обучения, на котором в данный момент находятся учащиеся, т.е. если он построен с учетом возраста и уровня знаний учащихся. Отсюда следует, что для успешного использования в учебном процессе в качестве средства обучения русскому языку необходимо предусмотреть создание не одного, а нескольких словарей в соответствии с количеством этапов обучения в турецких вузах.

Каждый из словарей должен быть соотнесен с программой по русскому языку для каждого конкретного этапа обучения. Они должны отличаться объемом словника, отбором значений слов, характером и содержанием грамматической информации о слове, иллюстративным материалом, а также самой структурой словарной статьи. Для начального этапа представляется целесообразным картинный двуязычный словарь, в котором слова толкуются на родном языке учащихся и с помощью (где это возможно) картинок. Учебный словарь для среднего звена должен быть также иллюстрированным и соединить в себе объяснения лексических единиц как на русском, так и на турецком языках.

В современной лексикографии учебный словарь должен получить статус одного из компонентов единого учебного комплекса по русскому языку для турецких вузов. В связи с этим составление и систематическое использование такого словаря в процессе обучения становится обязательным. Однако не каждый словарь может быть воспринят как компонент учебного комплекса; для этого он должен обладать такими специфическими особенностями, как соответствие целям и задачам обучения, соотнесённость с программами и учебниками, минимизация материала, комплексность в его подаче, ориентации на определённый этап обучения, методическая целесообразность всех формальных показателей словаря и т. д.

К лингводидактическим принципам составления учебного словаря, являющегося компонентом учебного комплекса, следует отнести такие, как соответствие целям и задачам обучения русскому языку, минимизированное представление материала, его комплексное описание, учёт системных связей слова, особенностей родного языка учащихся, а также учёт этапа обучения русскому языку и возрастных особенностей учащихся.

Функциями учебного словаря в обучении русскому языку определяются особенности работы с ним в университетах Турции. Работа с учебным словарем должна представлять собой единую и целостную систему, а не быть случайной совокупностью различных видов работ. Для создания общей картины целостной системы работы с учебным словарем представляется важным применение в процессе его использования наряду с теми или иными принципами разработки учебного словаря-компонента комплекса общедидактических признаков обучения.

Как известно, методика преподавания русского языка в турецких высших учебных учреждениях, будучи отраслью лингводидактики, опирается на общедидактические принципы. Исходя из специфики целей обучения русскому языку в вузах, в методике преподавания русского языка как иностранного происходит уточнение и конкретизация названных общедидактических принципов, их содержания, роли и места в обучении русскому языку турок. Подобная лингводидактическая адаптация необходима также при определении места и путей использования учебных словарей в системе обучения русскому языку как средств обучения.

Принципы единства обучения и воспитания, развивающего обучения требуют осуществления учебно-воспитательной работы в университете как единого процесса, направленного на образование и воспитание подрастающего поколения, формирование всесторонне развитой личности. Реализация этих принципов в использовании словарей предполагает выявление их образовательных и воспитательных возможностей. Систематическая работа с учебным словарём может способствовать обогащению словарного запаса студентов, повышению их грамотности, воспитывать у них бережное отношение к слову, готовить их к самостоятельному использованию словарей и справочников при работе с русской книгой, воспитывать жизненно важную потребность пользоваться справочной литературой будущей профессиональной деятельности, побуждать обсуждающихся к самообразованию. В систематической работе с учебным словарем должен быть реализован также принцип связи теории с практикой. Теоретические знания в области русского языка (грамматические правила, нормы произношения и правописания слов и др.) закрепляются в практической учебной деятельности учащихся, особенно в самостоятельной работе с книгой, со словарем и другими источниками знаний. Лингводидактический принцип связи теории с практикой должен быть реализован и в самой системе работы по формированию у студентов умений и навыков пользования словарём: теоретические сведения лексикографического характера о назначении, типах, структуре, принципах построения словарей, необходимые в плане привития учащимися умений и навыков работы с ними, должны быть связаны с практической работой учащихся с учебным словарём по поиску и извлечению из него информации о словах и выражениях при выполнении упражнений на уроках русского языка.

Дидактический принцип научности означает, что учащимся предлагаются для усвоения прочно установленные в науке положения, и при этом используются методы обучения, близкие по характеру с методами науки, основы которых изучаются. Если учебные словари русского языка для различных этапов обучения, разрабатываемые с учётом научных достижений современной лингвистики, лингводидактики и учебной лексикографии, будут характеризоваться строгим научно-методическим отбором словника и в структуру их словарных статей будут включены научно обоснованные в лингвистике грамматические характеристики, парадигматические и синтагматические свойства слов, учащиеся в процессе их использования на уроках русского языка смогут получать наиболее правильные и научно-обоснованные ответы.

Одним из основных дидактических принципов, реализуемых в процессе использования учебного словаря, является принцип наглядности. Как известно, учебный словарь является эффективным средством наглядного показа грамматических характеристик, парадигматических и синтагматических свойств слов, особенностей их функционирования в речи. Всесторонне может быть реализован принцип наглядности в процессе использования учащимися начальных курсов учебного картинного словаря русского языка, в котором рисунок составляет характерную особенность учебных словарей этого типа [5, с. 65].

В использовании словарей студентов турецких вузов может быть реализован также принцип учета индивидуальных особенностей учащихся. Работа учащихся с тем или иным типом словаря, в частности, с учебным словарем для конкретного этапа обучения должна быть организована с учетом возраста, степени подготовленности к самостоятельной работе учащихся, их уровня владения языком, степени сформированности умений и навыков работы со справочной лингвистической литературой. Учёт индивидуальных особенностей учащихся реализуется в организации работы по формированию умений и навыков пользования словарями на каждом конкретном этапе обучения, в определении содержания работы с каждым конкретным типом словаря, в подборе упражнений с использованием словарей, учебного материала, на базе которого осуществляется обучение работе со словарями и т. д.

Значение работы со словарями трудно переоценить. В процессе их использования не только обогащается словарный запас учащихся, закрепляются языковые знания, но и вырабатываются жизненно необходимые умения и навыки самостоятельной работы со справочной литературой. Систематическое использование словарей в учебном процессе способствует формированию у учащихся учебно-информационных умений и навыков, входящих в основные общие учебные умения и навыки, подготавливают учащихся к овладению специальными приёмами собственно учебной деятельности, т. е. методами самообразования.

Литература

1. Быстрова Е. А. Словарь как компонент единого учебного комплекса для национальной школы. Теория и практика составления учебных словарей / Е. А. Быстрова. — М., 1978. — 261 с.
2. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии / П. Н. Денисов. — М., 1974. — 293 с.
3. Новиков Л. А. Учебная лексикография и ее задачи / Л. А. Новиков // Вопросы учебной лексикографии / под ред. П. Н. Денисова и А. А. Новикова. — М., 1969. — С. 196–143.
4. Морковкин В. В. Об одном способе синтеза системы учебных словарей и некоторые вопросы семантизации слов в словарях / В. В. Морковкин // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике / под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. — М., 1978. — С. 198–223.
5. Самедов О. А. Лингводидактические основы использования учебных словарей в обучении русскому языку в национальной школе: дис. ... канд. пед. наук / О. А. Самедов. — М., 1986. — 136 с.
6. Редькин В. А. Актуальные проблемы учебной лексикографии / В. А. Редькин. — М., 1977. — 320 с.
7. Розенталь Д. Э. Комплексный учебный словарь русского языка / Д. Э. Розенталь // Русский язык зарубежом. — 1971. — № 4. — 75 с.

Ертонга Соннур,
викладач відділення російської мови та літератури Анатолійського університету; Ескішехір, Туреччина;
e-mail: sonnurertonga@anadolu.edu.tr; тел.: +90(222)33-50-580; моб.: +90-542-28-08-933

ПРОБЛЕМА СТВОРЕННЯ НАВЧАЛЬНОГО СЛОВНИКА З РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ДЛЯ СТУДЕНТІВ ТУРЕЦЬКИХ ВУЗІВ

Анотація. У статті йдеться про лінгводидактичні основи складання та використання навчального словника російської мови як дидактичний засіб у процесі навчання російській мові в університетах, у тому числі в турецьких вузах. У сучасній лінгводидактиці словник як один з видів довідкової лінгвістичної літератури отримав статус одного з компонентів навчального комплексу, використання якого у процесі навчання російській мові є не тільки доцільним, а й обов'язковим. Однак компонентом навчального комплексу може бути не кожен словник, який має певні потенційні можливості застосування у процесі навчання, а лише спеціальні посібники навчального характеру, основним і головним призначенням яких є навчання мові. Наш досвід свідчить про те, що відсутність подібного посібника не дозволяє сприймати навчальний комплекс як цілісну систему засобів навчання. У зв'язку з цим у статті розглядаються проблеми складання та систематичного використання навчального словника російської мови у процесі навчання російській мові в турецькому вищому навчальному закладі.

Ключові слова: лінгводидактика, навчальний словник, російська мова як іноземна, методика.

Sonnur Ertonga,
lecturer of the Russian Language and Literature Department of Anadolu University; Eskisehir, Turkey;
e-mail: sonnurertonga@anadolu.edu.tr; tel.: +90(222)33-50-580; mob.: +90-542-28-08-933

THE PROBLEM OF COMPILING A RUSSIAN EDUCATIONAL DICTIONARY FOR STUDENTS OF TURKISH UNIVERSITIES

Summary. The article discusses linguodidactic basics of compilation and use of an educational dictionary of Russian as educational means while teaching Russian at universities, Turkish high schools inclusive. Modern linguodidactics considers the dictionary to be a type of linguistic reference book whose use is regarded as not only necessary, but compulsory in the process of teaching Russian, due to the educational character of the former. However, not every dictionary with a certain potential for its use in the teaching process can be part of an educational complex, but only a special manual aiming primarily at language teaching. The absence of such manual doesn't allow taking the educational complex as an integral system of teaching means. Owing to the fact mentioned, the article looks at the ways of compiling and systematic use of the Russian language educational dictionary while teaching Russian.

Key words: linguodidactics, educational dictionary, the Russian language, methods of teaching.

Статтю отримано 25.10.2013 р.

РЕЦЕНЗІЇ

Сапрыгина Н. В. Психолінгвістика художественного текста: коммунікація автора і читателя: [монографія] / Ніна Вадимовна Сапрыгина. — Одеса: Астропринт, 2012. — 336 с.

Saprygina N. V. Psicholingvistika khudozhestvennogo teksta: kommunikatsiya avtora i chitatelya: [monografiya] / Nina Vadimovna Saprygina. — Odessa: Astroprint, 2012. — 336 s.

Новая монографія Н. В. Сапрыгиной «Психолінгвістика художественного текста: коммунікація автора і читателя» посвящена актуальній проблемі вивчення психолінгвістических закономірностей мовної коммунікації. На перший план виступає міждисциплінарна проблема розуміння, поглиблюючи значительне розвиток в лінгвістических дослідженнях останнього часу.

Обзор літератури, запропонований автором в першій главі, присвячений науковим роботам, стосуючись до вивчення феномена коммунікації з різних позицій, — породження і розуміння повідомлення, сприйняття і впливу тексту. Як відомо, філософська ідея про те, що читання художественного твору є діалогом письменника з читачем, вперше була висказана Гегелем. В дальнішому її розвивали Д. Н. Овсянко-Куликовський, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинський, М. М. Бахтін і др. Першим, хто заговорив про існування системи «автор — текст — читач», про необхідності експериментального вивчення взаємозв'язку автора, твору і читача, був Н. А. Рубакін. Опіраючись на достатньо цільну репрезентацію теоретического насліддя, Н. В. Сапрыгина формує свою методику вивчення художественної коммунікації, в основі якої лежить семантико-смысловий принцип, включаючий елементи лінгвокогнітивного і лінгвопсихологіческого аналізу мовних одиниць. Таким чином, головною задачею вивчення системи «автор — текст — читач» дослідниця бачить в необхідності інтеграції даних про її окремі компоненти в єдине ціле.

При розробці оригінальної концепції коммунікативного взаємодіяння в системі «автор — текст — читач» автор монографії опірається на дослідження, які виявляли в феноменах коммунікації системність. Виявлення нових значень, як особистих (для вивчення взаємозв'язку особистості і породжуємого їм твору), так і суспільно значимих (при вивченні класики), дозволило смоделировать структуру рівневого і нерівневого взаємодіяння твору, читаческої активності і читаческого розуміння.

Актуальним для сучасної лінгвістики представляється метод семантико-смыслового аналізу повідомлення, який включає в себе пошук ключових сем і формулювання з їх допомогою значень окремих фрагментів твору. З допомогою інтегративного підходу автор монографії формує систему координатних метатекстових сем, дозволяючу визначити різні зв'язки між інформаційним квазіоб'єктом і смысловими полями розуміючого його суб'єкта, а також зв'язки всередині твору, виявлює суб'єктом. Реконструкції смыслових зв'язків в герменевтическому аспекті ілюструються порівнянням ключових опозицій «хороший / поганий», «вище / нижче», «тут / там», «зараз / потім», «свій / чужий».

Новий аспект наукового аналізу представлений в розв'язанні проблеми інтерпретації літературних творів. Біографіческі дані про письменників і обставини створення творів представляються як художественний діалог, в якому твір стає реплікою в міжособистій коммунікації.

Теоретическа новизна монографії Н. В. Сапрыгиной обумовлена розширенням термінологіческого апарату. Вперше в сферу філологіческого аналізу введені психологіческі категорії, направлені на виявлення герменевтическої сутності художественного твору (наприклад, поняття «не-читач»). На наш погляд, було б логічно складення приложіння, в якому б репрезентувалась система нових (або інтерпретуваних по-новому) термінів.

Наукова новизна рецензованої роботи зв'язана з розвитком семантико-смыслового аналізу твору в діалогіческій коммунікації. Вперше описані феномен виникнення художественного задуму як трансформація коммунікативного намірення і феномен зображення значимого іншого в вигляді прототипа героя твору.

Не менше інтересною є теорія «семантическої хвилі» лексического значення слова. Схема значення, по мненню автора монографії, є конструкт, зв'язки якого нагадують валентності атома або молекули. Заповнення схеми знаннями ідеє від конкретного (ощущення) до все більш висхідним рівням абстракції. В результаті прочтіння твору (пошукової діяльності читача) здійснюється поступове заповнення ячеек-фреймів інформацією в напрямленні від конкретного до абстрактного. Коннотативний макрокомпонент — це ступінь переходу від першого рівня до другому — коммунікативному, оскільки регламентує використання слова в породжуємом творі.

Теоретическі положення, викладені в монографії, підтверджуються багаторічним фактическим матеріалом: пропонується семантико-смысловий аналіз «Пісні про речі Олега» А. С. Пушкіна, вияв-

ляется психологический подтекст «Песни про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, описывается лингво-герменевтический портрет прототипов в рассказах А. Грина и т.п.

В заключение еще раз подчеркнем, что монография Н. В. Сапрыгиной представляет собой законченное научное исследование, обладающее большой теоретическо-практической значимостью, которое заинтересует и филологов, и психологов.

Герасименко Ирина Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков Донбасского государственного педагогического университета; Горловка, Украина; тел.: +38(06242)4-65-89; почтовый адрес: ул. Рудакова, 25, г. Горловка, Донецкая обл, Украина, 84626.

Gerasimenko Irina Anatolievna,

Grand PhD in Philological Sciences, Prof., Chief of the General Linguistics and Russian Language Department of Gorlivka Foreign Languages Institute, Donbass State Normal University; Gorlivka, Ukraine; Gorlivka, Ukraine; tel.: +38(06242)4-65-89; Post address: 25, Rudaкова str., Gorlivka, Donetsk region, Ukraine, 84626.

Рецензію отримано 10.09.2013 р.

Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (на материале категорий и лексико-грамматических разрядов имени): [монография] / Елена Александровна Скоробогатова. — Харьков: НТМТ, 2012. — 480 с.

Skorobogatova Ye. A. Grammaticheskie znacheniya i poeticheskie smysly: poeticheskiy potentsial russkoy grammatiki (na materiale kategoriy i leksiko-grammaticheskikh razryadov imeni): [monografiya] / Yelena Aleksandrovna Skorobogatova. — Kharkov: NTMT, 2012. — 480 s.

Рецензируемая монография посвящена изучению грамматического уровня поэтической речи. Её актуальность определяется той значительной ролью, которую играет грамматика в формировании семантики и выразительности поэтического текста. Несмотря на уже известные работы (И. А. Ионовой, А. И. Гина, Л. В. Зубовой), посвящённые этому вопросу, в целом, проблема остаётся мало исследованной. Это объясняется автоматизмом, присущим функционированию морфологических единиц в речи, и трудностью выделения собственно морфологической семантики в таком сложном явлении, которым является поэтическое слово.

Хорошо продумана структура работы. Детально представлена история вопроса. Автор развивает идеи лингвопоэтической школы В. П. Григорьева и И. И. Ковтуновой, применив их к морфологическому материалу. Теория лингвопоэтики обогащается анализом стиховых и морфологических взаимодействий.

Первая часть монографического исследования посвящена теоретическим проблемам описания художественного потенциала именных морфологических категорий. В работе автор опирается на две аксиомы: аксиому лингвостиховой осцилляции и аксиому внутренней формы. Аксиома лингвостиховой осцилляции утверждает, что в структуре поэтического текста возникает сложное взаимодействие между факторами языка и стиховыми факторами. Аксиома внутренней формы гласит, что поэтическая языковая единица несёт в себе потенциал, заложенный всеми предыдущими употреблениями этой единицы.

Эти положения обуславливают необходимость теоретического обращения как к факторам стиховым, так и факторам морфологическим, определяющим выбор граммем и их сочетаний для передачи того или иного поэтического содержания, поэтому в первой части подробно рассматриваются стиховые и морфологические основания поэтики морфологических категорий и разрядов.

Плодотворным представляется авторский подход к поэтическому материалу во второй и третьей частях монографии. Если во второй части рассматриваются художественные возможности морфологической семантики имени, то в третьей — способы актуализации этой семантики в поэтическом тексте и пути преобразования морфологической семантики в поэтические смыслы. На материале стихотворного текста с необыкновенной наглядностью прослеживается связь общезыковой семантики грамматических единиц, составляющих категорию, с экспрессивно-выразительной их реализацией и способностью создавать особые смыслы, которые в одних случаях носят общепоэтический характер, в других — идиостилевой, и наконец, могут создавать окказиональные смыслы и значения, характерные только для одного произведения.

Особое внимание в рецензируемой работе отводится нарушению грамматической нормы частей речи. Детально проанализирован образный морфологический потенциал имен собственных, отражающий процесс языковой бифуркации — раздвоение значения на онимное и апеллятивное. Оними

регулярно выступают как локально-темпоральные, культурные или дискурсивные маркеры. Особенно ярко это проявляется при онимном отборе и в различных онимных комбинациях. Происходит межтекстовая и межсобытийная перекличка, выделение путем соположения онимов сходных тем, мотивов, персонажей, ситуаций. Кроме того, внутритекстовое соположение оним — апеллатив связано с прояснением внутренней формы, паронимическими отношениями, языковой игрой. К регулярным соположениям относятся: соположение онима с мотивирующим апеллативом; перевод иноязычных имён и их соположение с соответствующим русским нарицательным или соположение без перевода; соположение онима с созвучным словом или сочетанием слов; соположение с апеллативом контекстуальных онимов, индивидуализированное значение которых закреплено в определенном дискурсе или связано с художественными задачами данного текста. Думаем, эта часть монографии имеет большое значение для развития ономастической теории в современной лингвистике.

Научную новизну работы представляет описание ряда регулярных способов выделения в рифмованном тексте грамматических значений, основанных на внутритекстовом и межтекстовом взаимодействии морфологических единиц; анализ продуктивных способов текстовой актуализации морфологических значений. Интересным в этом направлении является изучение роли морфологических соположений в формировании выразительных эффектов и художественных смыслов. Позиции однокоренных грамматических единиц по отношению друг к другу и локализация морфологических соположений в лирическом тексте как целостного единства рассматриваются Е. А. Скоробогатовой с учётом закона единства и тесноты стихового ряда.

Анализ материала позволил автору сделать логичное заключение о том, что бинарное и многочленное, контактное и дистантное соположение частеречных оппозиций усиливает корневое значение и выделяет со- или противопоставленные грамматические общекатегориальные значения. Мифопоэтической универсалией является поэтико-грамматический лейтмотив колебания рода при назывании сущностей, принадлежащих ирреальному миру. С ним связан мотив колебания категории одушевлённости.

Теоретически значимыми, на наш взгляд, представляются и выводы о взаимодействии эстетики грамматических категорий и идейно-тематической канвы художественного произведения. Как подчеркивает автор монографии, традиционный характер носит грамматическое соположение существительных мужского и женского рода в произведениях, основанных на олицетворении, в которых представлен мотив неразделенной любви или невозможности соединения влюбленных. Мотив одиночества в русской поэзии связан с отбором граммем единственного числа и грамматическим устройством одночисловых сингулярных стихотворений и стихотворений с сингулярной доминантой. Текстовая парадигмальная полнота наборов граммем рода и падежа связана с мотивом предметно-пространственной полноты и всеохватности представленного.

Таким образом, вторая часть монографии разрабатывает основы поэтической морфологии имени, а третья — морфологической поэтики русского стихотворного текста. Предложенный комплексный взгляд на проблему является новым, оригинальным и, как показывает исследователь, очень продуктивным.

Выводы и основные теоретические обобщения базируются на богатом фактическом материале. Е. А. Скоробогатова анализирует поэзию (в основном, лирическую) 120 русских поэтов XIX—XXI вв.: в книге звучат стихотворные произведения И. Анненского, П. Антокольского, Е. Баратынского, И. Бродского, А. Гулага, А. Дельвига, Е. Евтушенко, С. Есенина, О. Мандельштама, Б. Пастернака и др. Многообразие иллюстративного материала придает исследованию объективный характер и делает результаты исследования убедительными и непротиворечивыми.

В заключение заметим, что монография Елены Александровны Скоробогатовой оставляет весьма положительное впечатление благодаря новаторскому подходу к интерпретации языковых явлений, основанному на современных достижениях изучения лингвистического материала, и служит базой для дальнейших научных перспектив как самого автора, так и её сторонников.

Петрова Луиза Александровна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: nlla@mail.ru; тел.: +38-095-210-47-31

Petrova Luiza Aleksandrovna,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor, Chief of Department of the Russian Language, Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: nlla@mail.ru; тел.: +38-095-210-47-31

Рецензію отримано 14.09.2013 р.

Яроцкая Г. С. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре : [монография] / Галина Сергеевна Яроцкая. — Одесса : Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, 2013. — 552 с.

Yarotskaya G. S. Axiogenez ekonomicheskogo soznaniya v russkoy lingvokulture : [monografiya] / Galina Sergeevna Yarotskaya. — Odessa : Odesskiy natsionalnyy universitet im. I. I. Mechnikova, 2013. — 552 s.

Пристальное внимание лингвистов к антропоцентрическому фактору в языке обусловило развитие ряда направлений в изучении языкового сознания — типологического, культурологического, сравнительно-сопоставительного и др. В последнее время, кроме реконструкции «наивной» картины мира как объективации обыденного сознания, актуализировались исследования факторов, которые способствуют видоизменению языкового сознания и адаптации его к нуждам и потребностям современного человека. Монография Г. С. Яроцкой относится к их числу и потому представляется весьма своевременной, несмотря на то, что посвящена анализу исторических корней и эволюции экономического языка русского этноса.

Научная новизна работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, автор впервые рассматривает экономическое сознание как концептуальную систему, которая организуется в результате взаимоотношений логико-рациональных, образно-оценочных и ценностных компонентов, выраженных лексическими единицами, и типов их пересечения с ментальными экспликаторами. Во-вторых, в монографии предпринята попытка раскрыть аксиологический потенциал экономических концептов в исторической перспективе, выстроить эволюционно-семиотические ряды ключевых концептов экономики. Такой подход, на наш взгляд, выявляет новое исследовательское направление с вытекающими отсюда последствиями в виде особого метода изучения языкового сознания (в частности, его « аксиологического уровня », преобразующего структуры реальности в вербальные формы).

Первая глава «**Языковая репрезентация ценностной динамики экономического сознания: лингво-концептологическое исследование**» посвящена анализу основных лингвистических концепций и взглядов на языковое сознание и объективацию экономической концептосферы в лингвокультуре. Важно подчеркнуть широту и глубину библиографического экскурса в описываемую проблему. Опираясь на труды классиков (В. Фон Гумбольдт, Л. Витгенштейн, А. А. Потебня, Б. Л. Уорф и др.) и современные исследования (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Вежицкая, С. Г. Воркачёв, А. А. Залевская, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Е. А. Селиванова, Л. А. Петрова, Т. С. Пристайко, А. Н. Приходько, И. А. Стернин, Г. Г. Слышкин, Т. Б. Радбиль, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлева и др.), автор монографии анализирует сформировавшиеся в языкознании направления изучения языкового сознания, концепта и лингвокультуры. Можно согласиться с исходным тезисом о том, что аксиосистема экономической концептосферы, объективируемая в конкретных языковых единицах и речевых произведениях, выполняет ориентационно-регулятивные функции в сфере экономического поведения этноса в целом, и носителей данного коллективного сознания и лингвокультуры, в частности.

В монографии убедительно показано, что национально-культурное своеобразие экономической концептосферы этноса состоит в специфичности набора ее ценностных доминант, особенностей их структуры и иерархии и может быть выявлено посредством анализа фактов языковой объективации экономических концептов.

Значительную роль в формировании аксиосистемы русского экономического сознания, по мнению Г. С. Яроцкой, играют ценностные компоненты, воплощенные в семантике языковых репрезентантов экономических протоконцептов: ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ, ВЫГОДА, БЕДНОСТЬ / БОГАТСТВО, СОБСТВЕННОСТЬ и др. Вербализация экономической концептосферы в исторической перспективе рассматривается как ценностно-мотивированное динамическое единство архаических, исторических и современных лексико-фразеологических средств — экспликаторов смысла, относящегося к хозяйственной деятельности человека, которые, будучи подчинены определенным принципам отбора и употребления в тексте, обусловлены национальным видением мира, и прежде всего, его ценностной основой. В связи с этим, на наш взгляд, в работе следовало более четко определить хронологические границы исследуемых экономических протоконцептов, обратить внимание на статистические данные их репрезентантов.

Неоспоримым является вывод автора монографии о том, что лингвокультурные концепты подвержены эволюции и инволюции, состоящей не только в смысловом расширении / сжатии, соответственно, но и в изменении ценностного вектора концептуализации. Эти изменения в известной мере соответствуют описанным в лингвистической литературе процессам расширения, сужения и модификации значения слов. Но поскольку концепты являются фактами индивидуального и коллективного сознания, представляется правомерным, по мнению автора, рассматривать смысловые изменения в двух аспектах: соотношение между индивидуальным и коллективным пониманием концепта и между исходным и развивающимся содержанием концепта.

Поскольку объектом исследования является эволюция ценностно-нормативной системы древнерусского экономического сознания, для выявления инвариантной составляющей аксиогенеза (процесса становления и развития ценностных доминант экономического сознания) во второй главе исследования автор анализирует языковые факты объективации обыденного и богословского модусов экономического

сознания. С целью построения иерархической модели экономического фрагмента аксиосферы древнерусской и церковнославянской лингвокультур Г. С. Яроцкая обращается к интерпретации текстов русской народной сказки (обыденный модус) и текстов Священного Писания (богословский модус), так как изучение системно-языковой (лексикографической) и текстовой реализаций экономических протоконцептов делает возможным не только сопоставление данных разных уровней языковых репрезентаций, но и позволяет автору прийти к интересным и обоснованным выводам о значительной идеологизации обыденного модуса древнерусского экономического сознания под воздействием церковнославянской лингвокультуры.

Третья глава посвящена анализу языковой репрезентации ценностей экономической концептосферы христианского (допетровского) периода на системно-языковом и коммуникативном уровнях. Интересным представляется паремический материал, иллюстрирующий приоритеты обыденного экономического сознания носителей древнерусской лингвокультуры.

Г. С. Яроцкая определяет ценностные ориентиры обыденного модуса экономического сознания на основании номинативной плотности образно-оценочной лексики, вербализирующей экономические протоконцепты, (системно-языковой уровень), и анализа ценностно-нормативных суждений русского паремического фонда и текстов русской народной сказки.

Исследователь анализирует семантические преобразования, лежащие в основе функционирования лексических единиц, объективирующих экономическое концептуальное пространство «экономика» в сознании носителей древнерусской лингвокультуры, и это позволяет автору сделать выводы о противоречивости системы ценностных иерархий русского коллективного сознания.

Монография Г. С. Яроцкой построена на солидном методологическом фундаменте, содержит в своей основе проверенные временем общелингвистические принципы, ориентируется на связь языковых фактов с социокультурным контекстом.

Лингвокультурологический анализ языковых фактов, объективирующих экономический фрагмент национальной концептосферы, включает, по мнению автора исследования, интерпретацию наивно-экономического (хозяйственного) и институционального опыта, ценностные, психологические и собственно когнитивно-экономические установки субъектов экономического сознания.

Предложенный в работе подход к анализу национальной аксиосферы представляется перспективной задачей, начало разработки которой успешно положено в рецензируемой монографии в рамках концептуальной лингвокультурологии.

Монография Яроцкой Г. С. «Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре» представляет собою целостное, самостоятельное, оригинальное исследование; она носит концептуальный характер и содержит выводы, которые имеют теоретическую и практическую ценность.

Считаю, что данная монография будет интересна учёным, занимающимся проблемами изучения языкового сознания, преподавателям, аспирантам, студентам филологических и культурологических специальностей высших учебных заведений, всем, кто интересуется лингвистикой, культурологией и экономической психологией.

Теркулов Вячеслав Исаевич,
доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Донецкого национального университета;
Донецк, Украина;
e-mail: terkulov@rambler.ru; тел.: +38-050-677-85-71

Terkulov Vyacheslav Isaevich,
Grand PhD in Philological Sciences, Professor, Chief of the Russian Language Department of Donetsk National University;
Donetsk, Ukraine;
e-mail: terkulov@rambler.ru; тел.: +38-050-677-85-71

Рецензію отримано 20.11.2013 р.

Українською та російською мовами

Свідоцтво про реєстрацію в Державному комітеті телебачення і радіомовлення України КВ № 8932 від 6 липня 2004 р.

Часопис «Мова» Постановою президії ВАК України № 1-05/6 від 12 червня 2002 р. включено до переліку № 10 наукових фахових видань України. Перереєстровано Постановою президії ВАК України № 1-05/8 від 22.12.2010 р.

Рекомендовано до друку Вченою радою ОНУ

Тираж 200 прим. Зам. № 195(45).

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26,
вмн. 111, 113, Одеса, Україна, 65058
Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77;
Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14
E-mail: stepanov.odessa@gmail.com; nla@mail.ru

Видавництво і друкарня «Астропринт». 65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

ISSN 2307—4558. Мова. 2013. № 20. 1—236.